Археографический ежегодник

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 2003 ГОД

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2004

inslav

УДК 930
ББК 63(2)
А87

8(п)
А-87
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО Я
БИ-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН
91739

Ответственный редактор
академик Российской академии образования С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:
Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь), М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, В.П. КОЗЛОВ, А.В. МЕЛЬНИКОВ, Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ, Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензент
доктор исторических наук В.А. МУРАВЬЕВ

Археографический ежегодник за 2003 год / Отв. ред. С.О. Шмидт; Археограф. комис. – М.: Наука, 1957– . –
2003. – 2004. – 416 с. – ISBN 5-02-010299-7 (в пер.).

Ежегодник содержит материалы по археографии, архивоведению, источниковедению, историографии отечественной истории. Публикуются статьи: к юбилеям Архива РАН и кафедры источниковедения МГУ, о государственной наградной системе Украины, о реконструкции книжных собраний XVI в., о коллекции рукописных русских материалов в Библиотеке Конгресса США, о Русском провинциальном некрополе; описания личных архивов ученых – историков И.Д. Ковальченко, Л.В. Ивановой, материалы о поэте Л.Д. Семенове, историке-архивисте И.Л. Маяковском, доклады на "Тихомировских чтениях", хроникальные заметки. В Приложении к настоящему тому готовятся к печати отдельной книгой доклады конференции, посвященной 70-летию со времени кончины академика С.Ф. Платонова, и другие материалы о его жизни и деятельности.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек и музеев, краеведов, преподавателей и студентов.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-010299-7

© Коллектив авторов, 2004
© Российская академия наук и издательство "Наука", продолжающееся издание "Археографический ежегодник" (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2004

inslav

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.Ю. Афиани

АРХИВУ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК – 275 ЛЕТ*

Архив Российской академии наук, созданный в XVIII в., развивался на протяжении трех веков[1]. За 275 лет истории он пережил несколько эпох в своем развитии. И каждая эпоха вносила что-то свое, новое в его жизнь. В начале нынешнего столетия уместно попытаться подвести некоторые итоги деятельности Архива с тем, чтобы, исходя из его истории и современных задач, определить перспективы его развития в XXI в.

История Архива самым тесным образом связана с историей Академии наук. Условия, формы и методы деятельности Архива, их изменения в разные эпохи во многом определялись местом Академии в социокультурном и научном пространстве.

Создание архива в молодой тогда еще Санкт-Петербургской академии наук и художеств нужно рассматривать в русле петровского "Генерального регламента" 1720 г., где впервые появилось европейское наименование особой части канцелярии – архив, и учреждалась должность архивариуса. По "Генеральному регламенту" "книги, документы, дела, учиненные регистратуры, когда оные три года в канцелярии и в канторе лежали, потом в архив с роспискою архивариусу отдаютца"[2]. В 1728 г., кстати сказать, пришло время сдавать документы текущего академического делопроизводства в архив.

---

* В основе статьи – доклад на совместном научном заседании Археографической комиссии РАН, Института истории естествознания и техники и Архива РАН, посвященном 275-летию Архива РАН (хронику заседания см. в наст. изд. С. 385–392).

[1] Подробнее об истории и деятельности Архива Академии наук см.: *Князев Г.А.* Научные ценности за два века: Архив АН СССР // ВАН СССР. 1931. № 9. Стб. 35–46; *Он же.* Архив АН СССР // Там же. 1937. № 10/11. Стб. 291–295; *Он же.* Научные ценности Архива АН СССР // Там же. 1945. № 5/6. С. 236–247; *Левшин Б.В.* Архив Академии наук СССР (К 250-летию) // СА. 1974. № 2. С. 93–97; *Он же.* Архив Академии наук. М., 1975; *Он же.* Деятельность Архива АН СССР в годы Великой Отечественной войны // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 142–148; *Он же.* Архиву Академии наук – 250 лет // Общественные науки. 1978. № 1. С. 178–180; 250-летие Архива Академии наук СССР // ВАН СССР. 1978. № 7. С. 93–101; *Левшин Б.В.* М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 191–198; *Он же.* История академических учреждений. Первый научный архив России // Вестн. РАН. 1995. Т. 65. № 3. С. 242–250; *Он же.* Архив Российской академии наук в структуре архивных учреждений Российской Федерации // The Sciences Archives in the European Integration: Materials of the International Conference. Warsaw. Poland, 2–3. XII. 1999. Warsaw, 2000. P. 47–55; К 275-летию Архива Российской академии наук: "...драгоценный для истории науки Архив..." [*Левшин Б.В.* Доклад "Основные этапы деятельности и перспективы дальнейшего развития Архива АН СССР (250 лет Архиву Академии наук СССР)"] / Подг. Н.М. Осипова // ВА. 2003. № 1. С. 254–267; № 2. С. 172–190.

[2] Генеральный регламент // Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. М., 1910. С. 12–33; Цит. по: *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях. С. 505.

inslav

Не случайны и другие хронологические совпадения. Отъезд первого президента Академии наук, лейб-медика Л. Блюментроста в Москву в начале того же года вместе с императором Петром II и его двором вызвал необходимость внесения изменений в управление Академией, в том числе и в организацию делопроизводства и хранения документов. Так, 6 января 1728 г. "по указу его императорского величества" был "определен" к архиву студент – будущий знаменитый историк Г.Ф. Миллер, одновременно с поручением ему "сочинять немецкие куранты"[3], ставшие первым научным журналом в России.

Архив первоначально возник, конечно, не как самостоятельное и, тем более, научное учреждение, а как структурно обособленная часть канцелярии. Этим определялись особенности деятельности Архива в *первую эпоху* его истории. Он создан был в практических целях для хранения протоколов заседаний Конференции (на которых академики обсуждали научные проблемы), "ученой корреспонденции", научных работ. Эти документы стали поступать в Архив Конференции – фолианты переплетенных протоколов, рукописи трудов ученых И.Г. Гмелина, Х. Гольдбаха, Г.В. Рихмана, Л. Эйлера и других, материалы многочисленных академических экспедиций на Камчатку, по Западной и Восточной Сибири, Дальнему Востоку, Алтаю, Уралу, Кавказу, исследовавших природу и историю России, письма знаменитых иностранных ученых века Просвещения – Г.В. Лейбница, Д. Бернулли, Ж.Л. Д'Аламбера, Д. Дидро, П. Лапласа и др.

С начала существования Архива это и определило его двойственную природу. С одной стороны, это был Архив, предназначенный для хранения организационно-распорядительных документов, а с другой, – в нем хранилась научная документация. Тесная связь такого типа Архива с текущим делопроизводством руководящих органов Академии сохранялась на протяжении всей его истории. Штатный сотрудник Архива должен был одновременно заниматься делопроизводством, ведением протоколов, копированием документов. И несмотря на то, что его возглавлял такой выдающийся историк и архивист, как Г.Ф. Миллер, в те годы деятельность Архива в Академии не была особенно заметна. Во всяком случае, он даже не упомянут в первом на русском языке очерке истории Академии, изданном в 1741 г. По символическому совпадению первый академический архивариус Г.Ф. Миллер объединил в своей деятельности ведение делопроизводства Конференции, хранение документов, розыскание исторических документов, в том числе во время научных экспедиций, публикацию исторических сведений и исследований и популяризацию научных достижений Академии в периодической печати. К этому комплексному подходу, охватывающему разные направления архивной работы, Архиву предстояло идти многие десятилетия.

Тем не менее в Академии значимость Архива понималась и в начальный период его существования. Об этом свидетельствует тот факт, что в первом академическом уставе 1747 г. устанавливалось, что руководить Архивом является обязанностью конференц-секретаря Академии. Он должен содержать "в порятке все ученые письма и изобретения от академиков, и без росписки никому из архива ничего не выдавать, также корреспонденцию с учеными людьми и все ордеры или указы, которые президент, а в небытность его канцелярия пришлет, содержать в порятке. И для того надобен при секретаре архивариус"[4]. Документы, хранившиеся в Архиве, начали использоваться еще

---

[3] СПб ФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Л. 10.
[4] Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М., 1999. С. 54–55.

inslav

в XVIII в., по ним, в частности, составлялись исторические справки и первые сочинения по истории Академии. С материалами Архива работали и некоторые академические профессора. Тогда же началось описание документов.

С середины XIX в. история Академии – ведущего научного центра в России, стала все больше привлекать внимание исследователей. На материалах Архива П.П. Пекарским (1870–1873) написан труд по истории Академии, многотомная "История Российской Академии наук" (1865) под редакцией М.И. Сухомлинова, подготовлены "Сборники документов для истории Академии наук" (1865), "Материалы для истории Императорской Академии наук". Трудами П.П. Пекарского, А.А. Куника, П.С. Билярского, В.И. Ламанского, М.И. Сухомлинова в научный оборот был введен огромный массив архивных документов по истории Академии. Б.В. Левшин справедливо назвал это явление "вторым открытием Архива"[5].

Архив Конференции не был единственным в Академии. Одновременно с ним существовал Архив Канцелярии, в котором хранилась хозяйственная и деловая документация. С образованием в 1803 г. Комитета правления Академии возник еще один архив. Эти архивы долгое время существовали обособленно. Академические учреждения (Библиотека, Кунсткамера, Пулковская обсерватория) также самостоятельно хранили свою документацию. Таким образом, в XVIII – начале XIX в. стала закладываться система архивных учреждений. С включением в состав Академии наук Российской академии на правах Отделения русского языка и литературы (2-го Отделения АН), в систему академических архивов вошел еще один архив.

Децентрализованное хранение документов руководящих органов Академии сохранялось на протяжении двух веков. Объемы документации, откладывавшейся в деятельности руководящих академических органов, были невелики. Масштабы архивной деятельности соответствовали масштабам самой Академии, насчитывавшей несколько десятков членов. Документы хранились в шкафах в том же здании и в тех же помещениях, где располагались руководящие органы Академии. Такого рода хранение документов государственных учреждений было характерным явлением для всего архивного дела дореволюционной России.

Огромные перемены в жизни России и Академии начала XX столетия самым решительным образом сказались на положении Архива, определив новую эпоху его истории. Сложность положения Академии в первые послереволюционные годы, в противовес которой большевики создали свою Коммунистическую академию, привела, по-видимому, академическое руководство к мысли о необходимости сосредоточения документов академических архивов Конференции, Правления и Отделения русского языка и словесности. Это решение в определенной мере соответствовало политике большевиков по централизации архивного дела в стране.

Создание в 1922 г. единого Архива Российской академии наук положило начало процессу сосредоточения научной документации не только центральных органов Академии, но и архивов ученых, и становлению Архива как самостоятельного научного академического учреждения. Эта тенденция была закреплена в 1925 г., когда по решению СНК РСФСР Архив был признан научным учреждением, а в следующем году Президиум АН принял решение о хранении в нем рукописей и архивов членов Академии. Эти решения заложили необходимую нормативную базу для деятельности Архива в новых услови-

---

[5] ВА. 2003. № 1. С. 261.

inslav

ях. Во *вторую эпоху* деятельности Архив к своему 200-летнему юбилею получил здание на Васильевском острове, на берегу Большой Невы, рядом со зданиями, которые в разное время занимали руководящие органы Академии. Новому этапу развития Архива не помешало и то обстоятельство, что разгул сталинских репрессий конца 1920–1930-х годов затронул и его сотрудников. Заведующий Архивом А.С. Путилов попал в жернова репрессий по так называемому "академическому делу".

Новому заведующему и первому директору Архива АН СССР, выдающемуся архивисту и ученому Г.А. Князеву, удалось в 1930-е годы, несмотря на весь трагизм этого времени, развернуть деятельность Архива как научного учреждения. Шло его бурное комплектование фондами учреждений и ученых. Систематическая разработка документов Архива позволила организовать научно-исследовательскую работу. Архив стал выпускать "Труды" с "обозрениями архивных материалов", по которым исследователи впервые получили возможность ознакомиться с содержанием хранящихся в нем фондов[6]. Помимо обзоров архивных материалов, описей отдельных фондов и коллекций, в "Трудах" систематически публиковались архивные документы[7].

Переезд в 1934 г. в Москву Президиума АН СССР и других руководящих органов и институтов Академии привел к созданию Московского отделения Архива для хранения документов руководящих органов Академии и документов ликвидированной Комакадемии. Тогда руководство Архива, как и некоторых других академических учреждений, осталось в Ленинграде.

Новое расширение масштабов деятельности Академии в 1950–1960-х годы, создание системы академических учреждений и их архивов, вновь поставили вопрос о реорганизации Архива. В 1963 г. Президиум АН СССР принял решение о переводе дирекции Архива в Москву и преобразовании его части, остававшейся в Ленинграде, в Отделение. В 1984 г. было закончено строительство специализированного здания Архива в Москве, которое позволило на современном уровне обеспечить хранение и использование документов.

Архив Академии прошел путь от структурного подразделения руководящих органов Академии до самостоятельного научного учреждения. Несмотря на сложность развития академической науки в советское время, масштабы деятельности Академии чрезвычайно возросли. В соответствии с этим изменялся и Архив. Расширялась сеть академических учреждений, при которых создавались архивы, рос объем документов, принимавшихся на постоянное хранение в Архив АН СССР. В начале XX в. в Архиве хранилось полтора десятка фондов и отдельные архивы имелись в немногих существовавших тогда академических учреждениях. В 1960-е годы архивы были образованы в научно-исследовательских институтах, академических учреждениях и в академиях наук республик СССР[8]. Через два десятка лет, в 1988 г., сеть академиче-

---

[6] Архив Академии наук СССР: Обозрение архивных материалов. М.; Л., 1933–1986. Т. 1–8 (Труды Архива АН СССР. Т. 1, 5, 9, 16, 19, 24, 28).

[7] Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1933–1987. Т. 1–29.

[8] *Левшин Б.В.* Архивы Академии наук СССР // СА. 1967. № 5. С. 117–121; *Он же.* Архивное строительство в Академии наук СССР за 50 лет Советской власти и перспективы дельнейшего развития // Академические архивы за 50 лет Советской власти (Труды 1-го совещания архивистов Академии наук СССР и академий наук союзных республик 17–23 мая 1967 г.). М., 1968. С. 6–34; Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979; *Левшин Б.В.* Совместная работа академических архивов // Общественные науки. М., 1983. № 6. С. 179–183; *Он же.* Архив АН СССР и развитие архивов научных центров в союзных и автономных республиках // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 157–165.

inslav

ских архивных учреждений насчитывала уже 200 архивов, а Архивный фонд Академии наук СССР оценивался в объеме 3 млн единиц хранения[9]. Сейчас только в одном Архиве РАН хранится более 1700 фондов и около 1 млн единиц хранения.

В 1980-е годы было сформулировано принципиально важное теоретическое понятие *Архивного фонда АН СССР*, объединяющего все документальное наследие Академии наук, – составной части Архивного фонда страны. В соответствии с этим переосмысливались задачи Архива АН СССР как *научно-методического, координационного центра, контролирующего состояние делопроизводства и архивного дела* в системе академических учреждений. Решением Президиума АН СССР в 1987 г. эти новые функции Архива были закреплены юридически. В 1994 г. было утверждено новое Положение об Архивном фонде Российской академии наук[10]. Эти изменения обозначали начало новой, *третьей эпохи* в развитии Архива.

Значительно расширилось такое направление деятельности Архива, как публикация архивных материалов. Особенно плодотворными оказались связи Архива с редакцией "Научного наследия".

В конце 1980 г. получила дальнейшее развитие структура самого Архива. В московской части Архива была создана лаборатория по реставрации документов, в Ярославской области – отдел страхового документального фонда. В состав Архива была включена Лаборатория консервации и реставрации документов РАН в Ленинграде. В 1990-е годы Архив получил статус научно-исследовательского института и стал многофункциональным научным учреждением, осуществляющим хранение документов Архивного фонда РАН, ведущим научно-исследовательскую работу в области изучения документов по истории Академии, истории науки, архивоведения, археографии и источниковедения, обеспечения сохранности документов и повышения информативности документов.

Трудности переходного периода конца 1980–начала 1990-х годов, общие для академических учреждений, сказались и на Архиве РАН. Вставал вопрос о выживании Архива, как и других академических учреждений, возникали угрозы сохранности документального научного наследия Академии. Самые главные потери – кадровые – штаты Архива заметно сократились, ушел ряд опытных сотрудников.

В этот период произошли сбои в отлаженной в целом системе комплектования Архива. Не все академические учреждения и научно-исследовательские институты соблюдают нормативные сроки сдачи документов на постоянное хранение в Архив, не везде есть квалифицированные кадры для подготовки документов к сдаче. Свои трудности обозначились при комплектовании личными фондами действительных членов РАН, поступление их стало сокращаться. Реструктуризация учреждений РАН ставит перед Архивом сложные задачи по обеспечению сохранности и своевременной передаче на государственное постоянное и депозитарное хранение документов ликвидированных учреждений. Преобразование ряда хозяйственных академических учреждений в самостоятельные (СМУ, детские сады и

---

[9] Распоряжение Президиума АН СССР № 1411–598 от 22 апреля 1987 г. "О состоянии и развитии архивного дела Академии наук СССР и академий наук союзных республик". М., 1987. С. 1.

[10] См. распоряжение Президиума АН СССР от 22 апреля 1987 г. и постановление Президиума Российской академии наук № 125 от 21 июня 1994 г. "Об утверждении нормативных актов о совершенствовании архивного дела в Российской академии наук" (М., 1994. С. 4–10).

inslav

т.п.), в ряде случаев привело к утратам документации, имеющей важное социально-правовое значение. Это затруднило, а в некоторых случаях сделало невозможным подтверждение сведений о зарплате при оформлении бывшим работникам пенсий. Особенно тревожная ситуация может сложиться в Санкт-Петербурге в случае ликвидации каких-либо академических учреждений. Санкт-Петербургский филиал АРАН уже свыше 50 лет не комплектуется из-за отсутствия свободных площадей в хранилищах. Сокращение штатов негативно сказалось на работе по научно-методическому руководству постановкой делопроизводства и архивного дела в системе академических учреждений страны.

Новое время ставит и новые проблемы. Распространение компьютерной техники постоянно увеличивает объемы документации в электронном формате, начинается переход к электронному (безбумажному) делопроизводству. И это уже приводит к потерям информации. Есть факты, когда документация ученых советов некоторых институтов велась преимущественно в электронном формате и при сбое компьютеров или смене ученых секретарей советов, значительная ее часть оказалась утрачена.

Для обеспечения сохранности документов нужно думать об обновлении оборудования для хранения документов, в том числе разного формата и на разных носителях, оборудования по поддержанию оптимального температурно-влажностного режима.

Другая сложная проблема – организация страхового фонда на документы Архивного фонда РАН. Несмотря на организацию около 10 лет назад специального отдела Архива, его возможности не позволяют обеспечить необходимые темпы и масштабы работы. За прошедшие годы страховой фонд и фонд пользования создан только на 20 фондах московских хранилищ Архива. Одновременно начал вырабатываться ресурс оборудования для микрофильмирования, давно требующего замены в плановом порядке. В Санкт-Петербургском филиале, в отделе страхового документального фонда в Борке и в Москве ведутся работы по оцифровке архивных документов. Оцифровка особо ценных документов позволяет создать копию, до мельчайших деталей воспроизводящую оригинал. Такие копии особенно эффективны при создании фонда пользования. Трудоемкость процесса массового перевода документов и НСА в электронный формат делает настоятельно необходимой более четкую координацию работы различных структурных подразделений Архива.

В современных условиях, на наш взгляд, необходимо заново, на основе изучения проблемы, обратиться к анализу состава документов, сдаваемых на хранение академическими научно-исследовательскими и иными учреждениями. Традиционный состав передаваемой на хранение документации не в полной мере отражает, собственно говоря, научную сторону деятельности институтов, результаты проводимых исследований. Нужно продолжить исследовательскую и методическую работу по выявлению и учету новых видов и разновидностей научной документации, образующихся в деятельности руководящих органов Академии, научно-исследовательских учреждений и организаций РАН.

Широко известны "Обозрения" архивных материалов Архива АН СССР. В свое время они считались образцовыми. Но вышедшие восемь томов "Обозрений" охватывают только небольшую часть фондов. Изданы и другие полезные справочники[11]. Но в целом система научно-справочного аппарата Ар-

---

[11] Личные фонды ученых в Архиве АН СССР: Список. М.; Л., 1959; Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979.

inslav

хива не сформирована. Есть только необходимые, но отдельные ее звенья. До сих пор отсутствует такая важнейшая часть системы НСА, как путеводитель по фондам. Сейчас заканчивается работа по аннотации фондов, хранящихся в Москве, и в ближайшем будущем читатель, наконец, получит в руки такой справочник. После проведения аналогичной работы по фондам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива, будет создана целостная система НСА. Но это в перспективе. Задача на ближайшее время, очевидно, подготовить общий краткий справочник по всем фондам Архива РАН.

Следующий уровень информации о документах – описи. Силами Санкт-Петербургского филиала готовится электронная версия реестра описей. Очевидно, что все описи, или, по крайней мере, описи наиболее востребованных фондов, должны существовать в электронном формате. Но это только первый этап. Для облегчения использования документов архивистами и исследователями на следующем этапе на базе электронных версий описей необходимо будет продолжить начатую недавно работу по переводу описей в базы данных. В нынешнее время, конечно, и каталоги должны вестись в электронном формате. Опыт такой работы в Архиве уже имеется. На мой взгляд, большие перспективы для использования имеет база данных по документам учреждений Коммунистической академии. Работа над ней еще не завершена, но значительный задел уже существует.

В последнее время государственные архивы расширили выставочную деятельность и существенно повысили ее уровень. Это становится все более важным направлением в культурно-просветительской работе архивов. Усилиями государственных архивов, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики и других выставки становятся крупным событием отечественной, а часто и международной общественной и культурной жизни. Архивный документ представляется все более притягательным экспозиционным объектом и для широких кругов зрителей-неспециалистов. Это достигнуто, главным образом, благодаря новому комплексному подходу, сочетающему экспозицию архивных документов и музейных экспонатов. Архив имеет немалый опыт экспозиционной работы, в том числе участия в зарубежных выставках. Только в 2003 г. Архив принял участие в ряде крупных мероприятий, связанных со 150-летним юбилеем инженера В.Г. Шухова, в крупной выставке, подготовленной РГАЭ по истории нефтегазового комплекса России в XIX–XX вв. Ежегодно Архив предоставляет документы для выставок, организуемых Политехническим музеем, который с Архивом связывают давние и плодотворные узы. В соответствии с постановлением Президиума РАН на Архив возложена нелегкая задача подготовить выставку по истории российско-польских научных связей в Варшаве в рамках "Дней российской науки в Республике Польша" в октябре 2004 г. Расширение экспозиционной работы ставит в повестку дня оборудование выставочного зала в стенах Архива. Задача видится в том, чтобы экспозиционная деятельность стала закономерным этапом в комплексном изучении документов, включающем научное их исследование, создание баз и банков данных публикаций. Это повысит эффективность работы и ее научный уровень.

Российские архивисты традиционно отличаются от своих зарубежных коллег активным участием в археографической работе. И если среди архивистов происходят иногда дискуссии о целесообразности их участия в публикаторской работе, то для Архива РАН, имеющего статус научно-исследова-

inslav

тельского учреждения, этот вопрос не стоит. У Архива большие традиции в публикации документов по истории Академии, о деятельности выдающихся российских ученых. В 2004 г. сотрудники Архива заканчивают работу над рядом крупных проектов, тем важнее становится проработка перспективных направлений в публикации архивных документов. Учитывая недостаток квалифицированных специалистов-публикаторов, резервом для расширения публикаторской деятельности представляется объединение усилий со специалистами из научно-исследовательских академических учреждений, высших учебных заведений, федеральных архивов.

В области научно-исследовательской работы широко известны труды заведующего отделом истории РАН Б.И. Козлова по истории РАН и в области науковедения[12]. Исследовательский характер имеет и другая работа отдела по подготовке справочника по истории академических научных учреждений с 1917 по 1992 г. Но и здесь стоит задача – более полно реализовать статус научно-исследовательского института, шире развивать исследования в областях, заявленных в Уставе Архива по его профилю, в том числе в области источниковедения и архивоведения, на базе академических архивных собраний и научной документации.

Каждое направление деятельности Архива так или иначе выходит на проблему использования современных информационных технологий. Речь уже не идет о компьютеризации в традиционном смысле этого слова, когда только началось приобретение и освоение компьютерной техники в архивных учреждениях. Это первый этап. Он завершился или завершается. Речь идет о новом качестве. Архив должен рассматриваться как своеобразная, сложная информационная система, как центр сбора, хранения, обработки и распространения информации.

В зарубежной литературе высказываются прогнозы, что "в будущем можно представить себе архивиста прежде всего как организатора и поставщика информации, доходящей до широкого круга исследователей"[13]. Для архивов становится актуальным правильно определить долговременные потребности общества в ретроспективной информации. Для Архива РАН особенно важно учесть потребности ученого сообщества, направление и интенсивность информационных потоков в Архиве, определиться с наиболее эффективной операционной средой. Здесь Архив возлагает большие надежды на расширение и углубление нашего сотрудничества, прежде всего, с Институтом проблем передачи информации РАН, переход от совместной подготовки отдельных баз данных к более тесной кооперации, к системному подходу. В рамках этих задач ведется разработка сайта "Архивы Российской Академии наук". Удовлетворена заявка Архива на конкурс РГНФ о выделении гранта для организации локальной сети, которая свяжет все структурные подразделения и читальный зал. В перспективе необходимо планировать создание электронного каталога, а далее и компьютерный заказ дел из читального зала, и удаленный доступ к научно-справочным материалам и информационным ресурсам по Интернету. То есть всего того, что может еще показаться пока нереальным в современных условиях, но уже стало повседневной практикой работы во многих зарубежных архивах. Более детально развитие Архива РАН разрабатывается в новой версии концепции в Перспективном плане развития Архива на ближайшие 10 лет.

---

[12] *Козлов Б.И.* Академия наук СССР и индустриализация России. М., 2003.
[13] *Наленч Д.* Архивы в эпоху информационного общества // ВА. 2003. № 1. С. 239.

inslav

Архив выжил и, теперь перед нами стоит задача перейти от стратегии выживания к стратегии развития, чтобы реализовать накопленный потенциал, преодолеть трудности, унаследованные от прошлого. В ближайшей перспективе Архив РАН может и должен стать полигоном для апробирования и внедрения новейших технологий и оборудования в области обеспечения сохранности документов, использования методов современных архивных информационных технологий.

inslav

А.Г. Голиков

КАФЕДРЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ИСТФАКА МГУ – 50 ЛЕТ

В марте 2003 г. исполнилось полвека со времени создания в Московском университете первой в стране кафедры источниковедения. За это время ее окончили более 600 студентов, каждый третий из них защитил кандидатскую диссертацию, 30 стали докторами наук.

Инициатором создания кафедры и ее первым заведующим (1953–1962) был академик М.Н. Тихомиров. Вскоре после восстановления в 1934 г. в Московском университете исторического факультета он возглавил комиссию по источниковедению и историографии при кафедре истории СССР. Результатом работы комиссии стали подготовка программ этих учебных курсов и организация их преподавания. Были изданы учебные пособия[1].

Создание кафедры источниковедения позволило организовать преподавание в МГУ специальных исторических дисциплин на новом, качественно более высоком уровне. Этап становления кафедры приходится на 1953–1966 гг. В это время начал складываться состав ее учебных курсов, получили подготовку первые студенты и аспиранты, были заложены традиции организации работы коллектива. Одновременно с кафедрой источниковедения на базе прежней кафедры истории СССР были созданы три новые – периода феодализма, периода капитализма и периода социализма. В этих условиях возглавляемый М.Н. Тихомировым коллектив выступил в роли интегратора преподавания источниковедения отечественной истории на факультете. С 1957 г. А.В. Муравьев, С.И. Антонова и А.М. Панфилова начали читать этот курс как единый, охватывающий период с древнейших времен по XX в. включительно. Позднее лекции были дополнены практическими занятиями. При кафедре открылась библиотека.

Небольшой коллектив уже в первые годы наладил преподавание вспомогательных исторических дисциплин. Так, А.В. Муравьев, наряду с чтением лекций по источниковедению, вел занятия по палеографии, исторической географии, архивоведению, хронологии и метрологии; А.Н. Мальцев, наряду с исторической географией, преподавал палеографию, архивоведение и историческую библиографию. Л.В. Милов разработал и читал курсы археографии и славянской палеографии. В чтении лекций по архивоведению принимали участие также С.И. Антонова и В.С. Голубцов.

За 15 лет (1953–1968) по кафедре были защищены 70 дипломных работ и 7 кандидатских диссертаций. Среди первых аспирантов кафедры – ученики М.Н. Тихомирова – Н.Н. Покровский, Л.В. Милов, Л.М. Костюхина, А.Г. Кузьмин, А.И. Рогов.

---

[1] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР: Уч. пособие. М., 1940. Вып. 1: С древнейшего времени до конца XVIII в.; *Никитин С.А.* Источниковедение истории СССР. М., 1940. Вып. 2: XIX век.

inslav

В 1962 г. М.Н. Тихомиров оставил руководство кафедрой. В течение четырех лет обязанности заведующего исполнял доцент А.В. Муравьев. Он сумел сохранить уникальный коллектив и передать традиции его работы коллегам на новом этапе истории кафедры.

В 1966 г. кафедру источниковедения возглавил профессор (с 1987 г. академик) И.Д. Ковальченко. Незадолго до этого он защитил докторскую диссертацию по истории крепостного крестьянства в первой половине XIX в. Новый заведующий пригласил на кафедру В.И. Бовыкина, который завершил исследование о зарождении финансового капитала в дореволюционной России, и Ю.А. Мошкова – специалиста по аграрной истории советского периода. Так были существенно расширены хронологические рамки и проблематика научной работы кафедры. Вскоре коллектив пополнили аспиранты, успешно защитившие кандидатские диссертации: В.А. Плугин, С.В. Воронкова, А.К. Соколов, А.Е. Шикло. С начала 1970-х годов в штат преподавателей и научных сотрудников кафедры были зачислены в основном ее выпускники: Н.Б. Селунская, А.Г. Голиков, Г.Р. Наумова, Т.А. Круглова, Н.Г. Абрамова, А.В. Власов, Д.М. Володихин.

Под руководством И.Д. Ковальченко кафедра источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ превратилась во всесоюзный учебно-научный и методический центр изучения и преподавания проблем источниковедения, историографии и методов исторического исследования. В 1966–1991 гг. был существенно дополнен учебный план кафедры, совершенствовалось преподавание уже сложившихся курсов, по большинству дисциплин опубликованы программы, учебники, учебные пособия.

Курс "Источниковедение истории СССР" окончательно сложился как характеризующий основной корпус письменных источников X–XX вв. Этот подход был реализован в учебнике, подготовленном преподавателями кафедры[2]. Впервые в нем дан обзор важнейших источников по отечественной истории и охарактеризованы методы их научной критики. Одновременно со вторым изданием учебника коллектив кафедры подготовил четыре выпуска "Сборников документов для практических занятий по источниковедению истории СССР" (М., 1980–1987). В 1982 г. в МГУ состоялось всесоюзное учебно-методическое совещание преподавателей государственных университетов, читающих курс "Источниковедение истории СССР". В нем приняли участие представители 55 государственных университетов страны. Организаторы совещания – кафедра источниковедения МГУ и комиссия по историографии и источниковедению Научно-методического совета Минвуза СССР. В рекомендациях совещания отмечены успехи в преподавании курса источниковедения истории СССР в университетах страны и роль учебников и учебных пособий, созданных кафедрой источниковедения МГУ.

На кафедре сосредоточивается преподавание курса "Историография истории СССР". Этапы перестройки курса отразили программы (1974, 1979, 1987), изданные под редакцией И.Д. Ковальченко. Повышению эффективности преподавания способствовала, наряду с совершенствованием содержания лекций, организация семинарских занятий как постоянной формы учебной работы со всеми студентами кафедр отечественной истории, изданы два "Сборника материалов по истории исторической науки в СССР" (М., 1985; 1990).

---

[2] Источниковедение истории СССР. М., 1973; 2-е изд., пер. и доп. М., 1981.

inslav

В 1975 г. по инициативе И.Д. Ковальченко в учебный план исторического факультета были включены курсы "Методологические проблемы исторических исследований" и "Количественные методы в исторических исследованиях". Более чем 20-летний опыт преподавания этих курсов обобщен им в монографии "Методы исторического исследования" (М., 1987), за которую автор удостоен Государственной премии СССР. К 80-летию ученого издательством "Наука" эта монография переиздана в авторской редакции (М., 2003). По курсу "Количественные методы в исторических исследованиях" опубликовано подготовленное коллективом кафедры учебное пособие (М., 1984). Лекционный материал по этой дисциплине закрепляется на практических занятиях, которые проводятся для всех студентов-историков 2-го курса.

Введение новых учебных дисциплин, перестройка курсов источниковедения и историографии повлекли существенное изменение в цикле специальных исторических дисциплин, которые читаются студентам кафедр отечественной истории факультета. Курс палеографии в МГУ имеет давние традиции преподавания. В 1982 г. было переиздано учебное пособие М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева "Русская палеография". С учетом характера, целей и задач специализации по всем кафедрам отечественной истории курс палеографии дополнен разделом о внешних особенностях и письме документов XIX–XX вв.

Важным рубежом в становлении курса исторической географии как единого целого стало создание В.З. Дробижевым, И.Д. Ковальченко и А.В. Муравьевым учебного пособия "Историческая география СССР" (М., 1973). Впервые в советской историографии в нем дана обобщенная характеристика историко-географических условий развития Российского государства с древнейших времен по XX век включительно. Основное внимание авторы уделили проблемам взаимодействия человека и окружающей его среды на различных этапах цивилизации. Накопленный опыт чтения курса и направления его дальнейшего совершенствования стали предметóм обсуждения на Всесоюзном семинаре-совещании по преподаванию исторической географии в высшей школе (МГУ, 1974).

В 1970–1980-е годы на кафедре источниковедения было завершено формирование курса "Архивоведение отечественной истории". Он дает студентам целостное представление о закономерностях сохранения важнейших документов, зафиксировавших информацию о событиях и явлениях отечественной истории на протяжении X–XX вв., и предлагает методические рекомендации по поиску в архивах сведений, необходимых исследователю. Материал лекций закрепляется во время практики в архивах. В 1982 г. кафедра утвердила программу этого курса.

Необходимым элементом профессиональной подготовки студентов кафедры источниковедения являются специальные курсы, посвященные актуальным проблемам источниковедения, историографии, методов исторического исследования. Они дополняют цикл учебных дисциплин специализации, которые обязательны для всех кафедр отечественной истории ("Хронология и метрология", "Археография"), и знакомят студентов с научными разработками преподавателей кафедры источниковедения.

С 1966 по 1991 г. кафедру окончили около 400 студентов, получили подготовку в аспирантуре 100 кандидатов наук. Для организации учебно-научной работы кафедры в этот период характерны постановка тем дипломных работ и кандидатских диссертаций в русле основных научных проблем, разрабатываемых кафедрой и сопряженных с перспективными научными направления-

inslav

ми. Такая концентрация усилий коллектива на важнейших участках работы позволила всего за десять с небольшим лет создать двухтомную коллективную монографию "Массовые источники по социально-экономической истории"[3]. В ней обобщены результаты 20 диссертаций, большая часть которых подготовлена выпускниками, а затем аспирантами кафедры. В монографии впервые даны обзор и источниковедческая характеристика основного комплекса массовых источников по социально-экономической истории России второй половины XIX–XX вв., на конкретном материале показаны методы и приемы изучения этих источников, а также повышения их информационной отдачи за счет извлечения "скрытой информации", характеризующей сущность и структуру массовых явлений и процессов.

В составе кафедры были созданы археографическая группа (руководитель – И.В. Поздеева) и математическая группа (руководитель – Л.И. Бородкин). В настоящее время оба эти структурных подразделения кафедры преобразованы в межкафедральные лаборатории: археографии и исторической информатики. В 1970-е годы при кафедре источниковедения также действовала лаборатория истории русского города (руководитель – академик В.Л. Янин). Были подготовлены и опубликованы три тома "Города Подмосковья" (М., 1979–1981).

Значимым итогом индивидуальной научной работы сотрудников кафедры стала подготовка и защита ими в ученом совете факультета восьми докторских диссертаций. Перечень тем диссертаций характеризует диапазон и масштабность научных интересов кафедры: А.К. Соколов "Рабочий класс и изменения в социальной структуре общества 1917 – сер. 1930-х гг. (источники и методы исследования)"; А.Г. Голиков "Источниковедческие проблемы отражения в периодической печати процесса монополизации российской промышленности"; Н.Б. Селунская "Социально-экономический строй крестьянского и помещичьего хозяйства Европейской России в начале XX в. (методы изучения)"; С.В. Воронкова "Массовые источники по истории промышленности России конца XIX – начала XX в."; Л.И. Бородкин "Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях"; И.В. Поздеева "Роль Московского книгопечатания первой половины XVII в. в истории русской культуры (XVII – XX вв.)"; В.А. Плугин "Андрей Рублев и духовная жизнь Руси конца XIV – первой трети XV в. (комплексное исследование изобразительных и письменных источников)"; Г.Р. Наумова "Русская фабрика на этапе капиталистической индустриализации (источники и методы исследования)".

В существенно изменившихся с начала 1990-х годов общих условиях развития отечественной высшей школы и науки кафедра источниковедения отечественной истории (такое название она носит с 1992 г.) по-прежнему ведет специализацию студентов, подготовку аспирантов по специальности "историография, источниковедение, методы исторического исследования", обеспечивает преподавание общих учебных курсов и дисциплин специализации.

В сжатые сроки профессора и доценты кафедры подготовили новые специальные курсы, посвященные широкому спектру исторических источников, в том числе таких, которые ранее не были в центре внимания источниковедов: "Источниковедение изобразительных источников. Древняя Русь и Россия XVIII–XIX вв." (В.А. Плугин); "Исторический источник в литературной доку-

---

[3] Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.

inslav

менталистике" (С.В. Воронкова); "Периодическая печать XIX–XXI вв.: история и методы изучения" (А.Г. Голиков). Была представлена и традиционная для кафедры тематика: "История вспомогательных исторических дисциплин" (Т.А. Круглова); "Топонимика Москвы" (А.В. Власов); "Русские монеты и эпиграфические памятники как исторический источник" (Д.М. Володихин). Как дополнение к курсу "Источниковедение отечественной истории" А.Г. Голиков читает для студентов кафедры специальный курс "Нетрадиционные исторические источники", лекции которого посвящены дипломатическим тостам XIX в., политической карикатуре XIX–XX вв., литературным пародиям, рекламе, фонозаписям, ландшафтному дизайну и т.д. Практикуется приглашение специалистов, как правило, выпускников кафедры. Так, В.М. Магидов (РГГУ) прочитал курс об источниковедении кинодокументов, И.Ф. Юшин (Мосгорархив) – о проблемах собирания, хранения и использования электронных документов.

Под руководством профессора А.Г. Голикова, заведующего кафедрой с 1995 г., подготовлены и опубликованы новые программы всех учебных дисциплин, преподавание которых закреплено в МГУ за кафедрой источниковедения[4]. Ведется работа над учебниками и учебно-методическими пособиями, соответствующими этим программам. Первое такое издание осуществлено под общей редакцией профессора А.Г. Голикова[5]. В основу авторского текста положены материалы лекционного курса и практических занятий со студентами, прошедшие многолетнюю апробацию в учебном процессе на историческом факультете МГУ. Вышло в свет учебное пособие Н.Б. Селунской "Проблемы методологии истории" (М., 2003).

В последнее десятилетие интенсивно развивается сотрудничество кафедры источниковедения МГУ и отечественных архивов. С 1994 г. кафедра регулярно участвует в подготовке и проведении (совместно с Росархивом, Археографической комиссией РАН и РГГУ) всероссийских научных конференций "Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе".

Новой формой организации научной работы кафедры стало проведение в МГУ Чтений, посвященных памяти ушедших из жизни коллег: академика И.Д. Ковальченко, профессоров В.И. Бовыкина и А.В. Муравьева. Материалы этих конференций публикуются в виде сборников научных статей[6].

12 апреля 2003 г. состоялось заседание, посвященное 50-летию кафедры источниковедения. На Воробьевых горах в I корпусе гуманитарных факультетов МГУ собрались более ста выпускников, сотрудников, студентов и аспирантов кафедры. Заседание открыл заведующий кафедры источниковедения, профессор А.Г. Голиков. Он напомнил коллегам об основных этапах истории кафедры, о тех людях, которые ее создавали, сохраняли, развивали. Был по-

---

[4] См.: Историческое образование. Программы общих курсов / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 1998; Программы дисциплин специализации по отечественной истории / Отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2000.

[5] *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории / Под ред. А.Г. Голикова. М., 2000.

[6] Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997; Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000; Россия на рубеже XIX–XX вв.: Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 1999; Россия в XIX–XX вв.: Материалы II научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. М., 2002; От Московского государства к Российской империи: Материалы научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М., 1998. 1–2 декабря 2003 г. состоялись III научные чтения памяти академика И.Д. Ковальченко. Они были посвящены 80-летию со дня рождения ученого и организованы историческим факультетом МГУ и Отделением историко-филологических наук РАН.

inslav

казан слайд-фильм, наглядно представивший научные достижения коллектива. Участников встречи приветствовали декан исторического факультета МГУ член-корреспондент РАН С.П. Карпов и заведующий кафедрой отечественной истории XX в. академик РАН Ю.С. Кукушкин. Воспоминаниями о кафедре с собравшимися поделились: зав. лабораторией археографии д.и.н. И.В. Поздеева, старший научный сотрудник лаборатории информатики к.и.н. И.М. Гарскова, зам. директора ИРИ РАН профессор А.К. Соколов, а также выпускники кафедры – зав. кафедрой РГГУ профессор В.М. Магидов, генеральный директор издательства "Росспэн" к.и.н. А.К. Сорокин, профессор МПГУ д.и.н. М.Ю. Лачаева, зав. кафедрой Московского государственного университета культуры и искусств к.и.н. Н.Г. Самарина, доцент Тульского государственного педагогического университета к.и.н. Т.А. Володина. В заключение выступил старейший сотрудник кафедры, заслуженный преподаватель МГУ доцент Ю.А. Мошков.

На встречу пришли выпускники разных лет. Всех собравшихся в этот день объединяло чувство благодарности alma mater, сопричастности ее судьбе и делам. Это чувство выразил профессор А.Г. Голиков: "Сегодня штат кафедры сравнительно невелик. Но оглянитесь вокруг, и вы увидите, как нас много. А значит нам многое по силам".

Опираясь на богатые традиции и огромный опыт, кафедра сумела на современном этапе развития науки дать ответы на вызовы времени. Изменение общественного интереса к проблемам прошлого и, прежде всего, возросшее внимание к новейшим периодам истории и различным методологическим школам, а также востребованность источников, ранее редко использовавшихся в исторических исследованиях: иллюстрированных периодических изданий, документальных и художественных кинофильмов, интервью и др., определило векторы новой проблематики исследовательских работ.

91739

Вследствие фундаментальности специальных исторических дисциплин, которые разрабатывают и преподают ее сотрудники, именно кафедра источниковедения оказалась наиболее подготовленной к решению задачи существенно расширить документальную базу исследований и использовать разнообразные методы обработки источников. Это сразу отразилось в тематике дипломных работ студентов кафедры.

Так, В.А. Плугин, многие годы занимавшийся проблематикой источниковедения письменных и изобразительных источников феодального периода, поставил в своем специальном семинаре тему о кинофильме С.М. Эйзенштейна "Александр Невский". А.Г. Голиков, изучавший отечественную прессу XIX – начала XX в., руководит дипломной работой, посвященной представлениям о постсоветской России, получившим отражение в немецком иллюстрированном еженедельнике "Шпигель". Следует отметить, что в обоих случаях предпринят опыт комплексного изучения источников, в которых информация изначально зафиксирована принципиально разными способами (изображение и звук – в кинофильме, текст и изображение – в журнале). Само собой разумеется, что подобные исследования могут быть выполнены только при условии владения их авторами значительным объемом внеисточникового знания.

Не менее сложные задачи кафедра источниковедения решает в связи с преподаванием историографии для студентов, специализирующихся по отечественной истории. Авторы новой программы этого учебного курса Г.Р. Наумова и А.Е. Шикло представили историю отечественной исторической науки как "непрерывный процесс накопления исторических знаний с

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

inslav

древнейших времен до современности". Им удалось показать сложность этого процесса, взаимодействие в нем многих составляющих, постепенность установления господствующего влияния на практику исторических исследований тех или иных теоретико-методологических концепций научного познания прошлого. Авторы выявили, что научные школы, утратив прежние ведущие позиции, могли еще долгие годы существовать, сохраняя (как, например, историки русского зарубежья), традиции дореволюционной историографии.

Вместе с тем зарубежное россиеведение в целом по-прежнему рассматривается отечественными историографами изолированно от трудов по истории, созданных в России. Отчасти этот недостаток восполняет курс "Методологические проблемы исторических исследований", который знакомит студентов с принципами научного изучения прошлого и трактовкой этих принципов учеными, принадлежащими к разным теоретико-методологическим школам.

Сегодня в нашей стране существует огромный интерес к истории. Как это не раз бывало, в прошлом стремятся отыскать причины настоящего и прогнозы на будущее. Спрос рождает предложение, в том числе со стороны дилетантов и спекулянтов. Книжный рынок наводнен публикациями документов "из архивов", изданиями и недобросовестными переизданиями мемуаров всех и обо всем, многочисленными (и основанными на, якобы, "засекреченных" ранее документах, наконец-то, показывающих прошлое "в истинном свете") опусами на исторические темы, в которых читателям предлагаются претендующие на сенсационность версии известных событий.

Для того чтобы отделить истину от вымысла и спекуляции, необходимо иметь надежные, научно обоснованные ориентиры. Такие ориентиры дает студентам Московского университета изучение комплекса специальных дисциплин – источниковедение, историография, архивоведение, археография и другие, которые преподают на историческом факультете сотрудники кафедры источниковедения отечественной истории.

inslav

Д.В. Табачник, Г.В. Боряк

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАГРАДНАЯ СИСТЕМА УКРАИНЫ В XX в. В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФАЛЕРИСТИКИ И ФОРМИРОВАНИЯ ЕЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Награды часто называют свидетелями эпохи. Однако, по нашему мнению, они являются еще и непосредственными участниками исторического процесса. В них вещественно отображается сама эпоха, которая оставляет в наследие грядущим поколениям своеобразные вехи памяти, по которым потомки могут ориентироваться в событиях былого. Такими событиями в истории Украины особенно богат XX в., ставший эпохой упорной борьбы за национально-государственную независимость. И только в самом конце века было создано независимое Украинское государство.

Становление национальной государственности в форме Украинской Народной Республики (УНР), Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), Украинской Державы в период Первой мировой войны и последующие годы (1917–1921) впервые в истории Украины сопровождалось попытками введения оригинальной наградной системы. Вместе с другими атрибутами нового государства – гербом, флагом и гимном – награды призваны были служить утверждению идеи государственности и независимости.

Государственным наградам Украины предшествовали несложные по своей форме нагрудные значки Украинских сичовых стрельцов (УСС). Это первое национальное воинское формирование возникло на территории Галиции в августе–сентябре 1914 г. из 2,5 тыс. добровольцев-украинцев, входивших в состав XXV корпуса императорско-королевской армии Австро-Венгрии. Именно сичовые стрельцы в 1915–1916 гг. ввели особый знак, отличающий их от других солдат императора Франца-Иосифа: круглые или щитовидные значки с изображением льва, опирающегося на гору (герб г. Львова и Западной Украины), Св. Архистратига Михаила (герб г. Киева и Восточной Украины, одновременно небесный покровитель всей Украины), тризуб (трезубец) (национальный украинский герб) и соответствующие надписи. Хотя этот знак имел только отличительный характер, место ношения его не было унифицировано, и изготовлялся он в большинстве случаев собственными силами из подручных средств. В исторической литературе его принято считать первым украинским знаком.

Уже в новых исторических условиях, накануне краха Австро-Венгерской империи осенью 1918 г., Центральная управа УСС ввела "Крест Легиона УСС", или Гуцульский крест (в то время сичовые стрельцы находились на Буковине и Гуцульщине). По форме знак напоминал кресты, которые там ставились на обочинах дорог. Он был создан по проекту художника Леона Геца, изготовлялся в Вене и имел два размера: большой парадный (45 мм в диаметре) и малый повседневный (36 мм). Фактически этот знак стал первой массовой наградой украинских военных. И хотя она предназначалась исключительно для награждения военнослужащих из состава конкретного воинского формирования, ее значение для дальнейшего развития

inslav

украинской фалеристики трудно переоценить. Своей формой и содержанием эта награда заложила новые подходы к созданию национальной наградной системы, впоследствии продолженной новыми наградными знаками уже в эмиграции. "Крест Легиона УСС" положил начало установлению системы отличий в честь отдельных исторических событий, т.е. носил коммеморативный характер.

Форма знака (крест) выбрана не случайно. По традиции, с XVIII в. крестами награждались военные за участие в отдельных битвах и целых кампаниях. В табели наград крест занимает место между раритетным и элитарным орденом и массовой медалью[1]. Неотъемлемым элементом креста для украинских военных становится лента, что сближает традицию ношения таких отличий с мировой. Забегая вперед, отметим, что заложенные крестом Легиона УСС принципы формирования военных наград-крестов характерны для всех других знаков, введенных правительствами ЗУНР, Директории УНР и УНР в эмиграции[2]. Однако знаки УСС только показывали направление движения в сторону создания государственной наградной системы Украины, поскольку не являлись наградами в полном смысле этого слова, а были лишь отличительными знаками одного военного формирования, никем не признанными на государственном уровне.

Идея создания собственной государственной наградной системы в Украине созревала по мере укрепления государства и его институтов. В период существования первого украинского парламента – Центральной Рады, и созданного ею правительства – Генерального секретариата (с начала 1918 г. – Рады народных министров), т.е. в течение марта 1917 – 29 апреля 1918 г., практические шаги к созданию наградной системы не предпринимались.

29 апреля 1918 г. в Украине произошел государственный переворот, в результате которого социалистическая Центральная Рада вынуждена была уступить единоличному правителю – гетману Павлу Скоропадскому, представителю имущих слоев украинского общества. Как бывший генерал российской службы (до ноября 1917 г.), он пользовался авторитетом и среди российских, польских и особенно немецких кругов, которые в лице верховного командования (союзной в то время Украине) германской армии и своих дипломатических представителей имели существенное влияние на все политические процессы.

Опытный государственный и военный деятель Павел Скоропадский уделял большое внимание атрибутам вновь созданной Державы. При нем были введены государственные герб, флаг и печать, денежные знаки, служебные знамена высших должностных лиц, новая форма для военнослужащих и государственных чинов, присяга на верность Украинской Державе и др. При Главном штабе была создана специальная комиссия для разработки военных орденов, в составе которой работали известные украинские художники и ученые (Г.И. Нарбут, В.Л. Модзалевский). Комиссия разработала предложения по созданию целой системы военных и государственных наград: орденов Ярослава Мудрого (за заслуги на гражданской службе), Св. княгини Ольги (за заслуги женщин на гражданской службе), Св. Архистратига Михаила (за военные заслуги); кресты – Железный крест (за освободительную борьбу), Св. князя Владимира (за государственную военную службу), а также Крест и

---

[1] *Всеволодов И.* Беседы о фалеристике: Из истории наградных систем. М., 1990. С. 112.

[2] См.: *Семотюк Я.* Українські військові відзнаки: Ордени, хрести, медалі та нашивки. Торонто; Київ, 1991.

inslav

Звезда Славы и Возрождения Украины[3]. Фактически это была первая попытка создания государственной системы наград на основе героического прошлого Украины. Однако эти наработки остались только на бумаге, поскольку уже 14 декабря 1918 г. Павел Скоропадский отрекся от власти в результате восстания, инспирированного национальными социалистическими партиями и поддержанного большевистской Россией.

Тем временем на западно-украинских землях в условиях развала Австро-Венгерской империи возникло другое украинское государство – Западно-Украинская Народная Республика. Уже с первого дня своего существования (1 ноября 1918 г.) ему пришлось бороться с оружием в руках против претензий восстановленного Польского государства на Львов и всю Восточную Галицию. Для поднятия воинского духа Украинская национальная рада, руководившая восстанием, с 5 ноября объявила о введении высшего военного отличия: "За установление во Львове власти Украинского государства (За обняття Львова у власть Української держави)", позднее – "Защитники Львова".

Разработчики награды предложили ввести орден трех классов: Большой крест, Командорский крест и Рыцарский крест, которые отличались размерами и местом ношения. Уровень награды определялся государственной должностью награждаемого: Большой крест могли получить только глава государства, высшие военачальники и особенно заслуженные люди. Командорским крестом должны были награждаться отличившиеся командиры и известные своей общественной деятельностью гражданские лица, а Рыцарским – военнослужащие за военные успехи и личное участие в ноябрьских боях, гражданские лица – за заслуги в государственном строительстве. Был разработан и художественный эскиз ордена – в виде креста с широкими концами, залитого голубой эмалью, на фоне восьмиконечной звезды[4]. Но и этот проект не был осуществлен, хотя борьба Западной Украины за независимость продолжалась еще долго.

Еще одна попытка создания наградной системы ЗУНР (к тому времени Западной области УНР) имела место в апреле 1919 г., когда Рада государственных секретарей ЗО УНР издала распоряжение об установлении знаков Тризуб с венцом, Медаль Тризуба, Оружный Тризуб (знак на оружии) и Крест участника. В основном этими знаками должны были награждаться военные, хотя медаль могли присуждать и гражданским лицам. В основе изображения всех этих наград был тризуб – геральдический княжеский знак Древней Руси, предусматривались и венки нескольких видов – лавровые, дубовые, хвойные и калиновые, – в соответствии со степенями награждения[5]. Такие знаки начали изготовляться в Вене, но так и не были закончены. Однако этот опыт свидетельствует о понимании правительством ЗУНР морального значения наград и стремлении создать разветвленную наградную систему.

Первыми актами о государственных наградах Украины стали постановление Рады народных министров УНР от 11 января 1919 г. о введении знаков Республики и Славы Украины и закон Директории УНР от 24 января 1919 г. Они отменяли ношение в Украине всех наград бывшей Российской империи, за исключением Георгиевского креста и Георгиевского оружия, и вводили

---

[3] См.: Нагороди України: Історія, факти, документи: У 3 т. / Авт. кол.: Д. Табачник (керівник), І. Безгін, В. Бузало та ін. Київ, 1996. Т. 1. С. 56–57.

[4] *Климкевич Р.* Відзначення УГА // Українська галицька армія у 40-річчя її участі у визвольних змаганнях в 1919–1920 рр.: Матеріали до історії. Вінніпег, 1960. Ч. 2. С. 261.

[5] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 2188. Оп. 2. Д. 72. Л. 5–5 об.

inslav

два названных выше знака (первый – для гражданских, второй – для военных) и две степени их достоинства[6]. Однако статуты этих знаков не были разработаны и награждения ими никогда не проводились.

В апреле–июне 1919 г. был разработан статут двух боевых наград знака отличия: "Креста Республики" и боевой медали. Впервые в наградной практике Украины ставился вопрос об определении ценности самого поступка, достойного награждения, и о порядке награждения. Устанавливалось, что первые награды проводит лично Главный атаман (Главнокомандующий) Армии УНР, а потом из числа первых семи награжденных создается Наградной совет, который уполномочен делать вывод о награждении. Рыцари "Креста Республики" получали особые права и льготы, закрепленные в Статуте. Боевая медаль была названа "Отвага". Правда, в июле–августе 1919 г. вместо двух наград Генеральный штаб Армии УНР предложил ввести одну под названием "Республика" с общим девизом ("Храброму рыцарю родного края"), но двух видов: железный крест и медаль (тоже в форме креста, но с широкими концами, никелевую и бронзовую[7]).

Однако военные неудачи Армии УНР осенью–зимой 1919 г. сделали эти проекты неактуальными. Но героическая военная операция части армии под командованием Н. Омельяновича-Павленко, осуществленная в первой половине 1920 г. ("Зимний поход" – рейд по тылам Белой и Красной армий и выход на соединение с союзными к тому времени польскими войсками), требовала награждения всех ее участников[8]. Существуют два проекта этого Железного креста (художника Ю. Буцманюка, сотника УСС и УГА (Украинской Галицкой армии), и С. Красноперы, сотника УГА), которые отличаются незначительно. 19 октября 1920 г. официально был утвержден второй проект с девизом: "За волю Украины!"

Неудачной была попытка введения ордена Освобождения, в статуте которого современники увидели сокращенный перевод на украинский язык статута российского военного ордена Святого Георгия Победоносца. Военачальники УНР хотели иметь оригинальную награду, и поэтому такому ордену не суждено было появиться, хотя Главный атаман Армии УНР и Председатель Директории Симон Петлюра в октябре 1920 г. в срочном порядке утвердил статуты ордена Освобождения и знака Железного креста.

Итоги сложного пути становления государственных наград Украины в 1918–1920 гг. приводят к выводу о том, что именно тогда генерировались концептуальные основы национального наградного дела. Награды служили важным атрибутом нового государства. Закладывались принципы государственной наградной политики, которая должна была опираться на силу закона и законом регулировать разные аспекты функционирования наград в государстве. Авторы проектов первых знаков отличия УНР не имели опыта разработки наград, однако заложили в них четко определенную политическую направленность – служить укреплению молодой украинской государственности. Первые статуты украинских государственных наград были родственны орденским статутам европейских государств.

Напомним, что ни одна из названных наград никогда не была вручена на территории Украины, а проекты некоторых из них даже не сохранились.

---

[6] Вісник державних законів для всіх земель УНР. Київ, 1919. 8 февр.

[7] См.: Прапор України. 1991. 10 нояб. С. 17; *Бузало В.* Невідомі сторінки українських відзнак // Трибуна. Київ, 1992. № 6. С. 27.

[8] *Podlusky G.* The Order of the Iron Cross // The Medal Collector. Glassboro, N.J. 1964. Vol. 15. № 9. P. 16.

inslav

История распорядилась так, что эти первые, не слишком совершенные и результативные попытки "вспахать наградную целину", послужили основой для формирования национальной традиции в наградном деле лишь в среде украинской эмиграции. В советском украинском государстве складывалась своя, отличная от зарубежной, традиция.

21 ноября 1920 г. последние части Армии УНР перешли р. Збруч – тогдашнюю границу с Польшей, что символизировало завершение освободительной борьбы на украинской территории. Начался период политической борьбы украинской эмиграции без национальной территории. На протяжении многих лет (до 1991 г.) правительство УНР, официально называвшее себя "Уряд в экзили (в эмиграции)", меняло страны пребывания (Польша, Франция, Германия, США и Канада). 100-тысячная украинская эмиграция осела, кроме этих стран, также в Румынии, Чехословакии, Болгарии, Сербии, Бельгии и за океаном: в Канаде, США, Аргентине, Бразилии. Солдаты Армии УНР оказались в лагерях интернированных, раскиданных по всей Польше. Именно там продолжилась работа над наградами. Знаки Железного креста изготовлялись в Варшаве, а ленточки – во Львове[9].

Уже в марте 1921 г. первые знаки поступили в лагеря для вручения интернированным военным. Знак № 1 получил командир Зимнего похода генерал Н. Омельянович-Павленко; за ним были награждены начальник штаба, командиры дивизий. Общее количество врученных орденов неизвестно, поскольку списки награжденных не велись в целях конспирации. Известно о вручении награды № 1597, однако их должно было быть больше – всего насчитывалось четыре тыс. участников Зимнего похода. Одновременно был создан Большой совет рыцарей Железного креста во главе с командиром 2-й Волынской дивизии А. Загродским (орден № 3)[10]. В апреле 1921 г. съезд этого органа решил устранить неточности статута знака Железного креста, однозначно закрепив за ним статус ордена, а не только коммеморативной награды за конкретный поход, и внести другие изменения, направленные на поднятие значения этой первой награды УНР. Произошли изменения и его формы (замена четырехконечной звезды на тризуб, цвета ленты).

Таким образом, съезд положил начало новой форме наградной практики, когда сами награжденные решали судьбу награды. Военное министерство УНР подготовило соответствующий проект закона о внесении этих изменений в статут ордена, однако он не был утвержден Советом министров, который решил пересмотреть всю систему наград (в том числе статуты несуществующих пока орденов "Республики" и "Освобождения").

Совет министров УНР предложил первый из них считать высшей наградой, сделав его "общегражданским", а все наградное дело сосредочить в Совете рыцарей из семи кавалеров высшей степени орденов во главе с Гроссмейстером ордена "Республики". Военной наградой должен был стать орден "Освобождения" трех степеней (за стратегические, тактические действия и личную храбрость). При разработке его нормативных документов активно использовался опыт иностранных орденов: французского "Почетного легиона" и польского "Виртути Милитаре". Кроме того, вынашивалась идея специальной медали ("железной") для повстанцев, которые официально не входи-

---

[9] *Бузало В.* До історії створення знака ордена Залізного хреста УНР // Третя наукова геральдична конференція. Львів, 1993. С. 11.

[10] *Семотюк Я.* Указ. соч. С. 5.

inslav

ли в состав Армии УНР, однако в свое время активно боролись против белых и красных войск, а теперь вместе со всеми находились в лагерях интернированных. Первоначальный вариант этой медали впервые в украинской наградной системе планировал увековечить портрет С. Петлюры, однако он своей властью наложил запрет, и очередной вариант медали содержал изображение национального герба – тризуба с надписью по кругу: "За освобождение Украины". Однако всем этим идеям не суждено было осуществиться в тяжелых условиях эмиграции.

В связи с приближением 5-й годовщины провозглашения независимости Украины (22 января 1923 г.) родилась идея новой награды – знака Золотой тризуб, который должен был стать нагрудным знаком для массового награждения. Однако никаких свидетельств изготовления знака или даже принятия соответствующего закона найти не удалось. Нагрудные знаки в виде золотого тризуба на фоне лаврового венка сохранились во многих фалеристических коллекциях, однако нет никаких свидетельств, подтверждающих их идентичность со знаком Золотой тризуб.

С ликвидацией в 1923 г. лагерей интернированных в Польше и дальнейшим рассеиванием украинских военных по другим европейским странам правительство УНР лишилось массовой опоры и было вынуждено выехать из Польши. Все это отодвигало проблемы наградного дела на второй план, лишало их системного подхода. Вопросы введения наград стимулировались время от времени значительными событиями. Так, гибель главы Директории С. Петлюры от руки террориста (25 мая 1926 г.) вызвала к жизни идею увековечения его памяти введением наградного перстня.

Наградному наследию украинской эмиграции до Второй мировой войны был присущ ряд особенностей. В этот период определились две тенденции. С одной стороны, правительство УНР продолжало попытки создания наград от имени украинского государства для участников освободительной борьбы, преимущественно коммеморативного характера. Среди них можно назвать крест Директории – в честь Акта объединения западных и восточных украинских земель 22 января 1919 г.; крест С. Петлюры – в 1932 г.[11]

С другой стороны, активизировались отдельные общественные организации и союзы, прежде всего ветеранские, предлагавшие собственные знаки общего и корпоративного характера. Это – знаки солдат Украинской Галицкой армии: Галицкий крест и Украинский комбатантский (Мазепинский) крест, на котором впервые в украинской наградной системе использован родовой герб Мазепы[12]. Процесс стимулировался как неудовлетворительными, по мнению этих организаций, усилиями по введению государственных наград, так и конкуренцией между различными эмигрантскими структурами, претендовавшими на роль лидера освободительной борьбы.

В 1920 г. окончательная победа большевистского режима на территории Украины сопровождалась идеей создания боевых орденов Красного Знамени отдельных советских республик. Вместе с аналогичными наградными знаками Азербайджанской, Грузинской, Российской и Хорезмской республик такой же орден планировался для Украинской Социалистической Советской Республики. Однако об этом перестали говорить после создания СССР и введения общесоюзного ордена Красного Знамени.

---

[11] *Podlusky G.* The Gross of Simon Petlura // The Medal Collector. 1964. Vol. 15. № 6. P. 5.

[12] *Podlusky G.* The Commemorative War Badge of the Galician Army // The Medal Collector. 1965. Vol. 16. № 3. P. 9.

inslav

Для награждения передовых рабочих, государственных и политических деятелей в 1921 г. по решению V Всеукраинского съезда Советов была введена первая награда Советской Украины – орден Трудового Красного Знамени[13]. Предусматривалось, что им будут награждаться как отдельные лица, так и целые коллективы по представлению коллегий отраслевых наркоматов и Южбюро ВЦСПС. Первые награждения орденом состоялись уже в мае 1921 г., задолго до того, как был изготовлен сам знак. Его эскиз был утвержден только в октябре 1921 г. и оказался очень сложным в изготовлении: он состоял из 11 отдельных деталей, в том числе позолоченной пятиконечной звезды, на которую накладывалась шестерня, залитая черной эмалью, а на шестерню – позолоченное изображение мускулистого рабочего с развернутым красным знаменем в руках. В нижней части знака располагался медальон с позолоченными буквами "УСРР" и множеством декоративных элементов. Партия в 5 тыс. знаков, предусмотренная решением Президиума ВУЦИК, по-видимому, так и не была изготовлена полностью. Вручение первых знаков ордена Трудового Красного Знамени УССР относится к осени 1922 г.

Очень скоро определились конструктивные недостатки ордена, которые вызвали необходимость разработки его нового образца[14]. В результате конкурса в 1925 г. победил проект московского художника И.П. Киселева под девизом "Рабочий строитель". Но с его изготовлением тоже возникли сложности – заказанные за границей образцы не удовлетворили руководство Украины. Вручение изготовленных в 1922 г. знаков продолжалось до 1933 г. Напомним, что в апреле этого года, в результате сложных процессов, протекавших в то время в общесоюзной наградной системе, в Украинской ССР, как и в других республиках, награждение республиканским орденом было прекращено[15]. Все ранее установленные льготы для награжденных орденом сохранялись вплоть до 1947 г.

Единственный орден Советской Украины в течение долгого времени находился в тени наградной системы СССР. Общесоюзная наградная политика в те времена не допускала и всячески ограничивала существование государственных наград союзных республик, расценивая их как проявление непокорности центру, или в лучшем случае "проявление излишней независимости". Официальная пропаганда сделала все возможное, чтобы историей Ордена Трудового Красного Знамени УССР не занимались[16].

В наградной системе СССР республикам давалось право только на присвоение почетных званий (по тогдашней терминологии – чинов) соответствующего уровня: "Народный и Заслуженный артист (художник) УССР" (с 1922 г.), "Заслуженный работник (деятель) науки, техники и искусств" (с 1934 г.). В соответствии с новыми союзной и республиканскими конституциями 1936–1937 гг. за ними был закреплен статус высших республиканских наград. К началу 1940 г. в УССР функционировало пять почетных званий; постепенно их количество расширилось и в 1969 г. достигло 30.

Самостоятельной наградой в республиканской наградной системе стали

---

[13] Збірник резолюцій і постанов 5-го Всеукраїнського з'їзду Рад робітничих, селянських і червоноармійських депутатів. Харків, 1921. С. 11.

[14] *Зайцев Б.Н.* Історія ордена Трудового Червоного Прапора УСРР // Третя республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін. Київ, 1968. С. 379.

[15] Відзнаки Української РСР: Довідник. Київ, 1971. С. 7.

[16] *Бузало В.Й., Табачник Д.В.* Історія ордена Трудового Червоного Прапора УСРР. 1921–1933 рр. // Український історичний журнал. 1996. № 4. С. 74–90.

inslav

Почетные Грамоты и Грамоты ВУЦИК. В наградном законодательстве УССР о грамотах упоминалось лишь как об особых удостоверениях к ордену Трудового Красного Знамени. Однако Президиум ВУЦИК награждал грамотами граждан за менее значимые заслуги уже с 20-х годов. При всем том не удалось разыскать ни одного официального акта, посвященного этой награде как самостоятельному виду и регулирующему ее юридический статус. Впервые это было сделано лишь в 1969 г., и только позднее Почетная грамота Верховного Совета УССР получила статус государственной награды, с соответствующим нагрудным знаком.

История наградного дела УССР периода 1920–1950-х годов была теснейшим образом связана с социально-политической историей советского общества и государства, отражала все метаморфозы этой противоречивой и жестокой эпохи[17].

Наградное дело Украины периода Второй мировой войны 1939–1945 гг. оставило огромное наследие. Разнообразные ордена, кресты, медали, нагрудные знаки были введены в наградные системы всеми странами – участниками войны. Самое большое количество наград было учреждено в СССР (9 боевых орденов и 21 медаль).

Во Второй мировой войне активно участвовали миллионы украинцев: воевали в составе советской, немецкой, польской, румынской, венгерской, американской, канадской армий; были участниками движения Сопротивления в Италии, Франции, Бельгии, Польше, Словакии, партизанских отрядов, подпольных групп и повстанческих формирований на территории самой Украины.

Собственные награды имела только Украинская повстанческая армия (УПА), созданная в октябре 1942 г. Организацией украинских националистов для борьбы с обоими тоталитарными режимами – гитлеровским и сталинским. Они были учреждены приказом Главного командования УПА 2 января 1944 г. и утверждены Украинской главной освободительной радой – органом политического руководства вооруженной борьбой УПА. Проекты наград выполнил известный украинский художник, боец УПА Нил Хасевич, а изготовлены они были в 1951 г.

Система наград УПА состояла из двух групп: крестов "За боевые заслуги" и крестов "За заслуги". Каждая из этих групп включала золотые, серебряные и бронзовые кресты, а первые два вида имели еще и по два класса. Крестами "За боевые заслуги" могли награждаться только бойцы УПА, проявившие мужество и отвагу в боях с врагами, в разведывательных и диверсионных операциях. Награждение начиналось, как правило, с бронзового креста, не имевшего классных степеней. Крест "За заслуги" получали наравне с военными и гражданские лица, оказывавшие помощь УПА. Оба креста имели одинаковый дизайн и размер. Они изображали равноконечный крест, в центре которого – ромб с тризубом. Боевой крест имел внизу еще скрещенные мечи. Знаки высшего класса отличались как цветовой гаммой, так и количеством четырехугольных звездочек на ленточке. У гражданского креста вместо звездочек были полоски.

Кроме этих наград, бойцы УПА отмечались Золотой и Серебряной звездой за ранение. В июне 1948 г. постановлением Украинской главной освободительной рады была введена медаль "За борьбу в особо трудных условиях"[18].

---

[17] Нагороди України: Історія, факти, документи: У 3 т. Київ, 1996. Т. 2. С. 81.
[18] *Семотюк Я.* Указ. соч. С. 30–31.

inslav

Все упомянутые награды, несмотря на их значение, трудно отнести к государственным, поскольку УПА была, по определению одного из ее основателей Тараса Бульбы-Боровца, "армией без державы". Однако и назвать их наградами одного военного соединения и только боевыми, на наш взгляд, будет не совсем правильно, поскольку они включали и награды гражданских лиц. Если задаться целью построить "табель о рангах" наград Украины, то награды УПА следовало бы поместить на следующую ступень после наград правительства УНР в эмиграции. Это тем более оправдано, что награды УПА имеют свою внутреннюю логику и целостную систему[19].

Упомянутое выше правительство УНР в эмиграции продолжало свою деятельность по созданию наград и после Второй мировой войны. В 1947 г. глава Директории УНР А. Левицкий утвердил положение о Кресте Украинского казачества, который из первоначально задуманной коммеморативной награды ветеранам движения Вольного казачества стала универсальной наградой с широким набором атрибутивных (и информативных) элементов: лавровые ветки, звездочки и т.п. Именно этот аспект делает Крест Украинского казачества уникальным с точки зрения его информационной насыщенности.

Принципиально новое качество получили последующие шаги в этом направлении после создания Государственного центра УНР в эмиграции, введения поста Президента УНР и создания временного законодательного представительства в форме Украинской национальной рады. Наградная практика получила правовую государственную основу: награды устанавливались специальными законами, обязательной частью которых были статуты. Это должно было придать наградам государственный статус.

Новые инициативы в области наградной политики УНР 1950–1980-х годов касались исключительно награждения ветеранов освободительной борьбы. Это были военные кресты (к 40-летию и 60-летию возрождения Вооруженных сил Украины, соответственно 1957 и 1977 гг.), Крест 40-летия Украинской национальной армии (1985), медаль "За ранение" (1980). Автором проекта военного креста 1957 г. был художник Н. Бытынский. В ордене впервые использовались не национальные цвета (синий и желтый), а красный и зеленый. Крест 40-летия УНР тоже имел нетрадиционное цветовое решение: он был залит эмалью разного цвета (верхняя сторона – зеленой, нижняя – красной, левая – синей, а правая – белой).

Следует еще назвать знаки эмигрантских общественных организаций и ветеранских союзов, которые имели исключительно коммеморативный характер. Этот достаточно большой фалеристический массив еще мало исследован. Известны знаки 1-й дивизии Украинской национальной армии (бывшей дивизии "Галиция"), ветеранов "Карпатской Сичи", памятный знак Объединения бывших солдат-украинцев в США, Канаде, Великобритании. Оригинальный характер имеет медаль Тараса Шевченко, учрежденная Президиумом Мировой рады Союза освобождения Украины в 1977 г. Этой награды удостаиваются как украинцы, жители Украины, так и представители диаспоры за значительный вклад в освобождение Украины и самоотверженный труд на благо нации, а также иностранцы – "сторонники украинской государственной независимости".

Опыт украинской эмиграции и диаспоры в деле создания наград является уникальным и по своей продолжительности (более 70 лет), и по тому массиву наград и знаков разного уровня, которые возникли в этот период. Он также

---

[19] Нагороди України: Історія, факти, документи: У 3 т. Т. 1. С. 169–170.

inslav

имеет особую ценность по своему влиянию для создания наградной системы независимой Украины, которая в период своей quasi-государственности в советское время практически не имела полноценной наградной базы и после 1991 г. должна была создавать ее заново.

Современная наградная система Украины была сформирована в основных своих параметрах в 1992–1996 гг. и окончательно конституировала в 2000 г. утверждением закона Украины "О государственных наградах".

Следует подчеркнуть, что новое государство получило в наследство не только абсолютно деформированную систему наград, но и процесс девальвации государственных наград, нивелирования их социального статуса и, как следствие этого, их справедливое осуждение и острую критику со стороны общественности. Украинская ситуация коренным образом отличалась от существующей в странах Балтии, Польше и других восточно- и центральноевропейских странах, освободившихся от влияния бывшего Советского Союза. Там достаточно было провозгласить восстановление прерванной государственной традиции и реконструировать существовавшую в те времена систему наград. Для независимой Украины исторический опыт ее предшественников – УНР и Украинской Державы – остался только источником идейного вдохновения, и не давал образцов осуществления идей в реальности, в частности, в сфере наградного дела.

В начале 1992 г. Президиумом Верховной Рады Украины была образована специальная комиссия по созданию государственных наград, в состав которой вошли известные ученые, политики, специалисты в области геральдики и наградного дела. Они разработали концепцию государственных наград, которыми должны были стать: ордена как самая высокая государственная награда за выдающиеся заслуги в разных сферах деятельности, ордена и медали за заслуги, юбилейные и памятные медали, почетные звания Украины за личные высокие достижения, Государственные премии за выдающиеся достижения в научной работе, производстве и творчестве. Награждениями предлагалось ведать специальной Комиссии при Президенте Украины, а все правовые аспекты проблемы регулировались законом Украины "О государственных наградах"[20]. Эта концепция и конкретные предложения относительно названий, количества и направленности наград широко обсуждались в прессе, общественностью, а также на заседаниях парламента в 1993 и 1995 гг.

Одним из животрепещущих вопросов стало отношение к наградам бывшего СССР. Комиссия, созданная Президиумом Верховной Рады, в компетенцию которой входило и его решение, после всестороннего изучения проблемы вынесла на Президиум Верховной Рады проект постановления о сохранении наград, прав и привилегий, установленных для награжденных законодательством бывшего Советского Союза. После ее принятия Комиссии по государственным наградам при Президенте Украины и соответствующим местным органам предоставлено право решать вопрос о возвращении наград репрессированным и реабилитированным, восстановлении в правах награжденных и лишении наград, а также вручении дубликатов орденских книжек, наград тем лицам, которые в свое время не смогли их получить.

Если широкая общественность в целом положительно встретила предложения комиссии и поддержала идею учреждения государственных наград как одного из существенных атрибутов государственности, то среди политиков

---

[20] *Бузало В., Дмитренко М., Кучерук О.* Державні нагороди України: Проект-концепція // Освіта. 1992. 13 березня.

inslav

разных идеологических направлений нашлись ее противники. Они решительно возражали против отдельных наград (особенно против звания "Заслуженный работник") и против предложенной концепции наградного дела вообще. В этой политической борьбе вокруг важного государственного дела и его излишней идеологизации завязло решение вопроса о наградах независимой Украины. С мертвой точки его не сдвинули ни вопрос об учреждении юбилейной медали "50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.", которая реально могла бы стать первой государственной наградой, ни постановление Верховной Рады об учреждении ордена Богдана Хмельницкого от 27 апреля 1995 г., которое осталось на бумаге. Итоги деятельности украинского парламента в сфере наградного дела в 1992–1996 гг. давали основания для неутешительного вывода: народные избранники оказались неготовыми и неспособными решать эти сложные проблемы[21].

В этих условиях президент Украины вынужден был пойти путем учреждения иного типа наград – президентских. Такие наградные знаки существуют практически во всех государствах с президентской формой правления. В данном случае право президента на учреждение наград опиралось на поправки, внесенные в феврале 1992 г. в текст действовавшей тогда в Украине Конституции УССР 1978 г., выправленной в 1991–1992 гг. в соответствии с новыми историческими реалиями. Согласно этим конституционным полномочиям при Президенте Украины была создана Комиссия по государственным наградам, взявшая на себя прежде всего наградные функции Президиума Верховной Рады УССР (возвращение орденов реабилитированным, выдача дубликатов наград, лишение их и т.д.).

Историческим событием в развитии наградного дела и отечественной фалеристики стало учреждение первой государственной награды независимой Украины – Почетного знака Президента Украины 18 августа 1992 г. на основе указа Президента. В нем записано, что Почетным знаком Президента Украины могут награждаться граждане Украины и иностранные граждане за личные заслуги в строительстве суверенного, демократического, правового государства. Решение о награждении принимал лично Президент, а награждения приурочивались к Дню независимости Украины – 24 августа.

Эта награда стало первой в Украине. Она была выполнена в форме четырехугольной звезды с закругленными лучами и позолоченными полями. Лучи залиты эмалью малинового цвета; вокруг нее – декор в виде стилизованного украинского орнамента. Посреди звезды – венок из лавровых и дубовых веток, в центре которого – тризуб из желтого металла на голубом фоне. Первые указы Президента Украины о награждении были подписаны 21 августа 1992 г. За вклад в утверждение государственности Украины, повышение ее международного авторитета, развитие промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, повышение обороноспособности были награждены 12 человек. Ныне этой награды удостоены более 500 человек, в том числе представители украинской диаспоры, президенты, премьеры и граждане иностранных государств. Так Почетный знак Президента Украины уверенно вышел на международную орбиту, прокладывая путь к своему широкому признанию мировым сообществом.

---

[21] См.: Нагороди України: Інтерв'ю з Главою Адміністрації Президента України, Головою Комісії по державних нагородах України при Президентові України канд. іст. наук Д.В. Табачником // Пам'ятки України: Історія та культура. 1995. № 2. С. 28–29.

inslav

Следующей президентской наградой стал памятный знак "50 лет освобождения Украины", утвержденный указом Президента от 10 марта 1994 г. Им награждались ветераны войны – участники боевых действий, бойцы Украинской повстанческой армии, боровшиеся с нацистскими оккупантами; иностранные граждане, если они принимали участие в освобождении Украины. Награда носила массовый характер, вручали ее от имени Президента Украины военкоматы, центральные и местные органы власти, дипломатические представительства нашего государства за границей. Само награждение должно было проходить в течение нескольких лет, а не быть единовременной акцией.

Наиболее динамичным и результативным в формировании современной наградной системы Украины стал 1995 г. Именно тогда была учреждена большая часть ныне существующих наград – президентские награды Звезда и Крест "За мужество", "Именное огнестрельное оружие", "Орден Богдана Хмельницкого" и "Орден князя Ярослава Мудрого".

Учреждение Президентом Украины новых наград стало конкретным свидетельством его внимания к общественному мнению, его понимания мирового исторического опыта, общественного значения наград как знака уважения и внимания со стороны государства к своим гражданам, их труду, героическим поступкам, активной общественной деятельности. В то же время Украина таким образом утверждала себя как государство, способное отметить достойных людей, которые даже в такое трудное время верят в него и прилагают все усилия к его укреплению, осуществлению радикальных социально-экономических реформ в обществе.

Награда Президента Украины "За мужество", учрежденная в апреле 1995 г., имела две степени. Высшая – Звезда, которой награждались военнослужащие, сотрудники правоохранительных органов и другие лица за исключительное личное мужество и героизм. Вторая – Крест, которого удостаивались те же категории граждан за заслуги в укреплении обороноспособности и безопасности Украины, охране общественного порядка, борьбе с преступностью, за личное мужество и отвагу.

За подобные заслуги, а также за многолетнюю безупречную службу, проявленную честь и доблесть лицам офицерского звания вручалась такая награда президента Украины, как "Именное огнестрельное оружие". Наградой служит пистолет украинского производства "ФОРТ-12", изготовленный из легированной конструкционной стали, рукоятка – из благородных пород дерева; на специальной пластинке выгравированы фамилия, имя и отчество награжденного.

"Орден Богдана Хмельницкого" как президентская награда утвержден в мае 1995 г. Поскольку для введения учрежденного парламентом одноименного ордена ничего не было сделано, Президент взял инициативу в свои руки. Им учреждался боевой орден трех степеней, которым награждались за личные заслуги военнослужащие и служащие Министерства обороны, правоохранительных ведомств, активные участники боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Установление такой награды для военных стало очевидным требованием времени. В основе Ордена – геральдическая фигура родового герба гетмана Украины в 1648–1657 гг. Богдана Хмельницкого "Абданк – Сырокомля", что стало новым шагом в развитии традиций украинской геральдики и фалеристики. Традиционно на украинских знаках, кроме тризуба применялись фигуры галицкого льва и Архистратига Михаила. Родовой герб другого украинского гетмана Ивана Мазепы впервые был использо-

inslav

ван в 1940 г. при создании Боевого креста УСС, получившего название "мазепинского".

Высшую ступень среди президентских наград занял "Орден князя Ярослава Мудрого", которым награждали граждан Украины, уже имевших другие награды, за выдающиеся личные заслуги перед государством в области государственного строительства, укреплении его международного престижа, развития экономики, науки, культуры, искусства, здравоохранения, за благотворительную гуманистическую и общественную деятельность, его девиз – "Мудрость, честь, слава". Эта президентская награда имеет универсальный общегражданский характер. Она одновременно и самая многостепенная: пять степеней отличаются между собой количеством знаков ордена, местами его ношения (на шейной ленте или на груди) и должностями награждаемых. Так, орден высшей, первой степени могли получить только главы суверенных государств, второй – главы правительств и парламентов. Все награжденные орденом любой степени именуются кавалерами "Ордена князя Ярослава Мудрого". Первыми из них стали представители культурной элиты: народная артистка Украины О. Басистюк, легенда украинской музыки – А. Мокренко и академик-правовед Ф. Бурчак.

Последней из наград Президента по времени введения (23 августа 1998 г.), но первой по своему значению, стала награда "Герой Украины". Это высокое звание присваивается гражданам Украины за исключительный личный геройский поступок или трудовой подвиг. В соответствии с этим "Герою Украины" вручают орден "Золотая Звезда" или орден "Державы". Первый изготовляется из золота, имеет форму пятиконечной звезды, наложенной на венок из дубовых листьев. Орден "Державы" тоже изготовляется из золота, но имеет форму тризуба в обрамлении двух дубовых веток. Оба ордена имеют также миниатюрную форму – так называемый "фрачный вариант". Первым "Героем Украины" стал широко известный историк академик Национальной академии наук Украины П. Тронько.

Награды Президента Украины по своему правовому статусу, политическому весу и социальному значению выступали как знак официального признания государством в лице его главы выдающихся личных заслуг граждан. По своему статусу они вполне соответствовали уровню государственных наград, однако во всех текстах указов об их введении этот вопрос был обойден из принципиальных соображений. Согласно действовавшей тогда конституции, право награждения государственными наградами имела только Верховная Рада[22]. Окончательное решение вопрос законодательного закрепления высокого правового статуса президентских наград нашел в новой Конституции Украины, принятой 28 июня 1996 г. В ст. 106 включен отдельный пункт о том, что Президент Украины "награждает государственными наградами, устанавливает президентские отличия и награждает ими". С этого времени все награды Президента Украины автоматически получили статус государственных наград и были соответствующим образом переименованы. Однако наградное творчество на этом не остановилось.

Уже 22 сентября 1996 г. в новом статусе государственной награды был учрежден орден "За заслуги", второй по значению после "Ордена князя Ярослава Мудрого". Это – гражданский орден, имеющий три степени. Награжденными могут быть граждане Украины и других стран за личные достижения в гражданской сфере. Причем производятся награждения орденом Третьей сте-

---

[22] Нагороди України: Історія, факти, документи. Т. 3. С. 147–148.

inslav

пени, не ранее чем через три года – Второй и т.д.(исключение может быть сделано для иностранных граждан, которых по статусу ордена "За заслуги" Президент Украины может наградить сразу Первой или Второй степенью ордена). Ордена с таким же названием имеются более чем в 50 странах мира.

С момента введения этого ордена прекратил свое существование Почетный знак Президента Украины, приравненный к новому ордену Третьей степени. При этом номера знаков автоматически становились орденскими номерами.

Орден "За заслуги" Первой степени состоит из двух элементов: звезды для ношения на груди и ордена, который носится на шейной ленте. Ордена Второй и Третьей степени носятся только на груди. Первым кавалером ордена Первой степени стал посол Италии в Украине В. Сурдо.

Есть уже и первые полные кавалеры ордена, прославившиеся в производственной сфере: В. Лукьяненко, генеральный директор Сумского машиностроительного объединения, и В. Поляченко, президент компании "Главкиевгорстрой"[23].

"Орден княгини Ольги" трех степеней введен в августе 1997 г. специально для награждения женщин за выдающиеся заслуги в государственной, общественной, научной, образовательной, культурной, благотворительной сферах деятельности, воспитании детей в семье. Он имеет форму овала с декоративной колодкой в виде банта. На лицевой стороне знака на белой эмали – изображение княгини Ольги, обрамленное орнаментом и украшенное четырьмя аметистами прямоугольной формы.

Самой молодой государственной наградой в Украине является "Орден Данила Галицкого", учрежденный 30 июля 2003 г. для награждения граждан Украины – военнослужащих Вооруженных сил Украины, других военных формирований, государственных служащих за значительный личный вклад в развитие Украины, добросовестное и безупречное служение украинскому народу. Девизом ордена выбраны слова "Родина и честь". Изготовляется он из серебра и имеет форму равностороннего креста с расширенными концами, вогнутыми в середину. Стороны креста покрыты голубой эмалью; в центре креста – круглый эмалевый медальон светло-красного цвета с изображением профиля Данила Галицкого.

Неотъемлемым элементом наградной системы Украины стали три медали: "За военную службу Украине", "За безупречную службу", "Защитнику Отечества". Все они являются военными наградами.

Существующая наградная система и порядок награждений окончательно были закреплены специальным законом Украины "О государственных наградах Украины", принятым в 2000 г. В нем записано, что "государственные награды являются высшей формой отличия граждан за выдающиеся заслуги в развитии экономики, науки, культуры, социальной сферы, защиты Отечества, охраны конституционных прав и свобод человека, государственного строительства и общественной деятельности". Устанавливалась четкая структура государственных наград, к которым относятся: звание Герой Украины, ордена, медали, награда "Именное огнестрельное оружие", почетные звания (34), Государственная премия (4 – в разных отраслях) и Президентские награды, учреждаемые им самим. На данный момент новые награды Президента Украины еще не определены.

---

[23] *Табачник Д.В.* Історико-художні традиції в сучасній українській фалеристиці (до питання про створення ордена "За заслуги") // Мистецькі обрії. Альманах. Київ, 1999. С. 63–67.

inslav

Таким образом, наградное дело в Украине за 12 лет независимости прошло большой и сложный путь, создав продуманную систему государственных наград. В них заложены такие общечеловеческие принципы, как демократизм, отсутствие каких-либо ограничений, равенство всех граждан в деле награждения. Награды современной Украины достойно представляют неодолимое стремление нашего народа к построению собственного государства, сохраняют и укрепляют нашу веру и желание стать народом равным среди равных, с открытым и уверенным взглядом в будущее.

Для изучения всех сторон этого процесса в распоряжении исследователей находится достаточно обширный, но мало использованный круг источников 1990–2003 гг. Прежде всего это законодательные акты, которыми регулировалось и регулируется ныне наградной процесс. Вместе с документами, отразившими этапы их разработки, обсуждения и утверждения, они являются одним из важнейших источников по истории складывания правовой базы существования государственных наград как особого социального института.

Самым высшим из них является Конституция Украины. Речь идет о том тексте Конституции УССР 1978 г., в который в 1991–1992 гг. Верховная Рада Украины вносила изменения, приспосабливая его к историческим реалиям государственной независимости государства после августа 1991 г. В частности, те ее статьи, которые оставили за Верховной Радой право учреждать государственные награды, а президенту – предоставили право вводить свои, президентские знаки отличия.

В 1996 г. утверждена новая Конституция Украины, в которой выписаны права и обязанности Президента, в том числе и право награждения граждан Украины, иностранных граждан и лиц без гражданства государственными наградами Украины и президентскими наградами. Верховная Рада уже не обладает наградными правами.

Следующий уровень источников – законодательные акты. Это прежде всего законы Украины. За период независимости принят закон Украины "О государственных наградах" (в 2000 г.), опубликованных в "Відомостях Верховної Ради України"[24] и других сборниках законов. Так как этот закон существенно корректировал прежнюю наградную практику, в 2001 г. был принят закон «О внесении изменений и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Украины в связи с принятием закона Украины "О государственных наградах"»[25]. Этим законом провозглашались утратившими силу целый ряд указов Президиума Верховной Рады УССР, касающихся наградного дела, а также все предыдущие постановления Президиума Верховной Рады Украины о составе Комиссии по вопросам учреждения государственных наград и ее функциях.

Вместе с тем Верховная Рада утвердила несколько законодательных актов низшего уровня – постановлений Верховной Рады и постановлений Президиума Верховной Рады (органа, существовавшего в парламенте до XIII созыва). Это постановления Президиума Верховной Рады о создании Комиссии по вопросам учреждения государственных наград Украины от 3 января 1992 г., о вынесении на рассмотрение парламента проекта постановления Верховной Рады "О государственных наградах Украины" от 16 февраля 1992 г., о принятии этого проекта в первом чтении от 4 мая того же года, постановление Верховной Рады об учреждении юбилейной медали "50 лет Победы в Великой

---

[24] Відомості Верховної Ради України. 2000. № 21. Ст. 162.
[25] Там же. 2001. № 31. Ст. 149.

inslav

Отечественной войне 1941–1945 гг." от 19 октября 1994 г., а также постановление Президиума Верховной Рады об утверждении положения и описания этой медали от 12 апреля 1994 г.

Значительный источниковедческий интерес представляют постановление Верховной Рады о мероприятиях по празднованию в Украине 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. от 14 декабря 1994 г., которым она отменила предыдущее свое постановление, и постановление об учреждении "Ордена Богдана Хмельницкого" от 27 апреля 1995 г. В частности, в нем шла речь о том, чтобы эскиз и статут этого нового ордена были связаны с "существующим орденом аналогичного названия", т.е. с существовавшей в советское время наградой. Все эти документы находятся в текущем архиве парламента и частично опубликованы в "Відомостях Верховної Ради України"[26].

Поскольку президентские награды в 1995–1998 гг., новые государственные награды после 1998 г. утверждались специальными указами главы государства, и так же указами проводились конкретные награждения, то этот вид законодательных документов составляет следующий, многочисленный вид источников для исследования нашей темы. Среди них обязательно нужно выделить указы "О комиссии по государственным наградам Украины" от 1 апреля 1992 г. и 9 декабря 1994 г., которыми утверждалось положение о комиссии и ее персональный состав[27]. Отдельно необходимо отметить указы об учреждении Почетного знака отличия Президента Украины (первой президентской награды), утверждении положения и описания памятного знака "50 лет освобождения Украины", а также о внесении изменений в описание этого памятного знака. Следует назвать указы об учреждении наград Президента Украины: "За мужество", "Именное огнестрельное оружие", "Орден Богдана Хмельницкого", "Орден князя Ярослава Мудрого", "Герой Украины", государственных наград ордена "За заслуги", "Орден княгини Ольги", "Орден Данила Галицкого". В качестве приложения к каждому такому указу подаются статут награды и ее описание[28].

Подлинники указов хранятся в текущем архиве Администрации Президента Украины. Публикация их осуществлялась в сборниках законодательных актов. Полные тексты всех указов Президента, статуты и описания наград доступны также в электронной форме публикации на официальном веб-сайте Верховной Рады Украины, на странице "Законодательство" **(http://zakon.rada.gov.ua/laws).**

Для специалистов истории наградного дела значительный интерес представляют также стенограммы заседаний Верховной Рады, на которых рассматривались вопросы введения государственных наград Украины. В частности, речь идет о заседании парламента 4 мая 1993 г., когда состоялось первое слушание проекта постановления "О государственных наградах Украины", и заседании 17 февраля 1995 г., когда Верховная Рада уже нового состава снова попыталась обсудить вопрос об учреждении государственных наград. Интересной для историка может быть стенограмма заседания 26 апреля 1995 г., где обсуждался доклад Комиссии Верховной Рады по вопросам куль-

---

[26] Там же. 1992. № 22. Ст. 322; 1994. № 28. С. 248; 1995. № 19. С. 139.

[27] Збірник указів Президента України. 1992. Квітень–червень. С. 6–8; 1994. Жовтень–грудень. Вип. 4. С. 223–226, 228.

[28] Там же. 1995. Квітень–червень. Вип. 2. С. 77–81; 82–86; 89–95; Липень–вересень. Вип. 3. С. 312–319; Офіційний вісник України. 1998. № 34. С. 4.

inslav

туры и духовности о введении по инициативе Президента государственной награды – "Ордена Богдана Хмельницкого". Необходимо также напомнить о заседаниях 12 и 13 февраля 1992 г., когда парламентарии дискутировали проблему президентских полномочий на учреждение наград главы государства; и, наконец, стенограмму заседания 2000 г., в ходе которого состоялось голосование по проекту закона Украины "О государственных наградах".

Печатные тексты стенограмм парламентских заседаний хранятся в текущем архиве Верховной Рады. Все эти материалы доступны также и на веб-сайте Верховной Рады Украины по адресу: **http://www.rada.gov.ua/plenar.htm.**

Несомненный интерес для анализа развития наградного дела в Украине периода независимости имеют разнообразные проекты государственных наград, созданные художниками – фалеристами, а также предложения по поводу их названий, статутов и т.д., подготовленные государственными, общественными и политическими организациями, отдельными лицами. Без их всестороннего рассмотрения картина первых шагов украинской фалеристики будет неполной. Над художественными проектами государственных наград работали такие известные художники Украины, как Ю. Харабет, В. Шоста, М. Лебидь, А. Пономаренко, А. Руденко, М. Яковына, А. Ивахненко, В. Шевцов и др.

Достаточно интересной, на наш взгляд, стала номенклатура названий орденов и медалей. Следует упомянуть, что среди предложений, выдвинутых еще в 1992 г., фигурируют: орден Милосердия, медаль "Звезда Полынь" (для награждения участников ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы); ордена "Национального возрождения Украины", князя Святослава, Ивана Богуна (за боевые заслуги), князя Владимира Мономаха (за успехи в труде), Ивана Мазепы, Тараса Шевченко, Михаила Грушевского и т.п. Не был забыт и небесный покровитель Украины и украинского войска Архистратиг Михаил. Комиссия Президиума Верховной Рады в том же году предлагала следующие названия наград: ордена "Возрожденная Украина", "Почета", "Защитнику Украины", "Милосердия", медали: "За мужество" и "Звезда Полынь". Упомянем о предложениях парламентских комиссий учредить ордена: "Свободы" или "Возрождения", "Украина", "Украинской славы" – в качестве высшей государственной награды; "Рыцарь Украины", "Рыцарский крест", "Военная доблесть и честь", Петра Дорошенко, Ивана Самойловича (гетманов Войска Запорожского) – в качестве военного ордена. Для некоторых из названных наград были разработаны и соответствующие проекты статутов и положений. Упомянутые предложения, а также подготовленные проекты находятся в текущем архиве Верховной Рады.

Все эти материалы наглядно свидетельствуют об актуальности наградных проблем, живом интересе общества к совершенствованию национального наградного дела, значительной подготовительной работе соответствующих структур парламентского аппарата.

В качестве еще одного вида источников, на наш взгляд, необходимо выделить переписку по вопросам наградного дела. Это в первую очередь обращение, которое направил 8 сентября 1994 г. в Верховную Раду Президент Украины, пытаясь стимулировать работу парламента по созданию государственных наград. 19 июня 1992 г. председатель Комиссии Президиума Верховной Рады по вопросам учреждения государственных наград В. Гринёв двумя письмами информировал Президиум парламента о результатах работы своей комиссии и просил поддержать вносимые ею предложения об учреждении системы государственных наград.

inslav

Однако самыми многочисленными источниками этого вида являются обращения министерств, ведомств, организаций и отдельных граждан по вопросам учреждения наград. Так, установлению президентских наград "За мужество" и "Именное огнестрельное оружие" предшествовало обращение председателя Комиссии по государственным наградам при Президенте Украины, одного из авторов этой статьи, с обоснованием такой необходимости.

По поводу учреждения президентской награды "Орден Богдана Хмельницкого" перед главой государства ходатайствовали вице-премьер, председатель Оргкомитета по подготовке и проведении мероприятий, посвященных 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, академик И. Курас, министры обороны и внутренних дел, командующий Национальной гвардией, глава Службы безопасности Украины, целый ряд ветеранских и общественных организаций. Введение "Ордена князя Ярослава Мудрого" инициировали председатель Верховного суда, министры внутренних дел и просвещения, Союзы писателей и журналистов, Национальная академия наук и другие учреждения культуры и образования. Эти документы, свидетельствующие о демократическом характере развития наградного дела в Украине, также хранятся ныне в текущем архиве Администрации Президента Украины.

Наиболее полной документальной публикацией по проблеме украинского наградного дела является трехтомник "Нагороди України" (Київ, 1996). В первом томе собраны все выявленные к тому времени архивные документы о наградах периода освободительной борьбы 1917–1921, наградного творчества украинской эмиграции. Второй том содержит архивные документы о наградах Украинской ССР 1921–1990 гг., в том числе о неосуществленных наградных проектах советского периода. И, наконец, в третьем томе обнародованы документы о наградном деле независимой Украины. Кроме перечисленных выше видов источников этой темы, в книге приводятся ценные статистические сведения о качественном составе отмеченных наградами Украины по отдельным годам (1991–1995), по регионам, отраслям народного хозяйства, реестры награжденных "Орденом Ярослава Мудрого", "За мужество", "Орденом Богдана Хмельницкого", "Именным огнестрельным оружием" и т.д.

Накопленный Украиной опыт в создании наград во многом уникален, хотя и наследует мировые стандарты наградного дела. Однако ни в одном из государств, возникших на территории бывшего СССР, не существовали одновременно государственные награды и награды Президента. Кроме того, ни одна из стран мира не имеет такой разветвленной наградной системы, которая состоит из звания "Герой Украины", орденов, медалей, награды "Именное огнестрельное оружие", почетных званий, Государственной премии и президентских наград.

Современный наградной опыт нашей страны опирается на глубокие национальные традиции, на уверенность в том, что награды являются важнейшим атрибутом государственности и суверенитета, проявлением признательности со стороны государства всем тем людям, которые в нелегких условиях переходного периода делают все, чтобы Украина стала сильным, демократичным и процветающим государством.

За 12 лет независимости накопился значительный источниковый массив, который позволил на строго научной основе объективно и беспристрастно исследовать и раскрыть этот опыт.

inslav

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ЗАСЕДАНИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН 3 АПРЕЛЯ 2003 г., ПОСВЯЩЕННОМ ПАМЯТИ С.Ф. ПЛАТОНОВА

Заседание наше – дань уважения к памяти скончавшегося 70 лет назад, 10 января 1933 г., на 73-м году жизни, академика Сергея Федоровича Платонова – классика отечественной исторической науки, в советские годы первого и единственного избранного (в 1918 г.) председателя прежней Археографической комиссии.

Хотя главный труд историка "Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв." переиздали еще в 1937 г., и подготовленный в конце 1930-х годов учебник по отечественной истории для высшей школы опирался, прежде всего, на знаменитый лекционный курс Платонова и по системе построения и по государственнической направленности, Платонова в обобщающих историографических трудах согласно политико-идеологической установке изображали убежденным монархистом и реакционером еще в 1960-е годы. Эта же характеристика была типична и для историографических разделов монографий. Сошлемся на книгу такого видного историка, как А.А. Зимин, – "Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.", изданную в 1960 г., где читаем: "Идейный тупик, в который зашла буржуазная историография в конце XIX – начале XX в., сказался в трудах С.Ф. Платонова. Выступая с попыткой обосновать на историческом материале незыблемость самодержавия, испытывая страх перед нараставшим революционным движением, реакционная дворянская и либерально-буржуазная историография все чаще обращала свое внимание ко времени укрепления централизованного государства... Представления С.Ф. Платонова о событиях середины XVI в. повторяют наиболее идеалистические представления дворянско-буржуазных апологетов самодержавия" (С. 24). И ссылки даны и на "Очерки по истории Смуты...", и на книгу 1923 г. "Иван Грозный".

Первая серьезная диссертационная работа о Платонове В.А. Шарова "Проблемы социальной и политической истории России второй половины XVI – начала XVII вв. в трудах С.Ф. Платонова", написанная в МГИАИ под научным руководством В.А. Муравьева, появилась лишь в 1984 г.

В последние десятилетия интерес к творчеству и биографии Платонова все возрастает, переиздаются его труды и дореволюционных, и последующих лет – и исследовательские, и научно-популярные работы, и учебные пособия; напечатаны книги и статьи о его жизни и творчестве; по этой же тематике защищаются диссертации. В Самаре, где скончался высланный туда ученый, уже не один год проходят "Платоновские чтения", организованные местным университетом при участии Санкт-Петербургского института истории РАН.

Несправедливо исключенный в 1931 г. из состава действительных членов Академии наук Платонов после полной реабилитации его и других осужденных по фальсифицированному делу "О контрреволюционном заговоре в

inslav

Академии наук" был постановлением Президиума Академии наук в 1968 г. восстановлен в звании академика. И Библиотекой РАН готовятся с начала 1990-х годов к печати материалы следственного "Академического дела 1929–1931 годов" (дело самого Платонова издано как первый том публикации).

Однако в учреждениях Академии наук до сих пор не было научных конференций или заседаний, специально посвященных виднейшему по положению академику-историку 1920-х годов.

Задача нашего заседания – прежде всего, информировать о том, что делается в Археографической комиссии для изучения творчества и биографии Платонова, привлечь внимание к новым выявленным данным, определить перспективы дальнейшей работы.

В "Археографическом ежегоднике", начиная с книги за 1992 г., публикуются и архивные материалы творческого наследия историка, и материалы о жизни и творчестве его. Готовится к печати (с грифом и Российской национальной библиотеки, где находится личный фонд академика) Собрание сочинений Платонова в шести томах.

В первом томе публикуются впервые его монографического плана дипломное студенческое сочинение "Московские земские соборы XVI и XVII вв." и реферат тех же лет "Боярская дума в Московском государстве по исследованию Н. Загоскина" и магистерская диссертация "Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник" (по второму изданию 1913 г.).

Во втором томе намерены напечатать докторскую диссертацию ученого "Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время" по последнему прижизненному изданию 1910 г. Том предполагается, однако, готовить последним, так как давно уже признаваемый классическим труд этот не раз переиздавался – в последний раз в 1995 г. в академической серии "Памятники исторической мысли".

В третьем томе будут помещены труды Платонова собственно исторической и источниковедческой тематики, написанные в дореволюционные годы; в четвертом – такой же проблематики научные труды советских лет. В пятом томе – труды историографической тематики (в их числе и мемуарного жанра), рецензии, библиографические работы. В шестом томе – работы о методике изучения и преподавания истории, неопубликованные в тиражированных изданиях лекционные курсы и последний незавершенный обобщающий труд по истории России, предназначавшийся для Энциклопедического словаря братьев Гранат.

В значительной мере уже выявлены (благодаря каталогу, составленному В.А. Колобковым) неопубликованные материалы в личном архиве Платонова. В Археографической комиссии глубоко признательны руководителям Российской национальной библиотеки и сотрудникам ее Отдела рукописей за содействие нашей работе.

Выявлены относящиеся к нашей тематике документы и в других хранилищах (архивах, библиотеках, музеях). Это – и авторские труды самого Платонова, и многочисленные письма Платонова и к Платонову, и деловая документация, и сведения о Платонове в разнообразного вида документах; поиск продолжается. Представления о Платонове существенно обогащаются благодаря всё расширяющемуся изучению жизни и деятельности историков – современников Платонова: В.С. Иконникова, С.Д. Шереметева, П.Н. Милю-

inslav

кова, М.К. Любавского, Н.П. Лихачева, А.С. Лаппо-Данилевского, М.М. Богословского, А.Е. Преснякова, П.Г. Васенко, С.К. Богоявленского, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина, Б.Д. Грекова, Б.А. Романова и др. От души благодарим и занятых этой тематикой исследователей за получаемую от них информацию.

На основании уже выявленных писем подготовлены два тома избранных писем (все письма пока опубликовать невозможно, да и поисковая работа еще не завершена). В первой книге публикуются обнаруженные в разных хранилищах письма самого Платонова. Это 625 писем за 1883–1930 гг. – последнее написано было утром в день ареста. Во второй – полная двусторонняя переписка с московскими историками П.Н. Милюковым (за 1886–1901 гг.), А.И. Яковлевым (за 1907–1929 гг.), М.М. Богословским (за 1909–1929 гг.).

Это показывает, насколько расширилась источниковая база исследований о Платонове, особенно о времени становления Платонова как историка и о его многогранной и целенаправленной деятельности в советские годы – и научно-просветительской, и научно-исследовательской, и научно-организационной. Платонов был убежден в воспитывающей функции истории, и в осуществлении ее видел свое жизненное призвание. Он придавал первостепенное значение профессионализму историка и гордился своим всесторонним владением приемами мастерства историка, что подпитывало и его самоуважение.

Материалы нашего заседания станут основой издания Приложения к "Археографическому ежегоднику за 2003 год", специально посвященного жизни и творчеству академика С.Ф. Платонова (к 70-летию со времени кончины его). Там будут и первые публикации малоизвестных сочинений Платонова, переписки, дополнения к библиографии ученого, материалы о взаимоотношениях Платонова с другими историками, об участии в различных научных начинаниях, обзор дневниковых записей супруги историка Надежды Николаевны, данные о трагической гибели их сына, профессора-химика.

Полагаю, что материалы эти помогут дальнейшей работе по публикации и изучению научного наследия и биографии крупнейшего историка-исследователя, педагога и организатора науки и высшего образования, а позднее и в составлении по-настоящему научного труда о жизни и творчестве Сергея Федоровича Платонова.

inslav

М.С. Черкасова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОНАСТЫРСКИХ АРХИВОВ РОССИИ XVI–XVII вв.

Корпус источников по русской истории XVI–XVII вв. невозможно себе представить без многочисленных и разнообразных документов, дошедших до нас в составе монастырских архивов. Это прежде всего поземельные акты, копийные книги, комплекс "вотчинных хозяйственных книг" (вытных, оброчных, ужинно-умолотных, приходо-расходных, отписных), писцовые и переписные книги и др. Ранним этапом научной разработки таких источников стало их собирание высшими и центральными государственными учреждениями (Сенатом, Синодом, Коллегией экономии) в XVIII в., церковными иерархами и историками, а также археографическими экспедициями в первой половине XIX в., местными археографами и краеведами во второй половине XIX – начале XX в.[1] До сих пор исследователи обращаются к многотомным изданиям: "История Российской иерархии", "Акты Археографической экспедиции", "Акты исторические", "Акты юридические", "Акты, относящиеся до юридического быта древней России", "Дополнения к актам историческим", "Обзор грамот Коллегии экономии". Они содержат огромное количество документов, извлеченных из монастырских архивов Амвросием Орнатским, Евгением Болховитиновым, П.М. Строевым, М.П. Погодиным, Я.И. Бередниковым, Н.В. Калачовым, С.А. Шумаковым и др. Большая совокупность разнообразной документации из архивов крупнейших русских монастырей – Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского – была напечатана в приложениях к монографиям, посвященным их юбилеям в конце XIX в.[2]

В 1950–1980-е годы на высоком научном и археографическом уровне были выполнены систематические публикации грамот из архива Московской митрополичьей кафедры и ряда монастырей ("Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв." Ч. 1–4; "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в." Т. 1–3; "Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря". Т. 1–2). Заметным явлением в актовом источниковедении стала публикация в "Археографических ежегодниках" в конце 1950-х –начале 1980-х годов "Хронологических перечней иммунитетных грамот XVI в.", начатая С.М. Каштановым, а затем дополненная им же, В.Д. На-

---

[1] Подробнее см.: *Корнеева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археографии в дореволюционной России. М., 1969; *Коновалов Ф.Я.* Мало изученные страницы археографии XVIII – начала XX в. (По материалам Вологодской губернии) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: Межвуз. сб. науч. трудов, посвящ. проф. П.А. Колесникову. Вологда, 1992. С. 89–97.

[2] *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1892; 2-е изд. М., 1909; *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры. М., 1890. Ч. 2: Приложения архим. Леонида (Кавелина); *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. СПб., 1897. Т. 1, вып. 1; СПб., 1910. Т. 1, вып. 2.

inslav

заровым, Б.Н. Флорей и продолженная Д.А. Тебекиным, доведшим перечень до 1610 г.[3] В этих перечнях представлены сведения почти о 2,5 тыс. публично-правовых актах (с указанием подлинников и списков, печатей, дьяков, подтверждений, изданий) как сохранившихся, так и известных только по упоминаниям (в позднейших грамотах либо монастырских описях, писцовых и переписных книгах XVII–XVIII вв.).

Последнее десятилетие было ознаменовано заметным подъемом актовой археографии, когда увидели свет грамоты из архивов Саввина Сторожевского монастыря, Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, московских монастырей и соборов, документы поместно-вотчинных архивов. Регулярно издаются выпуски "Русского дипломатария", содержащие тексты и исследования новых грамот XV–XVII вв. (А.В. Антонов, К.В. Баранов, С.Н. Кистерев, О.Е. Кошелева, А.В. Маштафаров, В.Д. Назаров, С.И. Сметанина, С.В. Стрельников и др.). Публикуются перечни грамот по фондообразователям (монастыри, церкви, архиерейские кафедры, светские землевладельцы), обсуждаются актуальные проблемы дипломатики и актовой археографии.

В качестве объекта изучения монастырские архивы можно рассматривать как исторически сложившиеся, целостные совокупности разнообразных, а не только актовых, источников, органично отражающих функционирование различных ведомств по управлению хозяйством и внутренней жизнью обителей. До сих пор в нашем источниковедении изучались, как правило, отдельные, наиболее важные разновидности документации из монастырских архивов (скажем, грамоты и копийные книги списков с них, вотчинные хозяйственные описания), и на этом пути достижения науки совершенно очевидны (работы А.А. Амосова[4], Е.Н. Баклановой[5], Ю.С. Васильева[6], С.Б. Веселовского[7], Н.А. Горской[8], А.Х. Горфункеля[9], Б.Д. Гре-

---

[3] *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. I // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302–376. № 1–595; Ч. II // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200. № 596–1139; *Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. III // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197–253. № 1-513. (Далее: ХП); *Тебекин Д.А.* Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг. Ч. I // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 191–235. № 1-325; Ч. II // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 210–255.

[4] *Амосов А.А.* О методике исследования описей монастырских архивов // Социально-политическая история СССР: Сб. статей аспирантов и соискателей. М., 1974. Ч. 2. С. 69–90; *Он же.* Архивная опись как источник информации об утраченных актах // СА. 1975. № 1. С. 61–65; *Он же.* Архивы двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

[5] *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976; *Швейковская Е.Н.* Приходо-расходные книги XVI–XVII вв.: Типология и классификация // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. С. 37–52.

[6] Вотчинная дозорная ("обежная") книга старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда / Публ. Ю.С. Васильев // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период): Межвуз. сб. науч. трудов. Вологда, 1985. С. 136–158.

[7] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. М, 1929; АСЭИ. М., 1952. Т. I; АРГ (1505–1526) / Сост. Б. Веселовский; Подг. к печати Р.В. Бахтурина, И.А. Булыгин, Л.И. Ивина, С.М. Каштанов, Л.З. Мильготина, В.Д. Назаров, Л.А. Никитина. М., 1975.

[8] *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.

[9] *Горфункель А.Х.* Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в.: Канд. дис. Л., 1956 (Архив СПб ИИ РАН. Фонд дис. № 30); *Он же.* Рост землевладения Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI и в XVII вв. // ИЗ. М., 1963. Т. 73; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. / Сост. А.Х. Горфункель; З.В. Дмитриева; Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1983. Вып. 1–3.

inslav

кова[10], З.В. Дмитриевой[11], Г.П. Енина[12], А.А. Зимина[13], Л.И. Ивиной[14], С.М. Каштанова[15], Е.И. Колычевой[16], А.Г. Манькова[17], А.В. Маштафарова[18], В.Д. Назарова[19], В.Б. Павлова-Сильванского[20], Л.С. Прокофьевой[21], Ю.Д. Рыкова[22], М.Н. Тихомирова[23], Л.В. Черепнина[24] и др.). Речь идет и о специальной источниковедческой разработке обширных по объему копийных актовых сборников, поземельно-хозяйственных описаний, и об их археографической обработке, и о конкретно-историческом изучении по ним ряда кардинальных проблем социально-экономического развития России XV–XVII вв. (феодальное землевладение и хозяйство, государственное и

---

[10] *Греков Б.Д.* Новгородский дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1 (Записки историко-филологического ф-та СПб. университета. Ч. 120); *Он же.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. I: Софийский двор в Новгороде // ЛЗАК за 1923–1925 год. Л., 1926. Вып. 33; II. Собственное сельское хозяйство // ЛЗАК за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1(34); *Он же.* Вотчинные писцовые книги // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 181–191.

[11] *Дмитриева З.В.* Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.

[12] Описание документов XIV–XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в ОР РНБ / Сост. Г.П. Енин. СПб., 1994.

[13] Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / Под ред. М.Н. Тихомирова и А.А. Зимина. М.; Л., 1948; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.

[14] *Ивина Л.И.* Копийная книга актов Симонова монастыря XVII в. // ПИ. М., 1962. Вып. 10. С. 235–254; *Она же.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. // ЗОР ГБЛ. 1961. Вып. 24. С. 5–44; *Она же.* Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XIV–XVII вв. // ЗОР ГБЛ. М., 1965. Вып. 27. С. 149–163; *Она же.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979.

[15] *Каштанов С.М.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // ЗОР ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 5–47; *Он же.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // ЗОР ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 96–142; *Он же.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Он же.* По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря). Ч. 1–4 // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 30–63; М., 1979. Вып. 40. С. 4–58; М., 1981. Вып. 42. С. 5–63; М, 1982. Вып. 43. С. 4–37.

[16] *Колычева Е.И.* Денежный бюджет монастырей по приходо-расходным книгам XVI в. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вологда, 1976. Вып. 1. С. 45–61.

[17] *Маньков А.Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951; *Он же.* Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян // ПИ. М., 1955. Т. IV; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. / Под ред. А.Г. Манькова. М., 1955; ВХК XVI в. Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1976. Вып. 1–3; ВХК XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573–1590 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1978. Вып. 1–2; ВХК XVI в. Приходные, расходные, окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979. Вып. 1–2; ВХК XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / Под ред А.Г. Манькова. М.; Л., 1980. Вып. 1–2; ВХК XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1987. Вып. 1–2.

[18] Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2000. С. 35–43 (анализ архива Архангельского собора Московского Кремля). (Далее: АРГ. АММС).

[19] Там же. С. 105–111, 227–228, 278–292 (об архивах Московских Богоявленского, Новоспасского и Новодевичьего монастырей, Успенского собора Московского Кремля).

[20] Источники по социально-экономической истории России XVI–XVII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подг. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985.

[21] *Прокофьева Л.С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. М; Л., 1959.

[22] *Рыков Ю.Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 85–105.

[23] *Тихомиров М.Н.* Монастырь-вотчинник XVI в. // Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 120–154; *Тихомиров М.Н., Флоря Б.Н.* Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/07 г. // АЕ за 1966 год. М., 1968.

[24] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. М.; Л., 1951. Ч. 2.

inslav

сеньориальное обложение, сельское расселение и динамика народонаселения и др.).

Настало время для создания специальных источниковедческих исследований, посвященных комплексному и всестороннему изучению формирования и функционирования в течение ряда веков архива определенной церковной корпорации как единого целого. Принцип изучения источников (княжеских духовных и договорных грамот, законодательных памятников, актов и монастырских копийных книг) в связи с историей архивов, в составе которых они до нас дошли, был заложен и успешно реализован Л.В. Черепниным в его классической монографии "Русские феодальные архивы XIV–XV вв." Плодотворное развитие этот принцип получил в работах крупнейшего современного специалиста по дипломатике С.М. Каштанова. Всестороннее исследование им сборников Погодинского собрания в ОР РНБ, ряда других центральных и региональных архивов позволило выявить десятки новых грамот либо неучтенных ранее списков, принадлежавших Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, переславским Никольскому на Болоте и Троицкому Данилову, вологодским Павлову Обнорскому и Спасо-Прилуцкому, суздальским Покровскому и Спасо-Евфимиеву, владимирскому Рождественскому монастырям, городским соборам г. Балахны и Нижнего Новгорода, некоторым светским лицам[25].

Особенно должен быть отмечен опыт реконструкции-публикации текста общей жалованной грамоты Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю от 2 сентября 1550 г., осуществленный С.М. Каштановым на основе комбинации ряда фрагментов из нескольких списков копийных книг XVI–XVII вв. По сути, в исследованиях С.М. Каштанова было представлено наиболее результативное направление научной реконструкции феодальных архивов, когда в ходе успешного поиска открывались неизвестные актовые источники XV–XVI вв., обогащался сам фактический ряд исторического знания, совершенствовалась комплексная методика дипломатики и актовой кодикологии. Имеется ценный опыт изучения и научной реконструкции других архивов феодальной России – Московской митрополичьей кафедры, двинских монастырей, государственного и царского архивов, архива Посольского приказа (в трудах А.А. Амосова, С.А. Белокурова, В.И. Гальцова, А.А. Зимина, А.И. Плигузова, Г.В. Семенченко, Л.В. Черепнина, С.О. Шмидта)[26]. В современной отечественной медиевистике изучение средневековых архивов и научная реконструкция их состава также является одним из приоритетных направлений (статьи и фундаментальная монография И.С. Филиппова)[27].

---

[25] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Он же.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996.

[26] Работы А.А. Амосова см. в примеч. 3; АФЗХ. М., 1961. Ч. III. С. 379–381; *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории: Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676) по современным описям // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. С. 1–80; *Гальцов В.И.* Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1–2; *Он же.* Опись архива Посольского приказа 1673 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1–2; *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1978; Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. / Подг. текста А.И. Плигузова, Г.В.Семенченко, Л.Ф. Кузьминой; Предисл. А.И. Плигузова. М., 1986; *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.

[27] *Филиппов И.С.* Раннесредневековый архив аббатства Сен-Виктор де Марсель: Опыт реконструкции // Средние века. М., 1988. Вып. 51. С. 201–221; *Он же.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье: Проблема становления феодализма. М., 2000. Гл. 2.

inslav

Опираясь на предпринятый нами опыт комплексного изучения архива крупнейшего в России Троице-Сергиева монастыря (и актово-владельческой, и хозяйственно-делопроизводственной его части)[28], попытаемся дать сравнительный источниковедческий анализ становления и эволюции монастырского документального комплекса XV–XVII вв. Необходим учет общих черт и особенностей в составе документального наследия и в организации архивного дела в монастырях, в зависимости от их масштаба, социально-политического веса в государстве, местных традиций деловой письменности, других обстоятельств.

Для практики общежительных монастырей и архиерейских кафедр XV–XVII вв. было характерно составление и хранение больших массивов поземельной документации, образцово поставленная организация "архивной службы". Это являлось дополнительным фактором экономического процветания и морально-идеологического влияния духовных корпораций. Основные сферы социальных взаимосвязей обителей – церковно-государственные, межфеодальные, внутримонастырские и сеньориально-крестьянские – были документированы с разной степенью полноты, и отразившие их документальные комплексы находятся в разном количественном и видовом соотношении. Изучение определенных разновидностей документации из монастырских архивов в связи с историей породивших их ведомств, должностных лиц, работавших в этих ведомствах, представляет несомненный научный интерес. Считаем плодотворным применение методов сравнительного источниковедения, дипломатики, палеографии, сфрагистики, построения синтетического исследования на стыке источниковедения и архивистики, истории канцелярий. О важности таких синтетических построений, отражающих общемировую тенденцию к генерализации науки, пишет в своих аналитических обзорах С.М. Каштанов[29].

В общежительных монастырях (особенно крупных) система документирования (порядок составления, хранения, учета документов, ведения делопроизводства) развивалась постепенно по мере формирования различных ведомств монастырского управления. В этом процессе имели место сходные черты с эволюцией общерусской системы управления, которая шла от великокняжеской Казны и Дворца через дальнейшую специализацию различных ведомств с соответствующими штатами должностных лиц и документации[30]. В XV в. монастырская казна функционировала как нерасчлененная совокупность сокровищ, денег, книг, утвари, документов, возможно, что и каких-то запасов. Совместный учет имущества, включая документы, книги, деньги, предметы утвари и прочее сохранялся в ряде монастырей и в последующее время, но заметнее другая тенденция, отражающая более четкую их систематизацию и упорядоченность управления. В XV–XVII вв. в духовных учрежде-

---

[28] *Черкасова М.С.* К вопросу о научной реконструкции архива Троице-Сергиевой Лавры XVI–XVII вв. // Региональные аспекты исторического пути православия: Архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегион. науч. конф. Вологда, 2001. С. 150–157; *Она же.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII в. (По архиву Троице-Сергиевой Лавры): Автореф. .. дис. д-ра ист. наук. М., 2001. С. 16–23.

[29] *Каштанов С.М.* Современные проблемы европейской дипломатики // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 26–51.

[30] *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 275–276.

inslav

ниях формируются различные подразделения ("службы") с наименованием казны: крепостная, денежная, ризная, книгохранительная, плательная, оружная и др. В рамках этой специализации складываются ведомства дворцовых, конюшенных, житенных и прочих старцев. С.Н. Богатырев отмечает, что в Московском Чудове монастыре отдельно велось келарское и казначейское делопроизводство[31]. По звенигородскому Саввину Сторожевскому монастырю в 1660–1670-е годы были составлены отдельные описи ризницы, казны и келарской службы[32]. Н.П. Успенский называет четыре основные службы в Кирилло-Белозерском монастыре – келарскую, казначейскую, житенного старца и строителя[33].

Б.Д. Греков выявил 60 "отводных книг" Соловецкого монастыря XVI–XVII вв., составлявшихся в различных его службах (числом до 29) при передаче соответствующей казны (крепостной, ризной, сушиленной, мельничной и пр.) от одного старца к другому[34]. Для крупных многовотчинных монастырей была характерна большая дифференцированность ведомств по организации хозяйства и управления, тогда как для основной массы средних и мелких обителей исследователи установили сравнительно слабую функциональную расчлененность отраслей управления, полномочий вотчинных агентов и видов соответствующей документации[35]. На сохранность документальных комплексов оказывали влияние и монастырские уставы. В.Д. Назаров отмечает неполноту документации, оставшейся от монастырей с келлиотским (особножительным) уставом (Московских Богоявленского и Новоспасского[36]), в отличие от общежительных обителей.

В небольшой заметке о крепостном архиве Троице-Сергиевой Лавры С.Б. Веселовский писал о недостаточной изученности конкретных способов образования монастырских архивов вообще. Ученый считал, что их владельческая, крепостная часть (акты и копийные книги) всегда хранилась более тщательно у казначея, тогда как текущая, хозяйственная и делопроизводственная – менее бережно у келаря[37]. Такие же наблюдения встречаем у других источниковедов – В.С. Иконникова, И.А. Голубцова[38]. Подобное можно найти в книге С. Шевырева, описавшего свое путешествие по русским святыням в 1847 г. В ходе посещения Кирилло-Белозерского монастыря ему запомни-

---

[31] Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подг. текста С.Н. Богатырева. М, 1996. С.13–14.

[32] Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII века / Сост. С.Н. Кистерев и Л.А. Тимошина. М., 1994.

[33] *Успенский Н.П.* О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря // ЧОИДР. 1897. Кн. I. Отд. IV. С. 1–58.

[34] *Греков Б.Д.* Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря // ЛЗАК за 1923–1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 82–85. См. также: *Тутова Т.Л.* Из истории архива Соловецкого монастыря // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 58–67.

[35] *Шамина И.Н.* Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: Землевладение и организация хозяйства: Рукопись канд. дис. М., 2003. С. 282–285. (Рукопись хранится на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.)

[36] АРГ. АММС. М., 2000. С. 111, 228.

[37] *Веселовский С.Б.* Крепостной архив Троице-Сергиевой Лавры // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 150–152.

[38] *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. I, кн. 1. С. 64; *Голубинский Е.Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1909. С. 268; *Голубцов И.А.* Археографическое введение // АСЭИ. Т. I. С. 23.

inslav

лось, что в библиотеке с большой тщательностью хранились рукописные книги литературного содержания и отдельные царские грамоты, а на первом этаже того же здания, прямо на полу "в огромных ящиках лежали кучи пыльных свертков. Все это бумаги, относящиеся к хозяйственному управлению монастыря"[39].

Исходя из отмеченной посылки, С.Б. Веселовский выделял такую существенную черту Троицкого архива, как полное отсутствие в нем хозяйственной документации, небрежно хранящейся у келаря и сгоревшей в пожаре Лавры 1747 г. Ниже к этому вопросу нам еще придется специально обратиться. Здесь же добавим, что хозяйственных книг за XVI в. нет и в дошедшем до нас составе архивов и некоторых других учреждений – Московской митрополичьей кафедры, Симонова, Спасо-Ярославского монастырей.

Вторая отличительная черта Троицкого архива, по мысли Веселовского, заключалась в огромной по масштабу крепостной части, что вполне соответствовало его первенствующему экономическому потенциалу как крупнейшего корпоративного собственника земли и крестьян в рамках Русской церкви. На нынешнем этапе изучения это мнение Веселовского можно подкрепить конкретными данными – общее число крепостных актов Сергиева монастыря за XV–XVII вв. составляет 3,5 тыс. единиц + 100 копийных книг XVI–XVIII вв. За XVI в. он имеет 10 копийных книг, тогда как по каждому из монастырей (Кирилло-Белозерскому, Иосифо-Волоколамскому, Симонову, Спасо-Ярославскому, Московской митрополичьей кафедре) за XVI–XVIII вв. сохранилось по 1–4 книги. Поэтому определение Троицкого архива крепостных актов, как устрашающе огромного, не кажется преувеличением. Сам по себе внушительный комплекс троицких актов и копийных книг требовал специального выявления, разработки, публикации, отодвигая задачу социально-экономического исследования крупнейшей монастырской вотчины на неопределенное время.

Свидетельством отлаженной и систематической работы крепостной казны в ряде крупнейших монастырей служит составление в них (особенно в Троицком) больших массивов копийных книг, "записных книг крепостной казны", описей актов XV–XVII вв. Формирование этой отрасли относится уже к 30–40-м годам XV в., когда в грамотах появляются упоминания о троицких дьяках и "подьяках", что указывает на определенную иерархию должностных лиц крепостной казны и выделение ее из более древней и непременной для любого монастыря сферы книгописания[40]. Таким образом, одновременно с формированием дьяческого аппарата московских великих и удельных князей как важного социально-политического института в системе единого Российского государства идет формирование и монастырского дьячества. Этот институт менее изучен по сравнению с государственным дьячеством в

---

[39] Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни проф. С. Шевырева в 1847 г. М., 1850. Ч. 2. С. 51.

[40] Подробнее см.: *Черкасова М.С.* Сравнительное изучение монастырских архивов: Источники и проблемы // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 290–310; *Она же.* К изучению монастырского дьячества в XV–XVII вв. (По архиву Троице-Сергиевой Лавры) // Российское государство в XV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 242–260.

inslav

XV–XVII вв. (работы И. Грали, Н.Ф. Демидовой, А.А. Зимина, А.К. Леонтьева, В.Д. Назарова, А.П. Павлова, С.О. Шмидта и др.)[41].

С дьяками как агентами крепостной казны связан вопрос о бытовании монастырских актовых печатей. В Троицком монастыре крепостное ведомство формировалось в XV в. под началом келаря. При сравнительном изучении сфрагистики в Троице-Сергиевом и Кирилло-Белозерском монастырях удалось установить ряд существенных отличий. В Троице в XV в. практически не сложилась настоятельская печать (ни игуменская, ни архимандричья после получения соответствующего статуса в 1561 г.), казенные дьяки и соборные старцы скрепляли поземельные акты "печатью келарской Сергиева монастыря", "печатью келарской домовой, казенной". Последняя не имела именных надписей, а присваивалась в целом крепостной казне как ведомству или Сергиеву монастырю как "дому Живоначальной Троицы"[42].

В Кириллове монастыре в XV–XVI вв. актовые печати могли принадлежать и игумену, и келарю, и казначею, и отдельным старцам, имея именной, индивидуальный характер. В 1582 г. в Кириллове монастыре зафиксировано одновременное существование трех серебряных печатей – игуменской, келарской и казначейской[43]. По-видимому, особенности троицкой и кирилловской сфрагистики отразили определенные отличия в организации властных институтов этих крупнейших в России духовных корпораций – доминирующую роль и широкий объем властных полномочий келаря в Троице и большее равновесие трех высших должностных лиц в Кириллове монастыре. Урегулирование поземельных споров, в том числе и межмонастырских, ставших заметными на Руси в конце XV в., способствовало появлению разъезжих грамот-противней, печати при которых играли важную удостоверяющую роль[44].

Широкая сфера применения троицкой крепостной печати предполагала заверение его монастырских списков с государевых жалованных и указных грамот, рассылаемых из Москвы на места воеводам, губным старостам, городовым приказчикам во исполнение прописанных в них условий, гарантирующих привилегии монастыря. Тем самым государство признавало нотариальные функции Троицкой крепостной казны, а изготовленным в ней спискам с официальных документов, как отмечает С.М. Каштанов, придавалось значение юридически аутентичных копий, хотя печать на них была не государственная, а монастырская[45]. Широкое применение имела келарская печать в ре-

---

[41] *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 219–286; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1960; *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605) // ИЗ. М., 1988. Т. 116. С. 187–227; *Шмидт С.О.* О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической мысли России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 181–190; *Он же.* "Писари русские" // *Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 302–329; *Он же.* О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI в. // Там же. Прил. II. С. 439–466.

[42] АСЭИ. Т. I. № 75 (предположительно), 304, 375, 407, 410, 437, 551, 559, 597; ОР РГБ. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой Лавры) (Далее: АТСЛ) № 980; Кн. 639. Л. 39; ОР РНБ. Основное собрание актов и грамот. Оп. 2. № 263.

[43] *Успенский Н.П.* О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря // ЧОИДР. 1897. Кн. I. С. 43, 47.

[44] АФЗХ. М., 1951. Ч. I. № 206.

[45] *Каштанов С.М.* О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 26.

inslav

гулировании межфеодальных отношений. На основе Вкладной книги и Троицкой описи 1641 г. удалось выявить десятки упоминаний о заверенных ею вкладных памятях, отписях, записях, копиях с поземельных актов, выдаваемых из монастырской казны светским контрагентам корпорации. Следовательно, троицкая казна действовала не только как архив, но и как своеобразная канцелярия, имеющая нотариальные функции в сфере публично- и частноправовых отношений[46].

С 1620-х годов и до середины XVIII в. крепостную казну в Троице возглавляли крепостные старцы (их, видимо, и можно назвать, вслед за С.Б. Веселовским, крепостными казначеями). С 1630-х годов это должностное лицо становится членом монастырского собора, войдя в верхушку троицкого руководства. Состав крепостных старцев для XVII – первой половины XVIII в. может быть установлен с большой полнотой, поскольку систематическим и регулярным стало создание описей крепостной казны при ее передаче от одного старца (крепостного казначея) к другому.

Ранее (до конца XVI в.) эту отрасль управления возглавлял келарь, что в сочетании с общемонастырским значением келарской печати говорит не столько о повседневно-хозяйственном, сколько о владельческо-корпоративном, судебно-политическом значении данного института. Под эгидой келаря Евстафия Головкина (одного из ярких представителей троицкого монашества конца XVI в., талантливого художника) в 1586/87 г. был составлен комплекс троицких копийных книг № 520-526, подробно исследованный С.М. Каштановым[47]. Евстафий Головкин ввел в практику ведение "записных книг крепостей" и описей грамот (№ 656-657), т.е. был своего рода реформатором архивного дела в крупнейшем русском монастыре.

Л.В. Черепнин и С.М. Каштанов относят начало создания копийных книг на Руси к последней четверти XV в. (у Московской митрополичьей кафедры и отдельных монастырей – Кирилло-Белозерского и Троице-Сергиева)[48]. Причиной их составления могла быть правительственная проверка владельческих прав корпораций и связанное с нею проведение землеописательных работ. С.Б. Веселовский подчеркивал именно последнюю причину составления сборников копий – списки с поземельной документации давались писцам и межевщикам с тем, чтобы не рвать подлинники.

Благодаря глубоким и всесторонним исследованиям С.М. Каштанова и Л.И. Ивиной, история формирования Троицких сборников копий в конце XV – первой половине XVII в. (до 1641 г. включительно) и состав содержащихся в них актов были выяснены довольно полно. В ходе формирования копийных книг в крепостной казне Троицкого монастыря проводилась видовая и географическая систематизация грамот, монастырские архивисты группировали их в особые подборки, составляли заголовки к ним, оглавления и предисловия к самим книгам, нумеровали акты, листы (либо тетради) в сборниках, делали в них различные пометки. О развитии "практической дипломатики" в то время в крепостной казне Троицы говорит и разнообразие наимено-

---

[46] И.С. Филиппов отмечает, что в Европе достоверность картулярных копий стали заверять у нотариуса с середины XIII в. См.: *Филиппов И.С.* Раннесредневековый архив. С. 219. Примеч. 106.

[47] *Каштанов С.М.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. С. 5–47.

[48] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. 2. С. 29–34; *Каштанов С.М.* Копийные книги. С. 5–6.

inslav

ваний грамот, даваемое архивистами – жалованная, тарханная, указная, льготная, оброчная, несудимая, срочная, отказная, сыскная и т.д.

В комплектовании и систематизации актового материала, как показал С.М. Каштанов, был весьма важен территориальный принцип их подборки. Столь крупновотчинному монастырю с постоянно растущими в XV–XVI вв. владениями во множестве уездов страны этот принцип помогал ориентироваться в закреплении своих поземельных прав. Территориальные подборки актов в книгах № 518-526 (XVI в.) послужили затем основой для формирования поуездных разделов в книгах 1641 г. – № 530-533 (в них, по подсчетам А.С. Лаппо-Данилевского, содержится 2375 грамот, по подсчетам Л.И. Ивиной – 2369)[49], а в дальнейшем стали основой обширного комплекса из 77 поуездных копийных книг 1684/85 г. Поуездные группировки актов лежали в основе и других разновидностей поземельно-учетной документации вотчинного происхождения – записной книги актов 1616–1639 гг. (№ 660), сыскных книг 1622/23 г. (№ 658-659), многочисленных описей крепостной казны Троицкого монастыря XVII в. (1621, 1623, 1645, 1659, 1678, 1685 гг. и др.).

При изучении комплекса троицких копийных книг № 527-533 Л.И. Ивина установила, что тексты грамот в них вносились с подлинников и по ним сверялись. Такое сопоставление возможно в отношении примерно двух третей Троицких грамот. Это свидетельствует о высокой степени достоверности копийных книг, которую важно учитывать особенно в тех случаях, когда при отсутствии или дефектном состоянии подлинников находимые в копийных сборниках документы представляют собой наиболее ранние и порой единственные списки. Примерно 40% грамот XV–XVII вв., подлинники которых были утрачены, дошло до нас в составе Троицких копийных книг XVI–XVIII вв.

Среди копийных книг Троицы первой половины XVII в. можно выделить сборники публично-правовых (кн. 528, 527) и частноправовых актов (кн. 530, 532 – с соответствующими противнями – кн. 531 и 533). В отличие от Троицы, в Кирилло-Белозерском монастыре копийные книги XVII в. (А1/16 и А1/17 из собрания Санкт-Петербургской духовной академии) отличались более смешанным составом, когда списки с жалованных и частных актов, копии с писцовых книг и сотные выписи (всего до 10% от общего состава документов) помещались в одном ряду, самостоятельных поуездных разделов не давалось, хотя принцип территориальной подборки грамот (речь должна идти об определенных вотчинных комплексах) и в кирилловских книгах весьма ощутим[50]. Большая четкость видовой систематизации вотчинных документов, проводимой в Троицкой казне, выразилась и в создании поуездных рубрик в копийных книгах частноправовых актов № 530-533. Грамоты с неясной географической приуроченностью образовали раздел "Рознь" в конце копийной книги № 532. Стремление к разделению видов документов заметно и в создании перечня писцовых, межевых и платежных книг середины XVI – первой половины XVII в., помещенного в конце сборника № 532.

Первую группу в обширном комплексе копийных книг 1684/85 г. составляют наиболее многочисленные (52 номера), только актовые, поуездно сформированные сборники. На второе место следует поставить меньшие по количеству книги копий с писцовой документации (12 номеров). В третью группу

---

[49] *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 114; *Ивина Л.И.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря. С. 26, 44.

[50] Описание документов XIV–XVII вв. в копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в ОР РНБ / Сост. Г.П. Енин. СПб., 1994.

inslav

нами включены смешанные актово-писцовые сборники (13 номеров). Указанные разновидности сборников хранились в 1680-е годы в разных ведомствах: актовые и смешанные – в крепостной казне у старца Арона Покровского, а писцовые (в зависимости от уезда) – в двух делопроизводственных столах (Галицком и Замосковном) у слуги Василия Колмакова и подьячего Кузьмы Желтухина[51]. Между крепостной казной и делопроизводственными столами шло движение документов, запрашивались необходимые акты или выписи с них, в свою очередь, делались выписки или снимались копиии, затем все давалось на рассмотрение "собора" для решения текущих поземельно-владельческих дел и уже потом возвращалось в казну или столы[52].

Часть комплекса копийных книг 1680-х годов составляют относящиеся к приписным монастырям Троицкой духовной корпорации – Иоанно-Богословскому Холохоленскому в Старицком уезде, Николо-Чухченемскому на Двине, к трем переславским обителям (Троице-Махрищскому, Киржачскому Благовещенскому, Симеоновскому)[53]. Некоторые из них, например, копийная книга Николо-Чухченемского монастыря № 14385 использовалась в научной литературе, например, уже в 1850 г. (П. Ивановым), а затем – в 1903 г. (А.А. Шахматовым) и 1922 г. (группой по изданию "Сборника ГКЭ" под руководством А.С. Лаппо-Данилевского). В 1949 г. С.Н. Валк опубликовал из нее несколько десятков грамот XV–XVII вв.[54]

Позднейшие комплексы копийных книг Троицкого монастыря имели в основном государственное происхождение и могут связываться с ведущейся тогда подготовкой секуляризации. Во второй четверти XVIII в. в Вотчинной коллегии было сформировано несколько поуездных сборников актово-писцовой документации – по Бежецку, Дмитрову, Твери, Мурому, Соликамску, Казани, Свияжску. Скреплены они были секретарем Вотчинной коллегии А. Дедеревым, а справлены ее канцеляристами и архивариусами. При формировании поуездных сборников канцеляристы Вотчинной коллегии обращались к некоторым копийным книгам 1680-х годов.

Актово-писцовый состав позднейшего комплекса Троицких копийных книг (1730–1750-е годы) сближает их с поздними экземплярами копийных книг Иосифо-Волоколамского монастыря (1764 г.). Изучивший их А.А. Зимин также отмечает смешанный актово-писцовый состав и четкую поуездную структуру[55]. В конце изучаемого периода (середина XVIII в.) в Сенате был предпринят еще один опыт систематизации актового материала Троицкого монастыря, когда в нем были выделены в самостоятельный копийный сборник только поземельные акты (кн. 763) и грамоты на монастырские дворы в городах (кн. 809)[56]. Такие сборники можно считать подготовительными материалами для создания последних по времени грандиозных по объему жалованных грамот имп. Елизаветы Петровны – на все вотчины Лавры

---

[51] ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 637. Л. 210 об., 216.

[52] Подробнее см.: *Черкасова М.С.* О взаимодействии актов и делопроизводственной документации (По архиву Троице-Сергиева монастыря) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения. М., 2000. С. 185–186.

[53] РГАДА. ГКЭ по Старице. Кн. 11645; по Холмогорам. Кн. 14385; ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 615: ОР РНБ. Погод. 1907; Погод. 1913. Л. 1–56.

[54] *Иванов П.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 208, 211–212, 229–230, 241–242, 248–257; *Шахматов А.А.* Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903. Ч. 1–2; Сборник Грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I. № 49, 55, 70, 85, 115, 118, 228, 229; Прил. № 10а; ГВНП М.; Л., 1949. № 152, 153, 155, 158, 167, 169, 170–176, 224–227, 239.

[55] *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина. С. 29.

[56] РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Кн. 763, 809.

inslav

1752 г. (в 1762 г. подписана Екатериной II) и на ее городские владения ок. 1758 г. (осталась в виде проекта и не была подписана Елизаветой)[57]. Важно отметить, что при изготовлении кн. 809 использовались троицкие копийные книги еще более раннего времени, 1641 г. – № 530 и 532 (буквенные номера в них и в кн. 809 совпадают), а в отдельных случаях даже привлекались и подлинники[58].

Копийные сборники документации Сергиева монастыря в первой половине XVIII в. создавались и в местных учреждениях. Б.Д. Греков упоминал сборник из собрания Археографической комиссии, изготовленный с копийной книги писцовых материалов Троицкого монастыря по Деревской пятине 1684/85 г. Он возник не ранее 1719 г. и имел роспись валдайского комиссара А. Кондратьева[59]. В 1733 г. в Переяславской провинциальной канцелярии было составлено два сборника выписей из межевых книг Троицкого монастыря по Ростовскому уезду. Оба имели формат в лист и скрепы воеводы А. Зуева[60]. Ныне в некоторых региональных архивах удается обнаружить отдельные актово-поуездные сборники Троицкого монастыря XVIII в., например, по Тверскому и Бежецкому уездам – в государственном архиве Тверской области[61]. В государственном архиве Костромской области хранится малоизвестная в литературе копийная книга актов Троицкого монастыря по Костромскому уезду конца XVIII в.[62]

Копировались поземельные документы и в отдельных селах в ведомстве монастырских приказных. В 1752 г. в с. Медна Новоторжского уезда Тверской губернии у приказного А. Наумова находился сборник в 138 л. in folio, содержащий 34 документа. В начале XX в. он был доставлен в Тверскую ученую архивную комиссию Корчевским уездным исправником Н.М. Докучаевым и издан в 1905 г. тверским краеведом В.М. Рубцовым[63]. Крепостные сборники создавались и в церквах отдельных сел. Например, в 1754 г. из церкви с. Поречья Дмитровского уезда по приказу Лаврского собора были отправлены в Лавру подлинные акты, но предварительно с них были сняты копии. Образовавшаяся таким образом копийная книга некоторых дмитровских актов Троицкого монастыря XV–XVI вв. до начала XX в. находилась в сельской церкви, пока священник К.Ф. Колоколов не доставил ее в Тверскую ученую архивную комиссию (с. Поречье относилось тогда к Калязинскому уезду Тверской губ.), опубликовавшую затем эту книгу[64].

---

[57] *Арсений, иером.* Две жалованные грамоты имп. Елисаветы Петровны Троице-Сергиевой Лавре на все монастырские владения // ЧОИДР. 1865. Кн. IV.

[58] РГАДА. Ф. 1204 (Троице-Сергиева Лавра). Оп. 1. Ч. XV. Кн. 23961, 23983, 25468, 25482. См.: *Каштанов С.М.* По следам Троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) // ЗОР ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 8. Примеч. 23; С. 15. Примеч. 36; РГАДА. ГКЭ по Бежецку. Кн. 1444, 1445; по Дмитрову. Кн. 3875; по Казани. Кн. 6682; по Соликамску. Кн. 11261; по Свияжску. Кн. 11466; по Твери. Кн. 12556; Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 703. Л. 1068–1160.

[59] *Греков Б.Д.* Описание актовых книг, хранящихся в имп. Археографической комиссии // ЛЗАК за 1915 год. Пг., 1916. Вып. 28. С. 21. № 42.

[60] РГАДА. ГКЭ по Ростову. Кн. 10768, 10769.

[61] ГАТО. Ф. 103 (Коллекция Тверской ученой архивной комиссии). Кн. 1884а. Т. 1–2; Кн. 1936.

[62] ГАКО. Ф. 558 (Коллекция рукописей). Оп. 2. Кн. 142 (по нижнему правому краю листа скрепа: "С подлинными читал канцелярист Тимофей Осипов"; по среднему краю листа скрепа соборного иеромонаха Павла). Этот сборник был указан В.Б. Кобриным. См.: Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 172.

[63] *Рубцов В.М.* К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края XV–XVI вв. (Документы на земельные владения Троице-Сергиевой Лавры в пределах Тверского края). Старица, 1905. Вып. 2.

[64] Журнал 103-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 23 июня 1907 г. Тверь, 1907.

inslav

В новейшем издании актов Московских монастырей и соборов В.Д. Назаров и Ю.Д. Рыков всесторонне проанализировали копийные книги Богоявленского и Новодевичьего монастырей, Успенского собора Московского Кремля. В плане сравнительном отметим, что находки ранее неучтенных копийных книг продолжаются в центральных и региональных архивах. В Коллекции рукописей (Ф. 115) архива Санкт-Петербургского Института истории РАН хранятся копийные книги монастырей переяславских: Никитского и Троице-Данилова, соликамского Спасо-Пыскорского, казанского Зилантова и Иверского Валдайского, сборник бежецких актов Троице-Сергиева монастыря. Его же неучтенный в литературе сборник копий XVIII в. обнаружен нами в коллекции Н.П. Лихачева[65]. В музее-заповеднике "Ростовский Кремль" С.М. Каштанов и Л.В. Столярова выявили и подробно изучили копийную книгу Павлова Обнорского монастыря конца XVII в., ряд грамот из которой за XVI в. С.М. Каштанов издал[66]. Ю.С. Васильев нашел копийную книгу XIX в. вологодского Корнилиева Комельского монастыря середины XIX в., и несколько грамот из нее опубликовал, в том числе малоизвестную жалованную грамоту Ивана III старцу Паисию на черный лес в Обнорской волости 1481 г. (будущая Коптева пустынь)[67]. И.В. Пугач обнаружил и ввел в научный оборот копийную книгу устюженского Николо-Моденского монастыря XVIII в.[68] Копийные книги актов ряда вологодских монастырей – Александро-Куштского Успенского, Дионисьева Глушицкого Покровского, Иннокентьева Комельского, Спасо-Преображенского, Николо-Успенского Подольного, сямженского Спасо-Евфимиева, Успенского Песоченского, Спасо-Рабангского, Спасо-Печенгского, Масленской Арсеньево-Сахарусовой пустыни 1740–1760-х годов были выявлены нами в фонде духовной консистории государственного архива Вологодской области[69]. Обнаружение новых копийных книг дает надежду на расширение и обновление корпуса актовых источников XV–XVII вв.

Помимо копийных книг, систему документирования в троицкой крепостной казне отразили разного рода "записные книги актов" (регистрационные по своему характеру) и близкие к ним по типу описи крепостной казны. До сих пор в актовом источниковедении эти материалы Троицкого архива специально не рассматривались. С.Б. Веселовский считал, что по Троицкому монастырю вообще не сохранилось описей и реестров крепостной казны. На самом деле таких описей от конца XVI до начала XX в. до нас дошло несколько десятков.

---

[65] Архив СПб ИИ РАН. Колл. 115. Кн. 5, 45, 47, 218, 246, 341, 361; Колл. 238. Кн. 334.

[66] *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Прил. № III. С. 139–165; *Каштанов С.М., Столярова Л.В.* Копийная книга Павлова Обнорского монастыря // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 273–391; *Они же.* Кодикологическая структура копийной книги актов Павло-Обнорского монастыря конца XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 391–422; *Каштанов С.М.* Об игуменах, келарях и казначеях Павло-Обнорского монастыря в XV–XVII вв. // Там же. С. 423–435.

[67] *Васильев Ю.С.* Акты Введенского Корнилиева Комельского монастыря // Городок на Московской дороге: Ист.-краевед. сб. Вологда, 1994. № 1, 3–5, 7, 8; ГАВО. Ф. 520 (Корнилиев Комельский монастырь). Кн. 114 (под № 110 и 299 – неучтенные копийные книги того же монастыря XIX в.); *Шамина И.Н.* Монастыри Вологодского уезда. С. 32.

[68] *Пугач И.В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. С. 11.

[69] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1483, 1638, 1668, 2486, 2974 (ряд грамот вологодских монастырей в списках XIX в. указан С.М. Каштановым по сборнику F.1-788 в ОР РНБ: ХП. Ч. I. № 107, 237, 273, 426; ХП. Ч. III. № 1-73).

inslav

С.Б. Веселовский бегло упомянул о записных книгах, в которых фиксировалась выдача грамот из монастыря светским лицам для временного пользования и обратного приема в крепостную казну[70]. В 1616 г. в крепостной казне создается наиболее ранняя "записная книга", доведенная до 1639 г. и имеющая самоназвание – "*черные книги крепостные казны*" (кн. 660). Назначение ее было двоякое: 1) фиксировать отдаваемые вкладчикам "до их живота" монастырские вотчины; 2) регистрировать поступление в казну новых крепостей "в котором городе в которой ящик положено и то писано имянно". Книгу 660 можно назвать книгой входящих и исходящих актов.

В начале 1620-х годов была проведена всесторонняя систематизация и проверка крепостной казны монастыря внутреннего характера. На л. 226–251 в сборнике № 637 имеется "Список крепостям недостающим и поручным 130 году сентября в ... день". Фактически это опись актового архива Троицы, беглую ссылку на которую находим у Л.В. Черепнина и Л.И. Ивиной[71]. В Списке было перечислено 165 подлинных грамот конца XV – начала XVII в., наиболее поздняя из которых относится к 1617/18 г. Составившие опись старцы крепостной казны пересматривали наличные "государьские жаловалные грамоты и всякие даные крепости налицо по книгам". Речь шла о сопоставлении действительного состава грамот с созданной в 1614/15 г. копийной книгой публично-правовых актов ("жаловалной книгой"). Сравнение сопровождалось отметками о физическом состоянии и других признаках подлинников ("которые попорчены, подраны, и у которых печати попорчены и которые бес печатей и тому роспись"). Л.И. Ивина заметила совпадение буквенных номеров актов и их заголовков в описи 1621 г. со старыми номерами и заголовками, под которыми они фигурируют в копийной кн. 528, а время ее создания как раз относится к 1614/15 г.[72] Наиболее поздний документ в описи – это "выпись сошному писму 125 году за приписью дьяка Гарасима Мартемьянова, которая с книгами не сошлась", т.е. ее не было в кн. 528[73]. Не оказалось в наличии и "грамоты большие тарханные царя Михаила Федоровича, поскольку та грамота на Москве". Скорее всего, имеется в виду общая жалованная грамота 31 декабря 1617 г. Еще одним местом, где располагалась ее Богоявленское подворье в Московском Кремле. Речь, возможно, идет о том, что общая грамота 1617 г. в начале 1620-х годов была взята в приказ Большого Двора к правительственной проверке. В описи 1621 г. имеются также указания на то, что в начале 1620-х годов некоторые акты из троицкой казны были затребованы в патриарший суд для рассмотрения по спорным земельным делам[74].

Опись 1621 г. интересна в плане изучения "практической дипломатики". Старец М. Куровский и его помощники в ходе составления описи уделяли большое внимание рассмотрению печатей на подлинниках грамот и физическому состоянию последних: 1) печать "отломана", "растопилася", "имя великого князя отопрело"; 2) грамота "передрана поперег и склеена" и т.п. Предпочтение при поверке отдавалось оригиналам – при наличии только списков старцы отмечали, что "прямые крепости нет". Разыскивались не только ча-

---

[70] *Веселовский С.Б.* Крепостной архив Троице-Сергиевой Лавры // *Веселовский С.Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 154.

[71] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. Ч. 2. С. 39. Примеч. 2; *Ивина Л.И.* Троицкий сборник материалов. С. 153.

[72] ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 637. Л. 227; *Ивина Л.И.* Копийные книги. С. 8. Примеч. 16; С. 15. Примеч. 41.

[73] ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 637. Л. 232–233 об.; подл. выпись: Там же. № 438.

[74] Там же. Кн. 637. Л. 242 об.–243.

inslav

стно- и публично-правовые акты, но и противни монастырских по происхождению актов-памятей, отписей, записей, выданных из крепостной казны различным светским контрагентам корпорации по земельным сделкам. Более всего документированной была практика пожизненных держаний светскими лицами монастырской земли. Любопытно одинаковое название актов – и тех, что получал монастырь от светских вкладчиков при переходе к нему их земель, и тех, что выдавал им при передаче своей земли в пожизненные или срочные держания – "даные грамоты", "даные записи".

Следующей ревизией крепостного архива монастыря стало составление так называемых сыскных книг 1623 г. – № 658 и 659. Они по сути своей являются описями крепостной казны и обе в заголовках содержат дату – 7131 год. Работу в 1623 г. по-прежнему возглавлял крепостной старец Макарий Куровский, а в помощь ему была придана большая группа слуг. О связи описи 1621 г. с описями 1623 г. говорит совпадение буквенных номеров ("глав") некоторых грамот[75]. Сравнение наличного состава грамот в 1623 г. проводилось с "двумя книгами большими" (по нашему предположению, 1614/15 г.). Привлекался также обширный комплекс монастырских списков и официальных противней с писцовых книг 1592–1594 гг. – по ним устанавливалось наличие в троицкой вотчине владений, упомянутых в актах.

Сыскная кн. 658 в каждом поуездном разделе выделяет две группы владений. В первую были включены вотчины, по которым в актах были указаны станы и волости, во вторую – владения, по которым эти ориентиры внутриуездного расположения в актах отсутствовали. Для изучения Троицкого архива важны упоминания о не дошедших до нас источниках, которые использовались при составлении кн. 658. Некоторые из них были и для 1623 г. уже весьма давними – приходные книги казначеев 1515 и 1534 гг., а также роспись отданных по обмену царю Федору монастырских вотчин в 1597 г., какие-то "дворцовые книги". Первичными источниками для составления большей части кн. 658 послужили письменные "сыски" троицких служебников, посланных непосредственно в уезды разузнавать на местах у жителей про отдельные монастырские вотчины. Имена некоторых сыщиков в кн. 658 сообщаются (Карп Юдин, Гаврила Величкин, Юрий Озеров и др.). О том, что в кн. 658 сводились первичные материалы, говорит одна фраза из ее Угличского раздела: "А про иные троицкие деревни в сыску не написано".

Для сравнения монастырских и общегосударственных мероприятий по ревизии земельного фонда в России в начале 1620-х годов отметим, что тогда же, в 1622–1623 гг., осуществлялся большой сыск о поместных и денежных окладах служилых людей. У них проверялись сохранившиеся документы и проводился опрос широкого круга свидетелей данного поместного оклада и фактического владения конкретного служилого человека[76]. Что-то подобное провел у себя в вотчине сам Троицкий монастырь – упорядочение крепостного архива и непосредственный сыск владений на месте.

Текстуальное сближение кн. 658 и 659 можно проводить на основании одинаковых интонаций, когда речь шла о неустановленных личностях троицких вкладчиков: "А чей словет, того в даной не написано" или "году в даной не написано". Точно такие же формулировки находим в списке 1639 г. вкладной книги, протограф которой, как установила Е.Н. Клитина был составлен

---

[75] См., например: Там же. Кн. 637. Л. 235; Кн. 658. Л. 30. № 84; Кн. 637. Л. 240; Кн. 658. Л. 90. № 32.

[76] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986. Т. 1. Тексты. № 117; Т. 2. Коммент. Л., 1988. С. 145 (автор – А.И. Копанев).

inslav

в 1620-е годы, уже после сыскных книг 1623 г. Это не случайно, поскольку кн. 658, называемая во вкладной "вотчинной", явилась одним из источников вкладной[77].

Таким образом, в 1620-е годы в крепостной казне монастыря велась весьма масштабная работа по упорядочению актового архива и сведений об огромном числе земельных и денежных вкладов, полученных в XV – первой четверти XVII в. Сыскная кн. 658 была также известна С.Б. Веселовскому, который иногда использовал ее при комментариях к троицким актам XV–XVI вв.[78], но как источник отдельно ее не характеризовал.

В средних по масштабу монастырях описи крепостной казны отдельно не составлялись, а включались в общую перепись (опись, отписную книгу) обители. Их почти всегда можно заметить в составе описательных статей, перечисленных в преамбуле и затем данных в самом тексте ("пересмотреть налицо в казне государевы жалованные грамоты и выписи и вотчинные крепости"). При фиксации казны в описях иногда приводился перечень денежных и хлебных кабал, регистрировавших раздачу из монастыря хлеба и денег вотчинным крестьянам и людям со стороны. Такое включение (обычно оно следовало после описания книгохранительной палаты) наблюдается, например, по описям вологодских монастырей XVII в. – Корнилиев Комельского, Павлова Обнорского, Спасо-Нуромского, Спасо-Прилуцкого, по белозерским Ферапонтову, Кирилло-Новоезерскому, Троицкому Усть-Шехонскому, Горицкому Воскресенскому монастырям. В Описи имущества и строений крупнейшего на Русском Севере Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. также имеется раздел, в котором перечислены государевы жалованные грамоты, вотчинные крепости и кабалы[79].

Дифференцированное распределение документации по ведомству крепостной казны и келарской службы видно в описи звенигородского Саввина Сторожевского монастыря. В описи крепостной казны 1676 г. отмечены жалованные и патриаршии грамоты, различные крепости (данные, вкладные, купчие, меновные, разъезжие, правые, закладные грамоты), платежные отписи, выписи из писцовых книг, "свяски" поручных, жилых, заемных записей, рассортированные по селам кабалы и памяти на крестьянах, денежные и хлебные приходо-расходные книги казначеев Саввина монастыря и строителей приписных обителей. Уникальны упоминания в этой описи пергаменных ветхих грамот XIV в., принадлежавших приписным монастырям Ольгову Рязанскому и Никольскому Псковскому[80].

Судя по описи келарской казны ("приказа келарских дел") Саввина монастыря 1677 г., в этом ведомстве, наряду со столовыми запасами, товарами, иконами, ризами, тканями и пр., находились записные книги: 1) хлебных и денежных раздач; 2) челобитных; 3) житничных и сушиленных старцев; столбцы различных вотчинных и судных дел за 183–185 гг. ("вершонных и невершонных"); переписные книги строителей 11 приписных монастырей. Келарская опись содержит также подробную регистрацию всех документов, поступивших в данное ведомство на протяжении 182–185 гг. (жалованных и указ-

---

[77] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 5; *Клитина Е.Н.* Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 287–289.

[78] Архив РАН. Ф. 620 (С.Б. Веселовский). Оп. 1. Кн. 339 (ученый копировал сыскную кн. 658 в 1926–1927 гг., составив также Указатели имен и географических названий к ней).

[79] Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб., 1998. С. 199–212, см. также содержательный комментарий З.В. Дмитриевой на С. 332–344.

[80] Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII в. М., 1994. С. 102–103, 112 (АСЭИ. Т. III. № 322).

inslav

ных царских и патриарших грамот, челобитных, изветов, очных ставок, поручных и жилых записей и пр.)[81]. Между отраслью крепостного казначея и келарским приказом Саввина Сторожевского монастыря происходило движение документов, подобное бытовавшему в Троице ("А для каких монастырских спорных дел доведетца келарем взять жалованные грамоты или иные какие крепости, и те, де, крепости келари емлют у казначеев с роспискою, а как дела вершатца, и они те крепости отдают казначеям по-прежнему")[82]. В анализируемой описи находим ссылку на действовавшие в то время в Троице-Сергиевом монастыре два устава (казенной и келарской службы). По образцу троицких уставов и Саввину монастырю специальной государевой грамотой из Тайного приказа 1677 г. предписывалось учинить аналогичные "нормативные акты". Упорядочение управления должно было заключаться в следующем: "велено судные и иные всякие росправные дела и хлебной збор и столовые запасы ведать в *келарской*, а денежные окладные всякие доходы – *в казенной* службе", а в приписные монастыри послать для переписки[83].

Таким образом, порядок управления и документирования в Троицкой корпорации с ее разветвленной сетью приписных филиалов государство в 1670-е годы хотело бы видеть и в других церковных организациях. Что же касается отдельного строгого учета крепостной казны в Сергиевом монастыре с конца XVI в., то этим он существенно отличался от других общежительных обителей России. Объяснение лежит в невиданном размахе его землевладения, необходимости четко ориентироваться в разбросанных по десяткам уездов владениях, напряженности и разнообразии текущих земельных операций. Перечни кабал и вообще разных видов хозяйственной документации в описи Троицкой крепостной казны, по нашим наблюдениям, не включались. Обширный их перечень видим лишь в грандиозной Описи строений и имущества 1641–1643 гг., причем он относится не только к "большой" Троице, но и к многочисленным домовым обителям. В таком раздельном помещении разных видов актов также сказались свои особенности систематизации вотчинных документов в Троицкой духовной корпорации.

Помимо актов, копийных книг и описей крепостной казны, имевших важное земельно-правовое значение для духовных корпораций, в их архивах отложилась большая совокупность вотчинной хозяйственной документации. Она будет рассмотрена далее.

(Продолжение следует)

---

[81] Там же. С. 147–186 и др.
[82] Там же. С. 183–184.
[83] Там же. С. 152 (выделено авт. – *М.Ч.*).

inslav

Л.И. Киселева

ЗАПИСИ НА РУКОПИСНЫХ И РЕДКИХ ПЕЧАТНЫХ КНИГАХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В БАЗЕ ДАННЫХ*

Исследования последних лет убедительно показали, что записи на полях книг, переплетах или свободных от текста листах являются важным дополнительным источником для изучения истории и культуры. Их содержание касается как процессов создания книги, так и ее судьбы. Записи раскрывают имена владельцев, дарителей, свидетельствуют об отношении читателя к книге, к тексту, к явлениям духовной и культурной жизни своего времени. Библиотечные пометы, оставленные в книгах, позволяют реконструировать и определить состав не сохранившихся до настоящего времени библиотек (будь то государственные, церковные, общественные или частные).

Многолетняя работа с рукописной и редкой печатной книгой позволила собрать большой материал, подтверждающий все вышесказанное. Приведу ряд примеров разнообразных записей на рукописных и печатных книгах, которые с положительным результатом можно использовать в базе данных. Как это сделать – задача других специалистов.

При изучении собрания знаменитых голландских типографов Эльзевиров (1117 экз.), чьи издания оказались в России, выяснилось, что одна часть из них находилась в библиотеке Петра I и у его сподвижников – Брюса, Виниуса, Арескина, Феофилакта Лопатинского, другая – во второй половине XVIII и XIX вв. попала в библиотеки русских ученых – академика Келлера, библиографа, литератора, адвоката В.П. Гаевского, академика Н.П. Лихачева и др.[1]

Таким образом, благодаря владельческим пометам удалось установить интерес к изданиям Эльзевиров определенных слоев российского общества, связанный не с коллекционированием, а с содержанием книг.

Известно, что уже подготовлены программы, с помощью которых, используя владельческие пометы, можно достичь интересных результатов. Такими программами являются программа, созданная в муниципальной библиотеке г.Лиона (Франция) под руководством Моник Ильве (Monique Hilvey) и программа Российской государственной библиотеки.

Однако владельца книги или целой библиотеки можно определить не только по владельческим записям, но и по инвентарным номерам. Приведу пример из своего опыта. Известно, что после смерти великого сербского просветителя Вука Караджича (1787–1864) его сын продал Академии наук России библиотеку, которая затем была соединена с общим фондом БАН по языковой системе. Многолетние поиски исследователей наследия Караджи-

---

* В основе статьи – доклад на семинаре в рамках Ежегодной генеральной сессии Консорциума европейских научных библиотек "Европейское культурное наследие в электронном веке: создание, доступ и сохранность". 13 ноября 2003 г.

[1] *Киселева Л.И.* Эльзевиры Библиотеки Академии наук // 250 лет Библиотеки Академии наук СССР: Сб. докл. юбил. научн. конф. 25–26 ноября 1964 г. М.; Л., 1965. С. 333–341.

inslav

ча, начавшиеся во второй половине XX в., не увенчались успехом. Считалось, что библиотека утрачена.

Позднее в фонде Отдела рукописной и редкой книги БАН автору удалось найти рукописный инвентарь, составленный в Белграде, по которому библиотека Караджича была продана в Петербург. Затем в общем фонде БАН было обнаружено несколько книг с дарственными надписями Караджичу, на корешке которых была прикреплена маленькая (1 × 1 см) наклейка с номером, совпавшим с номером и названием книги в рукописном каталоге. В результате библиотека Вука Караджича реконструирована и заняла достойное место как единое целое, раскрыв еще одну страницу историко-культурных российско-сербских связей[2].

По инвентарным номерам восстанавливается принадлежность ныне хранящихся в Российской национальной библиотеке рукописей аббатства Сен-Жермен-де-Пре в Париже, приобретенных в конце XVIII в. русским коллекционером П.П. Дубровским (1754–1816), секретарем русского посольства в Париже. Вернувшись в 1800 г. в Санкт-Петербург, он предложил правительству свою коллекцию на одном условии – быть ее хранителем в Публичной библиотеке. Все рукописи из его коллекции подписаны: "Ex museo Petri Dubrowsky", а на рукописях, приобретенных в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, стоит инвентарный номер "n. 1476". Также по инвентарю XIV в. восстанавливается принадлежность рукописей библиотеке Конвента св. Франциска в Ассизах. Часть рукописей хранится в Российской национальной библиотеке.

Совершенно очевидно, что для такой работы необходимо ввести в базу данных список сохранившихся старых инвентарей и возможно их содержание для дальнейшей идентификации книг и их принадлежность соответствующей библиотеке.

По инвентарным номерам можно восстановить место нахождения в настоящее время рукописей из библиотеки знаменитого английского коллекционера сэра Томаса Филлипса. Известно, что его библиотека, насчитывавшая 36 тыс. рукописей, после его смерти была распродана, а частично распределена между библиотеками Лондона. Каталог библиотеки имеется в Институте исследования и истории текстов в Париже. Два тома рукописи "Корпуса Юстиниана" хранятся в РНБ (инв. Phillips 7123). Выписки из "Суммы" Раймонда Пенафортского (ms. Ph. 3985) и сборник 1345 г. сочинений римских авторов (ms. Phl. 16366) находятся в БАН. Благодаря инвентарному номеру можно восстановить все, что сохранилось от библиотеки сэра Филлипса.

Своеобразным историческим источником являются дарственные или, как их в России называют, "вкладные" записи на книгах, которые россияне дарили ("вкладывали") церкви. Каждую такую запись на книге следует рассматривать как исторический документ, оценка которого может производиться с разных точек зрения. Некоторые записи дают лишь имена владельцев, другие указывают на их социальное происхождение, положение в обществе, профессиональные интересы. Часто запись на книге заменяла купчую грамоту, которая фиксирует в краткой форме суть сделки, указывая дату, владельцев, настоящих и будущих и, наконец, оберегает права на книгу, подтверждая это

---

[2] *Киселева Л.И.* Книжное собрание Вука Караджича в Библиотеке Академии наук СССР // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX веков: Сб. научн. трудов. Л., 1979. С. 59–78; *Она же.* Книги Вука Стефановича Караджича в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде // Ковчежин. Београд, 1987/88. Кн. 24/25. С. 141–144.

inslav

собственноручной подписью и часто в присутствии свидетелей, имена которых названы. Таким образом, очевидно, что сама форма записи на книге является историческим документом. Другое дело – она не признана юридической формой и может являться кратким, свободным вариантом, содержание которого зависит от воли и способности владельца или составителя. Но главное, что фиксирует такая запись, – это реальная действительность вклада (дарения, передачи), сделки (купли-продажи), наследования или просто свершившийся факт.

Автором были изучены 1500 изданий, напечатанных кириллическим шрифтом в Москве в типографии "Печатный Двор" в XVI–XVII вв.[3] В 900 книгах обнаружено 2500 записей, 796 имеют точную дату. Географически они включают территорию России: на востоке – Казань, на западе – Псков, на юге Орел, а на севере – Соловецкий монастырь. В записях упоминаются более 30 городов, несколько десятков поселений и деревень, множество монастырей и церквей. Бесспорно, что записи могут служить для уточнения списка городов и селений XVI–XVII вв. в России, а также местонахождения монастырей и церквей в те времена.

По записям можно установить, кто был владельцем книг, кто покупал и продавал книги, кто дарил и вкладывал их в церкви и монастыри. Среди владельцев можно увидеть царей – Алексея Михайловича – отца Петра I, самого Петра I, его брата Иоанна, а также патриарха России – Филарета, князя Дмитрия Пожарского, князя Б.И. Куракина, боярина Б.А. Голицына. Среди владельцев и вкладчиков – немало бояр, окольничих, думных дворян, людей разных профессий, а также военных и посадских.

Часто крестьяне собирали деньги, чтобы купить книгу и подарить ее церкви на помин души. Некоторые из крестьянских семей имели библиотеки, насчитывавшие иногда более двух десятков книг. Владельцами книг были и женщины. Записи позволяют установить, как книга служила нескольким поколениям, а также, как ее использовали: не только в качестве подарка церкви на помин души, но и как пособие, по которому учили грамоте. Книгой также благословляли детей.

Всякий человек, сделавший вклад в церковь, желал, чтобы его завещание действовало всегда или как можно дольше. А потому в записях заклинаются те, кто нанесет вред книге или отлучит ее от церкви: "...а кто сию книгу потеряет нерадением или украдет и тому судит Бог, когда придет судити живым и мертвым"; "... а кто сию книгу Служебник из дому Пречистые Богородицы возмет или украдит, или пропьет, тому судит Бог".

Однако, как видно по записям, жизнь, несмотря на предупреждения, вносила свои коррективы. Многие тексты свидетельствуют о продаже и перепродаже книг. Любопытна история одного экземпляра "Уложения" 1649 г. Первая запись сообщает: "Сию книгу стрелец Архангельского города Митка Михайлов Грязнушка отдал книгу архангилского города голове стрелецкому Игнатию Ивановичу Завалишину и денег взял за книгу два рубли"[4]. Запись подтверждается именами свидетелей. Далее сын Завалишина совершает сделку (тоже при свидетелях) и продает книгу за полтора рубля. Наконец, в последней записи предупреждается, что книгу нельзя ни продать, ни заложить, ни подарить, а кто "заложит и[ли] отдаст, то взять 10 рублей".

---

[3] Корпус записей на старопечатных книгах. Вып. 1: Записи на книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII вв. / Сост. Л.И. Киселева, СПб., 1992. 217 с.

[4] Там же. С. 82.

inslav

Книги продавались за большие суммы. Если сравнить цены с реальными, например, 30-х годов XVII в., то станет ясно, что книги стоили очень дорого. Например, на деньги, затраченные на "Минею общую" 1637 г., 2 рубля 25 алтын, можно было купить четыре коровы или две-три лошади. За деньги, потраченные на покупку "Триоди постной" 1607 г., можно было приобрести 13 неводов или 26 коров.

Замечательную запись в книге "Лествица" 1647 г. оставил Иван Иванович Бутурлин (1661–1738): «1722 год ноября 2 начал честь ету книгу я, генерал полка и первой лейб гвардии Преображенскова полку полуполковник Иван Бутурлин, а дочел сево ж месяца 10 и подписал своею рукою, чел же книги прежде етой Петерим Печерской, Ефрема Сирина "Меч духовный", а которова году месяцев и чисел подписана в них моею же рукою по-руские и латинскими словами швецким языком чтены все на Москве»[5]. Эти факты характеризуют Бутурлина как образованного по тому времени человека, умеющего писать и читать не только по-русски, но и по-шведски, и на латинском языке.

С давних времен владельцы книг обменивались ими и фиксировали сделку на самих книгах. По записям устанавливается, что достаточно широко был развит книгообмен между монастырями, и определяются пути миграции многих книг.

В книгах имеются записи, оценивающие их содержание и автора. Так о книге "Маргарит" Иоанна Златоуста восхищенный читатель пишет: "Книга Маргарит трудолюбием Златоуста сочиненный чтущем и разумом в пользу верных предложением весь злат, весь серебрян, весь паче меда сладчайший, весь честен, весь драг, весь в мудрости широчайший пользы хотяшу, взирати в него падабает, да ум насладится Златоуст златой напитает"[6]. Читатель не только восхищается книгой, но и другим рекомендует ее читать.

Некоторые записи содержат критические замечания. Так на "Октоихе" 1638 г. написано: "Эта книга не должна быть употреблена при богослужении, потому что написана в духе раскольническом, что доказывает, что она выпущена без цензуры"[7]. Те же мысли записаны на сборнике под названием "Кириллова книга" 1644 г.: "Книги ложные, книги ерет[ические]"[8]. Эти записи подтверждают религиозные разногласия, появившиеся в России после реформы патриарха Никона.

В книгах встречаются многочисленные записи на социальные и бытовые темы: о свадьбе, рождении детей, о переезде из одного места жительства в другое, об убийствах, самоубийствах, погребении и т.п. Встречаются выписки из прочитанных книг, притчи. Например: "Блажен муж, не идущий на совет нечестивых", "Не тот милостив, кто много милости творит, а тот милостив, кто не обидит". Все записи на кириллических книгах XVI–XVII вв. являются важным дополнительным источником для восстановления истории и культуры России.

Особый интерес вызывают записи и пометы на рукописях, созданных еще до появления книгопечатания. Во-первых, именно с рукописной книги все начиналось и перешло в XV в. в книгу печатную, а во-вторых, в них обнаруживается особая специфика.

---

[5] Там же. С. 73–74.
[6] Там же. С. 58.
[7] Там же. С. 52.
[8] Там же. С. 62.

inslav

Читая пометы и записи в рукописных книгах, отделяющих нас на 600–900, а то и 1000 лет, мы узнаем о событиях планетарного значения: землетрясение, изменение климата, пролет кометы и т.п. Но, кроме того, в рукописных книгах есть особый тип помет и записей, которые являются историческим источником, связанным не только с владением и чтением книг, но и характеризующим специфику **создания** рукописей и участников этого процесса: пергаменщиков, писцов, художников, переплетчиков.

Изучение всего комплекса помет в рукописной книге позволяет сгруппировать их по типам: *первую группу* составляют памятные записи писцов, в которых иногда дается дата, имя автора и название сочинения, а также имена самого писца и заказчика. Они очень ценны, так как рукописи не имеют титульных листов. По сути дела из этих записей, которые, как правило, помещались в конце текста, родились колофоны в инкунабулах (книгах ручного пресса).

Например, в рукописи с сочинениями Василия Великого и Кирилла Александрийского сообщается, что книга переведена с греческого писателем Георгием Трапезунтским, переписана в 1469 г. Николаем Филектикусом в Риме в доме магистра Франциска Фини: "Nicolaus philecticus celeri manu scripsit. Anno domini M° cccc° et LXVIIII die XVI Januarii in domo magistri Francisci fini. Rome"[9].

Переписывая сборник Франциска Ретского "Трапезные беседы", переписчик Фридрих Тульна отмечал, что он завершил работу в 1422 г., будучи простым монахом, а в 1433 г. он составил алфавитный указатель к этой книге, отметив, что является приором Кремсмюнтерского аббатства[10]. По записям иногда можно узнать не только судьбу рукописи, но и факты из жизни писца или автора сочинения.

По владельческим записям, экслибрисам, библиотечным наклейкам восстановлена история целых коллекций. Как было упомянуто, рукописи коллекции П.П. Дубровского отмечены записью: "Ex museo Petri Dubrowsky". На многих имеются пометы предшествующих владельцев. Например, Псалтирь XIII в. принадлежала в XV в. Франциску де ля Морлиеру (Franciscus de la Morlier), в XVII в. находилась в коллекции Пьера Сегье. Библия XIII в. имеет на переплете его суперэкслибрис. В 1735 г. она, по завещанию его внука епископа Меца, была передана в Сен-Жермен-де-Пре под инвентарным номером "n. 1476", а в конце XVIII в. ее приобрел Дубровский.

Другая крупная коллекция РНБ – графа П.К. Сухтелена (1756–1836) отмечена его экслибрисом "Aqua mente". Ряд ее рукописей имеют предшествующих владельцев. Например, кодекс Юстиниана XIII в. сохранил запись почерком XIV в. о принадлежности рукописи аббатству в г. Лире. Эта запись особенно важна, так как в ней указана цена: "Iste liber est domini abbatis de Lira cuius precum est centum solidum par[isiensis]". 100 парижских солидов для XIV в. – огромная сумма.

Еще одно компактное собрание хранится в РНБ – это 29 рукописных книг из монастыря в Вейсенау (недалеко от Равенсбурга), основанного в 1145 г. и секуляризованного в 1803 г. Приобретенные Александром I для Эрмитажного собрания книги в 1849 г. были переданы в Публичную библиотеку. На всех рукописях имеются записи о принадлежности их монастырю Вейсенау и сур-

---

[9] Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание рукописей латинского алфавита / Сост. Л.И. Киселева; Отв. ред. А.Д. Люблинская. Л., 1978. С. 139.
[10] Там же. С. 70.

inslav

гучные печати аббата монастыря. А в одной рукописи на свободной части листа помещен список книг библиотеки монастыря.

Вторую группу помет в рукописных книгах составляют пометы, вписанные в содержание рукописи. Известно, что многие средневековые манускрипты – Бревиарии, Миссалы, Псалтири, молитвенники, перед началом текстов имеют календарь. Состав местных святых позволяет локализовать, а иногда датировать рукопись. Внесение имен святых в последующие века раскрывает картину миграции рукописи. Примером может служить Псалтирь XIII в., в календаре которой к местным святым севера Франции были добавлены в XIV–XV вв. многочисленные имена нидерландских святых.

Иногда в календарь вписывались имена умерших людей, что дает возможность, зная их годы жизни, точнее датировать рукопись. Примером может служить Миссал XIII в., составленный для кафедрального собора св. Стефана в Гальберштадте, и календарь к нему, в который вписаны имена каноников, умерших в период с 1234 по 1240 г., манускрипт, следовательно, был создан до этих дат (Terminus ad quem). Благодаря дополнительным записям к тексту, в последующие века можно восстановить историю этой рукописи. В XIV в. был вписан текст Секвенции св. Стефана (Sequentia de Sancto Stephano), который легко датируется, так как в нем есть Молитва в честь императора Карла IV (Collecta Karoli regis) по поводу его коронации в качестве императора Священной Римской империи в 1349 г. Следовательно, запись могла быть сделана уже в 1350 г. В XV в. в состав календаря этой же рукописи были включены имена святых, канонизированных в XV в. В XVII–XVIII вв. рукопись входила в состав библиотеки иезуитской школы, а в XIX в. принадлежала библиотеке соборной гимназии в Гальберштадте, о чем свидетельствует инвентарный номер "М. 127".

Третью группу составляют пометы, раскрывающие методы работы при создании книги. Изучением этих помет занимается вспомогательная историческая дисциплина, появившаяся во второй половине XX в. – кодикология. По началу ее называли археологией книги. Исследуются сигнатуры тетрадей и листов в тетрадях; рекламы, связывающие тексты тетрадей; пометы для рубрикатора или художника с указанием текста заголовка или объяснением того, что надо изобразить. Все это дает представление об этапах работы, позволяет воссоздать процесс изготовления книги, восстановить ее целостность, выявить дефекты. Нумерация листов помогает иногда соединить отдельные части рукописей, разъединенные в последующие века.

Из каталогов с описанием рукописей в базу данных следует включить сведения о количестве листов в каждой тетради, поскольку замечено, что эти сведения могут быть использованы для подтверждения даты и места написания рукописи. Например, в монастырях Северной Европы рукописи VII–VIII вв. составлялись из тетрадей в четыре листа, в Ирландии VII–IX вв. – из пяти листов, во Франции XII–XIII вв., как правило, – из восьми, в Италии XIII–XIV вв. – из шести или десяти листов. Богослужебные книги составлялись из тетрадей в 10–12 листов, а Библия в XIII в. – из 12 или 24 листов в каждой тетради.

В некоторых рукописях у самого края полей встречаются пометы вспомогательного характера (иногда частично срезанные). Например, в рукописи РНБ "Романа о Тристане и Изольде" сохранилось несколько помет, написанных курсивным письмом. Под иллюстрацией читаем текст: "Il chevaliers armez qui cheuauchent ensamble" ("Два вооруженных рыцаря на конях выступают

inslav

вместе")[11]. Этот текст – не что иное, как указание художнику изобразить двух рыцарей. Такие же указания давались рубрикатору, вносившему заголовки и инициалы. Подобные приемы работы сохранились и в инкунабулах, когда вместо гравированного инициала ставили маленькую букву (репрезентант).

Своеобразными пометами являются наколы, сохранившиеся в рукописях, в соответствии с которыми делали разлиновку листа для записи текстов. Собранные вместе, они дают материал, по которому можно, во-первых, выявить систему распределения текста, определить тип книги, во-вторых, локализовать рукопись. Известно, что в каждом скриптории в разное время и в разных странах создавались свои традиции размещения текста на листе, а, следовательно, по разлиновке можно уточнить дату и место создания рукописи.

Свободные листы или широкие поля рукописей иногда заполнялись текстами, не имеющими прямого отношения к рукописи. Так на полях рукописи с Евангелиарием и Понтификалом, исполненной в Далмации в начале XII в., записаны 53 грамоты дарений, вкладов, завещаний, постановлений, распоряжений, касающихся церкви св. Трифона в г. Которе в XIII в. Установлено, что оригиналы грамот не сохранились. Таким образом, рукопись в прямом смысле явилась хранителем ценнейшего исторического материала[12].

Итак, подводя итоги, можно сказать, что рукописная и ранняя печатная книги являются многогранным источником: не только основной текст, но и все записи последующих столетий представляют большой интерес для более полного раскрытия истории и культуры. Если все полученные сведения будут внесены в единую базу данных, а затем использованы в соответствии с подготовленными программами, то многие проблемы фактологической истории будут восстановлены.

---

[11] См. илл. в кн.: *Киселева Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в средние века. СПб., 2003. С. 172.
[12] Латинские рукописи... С. 63–65.

inslav

В.А. Есипова

БУМАГА СИБИРСКИХ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII в.: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДАТИРОВКИ[1]

При датировке письменного источника исследователь оперирует разными фактами и методами. Один из широко распространенных методов – датировка по данным филиграни (водяного знака, ВЗ). Использование филиграней в качестве датирующего признака имеет довольно длительную историю. Однако бумага сибирских документов с этой точки зрения практически не изучалась. З.В. Участкина посвятила специальную статью водяным знакам бумаги сибирских фабрик и рассмотрела их в своей фундаментальной работе[2]. Была сделана попытка анализа бумаги сибирского происхождения в частных рукописях коллекции Научной библиотеки Томского университета в нашей статье[3]. Сведения о ВЗ ряда сибирских рукописей имеются в описаниях собраний, хранящихся в Институте истории Сибирского отделения Академии наук (ИИ СО РАН)[4], и в диссертационных работах сибирских филологов[5]. Ниже представлен обзор, сделанный на основе анализа бумаги сибирских документов XVIII в., отложившихся в хранилищах г. Томска. Даже составленный по материалам хранилищ одного города, он дает представление о происходивших процессах и позволяет сделать некоторые практические выводы.

В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского университета (ОРК НБ ТГУ) были просмотрены документы: Бердской судной избы за 1760–1783 гг. (190 л., 106 док., инв. № В-5498); Тутальской земской избы за 1793–1796 гг. (9 л., 5 док., инв. № В-800); Бердской приказной избы

---

[1] Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 06-00-80460. Статья была принята к печати до выхода книги автора "Бумага как исторический источник (по материалам Западной Сибири XVII–XVIII вв.) (Томск, 2003), в которой эти вопросы изложены подробнее.

[2] *Участкина З.В.* Сибирская бумага и ее водяные знаки // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск, 1965. № 9. Вып. 3. С. 89–96. См. также: *Участкина З.В.* Водяные знаки русской бумаги // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1956. Т. 12. С. 312–337; *Uchastkina Z.V.* A history of Russian hand pape-mills and their watermarks. Hilversum, 1962 (Monumenta chartae papiraceae historiam illustrantia or collection of works and documents illustrating the history of paper. Vol. IX).

[3] *Есипова В.А.* Бумага сибирского производства XVIII в. в рукописях Научной библиотеки Томского университета // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 101–106. Здесь указаны расшифровка литер и описание ВЗ этой бумаги М.В. Кукушкиной, З.В. Участкиной и С.А. Клепиковым.

[4] См., например: *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991; Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / Сост. А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова; Отв. ред. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1998.

[5] *Цомакион Н.А.* Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966. С. 37–47; *Радич Л.М.* Язык памятников деловой письменности Енисейского острога XVII в. (Палеография. Фонетика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1979. С. 12–13.

inslav

за 1732–1735 гг. (365 л., 209 док., инв. № В-795); то же за 1745 г. (368 л., 219 док., инв. № В-796); указы священникам Усть-Каменогорской крепости Тарского духовного заказа за 1742–1793 гг. (668 л., 292 док., инв. № В-794). Всего, как видно, имеется 5 дел, объединяющих 831 документ на 1600 л. Хронологический охват документов – с 1732 по 1796 г. Правда, распределены они неравномерно. Географический охват – юг современной Западной Сибири.

Полная проработка делопроизводственных сибирских документов XVIII в. в ОРК НБ ТГУ дала возможность сформулировать основные принципы отбора и работы с более обширными материалами Государственного архива Томской области (ГАТО). Всего в ГАТО хранятся 44 фонда, содержащих документы XVIII в.[6] Небольшие по объему фонды и фонды, содержащие ограниченное количество документов XVIII в., были просмотрены полностью. В крупных фондах (например, Ф. 50 – Томский городовой магистрат) выбирались хронологические срезы с интервалом 5 лет. Поскольку в большинстве единиц обычно содержатся документы за несколько лет, хронологический охват при этом получался практически полный.

Всего было просмотрено более 55 тыс. листов документов с 1726 по 1800 г. из фондов административных, сословных учреждений и органов местного самоуправления; учреждений суда, прокуратуры и нотариата, финансово-налоговых и статистических, горных и учреждений религиозного культа. Эти фонды формировались изначально как ведомственные архивы, а в мае 1920 г., когда было образовано Томское губернское управление архивным делом, документы стали концентрироваться в ГАТО. С 1726 г. Томск был центром воеводства, относившегося к Тобольской провинции Сибирской губернии и имел активные сношения с центрами других воеводств и губернским центром. Следовательно, документы, по крайней мере, происходящие из других центров воеводств, можно считать достаточно представительными: ведь бумага для переписки не отбиралась специально из приобретенных партий, а использовалась случайным образом[7].

В общей сложности было зарегистрировано более 3,5 тыс. случаев употребления бумаги с разными водяными знаками российских фабрик. При более подробном рассмотрении репертуара удалось выявить следующее.

Характерно географическое распределение фабрик – основных поставщиков бумаги на сибирский рынок. Большинство их расположено в северной половине Европейской части России: это Вологодская губ. (мельницы Ф. Колесова и Н.Г. Турунтаевского), Вятская губ. (мельницы П.С. Бедаревой-Е.М. Машковцевой и Ф.М. Рязанцева), Калужская губ. (мельница С. Золотарева, Т.Ф. Карамышева–А.А. Гончарова в Полотняном заводе, И.П. Масалова), Костромская губ. (мельница Д.Д. Мещанинова под Кинешмой), Ярославская губ. (мельницы М. Переяславцева в Угличе, П.И. Репнина, П.Б. Шереметева на р. Юхоть, семьи Яковлевых). Лишь две единичные партии бумаги по-

---

[6] Государственный архив Томской области: Путеводитель. Томск, 1960. С. 7–59. Список просмотренных фондов ГАТО см. Прил. 2, в конце статьи. Выражаю сердечную благодарность за консультацию по истории архива и помощь в работе с фондами зам. директора ГАТО А.Г. Караваевой.

[7] Исключая случай с гербовой бумагой, которая здесь не рассматривается.

inslav

ступили из Московской губернии (мельница В.М. Евреинова) и с Петербургской Красносельской фабрики.

Наиболее употребляемой среди бумаги российских фабрик, поставляемой в Сибирь в XVIII в., оказалась бумага вятского происхождения, появляющаяся здесь с 70-х годов XVIII в. Так, бумага мельницы П.С. Бедаревой-М. Машковцевой (Никольская на р. Медянке) отмечена 248 раз, фабрики Ф.М. Рязанцева – 367 раз, всех вятских фабрик – 648 раз.

Следующей по частоте употребления является бумага с гербом Ярославля. Варианты ярославской филиграни отмечены 284 раза, большая часть из них (119) – за период владения мельницей М.С. Затрапезновым.

Филигрань с вариантами герба Ростова Ярославского встретилась нам 144 раза. Если учесть, что во второй половине XVIII в., к которой относится подавляющее число рассматриваемых документов, эта мельница принадлежала той же семье Яковлевых, выпускавшей и бумагу с гербом Ярославля, то логично приплюсовать эту бумагу к предыдущей, так как производитель в данном случае один и тот же, хотя на разнесенных географически технических базах. Сюда же необходимо прибавить 23 случая, когда была зарегистрирована бумага, произведенная на той же фабрике при первом владельце – кн. П.И. Репнине.

Примерно одинакова по частоте встречаемости бумага фабрик Калужской губ. (Т.Ф. Карамышева–А.А. Гончарова, 123 раза) и Вологодской губ. (Н.Г. Турунтаевского, 108 раз); правда, в первом случае разнообразие ВЗ гораздо больше. Реже встречается бумага фабрики Ф. Колесова (95 раз), Д.Д. Мещанинова (68) и П.Б. Шереметева (39). Еще реже попадаются филиграни фабрик Н.И. Маслова (Симбирская губ.) и М. Переяславцева (по 24) и А.М. Воронцова (19). Наконец, единичными можно назвать случаи употребления бумаги С. Золотарева, И.П. Масалова, В.М. Евреинова и Красносельской фабрики.

Из 57 имевшихся в России на 1799 г. бумажных фабрик[8] не более полутора десятков вели освоение сибирского рынка. Совершенно не представлена была на нем продукция многочисленных прибалтийских и южно-русских бумажных мельниц, фабрик Белоруссии и Украины.

Сопоставляя сроки возникновения российских бумажных фабрик и появления бумаги их производства на сибирском рынке, мы видим, что существовал порой довольно значительный временной зазор между этими фактами. Так, бумажная фабрика в Полотняном заводе (Калужская губ.) была основана в 1718 г. Т.Ф. Карамышевым. Однако ее бумага появляется в сибирских документах лишь в 30-е годы XVIII в., когда фабрика переходит во владение семьи Гончаровых, хотя на российском рынке бумага с маркировкой Т.Ф. Карамышева встречается и в 60-е годы XVIII в.

10 лет проходит между временем основания Великосельской бумажной фабрики П.И. Репнина (1750) и появлением ее бумаги на сибирском рынке в 60-х, особенно активно – в 80-х годах XVIII в. Следует учесть, что в 1776 г. фабрика перешла во владение известного бумажного фабриканта С.Я. Яковлева.

Напротив, вологодская фабрика Н.Г. Турунтаевского, основанная в 1729 г., почти сразу начинает осваивать сибирский рынок: бумага с ее маркировкой встречается уже в 30-е годы XVIII в.

---

[8] См.: *Uchastkina Z.V.* A history... P. 55.

inslav

Меняется и географическая направленность торговых связей в рассматриваемый период. Так, первыми из русских фабрик начали освоение сибирского бумажного рынка фабрика в Полотняном заводе (Калужская губ.), ярославская фабрика М.С. Затрапезного и вологодская Н.Г. Турунтаевского. К середине столетия в орбиту сибирского рынка попадают, помимо местных, сибирских фабрик, производители из Московской и Симбирской губерний (В.М. Евреинов и А.М. Воронцов), но их поставки не столь обширны. Мануфактуры Ярославской и Вологодской губерний в это время по-прежнему активны, а вот торговые связи с бумажниками Калужской губернии постепенно сходят на нет. К концу столетия наиболее активны на сибирском рынке бумажные фабриканты Вятской губернии.

Следует обратить внимание и на такое обстоятельство: длительно существовавшие на российском бумажном рынке фабрики при разных владельцах вели различную торговую политику. Некоторые из них почти сразу включались в освоение обширного сибирского рынка (уже упомянутые фабрики Т.Ф. Карамышева–А.А. Гончарова в Полотняном заводе, вологодские фабрики Н.Г. Турунтаевского и Ф. Колесова и др.) и практически все время своего существования (по крайней мере, в пределах рассматриваемого хронологического периода) на нем активно действовали. Другие появлялись лишь иногда и меняли торговую политику при смене владельца; например, мануфактура В.М. Евреинова (Московская губ.), продукция которой эпизодически представлена в сибирских документах, но, когда фабрика переходит к новым владельцам (А.Ф. Угрюмов и, позже, Е. Баташева), ее бумага исчезает из сибирского потребления, хотя объемы производства в этот период на фабрике возрастают в несколько раз.

Отметим еще один интересный факт. Если проследить употребление бумаги по разным населенным пунктам, заметно различие в репертуаре бумаги в зависимости от времени. Такое обстоятельство может в дальнейшем помочь в установлении места создания достаточно объемистых сибирских документов – например, рукописей. Разумеется, это можно делать лишь с определенной долей вероятности, впрочем, как и устанавливать дату.

Но существуют города, уездные и волостные центры и пр., для которых невозможно составить статистику по указанному вопросу. Это связано в первую очередь со степенью сохранности документов (по некоторым центрам документов мало). Проанализируем сведения по употреблению разной бумаги в делопроизводстве восьми наиболее крупных сибирских городов (Барнаул, Бердск, Бийск, Колывань, Кузнецк, Омск, Тобольск и Томск – см. Прил., в конце статьи), где показано, бумага каких именно фабрик и в какое время в них бытовала. Там, где сохранились данные за 20-е годы XVIII в., видно, что в это время в употреблении была иностранная бумага: герб Амстердама с разным литерным сопровождением[9], Britannia, Strasburg lily[10], Horn[11].

---

[9] См., например: ГАТО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–2; ОРК НБ ТГУ. В-795. Л. 25–26 и далее (герб Амстердама с контрамаркой "R. Jardel"); ИИ СО РАН. 4/84. Л. 55–58; ОРК НБ ТГУ. В-795. Л. 96–103 и далее (герб Амстердама с контрамаркой "F. Marot") и др. Документы датируются 20-30-ми годами XVIII в.

[10] См., например: ГАТО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–15 и др. ВЗ с контрамаркой "F. Marot"; документы датируются 20–30-ми годами XVIII в.

[11] См., например: Там же. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а. Л. 417. ВЗ с контрамаркой "IDEC", документ датируется 1720 г.

inslav

В 30-е годы XVIII в. преобладает голландская по происхождению бумага, преимущественно с разновидностями герба Амстердама. В единичных случаях встречаются Vryheyd и Pro patria[12]. В это же время, наряду с привозной бумагой, начинает распространяться продукция российских фабрик: М.С. Затрапезного, Т.Ф. Карамышева–А.А. Гончарова и Н.Г. Турунтаевского. Ее появление отмечено в Томске и Кузнецке. Если в 30-е годы это еще редкие случаи[13], то уже к середине 40-х годов русская бумага если не преобладает в сибирских делопроизводственных документах, то успешно соперничает с голландской[14].

40-е годы XVIII в. – время использования привозной и отечественной бумаги. Кое-где отечественная продукция начинает вытеснять иностранную. Так, нам не встретилось томских документов этого периода на иностранной бумаге; здесь использовали бумагу фабрики Т.Ф. Карамышева–А.А. Гончарова и Н.Г. Турунтаевского. В Тобольске, Кузнецке, Колывани и Бердске, наряду с бумагой с гербом Амстердама и Vryheyd, бытовала бумага фабрик Т.Ф. Карамышева–А.А.Гончарова, М.С. Затрапезного, а также Н.Г. Турунтаевского.

В 50-е годы XVIII в. зарубежная бумага почти исчезает из обращения; нам попались единичные листы с филигранью "Pro Patria" в Тобольске и Колывани. К имевшимся ранее русским маркам добавляется продукция фабрик А.М. Воронцова и В.М. Евреинова (в Томске), М. Переяславцева (в Бердске, Колывани и Томске), И.П. Масалова (в Колывани).

В 1744 г. недалеко от Тобольска создается первая сибирская бумажная фабрика. Всего в Сибири в XVIII в. функционировали три бумажные фабрики. Первое появление сибирской бумаги в рассматриваемых материалах относится к 19 ноября 1753 г., в документах Тарского заказного духовного правления[15]. Это бумага с ВЗ Тобольской фабрики Медведевых (литеры СТФМ, расшифровка З.В. Участкиной: Сибирь, Тобольск, фабрика Медведевых[16]).

В 60-е годы XVIII в. иностранная бумага окончательно исчезает из сибирских документов. Более активной становится торговая политика фабрики А.М. Воронцова (ее бумага отмечена в Бердске, Тобольске, Томске). В дополнение к имевшимся ранее российским поставщикам на сибирский рынок появляется фабрика П.И. Репнина (Бердск, Омск, Тобольск, Томск). Шире начинает использоваться бумага мельницы Н.Г. Турунтаевского – в Бердске, Колывани, Омске, Тобольске и Томске. Продолжает пользоваться спросом тобольская бумага (в Бердске, Тобольске и Томске). В это же время начинает активно завоевывать рынок продукция еще одной сибирской бумажной мельницы – туринской. Ее продукция зарегистрирована в Бердске, Бийске, Колывани, Омске, Тобольске и Томске. Отметим, что Тобольск, обладавший собственной бумажной

---

[12] См., например: Там же. Ф. 264. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–1; Ф. 127. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2; Ф. 173. Оп. 1. Д. 11. Л. 117–128 и др. ВЗ с контрамарками "CE", "JHzoon" и др.

[13] ОРК НБ ТГУ. В-795. Л. 95–104, 163, 175, 292, 295, 307–308, 310–311, 316–318, 319–320, 322–324.

[14] Там же. В-796. Л. 22–23, 29, 31–32, 37–38 и т.д.

[15] Там же. В-794. Л. 54–56. В дальнейшем бумага с филигранями этой фабрики встречается еще в нескольких городах – в частности, в тобольских по происхождению документах.

[16] *Участкина З.В.* Сибирская бумага... С. 90. Исследователь называет крайние даты использования бумаги с такими ВЗ в сибирских документах: 1758–1762 гг. (С. 95). В работе "A history..." (P. 265) самая ранняя дата документов с ВЗ сибирских фабрик – 1757 г.

inslav

мельницей, продолжал использовать не только свою бумагу и бумагу из других российских городов, но и продукцию фабрики-конкурента из Туринска. Больше всего распространяется бумага туринской фабрики в период, когда фабрика принадлежала Максиму Походяшину (ВЗ: литеры СТФМП (год) – Сибирь, Туринск, фабрика Максима Походяшина или СТФП (год) – Сибирь, Туринск, фабрика Походяшина. Расшифровка З.В. Участкиной[17]).

Наибольшей популярностью из продукции сибирских фабрик пользовалась бумага производства М. Походяшина с литерами СТ|ФП (год). Она впервые появляется 4 июня 1775 г. в документе, составленном в Томском городовом магистрате[18], и затем встречается часто на протяжении почти 30 лет, с 1775 по 1802 г. Поскольку на бумаге имеется дата отлива (за исключением случаев, когда лист обрезан, а таких случаев не очень много), можно проследить сроки ее залёжности. Для 80-х годов XVIII в. они составляют один–три года. О том, что объемы производства бумаги с такими знаками были достаточно велики, свидетельствует и тот факт, что еще в первой половине 90-х годов используется бумага с белой датой 1787–1788[19]. Соответственно, срок залёжности для нее увеличивается до 5–6 лет. Значит, одновременно была закуплена большая партия бумаги, которая использовалась в течение нескольких лет. Бумага с филигранью СТ|ФМП (год) по нашим данным впервые появляется в июле 1777 г. также в документе Томского городового магистрата[20].

70-е годы – время появления на сибирском рынке еще одного крупного поставщика бумаги – вятских бумажных фабрикантов (документы, написанные на вятской бумаге, зарегистрированы в Колывани и Тобольске). Активизируются и такие старые поставщики на сибирский рынок, как фабрики Я.С. Яковлева (бывшая М.С. Затрапезного) и Н.Г. Турунтаевского.

В 80-х годах в Тобольске зарегистрирована бумага с гербом Ростова Ярославского. И, наконец, 90-е годы – время почти полного господства на сибирском рынке вятских производителей бумаги. Широко используется и местная продукция – особенно туринская. Исчезает вологодская бумага. Встречается продукция мельниц Д.Д. Мещанинова, Н.И. Маслова и М. Переяславцева.

Теперь возьмем срез на уровне волостных центров. Здесь материал томских архивов менее обширен, но можно сравнить работу двух волостных правлений: Боровлянского и Пачинского. Документы, сохранившиеся от Пачинского, более ранние: в 40-е годы здесь использовалась ярославская бумага, в 50-х годах встречается филигрань Pro Patria. 60-е годы – время появления бумаги фабрики Н.Г. Турунтаевского, П.И. Репнина и тобольской. Начиная с 80-х годов возможно сравнение:

---

[17] *Участкина З.В.* Сибирская бумага... С. 93. По ее данным, такая бумага использовалась в сибирских документах в 1784–1788 гг. (С. 95). В книге "A history..." (P. 265) крайняя дата употребления бумаги с последним ВЗ – 1799 г.

[18] ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2.

[19] См., например: ОРК НБ ТГУ. В-794. Л. 590, 594, 630–633 и др.

[20] ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 64. Л. 24.

inslav

	Боровлянское	*Пачинское*
80-е годы XVIII в.	Вятка (П.С. Бедарева, Е.М. Машковцева, Ф.М. Рязанцев), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)	Вологда (Турунтаевские), Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин)
90-е годы XVIII в.	Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Е.М. Машковцева, Ф.М. Рязанцев), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Ростов Ярославский (Яковлевы), Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)	Вятка (П.С. Бедарева, Е.М. Машковцева, Ф.М. Рязанцев), Тобольск (В.Я. Корнильев), р. Юхоть Ярославской губ. (П.Б. Шереметев)

Как видно, имеются точки соприкосновения, но есть и явные различия. Так, в 80-е годы в обоих правлениях представлена туринская бумага и бумага фабрики Ф. Колесова, в 90-е годы – вятская бумага. Однако в Боровлянском, например, на протяжении двух десятилетий встречается и бумага фабрики Д.Д. Мещанинова, которой нет в Пачинском. Напротив, в Пачинском и в 80-х годах, и в 90-х годах бытует бумага из Тобольска, которой нет в более обширной по объему документации Боровлянского волостного правления. Это подтверждает тезис о различиях в репертуаре бумаги по населенным пунктам.

Удалось произвести некоторые расчеты по срокам залёжности бумаги разных сортов для различных населенных пунктов. При рассмотрении этих результатов следует учитывать, что не каждая филигрань содержит в себе белую дату. Встречаются обычные обрезанные листы, на которых просматривается литерное сопровождение или рисунок, позволяющие определить фабрику-производителя, но обрезана белая дата. Так что по объективным причинам не вся бумага, которая потенциально содержит необходимую информацию, оказалась включена в итоговый обзор.

Наибольшее количество данных по залёжности бумаги сибирских фабрик – Туринской и Тобольской. Так, филигрань с литерами СТ|ФП (Туринской фабрики в период, когда она принадлежала М. Походяшину) встречается очень часто в делопроизводственной документации практически каждого из рассмотренных населенных пунктов, независимо от их размера, административного статуса и географического положения. Это говорит о широком распространении туринской бумаги в последней четверти XVIII в. Сроки залёжности разнятся весьма существенно: от 1 года (в таких населенных пунктах, как Луговая, Омск, Сузун, Уртам и Яйское) до 7,5–8 лет (Гординское, Кожевниково, Никольское). Гораздо реже появляется бумага с другой маркировкой туринской фабрики (СТ|ФМП); сроки залёжности здесь от 1 года (Новопавловский завод, Омск, Тобольск) до 4 лет (Богородская).

Из филиграней тобольской мануфактуры наиболее часто встречаются литеры ТФ|ВК (употреблялись в период, когда она принадлежала

inslav

В.Я. Корнильеву). Сроки залёжности составляют от 0,5 –1 год (Иткульское, Кашинское) до 5–6 лет (Бердск, Бурминское, Зырянское, Колывань, Молчаново, Никольское, Семилуженское, Уртам, Чердатское). В самом Тобольске этот срок – 2–3 года. Наименьшие сроки залёжности бумаги тобольской фабрики относятся к периоду, когда она находилась в совместной собственности Медведевых и В.Я. Корнильева (все отмеченные случаи – 1,5 года и литеры ТФ|ВКГМ), а также в период, когда ее владельцем был А.Г. Дьяконов (литеры ТФ|СДЯК – до 2,5 лет, в Тобольске – менее года). Правда, в последних двух случаях указанная маркировка встречается реже, чем ТФ|ВК.

Из фабрик, расположенных на европейской территории России, наиболее хорошо представлен материал по вятским мельницам, в первую очередь – Ф.М. Рязанцева. Сроки залёжности здесь несколько больше: 1 год встречается только в Озерском Яме; преобладают же сроки в 2–3 года, но не более 5 лет. Меньше данных по бумаге с ВЗ П.С. Бедаревой, но средние сроки залёжности примерно те же – 2–3 года.

Можно выделить также несколько населенных пунктов, по которым есть достаточный материал для сравнения бумаги разных фабрик. Так, в Барнауле минимальный срок залёжности (1 год) для бумаги с тобольской филигранью ТФ|ВКГМ и для бумаги с гербом Ярославля и литерами ЯМВСЯ. Несколько больше (2–3 года) срок залёжности для бумаги туринской фабрики, вятских мануфактур и ярославской бумаги с литерами ЯМСЯ. 5–7 лет составляет срок залёжности для бумаги, произведенной в Ростове Ярославском.

В Бердске минимальный срок залёжности (1–1,5 года) для бумаги сибирских мельниц – тобольской и туринской (кроме туринской бумаги с литерами СТ|ФМП – 2,5 года и тобольской с литерами ТФ|ВК – до 5 лет). Для вятской и ярославской бумаги срок залёжности здесь 2–3 года.

В Бийске мы имеем следующую картину: самый маленький срок залёжности — для бумаги мельницы Д.Д. Мещанинова с литерами РФ|ДМ (1 год); 2–3 года для туринской бумаги с литерами СТ|ФП, ярославской бумаги (ЯМВСЯ), продукции вятских мануфактур, мельницы Н.Г. Турунтаевского и бумаги, где в качестве ВЗ изображен герб Ростова Ярославского на постаменте. Несколько больше (3,5 года) срок залёжности для бумаги мельницы И.П. Масалова (КФ|НМ), а вот для бумаги с гербом Ростопа Ярославского на щите он составляет 4–6 лет.

Почти такая же картина в Боровлянском, за одним исключением: срок залёжности для туринской бумаги (СТ|ФП) здесь несколько больше и составляет свыше 3 лет.

Довольно обширны данные но Колывани. Минимальные сроки залёжности – 1–1,8 лет – здесь отмечены для бумаги двух фабрик: вологодской мельницы Н.Г. Турунтаевского и ярославской бумаги с литерами ЯМВСЯ. 2–3 года составляет срок залёжности для продукции вятских мельниц, мельниц П.Б. Шереметева и Д.Д. Мещанинова, тобольской бумаги производства А.Г. Дьяконова и туринской с литерами СТ|ФМП; более 3 лет – для туринской бумаги с литерами СТ|ФП. И, наконец, максимальный срок залёжности (6 лет) отмечен для тобольской бумаги с литерами ТФ|ВК и бумаги с гербом Ростова Ярославского на щите.

В Пачинском сроки залёжности для всех видов бумаги (туринская СТ|ФП, вятская производства П.С. Бедаревой, мельницы П.Б. Шереметева, тоболь-

inslav

ская А.Г. Дьяконова и вологодская Н.Г. Турунтаевского) не превышают 3 лет. Несколько больше в Тальменском – менее 3 лет лишь для бумаги вятской фабрики П.С. Бедаревой и туринской СТ|ФП. Для вятской бумаги производства Рязанцева они составляют 4,5 года, а для бумаги с гербом Ростова Ярославского на щите – 8 лет.

В Тобольске самый маленький срок залёжности (менее года) отмечен для местной бумаги производства А.Г. Дьяконова, 1 год – для туринской бумаги с литерами СТ|ФМП, тобольской ТФ|ВКГМ и вологодской мануфактуры Н.Г. Турунтаевского; от 2 до 3 лет — для туринской бумаги СТ|ФП, бумаги вятских фабрик П.С. Бедаревой и Ф.М. Рязанцева и местного производства В.Я. Корнильева (ТФ|ВК).

Что касается Томска, срок залёжности менее 2 лет здесь отмечен для ярославской бумаги (ЯМВСЯ), тобольской – производства А.Г. Дьяконова и вологодской – Н.Г. Турунтаевского; от 2 до 3 лет – для туринской бумаги СТ|ФМП, ярославской ЯМСЯ, Ф. Колесова и тобольской с литерами ТФ|ВК; более 3 лет для туринской бумаги СТ|ФП, бумаги с гербом Ростова Ярославского на щите (3–5 лет), вятской бумаги Ф.М. Рязанцева (3 года) и бумаги Симбирской фабрики Н.И. Маслова с литерами КФ|НМ (4 года).

Наконец, в Тутальском отмеченные сроки залёжности также не превышают трех лет. Минимальные (менее года) отмечены для вятской и ярославской бумаги.

Встречаются нулевые сроки залёжности – например, для ярославской бумаги в Нарыме или тобольской бумаги производства А.Г. Дьяконова в Кетске. Это означает, что документ был написан на бумаге в том же году, в котором она была произведена. Зафиксированы и весьма длительные сроки залёжности, например, 19 лет для вологодской бумаги производства Н.Г. Турунтаевского в Спасском или 12–13 лет для туринской бумаги СТ|ФП в Томске. Последний факт – особенно с учетом широкой распространенности этой бумаги – требует отдельного пояснения. Видимо, в данном случае имела место покупка сразу большой партии бумаги, которая использовалась в течение длительного периода времени. Правда, попытки обнаружить подтверждение такой покупки в документах ГАТО результатов не дали.

В целом можно сказать, что в течение XVIII в. состав бумаги сибирских делопроизводственных документов существенно менялся: если в начале столетия использовалась иностранная бумага, то в 40-х годах XVIII в. появляется русская, а несколько позже – сибирская бумага. Репертуар бумаги сибирских делопроизводственных документов несколько у́же, чем для документов центральной России: не все бумажные фабрики участвовали в освоении сибирского рынка. Сроки залёжности бумаги сибирских документов XVIII в. соответствуют средним срокам залёжности для европейской части России. Вообще, не наблюдается прямой зависимости между сроком залёжности и расстоянием от пункта производства бумаги до пункта ее потребления. Даже для разных периодов функционирования одной и той же бумажной мельницы возможны разные сроки залёжности. Видимо, здесь имеет место более сложная зависимость; следует учитывать не только расстояние до места производства бумаги, но и мощность производящей фабрики, ее торговую политику и конкурентные условия на рынке. В целом для нужд датировки полученные данные подтверждают используемый для расчетов во всем мире средний срок

inslav

в 10 лет; большая часть бумаги расходилась в первые 3 года после ее производства.

Данные, полученные на материалах хранилищ одного города, безусловно, нуждаются в дополнительной проверке по документам других хранилищ, но, в целом, учитывая географический охват рассмотренных источников, вполне могут быть приняты как рабочая гипотеза и использоваться при датировке документов сибирского происхождения.

inslav

Приложение 1

Употребление бумаги иностранных и российских фабрик в делопроизводстве городов юга Западной Сибири в XVIII в.*

	Барнаул	Бердск	Бийск	Колывань
1720-е годы				
1730-е годы		Amsterdam		
1740-е годы		Vryheyd, Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Полотняный завод (А.А. Гончаров), Ярославль (М.С. Затрапезнов)		Amsterdam, Vryheyd, Полотняный завод (А.А. Гончаров, Т.Ф. Карамышев), Ярославль (М.С. Затрапезнов)
1750-е годы		Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев), Ярославль (М.С. Затрапезнов)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Ярославль (М.С. Затрапезнов)	Pro Patria, Полотняный завод (А.А. Гончаров, Т.Ф. Карамышев), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев), р. Шаня Калужской губ. (И.П. Масалов), Ярославль (М.С. Затрапезнов)
1760-е годы		Великое село Ярославской губ. (П.И. Репнин), Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Туринск (О. Коновалов), Тобольск (И. Медведев), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев), Ярославль (С.Я. Яковлев)	Туринск (О. Коновалов)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Полотняный завод (Т.Ф. Карамышев), Туринск (О. Коновалов), Ярославль (С.Я. Яковлев)

* Для иностранной бумаги указывается тип ВЗ (не во всех случаях можно установить, где конкретно произведен данный лист), для отечественной – местоположение фабрики и фамилия владельца. Если не существует расшифровки литер ВЗ и принадлежность фабрики не установлена, приводится только литерное сопровождение.

inslav

Кузнецк	Омск	Тобольск	Томск
		Amsterdam	Amsterdam. Britiannia, Strasburg lily, Horn
Amsterdam, Полотняный завод (Т.Ф. Карамышев)		Amsterdam	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Полотняный завод (Т.Ф. Карамышев, А.А. Гончаров), Ярославль (М.С. Затрапезнов)
Amsterdam, Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Полотняный завод (А.А. Гончаров), Ярославль (М.С. Затрапезнов)		Amsterdam	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Полотняный завод (А.А. Гончаров, Т.Ф. Карамышев)
Вологда (Н.Г. Турунтаевский)		Pro Patria, Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Тобольск (И. Медведев), Ярославль (М.С. Затрапезнов)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Копнино Московской губ. (В.М. Евреинов), Полотняный завод (А.А. Гончаров), Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев)
	Великое село Ярославской губ. (П.И. Репнин), Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Туринск (О. Коновалов)	Великое село Ярославской губ. (П.И. Репнин), Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Полотняный завод (А.А. Гончаров), Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Тобольск (И. Медведев), Туринск (О. Коновалов), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев), Ярославль (С.Я. Яковлев)	Великое село Ярославской губ. (П.И. Репнин), Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Калуга (С. Золотарев), Полотняный завод (А.А. Гончаров), Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Тобольск (И. Медведев), Туринск (О. Коновалов), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев), р. Шаня Калужской губ. (И.П. Масалов), Ярославль (С.Я. Яковлев, М.С. Затрапезнов)

inslav

	Барнаул	Бердск	Бийск	Колывань
1770-е годы	Вологда (Н.Г. Турунтаевский)		Туринск (О. Коновалов, М. Походяшин)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Вятка (П.С. Бедарева), ГГІС, Тобольск (И. Медведев, В.Я. Корнильев), Туринск (О. Коновалов, М. Походяшин), Ярославль (С.Я. Яковлев)
1780-е годы	БФУУ, Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)	Вологда (Турунтаевские), Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин)	БФУУ, Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)	БФУУ, Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), ГГІС, Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Ростов (Яковлевы), Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)
1790-е годы	Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Ростов (Яковлевы), Ярославль (Яковлевы)	Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Тобольск (А.Г. Дьяконов), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)	Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Ростов (Яковлевы), Симбирская губ. (Н.И. Маслов), Туринск (М. Походяшин), Углич Ярославской губ. (М. Переяславцев), Ярославль (Яковлевы)	Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Ростов (Яковлевы), Тобольск (А.Г. Дьяконов), Туринск (М. Походяшин), р. Юхоть Ярославской губ. (П.Б. Шереметев), Ярославль (Яковлевы)

inslav

Кузнецк	Омск	Тобольск	Томск
Вологда (Н.Г. Турунтаевский)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), ГГІС, Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Туринск (О. Коновалов, М. Походяшин)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Вятка (П.С. Бедарева), ГГІС, Тобольск (И. Медведев, В.Я. Корнильев), Туринск (О. Коновалов, М. Походяшин), Ярославль (Я.С. Яковлев)	Вологда (Н.Г. Турунтаевский), Вятка (П.С. Бедарева), ГГІС, Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Туринск (О. Коновалов, М. Походяшин), Ярославль (М.С. Затрапезнов)
	Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин)	Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Ростов (Яковлевы), Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин)	Великое село Ярославской губ. (П.И. Репнин), Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), ГГІС, Красносельская, Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Тобольск (В.Я. Корнильев), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)
Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Туринск (М. Походяшин)		Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Ростов (Яковлевы), Тобольск (А.Г. Дьяконов), Туринск (М. Походяшин), Ярославль (Яковлевы)	Вологда (Турунтаевские), Вятка (П.С. Бедарева, Ф.М. Рязанцев, П.Е. Озеров), Кинешма Костромской губ. (Д.Д. Мещанинов), Ростов (Яковлевы), Симбирская губ. (Н.И. Маслов), Тальская мельница Симбирской губ. (А.М. Воронцов), Терминка Вологодской губ. (Ф. Колесов), Тобольск (А.Г. Дьяконов), Туринск (М. Походяшин), р. Юхоть Ярославской губ. (П.Б. Шереметев), Ярославль (Яковлевы)

inslav

Приложение 2

Список фондов ГАТО, из которых выбирались сибирские документы XVIII в.

Ф. 50. Томский городовой магистрат
Ф. 53. Колыванская городская ратуша
Ф. 55. Канцелярия Колывано-Воскресенских горных заводов. Волостные правления: Ф. 56. Бийское; Ф. 57. Спасское; Ф. 58. Кетское; Ф. 59. Чарышское; Ф. 61. Тутальское; Ф. 62. Бердское; Ф. 66. Пачинское; Ф. 67. Нелюбинское; Ф. 71. Парабельское
Ф. 127. Томская городская дума
Ф. 136. Боровлянская земская изба
Ф. 173. Томское духовное правление
Ф. 175. Томский мужской Богородице-Алексеевский монастырь
Ф. 235. Томский городовой сиротский суд. Волостные суды: Ф. 259. Спасский; Ф. 260. Кетский; Ф. 262. Нелюбинский
Ф. 264. Колыванское духовное правление
Ф. 321. Ревизские сказки
Ф. 330. Томский купеческий староста
Ф. 331. Томская городская шестигласная дума
Ф. 332. Томский городовой словесный суд
Ф. 333. Томский мещанский староста
Ф. 336. Томская нижняя расправа
Ф. 342. Барнаульская нижняя расправа
Ф. 421. Томская горная контора
Ф. 521. Уртамский острог
Ф. 522. Уртамская судная контора

inslav

Е.В. Уханова

КОМПЬЮТЕРНЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ ОР ГИМ: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Существенное увеличение объема информации на современном этапе развития научного знания, появление новых технологий, возрастание требований к организации научного информационного пространства и к увеличению точности кодикологической экспертизы, выход кодикологических исследований на новый уровень изучения организации средневекового книжного производства как в целом, так и в мельчайших деталях – объективные приметы современного уровня развития археографии, кодикологии и текстологии. Сложившаяся ситуация диктует новые условия организации научного процесса и, в частности, специальных кодикологических исследований. В Отделе рукописей Государственного Исторического музея, одном из крупнейших отечественных хранилищ средневековых рукописей, наряду с обеспечением доступа к фондам исследователей, традиционно проводятся самостоятельные кодикологические исследования. Обе эти задачи настоятельно диктуют и современную организацию описания фондов, и развитие специальных методов их исследования. Для обеспечения этих целей в последнее время нами были предприняты работы, в результате которых в Отделе рукописей были созданы две компьютерные базы данных: база данных фондов ОР и база данных водяных знаков рукописей XV в.

База данных (БД) фондов ОР ГИМ появилась в результате нашего сотрудничества с компьютерной фирмой "Гипер"[1]. Специально для ОР ГИМ была адаптирована созданная для библиотечных каталогов программа "Elite" ("А-Элита") на базе стандартной программы Microsoft Office – "Access2000". Выбор именно этой программы, а не более сложной (например, SQL или Oracle) объясняется более простым и удобным ее обслуживанием, а также большой распространенностью среди потенциальных пользователей. В дальнейшем мы имеем возможность конвертировать ее с более мощными стандартными программными средствами. "Access" позволяет беспрепятственно работать не менее, чем со 100 тыс. записями, что вполне достаточно для занесения в базу информации о средневековых рукописях. БД ОР ГИМ насчитывает около 31 тыс. записей. Программное обеспечение имеет трехзвенную архитектуру построения (тонкий клиент–сервер–БД), что обеспечивает работу с БД в сети нескольких пользователей. Все программное обеспечение поддерживает кодировку UNICODE с незначительными изменениями.

---

[1] Как разработчик "гуманитарной" части программы (логики организации информации, интерфейса, полей и словарей БД) приносим свою благодарность научному сотруднику ОР ГИМ Г.М. Шитовой, сформулировавшей для нас требования к описанию в БД старо- и новопечатных книг, а также всем сотрудникам Отдела, участвовавшим в обсуждении требований к описанию рукописей в БД.

inslav

База данных фондов ОР ГИМ содержит сведения о всех музейных предметах, хранящихся в отделе: средневековых рукописях, старопечатных и новопечатных книгах, средневековых грамотах, свитках, берестяных грамотах, муляжах и других копиях. Принимая решение о создании единой для всех видов музейных предметов БД, мы руководствовались не только соображениями хранителя о несомненном удобстве учета фондов в единой системе. Полагаем, что "уравнивание в правах", например, рукописных и старопечатных книг ведет к принципиально более корректному и расширяющему перспективы исследования поиску данных (при условии единообразия в росписи содержания обеих категорий памятников). Кроме того, при поиске источников, происходящих, например, из какого-либо конкретного региона, очевидная необходимость выявления всех сохранившихся письменных памятников обеспечивается именно единой базой данных.

По принципиальным соображениям пришлось отказаться от использования в организации информации нашей базы данных какого-либо MARC стандарта (USMARC, UNIMARC, RUSMARC), хотя первоначально библиотечная программа "Elite" была рассчитана именно на него. USMARC стандарт был разработан в США для создания БД Библиотеки Конгресса. Он предназначался для введения англоязычной информации, прежде всего, о современных изданиях и периодике. Об описании средневековых памятников, тем более кириллических, речи не шло ни при разработке стандарта, ни при его адаптации для Европы (UNIMARC). Его применение в России (RUSMARC) для описания средневековых памятников вызывает недоумение, поскольку организация информации происходит в неприспособленной для этого среде. Мифический тезис об универсальности MARC стандарта представляется недоразумением. После опроса наших зарубежных коллег мы пришли к выводу, что MARC стандарт не используется ни в одном из крупных европейских хранилищ рукописей и книг. В них существуют собственные национальные стандарты или стандарты, разработанные для конкретного фондохранилища*. Учитывая тот факт, что в США средневековых (особенно кириллических) рукописных памятников крайне мало, возможность совмещения наших описаний даже в далеком будущем ничтожно мала. Поэтому ориентация на американские стандарты в этой области нам непонятна. Кроме того, в России не существует единой версии MARC стандарта для описания средневековых рукописных памятников. Каждый раз RUSMARC расширялся для этих целей по-своему. В результате, известные нам три попытки создания БД рукописей в этом формате в РНБ (Санкт-Петербург)[2], Музее Андрея Рублева (Москва) и Научной библиотеке им. Горького МГУ (Москва) не совпадают друг с другом и являются, по существу, автономными и изолированными базами. Поэтому, разрабатывая собственную базу данных, мы не сочли нужным учитывать чуждый нашим целям и сложившимся в России традициям описания стандарт RUSMARC. Хотя, необходимо отметить, что заложенная в "Elite" возможность совмещения со стандартом RUSMARC не уничтожена, и потенциально наша база данных совместима с ним.

---

* Например, в Германии и Австрии используется формат RAK (Regeln der Alphabetische Katalogisierung) и система баз данных Aleph (Израиль).

[2] См.: *Крушельницкая Е.В.* Проблемы отражения археографического, палеографического и кодикологического описания славянских рукописей в системе электронной базы данных // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: Археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 223–239.

inslav

Используя уже существующий программный продукт фирмы "Гипер", мы предложили иную логику организации информации в БД и специально разработанный нами для этой базы данных интерфейс, учитывающий уже существующую традицию описания и оформления этой информации. Интерфейс представляет собой "карточку" компьютерной картотеки, схожую по принципам организации информации с привычными библиотечными бумажными аналогами. Текст распределен в белых "строках" на сером фоне. Созданная в графике Windows, она удобна и привычна для глаза пользователя. 97 полей описания сгруппированы в 35 разделов, отражающих основные параметры описания предмета. Мы считаем особым достоинством интерфейса компактность расположения информации, когда первичному анализу пользователя одновременно доступны 35 основных параметров описания предмета, переход же к остальным, уточняющим, полям происходит лишь по желанию пользователя, но немедленно и в пределах той же компьютерной "карточки". Поля в пределах группы организованы в виде "закладок", знакомых пользователям по любой из программ Windows. Переход от одной закладки к другой осуществляется щелчком "мыши" (рис. 1). Более того, для просмотра большого объема информации предусмотрена вкладка, отражающая только 8 основных полей описания. По внешнему виду и размеру она идентична традиционной каталожной карточке, не разделенной на строки. Краткость и компактность расположения в ней информации облегчает просмотр большого числа записей.

Еще одно удачное, на наш взгляд, решение по организации информации в компьютерной карточке – наше предложение "трехмерной" организации пространства. Рассмотрим ее на примере группы полей "Содержание", в котором помещается важнейшая информация росписи содержания рукописной или старопечатной книги. Первое поле в этой группе предполагает фиксацию имени автора, названия произведения и листов рукописи, на которых оно находится. К нему примыкают поля "инципит", "атрибуция" (реальное научное название, редакция и т.п.), "утраты" текста в конкретной рукописи, "библиография". Расположенные в виде закладок при одной "строке" эти параметры позволяют занести полное научное описание лишь одного произведения. Для повторения всего этого набора полей в соответствии с количеством произведений, входящих в описываемый сборник, при данной группе полей предусмотрена специальная кнопка "Повтор", что делает удобным ввод и дистрибуцию информации.

Особой проблемой при создании базы данных рукописей был вопрос о степени подробности описания каждого предмета. Его решение, в конечном счете, определяет количество полей компьютерной карточки. Выбирая из достаточно краткого варианта, сложившегося в большинстве существующих печатных описаний, и максимально подробной росписи всех потенциальных особенностей рукописи или старопечатной книги, мы пришли к компромиссному решению. Очевидно, что краткий вариант через некоторое время будет тормозить развитие базы данных, не позволяя занести дополнительную информацию. Однако и максимально пространный вариант также не является оптимальным для работы. Мы полагаем, что информация компьютерной базы данных не должна быть тождественна содержанию глубокого, узкоспециализированного научного исследования. У справочно-поисковой системы другие задачи. Поэтому нет необходимости резервировать поля для абсолютно всеохватывающей характеристики рукописи.

inslav

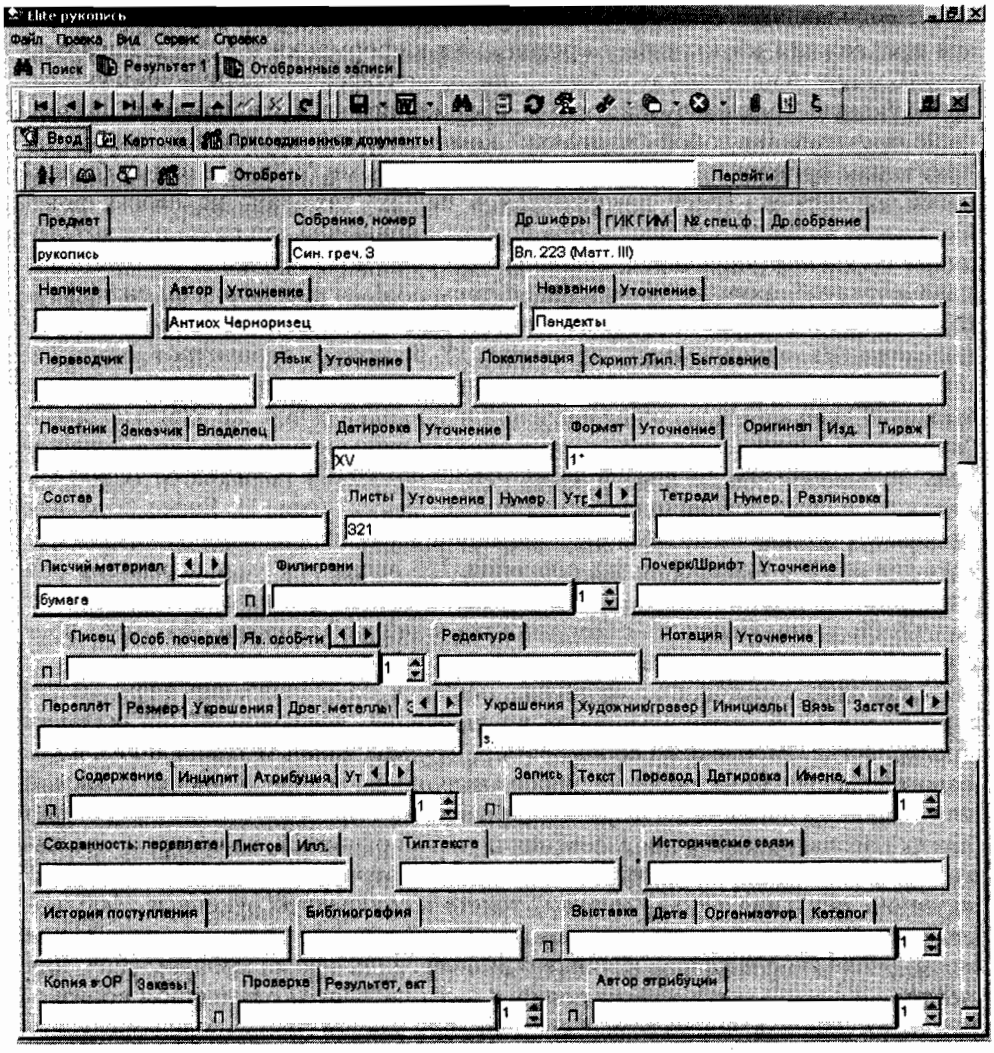


Рис. 1. Интерфейс базы данных фондов ОР ГИМ

Предусмотренные в нашей базе данных 97 полей для описания кодекса, среди которых есть поле “Библиография”, вполне достаточны для его характеристики. Количество полей зависит также и от представления о необходимой степени расчлененности информации в базе данных. На наш взгляд, дробление привычных информационных блоков до мельчайших их составляющих делает неудобным ввод информации, ее поиск и анализ. При создании практически всех полей БД как поисковых нахождение любого сочетания слов, отдельного слова или даже его фрагмента не представляет трудности. Наибольшее затруднение может вызвать лишь анализ большого количества информации, для чего удобнее всего предусмотреть компактное занесение тематически однородной информации.

БД загружается на вкладке “Поиск” и позволяет его вести по 6 полям одновременно. 96 из 97 полей описания являются поисковыми и могут быть выставлены в любом количестве (до 6) и любом порядке для осуществления по-

inslav

иска. Запрос на поиск можно формулировать самостоятельно или пользоваться существующим к каждому полю автоматическим словарем, отражающим содержание всех записей. Поле "Усечение" позволяет вести поиск по части слова, а поле "Список слов" делает доступным поиску сочетания слов. В программе для ввода запроса предусмотрена возможность изменения шрифта (языка) и использование всех букв церковнославянского алфавита и диакритики (для поиска по инципитам произведений или тексту записей). Поля "Операция" и "Сравнение" делают возможным практически любые сложные запросы. Так, например, для поиска старопечатных книг всех небольших типографий XVIII в. необходимо выставить поле "Предмет" и заполнить его из словаря термином "Старопечатная книга", 2 поля "Уточнение датировки", в одном из которых указать "> = 1701", в другом – "< = 1800", и 2 поля "Локализация" с указанием исключения из поиска Москвы и Санкт-Петербурга – мест существования крупнейших типографий того времени.

Отметим особенности решения организации информации в чрезвычайно важном для поиска поле – "Датировка". Словарь этого поля содержит традиционные термины – "начало ...века", "1-я треть ...века", "середина ...века" и т.п. Однако для поиска такие определения не подходят, поскольку точная, выраженная в цифрах, датировка памятника не соотносится компьютером с датировкой, выраженной словами. Для унификации поиска датировка каждой рукописи переводится в цифровое выражение (например, XV в. обозначается "1401–1500") и дублируется в поле "Уточнение датировки". Таким образом, проводя анализ описания рукописи в режиме "Результат", исследователь в поле "Датировка" будет иметь дело с традиционной научной терминологией, а, осуществляя поиск по уточняющему его полю, пользователь получит всю информацию как о точно, так и о приближенно датированных памятниках[3].

Сформулированный во вкладке "Поиск" запрос исследователя отражается на вкладке "Результат" в виде компьютерной картотеки, каждая карточка которой содержит описание одного предмета, содержащегося в 97 полях, разделенных на 35 групп. Как уже было отмечено, для быстрого просмотра и анализа основных 8 полей (шифр, автор, название, датировка, место создания, переводчик, типограф, формат) и распечатки их как традиционной картотеки на отдельных карточках предусмотрен специальный режим. Каждое поле вкладки "Результат" может быть увеличено до размера монитора, практически каждое поле имеет свой словарь (редактируемый или автоматический), по каждому из полей может быть произведена сортировка на любом этапе работы. Кроме того, предусмотрена возможность прикреплять к каждому полю неограниченное число изобразительных файлов, что позволяет аккумулировать большой научный видеобанк данных (внешний вид, иллюминация, почерки, водяные знаки и т.п.).

Пометка в поле "Отобрать" позволяет пользователю выявить заинтересовавшие его карточки и составить из них свою картотеку в виде небольшой БД или распечатывать в программе Word. Режимов распечатки предусмотрено несколько: вся информация (с расположением каждого поля с новой строки), только отмеченные пользователем поля, установленный краткий список полей, необходимый для заказа рукописи из хранилища ОР ГИМ. Таким образом, программа учитывает все необходимые потребности и хранителя, и

---

[3] Эта идея принадлежит научному сотруднику Отдела ИЗО ГИМ Д. Диментману, которому мы выражаем свою признательность.

inslav

исследователя при работе с описанием фондов: она создает индивидуальные компьютерные картотеки на основе выборки данных из программы, позволяет их распечатывать в виде традиционных картотек, в формате Word как читательский запрос, в виде выборки произвольно отобранных параметров описания, как полное описание, готовое после небольшого редактирования к публикации.

Мы полагаем, что учли практически все пожелания, которые могли бы сформулировать хранители или исследователи к компьютерной картотеке фондов. Традиционный вид отражения информации (картотека), используемая в описании традиционная научная (а не адаптированная исходя из представлений программистов) терминология, широчайшие возможности поиска информации, удобная организация просмотра и распечатки отобранных данных, чрезвычайно простая и удобная организация ввода информации (без каких-либо кодов и шифров), надежная защита от несанкционированных вмешательств пользователей в содержание БД – все это делает нашу базу данных оптимальной как для хранителей, так и для исследователей ОР ГИМ. Она имеет дальнейшие реальные перспективы расширения. Около половины коллекций Отдела рукописей ГИМ имеют опубликованные в XIX и XX вв. описания, сохранились и неопубликованные описания отдельных собраний или их части, а также несколько подсобных тематических картотек. В них разбросана уже выявленная и зафиксированная информация, различающаяся степенью подробности и последовательностью описания памятников, терминологией, наличием поисковых указателей. В связи с этим перспективы расширения БД фондов ОР мы видим в занесении в нее этой информации[4]. Однако пополнение БД должно сопровождаться непременной унификацией терминологии, использующейся при описании памятника, с целью корректной фиксации информации и создания условий многостороннего поиска. Для этого мы планируем уже на первом этапе разработку словарей силами не только научных сотрудников ГИМ, но и наших коллег из отделов рукописей БАН, РНБ, Государственной Исторической библиотеки, а также из Археографической комиссии РАН.

Список и характеристика полей БД фондов ОР ГИМ[5]

1. **Предмет** – текст 30, словарь, поиск
2. **Собрание, номер** – текст 30, словарь, поиск
3.1. **Другие шифры** – текст 255, поиск
3.2. Инвентарный номер – текст 20, поиск
3.3. Номер спец. фонда – текст 20, поиск
3.4. Шифр в другом собрании – memo, поиск
3.5. Штамп, экслибрис – memo, поиск
4. **Наличие** – текст 150, словарь, поиск
5.1. Автор – текст 255, словарь, поиск
5.2. Уточнение – текст 255, словарь, поиск

---

[4] Эта работа планируется в рамках гранта РГНФ № 04-01-12020в "Компьютерный банк данных фондов ОР ГИМ".

[5] **Полужирным шрифтом** обозначены первые поля группы. Цифровое обозначение величины поля соответствует количеству знаков, максимально допустимых при его заполнении; характеристика memo обозначает не лимитированное по величине поле. Относительно небольшое число таких полей объясняется их большой "громоздкостью", которая тормозит поиск в БД и работу с ней. Мы благодарим научного сотрудника Отдела рукописей БАН В. Подковырову, ознакомившуюся с нашей базой данных и указавшей на пропуск в существовавшем первоначально списке таких полей, как "алфавит", "сопроводительный материал", "карты, планы", "штемпели".

inslav

6.1. **Название** – текст 255, словарь, поиск
6.2. Уточнение – текст 255, словарь, поиск
7. **Переводчик** – текст 255, словарь, поиск
8.1. **Язык** – текст 50, словарь, поиск
8.2. Уточнение – текст 255, словарь, поиск
8.3. Алфавит – текст 50, словарь, поиск
9.1. **Локализация** – текст 255, словарь, поиск
9.2. Скрипторий/Типография – текст 100, словарь, поиск
9.3. Место бытования – текст 255, поиск
10.1. **Печатник** – текст 255, словарь, поиск
10.2. Заказчик – текст 255, словарь, поиск
10.3. Владелец – memo, поиск
11.1. **Датировка** – текст 255, словарь
11.2. Уточнение – текст 10, поиск
12.1. **Формат** – текст 10, словарь, поиск
12.2. Уточнение – текст 100, поиск
13.1. **Издание** – текст 10, поиск
13.2. Тираж – текст 255, поиск
13.3. Связи – текст 255, словарь, поиск
14.1. **Состав** – текст 255, словарь, поиск
14.2. Сопроводительный материал – текст 255, поиск
15.1. **Листы** – текст 255, поиск
15.2. Уточнение – memo, поиск
15.3. Нумерация – текст 255, словарь, поиск
15.4. Утраты и дополнения – memo, словарь, поиск
16.1. **Тетради** – текст 255, поиск
16.2. Нумерация – текст 255, словарь, поиск
16.3. Разлиновка – memo, словарь, поиск
17.1. **Писчий материал** – текст 30, словарь, поиск
17.2. Уточнение – текст 255, словарь, поиск
17.3. Чернила – текст 50, словарь, поиск
17.4. Уточнение – текст 255, словарь, поиск
18. **Филиграни** – текст 255, словарь, поиск. **Повторяющееся поле**
18.2. Штемпели – текст 255, словарь, поиск. **Повторяющееся поле**
19.1. **Почерк/Шрифт** – текст 255, словарь, поиск
19.2. Тайнопись – текст 255, поиск
20.1. **Писец** – текст 255, словарь, поиск. **Повторяющееся поле**
20.2. Особенности почерка – memo, поиск
20.3. Языковые особенности – memo, словарь, поиск
20.4. Другие рукописи – memo, поиск
21. **Редактура** – memo, поиск
22.1. **Нотация** – текст 255, словарь, поиск
22.2. Уточнение – memo, поиск
23.1. **Переплет** – текст 255, словарь, поиск
23.2. Размер – текст 100, поиск
23.3. Украшения – memo, словарь, поиск
23.4. Драг. металлы – memo, словарь, поиск
23.5. Застежки – текст 255, словарь, поиск
23.6. Наклейки – текст 255, словарь, поиск
23.7. Переплетные листы – текст 255, словарь, поиск
23.8. Футляр – текст 255, поиск
23.9. Печать – memo, поиск
24.1. **Украшения** – текст 255, словарь, поиск
24.2. Миниатюры/Гравюры – memo, словарь, поиск
24.3. Карты, планы – memo, словарь, поиск
24.4. Художник/гравер – текст 255, словарь, поиск
24.5. Заставки, концовки – memo, словарь, поиск
24.6. Инициалы – memo, словарь, поиск
24.7. Вязь – memo, словарь, поиск

inslav

24.8. Рамки – memo, словарь, поиск
24.9. Другие – memo, словарь, поиск
25.1. **Содержание:** название – текст 255, словарь, поиск **Повторяющееся поле**
25.2. Инципит – текст 255, словарь, поиск
25.3. Атрибуция – memo, словарь, поиск
25.4. Утраты – memo, поиск
25.5. Библиография – memo, словарь, поиск
26.1. **Характеристика записи** – текст 255, словарь, поиск **Повторяющееся поле**
26.2. Текст – memo, поиск
26.3. Перевод – memo, поиск
26.4. Датировка – текст 10, поиск
26.5. Имена, топонимы – memo, поиск
27.1. **Сохранность:** переплета – memo, словарь, поиск
27.2. Листов – memo, словарь, поиск
27.3. Иллюминации – memo, словарь, поиск
28. **Тип текста** – текст 255, словарь, поиск
29. **Исторические связи** – memo, словарь, поиск
30. **История поступления** – memo, словарь, поиск
31. **Библиография** – memo, словарь, поиск
32.1. **Выставка** – текст 255, словарь, поиск. **Повторяющееся поле**
32.2. Дата – текст 40, словарь, поиск
32.3. Организатор – текст 255, словарь, поиск
32.4. Каталог – текст 255, словарь, поиск
33.1. **Копия в ОР** – текст 255, словарь, поиск
33.2. Копирование по заказу – memo, поиск
34.1. **Проверка** – memo, поиск. **Повторяющееся поле**
34.2. Результат, акт – memo, словарь, поиск
35. **Автор атрибуции** – memo, поиск

Еще одна БД создается в ОР ГИМ в рамках международного проекта "Распределенная база данных и система обработки водяных знаков", поддержанного фондом INTAS[6]. Начало проекту было положено в 1991 г. учеными из Австрийской Академии наук (Комиссия научной визуализации и Комиссия палеографии и кодикологии средневековых рукописей, руководители Э. Венгер и А. Хайдингер). Они приступили к описанию одной из крупнейших в Австрии коллекций средневековых рукописей, созданной и хранящейся в самом древнем и крупном австрийском монастыре Клостернойбург (Klosterneuburg) в предместьях Вены. Подробное описание каждой рукописи требовало точной фиксации водяных знаков (ВЗ) на каждом листе. Вследствие этого была сформулирована задача разработки методик точного копирования филиграней и создания их БД. Вскоре к этому проекту присоединились программисты из московского Института проблем передачи информации (ИППИ РАН, руководитель рабочей группы В. Карнаухов). Совместными усилиями на базе программы Borland C++ Builder были созданы программные средства поддержки и наполнения БД. Одновременно разрабатывались и методы получения изображений ВЗ из рукописи. Эти работы велись в сотрудничестве с коллегами из Национальной библиотеки Нидерландов (Гаага, Отдел специальных коллекций и Отдел оптических средств, руководитель Г. ван Тиинен).

---

[6] Грант № 2000-00081 "A Distributed Database and Processing System for Watermarks". См. также: Э. Венгер, В. Карнаухов, А. Хайдингер, Н. Мерзляков, Г. ван Тиинен, Е. Уханова, Д. Эрастов. См.: Распределенная база данных и система обработки водяных знаков: Проект INTAS // Труды международной конференции "EVA-2001" (Electronic Visual Art – 2001). М., 2001. С. 13/8/1–13/8/4.

inslav

Надо отметить один из основополагающих принципов проекта при фиксации изображения – получение абсолютно идентичной его копии и вытекающий из этого положения запрет на ручное копирование контура, так широко распространенное в отечественном филиграноведении. Это объясняется не только неизбежными погрешностями при ручном калькировании, но и пристальным вниманием в этом проекте к деталям знака, позволяющим учитывать параформы и сравнивать структуру всей сетки, а также принципиально большими возможностями, которые дает компьютер при работе с филигранями: высокая точность измерения и большое увеличение изображения, возможность сравнения знаков не только визуально, но и методом наложения, автоматический поиск знаков с заданными параметрами. Апробировалось несколько методов получения изображения: распространенный среди западных ученых и не применяемый отечественными исследователями метод притирания (rubbing), когда контур ВЗ получают, используя свойство незначительной рельефности бумаги в месте его нахождения, для чего наносят штриховку мягким карандашом по наложенной на филигрань тонкой бумаге (рис. 2); рентгенография; бета-радиография (рис. 3); фотосъемка со специальными эффектами и фильтрами. Преимущество получил метод бета-радиографии, дающий изображение более высокого качества по сравнению с rubbing, относительно безопасный по сравнению с рентгенографией, и в отличие от цифровой фотосъемки позволяющий соблюдать масштаб оригинала и фиксировать "чистый" контур филиграни без нанесенного на поверхность бумаги текста и других "шумов" (исключение составляют "непрозрачные" для лучей инициалы, выполненные киноварью или другими, более плотными, чем чернила, красителями). Полученные таким образом изображения затем оцифровывались и заносились в базу данных. Однако длительное время голландскими учеными, присоединившимися к своим австрийским коллегам несколько позже, использовался метод притирания для фиксации филиграни, поэтому в базе данных сейчас находится более 6 тысяч, а затем оцифрованных изображений, полученных этим методом.

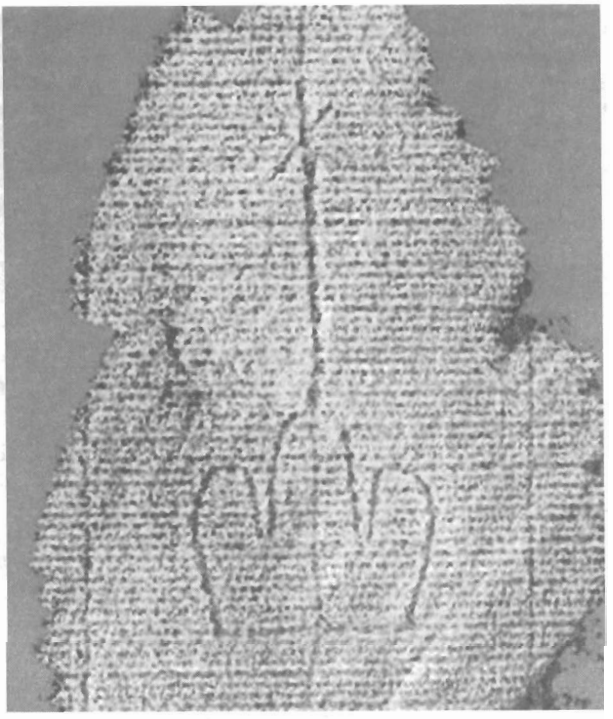


Рис. 2. Изображение филиграни, полученное методом притирания (rubbing) д-ром А. Хайдингером и М. Штиглекер. Австрийская АН (AT 8500_5386_230)

inslav

Рис. 3. Изображение филиграни, полученное при помощи бета-радиографии д-ром А. Хайдингером и М. Штиглекер. Австрийская АН (AT 5000_304_196)

Метод бета-радиографии, завоевавший зарубежных исследователей, имеет свои недостатки. Он не дешевый (более 10 долларов стоят расходные материалы для съемки каждого знака), а время экспозиции, необходимое для получения изображения, занимает несколько часов. Учитывая необходимость затраты дополнительного времени на дальнейшее проявление пленки, ее оцифровку и обработку изображения для ввода в БД, этот метод не представляется оптимальным. Однако в лаборатории Д.П. Эрастова (Отдел реставрации и консервации документов БАН) уже длительное время используется бета-источник, привлекший пристальное внимание первоначальных участников этого проекта. Этот источник работает на изотопе Технеция-99, который имеет в нем очень высокую концентрацию, что позволяет сократить время экспозиции при получении изображения филиграни до 3–5 минут.

Его существование вызывало естественное желание использовать аналогичные источники бета-радиографии при создании более крупной базы данных ВЗ. Кроме обмена опытом, требовалось апробировать максимально возможное число методик, которые могли бы применяться при получении точных копий филиграней, а также подключить к пополнению БД большее число специалистов. Была также поставлена задача разработать программные средства, которые могли бы обеспечить удаленный доступ через Интернет к создающимся на базе разных хранилищ локальным базам данных и обеспечить обмен научной информацией ученым из разных стран. В результате летом 2001 г. специалисты трех стран были объединены в одном проекте в составе пяти групп: к австрийским и голландским коллегам, работающим в сотрудничестве с программистами из ИППИ РАН, присоединилась московская группа, состоящая из научных сотрудников крупнейших московских фондохранилищ – Отдела рукописей и старопечатных книг ГИМ и ОР РГБ (руководитель Е.В. Уханова, ГИМ)[7], и петербургская группа из специалистов ОР РНБ, возглавляемая Д.П. Эрастовым[8]. У последней группы уже были свои наработки в области экспертной оценки бумаги и сканирования филиграней с использованием цифровой видеокамеры (Лабо-

[7] В состав группы в разное время входили Е.С. Кондрашкина (РГБ), Е.В. Попова, Е.Н. Казакова (ГИМ).

[8] В состав группы входят Д.О. Цыпкин и М.А. Шибаев.

inslav

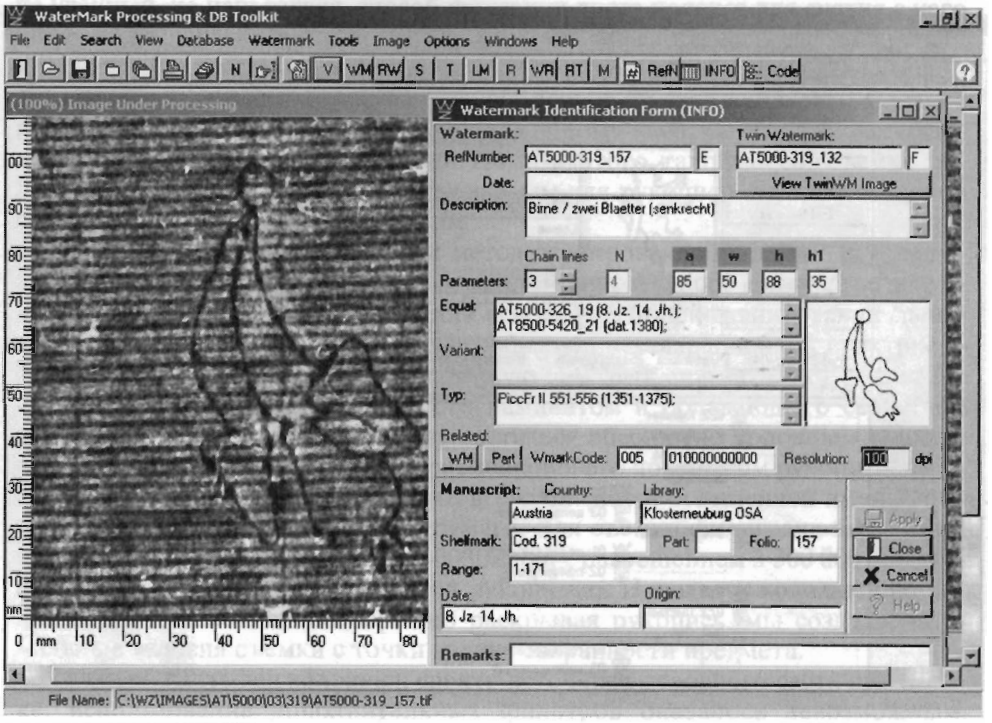


Рис. 4. Интерфейс базы данных филиграней

ратория кодикологических исследований ОР РНБ, руководитель Д.О. Цыпкин)[9] и источников бета-радиографии (лаборатория Д.П. Эрастова)[10].

Новые участники были снабжены уже разработанным и апробированным программным обеспечением. Оно позволяет не только накапливать цифровые копии филиграней и краткую информацию о них: страна, хранилище, шифр рукописи, лист с филигранью, количественные характеристики знака, наличие идентичных ВЗ в базе и их параформ (twins), датировка, степень подобия, аналоги в опубликованных каталогах (рис. 4). Программа дает возможность масштабирования цифровых изображений, поворота на сотые доли градуса, сверхточного измерения параметров ВЗ и введения дополнительных количественных параметров в типологическую характеристику знака. Кроме того, в программе заложена возможность автоматического поиска аналогичных знаков с заданными параметрами или заданными отступлениями от них.

Поскольку программное обеспечение было ориентировано на немецкий язык, мы создали русскую версию интерфейса, переведя терминологию описания знаков в соответствие с традициями, сложившимися в отечественном филиграноведении (рис. 5). В силу того, что австрийская БД, являющаяся первоначальным ядром этого проекта, содержала преимущественно филигра-

---

[9] *Tsypkin D.O.* Modern optiko-electronic methods for codicological analysis of medieval paper // Le papier an Moyen Age: Histoire et techniques. Paris, CNRS, 1999; *Шибаев М.А.* К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской I летописи и сборников Ефросина // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 200–207.

[10] *Эрастов Д.П.* Бета-радиографический метод воспроизведения филиграней с документов // Новые методы реставрации и консервации документов и книг. М.; Л., 1960. С. 139–148; *Он же.* Использование ионизирующих излучений в исследовании документальных памятников // Сохранность культурного наследия. СПб., 2000. Вып. 3. С. 144–148.

inslav

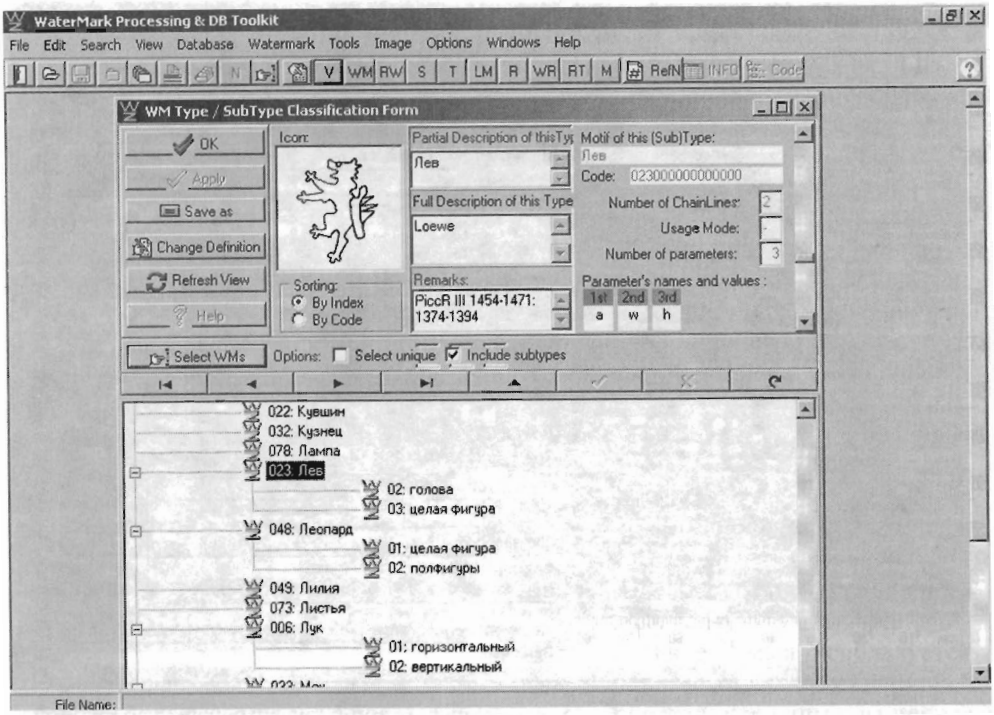


Рис. 5. Русифицированный интерфейс вкладки классификации типов филиграней

ни XIV–XV вв., нами было решено сконцентрироваться на исследовании и копировании филиграней древнерусских бумажных рукописей XV в. из собрания крупнейшего Иосифо-Волоцкого монастыря, хранящихся в Епархиальном собрании ГИМ.

Крупной проблемой, которую пришлось решать самостоятельно, был выбор метода получения точной копии ВЗ. Использование бета-радиографии было неприемлемым не только по причине дороговизны и больших время- и трудозатрат на получение знака. Оказалось, что источник бета-радиации, кардинально сокращающий время получения твердой копии знака и использующийся в лаборатории Д.П. Эрастова, существует лишь в единственном экземпляре и принципиально не воспроизводим из-за отсутствия на современном этапе необходимого материала. Рентгенография также была неприемлема из-за дороговизны, необходимости специальных установок и небезопасности этого метода. Копии, получаемые методом притирания, имеют более-менее приемлемое качество только в том случае, если бумага находится в очень хорошей сохранности. В отличие от австрийских манускриптов или голландских инкунабул, хранящихся в хороших условиях на протяжении веков, древнерусские рукописи XV в. в большинстве своем имеют пострадавшую или даже очень ветхую бумагу. Поэтому метод получения rubbings был также неприменим. Оставалось использовать возможность специальной фотографии.

Нам было известно об удачном опыте в лаборатории Д.О. Цыпкина съемки филиграни при помощи цифровой видеокамеры и специальных фильтров, позволяющих выделить затем в компьютере контур знака и обработать его. Однако, помимо высокой стоимости аппаратуры, останавливало не впол-

inslav

не удачный, на наш взгляд, способ фиксации листа кодекса для снятия с него цифровой копии. Кроме довольно громоздких приспособлений для закрепления листа относительно вертикально, каждый раз необходимо было соблюдать строго вертикальное положение объектива по отношению к ВЗ, что не всегда может быть объективно оценено и, к тому же, требует каждый раз дополнительных измерений и времени. Помимо этого, такой способ съемки филиграней кажется нам достаточно опасным для рукописи и в случае плохой сохранности бумаги не применимым.

Мы разработали собственный метод сканирования филиграней – дешевый, безвредный для рукописи, требующий минимального количества времени трудозатрат. Для этого мы решили использовать при сканировании специальное устройство, применяемое в зарубежной реставрационной практике, – Slimlight. Оно представляет собой тонкую (1–2 мм), формата "А4", пластину из оптического волокна, покрытого ламинатом и обладающего свойством при подключении к электричеству светиться абсолютно холодным и достаточно ярким светом (рис. 6). При размещении его под листом рукописи, находящейся в темном помещении, ярче всего окажется освещенной именно филигрань – наиболее тонкая часть бумаги. Для съемки филиграни была взята цифровая фотокамера Olympus C-3030Zoom с разрешением 3 300 000 dpi, крепящаяся на штативе над раскрытой рукописью. Используя холодный источник света и максимально бережно раскрывая рукопись, мы создали оптимальные условия съемки с точки зрения сохранности предмета.

Однако учитывая холодный спектр источника основного света при съемке, использование дополнительных фильтров оказалось невозможным. В этом случае остаются лищь компьютерные методы усиления контура филиграни и устранения "шумов". Единственной возможностью воздействовать на улучшение результата съемки является контроль освещенности помещения. Экспериментально было выяснено, что при наличии незначительного источника рассеянного света при оцифровке получаются лучшего качества изображения, в отличие от сделанные в полной темноте. При этом обкладывание черной бумагой области съемки или выходящей за край листа рукописи светящейся поверхности Slimlight'а для увеличения контрастности освещенного участка листа приводили к обратным, негативным, результатам.

В целях обработки оцифрованных изображений применялось оригинальное программное обеспечение, созданное под руководством В. Карнаухова специально для этого проекта, и "Photoshop". Первое использовалось для масштабирования и выравнивания (по центральному или правому понтюзо) ВЗ. Затем, используя в Photoshop'е изменение гистограмм "Кривые" и "Уровни", а также переход в черно-белый режим, мы добивались усиления контура филиграни (рис. 7–9). В ходе работы мы пришли к выводу отказаться от дополнительных усилий по специальной маскировке перекрывающего филигрань текста. Очевидно, что отсутствующая уже при съемке информация (не фиксируемая визуально и камерой) о скрывающихся под буквами участках филиграни не появится и при ее дальнейшей обработке. А дополнительные усилия по нивелированию букв приводят, как правило, к ухудшению видимости зафиксированного контура знака. К тому же, проводимые операции с усилением контура, в частности, затемнение основного фона, приводят к естественной нивелировке расположенного на нем текста.

При обработке цифровых копий филиграней в программе "Photoshop" мы столкнулись с несколькими проблемами, связанными со спецификой бумаги. Для более ранней бумаги характерны очень крупные вержеры, которые ино-

inslav

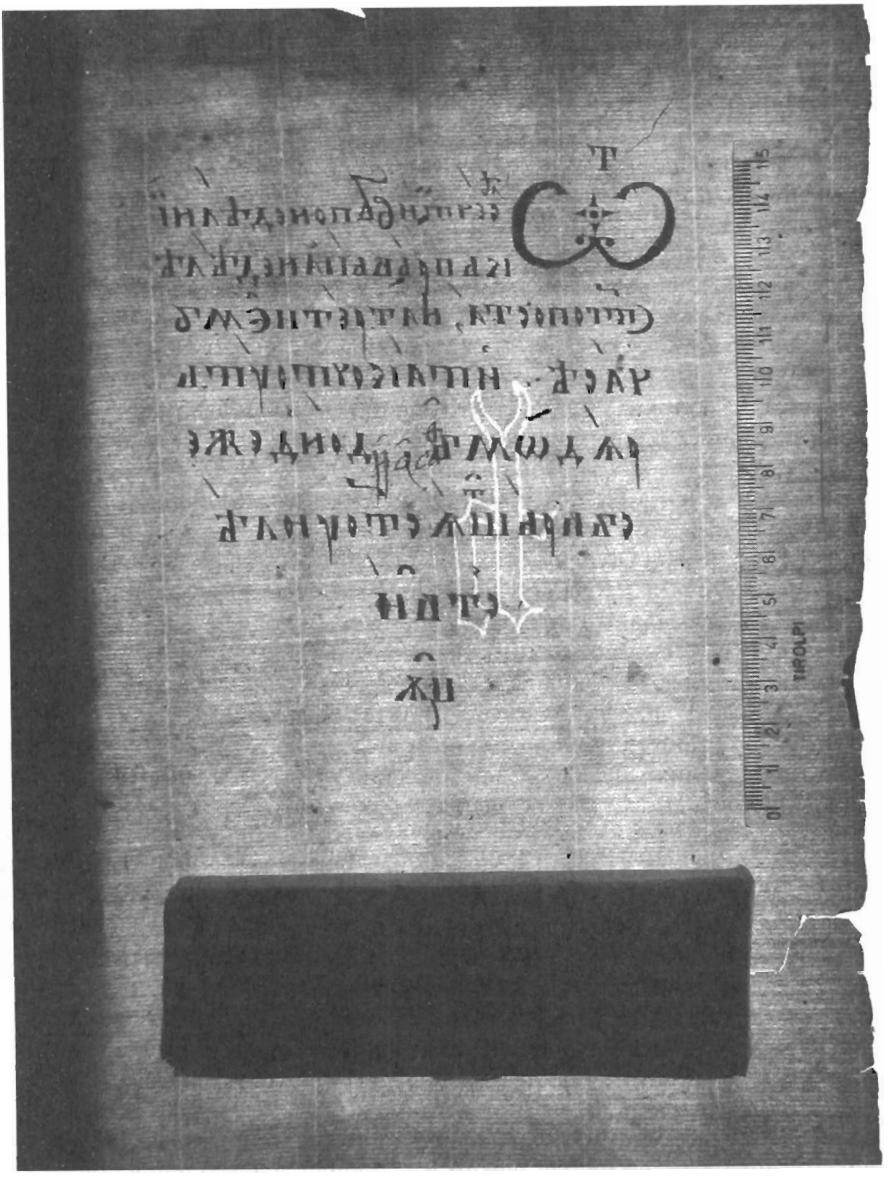


Рис. 6. Вид листа с филигранью, подсвеченный слимлайтом. Изображения, полученные после обработки оцифрованных филиграней

гда с трудом позволяют выделить части контура филиграни, особенно если она сама имеет длинные участки, подобные вержерам и направленные вдоль них (как, например, знак "весы"). Существуют, напротив, примеры, когда сетка вместе с филигранью очень тонкая и видна слабо. Бывают случаи, когда проволока филиграни намного тоньше, чем основная сетка, и поэтому плохо просматривается. Однако, несмотря на перечисленные сложности, лишь в единичных случаях цифровая обработка изображения не позволяет разобрать отдельные участки филиграни, а более двух третей полученных контуров можно признать довольно хорошими. Компьютерная программа позволяет, увеличив цифровое изображение ВЗ, сделать высокоточную обводку знака, восполнив

inslav

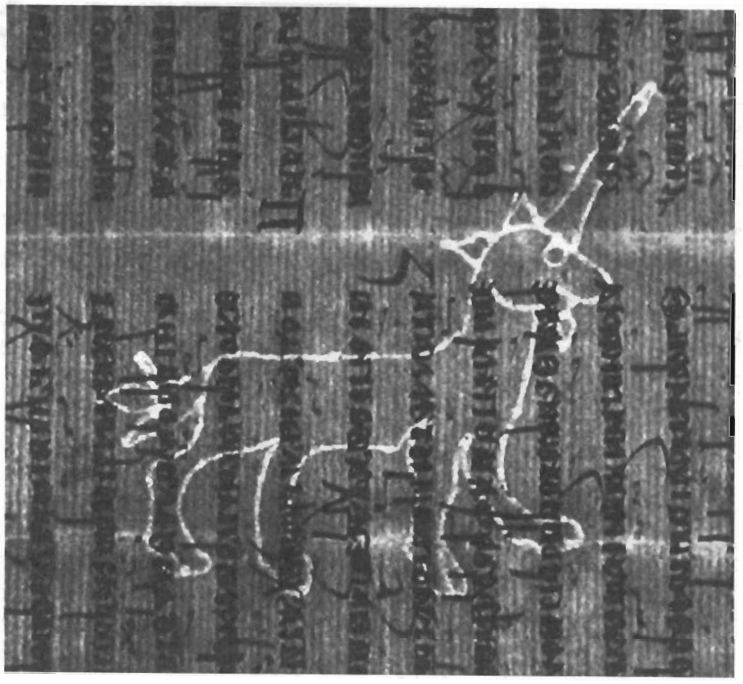


Рис. 7. Енарх. 53. Л. 51

Рис. 8. Енарх. 53. Л. 45

inslav

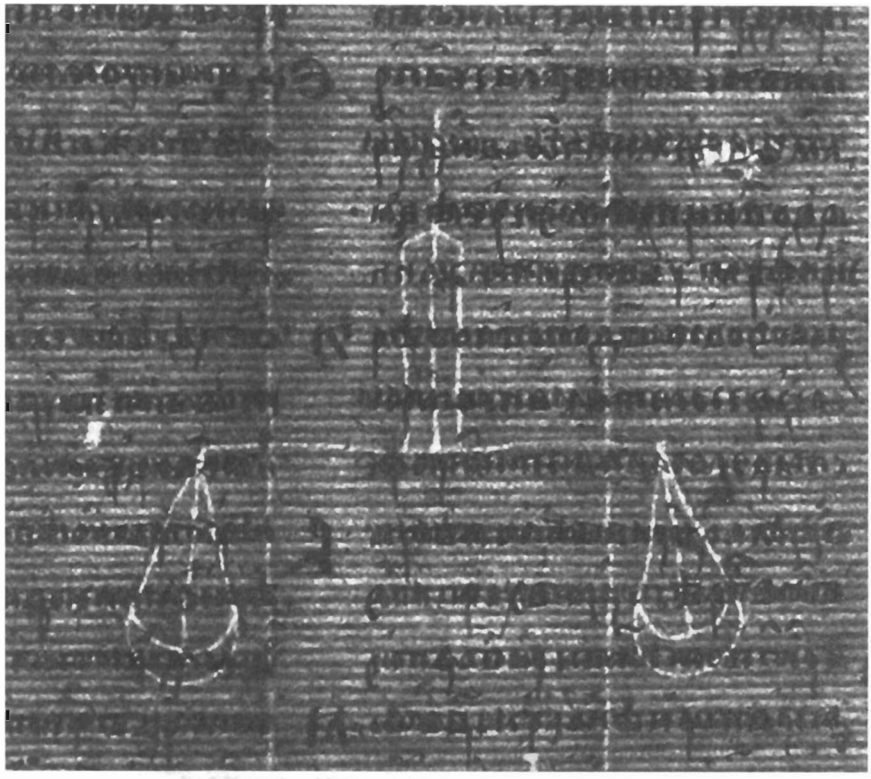


Рис. 9. Епарх. 53. Л. 212

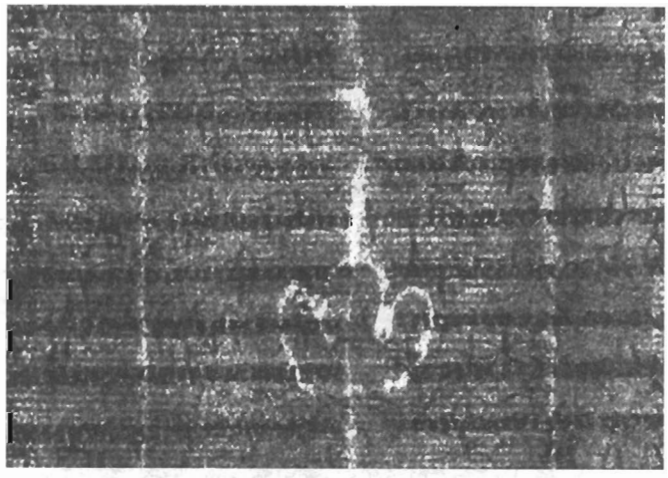


Рис. 10. Изображение, полученное при помощи наложения двух снимков (Епарх. 482. Л. 10, 20)

скрытые текстом от глаза исследователя и камеры лакуны. Или, используя возможности "Photoshop", наложить два контура одной и той же филиграни с разных листов рукописи, на которых текст закрывает разные участки знака. Делая затем полупрозрачными оба слоя, можно добиться уточнения всех недостающих мест (рис. 10).

inslav

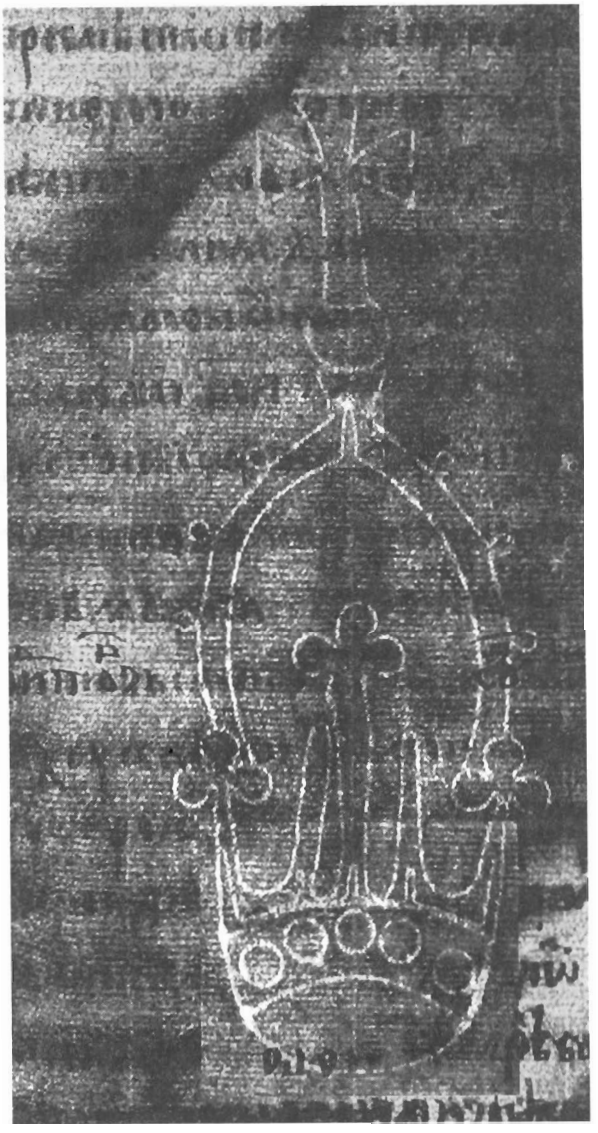


Рис. 11. Изображение, полученное при помощи метода "аппликации" (Епарх. 671. Л. 98, 119)

Кроме того, мы разработали еще один метод, позволяющий получать почти идеальный контур филиграни, который можно условно назвать "аппликацией". Для этого из нескольких цифровых копий знака одна, самая лучшая, берется за основу, а из других вырезаются фрагменты контура, недостающие в основной, и накладываются на нее (рис. 11). Разумеется, необходимо быть уверенным, что эта операция производится с одним и тем же знаком, а не с парафармами. Кроме того, вырезаемый фрагмент должен обладать не только дополнительными участками контура, но и несколькими общими с основным изображением точками для высокоточного совмещения этих слоев. Однако, согласно одному из принципов проекта, в БД размещает-

inslav

ся абсолютно объективная информация, которой обладает лишь точная копия, полученная объективными методами. Поэтому, к сожалению, ни один из результатов наших экспериментов по цифровой обработке изображений филиграней не будет помещен в базу данных.

На современном этапе в русифицированной версии, созданной в ОР ГИМ, уже накоплено более 1 тысячи обработанных оцифрованных изображений ВЗ, преимущественно, французской и итальянской бумаги XV в., использованной в древнерусских рукописях. В дальнейшем работы будут связаны с увеличением этой базы данных. Планируется продолжить изучение бумаги в естественно сложившейся крупной монастырской коллекции Иосифо-Волоцкого монастыря. Кроме того, существует объективная потребность фиксации точно датированных филиграней XV в. из всех собраний ОР ГИМ. Мы также считаем необходимым обратиться к изучению бумаги хранящихся у нас более ранних кодексов – южнославянских и греческих рукописей XIII–XIV вв. Помимо цифровых копий рассматривается вариант пополнения базы данных путем сканирования уже изданных альбомов филиграней из точно датированных ранних рукописей. В результате совместного проекта созданные австрийской, голландской, московской и петербургской группами локальные базы данных ВЗ будут объединены через Интернет в единую систему – распределенную базу данных, выполненную по технологии "клиент/сервер". Это позволит существенно расширить справочно-информационную базу отечественных исследований в области археографии, кодикологии, палеографии, источниковедения.

inslav

А.А. Литвин

ВЫСТАВОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1992–2003)[1]

Широкие возможности использования документального наследия России, открывшиеся с начала 1990-х годов и сложная экономическая ситуация, в которой оказались организации науки и культуры, в том числе государственные архивы страны, потребовали от архивистов поиска нетривиальных решений в целях собственного существования и развития. Ситуация складывалась таким образом, что только активное введение в научный и научно-популярный оборот ретроспективной информации могло создать необходимый импульс и дать дополнительные средства для развития преобразованного архива.

Так, одним из основных направлений деятельности Государственного архива Российской Федерации, наряду с подготовкой и публикацией документов, стало активное развитие выставочной работы. И, если по содержательному признаку она может быть охарактеризована как научно-популярная, то по основным целям – это классический пример "паблик релейшнз", т.е. активной рекламной деятельности. Ведь главной целью выставки является привлечение внимания к какой-либо теме, проблеме или явлению. Однако уровень концентрации этого внимания на определенном проекте зачастую зависит от сложного ряда составляющих – от сенсационности экспонируемого материала до персонального состава участников вернисажа и количества средств, вложенных в его реализацию.

Широкое экспонирование архивных документов способствует формированию общественного мнения о действительной открытости архивов, утверждению в массовом сознании места и роли архивов как хранителей памяти нации. Регулярные упоминания в средствах массовой информации об участии государственных архивов в том или ином значительном культурном событии жизни страны, с одной стороны, содействуют повышению престижа архивной службы в целом, убеждают в общественной значимости труда архивистов. С другой стороны, участие в масштабных выставочных проектах, особенно, за пределами России, позволяло решать и материальные задачи. Необходимо было заявить о себе в области, где уже сложился известный баланс сил, а все основные "ниши" и "роли" игроков были распределены. Требовалось наглядно доказать, что подлинный документ – такой же полноправный выставочный экспонат, как и музейный предмет, что без источника на бумажной основе, невозможно представить ни историю страны, ни общества, ни отдельного индивидуума.

Так была сформулирована в начале 1990-х задача, успешно реализованная в более чем 180 самых разнообразных выставок, которые ГАРФ органи-

[1] Автор выражает благодарность С.П. Балану, А.И. Барковец, И.В. Петровой, А.Ф. Саргсяну, Т.Ф. Шакировой и О.В. Эдельман. Их профессиональный опыт и благожелательное отношение помогли в подготовке настоящего текста.

inslav

зовал или в которых принял участие. Большую помощь в этом оказали и публикации, и участие руководства архива в государственных и общественных мероприятиях, которые предшествовали выставочным проектам. Более подробно эти сюжеты освещены в большой статье А.И. Барковец[2], теоретический аспект использования документальной составляющей экспозиции – в статье С.П. Балана[3], вопросы, связанные с проблемами обеспечения сохранности источников ГАРФ в выставочной работе – в статье Е.В. Анискиной[4]. Полный перечень выставок за 1992–2002 гг. был опубликован как одно из приложений к юбилейному сборнику статей[5].

Новый импульс получила экспозиционная работа с момента образования в 2000 г. на правах одного из отделов в структуре ГАРФ Выставочного зала федеральных архивов. С появлением своей "рабочей" площадки, архив смог самостоятельно реализовать ряд значительных проектов, благодаря которым Выставочный зал занял свою "нишу" среди культурно-просветительных учреждений Москвы и получил известность как в нашей стране, так и за рубежом.

Все это вместе взятое, неоднократно поддержанное коллегами – другими федеральными архивами, существенно изменило статус и положение архивов в системе выставочной деятельности страны. Чаще наблюдается тенденция обязательного приглашения архивов к участию в выставочных проектах. Так, на выставках, организованных Музеем истории города Москвы в рамках 1-го и 2-го Музейных форумов, около 50% экспозиционного материала составляли архивные документы, а посетители выставки "Пасхальные яйца Фаберже" в Музее "Московский Кремль" увидели не только произведения ювелирного искусства, но и историю их создания – от письма-заказа на работу до дневниковых записей членов императорской фамилии с впечатлениями от подарков.

Цель настоящей статьи – подвести определенные итоги и выявить закономерности в экспозиционной деятельности архива, показать то новаторское, что привнесено в эту работу за последние годы, определить основные тенденции и пути дальнейшего развития в этой области. Основой для анализа выставочной работы стал уже упоминавшийся "Перечень выставок", а также его продолжение, прилагаемое к настоящей статье.

Учитывая разные цели и задачи участия в том или ином выставочном проекте, попытаемся тематически классифицировать выставочную деятельность архива.

Распределение выставок, в которых принимал участие ГАРФ по основным темам и периодам истории государства российского приведено в табл. 1. При условности этой классификации одни и те же проекты могут относиться к двум и более категориям, но здесь важнее понимание общих тенденций с точки зрения востребованности партнерского участия и архивных документов в качестве выставочных экспонатов.

---

[2] *Барковец А.И.* О развитии выставочной работы Государственного архива РФ // Государственный архив Российской Федерации. 10 лет работы (1992–2002): Сб. статей. М., 2002. С. 98–110.

[3] *Балан С.П.* Выставочный зал федеральных государственных архивов: Опыт организации и проведение выставок // Государственный архив Российской Федерации: 10 лет работы... С. 111–119.

[4] *Анискина Е.В.* Документ на выставке: Проблемы обеспечения сохранности // Государственный архив Российской Федерации. 10 лет работы... С. 71–77.

[5] Перечень выставок, организованных ГАРФ и подготовленных при его участии в 1992–2002 гг. // Государственный архив Российской Федерации. 10 лет работы... С. 230–240.

inslav

Таблица 1

Тематика	Количество выставок	% к общему количеству
История России до 1917 г.	44	24
История СССР (1917–1991)	27	15
История Гражданской войны и эмиграции	17	9
История Второй мировой и Великой Отечественной войн	12	7
История культуры, науки и искусства	36	20
Династия Романовых	34	19
История еврейского народа в России и СССР	12	7

Две первые рубрики сформированы по хронологическому признаку, ибо временны́е рамки позволяют лучше учитывать участие ГАРФ в разнообразных выставках, предоставлявшего экспонаты по запросам партнеров. Следующие пять рубрик построены по тематическому признаку, так как они лучше отражают профиль хранимых документов и направления в выставочной работе. Так, например, выделение в отдельную рубрику темы гражданской войны и эмиграции объясняется, прежде всего, активной работой архива в области комплектования документами по истории российской эмиграции. Показ новых поступлений или имеющихся на государственном хранении раритетов только способствует привлечению внимания возможных фондообразователей. Востребованность темы "История Второй мировой и Великой Отечественной войн" не требует специальных комментариев и по праву занимает свою рубрику. Тема русской культуры в самом широком ее понимании как истории науки, литературы и искусства была представлена документами ГАРФ на многообразных выставках. Неподдельный интерес к истории дома Романовых как в России, так и за рубежом, выразившийся во втором месте по количеству выставок объясняет происхождение этой рубрики.

Нельзя обойти вниманием и такой принцип формирования тематики выставок, как заинтересованность партнеров, подкрепленная реальным финансированием. Так сформировалась последняя рубрика, представленная рядом проектов в 1992–1996 гг. по общей теме "История еврейского народа в России и СССР".

Среди тематики выставок ГАРФ, проведенных более чем за 10 лет, несколько раз экспонировались и так называемые фондовые выставки. Этот редкий жанр выставочной экспозиции знакомит зрителя только с наиболее уникальными экспонатами. Здесь нет и не может быть концептуального подхода. В музеях такие показы обычно связывают с новыми поступлениями, достижениями в области реставрации или демонстрации шедевров. В практике ГАРФ можно назвать два наиболее успешных проекта: в 1995 г. была показана выставка "Живопись и предметы прикладного искусства в фондах ГАРФ", а в мае 2002 г., в рамках празднования первого десятилетия с момента создания ГАРФ, объединившего ЦГАОР СССР и ЦГА РСФСР, была экспонирована выставка новых поступлений под названием "ГАРФ за 10 лет". Эти проекты включены в состав рубрики по истории культуры.

Представление о приоритетах и направлениях выставочной деятельности ГАРФ дает распределение тематики выставок в хронологии их экспонирования (табл. 2).

inslav

Таблица 2

Тематика	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
История России до 1917 г.	5	2	1	5	4
История СССР (1917–1991)	2	2	3	3	3
История Гражданской войны и эмиграции		4	1		1
История Второй мировой и Великой Отечественной войн	1	1		1	1
История культуры, науки и искусства	3	7	4	2	
Династия Романовых		2	1		
История еврейского народа в России и СССР		4	3	2	1

Картину реальной вовлеченности ГАРФ в выставочный процесс дает табл. 3, показывающая распределение выставок по тематике и степени участия архива в их создании.

В рубрике "Организовано ГАРФ" архив понимается как главный организатор проекта, осуществивший научное и художественное руководство, аккумулировавший финансовые средства и т.п. Рубрикой "Партнерское участие" обозначены проекты, когда ГАРФ приглашен на правах равноправного участника проекта – полноценного партнера. В таких случаях архив принимает участие на разных этапах подготовки, в каталог включаются статьи сотрудников ГАРФ, а расходы компенсируются в той или иной степени. Последняя рубрика показывает участие в выставках на уровне представления подлинников или копий как в порядке выполнения различных международных и иных обязательств, в том числе и Федеральной архивной службы России, так и по обращениям сторонних организаций.

Количество выставок, самостоятельно организованных архивом, наглядно показывает место и значение этого направления в деятельности архива. Обращение к ГАРФ, как равноправному партнеру, практически совпавшее с количеством выставок, на которых просто экспонировались его документы, не менее показательно для понимания места, которое архив занял в системе выставочной деятельности Москвы и Петербурга. Весьма показательно и распределение выставок с точки зрения длительности их экспонирования (табл. 4).

Из приведенных данных следует, что количество однодневных выставок и экспозиций, работавших в пределах одного месяца, распределяется относительно равномерно, за исключением области истории культуры, к которой относится большое количество однодневных проектов начала 1990-х годов, когда архив вел "агрессивную" рекламную политику, привлекая к себе внимание общественности.

Опыт показывает, что больший эффект имели экспозиции, работавшие свыше трех месяцев, как с точки зрения максимального общественного резонанса, так и по ощутимому материальному значению для архива.

За рамками таблицы оказалось, к сожалению, содержательные изменения, которые произошли в однодневных выставках и в подходах к участию в них ГАРФ. Так, в начале 1990-х годов архив самостоятельно показал ряд таких выставок в Доме кино, Центральном Доме художника, Доме ученых и Рос-

inslav

1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	*Итого*
3	1	3	5	4	6	5	44
2		3	1		3	5	27
1	4	2	1		1	2	17
		1	2	5			12
4	1	3	3	3	2	4	36
4	7	2	5	7	5	1	34
1						1	12

сийском фонде культуры. Создание однодневной экспозиции, посвященной знаменательной дате или событию из русской истории, привлекало внимание общественности к архиву и его документальным ценностям, расширяло круг не только исследователей, но и возможных партнеров в различных проектах.

В последние же годы подобные проекты приобретают все более специфический характер. Как правило, это весьма дорогостоящая акция, приуроченная к определенной дате или событию и сопровождаемая мощной информационной поддержкой. Сюда следует отнести такие проекты, как "К 150-летию со дня рождения С.Ю. Витте", "Государственность России", "К 150-летию Министерства государственных имущест", "К истории парламентаризма в России. К 95-летию Государственной думы 1-го, 2-го, 3-го в 4-го созывов. 1905–1917", "Министерская система в Российской империи. К 200-летию образования". Организатором их выступала уже Федеральная

Таблица 3

Тематика	Организовано ГАРФ	Партнерское участие	Предоставление экспонатов
История России до 1917 г.	12	12	21
История СССР (1917–1991)	5	7	14
История Гражданской войны и эмиграции	10	5	2
История Второй мировой и Великой Отечественной войн	3	4	6
История культуры, науки и искусства	12	8	19
Династия Романовых	14	19	4
История еврейского народа в России и СССР	10	1	1
Итого	66	56	67

inslav

Таблица 4

Тематика	Одно-дневные	Меньше месяца	Больше месяца	Больше двух месяцев	Больше трех месяцев
История России до 1917 г.	4	9	7	21	6
История СССР (1917–1991)	4	5	7	10	2
История Гражданской войны и эмиграции	4	2	3	6	2
История Второй мировой и Великой Отечественной войн	2	1	2	4	3
История культуры, науки и искусства	11	6	9	9	4
Династия Романовых	3	2	5	11	14
История еврейского народа в России и СССР	3	2	2	1	3
Итого	31	27	35	62	34

архивная служба России, ГАРФ в большинстве случаев осуществлял практическую реализацию, а местом экспонирования стали такие общественно значимые учреждения, как бывший Верховный Совет, Совет Федерации, Администрация Президента РФ, Государственная дума, Дом Правительства РФ. Эти экспозиции были призваны продемонстрировать восстановление исторических традиций и преемственности между целыми эпохами в истории России с одной стороны, а с другой – способствовать формированию определенного образа архивов и архивной службы в глазах современного "истеблишмента".

Важным показателем в экспозиционной деятельности архива является и география показа выставок (табл. 5).

Неравномерное в количественном отношении распределение выставок по месту проведения между Москвой, Петербургом, дальним зарубежьем и собственно, Россией объясняется, прежде всего, отсутствием в регионах финансовых средств для проведения масштабных выставочных проектов. Однако успешное экспонирование Государственным Эрмитажем и Русским музеем в 2001–2003 гг. в ряде крупных областных центров части своих коллекций можно считать обнадеживающим явлением в этой области.

Развернутая в 2004 г. в Выставочном зале экспозиция из архивов и музеев Республики Татарстан, возможно, послужит успешным прологом к более тесному сотрудничеству с региональными учреждениями. Так, ГАРФ принимал участие в выставочном проекте Екатеринбургского краеведческого музея "В пределах права... найти истину". Экспозиция, развернутая в Екатеринбурге в 2000 г., имела в основе успешный показ в Музее личных коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1997 г. комплекса документов следователя Н. Соколова об обстоятельствах гибели царской семьи. Дополненная новыми материалами выставка пользовалась заслуженным успехом[6].

Представляется вполне реальным, что одна из успешных историко-документальных выставок, развернутых в Выставочном зале, может быть трансформирована в передвижную экспозицию из высококачественных копий, смонтированных на легких и удобных планшетах, и в таком виде отправлена

[6] "В пределах права... найти истину": Каталог выставки. Екатеринбург, 2000. 96 с.

inslav

Таблица 5

Москва	Санкт-Петербург	Россия, СНГ	Дальнее зарубежье	Передвижные
128	26	4	31	3

Таблица 6

Организации России, в сотрудничестве с которыми подготовлены выставки					
Архивные учреждения	Учреждения Минкульта РФ	Ведомственные музеи РФ	Общественные организации	ВУЗы и др.	Самостоятельно
50	54	13	19	3	26

Зарубежные организации, в сотрудничестве с которыми подготовлены выставки				
Архивные учреждения	Музеи	Общественные организации	Учебные заведения	Другие организации
13	10	7	3	2

для показа. Такая фотовыставка, посвященная судьбе семьи последнего императора и составленная на основе фотокопий из собраний РГАЛИ, РГАКФД и ГАРФ, уже больше 5 лет живет своей жизнью, собирая "аншлаги" в провинциальных музеях страны.

Показательны также и данные о кооперации ГАРФ в области выставочного дела в России и за рубежом (табл. 6).

Безусловное первенство в партнерских отношениях принадлежит музейным учреждениям, для которых выставочная деятельность является профилирующей. Разделение российских музеев по признаку ведомственной подчиненности, с содержательной точки зрения, не принципиально, но показательно с точки зрения открытости архива для партнерских отношений с различными федеральными ведомствами России. Второе место за счет партнерского участия в проектах занимают архивные учреждения. Третье – представлено собственной выставочной деятельностью архива. Не менее показателен для отражения современных тенденций выставочной деятельности масштаб сотрудничества с общественными организациями.

Для проектов, реализованных за рубежом, характерно первенство архивных учреждений, второе место принадлежит музейным организациям, а на третье – уверенно выдвинулись общественные организации, которые часто и создаются с целями культурного взаимодействия, в то время как для работы в России прямые связи предпочтительнее. Показательно, что архив не провел за границей ни одной самостоятельной выставки.

Одним из направлений в работе стала реализация проектов, которые носят, можно сказать, серийный характер. Это выставки, создающиеся, как правило, в содружестве с музеями-заповедниками Санкт-Петербурга. Так, уже третий год в Екатерининском дворце Государственный музей-заповедник "Царское Село" разворачивает на летний туристический сезон экспозицию "Александр II и Царское Село"[7]. С 1998 г. в сотрудничестве с ГМЗ "Павловск" прошло четыре успешных проекта под общим названием "Владельцы

[7] Александр II и Царское Село: Каталог выставки. СПб., 2000. 240 с.

inslav

Павловска". Экспозиции, развернутые в мемориальных комнатах дворца, сопровожденные специально изданными в общей стилистике каталогами[8], посещали много людей в течение всего сезона. Аналогичный проект реализуется и с ГМЗ "Петергоф"[9].

Характерной особенностью сотрудничества ГАРФ с музеями Петербурга стал его взаимный характер. Благодаря тесным контактам архива и петербургских музеев, а также наличию Выставочного зала федеральных архивов, стал возможен показ в Москве выставок, основанных на собраниях музеев-заповедников "Павловск", "Петергоф" и "Царское Село". Так, выставка "Мир русской императрицы"[10] в Москве зимой 2001 г. почти полностью повторяла изящную экспозицию в Петергофе в 1997 г. Не меньшим успехом пользовалась в 2001 г. "стильная" выставка "Средь шумного бала... Балы и семья Романовых"[11].

Все это наглядно доказывает, что сотрудничество с музеями является одним из важнейших условий в деле подготовки выставок архивом РФ. Умелое сочетание документального и предметного рядов не просто расширяет содержание и структуру экспозиции, но и усилиает ее эмоциональное воздействие.

Ярким примером такого воздействия стала выставка, посвященная 55-летию Победы в Великой Отечественной войне – "Агония 3-го рейха. Возмездие". Талантливое художественное решение позволило экспонировать сомнительный, с точки зрения охранителей "советской морали", комплекс материалов по расследованию обстоятельств смерти и поиска трупа преступника номер один – Гитлера. В период подготовки и обсуждения проекта главной проблемой и камнем преткновения стал вопрос об экспонировании фрагмента черепа, документальными материалами следствия идентифицированного как гитлеровский. Оригинальное архитектурно-художественное оформление залов, игра черного и красного цветов, решетчатые экспозиционные конструкции, – все это переключило внимание посетителя на содержательную составляющую выставки. Подлинные архивные документы были экспонированы так, что посетитель мог приблизиться к ним на расстояние 20–30 см и читать их в той же последовательности, как разворачивалось следствие, установившее, что фюрер мертв, как этот установленный факт превратился в сверхсекретную государственную тайну. По многим отзывам удалось достичь эффекта присутствия сегодняшних зрителей там, в 1945 г., в разрушенном Берлине, фотографии руин которого окружали со всех сторон.

Интересным ходом в экспозиционной работе стало обращение к жанру, определенному в музейной практике как выставка одной картины. Но ГАРФ остался верен себе – наличие "картины" было лишь поводом к "разговору" с посетителем, а главным предметом выступал по-прежнему документ. В 2001–2002 гг. были показаны две такие выставки.

В первом случае, на выставке "Обретение портрета. Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский", был показан портрет выдающегося проповедника Русской православной церкви. Картина, обнаруженная в Петербурге в том же 2001 г., экспонировалась в окружении немногих сохранившихся мемориаль-

---

[8] Великий князь Константин Константинович Романов. Павловск; СПб., 2000. 64 с.; Императрица Мария Федоровна. Павловск; СПб., 2000. 64 с.; Павел Петрович. Великий князь, император. Павловск; СПб., 2001. 128 с.; Император Александр I. Павловск; СПб., 2002. 128 с.

[9] Династия Романовых: Цесаревич Константин Павлович. СПб., 2000. 64 с.

[10] Мир русской императрицы: Александра Федоровна. Шарлотта Прусская. СПб., 1997. 34 с.

[11] "Средь шумного бала... Балы и семья Романовых". Павловск; СПб., 2001. 98 с.

inslav

ных личных вещей и, что не менее важно, комплекса из фондов ГАРФ – личных документов, черновиков проповедей и дневников, которые святой отец вел на протяжении почти всей жизни. На выставке в торжественной обстановке руководитель группы "Спутник" Б. Йордан передал реликвию в дар патриарху Московскому Алексию II. Практически одновременно было принято решение о публикации документального наследия отца Иоанна[12].

Другая экспозиция была посвящена истории одного из высших государственных учреждений Российской империи – Государственного совета – и явилась прорывом во многих отношениях. Впервые из Петербурга в Москву была привезена картина И.Е. Репина "Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения", впервые в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца была показана выставка, а в Государственном Русском музее в Петербурге, в том же зале, где репинское полотно располагается более 60 лет, размещена документальная экспозиция.

В императорской России отсутствовала художественная традиция изображения деятельности высших учреждений. Появление в середине XIX в. фотографии не привело к большей публичности в освещении деятельности российских сановников. Упраздненный постановлением Совета Народных Комиссаров в декабре 1917 г., Государственный совет сохранился в памяти потомков, в том числе благодаря замечательному произведению И.Е. Репина. Талант и мастерство художника позволили ему не только написать групповой портрет высших лиц государства, но и создать собирательный образ бюрократической машины императорской России.

В очередной раз реализация художественного решения принадлежала Д.К. Бернштейну. Замыслом художника стало расширить образ чиновничьей России до предметного осязания. И здесь весьма кстати оказался документ как главный сохранившийся результат деятельности государственного учреждения. Вся экспозиция легла на длинные, полукруглые, п-образные столы. Заключенные в специально подобранные под каждый документ стеклопакеты, экспонаты были размещены на разных уровнях, заставляя зрителя вникать в хитросплетения отношений между представителями высшей политической элиты. Для придания еще большей выразительности часть документальной экспозиции размещалась и на стенах залов. Там, соседствуя с блестящими портретными этюдами к картине, расположились материалы, которые на экспозиционном языке называются типологическими. Если на горизонтальных поверхностях лежали документы, оказавшие значительное влияние на историю государства российского, то на стенах, скомпонованная на огромных планшетах, оказалась обычная делопроизводственная переписка членов Госсовета. Но и эти доклады, промемории и, в том числе рисуночки, сделанные во время скучных заседаний цесаревичем, будущим императором Александром III, и принадлежавшие навсегда ушедшей эпохе, привлекали внимание посетителя.

За прошедшее десятилетие архив в соответствии с планами международного сотрудничества Федеральной архивной службы принимал участие в ряде проектов по приему и организации выставок совместно с архивными учреждениями зарубежных стран (Финляндия, Дания, Венгрия, Белоруссия, Австрия и бывшая Югославия).

---

[12] Отец Иоанн Кронштадский. М., 2002. Т. 1. 345 с.

inslav

Эти проекты, неплохо принятые прессой, к сожалению, проигрывали по одному из главных критериев выставочной работы – зрительской посещаемости, что наглядно видно из табл. 7.

За последние годы, благодаря дружеским связям с архивными учреждениями Дании, Норвегии, Финляндии, Щвейцарии и других стран, были подготовлены прекрасные документальные публикации, отражающие различные аспекты взаимоотношений этих стран с Россией или СССР. Подготовка текстов и комментариев, выход сборников, как правило, на языках обеих стран, участие специалистов академических институтов и вузов, МИД и других наглядно демонстрирует высокий уровень научного потенциала сторон. Тем не менее средства, вложенные в подготовку выставок, неадекватны результатам. В то же время совместный проект Германии и России "Москва–Берлин" показал удивительный интерес в обеих странах к своей недавней и непростой истории.

С нашей точки зрения, основная причина столь невысокого уровня посещаемости коренится прежде всего в размытости целей и задач, подготовленных экспозиций, их невысоком культурологическом уровне и невовлеченности в проекты представителей музейного сообщества. Музейные предметы, в отличие от документа, который посетитель должен прочесть, усиливают эмоциональное воздействие, поскольку они созданы специально для рассмотрения, они как бы обращаются к посетителю, конкретизируя представление зрителя об этом предмете или эпохе, персонифицируют историческую личность или рядовой типаж. Сравнение этих выставок с концептуальными проектами "Мир русской императрицы" и "1953 год. Между прошлым и будущим", подготовка которых основывалась на учете зрительского интереса, лишний раз подчеркивает необходимость широкого сотрудничества архивов и музеев. На посещаемость выставок оказало бы существенное влияние совмещение открытия экспозиции с презентацией нового издания, началом политических и рекламных компаний или серьезных культурологических мероприятий. Включение в план работы зала любого выставочного проекта должно учитывать немало составляющих компонентов, вплоть до таких, как наличие проектов по аналогичной тематике в выставочной деятельности других музеев Москвы, дата их открытия и сроки работы самой экспозиции. Опыт работы наглядно доказывает существование "мертвых" сезонов для посещаемости экспозиций, особые интересы СМИ в освещении той или иной выставки и многое другое, что влияет на успех проекта.

Процесс подготовки серьезного выставочного проекта невозможно представить без издания каталога и четко организованной информационной поддержки. Из 17 выставок, открытых в Выставочном зале в 2000–2003 гг., 12 сопровождались каталогами, изданными на высоком художественном и полиграфическом уровнях. Подобная практика ставит Выставочный зал федеральных архивов на один уровень с крупнейшими музеями страны, каждая выставка которых сопровождается изданием печатной продукции. Эта издательская продукция пользуется постоянным спросом среди посетителей. Каталоги выставок "Агония Третьего рейха. Возмездие", "Православие и Российское государство X–XX вв.", "Обретение портрета. Святой Праведный Иоанн Кронштадский" давно превратились в библиографическую редкость. Не было ни одной выставки, на которой не экспонировались бы под грифом "впервые" новые документы, т.е. архивы вводят в оборот новую информацию, а проблема публикации откладывается на потом. Назрел для заинтересованного совместного обсуждения вопрос методики подготовки научных и научно-популярных каталогов архивных выставок, в которых будет возмож-

inslav

Таблица 7

Выставка/год проведения	Количество рабочих дней	Количество посетителей/ экскурсий	Количество публикаций в печати/Интернете
"Мир русской императрицы" 2001	34	5000/28	11
"Россия–Дания: 500 лет сотрудничества" 2001	15	570/1	2
"Культурное взаимодействие России и Финляндии" 2001–2002	24	350	3
"Возрожденные документальные сокровища РГАДА" 2002	16	798/4	3
"Венгерская революция 1848–1849 гг. Взгляд из России" 2002	16	325/2	4
"Взаимоотношение России и Украины в XVI–XVII вв." 2002	13	400/7	9/4
"Министерская система в Российской империи. к 200-летию образования" 2002	5	166/4	11/6
"Русская и белорусская эмиграция в Чехословакии в 1920–30-х гг. " 2003	15	780	9/2
"Российская эмиграция в документах югославских и российских архивов" 2003	13	620	1
"1953 год. Между прошлым и будущим" 2003	48	9000/39	66/16

но совместить информативность архивного справочника с образностью обширного иллюстративного ряда.

Интенсивное развитие средств электронной коммуникации ставит вопрос о формировании специального выставочного раздела на сайте ГАРФ и создании особой, виртуальной выставочной версии каждого проекта. Информация, помещаемая о выставках на сайте Росархива, не может рассматриваться как вполне достаточная для усиления эффективности в области пропаганды выставочной деятельности. Одним из следствий работы интернет-сайтов музеев и выставочных залов, когда технические средства позволяют учесть не только уровень посещаемости сайта в целом, но и зафиксировать интерес к

inslav

конкретному предмету, является не только рост посещаемости самих музеев, но и появление специальных публикаций.

Не исключено, что для архивов с огромными фондами и сложным научно-справочным аппаратом, для которых привлечение внимания специалистов к хранимым документам является прямой задачей, развитие электронных коммуникаций вкупе с виртуальными выставками окажется более результативным путем в деле собственной рекламы.

В заключение можно сказать, что выставочная деятельность ГАРФ, по трудозатратам и расходам вполне сопоставимая с публикацией документов или их комплектованием, постепенно выделяется в организационно самостоятельное направление его работы. Дойдет ли эта организация до форм, отлаженных как часовой механизм в деятельности крупнейших музеев, или останется на правах полезной, но вторичной, не оформленной структурно функции, покажет время.

Приложение

Перечень выставок, организованных ГАРФ и подготовленных при его участии в 2003 г.

№ п/п	Выставки	Место проведения	Участники	Спонсор	Каталог/ буклет
1.	"Александр II и Царское Село"	ГМЗ "Царское Село", г. Пушкин Ленинградской обл.	ГМЗ "Царское Село"		Каталог
2.	"Янтарная комната Екатерининского дворца"	ГМЗ "Царское Село", г. Пушкин Ленинградской обл.	ГМЗ "Царское Село", ГЭ, ГМЗ "Павловск"	Рургаз, Газпром	Каталог
3.	"Фаберже. Пасхальные подарки"	Музеи Московского Кремля	ГЭ, ГИМ, Музеи Московского Кремля		Каталог
4.	"Когда Россия говорила по-французски"	Музей Армии, Париж	ГЭ, ГИМ, ГМ А.В. Суворова, Музей Армии	Интеррос	Каталог
5.	"Россия–Япония. Из прошлого в будущее"	Токио	ГИМ, ГТГ, ГЭ	Министерство культуры РФ	Каталог
6.	"К 65-летию конфликта на озере Хасан"	РГВА, Москва	Федеральные архивы, МВС РФ	Подпрограмма "Архивы России" ФЦП "Культура России"	
7.	"Философский пароход"	Выставочный зал федеральных архивов	Федеральные архивы	Подпрограмма "Архивы России" ФЦП "Культура России"	Буклет
8.	"Дорогой Ники! Дорогой Вилли!" Переписка императоров Вильгельма II и Николай II	Музей коммуникаций, Франкфурт-на-Майне	Музей коммуникаций	Рургаз	Каталог

inslav

№ п/п	Выставки	Место проведения	Участники	Спонсор	Каталог/ буклет
9.	"Москва–Берлин. 1953–2003"	Берлин	ГТГ, ГИМ, ГРМ, "РОСИЗО"	Министерство культуры РФ	Каталог
10.	"300 лет российской печати – 300 лет российской истории"	Центральный выставочный зал (Манеж), Москва,	ГИМ, Политехнический музей, ГЦМСИР, МВС РФ, федеральные архивы	МПТР РФ	Буклет
11.	"Нефть и газ в судьбе России"	Выставочный зал федеральных архивов	Федеральные архивы, Политехнический музей	Подпрограмма "Архивы России", ФЦП "Культура России"	Каталог
12.	"Серафим Саровский. К 100-летию со дня прославления"	Музей древнерусского искусства им. А. Рублева, Москва	ГТГ, ГИМ, Музей древнерусского искусства им. А. Рублева, РГАДА	Мииистерство культуры РФ	Каталог
13.	"Государство и столица (в рамках II Музейного форума)"	Центральный выставочный зал (Манеж), Москва	Музей истории г. Москвы, федеральные архивы	Правительство г. Москвы	Каталог
14.	"Французы в Санкт-Петербурге"	ГРМ, С.-Петербург	ГРМ, РГИА, РГА ВМФ, Музей истории г. Петербурга	Посольство Франции	Каталог
15.	"Из истории еврейского образования в России"	ВГБИЛ, Москва	ВГБИЛ, РГАСПИ	Общество друзей Иерусалимского университета	Каталог

inslav

Б.Н. Морозов

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЕ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

(Была ли городом царская резиденция?)

Историки, изучающие эпоху Ивана Грозного, традиционно пишут о малочисленности сохранившихся источников, особенно документальных. Гибель основной массы приказных архивов XVI в. действительно не только затрудняет изучение крутых поворотов в политике первого русского самодержца (особенно такого сложного явления, как опричнина), но и не позволяет уточнить многие конкретные детали его многолетнего правления, например, перемещения по стране, смену резиденций, организацию жизни царского двора и т.п. Но именно эти сюжеты можно изучать по сохранившейся внешнеполитической документации – архиву Посольского приказа[1]. К сожалению, до сих пор значительная часть посольских книг (особенно второй половины XVI в.) не издана[2]. Недостаточно исследованным остается и другой вид посольской документации – столбцы, который, хотя и фрагментарно, но все же представлен в ряде фондов РГАДА, отражающих дипломатические связи России с различными государствами. Характерным примером важности не только внешнеполитических, но и внутреннеполитических сведений, заключенных в подобных текущих посольских делах, является публикуемая грамота.

Выдающийся знаток приказной документации академик Н.П. Лихачев в своем специальном труде, целиком посвященном анализу одного из столбцов, сохранившемуся в фонде "Сношения России с Польшей" и содержащему разнообразные документы, касающиеся приезда папского посла Антония Поссевино в 1581 г., отметил существование еще одного подобного по обширности столбца "Польских дел" МГАМИД за 1579–1580 гг. (ныне: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1) и сделал при этом важное замечание: "В столбцах Посольского приказа не редко сохраняются и копии с документов других приказов, давно уже утраченных в подлинниках"[3]. Однако исследователи обращались к этому ценнейшему комплексу документов XVI в. нечасто, в основном опять же для изучения взаимоотношений Ивана Грозного с Польско-Литовским государством[4]. Между тем столбец содержит в значительной части переписку с воево-

---

[1] См.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 448–455 (статья "Посольские книги Российского государства XV–XVI столетий как памятник истории и культуры"); *Он же.* Документы внешних сношений и развитие культуры Руси допетровского времени // Восток–Россия–Запад: Исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика Владимира Степановича Мясникова. М., 2001. С. 73–83.

[2] См.: *Рогожин Н.М.* К вопросу о публикации посольских книг конца XV – начала XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 185–209.

[3] *Лихачев Н.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. СПб., 1903. С. 49–50. Примеч. 1.

[4] В последнее время к ним обращался польский исследователь И. Граля. Данный столбец (Ф. 79. Оп. 1. 1579–1580 гг. № 1) привлек внимание автора статьи и директора РГАДА М.П. Лукичева несколько лет назад при визуальном просмотре всех "польских" столбцов XVI – начала XVII вв. непосредственно в хранилище.

inslav

дами пограничных городов и связан с деятельностью не только Посольского, но и Разрядного приказов в конце Ливонской войны.

Грамоты от имени царя, представленные в столбце в виде черновых отпусков, указывают разное место их составления – Москва, Новгород, Старица, Александровская слобода. Можно сделать вывод, что эти документы отложились в своеобразной походной канцелярии Ивана Грозного[5]. Но затем данные отпуски были соединены с их подлинниками, которые поступали в московский земский Посольский приказ, и вместе с другими, связанными с ними документами, были сформированы в единый столбец уже в его архиве.

Грамоты данного столбца, написанные в Слободе, привлекли наше особое внимание не только как исторический источник, освещающий в какой-то мере историю знаменитой царской резиденции на ее заключительном этапе, но и как важный палеографический источник – известно, что в это время (1576–1580) при дворе Ивана Грозного работала первая русская провинциальная типография и, по предположению некоторых исследователей, даже создавался грандиозный Лицевой летописный свод[6]. Бумага, на которой писался Лицевой свод и печатались слободские Псалтырь и Часовник, в грамотах пока не обнаружена, хотя они, наряду с традиционными "кувшинчиками", "сферами" и руками-перчатками", содержат и редкие типы филиграней (очевидно, необходима, их особая публикация). Выходные данные (Dispositio) одной из грамот содержат определение статуса Александровской слободы как города, обычно не употребляющееся в других известных грамотах подобного типа.

В конце этой подлинной грамоты 1580 г., отправленной от имени царя в Москву земской Боярской думе и посольским дьякам братьям Щелкаловым, указано: "Писан в *городе* (здесь и далее курсив наш. – *Б.М.*) в Слободе лета 7088-го марта в 13 день". Содержание этой грамоты в целом вполне рутинно – царь получил в Александровской слободе отписки от себежских воевод вместе с грамотами польских воевод по поводу местного перемирья, пограничной торговли и размена двух пленных и поручил проработать этот вопрос в Москве в Думе, Посольском приказе и, очевидно, в Разряде, оставив окончательное решение за собой. Почему именно в этой грамоте, в отличие от других, подобных рядовых грамот, к обычному определению "писан в Слободе" (ее название не указывалось) добавлено слово "в городе" неясно.

В официальном летописании Александровская слобода, ставшая опричной столицей в январе 1565 г., также никогда не называлась городом (впрочем, царское летописание периода опричнины продолжалось только в течение двух лет – до 1567 г.). Во внешнеполитических же документах этого времени значение Слободы как центра опричнины, как и само разделение государства, вообще отрицалось. Так, в 1569 г. в наказе гонцу в Литву Ф.И. Мясоедову предписывалось отвечать на вопрос о причинах пребывания царя в Александровской слободе: "Государьская воля, где хочет тут живет. А то *село* близко Москвы, а государь живет для своего прохладу. А государство свое правит на Москве и в Слобо́де"[7].

---

[5] См. подробнее: *Морозов Б.Н.* Новые документы об Александровской слободе при Иване Грозном (Была ли городом царская резиденция и существовал ли в ней дворовый Посольский приказ?) // Государев двор в истории России. XV–XVII вв.: Материалы международной научной конференции. Александров (в печати).

[6] См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 232–252. Разбор этого мнения см.: *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 194–222.

[7] Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 591. См. также: *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 66–68.

inslav

Определение "город" для Александровской слободы есть также в более поздней грамоте 3 ноября 1581 г., входящей в состав следующего столбца с документами о приезде Антония Поссевино. Эта верительная грамота послам князю Д.П. Елецкому и Р.В. Алферьеву является образцом официальной внешнеполитической документации, ее текст содержит специальные этикетные формулы (полный царский титул и т.д.), заключительные выходные данные имеют расширения во всех параметрах: "Писана в государствия нашего Дворе в *городе* в Слободе лета от создания миру 7090 ноября месяца..."[8] Н.П. Лихачев в своем исследовании привел из неопубликованной посольской книги только эту начальную часть выходных данных верительной грамоты, его продолжение, содержащее хронологию царствия Ивана Грозного, можно видеть в опубликованном переводе латинской версии данного текста. Причем в результате двойного перевода слово город превратилось в "крепость"[9].

Подобные специальные характеристики места написания внешнеполитических грамот, как часть дипломатического протокола, можно видеть среди других документов того же времени. Так, опасная грамота на проезд Антония Поссевино августа 1580 г. "писана в государствия нашего Дворе *града* Москвы"[10], а в другой опасной грамоте ему сентября того же года обычное указание для внутренних грамот – "писана на Старице", превратилось в "писана великого княжества Тверскаго в *городе* в Городке"[11]. Но вряд ли в подобных случаях должно было быть обязательное искусственное повышение статуса места написания грамоты (как повышался статус самих послов на время посольства). В опасной грамоте польскому посланнику Юрию Быковскому, которого Иван Грозный принимал в Александровской слободе в 1563 г. (т.е. еще до учреждения опричнины) указано: "писан нашего государства Двора Слободы"[12]. Напротив, о неустойчивости в это время определения "город" для Александровской слободы свидетельствует его отсутствие в официальной царской грамоте Антонию Поссевино, написанной в Слободе 23 октября 1581 г.[13]

Но есть памятник вполне официального происхождения, где Слобода еще раньше названа "*новым городом*". Это послесловие к уже упоминавшейся Псалтыри 1576–1577 гг., напечатанной в Александровской резиденции царя, в типографии, основанной, очевидно, по его личному повелению, печатником Андроником Тимофеевым Невежей[14]. Здесь особое внимание вызывает определение "новый" – ведь Александровская слобода была значительной, с каменными храмами, великокняжеской и царской резиденцией задолго до 1565 г.[15] Видимо, печатник (или лицо ему указавшее на необхо-

---

[8] См.: *Лихачев Н.* Указ. соч. С. XLIII.

[9] *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 151–152. Как "крепость" переводили и определение "город" для Москвы (Там же. С. 147).

[10] Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. С. 56–57. См.: *Лихачев Н.* Указ. соч. С. X–XI. Лихачев отметил, что эту грамоту писали не в Москве, а в Старице.

[11] Там же. С. 235–238. См.: *Лихачев Н.* Указ. соч. С. XXV.

[12] "Выписка из посольских книг" о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Сост. Б.Н. Морозов; Ред. С.О. Шмидт. М., 1997. С. 234.

[13] *Поссевино А.* Указ. соч. С. 101–103.

[14] См.: *Сазонова Л.И.* Андроник Тимофеев: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.), ч. 1: А-К. С. 40–42. Последнее факсимильное воспроизведение выходной записи Слободской псалтыри см. в Сводном каталоге А.А. Гусевой "Издания кириллического шрифта 2-й половины XVI в." (М., 2002).

[15] Следует отметить, что эту резиденцию великого князя Василия III называли "новым селом Александровским" при освящении Покровского собора в 1513 г. (см.: *Кавельмахер В.В.* Памятники архитектуры древней Александровой Слободы. [Владимир], 1995. С. 52), затем в 1534 г. (уже после смерти великого князя) – "новой слободой" (*Дьяконов М.* Акты, относящиеся к истории тяглого, населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. 2. С. 7).

inslav

димость подобного текста) хотел подчеркнуть те принципиальные внутренние и внешние изменения, произошедшие в Слободе за десятилетие ее функционирования как фактически второй – опричной, а затем "дворовой" столицы Российского государства. Очевидно, в период "двора" Иван Грозный не стремился скрывать существование своего удела с особыми центрами, тем более что это были годы, когда он вообще отказывался на время от царского титула.

В современных исследованиях, посвященных политической истории времени правления Ивана Грозного, вопрос об официальном статусе Александровской слободы в качестве города, кажется, специально не рассматривался. По крайней мере, текст послесловия Слободской псалтыри (введенной в научный оборот И.М. Снегиревым в 1830 г.) в этом плане не был использован. Вместе с тем еще Н.М. Карамзин отмечал, что с введением опричнины Иван Грозный "жил большею частию в Слободе Александровской, которая сделалась *городом*, украшенная церквами, домами, лавками каменными"[16].

Источником для такого утверждения Карамзина была "История о Великом княжестве Московском" Петра Петрея, который в начале XVII в. действительно писал об Александровской слободе времен Ивана Грозного (используя при этом наблюдения других авторов): "Александровская слобода, также маленький *город* и крепость, лежит в 8 милях от Москвы к северу. Этот *город* построил жестокий великий князь Иван Васильевич и велел сделать вокруг него сильное укрепление, а внутри поставил пять прекрасных кирпичных церквей"[17]. Очевидно на того же Петрея (вероятно, через посредство Карамзина) опирался такой известный исследователь опричнины, как П.А. Садиков, когда писал: "Провинциальной любимой резиденцией служила Александровская слобода, *переименованная, по рассказам современников, из села в город*, сильно укрепленный и наполненный богатствами, особенно после новгородского погрома"[18].

В фундаментальном историко-географическом исследовании М.Н. Тихомирова "Россия в XVI столетии" Александровская слобода рассмотрена в общем небольшом разделе с городом Юрьевом Польским и кратко охарактеризована как "царская резиденция, описанная многими иностранцами"[19]. Но в предваряющем ему разделе "Переяславль Залесский и его округа" прямо указано, что «в этом районе находились) еще два *города*: Юрьев Польский и Александрова слобода, за которой по традиции сохранялось название "слобода", хотя она была настоящей *крепостью* с посадом»[20].

Таким образом, публикуемая грамота является важным документальным подтверждением городского статуса Александровской слободы – резиденции Ивана Грозного, который по разным причинам не был окончательно зафиксирован в письменной традиции того времени и утратился с прекращением пребывания в Слободе царя после смерти сына в конце 1581 г.

---

[16] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1845. Кн. III, т. IX. С. 50.

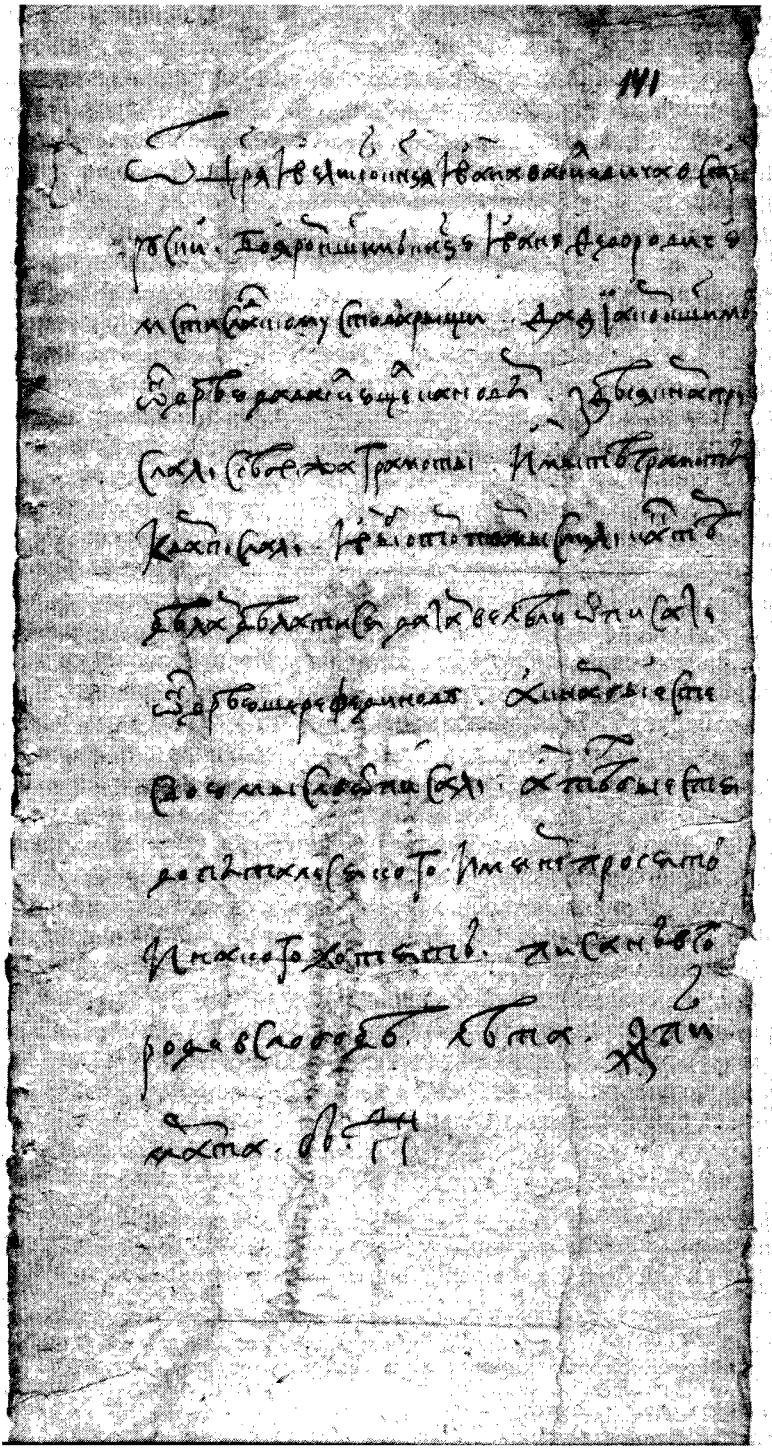
[17] Петрей Петр. История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 182.

[18] *Садиков П.А.* Указ. соч. С. 45.

[19] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 170.

[20] Там же. С. 167.

inslav



Грамота царя Ивана IV 13 марта 1580 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Столбцы. Д. 1579–1580. № 1. Л. 141–141 об.)

inslav

Приложение

1580 г. марта 13. Грамота царя Ивана Васильевича из Александровской слободы в Москву земской Боярской думе во главе с кн. И.Ф. Мстиславским и посольским дьякам А.Я. и В.Я. Щелкаловым о переписке с пограничными воеводами.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии бояром нашим князю Ивану Федоровичю Мстиславскому с товарыщи да диаком нашим Ондрею да Василью Щелкановым [так в тексте].

Здеся к нам прислали с Себежа грамоты, и мы те грамоты к вам послали. И вы б о том помыслили, как тем делам делатися, да там велели отписати Ондрею Шерефединову. А к нам бы есте свою мысль отписали. А тех бы естя допыталися, кого имянем просят и на кого хотят.

Писан в городе в Слободе, лета 7088 марта в 13 день.

На обороте адрес: Боярам нашим князю Ивану Федоровичю Мстисловскому с таварыщи да дьяком нашим Ондрею да Василью Щелкановым[1*].

Ниже помета о получении: 88-го марта в 14 день с Федором с Воейковым.

Грамота (столбец) была сложена конвертом (вчетверо).

РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. Столбцы. Д. 1579–1580 гг. № 1. Л. 141–141 об. Подлинник.

[1*] Адрес написан вторым, из выделенных Н.П. Лихачевым двух почерков адресов-подписей царских грамот из столбца 1581 г. о приезде Поссевино, написанных в Старице и в Александровской слободе (*Лихачев Н.* Указ. соч. С. 105). Первый их этих почерков, как установил И.В. Курукин, принадлежит дьяку А.В. Шерефетдинову (*Курукин И.В.* О так называемом автографе Ивана Грозного // СА. 1979. № 2).

inslav

В.А. Шаров

ОПРИЧНИНА ИВАНА ГРОЗНОГО: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

(Лекция, прочитанная в Гарвардском университете в 1989 г.)*

Данная статья легла в основу лекции, прочитанной автором в Русском центре при Гарвардском университете в сентябре 1989 г. по приглашению профессора Э. Кинана (E.L. Keenan). В докладе, рассчитанном на профессоров и аспирантов, автор изложил свой взгляд на суть и происхождение едва ли не самого загадочного института в русской истории, а именно – опричнины.

Статья была написана в ходе работы над диссертацией, посвященной дореволюционной историографии опричнины и Смуты. В центре сочинения находилась фигура одного из крупнейших отечественных историков, влиятельнейшего исследователя опричнины академика С.Ф. Платонова. Столкновение с необычайно обильной и столь же противоречивой палитрой взглядов российских историков на опричнину спровоцировало попытку сформулировать свое собственное воззрение на это учреждение.

Добавление в статью вносилось лишь однажды – в 1989 г., когда у меня в руках оказалась книга В.Б. Кобрина "Иван Грозный" и работа В.М. Живова и Б.А. Успенского "Царь и Бог". В последней ряд важных для понимания опричнины вопросов рассматривался с точки зрения семиотики. Тема диссертации не давала возможности включить в нее нижеследующую статью, предполагалось, что она будет напечатана в "Трудах" МГИАИ, но по не зависящим от автора причинам до конца 1980-х годов этого не произошло.

При обсуждении основных положений статьи, изложенных в Гарварде, соображения автора вызвали живой интерес. Ученые, переехавшие в свое время в США из стран Прибалтики, поддержали рассуждения автора о военно-монашеских орденах – Ливонском и Тевтонском, дополнив их ценными ссылками на неизвестные автору документы из архивов этих орденов, которые и по сию пору хранятся в Риге, Таллине и Тарту.

Свою концепцию в сжатом, но вполне адекватном виде автор опубликовал в журнале "Родина" в статье "Опричнина" (1991. № 1), после чего не возвращался к историческому рассмотрению этой темы.

* * *

В историографическом предисловии к "Исследованиям по истории опричнины" С.Б. Веселовский писал: "В нашей историографии нет, кажется, вопроса, который вызывал бы бóльшие разногласия, чем личность царя Ивана Васильевича, его политика и, в частности, его пресловутая опричнина. И замечательно, что по мере прогресса исторической науки разногласия, казалось бы, должны были уменьшиться, но в действительности наблюдается обратное"[1].

---

* От редакции: именно потому, что интерес к исследованию истории опричнины в последние десятилетия не ослабевает и формулируются не схожие оценки и объяснения этого явления, статья, написанная в 1980-е годы, дополняет представления по историографии опричнины.

[1] *Веселовский С.Б.* Обзор мнений историков об опричном дворе царя Ивана // Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 11.

inslav

Русская дореволюционная историография от Татищева до Ключевского, посвященная истории царствования Ивана Грозного и одному из центральных событий этого царствования – опричнине, чрезвычайно обширна. Почти все крупные историки второй половины XVIII–XIX вв. в той или иной степени затрагивали в своих трудах царствование Ивана Грозного и оставили множество разнообразных, причем подчас взаимоисключающих, концепций его правления. Н.К. Михайловский в работе "Иван Грозный в русской литературе" писал, что при чтении литературы, посвященной Грозному, «выходит такая длинная галерея его портретов, что прогулка по ней в конце концов утомляет. Утомление тем более понятное, что хотя со всех сторон галереи на вас смотрят изображения одного и того же исторического лица, но вместе с тем лицо это "в столь разных видах представляется, что часто не единым человеком является"». И далее: «Одни и те же внешние черты, одни и те же рамки, и при всем том совершенно-таки разные лица – то "падший ангел", то просто злодей, то возвышенный и проницательный ум, то ограниченный человек, то самостоятельный деятель, сознательно и систематически преследующий великие цели, то какая-то утлая ладья "без руля и без ветрил", то личность, недосягаемо высоко стоящая над всей Русью, то, напротив, низменная натура, чуждая лучшим стремлениям своего времени»[2].

При характеристике историографии Ивана Грозного стоит отметить и то, что взгляд отдельных историков на время его правления был столь же противоречив, как и вся историография, а также то, что все новые концепции, выдвигаемые на протяжении как XIX, так и XX вв., лишь отчасти базировались на привлечении новых материалов, в основном же являлись интерпретацией ранее введенного в оборот корпуса источников.

Такое обилие концепций невольно наводит на мысль, что основная ценность работ, посвященных Ивану Грозному, лежит не в сфере истории России XVI в., а в той непроизвольной автохарактеристике русской историографии, для которой они дают богатейший материал.

С.Б. Веселовский в уже цитированной работе об опричнине писал о связи историографии Грозного с внутриполитической атмосферой страны: «"Дней Александровых прекрасное начало" породило поучительную для государственных деятелей концепцию личности и государственной деятельности царя Ивана, данную Карамзиным. Суровая реакция царствования императора Николая I вызвала ряд попыток писателей разного калибра и различной степени осведомленности реабилитировать царя Ивана в противовес отрицательной характеристике Карамзина»[3].

И далее о следующем царствовании: «Итак, можно сказать, что царь Иван предполагал при помощи опричнины открыть дорогу безродным талантам, в интересах государства оттеснить на второй план бездарных представителей родовой знати. Нет надобности много говорить, что и это высказывание Кавелина голословно и не подтверждается фактами. Но в эпоху реформ Александра II и нарождения "мыслящего пролетариата" Писарева эта идея широкой дороги, открытой талантам, независимо от происхождения, оказалась как нельзя более кстати и обеспечила успех мнению Кавелина в кругах либеральной и революционной интеллигенции. С другой стороны, кавелинское восхваление самодержавия находило самый благожелательный прием в кругах консерваторов и реакционеров»[4].

---

[2] *Михайловский Н.К.* Иван Грозный в русской литературе // Соч. СПб., 1897. Т. 6. Стб. 131.
[3] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.16.
[4] Там же. С. 19.

inslav

Такая тесная связь внутриполитического положения в стране с историографией царствования Ивана Грозного лишь усугубилась после 1917 г. Эпоха правления Сталина – время безудержной апологии Ивана IV[5]. Хрущевская либерализация конца 50-х – начала 60-х годов сделала возможной публикацию написанной за 20 лет до того и названной уже выше работы С.Б. Веселовского "Исследования по истории опричнины" (М., 1963), причем появление этой монографии было для российской интеллигенции одним из наиболее показательных признаков десталинизации. Частичная реабилитация Сталина и сталинизма в годы правления Л.И. Брежнева привела к куда более "сбалансированной" трактовке как самой опричнины, так и всего времени правления Ивана IV. Резко отрицательная оценка роли Грозного в русской истории (С.Б. Веселовский) была отставлена, и победил взгляд, считавший, что, несмотря на многие издержки, политика Грозного (в частности, репрессии, которые он обрушил на знать) была разумной и необходимой[6].

Начавшаяся "перестройка" позволила возродить тот высказанный еще Н.М. Карамзиным, а впоследствии детально разработанной С.Б. Веселовским взгляд на правление Ивана IV как на одну из величайших катастроф в истории России[7].

Без преувеличения можно сказать, что историография царствования Ивана IV позволяет реконструировать все важнейшие повороты внутренней политики России и точно увидеть то, как смотрит и на Россию, и на себя саму верховная власть.

Не занимаясь разбором всех взглядов историков на правление Ивана Грозного[8], мы все же хотим выделить некоторые ключевые черты посвященной ему историографии.

Первое: во всех концепциях правления Ивана Грозного личность, безусловно, довлеет над событиями его царствования, которые выступают чаще всего как материализованное воплощение черт. Ивана Грозного. Психологизм в русской историографии удержался долее всего именно при изучении этой темы, поэтому для историографии эпохи Ивана Грозного так характерны блестящие портретные зарисовки (Белинский, Аксаков, Ключевский).

Н.К. Михайловский заметил, что «если историки, как Костомаров [роман "Кудеяр" – *В.Ш.*], превращались ради Грозного в беллетристов, то и поэты, как г. Майков, превращались ради него в историков и приводили в восторг настоящих историков (г. Бестужева-Рюмина)»[9] и что на концепцию Костомарова большое влияние оказали известные публицисты К. Аксаков и Ю. Самарин (см. его диссертацию "Стефан Яворский и Феофан Прокопович"). Эта особенность историографии правления Ивана Грозного понятна. Неудачи в собственно историческом объяснении царствования Ивана Гроз-

---

[5] См., например: *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины М.; Л., 1950; *Бахрушин С.В.* Иван Грозный. М., 1945; *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. 2-е изд. М.; Л., 1944; *Смирнов И.И.* Иван Грозный. Л., 1944.

[6] См., например: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969; *Он же.* Иван Грозный. М., 1975.

[7] См., например: *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989.

[8] Историография Ивана Грозного уже неоднократно исследовалась в русской исторической науке. См.: *Михайловский Н.К.* Указ. соч.; *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пб., 1923; *Веселовский С.Б.* Указ. соч.; *Садиков П.А.* Указ. соч. Разбор центральных вопросов опричнины и всего времени правления Ивана IV в советской историографии см.: *Шмидт С.О.* Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. Сб. статей. М., 1962. С. 91–136; *Зимин А.А.* Указ. соч.; *Скрынников Р.Г.* Указ. соч.

[9] *Михайловский Н.К.* Указ соч. Стб. 130.

inslav

ного и его эпохи привели к попытке понимания и осмысления его личности как героя литературного произведения. Отсюда и определенная концептуальная зависимость историков от литераторов и публицистов[10], стремление привнести в историческое исследование совсем иную – назовем ее литературной – методику.

Второе: при всем разнообразии историографических концепций правления Ивана Грозного все они сводимы к двум основным направлениям: дискредитирующему и апологетическому. Такое деление не случайно, в основе каждого из этих направлений лежит наиболее общее представление историков о сущности и смысле русской истории и соответственно о критериях оценки исторических личностей; соответственно, и аксиоматика каждого из этих направлений глубоко различна. В основе первого взгляда – оценка Ивана Грозного с точки зрения общечеловеческой нравственности и морали, в основе второй – оценка его и его правления с точки зрения территориальных и иных достижений, осуществленных при нем. Вторая точка зрения не только неизбежно приписывает успехи, достигнутые Россией, личности ее монарха, но, что более важно, сводится к другой нравственной системе – назовем ее государственной. Успехи России являются абсолютным благом вне зависимости от тех средств, коими они достигнуты.

Первый взгляд наиболее рельефно выразил М.П. Погодин. Характеризуя Ивана IV и его дела, он писал: "Что есть в них высокого, благородного, прозорливого, государственного? Злодей, зверь, говорун-начетчик с подьяческим умом, – и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе прославителей"[11]. Второй – у К.Д. Кавелина: "Все то, что защищали современники Иоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищал Иоанн IV, развивалось и осуществлено; его мысль так была живуча, что пережила не только его самого, но века, и с каждым возрастала и захватывала больше и больше места. Как же прикажете судить этого преобразователя? Неужели он был не прав?.. От ужасов того времени нам осталось дело Иоанна; оно-то показывает, насколько он был выше своих противников"[12].

Каждое из этих двух направлений не столько пыталось опровергнуть те или иные положения противного, сколько ставило под сомнение саму их основу – систему аксиом. К.Д. Кавелин считал, что историки не могут рассматривать исторического деятеля с точки зрения современной им нравственности, такой подход – ничем не оправданная модернизация истории. Защищая Грозного, он писал: "Иоанн IV есть целая эпоха русской истории, полное и верное выражение нравственной физиономии народа в данное время", он был "вполне народным деятелем в России"[13].

Однако и аксиоматика, построенная на "государственной пользе" находила у Погодина не менее веские возражения. Он отвергал саму возможность деятельного участия Ивана IV в составлении нового Судебника и в других важнейших государственных преобразованиях 1550-х годов, а также в победах России над осколками многовекового врага – Золотой Орды – Казанским и Астраханским ханствами. «В царствование Грозного, бесспорно, совершено много великого; но, – спрашивает Погодин, – мог ли такой че-

---

[10] Апологетика Ивана Грозного в советское время началась романом В. Костылева "Иван Грозный" (Горький, 1943–1947).

[11] Цит. по: *Михайловский Н.К.* Указ соч. Стб. 161.

[12] *Кавелин К.Д.* Ответ "Москвитянину" // Собр. соч. СПб., 1897. Т. I . Стб. 93–94.

[13] *Кавелин К.Д.* Исследования С.М. Соловьева // Там же. Стб. 400.

inslav

ловек, как Иоанн, проведший свое детство и отрочество так, как он, никогда ничем серьезно не занимавшийся, мог ли он в 17–20 лет вдруг превратиться в просвещенного законодателя? "Он мог оставить прежний буйный образ жизни, мог утихнуть, остепениться, заняться делом, мог охотно соглашаться на предлагаемые меры, утверждать их, – вот и все; но чтобы он мог вдруг понять необходимость в единстве богослужения, отгадать нужды и потребности народные, узнать местные злоупотребления, найти противодействующие меры, дать нужные правила касательно суда, например, об избрании целовальников и старост в городах и т.д. – это ни с чем не сообразно". Иоанн был вполне в руках своих советников, Сильвестра и Адашева, и их партии, что подтверждается и свидетельством современников, и собственным негодующим признанием Грозного в письмах к Курбскому. А затем, когда влияние этой партии было парализовано, в последние двадцать пять лет жизни Иоанна нельзя указать никаких законов, постановлений, распоряжений, вообще никаких действий, из которых был бы виден его государственный ум и то понимание требований народной жизни, какое проявлялось в первой половине его царствования. В продолжение всего этого времени "нет ничего, кроме казней, пыток, опал, действий разъяренного гнева, взволнованной крови, необузданной страсти"»[14].

В конце XIX в., в 1899 г., концепции правления Ивана Грозного пополнились еще одной, принадлежащей перу С.Ф. Платонова и изложенной в первой части его "Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв." Концепция эта имела исключительный успех. Впоследствии она с некоторыми изменениями воспроизводилась и в его лекционном курсе[15] и в книге "Иван Грозный"[16].

Прежде чем перейти к разбору взглядов Платонова на правление Ивана Грозного и на опричнину, уместно привести здесь оценку его концепции некоторыми советскими историками.

С.Б. Веселовский: "Последним словом дореволюционной исторической науки считалась сложная и замысловатая концепция С.Ф. Платонова"[17]. И ниже: "В погоне за эффектностью и выразительностью изложения лекций С.Ф. Платонов отказался от присущей ему осторожности мысли и языка и дал концепцию политики царя Ивана, настолько переполненную промахами и фактически неверными положениями, что поставил критиков его построений в весьма неловкое положение..."[18]

Следующим образом оценивал концепцию С.Ф. Платонова А.А. Зимин: "Наиболее продуманную и развернутую оценку опричнины с буржуазных позиций мы находим в трудах С.Ф. Платонова"[19].

Оценка работы С.Ф. Платонова С.Б. Веселовским со всех точек зрения парадоксальна. Концепция, "переполненная промахами и неверными положениями", объявлена последним словом дореволюционной исторической науки. В какой-то степени негативная оценка Веселовским Платонова связана с популярностью концепции последнего в 1930–1940-е годы, когда, как уже говорилось выше, апологетическое отношение к Грозному, противником которого был С.Б. Веселовский, безраздельно господствовало. Однако, даже это

---

[14] Цит. по: *Михайловский Н.К.* Указ. соч. Стб. 160–161.
[15] *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. 7-е изд. СПб., 1910.
[16] *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. Пб., 1923.
[17] *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 11.
[18] Там же. С. 29.
[19] *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 26.

inslav

учитывая, необходимо признать, что мнение С.Б. Веселовского выглядит достаточно странно.

Парадоксальность оценки советскими историками концепции С.Ф. Платонова как последнего слова буржуазной исторической науки, – а с ними были солидарны и крупнейшие русские ученые предреволюционных лет (П.Н. Милюков) – в том, что сам С.Ф. Платонов – во всяком случае, вначале, – не считал свои взгляды на опричнину оригинальными. В предисловии к первому изданию "Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв." он писал о главе, посвященной опричнине: "Если автору дозволено будет назвать свой труд самостоятельным исследованием, то он не отнесет такого определения, в его точном смысле, к первой части "Очерков". Многообразие сюжетов и изобилие материалов, входящих в тему этой части, требовало бы не сжатого очерка, а многостороннего специального исследования. Автор не имел времени для такого исследования и не чувствовал в нем надобности. Ученая литература давала ему возможность собрать достаточный для его цели материал из монографий и общеизвестных сборников исторических документов"[20].

Не только предисловие, но и само содержание первой части монографии внешне подтверждает эту несамостоятельность. В общей оценке кризиса России середины XVI в. С.Ф. Платонов солидарен с В.О. Ключевским. Так же, как и он, причину кризиса С.Ф. Платонов видит в противоречиях, заложенных в основании Московского государственного и общественного порядка.

«Первое из этих противоречий, – пишет С.Ф. Платонов, – можно назвать политическим и определить словами В.О. Ключевского: "Это противоречие состояло в том, что московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации". Такой порядок вещей привел к открытому столкновению московской власти с родовитым боярством во второй половине XVI века. Второе противоречие было социальным и состояло в том, что под давлением военных нужд государства, с целью лучшего устройства государственной обороны, интересы промышленного и земледельческого класса, труд которого служил основанием народного хозяйства, систематически приносились в жертву интересам служилых землевладельцев, не участвовавших непосредственно в производительной деятельности страны»[21].

И в оценке опричнины, как государственной реформы, направленной против потомства удельных князей, у С.Ф. Платонова были предшественники. Он пишет: "Только К.Н. Бестужев-Рюмин, Е.А. Белов и С.М. Середонин склонны придавать опричнине большой политический смысл; они думают, что опричнина направлялась против потомства удельных князей и имела целью сломить их традиционные права и преимущества. Однако такой, по нашему мнению, близкий к истине, взгляд не раскрыт с желаемою полнотою, и это заставляет нас остановиться на опричнине для того, чтобы показать, какими своими последствиями и почему опричнина повлияла на развитие Смуты в московском обществе"[22].

Анализ взглядов С.Ф. Платонова и его предшественников позволяет объяснить парадоксальность оценок его исторической концепции. С.Ф. Плато-

---

[20] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. 3-е изд. СПб., 1910. С. VI.
[21] Там же. С. 118.
[22] Там же. С. 132.

inslav

нов не выдвинул в точном смысле этого слова новой концепции правления Ивана Грозного – тогда казалось, что все мыслимые точки зрения на его царствование уже высказаны. С.Ф. Платонов сделал большее. Он изменил сам подход к теме. До С.Ф. Платонова историков занимала личность Ивана Грозного. И от личности, так или иначе понимая ее, они шли к собственно истории России. С.Ф. Платонов начал с другого конца, с истории государства. Россия перестала быть простым продолжением Грозного. Время его правления, сама опричнина, эмансипированная от его личности, легко вписалась в общую канву русской истории, оказалась связана и с общим направлением, и с традициями предшествующих царствований. «Упразднился старый взгляд на опричнину как на бессмысленную затею полоумного тирана. В ней видят применение к крупной земельной московской аристократии того "вывода", который московская власть обычно применяла к командующим классам покоренных земель. Вывод крупных землевладельцев с их "вотчин" сопровождался дроблением их владений и передачей земли в условное пользование мелкого служилого люда»[23], – писал С. Ф. Платонов.

Полное изменение подхода и методики исследования заставило С.Ф. Платонова обратиться к совсем другому кругу источников и в значительной степени расширить его. Анализу опричнины С.Ф. Платонов предваряет чрезвычайно емкий обзор социально-экономического положения в России второй половины XVI в., который написан на основе разрядных, писцовых, дозорных и переписных книг, Книги Большому чертежу, а также монастырских грамот и местных источников.

И само понимание цели и назначения опричнины С.Ф. Платонов выводил не только из политических мотивов ее учреждения, но и на равных основаниях из ее территориального состава и экономических нужд. В свою очередь, территориальным составом опричнины обосновываются и подтверждаются политические намерения ее организаторов.

Таким образом, можно сказать, что вклад С.Ф. Платонова в русскую историографию второй половины XVI в. состоял в первую очередь в новом подходе к данной теме.

Этот подход оказался чрезвычайно продуктивным и для опровержения концепции опричнины, предложенной самим Платоновым. Тщательный анализ источников (отметим, что по большей части тех же, которыми пользовался Платонов), проделанный сначала С.Б. Веселовским и в дальнейшем расширенный и углубленный А.А. Зиминым, В.Б. Кобриным и Р.Г. Скрынниковым, показал, что опричнину невозможно свести к попыткам верховной власти подавить сопротивление аристократии и уничтожить ее традиционные права и привилегии; в разное время опричнина была направлена не только против боярства и княжат, но и против верхов церкви, приказной бюрократии, рядового дворянства, т.е. тех слоев, которые изначально были главными союзниками великокняжеской власти, рука об руку с которыми великокняжеская власть прошла весь путь своего возвышения. Тем самым методика Платонова, ее применение к настоящему времени полностью и окончательно разрушили ту концепцию, которая видела в опричнине правильную государственную реформу, направленную на слом вотчинного землевладения служилых княжат "вообще, на всем его пространстве"[24]. В итоге мы вернулись к по-

---

[23] *Платонов С.Ф.* Иван Грозный в русской историографии // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. № 1. С. 10.

[24] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 137.

inslav

ложению, которое существовало в изучении данной темы (правда, на несколько другом уровне) перед выходом монографии Платонова. Сейчас, так же, как и тогда, остается загадкой, что же все-таки и для чего учреждалось в 1565 г. и было уничтожено в 1572 г., уничтожено под страхом наказания кнутом за само упоминание этого; для чего понадобилось Грозному делить государство на две части – земщину и опричнину, для чего понадобилось ему казнями и преследованиями дворян, приказных, церковных иерархов подрывать главные опоры своей власти?

Современная историография часто предъявляет Грозному обвинение в несоответствии цели и средств, в отсутствии логики и смысла в проводимых им репрессиях. Но основано это обвинение по большей части на недоразумении. Дело в том, что узкая антибоярская направленность политики Грозного была приписана ему самими историками "из общих соображений" (такая политика считалась разумной и оправданной); впоследствии, не найдя подтверждения этой концепции в документах, историки решили, что в этом виноваты не они, а Грозный. Оказалось как-то забытым, что в грамоте, доставленной из Александровской слободы в Москву 3 января 1565 г. и ознаменовавшей собой начало опричнины, царь говорит, что "гнев свой" он "положил" "на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов, и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на окольничих и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей"[25].

То есть мы можем констатировать высокую степень совпадения между теми слоями, которые вызвали гнев Грозного в период, предшествовавший опричнине, и теми, кто от опричнины пострадал. Это совпадение, на наш взгляд, достаточно убедительно опровергает тезис об отсутствии системы в действиях Грозного и, следовательно, позволяет вновь поставить вопрос, чего же хотел и чего добивался Грозный, вводя опричнину. Ответ на него, как представляется, следует искать не в результатах опричнины, которые на взгляд самого Грозного отнюдь не оправдали его ожиданий, а в тех обстоятельствах, которые предшествовали ее учреждению.

Смысл вышеприведенной цитаты из грамоты Грозного достаточно ясен: он явно свидетельствует о том, что Ивана IV полностью не устраивал весь комплекс отношений, сложившихся между ним и другими "властями", с которыми он исторически принужден был делить ответственность за судьбы России. В чем же причина столь острого и глобального по своей сути конфликта (без особого преувеличения можно говорить о практически полной изоляции Ивана IV) между ним и другими родами и институтами, традиционно наряду с великокняжеской властью правящими Россией?

По-видимому, главным объяснением его следует считать, с одной стороны, драматическое изменение самопонимания и самооценки верховной власти, а с другой – меняющийся куда более медленно и вполне консервативный по своей природе взгляд на верховную власть, как церкви, так и всего служилого сословия. Это несовпадение внутренней и внешней оценок верховной власти было осложнено целым рядом внешнеполитических неудач, а также глубоким внутренним кризисом в стране.

Данные тезисы, безусловно, нуждаются в обосновании.

1. Представление верховной власти о себе самой. Начиная с правления Василия Темного (1425–1462) великие князья Московские все более часто именуются в дошедших до нас источниках царями, что связано в первую оче-

[25] Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. XIII. С. 392.

inslav

редь с падением Константинополя (1453) и быстрым формированием взгляда, видящего в Московском царстве естественного наследника (духовного и политического) Византийской империи. Иван IV в 1547 г. первый венчается на царство, и с этого времени царский титул становится официальным атрибутом монарха в России. Тем самым завершается сакрализация носителя верховной власти, что означает "не просто уподобление монарха Богу, но усвоение монарху особой харизмы, особых благодатных даров, в силу которых он начинает восприниматься как сверхъестественное существо"[26].

Вопрос о Москве как наследнице Византии нуждается в более подробном рассмотрении. Давно было подмечено, что "миссия" Москвы, по представлениям ее идеологов, была гораздо шире той роли, на которую претендовала Византийская империя. Москва считала себя одновременно и вне связи с Византией наследницей первого – античного Рима (происхождение великих князей Московских от племянника императора Августа – Пруса в "Сказании о князьях Владимирских"), а главное – ветхозаветного Израиля (Москва – второй Иерусалим, русское царство – новый Израиль). Этот взгляд на свое предназначение подробно рассмотрен в начале XX в. в работе Н.И. Ефимова "Русь – новый Израиль"[27]. Выводы, к которым он пришел, следует повторить:

1) как Новый, так и Ветхий завет были хорошо известны и широко употребимы русскими книжниками[28];

2) убеждение, что Русь находится под "покровом Божиим", "Господней благодатью" и "великой милостью", "является землей богоизбранной"[29], которое сформировалось еще до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) и падения Константинополя. Еще тогда русские книжники не сомневались, что русский народ, единственный сохранивший истинную веру, особенно угоден Богу, дорог ему, и в путях Промысла Русь занимает место древнего народа Божия[30];

3) Бог на Руси мыслился "не христианским Богом в строгом смысле слова, Богом любви и всепрощения, а ветхозаветным Богом гнева, грозным мздовоздаятелем, с ужасающей справедливостью карающим каждого и весь народ, все государство за прегрешения вольные и невольные..."[31]

Это существенное смещение центра тяжести в русском христианстве в сторону Ветхого Завета отразилось и во взглядах на верховную власть. Тем же автором было показано, что «вообще каждый популярный, привлекавший симпатии своими социально-политическими и индивидуальными добродетелями, или непопулярный, отталкивавший своей "гордостью" и "высокоумьем" ("высокомысльством"), князь или царь приравнивался старорусскими литераторами прежде всего к еврейским царям и заметным фигурам библейской истории и только уже потом – к своим двойникам в сонме византийских басилевсов»[32].

Следует также согласиться с тем, что "концепция Москвы – Третьего Рима, делая русского великого князя наследником византийских императоров, ставила его в положение, не имевшее прямого прецедента в рамках византий-

---

[26] *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости: Сб. статей. М., 1987. С. 49.
[27] *Ефимов Н.И.* Русь – новый Израиль. Казань, 1912.
[28] Там же. С. 5.
[29] Там же. С. 47.
[30] Там же. С . 35–36.
[31] Там же. С. 48.
[32] Там же. С. 26–27.

inslav

ского образца. Концепция Москвы – Третьего Рима имела эсхатологический характер, и в этом контексте русский монарх как глава последнего православного царства наделялся мессианской ролью"[33].

Этот обзор стоит закончить тем, что, как уже говорилось, введение в церемониал поставления на царство, начиная с Ивана IV, наряду с коронацией, миропомазания «как бы придает царю особый харизматический статус: в качестве помазанника царь уподобляется Христу (ср. χριδτοζ – "помазанник")...»[34]

Реальность подобного взгляда и подобного понимания сущности верховной власти в России подтверждается, в частности, свидетельствами иностранцев. Так, например, голландец Исаак Масса писал в своих записках о России, что русские "считают своего царя за высшее божество"[35].

2. Разрыв между самопониманием верховной власти и существующей практикой управления государством.

Взгляд на верховную власть, который был описан выше, начал формироваться в XV в. и окончательно устоялся в середине XVI в. Грозный был первым русским царем, не просто глубоко воспринявшим весь комплекс идей и представлений, лежащих в его основе, но и целиком сформированный таким пониманием своей власти. Его знаменитая переписка с Курбским дает много ярких примеров того, насколько далеко к тому времени разошлись позиции Грозного и всего служилого сословия.

В свое время В.О. Ключевский коротко и остроумно охарактеризовал сущность этой переписки: «"За что ты бьешь нас, верных слуг своих?" – спрашивает князь Курбский. "Нет, – отвечает ему царь Иван, – русские самодержцы изначала сами владеют своими царствами, а не бояре и не вельможи"». Такое их полное непонимание друг друга, отсутствие какой бы то ни было общей базы для спора объясняется тем, что если Курбский остается в рамках вполне традиционных представлений о службе вассала сюзерену, то Грозный пытается придать своим отношениям с подданными и своей власти строго религиозный облик, сделать ее как власть Бога, неподсудной и не нуждающейся в защите и обосновании.

Переписка Ивана Грозного с Курбским свидетельствует о совершенно определенном "вымывании" светской составляющей верховной власти. Иван IV склонен трактовать измену Курбского себе не как измену вассала сюзерену, а как измену Богу и вере. Он ставит знак равенства между поведением Курбского и его отказом от вечного спасения: "Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда?"[36] Причем Грозным подчеркивается, что эта измена Богу есть нечто постоянное, совершенно не зависимое от личных человеческих качеств носителя верховной власти: "Не полагай, что это справедливо – разъярившись на человека, выступить против Бога; одно дело – человек, даже в царскую порфиру облеченный, а другое дело – Бог"[37].

Неповиновение монарху, а тем более прямая измена ему тем самым изымается из сферы возможного и допустимого. Ситуации, в которой измена может быть оправдана, не существует вовсе: "Если же ты, по твоим словам, пра-

---

[33] *Живов В.М., Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 5.

[34] *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья: Сб. статей. М., 1982. С. 202.

[35] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 68.

[36] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 123.

[37] Там же.

inslav

веден и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние?"[38] И далее: "Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивого владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни?"[39]

В основе такого понимания верховной властью самой себя лежала чрезвычайно жесткая логическая конструкция, предельно упрощающая взаимоотношения между Богом и царем, царем и его подданными, Богом и подданными царя: "Воззри... и вдумайся: кто противится власти – противится Богу..."[40] Эта схема, в свою очередь, была калькой с такого же упрощенного взгляда на мир, в котором единственное сохранившее истинную веру царство – Русь – со всех сторон было окружено разного рода иноверцами и еретиками.

Заключая изложенное в этом разделе, можно констатировать, что в середине XVI в. весь комплекс взаимоотношений, соединяющих верховную власть с подданными, перестает ее удовлетворять. Рассматривая себя как власть вполне религиозную, верховная власть должна была стремиться заменить традиционные узы, связывающие ее с подданными, узами, имеющими ту же религиозную природу, что и она сама, тем самым устранив возникшее противоречие. При очевидности и логичности самой идеи реальный путь построения новых отношений долгое время был неясен. Когда же образец был найден, события стали развиваться с поразительной быстротой.

Если религиозное понимание верховной власти складывалось в России медленно и постепенно, на протяжении веков, то "перевести" всю систему государственных отношений на религиозную основу Грозный пытается за считанные годы. Эта чрезвычайная ускоренность реформ связана с многочисленными заговорами, а также военными неудачами России, свидетельствовавшими не только о разложении старой государственной системы, но, главное, о том, что Бог отвернулся от своего избранного народа.

3. Верховная власть и Ливонская война. Нам представляется, что анализ, проделанный выше, позволяет с достаточной достоверностью реконструировать тот ход событий, который привел Грозного к идее учреждения в России опричнины, а также объяснить характер и смысл этого "странного" учреждения.

Вторая половина 1564 г., т.е. время, непосредственно предшествовавшее отъезду Грозного в Александровскую слободу и учреждению опричнины, это время, когда Грозный наиболее интенсивно занимался проблемами будущего политического устройства Ливонии, в частности, лично ведя переговоры с плененным русскими войсками магистром Ливонского ордена Фюрстенбергом. Неудачи русских войск на протяжении 1563–1564 гг. показали Грозному и его ближайшим советникам невозможность чисто военного присоединения Ливонии к России и потребовали разработки достаточно сложных дипломатических проектов будущего устройства и будущего характера связи между Ливонией и Россией. В окончательном варианте Иван IV "выдвинул проект восстановления распавшегося Ливонского ордена. Предполагалось, что восстановленный Орден будет находиться под протекторатом Русского государства. Великим магистром должен был стать пленный Фюрстенберг. В преемники ему назначался сын Г. Кетлера – Вильгельм"[41].

---

[38] Там же. С. 124.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] *Королюк В.Д.* Ливонская война. М., 1954. С. 60.

inslav

Вне всяких сомнений, разработка такого проекта была бы невозможна без изучения истории Ливонского ордена от момента его возникновения, без анализа взаимоотношений Ливонии со всеми ее соседями, а также без исследования вопроса о Тевтонском ордене, одним из правопреемников которого был Ливонский.

Идея вассальной зависимости от русского царства одного из последних официальных и владетельных наследников христианской власти на территории Палестины, без сомнения, должна была импонировать Грозному. Следует отметить, что иерусалимские короли, чьей надежнейшей военной опорой были военно-монашеские ордена и, в частности, Тевтонский, занимают в той схеме преемственности верховной власти (от Бога) промежуточное положение: израильские и иудейские цари святого народа и Святой земли – христианские короли Святой земли – русские цари новой Святой земли, нового святого народа. В контексте этого понимания признание Ливонским орденом своей вассальной зависимости от России означало одновременно и правопреемство русского великого князя по отношению к иерусалимским королям, и, следовательно, их приоритетные права на старую Святую землю и Иерусалим, на соединение под своей властью обеих Святых земель.

История военно-монашеских орденов, их решающая роль в поддержании и укреплении власти иерусалимских королей, их великолепные боевые характеристики не могли не натолкнуть Грозного на убеждение, что эти преимущества (в сравнение с обычным рыцарством) объясняются в первую очередь религиозным характером и теснейшим соединением в этих орденах военной и монашеской службы, невозможностью разорвать ее без утраты всякой надежды на вечное спасение. Военно-монашеские ордена должны были показаться Грозному идеальным решением всех стоящих перед ним проблем, идеальным способом организации военного сословия России – новой Святой земли. Воинство, в свое время созданное исключительно для защиты и распространения истинной веры, было именно тем, в чем нуждалась Россия. Записки иностранцев, описывающие жизнь в Александровской слободе – столице опричнины, а также, с одной стороны, те права и привилегии, а с другой – ограничения, которые налагались на опричников, рисуют картину, весьма схожую с бытом военно-монашеских орденов, естественно, с теми поправками, которые были детерминированы специфическими для России особенностями.

4. Устройство Опричного двора, организация и функционирование опричнины. Раздел хотелось бы предварить следующим: во все время существования опричнины для Грозного было характерно стремление к безусловному и очень резкому разделению мира опричнины и "обычного" мира. Это проявлялось отнюдь не только в дублировании большинства приказов и служб, отдельно и самостоятельно управляющих опричниной и земщиной, но, главное, в четко различимых и последовательных попытках Грозного изъять всю опричнину и каждого опричника из общего порядка вещей, сделать их как бы "не от мира сего".

Были разделены на опричную и земскую:

а) верховная власть (опричнина передавалась в личный удел великому князю, Московское же государство (земщина) должно было управляться Боярской думой);

б) территория государства (причем из уездов, взятых в опричнину, выселялись все дворяне, в нее не принятые). Кстати, похоже, что и военные походы Грозного на Тверь, Торжок, Новгород в 1570 г. и готовившийся поход на

inslav

Псков, были аналогом крестовых походов, на этот раз на Руси, в новой Святой земле. Страна была поделена на "верных" (опричнина) и "неверных" (земщина), и "неверных" следовало устрашить и покорить. Произошедшее несколько позже – в 1575 г. – при втором издании опричнины поставление во главе земщины царем служилого касимовского хана Симиона Бекбулатовича, т.е. прямого потомка властителей Золотой Орды – многовековых угнетателей нового "Израиля", должно было еще жестче подчеркнуть эту "неверность" земщины;

в) управление (большинство приказов были разделены, что сделало возможным практически независимое управление обеими частями государства);

г) финансы (каждая из частей государства имела свои собственные источники дохода);

д) судебная власть (она также была фактически разделена: по свидетельству Штадена вскоре после учреждения Опричного двора «великий князь послал в земщину приказ: "Судите праведно, наши (т.е. опричные. – *В.Ш.*) виноваты не были бы"»[42]. Источники единодушны в том, что как судьи так и дьяки во все время существования опричнины решали дела в соответствии с этой формулой);

е) запрет на личное общение между опричниками и земскими. Тот же Штаден писал, что "если у опричника были в земщине отец или мать, он не смел никогда их навещать"[43]. И дальше: "Я рассуждал тогда так: я хорошо знал, что пока я в земщине, я проиграю (всякое) дело, ибо все те, кто был в опричных при великом князе, дали присягу не говорить ни слова с земскими. Часто бывало, что ежели найдут двух таких в разговоре – убивают обоих, какое бы положение они ни занимали. Да это и понятно, ибо они клялись своему государю Богом и Святым крестом. И таких наказывал Бог, а не государь"[44]. Это свидетельство подтверждается двумя другими видными опричниками – Таубе и Крузе. Дворянин, вступающий в опричнину, по их сообщениям, клялся и целовал крест не только в верности государю, великой княгине и молодым князьям – наследникам Грозного, но также "не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего"[45];

ж) внешнее отличие опричных дворян от земских. "Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он (царь. – *В.Ш.*) обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья Базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях..."[46] А. Шлихтингу вторят Таубе и Крузе: "Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху"[47];

з) особый образ жизни опричников в Александровской слободе. Соединение в нем элементов монашеской жизни и жизни служилых дворян. "Великий князь каждый день встает к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают все ос-

---

[42] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М.; Л., 1925. С. 86.
[43] Там же. С. 93.
[44] Там же. С. 132.
[45] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 35.
[46] Новое известие о России времени Ивана Грозного. "Сказание" Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 27.
[47] Послание Таубе и Крузе. С. 38.

inslav

тальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их он называет братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью, или уединенную комнату. Равным образом и каждый из оставшихся уходит в свою, взяв с собой блюдо, ножик и фонарь; не уносить всего этого считается грехом. Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители..."[48]

Схожую картину рисует и другой источник: "Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят... Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытать или даже мучить до смерти безо всякой причины..."[49];

и) организационная структура Опричного монастыря. Распределение чинов в нем. Таубе и Крузе писали: "Этот орден (здесь уместно подчеркнуть, что ливонские дворяне, в отличие от русских, хорошо знакомые с такими образованиями, как монашеские ордена, ясно сознавали сходство с ними корпуса опричников. – *В.Ш.*) предназначался для совершения особенных злодеяний... Сам он (Иван Грозный. – *В.Ш.*) был игуменом, князь Афанасий Вяземский – келарем, Малюта Скуратов – пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни... Рано утром в 4 часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитемии. В этом собрании поет он сам со своей братией и подчиненными попами с четырех до семи"[50].

Теперь, прежде чем перейти от характеристики Опричного монастыря к заключающим статью выводам, хочется отметить, что обильно цитируемые выше записки иностранцев, рисующие жизнь в Александровской слободе, давно и хорошо известны историкам, выдержки из них можно найти практически в любой монографии, посвященной царствованию Ивана IV. Однако во всех этих работах Опричный монастырь используется, к сожалению, единственно как яркий пример особой извращенности царя. Лейтмотивом этого взгляда служат следующие слова А. Шлихтинга: "Как только он проделает это в течение нескольких дней (т.е. поживет жизнью монаха. – *В.Ш.*) и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек"[51].

В последнее время известный филолог и специалист по семиотике Б.А. Успенский попытался рассмотреть Опричный монастырь в другом ра-

---

[48] Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 27.
[49] Послание Таубе и Крузе. С. 38.
[50] Там же.
[51] Новое известие о России времени Ивана Грозного. С. 27.

inslav

курсе – в рамках некоего маскарада, "антиповедения", выражающегося "как в переряживании, так и в кощунственной имитации церковных обрядов"[52]. Ученый видит в опричниках "своего рода ряженых, принимающих бесовский облик и бесовское поведение"[53], и считает, что "опричный монастырь Грозного в Александровской слободе, – когда опричники рядятся в чернеческое платье, а сам царь называет себя игуменом этого карнавального монастыря, – по всей видимости, возникает под влиянием... святочных игр..."[54] Основанием для такого понимания опричнины Б.А. Успенскому служит, в первую очередь, сопоставление ее со Всешутейским собором Петра I. Вряд ли эта параллель оправдана. Если, как у современников Петра I, так и у его потомков равно не вызывало сомнений карнавальное, заложенное в самом названии шутовское назначение "собора", то в отношении опричнины ни в одном из источников нет даже намека на возможность ее "веселого" истолкования.

Подведем итоги. Как представляется автору, сделанный анализ позволяет прийти к следующим выводам. Во второй половине XVI в. многочисленные мнимые и реальные заговоры убеждают Ивана IV в ненадежности старых уз, связующих монарха и подданных, их несоответствии самой природе верховной власти в России. Стремясь разрешить это противоречие, Грозный пытается соединить в своих руках как светскую, так и религиозную власть и заново выстроить весь комплекс своих взаимоотношений с подданными, сделав измену ему не только изменой раба господину, вассала сюзерену, но и главное – изменой Богу и вере. Учреждение опричнины было попыткой организации части дворянского сословия России на началах военно-монашеского ордена (то же назначение, тот же путь формирования, те же юридические права и привилегии), подобного Тевтонскому и Ливонскому (царь – глава ордена, игумен опричного монастыря, опричники – монахи). К 1572 г. планы Грозного потерпели провал, идея эта была им оставлена и упоминание об опричнине запрещено под страхом наказания кнутом, но старая политика террора, которую историки именуют опричной, продолжалась и дальше.

---

[52] *Успенский Б.А.* Царь и самозванец. С. 213.
[53] Там же.
[54] Там же.

inslav

Г.В. Калашников

ЗАМЕТКИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ БУДУЩЕГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

В историографии как российской, так и зарубежной давно и прочно утвердилось представление о внуке Петра Великого – герцоге Хольштайн-Готторфтском[1] Карле Петере Ульрихе (в последствии российский император Петр III) как о человеке малообразованном. Рассказывая о детстве императора, проведенном в столице герцогства Хольштайн-Готорф – городе Киле – исследователи обычно отмечают, что отец – герцог Карл-Фридрих[2] – мало интересовался сыном и поручил его воспитание обер-гофмаршалу графу Отто фон Брюммеру, мрачному ветерану шведской кавалерии, который был маниакальным поклонником прусского милитаризма и все учение молодого герцога свел к бесконечной строевой муштре, причем малейшие ошибки карал жестокими телесными наказаниями. Реже называют имя второго воспитателя – камергера Фридриха Вильгельма фон Берхольца[3] (Bergholtz), а еще реже упоминают о том, что Брюммер и Берхольц периодически подавали герцогу (а после его смерти – официальному опекуну Карла Петера) отчеты о воспитании наследника[4]. Иногда сообщают и о том, что программа образования Петра III несколько раз менялась в зависимости от того, к принятию какого престола его готовили в тот или иной момент (Хольштайнского, Российского или Шведского), что среди прочего скверно сказалось на религиозном развитии юноши: воспитанный сначала в строгом северо-германском протестантизме, затем – в его шведском варианте, в 14 лет от роду он должен был принять православное крещение. В итоге Петр III не уважал ни одного из христианских учений и не обладал искренней верой[5].

Любая резкая оценка должна вызывать у историка если не настороженность, то, по крайней мере, вопрос об источнике. В нашем случае этот вопрос решается весьма просто и, в свою очередь, сразу ставит ряд новых вопросов. Главный источник сведений об образовании Петра III – источник, содержащий не только материал, но и его оценку – это знаменитые "Записки" его супруги – императрицы Екатерины II. Авторитет "Записок" настолько велик, что даже те исследователи, которые знали об отчетах Брюммера и Берхоль-

---

[1] В российской традиции родовое владение Петра III обыкновенно называется "Гольштейн" ("Гольштейн-Готторп"). Немецкое написание – Holstein-Gottorf – Хольштайн-Готторф.

[2] Герцог Карл Фридрих скончался 11 июня 1739 г. (по новому стилю) на 40-м году жизни, после чего 11-летний Карл Петер принял герцогский престол при регентстве до совершеннолетия своего двоюродного дяди – 29-летнего епископа Любекского Адольфа Фридриха (впоследствии – короля Швеции).

[3] В российской традиции – Бергольц, Берхгольц или Бергхольц. В пору пребывания герцога Карла Фридриха в России – камер-юнкер. Получил чин камергера в день рождения Карла Петера. Автор известного дневника о пребывании хольштайнского двора в России Петра Великого.

[4] *Hubner E.* Der gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik, 1741–1773. Neumünster, 1984. S. 41; *Pries R.* Das Geheime Regierungs-Conseil in Holstein-Gottorf, 1716–1773. Neumünster, 1955. S. 157.

[5] См. например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X, т. 23. С. 177–178; *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1997. Кн. 3. С. 181.

inslav

ца и имели к ним доступ, не пользовались ими, полностью полагаясь на сообщения Екатерины II[6].

Полагаем, что не нужно тратить много слов и времени, чтобы подчеркнуть давно известный тезис: "Записки" и другие собственноручные тексты Екатерины II если и можно использовать как фактографический источник, то только в вопросах никоим образом не связанных с Петром III. Напомним, что они писались узурпатором престола, убийцей, нелюбимой женой и величайшим лицемером. Писались во многом как оправдание собственных преступлений, как попытка доказать, что эти преступления необходимо было совершить если не для спасения, то хотя бы для блага государства. Ожидать, что в подобных записках личность жертвы – нелюбимого мужа, которого приходилось терпеть почти 15 лет, императора, у которого подданная отняла престол и жизнь, будет обрисована иначе, чем самым отталкивающим образом, абсурдно.

Возвращаясь к интересующему нас вопросу об образовании Петра III, отметим, что для Екатерины II, кичившейся своей эрудицией и реноме "просвещенной императрицы", было, конечно, весьма желательно представить потомству Петра III как альтернативу, от которой избавила Отечество попечительная матушка-государыня, ограниченным, ребячливым и тупоумным солдафоном.

Карикатурный интеллектуальный образ Петра III вызывал сдержанное недоумение некоторых историографов, но лишь покойный А.С. Мыльников приступил к изучению личности и деяний этого императора серьезно[7]. Подробнейшим образом рассмотрев российский период жизни Петра III, остановившись на его библиотеке, коллекциях, музыкальных, театральных и художественных увлечениях, А.С. Мыльников, однако, лишь вскользь коснулся начала обучения будущего Петра III, его школьных лет, прошедших в Хольштайне. Между тем, именно в детстве, в возрасте 9–12 лет человек получает базовый фундамент знаний, те основы, которые нередко определяют все последующее течение его интеллектуального развития. Отдавая дань самой признательной памяти А.С. Мыльникову, мы посмеем взять на себя скромную задачу несколько дополнить его труды и попытаться рассмотреть чему и как учили Петра III в его детские годы, каким багажом знаний и навыков он обладал, когда в 14-летнем возрасте был вытребован теткой – императрицей Елизаветой Петровной – в Россию и принял титул наследника Российского престола.

Благодаря организованной Институтом германистики и Институтом русской и советской культуры им. Лотмана (оба – при Рурском университете, г. Бохум, ФРГ) программе "Promotionskolleg Ost-West" (всем организаторам которой, особенно – докторам Франку Хофману и Ане Хартман, а также магистру Анне Ольшевской приношу самую искреннюю и сердечную благодарность), автору удалось провести несколько недель в гостеприимном г. Шлезвиг (ФРГ) и поработать в расположенном там Архиве Земли Шлезвиг-Хольштайн (Landesarchiv Schleswig-Hollstein – далее LASH). Глубокую признательность автор должен высказать директору LASH – доктору профессору Раймеру Витту и его сотрудникам, встретившим и принимавшим неизвестного им российского исследователя с непривычным для нас и потому особенно трогательным радушием и вниманием.

---

[6] *Hubner E.* Op. cit. S. 43; *Pries R.* Op. cit. S. 157.

[7] *Мыльников А.С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002. (Жизнь замечательных людей: Сер. биографий. Вып. 824.)

inslav

Среди документов LASH хранятся три дела, содержащих материалы о воспитании и образовании Петра III. Это годовые отчеты воспитателей Петра III о его обучении в 1739–1741 гг.[8] Документы охватывают период с января 1739 по октябрь 1741 г. – время, когда будущему императору было 10–13 лет. Систематическое обучение Карла Петера началось на год раньше – с января 1738 г., но материалов за 1738 г. нам обнаружить не удалось. Нужно отметить, что еще до 1738 г. наследник престола овладел немецкой грамотой и арифметикой, причем его почерк в немецких рукописях 1739–1741 гг. уже вполне сформировавшийся, далеко не детский, с выраженными индивидуальными особенностями.

Рассмотренные нами отчеты составлялись ежегодно перед Рождеством (т.е. в период 10–15 – 24 декабря каждого года) и представляли собой подведение итогов обучения наследника престола (с 1739 г. – герцога) за истекший год. Набор документов, составляющих отчеты, одинаковый для каждого года. В отчет входили:

1) титульный лист;

2) рескрипт воспитателей – Брюммера и Берхольца, – содержащий общий очерк обучения Карла Петера за год (2 л. – в 1739 г., по 3 л. в 1740–1741 гг.);

3) "Administraturliste"[9] – подробный, расписанный по неделям, табель уроков и занятий юного герцога, где для каждой недели помечалось, чем именно занимался ученик на уроках, какие явил успехи и как был за то поощрен, какие имел неудачи и как был за них наказан (8 л. – в 1739 г., по 9 – в 1740–1741 гг.);

4) расписание уроков (1 л.);

5) аттестаты по каждому из предметов, изучавшихся герцогом в течение года (составлялись учителями, преподававшими соответствующий предмет и включали общий очерк преподавания за год, описание результатов годового экзамена, и заключение учителя об успехах ученика по данному предмету) (от 2 до 8 л. каждый);

6) "экзаменационный рескрипт", подробно описывавший проведение и результаты годовых экзаменов герцога, проводившихся в те же предрождественские дни, когда составлялся отчет (5 л. – в 1739–1740 гг., 4 л. – в 1741 г.);

7) "окончательная промемория", фиксировавшая акт составления и утверждения отчета, подводившая итоги обучению и успехам в нем ученика за год и намечавшая план работы на будущий год (4 л. – в 1739–1740 гг., 3 л. – в 1741 г.).

Документы сложены в картонные папки середины XIX в.[10] и не сшиты. Листы не пронумерованы.

Отчеты составлялись для представления их официальному опекуну малолетнего герцога Хольштайнского – епископу Любекскому Адольфу Фридриху[11]. По не известным нам причинам, представление отчетов в 1739 и 1740 гг.

---

[8] LASH; Abt. 8.1: Schleswig-Holstein-Gottorfisches (Grossfürstliches) Geheimes Regierungs-Conseil zu Kiel, 1720-1773; № 1357, 1357[а], 1357[в]. Неполная копия отчета за 1741 г. (содержащегося в деле № 1357[в]), частично переведенная на русский язык, хранится в РГИА (Ф. 1329. Оп. 1. Д. 122).

[9] Буквальный перевод – "Административный список" (далее мы будем называть этот документ "администратур").

[10] На папках заглавие "Erzieung und Information des Prinzen Karl Peter Ulrich unter Leitung des Obermarschalls v. Brümmer und des Oberkammerherrn v. Bergholtz" (Воспитание и информирование (обучение) принца Карла Петера Ульриха под руководством обермаршала фон Брюммера и оберкамергера фон Берхольца) с показанием соответствующего года.

[11] Регент жил в Любеке, делами Хольштайна и, тем более, своего двоюродного племянника, интересовался в самой малой степени и за 1739–1741 гг. посетил Киль лишь однажды – в июне 1739 г. – был на похоронах герцога Карла Фридриха.

inslav

задерживалось до апреля месяца, поэтому на каждом документе отчета стоят две даты: дата его составления (декабрь) и вписанная позже другими чернилами и рукой дата подачи опекуну (16 апреля – в 1739 г., 22 апреля – в 1740 г.). Подписи под документами отчетов выставлены частично в декабре, частично в апреле; системы в том, когда какой документ подписан, не наблюдается. Отчет 1741 г. был составлен и подписан в декабре 1741 г. Отчет 1741 г., по-видимому, предназначался для демонстрации российской императрице, призвавшей Карла Петера и его двор в Петербург[12].

Все документы написаны от руки обыкновенной немецкой скорописью XVIII в., кроме отчетов учителя по французскому языку, писавшихся латиницей по-французски, и расписания уроков, написанного по-немецки, но строгой латиницей. Почерк в титульных листах, обоих рескриптах, администратурах, расписаниях уроков и промемориях – писарский, подписи оригинальные. Аттестаты писались и подписывались собственноручно соответствующими учителями.

Чернила везде, кроме расписания уроков и отчета учителя французского языка, коричневые ("орешковые"). Табель и отчет учителя французского языка, а также все подписи на всех документах, выполнены черными чернилами. Интересно, что для письма черными чернилами использовались особые перья, имевшие значительно более широкую заточку: толщина линий, проведенных черными чернилами, не менее чем в 3–4 раза превосходит толщину аналогичных линий, сделанных "орешковыми" чернилами.

В отчетах использовалась немецкая бумага, произведенная в Гамбурге и Любеке в 1736–1741 гг. Все документы имеют формат в половину листа. Текст размещался на лицевой стороне, на оборотах некоторых листов есть только краткие служебные пометы (имя писаря, даты). Текст рескриптов занимает половину страницы (левую), на правой свободной половине (в отчетах 1739 и 1740 гг.) имеется несколько кратких пометок и добавлений, сделанных рукой Брюммера.

Обратим внимание на расписание уроков. Все три расписания (за 1739, 1740 и 1741 гг.) существенно отличаются от других документов, входящих в отчеты. Бумага расписаний сильно выцветшая, а в верхних углах листов имеются сквозные круглые проколы. По всей видимости, расписания составлялись в начале года и прибивались к стене где-то на виду (вероятно, в учебных покоях Карла Петера), а затем, в конце года, снимались со стены и приобщались к отчетам. Расписания – это единственные документы в составе отчетов, на которых нет ни дат, ни подписей.

Помимо расписания уроков, в течение всего года постепенно составлялся и "администратур": для этой цели велась специальная книга, куда каждую субботу вносились соответствующие записи. Собственно "администратур" представлял собой сжатую копию с книги-еженедельника, сделанную специально для отчета.

Титульный лист, оба рескрипта и администратур подписывались Брюммером и Берхольцем. Аттестаты, как уже говорилось, соответствующими

---

[12] Это предположение подтверждается наличием в РГИА частично переведенной на русский язык копии отчета. Переводы датированы концом января – началом февраля 1741 г. – временем, когда Карл Петер и его двор находились на пути в Россию. Вероятно, воспитатели будущего Петра III придавали этим документам большое значение и собирались отчитываться ими перед Елизаветой Петровной. Однако на имеющейся в РГИА копии отчета нет никаких помет, а перевод не закончен – вероятно, российская императрица не проявила интереса к представленным Брюммером и Берхольцем материалам.

inslav

учителями. Итоговая промемория – Берхольцем, всеми учителями, тремя-четыремя придворными Хольштайнского двора и ниже всех подписей ставилась окончательная утвердительная подпись Брюммера.

В течение всех трех лет Карлу Петеру преподавались следующие науки: богословие; латинский язык; французский язык; история; география; юриспруденция; танцы.

Кроме того, в программу входили фехтование и верховая езда, но уроки по этим предметам проводились нерегулярно и только в качестве награды за успехи в основных науках. На 1741 г. было запланировано обучение геометрии и артиллерии, однако занятия так и не начались: в итоговой промемории отчета 1740 г. указывалось, что преподавание начнется только в том случае, если ученик заслужит право на него успехами в латыни и юриспруденции. В течение года герцог не смог удовлетворить требования своего наставника в названных предметах, и учитель геометрии и артиллерии остался без работы.

Учителя будущего Петра III не менялись в течение всех трех лет. Богословие и историю преподавал оберконсистор Киля и Хольштайна доктор богословия Фридрих Хофеман. Французский язык – профессор Жак Миле. Латынь и юриспруденцию – юстиц-советник Люсьен Жюль. Географию – профессор Эвальд Эбевольде. Танцы – танцместер Холштайнского двора Карл Дюмени. Фехтование – лейтенант Франк Бизетти. Верховую езду – капитан герцогской гвардии Эрхард-Фердинанд фон Бонберг. Для преподавания геометрии и артиллерии был выписан из Берлина подполковник артиллерии прусской службы риттер Торстен фон Хольц.

Учебный день Карла Петера начинался в 9 часов утра. Без перерывов шли три часовых урока: с 9 до 10 час. – французский; с 10 до 11 час. – богословие; с 11 до 12 час. – латынь. Далее следовал обед, послеобеденный отдых, прогулка и свободное время, после которого в 3 часа дня снова начинались уроки: с 3 до 4 час. – танцы; с 4 до 5 час. – история; с 5 до 6 час. – география или юриспруденция (чередовались через день). Уроки по верховой езде, если они позволялись герцогу, проводились утром – с 7.30 до 8.30, по фехтованию – в середине дня, после занятий по латыни (с 12 до 1 час.). Геометрию и артиллерию предполагалось давать с 11 до 12 час. дня – сначала через день, чередуя с латинским языком, а затем ежедневно вместо латыни.

Все уроки проводились в герцогском замке, где при покоях Карла Петера специально был оборудован "классный кабинет". Для танцев и фехтования ученик являлся в "бальный зал" замка. Вне герцогской резиденции проходила только верховая езда – на плацу гвардейского драгунского полка.

Занятия шли ежедневно, кроме воскресений, а также Пасхальной недели, Рождества (с 25 декабря по 1 января) и страстной пятницы. Никакие обстоятельства, кроме болезни герцога или приезда в Киль "знатных особ владетельного достоинства", не служили основанием для отмены уроков[13]. В 1739–1741 гг. "знатные особы" в Киль не приезжали, а по болезни Карла Петера освождали от учебы лишь дважды: на три дня в марте 1739 г. и на четыре дня в феврале 1740 г. В те дни, когда юному герцогу приходилось, исполняя свои государственные обязанности, присутствовать на церемониях и богослужениях, он должен был оставаться без обеда, посвящая этим делам перерыв с полудня до трех часов дня.

---

[13] В том числе даже такие, как смерть отца, собственный день рождения и вступление на герцогский престол, дни поминовения родителей: во все эти дни уроки велись в обыкновенном порядке.

inslav

Воскресенья также использовались для обучения: в эти дни Карл Петер обязательно посещал службу в городском соборе, и, если в течение недели он занимался успешно – полуденный развод караула. С 3 до 5 часов дня герцог совершал прогулку, во время которой его сопровождал один из учителей, обязанный вести нравоучительные беседы в области своего предмета. Воскресными вечерами в замке иногда (не чаше двух–четырех раз в год) устраивались балы и увеселения, на которых присутствовал юный герцог (но только до 9 час. вечера, после чего он должен был отправляться в постель).

За 1738 г., о котором у нас нет сведений, юный герцог успел получить начальные сведения по всем предметам, так что начиная с 1739 г. он развивал и углублял свои знания.

Во французском языке в 1739 г. Карл Петер занимался заучиванием и декламацией стихов (в конце года также и прозы) и изучением правил грамматики. 1740 год был посвящен овладению французским письмом: профессор Миле поручал ученику ежедневно писать небольшие (от трети до листа почтового формата) сочинения (частью в виде писем к учителю, конкретным или вымышленным особам, частью в виде изложений, а в конце года – в виде кратких сочинений на нравственные, бытовые и военные темы), по составлении которых учитель и ученик вместе разбирали ошибки, затем герцог переписывал сочинение набело и, прочитав его раз или два про себя, должен был повторить вслух по памяти. В 1741 г. основное внимание уделялось разговорной речи: ученик в начале урока должен был прочесть про себя предложенный учителем текст (частью – из книг, частью – специально написанный профессором Миле), после чего велось обсуждение этого текста на французском языке, а в конце урока составлялся список основных тезисов разговора. Кроме того, два дня в неделю посвящались письменным переводам: по вторникам – с немецкого на французский, по пятницам – с французского на немецкий.

Профессор Миле, судя по всему, был талантливым педагогом и любимым учителем герцога. Во французском языке Карл Петер делал быстрые успехи. К моменту приезда в Россию (начало февраля 1742 г.) будущий Петр Федорович по оценкам современников владел французским языком свободно и в программу его обучения в России французский язык уже не вводился. За три года профессор Миле ни разу не наказал своего ученика, а в еженедельных сводках, зафиксированных "администратуром", постоянно проставлял одну и ту же помету "его Высочество, явив достойное прилежание и усердие, на нынешней неделе учения своего весьма достоин награждения". Годовые экзамены по французскому герцог постоянно сдавал на отлично и с поощрением[14].

---

[14] Наставник Петра Федоровича в России в 1740-х годах Я.Я. Штеллин в своих записках о бывшем ученике характеризует его знания во французском языке весьма уничижительно: "Молодой герцог, кроме французского, не учился ничему; он начал в Киле учиться по-французски у старшего учителя, но, имея мало упражнения, никогда не говорил хорошо на этом языке и составлял свои слова" (цит. по: *Мыльников А.С.* Указ. соч. С. 385.) Данное указание представляется странным. Во-первых, учил герцога не старший учитель, а профессор. Но это не столь важно как то, что, во-вторых, известны многочисленные автографы Петра III на французском языке (в том числе обширная переписка), датируемые 1740–1762 гг., написанные собственноручно, свободно и почти без ошибок. В библиотеке великого князя более трети книг было на французском языке. По многочисленным свидетельствам современников, в обиходе Петр III также охотно пользовался французским языком. Между тем в России Петра Федоровича французскому языку не учили и даже не ставили вопрос об определении к нему наставника в данном предмете. Следовательно, знания в этом языке получены Петром III в детстве и если и были позднее усовершенствованы в России, то лишь незначительно, посредством чтения и разговорного общения. Из этого следует, что замечание Я.Я. Штеллина либо ошибочно, либо его надо понимать так, что Петр Федорович свободно владея французской грамотой и письменностью, недостаточно грамотно пользовался французским в устной речи.

inslav

Совсем иначе складывались у Карла Петера отношения со вторым изучаемым языком – латынью. Преподававший этот предмет юстиц-советник Жюль не обладал, по-видимому, ни педагогическим даром, ни терпением профессора Миле. В течение всех трех лет занятия по латинскому языку строились по одному и тому же сценарию: в начале урока – заучивание грамматических правил или списков латинских слов (иногда – повторение наизусть ранее заученных), и затем – письменный перевод латинских текстов. Для перевода выбирались книги, мало подходящие для 11–13-летнего мальчика: речи Цицерона (1739), Тит Ливий, юридические сочинения (1740) и Библия (1741). Полагая Библию (с которой Карл Петер был хорошо знаком по немецким текстам) слишком простым заданием, учитель Жюль заставлял герцога переводить ее не на немецкий, а на французский язык. Оценка итогов урока подводилась формализованно просто: если в переведенном с латинского тексте (обычно – объемом от половины до целого листа почтовой бумаги) было пять ошибок – результат считался неудовлетворительным и "администратур" фиксировал резолюцию учителя: "Его Высочество достоин наказания". Такая резолюция проставлялась в среднем два раза в три недели, и нередко еще ужесточалась: "достоин весьма строгого наказания"; "достоин жестокого наказания"; "достоин телесного наказания".

Будучи в России, Петр III не раз говорил о своей ненависти к латыни, не допускал латинских книг в свою библиотеку и неоднократно жаловался приближенным на своего бывшего учителя-латиниста. Действительно, уроки советника Жюля были невыносимо скучны и сложны, а сам учитель – жесток и мстителен. О его натуре красноречиво свидетельствует тот факт, что Жюль был единственным из учителей, кто лично присутствовал при исполнении телесных наказаний, назначавшихся юному герцогу (это зафиксировано "администратуром"). Тем не менее латинским языком Карл Петер овладел. На экзамене 1741 г. он должен был перевести с латыни на французский три страницы печатного юридического трактата, каждая из которых была форматом в половину листа и набрана убористым шрифтом. Перевод составил 17 рукописных страниц (также форматом в поллиста) и 13-летний герцог провел в работе над ним 14 часов (с 8 утра до 10 вечера), будучи все это время в одиночестве заперт в "классном кабинете". За время экзамена в кабинет был лишь трижды допущен камердинер, подававший Карлу Петеру стакан воды и убиравший "необходимую вазу". В итоговом тексте перевода учителем было найдено 32 ошибки. Экзамен оценили как "сданный недостойно", однако посмотрим на это с позиций нашего времени. Много ли найдется в современном мире 13-летних детей, способных повторить достижение юного герцога Хольштайнского и перевести за день 17 рукописных страниц с одного неродного языка на другой?

Советник Жюль преподавал Карлу Петеру не только латынь, но и юриспруденцию. Занятия эти происходили через день и давались будущему императору так же тяжело, как и древний язык. Всю юриспруденцию Жюль свел к изучению римского права, а на уроках заставлял ученика читать и зазубривать наизусть юридические трактаты, написанные на латинском языке. Неудивительно, что в юриспруденции герцог не показал больших успехов. Каждую третью-четвертую неделю, в которую изучалась юриспруденция, в "администратуре" появлялась заметка учителя о желательности наказать ученика. Экзамены за 1739 и 1740 гг. Карл Петер сдал плохо, и только в 1741 г., когда, помимо римского права, Жюль провел с ним несколько занятий, посвященных изучению государственного строя современных герман-

inslav

ских и скандинавских стран, удостоился экзаменационной оценки: "по классическому праву как прежде посредственно, относительно же устройства нынешних государств Его Высочеством показано изрядное знание".

Прямую противоположность латыни и юриспруденции составляли успехи Карла Петера в области географии. Профессор Эбевольде хотя и был строгим учителем и неизбежно предписывал наказание за малейшую провинность, но все же сумел сделать свой курс интересным и полезным. В 1739 г. герцогу преподавались основы физической географии: первичные понятия о сторонах света, гидрографии и рельефе, климате, зависимости плодородия почв и животного мира от географического положения местности; некоторые сведения о сельском хозяйстве, флоре и фауне северной Германии. Затем было начато изучение простейших географических карт. В 1740 г. Карл Петер изучил начальные знания о земном шаре, строении Вселенной, о сети географических координат, освоил применение компаса, изучал карты мира, начертания и основные характеристики материков, сделал первые шаги в искусстве копирования карт, узнал об основных физических свойствах народов, живущих на разных континентах, об азах астрономии. В 1741 г. герцог изучал политическую географию Европы (разбираемую подробно по странам), учился рисовать начертания и главные географические объекты основных стран по памяти, постигал транспортную географию и получил некоторые сведения о далеких краях Африки и Азии. Особенно подробно преподавались политическая и физическая география Дании, Швеции и России – стран, с которыми впоследствии могла быть связана судьба герцога.

Экзамены по географии Карл Петер всегда сдавал успешно. Нарекания же, которые он получал от профессора Эбевольде в основном происходили от неаккуратности или невнимания (например: "Изображая начертание Европы, изволил Его Высочество, посреди Франции поставить с пера большую кляксу, почему может быть несколько наказан"[15]; "Слушая про течения рек Рейна и Эльбы Его Высочество был отвлечен игравшей во дворе замка музыкой, почему выслушанной лекции повторить в главных терминах без важных ошибок не сумел"[16]).

Отношения Карла Петера с учителем богословия и истории Хофеманом складывались достаточно ровно. На уроках богословия юный герцог занимался изучением катехизиса и Евангелия, заучивал молитвы и избранные протестантские гимны. В 1740 г. приступил к последовательному чтению Библии на немецком языке, причем к каждой прочитанной главе наставник давал подробный комментарий. В 1741 г., помимо продолжения чтения Библии и изучения гимнов, Хофеман дал Карлу Петеру несколько уроков, разъясняющих различия между лютеранством и другими основными христианскими вероучениями – римско-католическим, русско-православным и кальвинистским (с указанием особенностей его голландского и французского вариантов). В течение 1740–1741 гг. к урокам богословия иногда приглашался органист городского собора Йохан Штуббе, под аккомпанемент которого герцог учился пению религиозных песен. Интересно, что в "администратур" отмечено, что уроки с участием органиста проходили всегда особенно успешно, и Карл Петер запоминал слова и мелодии гимнов после всего двух-трехкратного повторения. Наказаний за неуспеваемость по богословию юный герцог почти не получал, а годовые экзамены сдавал хотя и без блеска, но уверенно.

---

[15] LASH. Abt. 8.1. № 1357. Administraturliste.
[16] Ibid. № 1357b. Administraturliste.

inslav

Уроки истории строились по хронографическому принципу. В 1738 г. Карл Петер изучал священную историю от сотворения мира до образования античных государств. 1739 и 1740 годы были посвящены античной истории, главным образом римской. В 1741 г. Хофеман перешел к истории Европы (пользуясь современной терминологией, от средних веков до нового времени). В целом, история преподавалась бессистемно. Хофеман, видимо, плохо владел предметом, и обучал ученика тому, что накануне смог почерпнуть из прочитанной книги. Так, например, правление Юлия Цезаря изучалось в ноябре 1739 г., а греко-персидские воины – лишь в марте 1740; разделение Римской империи – в январе 1740, а образ правления и государственное устройство древней Спарты – в июле того же года. Историю Европы Хофеман пытался давать по существующим на первую половину XVIII в. государствам – начал с Франции, историю которой вел от Империи Карла Великого и давал крайне неровно. В апреле перешел к Священной Римской империи, в мае занялся крестовыми походами, в июне дал несколько уроков по истории Испании, а затем без всякой связи снова вернулся к Священной Римской империи, о которой в целом рассказ не получался и разбивался на многочисленные повествования об отдельных войнах и германских государствах. К концу 1741 г. Хофеман успел довести повествование лишь до XV – начала XVI вв.

Вероятно, из-за неровного преподавания и неподготовленности учителя, Карл Петер усваивал историю плохо. Некоторые успехи он делал лишь в интересных для всякого нормального мальчишки вопросах античных и средневековых войн. Экзамен за 1739 г. он сдал "посредственно", за 1740 г. – "с малым успехом", за 1741 г. – плохо. Интересна форма проведения экзамена по истории. Накануне экзамена Хофеман объявлял в заседании воспитателей и учителей тему экзамена и представлял написанное им самим сочинение по данному вопросу. На экзамене Карлу Петеру задавалась тема и он, запертый в одиночестве в своем кабинете, должен был изложить ее письменно (в 1739 г. 11-летний герцог трудился над работой полтора часа, в 1740 и 1741 гг. – по два). Затем сочинение герцога сверялось с текстом его учителя, и за каждое фактическое расхождение между ними Карлу Петеру присуждался штрафной балл. 12 баллов означало, что экзамен не сдан. При объеме экзаменационной работы в три-пять страниц (формат в половину листа, текст на правой половине) в 1739 г. герцог получил 9 штрафных очков, в 1740 г. – 7, в 1741 г. – 11.

Несмотря на невысокие успехи в истории, понедельные пометы Хофемана в "администратур" в большинстве своем положительные. Наказаний на уроках истории герцогу не назначалось ни разу.

Зато учение танцам было для Карла Петера истинной мукой. Танцмейстер Дюмени то ли ничего не понимал в своем деле, то ли не терпел воспитанника, то ли был ограничен в своих педагогических предприятиях особым предписанием. За три года Карл Петер разучил только три танца – менуэт в 1739 г., контраданс в 1740 г. и церемониал в 1741 г. И это при том, что занятия по танцам проводились ежедневно. В уроках, кроме учителя и ученика, неизменно принимали участие еще три особы: флейтщик полка лейб-гвардии Ханс Карш и две придворных дамы – баронесса Кирстен-Элизабет фон Ливен и юнг-фрейлина Анна Фетсброхен. Флейтщик обеспечивал музыкальное сопровождение, а дамы должны были составлять пары для кавалеров, роль которых исполняли танцмейстер и герцог. Постоянной партнершей Карла Петера была баронесса Ливен, которая в 1739 г. была 43-летней вдовой, посто-

inslav

янно носившей глубокий траур[17]. Представим, что должен был чувствовать 11–13 летний Карл Петер, изо дня в день вынужденный по целому часу повторять под свист солдатской флейты надоевшие фигуры одного и того же танца в паре с дамой, годившейся, по понятиям того времени, ему в бабушки. Будучи в России, Петр Федорович откровенно не терпел танцев и по возможности в них не участвовал к вящей досаде августейшей тетки и молодой супруги. Неудивительно, однако, что занятия танцмейстера Дюмени вселили в будущего российского императора пожизненную ненависть к танцам. Ведь помимо угнетающей скуки, Карл Петер еще и постоянно получал наказания, а в конце года должен был сдавать унизительный экзамен – в присутствии всех своих воспитателей, учителей и некоторых придворных танцевать выученный танец под неизменную флейту Карша и все с той же баронессой фон Ливен в паре. Взыскательная комиссия все три раза признала экзамен выдержанным, но мастерство юного герцога весьма посредственным.

Уроки фехтования и верховой езды доставались Карлу Петеру в качестве награды, что, вероятно, говорит о том, что герцогу они были приятны. Действительно, сложно вообразить себе мальчишку, который без удовольствия практиковался бы во владении шпагой и езде верхом. Фехтование, как видится, действительно было любимым уроком. Решения о дозволении или недозволении юному герцогу упражняться с оружием принималось по субботам, и если за ушедшую неделю успехи в обучении другим предметам были достаточно хороши, то фехтование преподавалось в течение всей следующей недели. В 1739 г. Карл Петер занимался фехтованием 16 недель, в 1740 г. – 18, в 1741 г. – 21.

В 1739 г. учителю фехтования лейтенанту Бизетти было позволено упражняться со своим учеником только на деревянных шпагах. В 1740–1741 гг. использовались уже укороченные стальные шпаги, но со спиленным концом клинка и затупленными лезвиями. В связи с введением стальных шпаг в 1740 г. для Карла Петера был заказан защитный костюм: нагрудник из воловьей кожи, кожаные перчатки с крагами и кожаный шлем с наличником из стальной проволоки. Инструкции Брюммера – старого офицера и дуэлиста, знавшего толк в фехтовальном искусстве – предписывали герцогу всегда упражняться только в полном "доспехе", однако лейтенант Бизетти придерживался на этот счет другого мнения. Брюммер, неоднократно лично проверявший как идут уроки "шпажного мастерства", только в 1740 г. более 30 раз заставал Карла Петера сражающегося со своим учителем в одной рубахе. Брюммер требовал наказать герцога, но лейтенант Бизетти всегда брал вину на себя, утверждая что он заставил Карла Петера снять кафтан с камзолом и не одевать защитного снаряжения едва ли не силой. Педантичный Брюммер всякий раз аккуратно штрафовал Бизетти на 1 талер.

Со второй половины 1740 г. Бизетти начал приводить на уроки Карла Петера его сверстников – 12–13-летних дворян, числившихся солдатами в хольштайнских войсках. Упражняясь с ними, юный герцог непременно бывал одет в полные "доспехи". Его партнеры носили такие же. Вероятно, эти уроки были самыми приятными мгновениями печального детства Карла Петера, но продолжались они недолго. Первые занятия с партнерами-сверстниками герцог имел во вторую неделю октября 1740 г., а под новый год комиссия его учителей в итоговой промемории зафиксировала: "От упражнений Его Высо-

[17] В Музее Земли Шлезвиг-Хольштайн в г. Шлезвиг (зал № 25) экспонируется ее портрет, написанный в 1741 г., на котором баронесса изображена пожилой, суровой и весьма дородной дамой.

inslav

чества с товарищами в фехтовании не имеется полезного действия, напротив же делается сильный шум и возбуждение, вследствие которых ко времени обеда Его Высочество бывает разгорячен, не прибран, излишне оживлен, подвержен смеху и отвлекается за столом многими страстными рассказами, что весьма скверно отражается на аппетите Его Высочества, каковой симптом внушает камер-медику господину Спарре основательные опасения относительно вреда здоровью, который возможен вследствие недостаточного питания Его Высочества и употребления Его Высочеством пищи в неспокойном состоянии, из-за чего постановлено названные уроки, не принимая противного мнения господина лейтенанта Бизетти, в будущем году для Его Высочества более не устраивать"[18].

Ежегодных аттестаций в фехтовании не проводилось. Воспитатели довольствовались лишь докладом лейтенанта Бизетти, всегда, как на докладе, так и в еженедельных записях в "администратур", характеризовавшего своего ученика и его достижения лишь на отлично.

Хуже обстояло дело с верховой ездой. Капитану фон Бонбергу была дана инструкция, составленная лично кавалеристом Брюммером, исполнение которой превращало уроки в тяжелое испытание для юного герцога. Для обучения Карла Петера было приказано использовать строевых драгунских лошадей, отбирая из них самых молодых и горячих нравом, дабы "Его Высочество от самого начала упражнений своих получал понятие о сложной лошади и не получил вредной привычки к покорному повиновению лошади, от чего многие молодые люди не смогли сделаться хорошими наездниками"[19]. Драгунские лошади готторфской породы славились в то время на всю Европу[20]. Это были очень крупные, сильные кони злобного и непокорного нрава[21]. В российской кавалерии существовала специальная инструкция, согласно которой новоповерстанный рекрут-кирасир должен был три года обучаться езде и обращению с конем на лошадях другой породы, и только на четвертом году службы (т.е. в возрасте 22–24 лет) получал готторфского скакуна[22].

В 1739 г. Карлу Петеру было всего 11 лет, но ему пришлось садиться на лошадь готторфской породы, да еще – по специальному приказанию Брюммера – без седла и стремян. Неудивительно, что капитан Бонберг отказался от обучения герцога быстрым аллюрам и все занятия свел к езде по кругу тихим шагом в специально выгороженном на драгунском плацу манеже. Сам Бонберг постоянно ехал верхом рядом с Карлом Петером. Кроме того, в манеже находился берейтор, а вокруг изгороди стояли – пешие и верхами – 13 драгун, определенных по наряду и назначенных сдерживать лошадь герцога, если она понесет или перестанет слушаться. Только во второй половине 1741 г. Бонберг отважился дать несколько уроков мелкой рысью. Одновременно он просил, чтобы герцогу было позволено пользоваться седлом, без чего обучение крупным аллюрам было по-настоящему опасно, но получил отказ[23].

Итак, вместо романтической картинки счастливого юного владетеля, на раннем рассвете несущегося на легком коне по аллеям дворцового парка, мы

---

[18] LASH. Abt. 8.1. № 1357a. Endlihe Promemorie.

[19] Ibid. № 1357. Endlihe Promemorie.

[20] В частности, именно их закупали в царствование Анны Иоанновны для создания первых российских кирасирских полков.

[21] О лошадях готторфской породы см.: *Зянин В.Г.* История коневодства и конских пород в России за 300 лет, 1597–1897. М., 1897. С. 279–292.

[22] РГВИА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 117 ("Екзерциция конна, 1730"). Л. 7.

[23] LASH. Abt. 8.1. № 1357b. Administraturliste.

inslav

видим в сером утреннем тумане испуганного мальчика, трясущегося на огромной злобной лошади и уныло наматывающего круг за кругом в окружении наставника и 13 драгун, не сводящих глаз с несчастной фигурки маленького всадника.

В российский период своей жизни Петр Федорович не любил верховой езды и, как отмечали современники, боялся лошадей. Совершенно неудивительно, если знать как обучали его кавалерийскому искусству в годы его детства. Единственным утешением для Карла Петера было то, что уроки капитана Бонберга происходили редко (в 1739 г. – 11 недель, в 1740 г. – 8 недель, в 1741 г. – 14 недель), а сам учитель был снисходителен к ученику и всегда аттестовал его только на отлично.

Завершая обзор того, чему учили герцога Хольштайнского, мы должны упомянуть еще три фигуры. Во-первых, это советник оберконсистории Франц Йохан Хан, заменявший доктора Хофемана в преподавании богословия и истории во время частых болезней главного учителя. Бывали недолгие (по 2–3 недели) периоды, когда больной или оправляющийся от болезни Хофеман вел для герцога только утренние уроки богословия, а историю вечером преподавал Хан. В 1740 г. Хан даже подписал годовой аттестат Карла Петера по истории (хотя экзамен проводил Хофеман). Самостоятельно ли готовился к урокам Хан или только исполнял указания Хофемана из рассмотренных документов неясно. Однако бросается в глаза строгость (если не придирчивость) Хана – почти за всякую неделю, в течение которой он вел уроки, в "администратур" вписывалась отрицательная оценка и рекомендация о наказании.

Вторая персона, имевшая отношение к образованию Карла Петера, это статский советник фон Гольдбах, все три года исполнявший роль его "главного учителя". В чем конкретно заключались педагогические функции Гольдбаха – неясно. Вероятно, он отбирал учителей и составлял программу занятий. Однако в 1739–1741 гг. Гольдбах в процесс обучения никак не вмешивался, ограничиваясь лишь присутствием на советах и экзаменах, подписывая необходимые документы. Только в августе 1741 г. Гольдбах вдруг явил учительское рвение и провел для Карла Петера два урока по "политике" (даны самые начальные сведения о государственных финансах), но на этом его пыл иссяк и, вероятно, задуманный курс "политики" был отложен до лучших времен.

Наконец, третья фигура, сыгравшая роль в образовании Петра III, это его второй воспитатель – камергер Берхольц. В занятиях Берхольц участвовал только в 1741 г., когда по просьбе учителя географии профессора Эбевольде в течение трех недель рассказывал герцогу о географии, населении и государственном устройстве Российской империи. Если его рассказы были так же информативны и основательны, как опубликованный много позже дневник, то не приходится сомневаться, что оказавшись в России Карл Петер должен был быть благодарен своему камергеру за науку.

В целом же, Петру Федоровичу было нелегко благодарить своих воспитателей. Ведь именно они (Брюммер и Берхольц) еженедельно по субботам решали столь важный для каждого ребенка вопрос – о наказании или поощрении за успехи в учебе на прошедшей неделе. И в подавляющем большинстве случаев мнение воспитателей склонялось к наказанию.

Как же наказывали и поощряли юного герцога? Начнем с поощрений. "Администратуры" фиксируют следующие разновидности наград:

1) разрешение заниматься на следующей неделе фехтованием и верховой ездой;

2) разрешение посетить воскресный развод караула в качестве зрителя;

inslav

3) разрешение приобрести в воскресенье или получить в подарок новую игрушку (только одну! – чаще всего это были коробочка с пятью оловянными солдатиками или какая-нибудь военная игрушка: барабан, шпага, предмет формы и т.п.);

4) разрешение присутствовать в воскресенье на концерте в замке;

5) разрешение совершить в воскресенье после богослужения прогулку по городу;

6) разрешение участвовать два раза в течение будущей недели в строевых занятиях пехотного полка гвардии, где герцог числился майором, и в будущее воскресенье лично принять участие в разводе караула.

Все эти поощрения, в общем, составляли известную шкалу (от первого, как самого низшего, к последнему – высшему). Обычно следующее поощрение разрешалось только после предыдущего. Поскольку Карл Петер почти каждую неделю получал скверные оценки от учителя латыни и юриспруденции, ему редко выпадала удача получить награду выше разрешения наблюдать развод караула. Новую игрушку герцогу позволяли приобрести (за свои карманные деньги) не чаще чем раз в месяц. А удовольствие поиграть в войну "по-настоящему" – участвовать в строевых занятиях своего полка и разводе караула – за три года выпадало Карлу Петеру всего четыре раза.

Подобно поощрениям, наказания также распределялись в определенном порядке:

1) лишение десерта на воскресном обеде или на всю предстоящую неделю;

2) недозволение занятий фехтованием и верховой ездой;

3) запрещение играть в игрушки в течение следующей недели (назначался специальный камердинер, который должен был собрать все игрушки в покоях герцога и запереть их на замок в особом чулане);

4) уничтожение некоторого количества игрушек на глазах герцога;

5) принуждение герцога провести воскресный день (кроме выезда в церковь) в позорном колпаке;

6) заточение босиком и в одном нижнем белье с вечера субботы и до утра понедельника в "малой капелле" на хлеб и воду;

7) телесное наказание: "легкое" – постановка на колени на два-четыре часа, "ординарное" – постановка с обнаженными ногами на колени на горох от получаса до двух часов, и "жестокое" – наказание розгами.

В отличие от наград, наказания применялись широко и часто. При этом, если грехов за неделю накопилось много, то назначалось и несколько наказаний одновременно – от первого в списке, считавшегося самым легким, к последующим, в зависимости от тяжести вины. Без десерта Карл Петер оставался почти постоянно (при этом десерт за обедом подавался и герцог должен был оставаться за столом, глядя как другие едят сладкое). Без фехтования будущий император пребывал каждую вторую неделю и чаще, верховая езда доставалась ему реже чем через две недели на третью. Запрещение играть в игрушки выходило, в среднем, через неделю, а в 1740 г. значительно чаще. Ужасному для ребенка, может быть, много более страшному, чем голод, унижение или боль, было наказание уничтожением игрушек Карла Петера (27 раз за три года). В этом случае герцога вели к камину, камердинер приносил игрушки и бросал их в огонь. Мальчик должен был стоять и смотреть, пока игрушки совершенно не погибнут в пламени. Позорный колпак Карлу Петеру пришлось носить 22 раза в 1739 г. и 13 раз в 1740 г. В 1741 колпак не использовался. Под арест Карл Петер попадал в 1739 г. 7 раз, в 1740 г. – 6, в 1741 г. – 12 раз. Здесь нужно добавить, что "малая капелла" в Кильском зам-

inslav

ке располагалась в полуподвальном помещении с маленькими окнами в темный двор и никогда не отапливалась[24]. Даже летом там было сыро и холодно, а каково приходилось полураздетому Карлу Петеру зимой – оставляем судить читателю. Добавим, что в случае ареста юный герцог лишался воскресного посещения богослужения в городском соборе.

Наконец, телесные наказания. Пороли Его Высочество редко. В 1739 г. – ни разу, в 1740 г. – четырежды (причем в октябре месяце три недели подряд), и в 1741 г. – дважды. Три раза давали по 20 ударов, один раз – 30, один раз – 35 и два раза (в 1741 г.) – по 40. Обставлялась церемония порки самым торжественным (и потому, вероятно, особенно тягостным для мальчика) образом. В одном из парадных залов замка в 8 часов вечера в субботу собирались оба воспитателя, камер-медик, все желающие придворные и учителя (из учителей присутствовал всегда только Жюль, придворных приходило по два-пять человек). Являлись два барабанщика и два флейтщика полка лейб-гвардии. Герцога вводили под барабанный бой в сопровождении сержанта. Брюммер зачитывал акт о назначении наказания. Затем Карл Петер должен был самостоятельно раздеться до гола и лечь на лавку лицом вниз. Два солдата держали наказываемого: один – за щиколотки, второй – за кисти рук, вытянутых над головой. Появлялся палач – тоже солдат, но с закрытым маской лицом – и приносили розги. По знаку Брюммера барабаны и флейты начинали играть марш, а палач приступал к своему делу. После каждых десяти ударов пучок розг заменялся свежим. Считал удары Брюммер. С последним ударом он давал знак музыкантам и марш обрывался. Затем немедленно все зрители и солдаты покидали зал, оставляя Карла Петера наедине с камер-медиком Спарре.

Постановка на колени применялась значительно чаще и уже без всяких церемоний. В 1739 г. Карл Петер стоял просто на коленях 5 раз, на горохе – 4, в 1740 г. – на коленях 5, на горохе – 8; в 1741 г. на коленях – 4, на горохе – 3 раза. В России Петр Федорович особо припомнил своим воспитателям стояние на горохе. По его словам, в передаче Я.Я. Штеллина, от этой процедуры колени так распухали, что он едва мог ходить в течение всего следующего дня[25].

Для иллюстрации приведем полный список наказаний, которые будущему Петру III пришлось вынести в одну из особенно неудачных недель в феврале 1740 г. В течение предыдущей недели он сумел получить самые отрицательные отзывы от учителей Жюля и Хана по четырем предметам, нарекания от профессора Эбевольде и требование о строжайшем взыскании от учителя танцев. Субботний совет Брюммера и Берхольца приговорил "в субботу в 8-м часу пополудни устроить Его Высочеству экзекуцию посредством сечения розгами 35 раз, сразу после которой препроводить Его Высочество босым и без платья в малую капеллу для заточения там под замком и с пропитанием фунтом крестьянского хлеба и водой до утра понедельника, в ходе коего заключения в воскресенье в полдень подать в малую капеллу 6 фунтов гороху, на каковой, рассыпав его в ящике, поставить Его Высочество без нижних штанов на колени на два часа (для чего определить от дворцового караула двух солдат с унтер-офицером и быть служителю покоев господина обермаршала фон Брюммера Гизену), по освобождении же Его Высочества из за-

---

[24] *Tinner A.* Hottorfer Schloss in Kiel. Kiel, 1982. S. 74.

[25] *Штеллин Я.Я.* Записки о Петре Третьем, императоре Всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. отд. 5. С. 69; *Мыльников А.С.* Указ. соч. С. 58.

inslav

точения во всю будущую неделю до субботы 8 часов пополудни воспретить Его Высочеству употребление сладкого блюда за обедом, развлечение с игрушками (кои запереть сегодня же камердинеру Баху), а также определенных занятий фехтованием и верховой ездой в будущую неделю Его Высочеству не иметь"[26]. Конечно, такие тяжкие недели выпадали Карлу Петеру нечасто, но все-таки суровость наказаний поражает, особенно если учесть, что наказывали пусть и несовершеннолетнего, но все-таки герцога.

Рассмотрев реалии учебы, поощрений и наказаний юного герцога Хольштайнского сделаем несколько общих замечаний. Во-первых, отметим, что устоявшееся в литературе представление о "постоянных изменениях" в программе обучения Карла Петера Ульриха не выдерживает критики. В течение трех лет[27] герцог занимался одними и теми же предметами у одних и тех же учителей и никаких изменений в его учебе (если не считать двух уроков "политики") не происходило. Обращает внимание и то, что наставления будущего Петра III в законе Божьем велись все время одним человеком, и "метаний" в этой области также не было: герцога систематически воспитывали лютеранином.

Во-вторых, попробуем систематизировать итоги учебы. К моменту приезда в Россию (накануне своего 14-летия) герцог писал и читал на родном языке (по-немецки); хорошо знал арифметику; свободно владел французским языком (в том числе был способен переводить на французский с латыни); основательно владел латинским языком, по крайней мере, письменным; почти полностью прочел Библию (кроме Апокалипсиса) с разбором и комментарием каждой главы; владел основательными начальными знаниями в области географии; имел смутное и неровное представление об истории античного мира и средневековой Европы; был знаком с римским правом по латинским источникам и юридическим трактатам; выслушал ряд "страноведческих" лекций, посвященных Шлезвиг-Хольштайну, России, Швеции и Дании; изучил азы фехтования; плохо танцевал и ездил верхом.

Для 13-летнего мальчика это не так мало, особенно если учесть общий уровень развития детского образования в первой половине XVIII в. Вспомним, что "образовательный канон"[28] того времени включал богословие, языки (родной, один (реже два) современный иностранный и латинский), математические науки (до 12 лет – арифметика, затем – геометрия и по мере овладения ей (примерно с 15 лет) геодезия, артиллерия и фортификация), историю, географию, фехтование и танцы. Как видим, в программе обучения Петра III канон представлен полностью (разве что, так и не началось обучение геометрии, но в 1741 г. герцогу было только 13 лет и задержка в один год в данном случае несущественна) и даже расширен: добавлены юриспруденция и верховая езда. Лучшим образовательным заведением России конца 1730 – начала 1740-х годов считался Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Если сравнить программу корпуса с программой обучения Карла Петера Ульриха Хольштайнского, то можно увидеть, что в последней не было лишь геральдики и музыки, а объемы прививаемых знаний, методы и качество преподавания примерно соответствовали в обоих случаях.

---

[26] LASH. Abt. 8.1. № 1357[a]. Administraturliste.

[27] По-видимому, даже и четырех, так как программа 1738 г., вероятно, немногим отличалась от последующих.

[28] Комплекс знаний, официально признававшийся необходимым и достаточным для того, чтобы считать человека образованным. Об "образовательном каноне" подробно см.: *Семенова А.Н.* Стандарты детского образования в XVIII в. СПб., 1999.

inslav

Таким образом, мы вынуждены констатировать, что в свои 10–13 лет будущий Петр III получал, может быть и не самое высококачественное, но во всяком случае вполне современное и разностороннее образование. Кстати, если обратиться к объемам знаний его просвещенной супруги, то мы узнаем, что в 16 лет принцесса Анхальт-Цербтская умела: "по немецки писать и читать (с ошибками многими), по французски говорить, писать и читать хорошо, из арифметики слагать несколько и умалять худо, из Закона Божьего по лутеранскому исповеданию молитвов по немецки с десять знает худо, а Священному Писанию не учена вовсе, танцовать изрядно способна, а сверх того иному ничему не научена"[29]. Предоставив делать выводы читателю, а сами отметим иное, парадоксальное и в чем-то трагическое обстоятельство. Будущая императрица в 16 лет была невежей, но она не изведала строгостей и принуждения школьного обучения, и потому, пребывая в России, жадно училась всегда и всему, чему могла. Ее супруг получил несравненно лучшее и глубокое образование, но оно далось ему такой тяжелой ценой, что расположение к систематическому программному обучению Петр Федорович утратил на всю жизнь. Из записок российского наставника великого князя, Я.Я. Штеллина, явствует, что наследник престола занимался охотно, но не выдерживал длинных и сухих уроков, а с наиболее живым интересом обращался к тем предметам, которые ему либо вовсе не преподавались в Хольштайне (геометрия, фортификация и артиллерия), либо преподавались там наиболее просвещенными и справедливыми учителями (география, физика, история и политика)[30].

Хольштайнское детство Петра Федоровича вполне объясняет его военные и игровые пристрастия российского периода. Вспомним, что право поучаствовать в военных учениях и разводе караула было высочайшей наградой, которую только мог заслужить юный герцог, доставалась ему крайне редко. Неудивительно, что оказавшись в России и получив некоторую свободу в своих действиях, Петр (подросток 14–18 лет) страстно увлекся военной эстетикой и охотно окунулся в захватывающий мир плац-парадной военной службы, столь дорогой сердцу каждого нормального мальчишки даже в наши пацифистические времена. Кстати, то что общение с хольштайнскими войсками было высшей наградой для Петра, помогает нам понять и его страстное стремление призвать и иметь около себя в России несколько батальонов из родного Киля. Вероятно, наследник российского престола действительно переживал счастливейшие минуты детства в среде своей гвардии, и, оказавшись в России, постоянно мечтал о новой встрече со старыми и верными друзьями.

Известная (хотя и основательно раздутая) ребячливость Петра Федоровича, любовь к играм и игрушкам также выступает совсем иначе, когда видишь картину его детства. Оловянные солдатики и игры с ними и сегодня остаются страстью отнюдь не только (и даже не столько) детей, сколько юношей и взрослых мужчин. Петр же Федорович в пору своего детства не просто с огромным трудом мог получить эту заветную игрушку, но даже право играть в нее должен был постоянно зарабатывать успехами в учебе (и право это получал редко). А если вспомнить, что благодаря учителям латыни и танцев буду-

---

[29] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 274 ("Заключение комиссии по испытанию в знаниях Ея Высочества невесты Его Императорского Высочества государя наследника и великого князя Петра Федоровича. В лето 1743...") Далее титульный лист оборван; о том, что речь идет именно о Екатерине II следует из основного текста, где ее имя и титул неоднократно упоминаются полностью.

[30] Об обучении Петра Федоровича в России см.: *Мыльников А.С.* Указ. соч. С. 380–438 и др.

inslav

щий император в 10–13 лет должен был по 8–10 раз в год стоять перед камином, в котором медленно плавились "солдаты" его малочисленной "оловянной армии", то становится совершенно понятным, почему в России, получив, наконец, возможность владеть теми вещами, которыми хочется, Петр страстно пополнял коллекцию солдатиков и охотно придавался играм с ними.

Игры и детские радости вообще были почти полностью недоступны герцогу Карлу Петеру. В Хольштайне он не имел общения со сверстниками (кроме нескольких уроков фехтования). Хотя в учебные дни после обеда и до начала вечерних уроков юный герцог получал около двух часов свободного времени, но из этих часов один он должен был находиться в постели, а второй (часть которого уходила на одевание) обычно проводил с придворными и наставниками. Для игр оставалось только воскресенье, но и в этот день много времени отнимали присутствие на богослужении, прогулки, долгие обед и ужин. Нередко воскресенье и вовсе было полностью занято – Карл Петер был, все-таки, герцогом и ему приходилось принимать участие в придворных церемониях и торжествах. Оказавшись в России, Петр Федорович жадно "добирал" то, чего не дало ему детство и со всей живостью своего характера предавался играм и игровым развлечениям, когда имел к тому возможность.

Школьное образование оставляет пожизненный след в душе любого человека. Иногда тяжкие воспоминания о суровом детстве дают неожиданно плодотворные ростки. Известен психолого-педагогический закон: человек, переживший в детстве жестокий несправедливый гнет воспитателей и учителей, более чем в половине случаев становится заботливым родителем и внимательным, тонким педагогом. Родительские качества Петру III проявить не удалось: воспитанием его сына, великого князя Павла Петровича, полностью завладела императрица Елизавета, а кроме того, по обыкновениям XVIII в. отцу вообще не надлежало интересоваться сыном до достижения им 8–10-летнего возраста. Зато в сфере педагогики Петр Федорович проявил себя ярко. В 1759 г. наследник был назначен "главнокомандующим над Сухопутным шляхетным кадетским корпусом". Должность эта вполне позволяла Петру Федоровичу играть роль "свадебного генерала", но он исполнял ее не то что не формально, а страстно, деятельно и очень вдумчиво. Подробно эта его разносторонняя и плодотворная деятельность описана А.С. Мыльниковым[31]. Отметим, что взойдя на престол, Петр III не оставил педагогическое поприще, напротив, положил начало крупной и, увы, не состоявшейся реформе в этой области. 24 апреля 1762 г. его указом были объединены в одно учебное заведение Сухопутный, Артиллерийский и Морской кадетские корпуса, а главнокомандующим над ними назначен инициатор реформы И.И. Шувалов – фаворит покойной императрицы, близкий друг Петра III, крупнейший русский просветитель середины XVIII в., создатель Московского университета и Академии художеств, патрон М.В. Ломоносова, многих других российских ученых, художников и сочинителей. Передавая корпуса в руки И.И. Шувалова, Петр III фактически учредил пост министра образования, так как Шувалов являлся попечителем (а на практике – главным руководителем и вдохновителем) Университета и Академии художеств, решительно влиял на деятельность Академии наук. Поручив Шувалову все российские учебные заведения (кроме духовных), Петр III определенно ожидал от этого гуманного и мудрого человека великих дел по распространению и улучшению образования в России, о чем, в частности, говорит и императорская ин-

[31] Там же. С. 118–124.

inslav

струкция. Особое внимание в ней уделялось принципам гуманного обращения с учащимися: "Телесные и всякие подобные им унизительные и тяжелые наказания (как-то арестования, голод, лишение движений или выставления на зримый позор) должны быть искоренены совершенно, и не только в благородных отделениях, но и в прилежащих к ним школах для подлого люда. Более же того основательно должно быть истреблено высокомерие и презрение в отношении к ученикам их наставников. Сие необходимо не потому, что тем путем не могут быть привиты добрые знания, но всего прежде потому, что от сего происходит ненависть к учению на всю жизнь, а золотая эпоха юности превращается в пытку"[32]. В этих словах звучит весь горький опыт детских лет Петра III. Его "эпоха юности" (а вернее – время школьного детства, проведенное в Хольштайне) действительно превратилась в пытку и оставила след на всю жизнь. Тем не менее, хотя и горькой, мучительной ценой, но прибывший в Россию 14-летний наследник престола получил образование вполне глубокое и полноценное для своего возраста и своего времени.

---

[32] *Висковатов А.В.* Материалы к краткой истории 1-го кадетского корпуса. СПб., 1834. С. 45.

inslav

А.В. Топычканов

К ИСТОРИИ РАННЕГО БЫТОВАНИЯ СЛОВА "ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ" В РОССИИ

Развитие любой научной дисциплины характеризуется разработкой специальной терминологии. Для исторической науки такими терминами являются "источниковедение", "источник", "историческая критика" и др.[1] Словообразование "источниковедение" является калькой немецкого термина "Quellenkunde" – "знание источников" или "знание об источниках"[2]. Первое употребление слова "Quellenkunde" зафиксировано в заглавии библиографии источников по немецкой истории 1830 г., составленной Ф.Х. Дальманом: "Quellenkunde der deutschen Geschichte" – "Источниковедение немецкой истории"[3]. В немецкие словари это слово вошло только в 1889 г. со ссылкой на единственное употребление в 1830 г.[4] Знакомство отечественных историков с обзором Ф.Х. Дальмана произошло раньше. В частности, профессор Харьковского университета М.Н. Петров в 1858–1860 гг. осуществил поездку по странам Европы для ознакомления с современной ему историографией. В своем историографическом обзоре он назвал книгу Ф.Х. Дальмана "трактатом об источниках национальной истории (Quellenkunde)"[5]. Немецкий термин привел и профессор Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужев-Рюмин во введении к "Русской истории", обозначив им "критическое изучение источников (Quellenkunde)"[6].

Словообразовательная калька термина "Quellenkunde", видимо, впервые появилась в статьях профессора Дерптского (Юрьевского) университета А.Г. Брикнера, посвященных проблеме организации исторических семинарских занятий для студентов российских университетов. В первой статье 1870 г., в которой рассматривалась практика организации семинарских за-

---

[1] О бытовании терминов "источник" и "источниковедение" в исторических сочинениях до начала XX в. см.: *Пушкарев Л.Н.* Классификация письменных источников. М., 1975. С. 27–86; *Фарсобин В.В.* Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983. С. 38–48; *Илизаров С.С.* О формировании термина "исторический источник" в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории, 1984. М., 1986. С. 199–210.

[2] Предположение о происхождении термина "источниковедение" от немецкого слова "Quellenforschung" (исследование источников) (Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1980. Т. 2, вып. 7. С. 134) не находит подтверждения в рассматриваемых здесь произведениях.

[3] *Dahlmann F.C.* Quellenkunde der deutschen Geschichte nach Folge der Begebenheiten. Göttingen, 1830. Впоследствии в немецкоязычной литературе слово "Quellenkunde" чаще использовалось для обозначения обзоров источников, например: *Warnkönig L.A.* Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Lütticher Gewohnheitsrechts. Freiburg, 1838.

[4] *Grimm J., Grimm W.* Deutsches Wörterbuch. Unveränd. Nachdr. der Ausg. Leipzig, 1962 (Erstaufl.: 1889). Bd. 7: N. O. P. Q. Sp. 2350. Это слово отсутствует в следующих словарях: *Heyse J.C.A.* Handwörterbuch der Deutschen Sprache. Unveränd. Nachdr. der Ausg. Hidelsheim, 1968 (Erstaufl.: 1849) Bd. 2: L-Sted. S. 434; *Goffmann W.* Vollständigstes Wörterbuch. Leipzig, 1861. S. 450; *Sanders D.* Wörterbuch der Deutsche Sprache. Unveränd. Nachdr. der Ausg. Hidelsheim, 1969 (Erstaufl.: 1876) Bd. 1: A-K. S. 1050.

[5] См.: *Петров М.Н.* Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции: Сравнит. ист.-библиогр. обзор. Харьков, 1861. С. 95.

[6] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 12.

inslav

нятий в германских университетах, термин "источниковедение" еще не фигурировал[7]. В июньском номере "Журнала Министерства народного просвещения" за 1876 г. он вновь вернулся к данной теме и впервые использовал словосочетание "общее источниковедение" в качестве эквивалента "обзора главных групп материалов для разработки истории"[8]. В его статье, вышедшей месяц спустя, "источниковедение" употреблялось уже достаточно часто (22 раза) и в основном в качестве названия предмета университетских семинарских занятий и справочного пособия для них объемом в 10–15 томов по 25–30 печатных листов каждый[9]. Этим термином А.Г. Брикнер обозначал систему справочных изданий, включающих, в частности, "историко-литературные и библиографические пособия, указатели разного рода, описания архивов, регесты изданным актам и пр."[10] Первым обзором источников – "источниковедением русской истории" – он считал введение к "Русской истории" К.Н. Бестужева-Рюмина. Словосочетание "источниковедение русской истории", которое встречается в статье 8 раз, точно калькирует название упомянутой книги Ф.Х. Дальмана – "Quellenkunde der deutschen Geschichte"[11].

Вслед за А.Г. Брикнером термин "источниковедение" стал использовать и К.Н. Бестужев-Рюмин для обозначения обзора источников. В частности, в рецензии на книгу М.О. Кояловича "История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям" он отмечает, что рецензируемая книга и его собственное введение к "Русской истории" многие называют "литературой истории, историографией или знанием источников и пособий (источниковедением)"[12]. Ссылка на употребление этих терминов "многими", а также употребление слова "источниковедение" в скобках в качестве эквивалента "знанию источников и пособий", видимо, обусловлены тем, что К.Н. Бестужев-Рюмин предполагал возможность незнания читателями этого термина и избегал его частого использования. Такое отношение к введению новой терминологии было характерно для этого ученого. В частности, во вступительной лекции к курсу истории он отказался от буквального перевода "Kulturgeschichte" как "история культуры", хотя такое словосочетание уже употреблял М.Н. Петров в упомянутом историографическом обзоре[13]. Вместо этого К.Н. Бестужев-Рюмин предложил термин "внутренняя история", объяснив свой выбор тем, что "выражение "история цивилизации" не вполне обнимает понятие, по крайней мере, в нашем обыденном употреблении,

---

[7] *Брикнер А.Г.* О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // ЖМНП. 1870. Ч. 152. № 12. С. 147–180.

[8] *Брикнер А.Г.* О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах // ЖМНП. 1876. Ч. 185. № 6. С. 23.

[9] *Брикнер А.Г.* Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. Ч. 186. № 7. С. 5, 7–14, 21.

[10] На это, в частности, указывает выражение "составление источниковедения по различным эпохам и предметам русской истории" (*Брикнер А.Г.* Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. Ч. 186. № 7. С. 8).

[11] *Брикнер А.Г.* Об учебных пособиях при изучении истории России // ЖМНП. 1876. Ч. 186. № 7. С. 5, 8–12.

[12] Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн.: История русского самосознания по историческим и научным сочинениям / Соч. проф. Санкт-Петербургской Дух. акад. М.О. Кояловича. СПб., 1884 // ЖМНП. 1885. Ч. 237. № 1. С. 95. Возможно, это единственное употребление термина "источниковедение" в трудах К.Н. Бестужева-Рюмина. См.: *Фарсобин В.В.* Указ. соч. С. 40; *Киреева Р.А.* К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 86. "Пособие", скорее всего, является переводом немецкого слова "Beitrag", часто непереводимого в заглавиях, от глагола "beitragen" – способствовать.

[13] *Петров М.Н.* Указ. соч. С. 105–114. Здесь термин заключался всегда в кавычки.

inslav

а слово *культура*, которое хотели было ввести, заняв его у немцев, получило у нас слишком ограниченное значение, говорят: *культура льна*" (курсив К.Н. Бестужева-Рюмина. – *А.Т.*)[14].

Ограниченное использование термина "источниковедение", несколько зависимое от немецкого "Quellenkunde", характерно и для младшего современника К.Н. Бестужева-Рюмина, К.Я. Грота, сына филолога Я.К. Грота. После окончания Санкт-Петербургского университета в 1881 г. он в течение следующего года посетил крупнейшие библиотеки Центральной Европы, а зимой 1882/83 г. отправился в Исторический институт при Венском университете, чтобы прослушать курс папской дипломатики профессора Ф. Зиккеля, латинской палеографии – профессора Э. Мюльбахера и познакомиться с системой преподавания в институте. Это учебное заведение готовило специалистов для изучения истории Австрии и государственной службы, архивистов, библиотекарей и музейных сотрудников. Особое внимание в нем придавалось вспомогательным историческим дисциплинам и анализу исторических источников. Подробно описывая систему преподавания в институте, К.Я. Грот два раза упоминает название предмета "Quellenkunde", которое он переводит то как "источниковедение", то как "источники"[15]. В одном случае он отмечает, что студенты, заканчивая трехлетний курс обучения, должны выполнить "домашние письменные работы по предмету, письменные ответы без подготовки по палеографии, дипломатике и источниковедению (Quellenkunde) и выдержать устные испытания по этим же предметам, хронологии и австрийской истории"[16]. В другом случае, перечисляя обязательные предметы первого, подготовительного года обучения, он называет среди них предмет: "Источники (Quellenkunde) и литература австрийской истории"[17]. По всей видимости, под термином "Quellenkunde" в обоих случаях понимался обзор источников, поскольку анализу источников студенты учились на других предметах: "Чтение австрийских исторических источников", "Критика австрийского исторического источника" и "Критика источников и памятников исторического искусства"[18]. Источниковедение здесь также выступает в качестве предмета преподавания, а не научной дисциплины.

---

[14] *Бестужев-Рюмин К.Н.* Вступительная лекция в курс русской истории // Отечественные записки. 1865. Т. 162. № 18. Сент. Кн. 2. С. 252–253.

[15] Такая неустойчивость в переводе термина "источниковедение" сохранялась вплоть до 20–30-х годов XX в., что было обусловлено отсутствием этого термина в немецко-русских словарях, например: N. Pawlosk's Deutsch-Russisches Wörterbuch. 3. umgearbeitete u. wesentlich vermehrte Aufl. 2. Abdr. Riga, 1900. S. 1036; Полный немецко-русский словарь / Сост. Н.П. Макаров, А.Н. Энгельгардт, В.В. Шерер. СПб., 1901. С. 550. Именно поэтому в автобиографической записке конца 1920-х годов, написанной на русском языке специально для германского издания, С.Ф. Платонов сразу привел немецкий эквивалент (Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 269). На этот пример автору любезно указал А.В. Мельников, которому приношу свою признательность. В словарях русского языка слово "источниковедение" появилось в 1903 г. без собственной энциклопедической статьи, но с отсылкой к статье "Источники права", в которой говорилось о "факторах образования права" и "формах объективирования юридических норм" (Большая энциклопедия: Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С.Н. Южакова. 3-е изд., стереотип. СПб., 1903. Т. 10: Идумэя-Китченер. С. 238). Первое словарное определение "источниковедения" было дано только в 1935 г. (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1: А-Кюрины. Стб. 1259). См. также: [*Альтман В.В.*] Источниковедение // БСЭ. М., 1937. Т. 30. Стб. 100. Авторство установлено в кн.: *Фарсобин В.В.* Указ. соч. С. 44. Сн. 77.

[16] *Грот К.* Исторический институт при Венском университете // ЖМНП. 1884. Ч. 232. № 4. Отд. 2. С. 89.

[17] Там же. С. 91.

[18] Там же.

inslav

В период раннего бытования термина "источниковедение" для него характерна зависимость от немецкого "Quellenkunde" как в смысловом содержании, так и в словоупотреблении[19]. В Германии источниковедческая проблематика занимала прежде всего представителей школы Леопольда фон Ранке. А.Г. Брикнер, посещавший в конце 1850-х годов исторический семинар Л. фон Ранке, так охарактеризовал ее признаки: "Школа Ранке считает критический разбор источников, при помощи которого можно самым точным образом определить внешний физический ход событий, главнейшею задачею исторической науки. Достоверность и подлинность источников исследуется с образцовою тщательностью. Эти приемы считаются школою Ранке не только главным, но чуть ли не исключительным содержанием методологии истории, в чем заключается некоторая односторонность"[20]. В связи с разработкой источниковой базы чрезвычайно важное значение приобретали обзоры источников. Не случайно, продолжателем дела Ф.Х. Дальмана стал один из воспитанников Л. фон Ранке, Г. Вайтц[21].

В России термин "источниковедение" вслед за статьями А.Г. Брикнера стал употребляться в середине 1880-х годов К.Н. Бестужевым-Рюминым и К.Я. Гротом, соответственно профессором и выпускником Санкт-Петербургского университета. Возможно, что заимствование термина "источниковедение" было в некоторой степени обусловлено близостью источниковедческих интересов школы Л. фон Ранке и формирующейся исторической школы Санкт-Петербургского университета[22]. Об этом свидетельствуют, в частности, характеристики последней двумя ее представителями С.Ф. Платоновым и А.Е. Пресняковым. С.Ф. Платонов в некрологе К.Н. Бестужева-Рюмина ссылается на некое мнение об этой школе, что "ее признак – наклонность к исследованию не исторических явлений, а исторических источников"[23]. Подобным образом характеризовал эту школу и А.Е. Пресняков: "Я определил бы ее характерную черту как научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции"[24]. Показательно, что и критики двух школ сходились во мнении о недостаточном внимании представителей

---

[19] Это не было исключительной чертой термина "источниковедение" в период его раннего бытования, но также и других исторических терминов. На это указывает речь С.Ф. Платонова на магистерском диспуте 11 сентября 1888 г.: "Общий характер моей работы совсем ясен. Это – критическое исследование исторических источников, kritische Quellenuntersuchung, как сказал бы немецкий ученый, пользуясь своей более установленной исторической терминологией" (*Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. XIV).

[20] *Брикнер А.Г.* О так называемых исторических семинариях при университетах Германии // ЖМНП. 1870. Ч. 152. № 12. С. 160–161. Ср.: *Петров М.Н.* Указ. соч. С. 74–80.

[21] *Dahlmann F.C.* Quellenkunde der deutschen Geschichte. 4. Aufl. Quellen u. Bearbeitungen der deutschen Geschichte neu zus. gest. von G. Waitz. 2 Aufl. Göttingen, 1875.

[22] 60–80-е годы XIX в. многие считают важным периодом в истории формирования исторической школы Санкт-Петербургского университета. См., например: *Валк С.Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // *Валк С.Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 32–56; *Брачев В.С.* "Наша университетская школа русских историков" и ее судьба. СПб., 2001. С. 31–78. В этот же период крупнейшие ученые Московского университета, С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, в большей степени ориентировались на французскую историческую мысль, подробнее см.: *Далин В.М.* Ф. Гизо и развитие исторической мысли в России // *Далин В.М.* Люди и идеи. Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970. С. 368–386; *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 36. Сн. 22.

[23] ЖМНП. 1897. Ч. 309. № 2. С. 176.

[24] *Пресняков А.Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Великорусского государства" // ЛЗАК. Пг., 1920. Вып. 13. С. 7.

inslav

этих научных направлений к "субъективизму, т.е. личному, современному пониманию исторических явлений"[25].

Проблема соотношения взглядов представителей двух школ на теорию и методологию истории требует специального исследования, как и сравнение бытования термина "источниковедение" в немецких и российских исторических сочинениях XIX в. Можно предположить лишь, что прямое заимствование с сохранением смыслового содержания и немецких принципов словоупотребления было характерно только для А.Г. Брикнера. Уже в словоупотреблении "Quellenkunde" К.Н. Бестужевым-Рюминым наблюдается тенденция к расширению понятия "источниковедение" за счет включения в него критики источников и историографии[26]. Впоследствии эти различия между немецким и русским понятием "источниковедение" стали еще больше в связи с включением в источниковедение и эпистемологии[27].

Таким образом, возникновение и распространение термина "источниковедение" тесно связано и с развитием источниковедения в русской исторической науке, и с формированием исторической школы Санкт-Петербургского университета.

---

[25] *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 478–479 (критика взглядов К.Н. Бестужева-Рюмина). Ср.: *Петров М.Н.* Указ. соч. С. 74–88.

[26] См. об этом: *Киреева Р.А.* Указ. соч. С. 79–80, 85–97.

[27] В большей степени этому способствовала методология истории А.С. Лаппо-Данилевского. Подробнее см.: *Фарсобин В.В.* Указ. соч. С. 41–42.

inslav

Д.Н. Шилов

"РУССКИЙ НЕКРОПОЛЬ" ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА: ИСТОРИЯ НАУЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Часть вторая

Описание провинциальных погребений

История работы над "Русским провинциальным некрополем" (далее – РПН), осуществлявшейся небольшим коллективом ученых под руководством великого князя Николая Михайловича, представляет немалый интерес как опыт уникального научного предприятия. Однако история этого издания до сих пор систематически не изучалась, хотя пользовательский интерес к материалам РПН, как опубликованным, так и архивным, чрезвычайно высок[1].

Описание российских кладбищ вне Москвы и Петербурга стало наиболее трудной и обширной частью разработанной программы. Главная сложность заключалась в том, что подобное описание, как это с самого начала понимали его инициаторы, физически не могло быть осуществлено профессиональными историками: в этом случае «потребовалось бы организовать целый ряд экспедиций по Европейской и Азиатской России. Ввиду сложности такого способа было решено обратиться за нужными для "Некрополя" сведениями к естественным хранителям могил – духовенству всех исповеданий». Остановившись на этой мысли, великий князь Николай Михайлович в конце 1908 г. выразил обер-прокурору Св. Синода П.П. Извольскому желание, чтобы "сделано было распоряжение о предоставлении православным духовенством нужных [...] сведений"[2].

Рескрипт гласил: «В настоящее время великим князем Николаем Михаиловичем издан в свет, в 3 томах, "Московский Некрополь" и подготовляется к печати "Петербургский Некрополь". Такое издание, как видно из отзывов различных ученых обществ и журнальных рецензий, имеет большое историческое и генеалогическое значение, не говоря о важности для каждого куль-

---

[1] Наиболее подробно о проекте и сохранившихся после него архивных материалах рассказано в книге известной украинской исследовательницы некрополистики Л.А. Проценко, которая описывает и предпринятый ею поиск оставшихся втуне рукописей РПН и его результаты (*Проценко Л.А.* Історія Київского некрополя. К., 1995. С. 26–34). Интересная информация содержится в двух статьях С.Ю. Шокарева, посвященных картотеке для 2 и 3-го томов РПН (*Шокарев С.Ю.* Материалы ко второму тому "Провинциального некрополя" В.В. Шереметевского // Российская провинция XVIII–XX веков: Материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 420–425) и роли великого князя Николая Михайловича в организации систематической охраны памятников российского некрополя (*Шокарев С.Ю.* Великий князь Николай Михайлович и становление охраны памятников некрополя // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 379–382). Поскольку оба автора не ставили себе задачи специально рассматривать историю РПН и материалов к нему, сообщаемые ими сведения в основном повторяют сказанное В.В. Шереметевским в предисловии к 1-му тому издания.

[2] РПН. М., 1914. Т. 1. Губернии: Архангельская, Владимирская, Вологодская, Костромская, Московская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская, Тверская, Ярославская и Выборгской губернии монастыри Валаамский и Коневский. С. V.

inslav

турного народа сохранить память о былых деятелях государственной и общественной жизни.

Было бы жаль остановиться только на этом, но силам одного лица недоступно расширение такого труда на пространство всей России. Если бы Вы нашли возможным придти на помощь русской исторической науке и генеалогии и сделать предложение ставропигиальным монастырям и епархиальным начальствам доставить сведения о лицах, погребенных в местных храмах и на кладбищах, то Ваше содействие быстро подвинуло бы дело вперед; все же списки погребенных и вообще все материалы могли бы быть доставлены непосредственно великому князю Николаю Михаиловичу, который готов продолжить издание Некрополя.

По выработанной уже программе изданий "Московского и С.-Петербургского некрополей" желательно было бы получить по возможности точные копии с надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян, а также наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий»[3].

Результатом рескрипта явился указ Св. Синода от 29 ноября 1908 г., которым всем епархиальным начальствам и ставропигиальным монастырям предписывалось организовать составление "списков лиц, погребенных в церквах и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий"[4]. Собранные сведения предписывалось препровождать непосредственно в Управление делами великого князя. Одновременно Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД "выразил готовность доставить сведения о лицах, погребенных на инославных и иноверческих кладбищах"[5].

По первым присланным материалам наглядно выявилось, что местные причты по-разному понимают требование начальства, что и отразилось на качестве присылаемых списков. Вследствие этого 13 марта 1910 г. великий князь Николай Михайлович вновь обратился с рескриптом к обер-прокурору Св. Синода, на этот раз – С.М. Лукьянову. В нем говорилось, что необходимые сведения "совершенно не доставлены из многих епархий, при том из самых населенных епархий центральной России, доставленные же списки большею частью неполны и неточны, а в особенности мало доставлено сведений о погребенных на городских кладбищах"[6]. К рескрипту прилагался образец для сбора сведений.

Согласно великокняжескому требованию 27 марта по епархиям был разослан указ Св. Синода с приложением подробной инструкции, в соответствии с которой следовало производить описание погребений. В основных своих чертах она повторяла те принципы, которые использовали в своей работе Б.Л. Модзалевский и В.И. Саитов. В ее первом разделе были указаны восемь категорий лиц, подлежавших внесению в будущее издание: "1) Духовные лица: архиереи, настоятели и настоятельницы монастырей, подвижники и подвижницы, пользующиеся уважением местных жителей, монашествующие обоего пола из дворянских фамилий (с указанием фамилий), лица белого духовенства. В южных и западных епархиях должны быть указываемы все ду-

---

[3] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1096. Л. 86–87.
[4] Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
[5] РПН. С. V–VI.
[6] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1096. Л. 96.

inslav

ховные лица (и члены их семейств), происходящие от дворянских родов. 2) Все лица дворянских фамилий (особенно лица титулованные или старых дворянских родов), со всеми их родственниками (также и женского пола и малолетними), погребенными вместе с ними и отдельно. В сельских приходах должны быть указываемы все погребенные в приходе прежде бывшие помещики и местные землевладельцы. 3) Все лица, состоявшие в военной и гражданской службе и имевшие чины. 4) Педагоги, т.е. профессора университетов и других высших учебных заведений, директора и инспектора средних учебных заведений, ректоры и инспекторы семинарий, преподаватели и учителя всех учебных заведений. 5) Общественные деятели, как то члены земского и городского самоуправления (председатели и члены земских управ, городские головы, члены городских управ, наиболее видные гласные городских дум), банковые и вообще финансовые деятели, директора и члены наиболее крупных торгово-промышленных фирм, фабриканты, железнодорожные деятели, инженеры, адвокаты, врачи. 6) Лица, принадлежащие к местным старым купеческим родам. 7) Лица, известные благотворительностью, основатели благотворительных и просветительных учреждений и наиболее крупные жертвователи. 8) Писатели и писательницы, издатели, редакторы и наиболее видные сотрудники газет, художники, актеры и актрисы".

Во втором разделе инструкции содержались разъяснения о сведениях, которые следовало включать в посылаемые списки: «1) Имя, отчество и фамилия, чин и титул (князь, граф, барон и т.п.), происхождение. Примечание. О лицах женского пола должно быть сообщено, какую фамилию носила покойная до брака или в другом браке (если брак был не один), если такие сведения имеются. 2) Год, месяц и число рождения и смерти. Примечание. Если время рождения не указано в надгробной надписи, то следует сообщать, каких лет или на каком году от роду умерло данное лицо, если об этом говорит надгробная надпись. 3) Все прочие сведения о жизни и службе погребенного, если их заключает в себе надгробная надпись. Примечание. Эти сведения должны быть сообщены в *подлинных*[7] выражениях надгробной надписи или в виде полной и точной копии с надписи. 4) Все старинные надгробные надписи (до нашего времени за сто и более лет) должны быть списаны с буквальной точностью. 5) Тексты Свящ[енного] Писания и Богослужебных книг и изречения, обычно употребляемые на надгробных памятниках, вроде "Помяни мя, Господи, во царствии Твоем", "Господи приими дух мой с миром", "Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего", "Блаженни..." и т.п. не должны быть списываемы. 6) Должны быть сообщаемы все оригинальные назидательные рассуждения, а также и стихи, находящиеся на памятниках. 7) Должно быть точно указано место погребения (в церкви, в склепе, в ограде, на кладбище). 8) Вид и материал памятника не должен быть описываем, кроме памятников исторически замечательных, особенно оригинальных, художественных или воздвигнутых над знаменитыми людьми. 9) При каждом внесенном в список погребенном должны быть указаны его родственники (также женского пола и малолетние), погребенные в одной с ним ограде или склепе и вообще на том же кладбище, хотя бы и отдельно»[8].

---

[7] Здесь и далее курсивом выделены подчеркнутые в оригиналах слова.

[8] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 7–7 об. Оперативность, с которой исполнялись руководством Св. Синода поручения великого князя Николая Михайловича, сыграла в судьбе предприятия немаловажную, если не определяющую роль. В данном случае, например, С.М. Лукьянов извещал о принятых мерах уже через две недели, 27 марта. См.: Там же. Д. 1096. Л. 97–97 об.

inslav

Первоначально переписку с епархиальными властями великий князь Николай Михайлович поручил своему секретарю А.А. Гоздаво-Голомбиевскому. Сбор сведений, носивший характер официальной переписки, изначально требовал "централизации" всего процесса. Кроме того, второй основной сотрудник великого князя, В.И. Саитов в это время был занят подготовкой "Петербургского некрополя". Сами организаторы вначале, по-видимому, не очень надеялись на успешное сотрудничество с епархиальными властями, учитывая опыт взаимоотношений с московским духовенством. "Св. Синод сделал распоряжение о собирании повсеместно надгр[обных] надписей, – сообщал 7 января 1909 г. Саитову Гоздаво-Голомбиевский. – Это уже б[ольшой] успех, а что будет, конечно, Бог весть!"[9]

Между тем уже в 1909 г. материалы начали поступать из различных епархий, монастырей и приходов, без всякого общего плана и в значительном объеме. Их обширность и разнохарактерность требовали больших усилий по координации всего процесса, направлению действий епархиальных начальств в должное русло. Между тем 1910-е годы стали временем наиболее активной научно-организаторской деятельности великого князя, возглавившего после кончины в сентябре 1909 г. А.А. Половцова Императорское Русское историческое общество. Вследствие этого и его личный секретарь оказался загружен разными проектами. Прежде всего, это монументальное иконографическое издание "Русские портреты XVIII и XIX столетий", выходившее отдельными выпусками в 1905–1909 гг. и составившее пять обширных томов. Вслед за тем началась подготовка издания такого же типа "Военная галерея 1812 г." С 1910 г. великий князь Николай Михайлович руководил выпуском "Русского биографического словаря".

Нехватка времени заставила Гоздаво-Голомбиевского искать помощника в работе над РПН. В самом начале 1910 г. он обратился к великому князю с предложением привлечь к ней профессионального архивиста, своего бывшего младшего сослуживца по Московскому архиву Министерства юстиции В.В. Шереметевского.

«Материалы для будущего "Русского" или "Всероссийского" (?) Некрополя продолжают поступать, – писал А.А. Гоздаво-Голомбиевский, – так что осуществление этого важного и необходимого для русской генеалогии и истории издания представляется возможным, хотя и не без недостатков.

План издания потребует еще подробной обработки. Возможно, что придется остановиться на издании по губерниям, причем не придерживаться алфавитного порядка, а издавать томы по мере обработки материала по разным губерниям.

Ввиду того, что материалы доставляются без всякого порядка, одновременно из разных мест, а из других еще совсем не прислали ничего, необходимо для контроля материала установить точную регистрацию получений. Кроме того, надо составить списки губерний, уездов, приходов и монастырей в каждой губернии, где и делать отметки о получении сведений. Часто последние получаются недостаточно полными или с другими дефектами, ввиду чего необходимо тотчас направлять их для пополнения, а также необходимо вступать по этому поводу в переписку с архиереями, настоятелями монастырей и церквей, духовенством иноверцев и т.п.

---

[9] РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 102. Л. 101. В письме от 22 марта 1908 г., сетуя на "многоглаголивость" архимандрита Новоспасского монастыря Бориса, А.А. Гоздаво-Голомбиевский сделал характерное замечание: "Впрочем, от попов и на этом спасибо – Борис оказался во всем один из немногих" (Там же. Л. 87).

inslav

Вся эта работа нетрудная, но сложная и требующая необыкновенной усидчивости и *точности*, равно и *любви* к такому делу, которому надо посвятить систематически много времени. Вследствие этих соображений у меня явилась мысль поручить всю эту подготовительную работу одному подходящему лицу. Таковое лицо имеется: это мой бывший сослуживец В.В. Шереметевский, в Москве, имеющий все необходимые качества и обладающий особенной склонностью к духовному ведомству вообще. Я уверен, хотя никому не сообщал, особенно ему самому, что если Ваше[му] Высочеству угодно будет назначить ему самое небольшое вознаграждение, он в год или 2 приведет все в порядок и выработает план издания. Окончательное редактирование и печатание Некрополя я предполагал бы вести сам, по мере обработки материала. Если Ваше Высочество найдет все это полезным, может быть, Вы поручите мне, в бытность в Москве, переговорить с Шереметевским и поручить ему эту работу, постепенно передавая ему впредь все вновь имеющие поступить сведения от духовенства из разных мест России»[10].

Великий князь Николай Михайлович с предложением согласился и назначил Шереметевскому вознаграждение в 480 руб. в год[11]. Первоначально Гоздаво-Голомбиевский, как и предполагал, деятельно руководил его работой. "Завтра поеду в Москву на 2 дня, – сообщал он 10 февраля 1912 г. великому князю, – поручу и там Шереметевскому выбирать из материалов для Некрополя значительных покойников". 15 октября он докладывал: «Том I "Рус[ского] Областного Некрополя" уже почти подготовлен к печати, надо только составить предисловие. Затем можно б[удет] начать печатать? Всего будет 4 тома, я полагаю достаточно печатать 400 экземпляров»[12]. Переговорив, по-видимому, с великим князем, на следующий день Гоздаво-Голомбиевский писал другому своему бывшему сослуживцу по Московскому архиву Министерства юстиции Н.П. Чулкову[13]: "В.В. скажите, что Некр[ополь] придется печатать немного, штук 4–500 (т.е. 4 тома по 500 экз. – *Д.Ш.*). Относительно предисловия буду с ним говорить"[14].

Однако в августе 1913 г. Гоздаво-Голомбиевский скоропостижно скончался, не дожив до выхода первого тома. С этого момента В.В. Шереметевский стал главной и, фактически, единственной движущей силой при подготовке и публикации РПН.

---

[10] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 77. Л. 3–5 об.

[11] Там же. Л. 1 (доклад управляющего делами великого князя Николая Михайловича полковника М.Н. Молодовского от 24 января 1910 г.).

[12] ГАРФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 282. Л. 111 об., 114.

[13] О Чулкове см.: *Иванова Л.В., Матвеева О.В.* Чулков Николай Петрович // Историки и краеведы Москвы. Некрополь: Биобиблиогр. справочник. М., 1996. С. 176–177 (библ.); РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14 740 (о службе в Министерстве юстиции). Насколько можно судить по многочисленным письмам Гоздаво-Голомбиевского к Чулкову, последний был более близким к великокняжескому секретарю человеком, нежели одинокий, мнительный и, по-видимому, обидчивый Шереметевский. Гоздаво-Голомбиевский постоянно жаловался, что Шереметевский ему не пишет, что он "капризный и ему трудно угодить" (ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 161. Л. 82. Письмо от 16 октября 1908 г.). Когда осенью 1906 г. А.А. пытался переманить Чулкова на службу в Государственную канцелярию, он призывал своего бывшего сослуживца: "Не слушайте Вл[адимира] Вл[адимировича] он способен убить Вашу решимость, ибо его болезненная мнительность превосходит все, что можно себе представить. Вам надо спешить бросить это вонючее болото архив, которое колышется только сплетнями и всякой мелкой ерундой [...]" (Там же. Д. 159. Л. 51. Письмо от 15 сентября 1906 г.). Чулков, однако, от выгодного в материальном отношении перехода отказался, несмотря на настойчивость Гоздаво-Голомбиевского. Не исключено, что и в 1910 г. последний не сразу предпочел В.В. Шереметевского в качестве помощника по изданию РПН – в письме от 3 августа 1910 г. он, по собственному выражению, "жестоко ругал" Чулкова в ответ на какое-то несвоевременное предложение корреспондента: «Сколько раз говорил Вам заняться "Некрополем"» и т. д. (Там же. Д. 162. Л. 44 об.–45).

[14] ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 164. Л. 29 об.

inslav

Владимир Владимирович Шереметевский, потомственный москвич[15], сын известного педагога-словесника В.П. Шереметевского, был сокурсником А.А. Гоздаво-Голомбиевского по историко-филологическому факультету Московского университета. Как и последний, Шереметевский многие годы служил в Московском архиве Министерства юстиции: младшим (с 1888 г.) и старшим (с 1894 г.) помощником редактора описей и изданий Архива, редактором описей и изданий (с 1898 г.) и, наконец, начальником отделения Архива (с 1911 г.). К работе над РПН он приступил в феврале 1910 г. и занимался ею более семи лет – до лета 1917 г.

Наиболее напряженными оказались 1910–1912 гг. – годы сбора и систематизации материалов, утомительной, иногда бесплодной переписки с приходскими властями. Основные трудности, с которыми столкнулись вдохновители проекта, отразились в отчетах В.В. Шереметевского о работе над РПН. Особенно подробным и наглядным был отчет за первый год его деятельности, датированный 24 января 1911 г. Он состоял из двух частей. В первой приводились сведения о поступлении (или непоступлении) материалов по всем епархиям и исповеданиям на начало 1911 г. Следствием представленных в отчете данных явился рескрипт великого князя Николая Михайловича обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру от 30 ноября 1911 г., в котором, в частности, говорилось: "Ввиду того, что до настоящего времени просимые сведения не представлены епархиями – Владивостокской, Вятской, Грузинского экзархата (Имеретинской, Гурийско-Мингрельской и Сухумской), Донской, Забайкальской, Иркутской, Оренбургской, Полоцкой, Рижской, Саратовской, Туркестанской, Черниговской и Нижегородской, а также не доставлены дополнительные данные, затребованные из епархий – Владимирской, Московской, С.-Петербургской и Ярославской, очень прошу Вас сделать зависящее распоряжение об ускорении представления необходимых мне сведений"[16]. В мае 1912 г. вновь последовало официальное отношение от управляющего делами великого князя М.Н. Молодовского к управляющему канцелярией Св. Синода С.П. Григоровскому с просьбой поторопить присылку материалов из Саратовской, Нижегородской, Тверской и Казанской епархий[17]. В результате, к июлю 1912 г. "были получены списки погребенных по всем епархиям"[18].

---

[15] Подробнее о нем см.: *Ястржембский Д.А.* "Московский архивариус" В.В. Шереметевский // Краеведы Москвы. М., 1997. С. 211–226; РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 14918 (о службе в Министерстве юстиции). Семейный некрополь Шереметевских находился на Ваганьковском кладбище. В.И. Саитов и Б.Л. Модзалевский не сумели разыскать их могилы, и надписи с них не вошли в "Московский некрополь". Первоначально, по-видимому, это огорчило и составителей, и самого Шереметевского. "С[аитов] пропустил Шер[еметевск]их!" – писал Гоздаво-Голомбиевский Чулкову (ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 161. Л. 78. Письмо от 17 августа 1908 г.). Но когда это выяснилось, Саитов обратился к Шереметевскому с просьбой восполнить этот пробел. Исполняя ее, последний отвечал Саитову: «Та польза, которую я извлек и надеюсь еще извлечь из Вашего "Некрополя", служит вполне достаточной компенсацией за потопление в "Ваганьковском море" (по весьма понравившемуся мне Вашему выражению) моих родичей. Было бы скорее удивительно, если бы они попали в "Некрополь", так как мой дед со своими ближайшими родственниками покоится в самой гуще старого кладбища, и могилы их чрезвычайно запущены, и только мои отец и сестра погребены на новом кладбище, хотя также в очень тесном месте среди множества других могил» (РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 359. Л. 1–1 об. Письмо В.В. Шереметевского В.И. Саитову от 28 декабря 1908 г.). Судя по всему, эта тема послужила поводом к сближению Саитова и Шереметевского, что, в свою очередь, способствовало затем введению последнего в круг создателей "Всероссийского некрополя".

[16] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 31.

[17] Там же. Л. 35, 35 об., 37.

[18] РПН. С. VI.

inslav

Часть вторая, озаглавленная "Характер материалов и вытекающий из этого характера план издания", представляла собой развернутый аналитический обзор работ по сбору и систематизации материала, подробный перечень основных трудностей, встречающихся во взаимоотношениях с местными духовными властями, и средств их преодоления, а также содержала проспект будущего издания.

По мнению В.В. Шереметевского, главный и неизбежный недостаток сотрудничества с местным духовенством заключался

«в невозможности проверить добросовестность составителей донесений. Нередки случаи явной небрежности: донесения пишутся очень неразборчиво, криво, на клочках, с ошибками в титулах; во многих донесениях заметно недобросовестное стремление отписаться во что бы то ни стало от неприятного поручения. Особенно часто священники ссылаются на "зиму с ее жестокими морозами, вьюгами и метелями", не дающую возможности подробного осмотра кладбищ [...]

Помимо явной недобросовестности, – писал Шереметевский, – собиранию материалов иногда препятствуют условия, не зависящие от церковных причтов. Некоторые священники справедливо указывают на варварское отношение жителей к кладбищам и на разрушение памятников: один священник сообщает, что "старое сельское кладбище частью забито скотом, частью прихвачено под усадьбы", другой не без иронии указывает на то, что "на двух дворянских могилах были устроены два больших памятника, в настоящее время один из них усердием христиан – жителей с. Приволья – разобран до основания, а другой – до половины, почему и надписей не оказывается ни одной". Часто также священники не могут доставить сведений о лицах, погребенных в склепах, за неимением особой надписи над каждым из погребенных, и должны ограничиваться общим указанием, что склеп "представляет усыпальницу такого-то рода".

Не все причты, даже после сделанных разъяснений, разобрались, кого должно вносить в список погребенных. Многие священники все ищут каких-то "крупных общественных деятелей" и, не находя их, не присылают ничего [...] Более осторожные даже и не берут на себя решения этого вопроса [...] Некоторые догадываются, что надписи над могилами крестьян не нужны, и сообщают лишь нечто вроде того, что на могилах крестьян "высятся обыкновенные деревянные кресты простой незатейливой работы, на некоторых из них малозаметные вырезки года и числа смерти погребенного и только". Но некоторые чересчур добросовестные настоятели перечисляют все надписи на могилах сельского кладбища [...]

Не находя у себя "крупных общественных деятелей", некоторые священники заменяют их лицами, "достойными доброй памяти" с местной приходской точки зрения и добросовестно сообщают эпитафии какой-нибудь мещанки, пожертвовавшей в церковь сторублевый билет, или крестьянина, давшего деньги на ремонт церковной крыши, или, наконец, "матушки", отличившейся при жизни "добрым и откровенным характером". Отыскивая с трудом "общественных деятелей", духовные лица едва ли не в большинстве случаев никак не хотят признать таковыми лиц женского пола. Полное игнорирование лиц женского пола представляет недостаток весьма значительного числа списков погребенных, способный привести в отчаяние всякого, кто занимается генеалогией. "Остальные памятники, – сообщает один священник, – подробно описав два памятника, – ни архитектурой, ни надписями редкости не представляют; стоят они над прахом жен, детей, близких родственников и даже знакомых владельцев".

Еще более разногласия и самых прискорбных недоразумений наблюдается при решении вопроса о том, какие сведения должно сообщать о погребенных. Некоторые духовные лица поняли, что достаточно сообщить только имена, отчества и фамилии погребенных без всяких хронологических дат [...] Иногда при просмотре подобного списка можно подумать, что дат на самом деле на памятниках нет, но составитель списка зачастую разрушает это успокоительное убеждение, сообщая тут же, что "надписей, кроме обозначения года рождения и смерти, нет". Некоторые священники прямо называют надписи с хронологическими датами "обыкновенными" и на этом основании отметают их. Многие духовные лица убеждены, что для "Некрополя" нужны одни эпитафии, т.е. тексты, изречения и стихи [...] При этом одни священники добросовестно выписывают бесконечно повторяющиеся, шаблонные надписи [...] другие выбирают надписи, по их оценке, интересные; но и те,

inslav

и другие очень часто, списывая эпитафию, игнорируют хронологические данные. Есть и такие священники, которые, не сообщая ни дат, ни эпитафий, думают заменить это описаниями внешнего вида памятников [...] Иногда священник заменяет эпитафию тем, что сообщает свои воспоминания о своих умерших прихожанах [...]

При разборе материалов обращает внимание то обстоятельство, что вообще донесения сельских причтов заключают в себе более надежные и подробные сведения, чем донесения причтов городских церквей. Городские кладбища составляют поистине больное место всего предприятия [...] Кладбищенское духовенство за немногими исключениями берется за составление списка своих покойников с очевидным желанием как-нибудь подешевле отделаться от докучливого требования духовного начальства [...] В Харькове, например, с 200-тысячным населением на Усекновенском кладбище оказывается до 200 погребенных, на Всесвятском – 14, на Кирилло-Мефодиевском – 7; в Одессе с полумиллионным населением на Старом кладбище оказывается 79 погребенных, на Новом – всего 6, на Средне-Фонтанском – тоже 6 [...]»

"Едва ли можно признать основательными ссылки кладбищенского духовенства на многочисленность погребенных, – полагал В.В. Шереметевский. – Во-первых, из многочисленных погребенных большинство принадлежит к низшим классам, которых не имеют в виду указы Св. Синода 1908 и 1910 гг.; во-вторых, составление списка остальных погребенных не может быть обременительно для кладбищенского духовенства, постоянно ходящего с литиями по кладбищу и знающего наперечет все сколько-нибудь замечательные могилы; в-третьих, составление церковных летописей и т.п. трудов исторического характера вменяется в обязанность духовенству, и кладбищенские причты не выходят из круга своей деятельности, доставляя материалы для издания, имеющего большое значение для истории русских кладбищ.

Требования дополнительных сведений не всегда увенчиваются успехом: кладбищенский причт в ответ на требование накинет десятка два покойников и считает себя вполне свободным от приразившегося извне искушения; дальнейшая переписка явится уже бесполезной; одна сторона будет утверждать, что должны быть еще покойники, другая – что покойников больше нет".

"При неполноте и относительной ненадежности доставляемых духовенством сведений, – заключал В.В. Шереметевский, – большое значение получают печатные источники". Он полагал необходимым привлекать для составления РПН агиологическую литературу, печатные описания монастырей и церквей, "по крайней мере тех, которые обладают более или менее значительными кладбищами". Для новейшего времени он придавал особое значение просмотру газет для выявления некрологов. «Этот просмотр в виде опыта был сделан для кладбищ Харькова и Одессы, – сообщал Шереметевский, – и дал возможность внести в "Некрополь" тысячи три умерших, пропущенных кладбищенскими причтами в их списках. Ввиду невозможности просмотреть периодические издания всех (даже одних губернских) городов, следовало бы, во всяком случае, просмотреть газеты по наиболее населенным (особенно университетским) городам, по крайней мере, по Варшаве, Вильне [...] Казани, Киеву, Риге, Саратову, Тифлису и, пожалуй, Ярославлю, Воронежу и Н. Новгороду». Параллельно с разбором присылаемых материалов, В.В. Шереметевский считал необходимым просмотр "всех главнейших исторических журналов, биографических словарей, историй отдельных родов и т.п.", причем считал, что до "окончания же этого просмотра едва ли можно выпускать списки погребенных по отдельным епархиям".

Затем он высказывал два соображения, принципиально препятствовавших, по его мнению, изданию собранных сведений по епархиям (такая идея первоначально обсуждалась). "Во-первых, – писал Шереметевский, – список погребенных по какой-либо епархии, составленный не на месте, а лишь на основании донесений духовенства и литературных пособий, не будет полезен для местных жителей, как заключающий в себя неизбежные значительные пробелы, и вызовет ожесточенную критику со стороны местных археологов и генеалогов (даже простых "старожилов"), имеющих в своих руках более богатые материалы. Во-вторых, такими списками будет до крайности неудобно пользоваться людям, занимающимся общей генеалогией, ибо для того, чтобы найти лицо, которого место погребения неизвестно, придется, кроме Московского и С.-Петербургского "Некрополей", просмотреть более 60 списков по отдельным епархиям. Исследователь же, занимающийся ис-

inslav

торией какого-нибудь рода, должен будет собирать сведения о членах этого рода по более чем 60 алфавитам в стольких же отдельных книгах».

«Все эти неудобства будут устранены, – заключал Шереметевский, – если после разбора всех материалов будет составлен один список погребенных по всей России. Этот список, не претендуя на полноту, необходимую для местных "Некрополей", будет заключать в себе множество ценных и неизвестных до сих пор генеалогических данных и будет весьма удобен для пользования вследствие того, что фамилии всех погребенных будут расположены по одному общему алфавиту.

Было бы целесообразным выделить особо списки погребенных по губерниям Западной России с преобладанием польского или немецкого элемента в высших классах общества, каковы губернии Полоцкая, Минская, Могилевская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Волынская, Подольская, губернии Царства Польского и Финляндские, губернии Эстляндская, Лифляндская и Курляндская. К ним можно было бы, пожалуй, присоединить и Азиатские области, Кавказ, Сибирь и Туркестан, так как материал по этим областям окажется недостаточным для составления особого "Некрополя" по Русской Азии. Таким образом, "Всероссийский Некрополь" состоял бы из двух частей: I. Губернии (или епархии) северные, центральные, восточные и южные; II. Губернии западные. Азиатские области можно было бы присоединить или к первой, или ко второй части.

При таком распределении материала было бы весьма удобно пользоваться "Некрополями", так как при генеалогических изысканиях приходилось бы проходить только 4 общих алфавита, именно в "Некрополях" Московском и С.-Петербургском и двух частях "Всероссийского Некрополя"»[19].

Среди официальной переписки о ходе работ над РПН сохранился отрывок письма В.В. Шереметевского к А.А. Гоздаво-Голомбиевскому за 1911 г., отразивший еще одну проблему, с которой неожиданно столкнулись составители – конкуренция, и не всегда добросовестная, со стороны историка тульского дворянства, генеалога В.И. Чернопятова. Шереметевский писал, что последний "выпросил у Парфения разрешение отобрать у тульских попов те же сведения, какие были доставлены Великому Князю. Теперь затевает Некрополь Московской губернии и хочет через Самарина просить того же у Владимира. Меня удивляет эта наивная наглость: раз сведения собраны для В[еликого] К[нязя], значит, они и составляют его собственность. Я думал, что и Парфений умнее [...] Удивил меня и Чулков; пришел и спрашивает для Чернопятова, такие-то тульские округа прислали сведения или нет. Я его послал к чертовой матери. Конечно, он нас не обгонит с Некр[ополем] Моск[овской] губ[ернии], но если каждая епархия будет выдавать копии разным праздношатаям, при чем же окажется тогда Великий Князь с подлинниками?[20] Придется теперь торопиться с Некрополем, а я и без того очень много времени ему посвящал. Ничего не поделаешь. Вы не поверите, какая это кропотливая, нудная работа. С 60 часами в месяц тут многого не сделаешь [...]"[21]. Летом 1912 г. Шереметевский жаловался и Чулкову: "Гоню и Некрополь, и Словарь. Где уж отдыхать? Все противно"; еще через несколько недель: "Вместо отдыха страшная трепка нервов, да и от-

[19] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 21 об.–30 об.

[20] Упоминаются: Парфений – архиепископ тульский, А. Д. Самарин – московский губернский предводитель дворянства, Владимир – митрополит московский.

[21] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 33, 33 об. Насколько можно судить, профессиональные историки и генеалоги невысоко оценивали труды В.И. Чернопятова. Например, Б.Л. Модзалевский в одном из писем к С.А. Венгерову отзывался о нем как о человеке, который «наряду с некоторой пользой, приносит науке и большой вред, издавая никуда не годные, наполненные ошибками справочники вроде, напр[имер], "Заграничного Некрополя" или "Тульского Некрополя"» (Письмо Б.Л. Модзалевского С.А. Венгерову от 12 июля 1914 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 г. СПб., 2001. С. 291).

inslav

дыха быть не может. Одолели меня Некрополь и Словарь. Да все еще, к тому же, не клеится"[22].

12 февраля 1912 г. В.В. Шереметевский представил отчет за второй год работы над "Провинциальным некрополем". За это время им были

«извлечены и выписаны на карточки сведения о погребенных по епархиям Владимирской, Московской, Новгородской и Тверской. Так как ранее уже были извлечены такие же сведения по епархиям Костромской, Ярославской, Псковской и Олонецкой, то остается использовать материалы по епархиям С.-Петербургской, Вологодской и Архангельской для того, чтобы иметь "Некрополь" всей северной части собственной России [...] Обработка материалов по епархиям С.-Петербургской, Вологодской и Архангельской, особенно ввиду малых размеров "Некрополей" последних двух епархий, займет не слишком много времени [...] Во всяком случае, едва ли встретится препятствие к тому, чтобы осенью 1912 года приступить к печатанию первого отдела, заключающего в себе "Некрополи" указанных выше северно-русских епархий, расположенные по общему алфавиту.

Во второй отдел могли бы войти "Некрополи" епархий восточных (поволжских и приуральских), именно Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Астраханской, Ставропольской, Владикавказской, Вятской, Пермской, Екатеринбургской, Оренбургской, Уфимской, епархий Сибирских, Туркестанской и Кавказских. К третьему отделу могут быть отнесены все епархии собственной России, кроме северных, Малороссия и Новороссия с Бессарабией и Крымом. Все епархии с преобладанием инородческого (польского, немецкого и шведо-финского) элемента в высших классах населения было бы целесообразным включить в четвертый отдел, в который в этом случае вошли бы епархии Полоцкая, Могилевская, Минская, Литовская, Гродненская, Холмская, Варшавская, Волынская, Подольская, Рижская и Финляндия. Ввиду того что сведения об иноверческих кладбищах доставлены почти исключительно по этому западному району и почти не имеются по собственной России, и едва ли будут доставлены своевременно для внесения в первый отдел "Некрополя", можно было бы без ущерба для дела все сведения об иноверцах присоединить к этому в значительной степени иноверческому, четвертому отделу. Едва ли не должно сделать исключение для мусульман по Туркестану и для мусульман и армян по Кавказу, тем более, что эти области не принадлежат к первой очереди, и можно надеяться, что нужные сведения об иноверцах будут доставлены в течение того периода, который будет посвящен составлению "Некрополя" восточного района.

По приблизительному расчету на каждый отдел "Всероссийского Некрополя" потребуется по одному тому, и, если прибавить еще том на случай избытка материала по какому-нибудь отделу, можно думать, что все издание займет 4–5 томов, будучи разделено на отделы: Северно-русский, Восточно-русский, Южно-русский и Западно-русский»[23].

Предложенная Шереметевским разбивка РПН на части и была впоследствии принята издателем.

Б.Л. Модзалевский и В.И. Саитов, заинтересованные в успешности хода работ над "Всероссийским некрополем", неоднократно передавали Шереметевскому имевшиеся в их распоряжении "провинциальные" материалы. В одном из своих писем того времени Б.Л. Модзалевский предлагал А.В. Смирнову, если тот не рассчитывает издать "Владимирский некрополь" отдельно, также передать свои материалы Шереметевскому. "Я ему уже послал то, что было у меня собрано по России (довольно-таки много)"[24], – сообщал далее Модзалевский. В.И. Саитов пересылал в Москву материалы других исследо-

---

[22] ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 305. Л. 23 об. (письмо от 7 июня), 25 об. (письмо от 24 июня).

[23] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 11–12.

[24] Письмо Б.Л. Модзалевского А.В. Смирнову от 4 апреля 1913 г. // Ежегодник ... на 1996 г. С. 154. По-видимому, А.В. Смирнов своих материалов не отдал – в предисловии В.В. Шереметевского к 1-му тому РПН его имя не упоминается.

inslav

вателей (например, историка музыки И.И. Лобова); Шереметевский, в свою очередь, отправил ему все доставленные материалы по Петербургу и его окрестностям для "Петербургского некрополя"[25].

Как уже упоминалось, выработанные Модзалевским и Саитовым принципы публикации надгробных надписей были приняты Шереметевским и при подготовке РПН, о чем свидетельствуют его письма того времени. «Очень Вам благодарен за хлопоты по пересылке материалов, – писал он Саитову 22 апреля 1914 г. – Я надеюсь, что Вы и впредь не потяготитесь этими хлопотами, а при случае не откажете мне в Вашем содействии. Кому же, как не Вам, "утверждать братию свою", которой остается только руководиться изданными Вами образцами и выработанными Вами формами»[26].

Работа по составлению РПН привлекла внимание собирателей некрополей из различных регионов России, и они начали доставлять свои материалы для него. А.Н. Ильин прислал собранные им сведения о погребенных по Верейскому уезду Московской губернии[27]. В мае 1912 г. краевед П.А. Россиев доставил составленный им некрополь Таврической губернии. Он также сообщал: "В близком будущем я позволю себе еще прислать дополнение и вообще буду иметь честь дополнять некрополь по мере возможности"[28]. В том же месяце податной инспектор из г. Никольск-Уссурийский П.И. Кречетов прислал рукопись "Забытые могилы", подготовленную им во время службы в Риге[29]. К рукописи было приложено письмо из журнала "Исторический вестник", куда сначала обратился Кречетов. Отдельные замечания и поправки сделали сослуживцы Шереметевского по Московскому архиву Министерства юстиции Н.П. Чулков и Н.Н. Марков.

В отчете за 1912 г. В.В. Шереметевский сообщал, что за год им «были выписаны на карточки сведения о погребенных из материалов по епархиям С.-Петербургской, Вологодской и Архангельской, а также из материалов, присланных в дополнение к полученным ранее и уже обработанным, по епархиям Владимирской, Костромской, Московской, Новгородской, Тверской и Ярославской. После того, как все изготовленные карточки (до 30 000) были подобраны в алфавитном порядке, 1 декабря 1912 г. было приступлено к печатанию первого отдела "Русского Провинциального Некрополя". В настоящее время подписано к печати 10 листов и имеется еще 6–7 листов, сверстанных и в гранках». Он сообщил также, что «для второго отдела "Некрополя" были выписаны на карточки сведения о погребенных из материалов по епархии Калужской и части Орловской»[30].

Печатание первого тома-отдела, затормозившееся летом 1913 г. вследствие продлившейся до октября типографской забастовки[31], в середине ноября того же года наконец-то завершилось. В конце ноября великим князем Нико-

---

[25] РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 359. Л. 3 (письмо В. В. Шереметевского В. И. Саитову от 13 апреля 1912 г.).
[26] Там же. Л. 4–4 об.
[27] РПН. С. IX.
[28] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 36. На письме надпись рукой Гоздаво-Голомбиевского: "Материалы получены 28.V.1912 г. и посланы Шереметевскому". Последний в письме к Чулкову оценил их весьма критически: "Россиев прислал свои выписки. Синица моря не зажгла. Это покушение с негодными средствами на приобретение Августейшего благоволения" (ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 305. Л. 23 об. Письмо от 7 июня 1912 г.). Однако в работе над РПН материалы Россиева были использованы.
[29] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 37. Судьба материалов П.И. Кречетова неизвестна.
[30] Там же. Л. 70.
[31] Там же. Л. 3–3 об. (письмо В.В. Шереметевского М.Н. Молодовскому от 1 ноября 1913 г.).

inslav

лаем Михайловичем был утвержден представленный Шереметевским проект титульного листа книги, а к 20 декабря книга вышла из печати в типографии И.Н. Кушнерева в Москве (в которой печатался и руководимый великим князем "Русский биографический словарь")[32].

Открывался том предисловием В.В. Шереметевского, который сетовал на "разгром" провинциальных кладбищ, прежде всего, сельских, ввиду чего «только издание "Русского Провинциального Некрополя" может сохранить сведения о многочисленных дворянах-помещиках, покоящихся на своих родовых кладбищах в могилах, по которым разгуливает скотина, и с которых мужики растаскивают по кирпичику монументы, уничтожая нередко важные для генеалогии эпитафии»[33]. После краткого изложения истории издания и основных его содержательных особенностей, Шереметевский приводил план всех четырех томов, перечисляя губернии, долженствующие войти в каждый из них. В изданном содержалось до 15 тыс имен.

В январе 1914 г. первый том РПН поступил в продажу по цене, составлявшей около 60% от его себестоимости[34]. Его редактор и составитель В.В. Шереметевский получил в личное распоряжение 50 экз. издания. Бесплатные экземпляры были посланы в Императорскую Публичную библиотеку (два), библиотеки Зимнего дворца и Главного управления уделов, Государственный архив, архивы МИД и Министерства юстиции в Москве, Оружейную палату и Музей 1812 г. при ней, в библиотеки Петербургского, Харьковского и Казанского университетов, Пушкинского Дома, Русского исторического общества, Общества ревнителей истории, Народного университета им. А.Л. Шанявского, Женского педагогического института, Киевских высших женских курсов, Охтинского общества трезвости, Пермского отделения Петроградского университета, Нижегородской и Саратовской ученых архивных комиссий, Псковскую библиотеку им. А.И. Успенского, Харьковскую общественную и Туркестанскую публичную библиотеки, Ростовский музей Ярославской губернии, редакции журналов "Вестник Европы", "Исторический вестник", "Русская старина", а также Французскую академию и Институт французской славистики в Сорбонне. Кроме того, книгу безвозмездно получили свыше 30 частных лиц – историков, краеведов и личных друзей великого князя Николая Михайловича.

Поскольку первый том РПН рассматривался современниками как очередной шаг на пути реализации давно уже выработанной и обсужденной всероссийской программы описания кладбищ, то и интерес рецензентов к изданию был меньшим, нежели ранее. Лишь Б.Л. Модзалевский в "Истори-

---

[32] Там же. Л. 4, 6, 77. О своем сотрудничестве с типографией Кушнерева В.В. Шереметевский писал В.И. Саитову 1 мая 1914 г., что "остался очень доволен ей в смысле быстроты работы, предупредительности и отсутствия каких-либо придирок. Видно было, что фирма Августейшего издателя придавала мне авторитет, избавлявший меня от каких-либо типографских дрязг" (РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 359. Л. 6–6 об.).

[33] РПН. С. V.

[34] Дело о подготовке РПН содержит документы, отражающие и коммерческую сторону дела. На конец 1913 г. было продано около 400 экз. "Московского" и около 300 экз. "Петербургского некрополей" по цене 2,5 руб. за том со скидкой 25–30%. При этом их себестоимость составляла, соответственно, в среднем 2,8 и 4,2 руб. за том. Таким образом, "Петербургский некрополь" медленно расходился и по цене в два раза ниже себестоимости. Первый том РПН, при сокращении тиража до 500 экз., имел себестоимость 4,8 руб. Но ввиду очевидного коммерческого неуспеха предыдущих изданий великий князь Николай Михайлович лично назначил отпускную цену только в 3 руб. См.: РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 71, 72, 81. Однако на начало 1918 г. на складе оставалось еще 113 экз., при том, что 69 было разослано бесплатно учреждениям и частным лицам. См.: Там же. Д. 1118.

inslav

ческом вестнике" откликнулся на его появление. "Не приходится, конечно, – писал он, – разъяснять всю важность подробного (так в тексте, по смыслу вернее "подобного". – *Д.Ш.*) издания, спасающего от гибели десятки, сотни тысяч иногда прямо неоцененных указаний исторического, биографического, генеалогического и бытового значения и отнимающего у всеразрушающего времени и у иногда невежественных распорядителей наших кладбищ зачастую столь красноречивые в своем безмолвии надгробия с могил длинного ряда отошедших уже в вечность поколений русских деятелей – крупных и мало заметных". Модзалевский особо подчеркивал, что РПН "спасает и пускает в научный оборот такие сведения, которые до своего появления в печати могли считаться как бы не существующими; затерянные по тихим кладбищам тысяч городов и сел надгробные надписи русской провинции были, в громадном своем большинстве, совершенно неизвестны исследователям, – теперь же, собранные и изданные под опытным наблюдением специалиста [...] они внесут много нового, дадут тысячи и тысячи дат, указаний на родственные, имущественные, служебные отношения, рассеют многие недоумения, разрушат многие легенды и исправят многие ошибки"[35].

Единственной слабой стороной издания Модзалевский, как и Шереметевский, считал "самый способ собирания надгробий – не непосредственно составителем книги, а при посредстве духовенства, приходского и монастырского". В результате, отмечал рецензент, "при всей тщательности редактора, в книгу вкрались и ошибки, и неточности, и пропуски очень досадного свойства, отнюдь, впрочем, не падающие на редактора, а проистекающие, как сказано было выше, из самого способа собирания материала". Далее он отмечал несколько подобных случаев в отношении лиц, чьи могилы в свое время видел лично (А.П. Керн, Ф.И. Вульф, П.П. и Р.П. Херасковы)[36]. О том же недостатке писал и "конкурент" РПН В.И. Чернопятов: "Мне удалось проследить эту работу и должен откровенно сознаться, что на казенный запрос ответы были далеко не полными, составленные не продуманно лицами мало интеллигентными и, таким образом, можно с уверенностью сказать, что большая половина усопших, достойных быть занесенными в эти труды, [туда] не попала"[37].

Выход первого тома РПН имел и другое, более важное последствие – активизацию интереса к некропольной тематике на местах. Так, например, в 1916 г. членом Псковской ученой архивной комиссии И.Н. Шемякиным был издан "Псковский некрополь". Составитель писал о РПН: «Ясно, что предпринятое в широком масштабе это издание в деталях своих нуждается в дополнениях и поправках. Исторические общества и Архивные комиссии, мне кажется, и должны взять на себя труды по собиранию не вошедших в "Некрополь" надгробий, и эта работа, несомненно, не терпит ни малейшего отлагательства ввиду прямо стихийного уничтожения на Руси не только отдельных могил, но и целых кладбищ»[38]. Таким образом, Шемякин рассматривал свое издание именно как дополнение и уточнение к выпущенному тому, сделанные им исправления особо выделялись в тексте. Часть опубликованных в "Псковском некрополе" надгробных надписей была передана

---

[35] ИВ. 1914. Т. 136. Апр. С. 292–293.
[36] Там же. С. 293–294.
[37] *Чернопятов В.И.* Некрополь. Из записной книжки старого генеалога. Тула, 1915. С. 4.
[38] *Шемякин И.Н.* Псковский некрополь. I. Псков, 1916. С. 3.

inslav

составителю Б.Л. Модзалевским, списавшим их во время своей поездки в Псков в 1908 г.

В отчете за 1913 г. В.В. Шереметевский, кроме факта выхода первого тома, отмечал, что за указанный период им "были обработаны материалы для второго тома по епархиям Орловской, Курской, Тульской, Рязанской и Донской"[39]. В следующем году его предположения относительно дальнейшего хода издания изменились, и 7 октября 1914 г. он обратился со своей идеей к М.Н. Молодовскому. "В настоящее время, – писал Шереметевский, – мною обработаны 9 губерний (Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская и Харьковская) и Область Войска Донского, представляющие совершенно самостоятельный географический район южной России без собственной Малороссии и Новороссии. Я предполагал бы разделить второй том на две части и к печатанию первой, уже готовой части, приступить в конце этого года. Смею обратить внимание Ваше на то, что на практике оказывается совершенно невозможным поместить в одном томе весь намеченный в предисловии к первому тому материал. И первый том вышел весьма громоздким, а второй имел бы объем раза в полтора больший. Это, кажется, превосходит все типографские возможности. Надо иметь в виду, что и готовый материал довольно внушителен по объему. Если же присоединить к нему, не говорю уже некрополи всех семи остальных губерний, но даже только большие некрополи Киева и Одессы, то и тогда весь этот материал не мог бы поместиться в одном томе"[40].

Письмом от 20 октября Молодовский извещал Шереметевского, что великий князь одобряет его предположения по разделению второго тома на две части. Вместе с тем управляющий делами писал (излагая мнение своего патрона), что "печатание первой части можно было бы на некоторое время отложить ввиду переживаемых событий"[41]. Отсрочка оказалась роковой – более не было издано ни одного тома.

В феврале 1915 г. В.В. Шереметевский сообщил, что за прошедший год им «были выписаны сведения о погребенных из материалов по епархиям Смоленской, Тамбовской и Воронежской и дополнены по литературным пособиям и по материалам, доставленным Е.Н. Клетновой, о. П.С. Цветко-

---

[39] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 100.

[40] Там же. Л. 104–105.

[41] Там же. Л. 103. В это время великий князь Николай Михайлович уже давно был на фронте. Еще 15 июля 1914 г., накануне объявления войны, он писал Николаю II: "Если бы война с немцами всех сортов все-таки возгорелась бы, то я хотел бы, очевидно, принять активное участие и не сидеть здесь сложа руки" (Письма великого князя Николая Михайловича к императору Николаю II // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). М., 1999. Вып. IX. С. 360). Уже 27 июля великий князь выехал на фронт, получив, по его собственному выражению, «"carte blanche" ездить по армиям, проверять военно-санитарную часть и следить за правильной эвакуацией» (*Николай Михайлович, великий князь.* Записки Н.М. Романова // Гибель монархии. М., 2000. С. 38). Насколько можно судить, научная и научно-организаторская деятельность с началом войны отошла для великого князя даже не на второй, а на третий план: почти все его мысли и труды были посвящены фронту и проблемам внутренней политики. Представляется, что свою негативную роль сыграла и кончина в 1913 г. А.А. Гоздаво-Голомбиевского, "мотора" работы над "Всероссийским некрополем". "В лице покойного я лишился лучшего сотрудника и дорогого приятеля, с которым мы работали почти неразлучно двенадцать лет", – писал 6 декабря 1913 г. Николаю II великий князь Николай Михайлович (Письма великого князя Николая Михайловича к императору Николаю II. С. 357). Заменивший его на посту секретаря Русского исторического общества В.И. Саитов не был столь же близок к председателю ("самый подходящий из членов общества, чтобы выполнять обязанности секретаря", – и только, по собственным словам великого князя); обязанности личного секретаря при последнем взял на себя полковник М.Н. Молодовский, человек от науки далекий.

inslav

вым, И.И. Лобовым и И.М. Картавцевым. В настоящее время приготовлен и разобран по буквам весь материал, имеющий войти в первую часть второго тома "Русского Провинциального Некрополя", после чего будет приступлено к разбору этого материала по слогам»[42]. Работая с печатными источниками, Шереметевский получил от Саитова предложение пользоваться фондами Публичной библиотеки. Поскольку первый жил и работал в Москве, то, по-видимому, имелась в виду присылка книг по почте во временное пользование. Проще всего это было сделать официальным путем – из Императорской Публичной библиотеки в Московский архив Министерства юстиции. Однако работа Шереметевского над некрополем была хоть и "великокняжеской", но, тем не менее, "внеплановой", вследствие чего он 27 января 1915 г. отвечал Саитову: "Очень Вам благодарен за Ваше предложение пользоваться книгами из Публичной библиотеки, но, к сожалению, в этом деле нельзя действовать через наш Архив. У нас вообще не слишком одобрительно смотрят на всякую литературную деятельность на стороне, и в этом деле я не найду поддержки у начальства, желающего, хотя и тщетно, чтобы подчиненные посвящали свои силы исключительно архивному делу"[43].

За 1915 г. Шереметевским «1) были выписаны на карточки сведения о погребенных из материалов по губерниям Черниговской, Киевской, части Полтавской и по городу Киеву (по городу Киеву, главным образом, из печатных источников); 2) были дополнены сведения по губерниям, имеющим войти в первую часть второго тома "Русского Провинциального Некрополя"»[44]. В письме Саитову от 19 мая 1915 г. он сообщал: «Относительно выхода в свет "Некрополя" по Киеву могу только сообщить, что работы по обработке материалов продолжаются, и в настоящее время я как раз занят Киевской епархией, представляющей большие трудности вследствие глубокой древности многих местных погребений и необходимости сведения о них извлекать из летописей и других многочисленных печатных источников. Второй том "Рус[ского] Пров[инциального] Некрополя" ввиду обширности материала решено разделить на две части, из которых вторая должна заключать губернии собственно малороссийские, а также новороссийские и Бессарабию. Первая часть была мною приготовлена еще осенью прошлого года, но печатание ввиду военных действий временно было отложено. Буду Вам чрезвычайно признателен, если найдете возможным в чем-нибудь помочь мне в этой работе»[45]. Наконец, с февраля 1916 по февраль 1917 г. Шереметевским "были выписаны на карточки данные о погребенных в епархиях Полтавской, Таврической, Екатеринославской и Кишиневской"[46].

Февральская революция 1917 г. положила конец надеждам на продолжение РПН. Сохранилось письмо В.В. Шереметевского к В.И. Саитову от 11 мая 1917 г., в котором он, в частности, интересовался: «При личном свидании [с великим князем ?] я получил указание обратиться к Вам за разъяснениями и относительно судьбы "Р[усского] Пр[овинциального] Некрополя". Что предполагается делать с этим изданием? Если работа по обработке материала будет приостановлена, то я просил бы приостановить и высылку мне ежемесячного гонорара, который в марте и апреле высылался мне под не

---

[42] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 107.
[43] РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 359. Л. 19 об.
[44] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 110.
[45] РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 359. Л. 24 об.–25 об.
[46] РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 113.

inslav

употреблявшемся доселе и возбуждавшим во мне некоторое сомнение названием "пенсии"». Рукою Саитова на письме помечено: "Задержать"[47].

Октябрьский переворот и Гражданская война окончательно остановили все научные проекты великого князя Николая Михайловича. В январе 1919 г. он был расстрелян. Шереметевский до конца жизни оставался на службе в бывшем Московском архиве Министерства юстиции, заведовал описательным отделом Древлехранилища, был членом Ученого совета архива, вместе с другими краеведами участвовал в создании комиссии по охране Московского некрополя. Насколько, однако, можно судить, к работе над РПН он не возвращался, библиотека его почти полностью погибла в 1919 г., в ней не осталось даже ни одного экземпляра первого тома РПН[48]. В августе 1941 г. Шереметевский был эвакуирован в Свердловск, весной 1943 г. возвратился в Москву, в ноябре того же года скончался и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

Насколько нам известно, личный архив В.В. Шереметевского в сколько-нибудь цельном виде не сохранился. Материалы, присланные из епархий, были, по-видимому, оставлены им на хранении в Московском архиве Министерства юстиции (ныне – РГАДА). В 1955 г. они были присоединены к фонду великого князя Николая Михайловича в ЦГИАЛ (ныне – РГИА). Сохранившиеся к середине 1930-х годов свои рукописи Шереметевский передал в Государственный литературный музей, где с 1933 г. старшим консультантом рукописного отдела служил Н.П. Чулков[49]. В результате, картотека (или ее часть?) ко второму и третьему томам РПН сохранилась в фонде последнего[50]. В 1996 г. значительная часть карточек была опубликована сотрудниками ГЛМ[51].

О картотеке для РПН необходимо сказать подробнее, поскольку, во-первых, она представляет собой весьма сложный документальный комплекс; во-вторых, в публикации 1996 г. учтены далеко не все сохранившиеся карточки; в-третьих, сама публикация выполнена неудовлетворительно. Наибо-

---

[47] РГАЛИ. Ф. 437. Оп. 1. Д. 359. Л. 40 об.

[48] ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 306. Л. 16–16 об., 34 об. (письма В.В. Шереметевского Н.П. Чулкову от 4 февраля и 12 декабря 1934 г.).

[49] Вопрос о передаче рукописей обсуждался между Шереметевским и Чулковым в 1934–1935 гг. «У меня, весьма тревожащегося о судьбе моих рукописей, – писал Шереметевский 5 октября 1934 г. – явилась мысль пристроить [..] некоторые [..] мои рукописные работы в Архив Литер[атурного] Музея. Ведь под "литературу" подойдет почти всякая работа» (Там же. Л. 23). "Очень меня беспокоят мои рукописи. Я мечтал оставить их на Ваше попечение", – вновь сообщал он Чулкову 18 января 1935 г. (Там же. Л. 43).

[50] Там же. Д. 497, 500.

[51] Русский провинциальный некрополь: Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея // Река времен: альманах истории и культуры. М., 1996. Кн. 4. Единственный содержательный элемент в предисловии к публикации (*Николаев А.* Материалы для "Провинциального некрополя": Картотека Н.П. Чулкова // Там же. С. 5–7) – это автобиография Н.П. Чулкова, которому почему-то приписывается основная роль в составлении картотеки. Незадолго до этой публикации вышла небольшая статья С.Ю. Шокарева, который коротко рассказал о готовящихся к изданию материалах и их связи с общей историей проекта. См.: *Шокарев С.Ю.* Материалы ко второму тому "Провинциального некрополя". С. 420–425. После выхода издания появилось и несколько рецензий на него. В наиболее обстоятельной из них тот же С.Ю. Шокарев отмечал "пренебрежение к археографическому описанию" со стороны публикаторов по целому ряду пунктов, начиная с неверной атрибуции картотеки и заканчивая полным отсутствием каких-либо археографических характеристик. См.: ОА 1997. № 3. С. 99–101. Менее взыскателен был С.В. Думин, назвавший публикацию "прекрасным подарком генеалогам". Но и он указал на существенный ее недостаток "по сравнению с предшествующими публикациями такого рода" – отсутствие перекрестных отсылок. См.: Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1997. Вып. 4/5. С. 180–181. О других недостатках публикации см. ниже.

inslav

лее очевидные ее погрешности уже отмечались рецензентами: автором подавляющего большинства записей на карточках и вообще составителем картотеки был В.В. Шереметевский, а не Н.П. Чулков; в публикации нет перекрестных отсылок. Однако ими ничего не было сказано о содержании издания. Между тем в географических названиях и именах погребенных присутствуют многие десятки опечаток и ошибок. Возможно, что некоторые из них допущены Шереметевским. Неясно, однако, почему в этом случае они не были исправлены при публикации (пусть с оговорками). Но подавляющее большинство ошибок явно принадлежит публикаторам. Сверив с хранящимися в ГЛМ карточками первые пять страниц публикации (с 8 по 12) мы сделали до 20 (!) существенных поправок. Например, Н.Г. Адарюкова оказалась похороненной в с. Жихарь Хорошевского – никогда не существовавшего – уезда (правильно: "Харьковского"), Адасовский Евтихий превратился в Евгения, И.Н. Азбукин оказался начальником движения на Курско-Харьковской Северной (!) железной дороге (вместо "Курско-Харьковско-Севастопольской") и т.д. Опечатки также иногда очень существенны: не для каждого, кто обратится к изданию, будет очевидно, что вместо "Медянского" уезда (с. 393) следует читать "Медынского", вместо "Клатомского" – "Елатомского" (с. 399) и т.д.

Наконец, по утверждению публикаторов, "основной массив картотеки [...] охватывает губернии: Бессарабскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Калужскую, Курскую, Орловскую, Полтавскую, Рязанскую, Смоленскую, Таврическую, Тамбовскую, Тульскую, Харьковскую, Черниговскую, а также Область Войска Донского [...] В картотеке также содержится незначительная часть сведений из Симбирской и Пензенской губерний, предназначавшихся для III-го тома"[52]. Между тем, как показывает фронтальный просмотр опубликованной части картотеки, в ней нет ни одной записи по Бессарабской, Пензенской и Полтавской губерниям, зато присутствуют, помимо перечисленных публикаторами, записи по Херсонской (1082), Самарской (25), Киевской и Тобольской (по 1) губерниям.

Безусловно, перед нами – упоминаемые В.В. Шереметевским в его отчетах материалы к обеим частям второго и к третьему томам (Самарская, Симбирская и Тобольская губернии) РПН. Встает, однако, вопрос об их полноте и сохранности. Публикаторы картотеки фактически обошли этот вопрос стороной, хотя о неполноте изданной части свидетельствовал уже тот факт, что имена на буквы с "А" по "С" занимают в издании 393 страницы, а имена с "Т" по "Я" (в среднем, не менее 20% любой случайной обширной росписи персон) – всего 11[53].

Как указал еще С.Ю. Шокарев, "материалы ко второму тому представляют собой три ящика картотеки, с 7379 карточками, каждая из которых посвящена отдельному захоронению"[54]. Подавляющее большинство из них представляют собой специально для этой цели нарезанные листочки плотной белой линованной бумаги, на каждом из которых рукой В.В. Шереметевского

---

[52] *Николаев А.* Материалы для "Провинциального некрополя". С. 7. С.Ю. Шокарев в своей рецензии верно исключил из перечня Пензенскую губернию и ввел в него Херсонскую (которую почему-то назвал Одесской), но в остальном повторил географические ошибки публикаторов (ОА. 1997. № 3. С. 99), С.В. Думин и О.Н. Наумов же механически их воспроизвели.

[53] Этот очевидный факт отметил в своей рецензии С.В. Думин, предположивший, что часть карточек после буквы "С" утеряна. См.: Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1997. Вып. 4/5. С. 180. Это предположение, как видно из нижеследующего, неверно.

[54] *Шокарев С.Ю.* Материалы ко второму тому "Провинциального некрополя". С. 423.

inslav

записаны сведения о погребении того или иного лица (лиц). Единичные записи о захоронениях предреволюционных годов сделаны рукой Н.П. Чулкова. Кроме карточек присутствуют и несколько десятков вставленных в общем алфавитном порядке вырезок из подлинных консисторских списков и донесений причтов; иногда это целые листы, свернутые до формата карточки. В качестве карточки использовалась лишь одна сторона донесения, вторая перечеркивалась. Поскольку не все имена попадали в публикацию, а также не все карточки сохранились, оборотные стороны подлинных донесений представляют собой дополнительный источник информации – как о лицах, так и о не дошедших до нас материалах.

В целом, отдельных записей о погребениях несколько меньше, чем карточек – около 6900. Это объясняется, в основном, тем, что при публикации были пропущены все карточки с отсылками на мирскую или девичью фамилию похороненного. Присутствует также несколько двойных карточек на одно и то же лицо – обычно когда сведения о них были получены из разных источников. В единичных случаях на одну запись приходится по две-три карточки. Из указанного числа записей на губернии 3-го тома приходится более 400. Таким образом, опубликовано около 6,5 тыс. записей из 2-го тома РПН[55].

Между тем для составителей издания 1996 г. остался неизвестным массив еще более чем из 1,5 тыс. карточек, совершенно идентичных опубликованным. Они хранятся в составе другой картотеки в фонде Н.П. Чулкова, названной в описи "Картотекой к биографическому словарю"[56]. Анализ последней, однако, показывает, что к "Русскому биографическому словарю", редактором двух томов которого был Чулков, отношения она не имеет, поскольку охватывает в равной мере весь алфавит и по характеру записей напоминает картотеки других выдающихся генеалогов и биографистов того времени, Б.Л. Модзалевского и В.И. Саитова: каждая карточка содержит фамилию, имя, отчество, иногда даты жизни лица, а также источник или список источников, где можно почерпнуть сведения о нем. Занимаясь профессионально составлением биографических и генеалогических справок о всевозможных людях, Чулков, вполне естественно, на протяжении всей своей жизни вел и пополнял подобную картотеку. Однако по неизвестной причине[57] в ее составе оказалось и свыше 1,5 тыс. карточек В.В. Шереметевского, относящихся почти исключительно к буквам от "Р" до "Ш" включительно и, таким образом, почти целиком восполняющих "утраченный" в 1996 г. конец опубликованной картотеки.

Итак, в ГЛМ нами обнаружено около 8 тыс. записей (или 8,5 тыс. карточек) для второго тома РПН (в том числе приблизительно 4,5 тыс. – для первой его части и 3,5 тыс. – для второй) и немногим более 400 – для третьего (записей по Симбирской губернии в деле 497 нет). Но В.В. Шереметевский в приведенном выше письме от 7 октября 1914 г. говорил о пред-

---

[55] Имен – несколько больше, так как иногда одна запись содержит сведения о нескольких лицах (муже и жене, матери и детях и т.д.).

[56] ГЛМ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 497.

[57] Все карточки – и собственные Чулкова, и Шереметевского – расположены в деле 497 в едином алфавитном ряду. Перестановку мог произвести и сам Чулков, который не стремился сохранить попавшую к нему картотеку в неприкосновенности (об этом свидетельствует тот факт, что в деле 497 нами выявлено более сотни карточек с записями Шереметевского, использованных Чулковым для собственных пометок на оборотной стороне), но непонятно, почему тогда он разделил картотеку подобным образом, а не слил воедино со своей.

inslav

полагаемом объеме второго тома, как о превышающем объем первого в 1,5 раза. Следовательно, второй том должен был включать приблизительно 22–23 тыс. имен, а каждая его часть, соответственно, 11–12 тыс. имен. Таким образом, можно заключить, что по первой части второго тома в ГЛМ сохранилось 35–40% карточек. Остальные, надо полагать, утрачены или (что менее вероятно) хранятся в одном из московских архивов или в частных руках. По второй части второго тома, по-видимому, ситуация схожая, но сохранились архивные материалы, позволяющие в значительной мере восполнить информацию из утерянных карточек (за исключением выписок из газет).

Анализ содержания обеих (опубликованной и неопубликованной) частей картотеки из ГЛМ позволяет, между тем, сделать некоторые немаловажные наблюдения. Географически в ней можно выделить три региональных комплекса. Первый – по пяти южным губерниям (Екатеринославская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская); второй – по девяти центральным (Воронежская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Область Войска Донского); третий – по Симбирской губернии. Остальные материалы носят характер случайных выписок. Указанные комплексы, за исключением Харьковской губернии, предназначавшейся для первой части второго тома, соответствуют предполагавшемуся Шереметевским делению материала по книгам.

Записи по Симбирской губернии сравнительно равномерно распределены по всему пространству картотеки, на все буквы алфавита. По-видимому, они сохранились достаточно полно, хотя, насколько можно судить по оставшимся архивным материалам, работа по их обработке не была завершена.

Анализ содержания картотеки также подтверждает предположение, что значительная часть карточек из нее утрачена. Например, по центральным губерниям карточки сохранились только на буквы “В”, “Е–И”, “Н–С”, “Х”, “Ч–Ш”. На все остальные буквы алфавита по этому региону сохранилось по одной, две или три карточки (на “Л”, “М” и “У” – ни одной). Более сложная картина вырисовывается по южным губерниям. Карточки сохранились на все буквы алфавита до буквы “Ш”, но неравномерно: на “А” и “Б” – сравнительно полно (около 700 записей), на “В” их очень мало (всего 34 записи), на буквы с “Г” по “М” – вновь относительно полно, на буквы с “Н” по “С” – в значительно меньшем объеме по сравнению с записями по центральным губерниям, на буквы с “Т” по “Ш” – очень неравномерно (сравнительно полно по Таврической – на все буквы, по Херсонской и Черниговской – только с “Т” по “Ф”, по Екатеринославской – лишь на “Т”, а по Харьковской вообще на все буквы промежутка приходятся только две записи).

Особое место занимают записи по Харькову и Одессе, по которым, как писал В.В. Шереметевский, производился просмотр местных газет. Последний, как известно, дал около 3 тыс. имен. Картотека содержит лишь тысячу: 611 – по Харькову и 389 – по Одессе. Таким образом, очевидно, что две трети карточек по этим городам отсутствует. При этом следует отметить, что, например, по Харькову промежуток “А–К” содержит 578 записей, а промежуток “Л–Ш” – только 27.

Промежуток “Щ–Я” в опубликованной части картотеки содержит всего 22 записи (в том числе 12 по Симбирской и 8 по Таврической губернии). В “Картотеке к биографическому словарю” карточек для РПН на эти буквы нет.

inslav

Резюмируя произведенные наблюдения, можно сделать следующие выводы. Материалы по девяти центральным губерниям сохранились очень выборочно и неполно. Показательно и то, что ни по одной из них не осталось архивных документов – по-видимому, работа с ними была завершена. По южным губерниям материалы сохранились, как представляется, более полно, но неравномерно. Работа с ними не была закончена – по трем из них (Таврической, Херсонской и Черниговской) имеются обширные архивные материалы. Выводы эти подтверждаются и тем фактом, что по пяти южным губерниям сохранилось почти в 1,5 раза больше карточек, чем по девяти центральным, хотя сравнение их количества по наиболее "полным" буквам картотеки позволяет утверждать, что соотношение должно было быть по меньшей мере равным. В количественном отношении почти половина всех записей приходится на Черниговскую, Херсонскую и Харьковскую губернии (по каждой – от 1100 до 1300), по остальным оно колеблется от 100 до 700.

Бóльшая часть присланных из епархий материалов, не вошедших в том, изданный в 1914 г., сохранилась в фонде великого князя Николая Михайловича в Российском государственном историческом архиве (Ф. 549. Оп. 2). Они представляют собой 56 единиц хранения, сброшюрованных по отдельным епархиям или произвольно, объемом от нескольких единиц до сотен листов (географический указатель к материалам Ф. 549 в РГИА и Ф. 230 в ГЛМ см. в *Приложении 1*). Дела содержат материалы трех видов – подлинные донесения причтов с мест, составленные на их основании списки по благочинническим округам и составлявшиеся в консисториях сводные списки (иногда в деле содержатся документы нескольких видов); первые и вторые – исключительно рукописные, последние нередко отпечатаны на пишущей машинке. Преобладают, разумеется, надписи на русском языке; кроме того, в донесениях, присланных из западных, прибалтийских и среднеазиатских губерний, содержатся надписи на немецком, польском, латыни (чаще без перевода), арабском, иврите (обычно с переводом). Общий объем указанных материалов превышает 7100 листов; по нашим оценкам, количество содержащихся в них имен должно составлять около 60 тыс.

Семь дел с материалами по инославным захоронениям хранятся в том же архиве в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (см. *Приложение 2*)[58]. Архивистами они были сброшюрованы по вероисповеданиям и соответствующим образом озаглавлены; однако названия далеко не всегда точно отражают содержание дел. Последние представляют собой только подлинные донесения от католических, лютеранских, мусульманских, еврейских священнослужителей. Фронтальный просмотр этих материалов позволяет утверждать, что в основном они представляют собой копии со списков, отсылавшихся в Контору великого князя Николая Михайловича и хранящихся в фонде 549. Однако присутствуют также материалы и списки, аналогов которым в последнем нет. Таким образом, часть информации из фонда 821 является уникальной. Общий объем этих материалов превышает 500 листов, содержащих более 2800 имен.

Примечателен тот факт, что архивные материалы почти не дублируют изданные. В фонде 549 нет донесений из тех епархий, данные по которым были опубликованы в первом томе РПН. Картотека ГЛМ имеет "пересечения" с материалами РГИА, но их немного. На многих листах подлинных донесений

---

[58] РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 26–32.

inslav

и списков присутствует разметка синим карандашом (по-видимому, для переписчика или машинистки), указывающая, какие из присланных данных следует выбирать для издания, а какие нет. Некоторые архивные дела содержат листы с вырезанными из них кусками текста в форме небольших карточек. Подобные карточки, как указывалось выше, присутствуют и в картотеке из ГЛМ. Все указанные обстоятельства проясняют методику работы В.В. Шереметевского: присылаемые черновые и сводные материалы рассматривались (в случае неполноты – отсылались обратно с вопросами), размечались, перепечатывались, переписывались или вырезались. Самое же главное – использованные черновики, скорее всего, не сохранялись.

Как показывает фронтальный просмотр размеченных материалов, производившаяся Шереметевским выборка была весьма жесткой: отсутствие дат, имени–отчества, фамилии, указания на сословную принадлежность, чин приводило к тому, что лицо могло быть исключено из будущего "Некрополя". Почти не попадали в предположенные к публикации списки крестьяне, солдаты, незнаменитые мещане, причетники, дьячки и т.д. Иначе говоря, в отборе персон В.В. Шереметевский строго придерживался тех же "сословно-генеалогических" принципов, что и в свое время В.И. Саитов с Б.Л. Модзалевским. Как следует из отчета за 1910 г. и анализа редакторской разметки, не интересовали составителя и различные мелкие историко-бытовые подробности, содержавшиеся в присылаемых донесениях: анекдоты, характеристики, дополнительные данные о жизни погребенных.

Сохранившиеся материалы к РПН, безусловно, представляют значительный интерес. Их особая уникальность заключается в том, что они фиксируют состояние провинциального некрополя на 1910-е, предреволюционные годы; в настоящее время большинство описанных в них погребений разрушено временем и человеческим варварством.

Таким образом, необходимость введения этих материалов в широкий научный оборот – неоспорима. Возникает, однако, вопрос: в какой мере подобная публикация должна следовать канону, предложенному некрополистами начала XX века? По нашему мнению, оптимальным был бы следующий подход. Во-первых, не следует производить сословную "чистку" материала – неважные в общеисторическом и генеалогическом отношениях имена сегодня могут иметь большое значение для краеведческих исследований. Некрополи некоторых епархий весьма подробны и сообщают тысячи имен. Собранные воедино, они представляют собой уникальную галерею местных деятелей за полтора столетия. Во-вторых, при публикации надлежит стремиться максимально сохранять содержащиеся в подлинных донесениях причтов историко-культурные и бытовые подробности жизни российской провинции. Если резюмировать, то в современных условиях РПН должен стать не историко-генеалогическим, а, скорее, историко-культурным изданием. Исходя из данной посылки, можно, по-видимому, отказаться от дополнения архивных материалов по печатным источникам – это дело будущего. Не следует, по нашему мнению, и комментировать конкретные надгробные надписи, исправлять в них ошибки и т.д. С другой стороны, необходимо снабдить издание исследовательской статьей и различными указателями. Безусловно, все надписи должны быть опубликованы на языке оригинала (все иностранные – с подстрочным переводом). В отношении структуры возможного издания в идеале, как нам кажется, надлежало бы следовать В.В. Шереметевскому с его четырьмя отделами-томами; при невозможности издания крупных томов – разделить их на отдельные выпуски по епархиям или группам епархий (в зависи-

inslav

мости от объемов сохранившихся материалов)[59]. Опубликованное в таком виде продолжение к РПН принесет, как представляется, наибольшую пользу исследователям и достойным образом увенчает благородный труд наших предшественников.

Подводя итоги рассмотрению истории работы над РПН, следует подчеркнуть определяющую роль великого князя Николая Михайловича в общем успехе всего предприятия. Именно его умение подбирать исполнителей для своих проектов, помноженное на высокое социальное положение и широкие финансовые возможности, позволило собрать огромное количество материала о захоронениях по всей России. Вторая составляющая достигнутого успеха – высокая источниковедческая и археографическая квалификация основных участников работы над некрополями. Использованные же ими методологические основания отбора и публикации надгробных надписей, предложенные Б.Л. Модзалевским и В.И. Саитовым, были в то время, безусловно, наиболее оптимальными.

Единственная, на наш взгляд, существенная ошибка в организации предприятия заключалась в недостаточной продуманности путей сотрудничества с провинциальным духовенством, умственный кругозор которого был несопоставим с познаниями и профессионализмом составителей РПН. Полагаем, при сочинении инструкций по сбору надписей надлежало изъясняться проще и однозначнее. Кроме того, следовало бы жестче указать на необходимость представления списков с указанием точных дат. Количество лиц, их не имеющих, в присланных материалах столь значительно, что объяснить этот факт только нерадивостью духовенства представляется преувеличением – налицо непонимание поставленной задачи частью священнослужителей. Допущенные просчеты были, в основном, выявлены Шереметевским и исправлены при составлении второй инструкции духовенству в марте 1910 г. В результате часть пробелов удалось восполнить путем присылки подлинников или повторных донесений, но часть так и не была устранена.

В целом, однако, сотрудничество с духовенством, в которое организаторы сбора надписей поначалу не очень верили, все же принесло свои плоды. На примере первого тома РПН видно, что при всех существующих пробелах, неоднородности и значительном различии в объемах информации по разным регионам (так, скажем, количество имен по Тверской губернии в нем более чем в 2 раза превышает их число по любой другой), издание носит вполне завершенный характер. Нельзя не пожалеть о решении (конечно, вполне естественном) великого князя Николая Михайловича прервать публикацию на время войны; тем не менее, как показывает изучение архивных документов, основной корпус материалов для всех последующих томов "Русского провинциального некрополя" сохранился и ожидает обработки и издания.

---

[59] Первый опыт подобной публикации см.: Материалы к "Русскому провинциальному некрополю" великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). Вып. 1: Екатеринбургская, Оренбургская и Пермская епархии / Публ. Д.Н. Шилова. СПб.: Изд-во ВИРД, 2003. 96 с. (Российский некрополь. Вып. 14).

inslav

Приложение 1

Географический указатель материалов к "Русскому провинциальному некрополю"

Географический указатель к выявленным в ГЛМ (Ф. 230. Оп. 1) и РГИА (Ф. 549. Оп. 2) материалам к РПН представлен в виде таблицы. Несмотря на то что в начале XX в. сведения собирались по епархиям, мы сгруппировали их в соответствии с гражданским административным делением, существовавшим в Российской империи в 1910-е годы. Причин тому несколько. Во-первых, административное устройство православной, католической, протестантской, иудейской и прочих церквей на территории Российской империи не совпадало. Например, православное духовенство Подольской епархии подчинялось одноименной консистории, а католическое – Луцко-Житомирскому епископату и т. д. Во-вторых, в начале XX в. епархии, в первую очередь, православные, иногда объединяли несколько губерний: например, Варшавская епархия включала в себя территорию всего Царства Польского, Рижская – целиком прибалтийских губерний, Туркестанская – территорию всей российской Средней Азии, Грузинская – пяти кавказских губерний. Сведя воедино материалы столь обширных регионов, мы бы чрезвычайно усложнили пользование таблицей.

Таблица состоит из пяти граф. В первой указывается наименование губернии или области; в том случае, если ее границы или название не совпадали с границами или названием православной епархии, это оговаривается в скобках. Во второй графе дается краткое описание истории сбора материалов по данному региону – на основании отчетов В.В. Шереметевского и других архивных документов; если описание материалов одинаково для нескольких губерний (поскольку, как выше сказано, сбор данных производился по епархиям), то делается отсылка на губернию, в графе которой эти сведения приведены. В третьей, на том же основании, указывается, как в 1910–1917 гг. обрабатывались поступавшие материалы. В четвертой графе приводятся сведения о публикациях материалов к РПН в 1914 г. (в табл. – Т. 1), 1996 г. (Река времён) и 2003 г. (выпуск 1). В пятой помещен полистный перечень сохранившихся архивных материалов, разделенных по исповеданиям: сначала православные погребения, затем – все прочие (армянские, буддистские, иудейские, караимские, католические, лютеранские, мусульманские) в алфавитном ряду. Номера фондов и описей, одинаковые для всех расписанных материалов РГИА и ГЛМ, опускаются. В таблице распределены по регионам сведения, представленные протопресвитером военного и морского духовенства. Не учтены в ней немногочисленные материалы, которые не удалось привязать к определенному региону, и материалы РГИА из ф. 821, как содержащие, в основном, дублеты.

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Або-Бьёрнеборгская (Финляндская епархия)	Поступили донесения по православным городскому и военному кладбищам г. Або.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 125; Д. 47. Л. 45 (православные).
Акмолинская (Омская епархия)	24.07.1909 прислан сводный список по Омской епархии, 27.03.1910 он прислан еще раз, в расширенном виде.	Не были	Нет	РГИА. Д. 24. Л. 1–7 об., 17–30 об., 43–44 (православные).
Амурская (Благовещенская епархия)	См. *Приморская область*			РГИА. Д. 2. Л. 80–81; Д. 4. Л. 1–8 (православные).
Архангельская	24.07.1910 представлены подлинные донесения из монастырей и церквей. Ранее были присланы сведения из Трифонова Печенгского монастыря, 23.06.1910 – из Соловецкого монастыря.	В 1912 г. сведения выписаны на карточки.	Т. 1	Нет
Астраханская	03.06.1910 представлен краткий список погребенных в епархии, причем по Астрахани сообщались сведения о погребенных "на городских кладбищах", без указания, на каком именно. Из этого списка выписано на карточки все, что не возбуждало сомнений. 07.09.1910 он возвращен для исправлений и затребованы подлинные донесения, которые 12.10.1910 высланы вместе с исправленным списком.	Из краткого списка сведения в 1910 г. были частично выписаны на карточки (не сохранились).	Нет	РГИА. Д. 3. Л. 1–36, 39–63 (православные); Л. 37–38 (католики); Л. 64–70 (армяне).
Бакинская (Грузинская епархия)	См. *Тифлисская губерния*			РГИА. Д. 54. Л. 70 об. – 79; Д. 55. Л. 101–103 (православные); Д. 12. Л. 12–27, 51–52 (армяне); Д. 48. Л. 20, 25 (католики); Д. 12. Л. 82–84, 88–102, 105–129 (мусульмане).

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Бессарабская (Кишиневская епархия)	05.08.1910 представлен сводный список погребенных. 30.08.1910 затребованы и 17.09.1910 представлены подлинные донесения.	В 1916 г. начато выписывание на карточки (не сохранились).	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 5–6; Д. 17. 494 л.; Д. 47. Л. 42 (православные).
Вазаская (Финляндская епархия)	10.06.1910 прислано донесение из Николаевской ц. г. Николайстада (Вазы)	Не были	Нет	РГИА. Д. 42. Л. 13–15 (православные).
Варшавская	17.02.1910 прислан сводный список погребенных без дат. 24.03.1910 он отправлен обратно с разъяснениями. 14.01.1911 и 14.02.1912 присланы подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 5. Л. 23–25; Д. 52. Л. 5–53, 83–90, 118–141, 144–147; Д. 55. Л. 109, 118 (православные); Д. 5. Л. 13а–13б, 16–18, 127–128, 145–154; Д. 33. Л. 109–116; Д. 48. Л. 57–72, 99–105, 136–139, 199–207 (иудеи); Д. 5. Л. 3–12, 19, 22, 38; Д. 52. Л. 276; Д. 55. Л. 224, 231–232; Д. 56. Л. 98, 100, 383, 385, 397–398 (католики); Д. 5. Л. 64–74, 84–95, 97, 102 (лютеране).
Виленская (Литовская епархия)	02.01.1910 представлены подлинные донесения по Литовской епархии.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 33–34; Д. 19. Л. 1; Д. 37. Л. 50–51; Д. 51. Л. 37–43, 45; Д. 54. Л. 28–43; Д. 55. Л. 180–196, 204–206; Д. 56. Л. 37–80, 124–147, 149, 251–260 (православные); Д. 19. Л. 19–38; Д. 48. Л. 2–9 (иудеи); Д. 19. Л. 39–46 (караимы); Д. 47. Л. 11–12; Д. 52. Л. 255–256, 320; Д. 54. Л. 193–194, 196–199, 203–211, 215–216, 226–230, 233–243, 246, 248; Д. 55. Л. 1–6, 13–15, 20–21, 43–46; Д. 56. Л. 287–289, 296–301, 362–363а, 365–366, 368–370 (католики).
Витебская (Полоцкая епархия)	12.10.1910 представлены подлинные донесения раввинов, 25.01.1912 – сводный список православных погребений.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 111–112; Д. 27. Л. 14, 33–44; Д. 54. Л. 24–25; Д. 55. Л. 51–52 (православные); Д. 27. Л. 4–12, 15–30 (иудеи).

inslav

Владимирская	27.07.1910 представлены подлинные донесения.	В 1911–1912 гг. сведения выписаны на карточки.	Т. 1	Нет
Вологодская	Сведения представлены в 1911 г.	В 1912 г. сведения выписаны на карточки.	Т. 1	Нет
Волынская	В сентябре 1909 г. представлены подлинные донесения, позднее – еще несколько списков.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 28–29, 84–102, 113–114; Д. 7. Л. 1–96, 119–123; Д. 33. Л. 97 (православные); Д. 7. Л. 98–118, 124–126 (иудеи); Д. 26. Л. 8–9, 26–28, 34–39, 43–46; Д. 52. Л. 258, 262, 270, 314–315, 324–325, 328–334, 337–339; Д. 55. Л. 66–70, 166–167; Д. 56. Л. 81–85, 90–92, 96, 148, 166–168, 179–180, 212–213, 266–267, 302–305, 411–417 (католики).
Воронежская	12.05.1910 представлены подлинные донесения, 03.09.1910 – дополнительные сведения.	В 1914 г. сведения выписаны на карточки	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 47. Л. 1 (православные).
Выборгская (Финляндская епархия)	В 1909–1910 гг. присланы донесения из Валаамского и Коневского монастырей и от отдельных причтов.	Сведения из указанных монастырей выписаны на карточки.	Т. 1 (только 2 монастыря)	РГИА. Д. 2. Л. 124–125; Д. 42. Л. 1–3, 9–12, 16–20, 22–29, 38–44 (православные); Д. 42. Л. 20 об.–21 (лютеране).
Вятская	13.12.1911 и 27.06.1912 присланы подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 8. 149 л.; Д. 9. 230 л.; Д. 10. Л. 1–168, 170–180; Д. 55. Л. 239–240 (православные).
Гродненская	22.12.1909 консисторией представлен сводный список православных погребений.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 7–10, 30–32; Д. 11. Л. 1–80; Д. 56. Л. 105 (православные); Д. 11. Л. 82–84; Д. 48. Л. 132–135; Д. 56. Л. 294 (иудеи); Д. 48. Л. 26–27; Д. 54. Л. 183–188, 195, 212, 217–225, 231–232; Д. 55. Л. 7–10, 16, 41, 47–48; Д. 56. Л. 261–262, 295, 359–360 (католики).

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Дагестанская (Грузинская епархия)	См. *Тифлисская губерния*			РГИА. Д. 51. Л. 23–36, 68–72 (православные); Д. 12. Л. 8–11 (армянские).
Область Войска Донского (Донская епархия)	23.12.1911 представлен сводный список.	В 1913 г. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500 (православные).
Екатеринославская	21.08.1910 представлен список из 317 лиц. 01.09.1910 затребованы и 30.09.1910 представлены подлинные донесения благочинных, а 16.12.1910 – настоятелей монастырей.	В 1916 г. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500 (православные, иудеи); РГИА. Д. 47. Л. 47; Д. 54. Л. 1–2; Д. 55. Л. 242 (иудеи). Д. 47. Л. 46 (католики).
Елисаветпольская (Грузинская епархия)	См. *Тифлисская губерния*			РГИА. Д. 52. Л. 148–150 (православные); Д. 12. Л. 65–68, 70–76, 85–86, 103–104 (мусульмане).
Енисейская	03.12.1909 представлен сводный список.	Не были	Нет	РГИА. Д. 47. Л. 7, 22–24; Д. 56. Л. 184, 201–250, 286 (православные).
Забайкальская	В 1912 г. представлен сводный список (все упомянутые в нем донесения – от 1909 г.).	Не были	Нет	РГИА. Д. 14. 29 л.; Д. 51. Л. 13–22 (православные).
Закаспийская (Туркестанская епархия)	См. *Сырдарьинская область*			РГИА. Д. 39. Л. 64–66; Д. 54. Л. 12–23; Д. 55. Л. 54–56 (православные); Д. 49. Л. 37–51 (мусульмане).
Иркутская	20.12.1911 представлены подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 35, 39, 47–49б; Д. 15. 25 л.; Д. 50. 1 л.; Д. 55. Л. 124–125 (православные); Д. 48. Л. 11–13 (буддисты).
Казанская	17.12.1910 представлены подлинные донесения согласно указу 29.11.1908, без упоминания об указе 27.03.1910. При этом на Арском кладбище Казани показано только 40 погребенных, а на Михаило–Архангельском – 7.	Не были	Нет	Материалы не обнаружены.

inslav

Калишская (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 51. Л. 63; Д. 52. Л. 54–56, 97–98 (православные); Д. 48. Л. 73–97, 115–118 (иудеи); Д. 5. Л. 98–99 (лютеране).
Калужская	24.08.1910 представлены подлинные донесения, позднее – донесение из Перемышльского Свято–Троицкого монастыря.	В 1912 г. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 47. Л. 25–26 (православные).
Карсская (Грузинская епархия)	См. *Тифлисская губерния*			РГИА. Д. 54. Л. 55, 58 об. – 60; Д. 55. Л. 104–108 (православные); Д. 12. Л. 34–35 (армяне).
Келецкая (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 52. Л. 57–62, 67–71; Д. 54. Л. 3–9 (православные); Д. 48. Л. 49–52 (иудеи); Д. 56. Л. 306–315, 319–328, 331–346, 349–358 (католики).
Киевская	30.10.1909 прислано донесение из Выдубицкого монастыря, 04.10.1910 – подлинные донесения причтов. Из них донесение причта Байкова кладбища г. Киева представляло собой переплетенный фолиант, в который на специально отпечатанных бланках были внесены погребенные по 9 отделам. К 1911 г. не были представлены донесения по кладбищу на Аскольдовой Могиле и Киево-Печерской Лавре.	В 1915 г. делались выписки на карточки (в основном, по печатным источникам).	Река времён (1 запись)	ГЛМ. Д. 497, 500 (2 записи, православные); РГИА. Д. 16. Л. 2, 4, 8–16 (православные); Д. 5. Л. 19; Д. 16. Л. 32–37 (иудеи); Д. 5. Л. 129–132; Д. 16. Л. 1, 3, 5–7, 17–18, 20–21, 25–31; Д. 18. Л. 53–54; Д. 26. Л. 7; Д. 47. Л. 32–33, 41, 48; Д. 56. Л. 181 (католики)[1*].
Ковенская (Литовская епархия)	См. *Виленская губерния*			РГИА. Д. 2. Л. 2–4, 104; Д. 19. Л. 1; Д. 55. Л. 258–261, 263–272; Д. 56. Л. 1–36 (православные); Д. 19. Л. 2–18, 47–49 (иудеи); Д. 48. Л. 37–41, 43–47; Д. 55. Л. 59–63, 262 (католики); Д. 18. Л. 44–45 (лютеране).
Костромская	05.05.1910 представлены подлинные донесения. 23.11.1910 затребованы не представленные донесения Игрицкого монастыря, причта кафедрального собора и округов Костромского 4-го,	Из присланного в 1910 г. в 1910–1912 гг. все выписано на	Т. 1	Нет

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
	Галицких 1 и 4-го, Кинешемских 1 и 2-го, Кологривского 1-го, Макарьевских 2, 3 и 5-го, Нерехтских 1, 7 и 10-го, Солигалицкого 2-го, Чухломских 1, 2 и 3-го и Юрьевецкого 2-го; отосланы для исправления и дополнения 13 отдельных списков, в т.ч. по костромским кладбищам Лазаревскому, не заключавший в себе лиц женского пола, и Новому, заключавший одни фамилии почти без дат. Ответы получены в 1911 или 1912 гг.	карточки с дополнениями из печатных источников.		
Кубанская (Ставропольская епархия)	См. *Ставропольская губерния*			РГИА. Д. 35. Л. 38 об.–40, 45 об.–56, 56 об.–57, 57 об.–58, 59 об.–62, 62 об.–64, 64 об.–66, 66 об.–68, 68 об.–70, 72 об.–77, 77 об.–79, 80 об.–83, 83 об.–88, 88 об.–90, 90 об.–92, 93 об.–94, 97 об.–104, 106 об.–107, 108 об.–109, 109 об.–112, 113 об.–114, 115 об.–125, 125 об.–128, 128 об.–131, 131 об.–136, 136 об.–143, 143 об.–152, 151 об.–153, 152 об.–154, 154 об.–163, 163 об.–167, 167 об.–179, 180 об.–185, 187–194; Д. 52. Л. 1–2, 266–269, 281–282, 285–286, 288 (православные); Д. 35. Л. 196, 197 (армяне).
Курляндская (Рижская епархия)	См. *Лифляндская губерния*			РГИА. Д. 30. Л. 3 об.–4, 9–9 об., 19 об.–24 (православные); Д. 18. Л. 56–59 (иудеи); Д. 48. Л. 36, 42; Д. 52. Л. 151; Д. 55. Л. 262 (католики); Д. 18. Л. 2–43, 46–52, 55, 60–69 (лютеране).
Курская	14.07.1910 представлен список, содержавший 61 человека. 30.08.1910 затребованы и 18.09.1910 присланы подлинные донесения.	Сведения выписаны на карточки в 1913 г.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500 (православные).

inslav

Кутаисская (Гурийско-Мингрельская и Имеретинская епархии)	В 1911 г. присланы подлинные донесения по Имеретинской, а 10.02.1912 – по Гурийско-Мингрельской епархии.	Те и другие не были	Те и другие – нет	РГИА. Д. 54. Л. 93 об. – 94, 170–182; Д. 55. Л. 126 (Гурийско–Мингрельская, православные); Д. 12. Л. 130–140; Д. 56. Л. 101–105 (Имеретинская, православные); Д. 12. Л. 32 (армяне); Д. 12. Л. 44–45, 49–50; Д. 48. Л. 21–24 (католики).
Лифляндская (Рижская епархия)	12.12.1911 представлен сводный список по Рижской епархии.	Не были	Нет	РГИА. Д. 30. Л. 1–2 об., 4–9, 9 об.–10 об., 12 об.–19 об., 24 об.–34; Д. 52. Л. 116–117 (православные).
Ломжинская (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 51. Л. 58; Д. 55. Л. 23–34, 39–40, 71–72, 119–120, 215–216 (православные); Д. 5. Л. 26–36, 39–40; Д. 33. Л. 83, 85; Д. 44. Л. 158–159; Д. 48. Л. 122–123 (иудеи); Д. 5. Л. 37, 141; Д. 33. Л. 4, 19–21, 24–27, 41–46, 48, 62–63, 65–68, 98–101, 107; Д. 52. Л. 296–301, 312–313; Д. 55. Л. 79–80, 84, 227–228; Д. 56. Л. 372, 378–379, 386–387, 390, 402, 405б–406, 409–410 (католики).
Люблинская (Холмская епархия)	См. *Холмская губерния*	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 12–13, 103; Д. 44. Л. 3–4, 6–7, 62–64, 73–82; Д. 51. Л. 57; Д. 52. Л. 272, 289; Д. 54. Л. 26–27; Д. 55. Л. 235–237 (православные); Д. 44. Л. 27–57, 149–157, 165–188; Д. 48. Л. 140–198 (иудеи); Д. 44. Л. 1–2, 5, 83–136; Д. 52. Л. 143, 327; Д. 55. Л. 151–154, 168–179, 197, 199–203, 207; Д. 56. Л. 160, 186, 188–192, 194–195, 197–199, 270–278, 281–285 (католики).
Минская	10.08.1910 присланы подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 1; Д. 20. Л. 1–91, 98–101; Д. 55. Л. 161 (православные); Д. 20. Л. 92–97 (иудеи); Д. 18. Л. 1 (лютеране).
Могилевская	13.10.1911 прислан сводный список, 25.10.1911 затребованы и 03.11.1911 присланы подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 21. Л. 1–112, 128–193; Д. 47. Л. 34; Д. 55. Л. 122–123 (православные); Д. 21. Л. 113–127; Д. 27. Л. 13, 31–32 (иудеи).

inslav

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Московская	16.02.1910 присланы ненужные донесения из монастырей и церквей Москвы[2*]; 07.12.1910 – подлинные донесения настоятелей монастырей и благочинных. Не оказалось донесений из округов: Московского 6-го, Богородских 1, 2-го, Звенигородских 2, 3, 4-го; кроме того, по Верейскому, Волоколамскому, Можайскому и Рузскому уездам оказалось всего по три округа; неудовлетворительны по краткости были списки по кладбищам Бронниц, Коломны, Серпухова, Можайска и Богородска. Из Воскресенского монастыря и Екатерининской пустыни сведения доставлены особо.	В 1911–1912 гг. сведения выписаны на карточки.	Т. 1	РГИА. Д. 47. Л. 38–39 (лютеране).
Нижегородская	16.06.1910 представлены 11 списков по разным благочиниям и церквам; ранее и позже поступили еще 3 списка. 05.12.1912 и 21.03.1913 прислана основная масса подлинных донесений.	Не были	Нет	РГИА. Д. 10. Л. 169; Д. 22. 198 л.; Д. 23. 94 л. (православные).
Новгородская	К 1911 г. сведения были получены от Иверского и Николаевского Моденского монастырей и одного священника Тихвинского уезда. Имелись еще присланные ранее для "Русских портретов" данные о погребенных в епархии Головиных и Васильчиковых. Позднее присылались другие сведения.	В 1911–1912 гг. сведения выписаны на карточки	Т. 1	РГИА. Д. 51. Л. 59–61 (православные).
Нюландская (Финляндская епархия)	В 1910 г. поступили два донесения из Гельсингфорса и Тюсбюса.	Не были	Нет	РГИА. Д. 42. Л. 30–37, 45 (православные).

Олонецкая	25.02.1910 представлен сводный список погребенных.	Сведения в 1910 г. выписаны на карточки и позднее дополнены по печатным источникам.	Т. 1	Нет
Оренбургская	28.02.1912 прислан сводный список.	Не были	Выпуск 1	РГИА. Д. 47. Л. 27; Д. 55. Л. 243–257 (православные).
Орловская	09.11.1909 прислана часть подлинных донесений. 16.08.1910 – еще часть, но не все, а только "поступившие по настоящее время".	В 1912–1913 гг. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 47. Л. 9–10 (православные).
Пензенская	07.04.1910 прислан переплетенный фолиант с подлинными донесениями на особых печатных бланках. 23.11.1910 посланы обратно для исправления и дополнения 9 списков и особый запрос причту с. Рузаевки Инсарского уезда, не доставившему сведений о семье Н.Е. Струйского.	Фолиант в 1910 г. расписан на карточки.	Нет	Материалы не обнаружены.
Пермская (Пермская и Екатеринбургская епархии)	20.12.1910 представлен сводный список по Пермской епархии, в 1911 г. – сводный список по Екатеринбургской епархии.	По той и другой не были	Выпуск 1	РГИА. Д. 25. 93 л. (Пермская епархия, православные); Д. 13. 31 л. (Екатеринбургская епархия, православные).
Петроковская (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 51. Л. 44; Д. 52. Л. 63–66, 72–75, 79–82 (православные); Д. 5. Л. 75–82, 110–126; Д. 48. Л. 107–110, 112–114, 119–121, 211–216 (иудеи); Д. 56. Л. 329–330, 347–348 (католики); Д. 5. Л. 63, 83, 96 (лютеране).
Плоцкая (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 52. Л. 91–96, 99–100; Д. 55. Л. 35–36, 57–58 (православные); Д. 5. Л. 41–49, 54–62, 133–137; Д. 47. Л. 28–29; Д. 48. Л. 53–56 (иудеи); Д. 5. Л. 1–2, 14–15, 20–21, 139–140, 142–144;

inslav

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
				Д. 48. Л. 124–125; Д. 52. Л. 277–278, 290–295, 302–311; Д. 55. Л. 73–78, 81–83, 208, 219–223, 225–226, 229–230, 233–234; Д. 56. Л. 99, 183, 371, 373–377, 380–382, 384, 388–389, 391–396, 399–401, 403–405а, 407–408 (католики); Д. 5. Л. 100–101, 138 (лютеране).
Подольская	24.12.1909 прислан сводный список, 28.09.1910 затребованы и 11.10.1910 присланы подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 14–27; Д. 26. Л. 2–3; Д. 34. Л. 149–161; Д. 51. Л. 46, 55; Д. 52. Л. 164–254; Д. 55. Л. 22, 139–150 (православные); Д. 26. Л. 10–11, 14–25 (иудеи); Д. 26. Л. 1, 4–6, 29–33, 40–42, 47–51; Д. 52. Л. 259–261, 335–336, 341–343; Д. 55. Л. 64, 209–211; Д. 56. Л. 88–89, 93–95, 97, 161–165, 169–178, 182, 263–265, 418–419 (католики).
Полтавская	К 1911 г. получено 14 донесений от отдельных причтов. Из г. Пирятина прислан список без дат, затем вторично – с датами. 23.01.1911 прислан сводный список по Полтавскому, Гадячскому, Золотоношскому, Зеньковскому и Кобелякскому уездам.	В 1915–1916 гг. сведения частично выписаны на карточки.	Нет	РГИА. Д. 28. 22 л. (православные)[3*]; Д. 26. Л. 12–13; Д. 27. Л. 1–3; Д. 55. Л. 214 (иудеи).
Приморская (Благовещенская и Владивостокская епархии)	28.09.1909 представлен сводный список по Благовещенской, а в 1911 г. – по Владивостокской епархии.	По той и другой не были	По обеим – нет	РГИА. Д. 2. Л. 81 об.–83; Д. 4. Л. 8 об.–12 об. (Благовещенская, православные); Д. 6. Л. 1–2, 4; Д. 52. Л. 160–163, 263–265; Д. 54. Л. 10–11, 46–49; Д. 55. Л. 110 (Владивостокская, православные).
Псковская	17.09.1909 присланы подлинные донесения. 12.04.1910 затребованы не представленные донесения от 1-го Псковского и 5-го Новоржевского округов и сделаны запросы, вызванные неполнотой или неясностью списков, настоятелям Псково-Печерского, Святогорского и Крыпецкого монастырей, благочин-	Сведения в 1910 г. выписаны на карточки и позднее дополнены по печатным источникам.	Т. 1	Нет

	ным округов 1 и 3-го Великолуцких, 4-го Псковского, 6-го Порховского, 1 и 2-го Торопецких и 3-го Холмского, причтам сел Бурич и Карачуниц Порховского уезда. Ответы были получены. Из Псково-Печерского монастыря прислали печатное описание.			
Радомская (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 52. Л. 77–78; Д. 55. Л. 38 (православные)
Рязанская	В 1909–1910 гг. поступили в значительном числе донесения от настоятелей монастырей, благочинных и отдельных причтов.	В 1913 г. сведения выписаны на карточки	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500 (православные).
Самаркандская (Туркестанская епархия)	См. *Сырдарьинская область*			РГИА. Д. 52. Л. 153–159 (православные); Д. 49. Л. 2–12, 27–34 (мусульмане).
Самарская	19.10.1909 присланы подлинные донесения на особых печатных бланках. 23.11.1910 пять списков возвращены для исправления и дополнения. Ответы получены в течение 1911 г.	Сведения из донесений 1909 г. в 1910 г. выписаны на карточки.	Река времён (25 записей)	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 31а. 17 л.; Д. 53. 2 л. (православные)[4*].
Санкт-Петербургская	В 1909–1910 гг. поступило несколько донесений от настоятелей монастырей, благочинных и отдельных причтов. Позднее присылались еще донесения.	В 1912 г. сведения выписаны на карточки	Т. 1	РГИА. Д. 31. 68 л.; Д. 55. Л. 111–112 (православные).
Саратовская	24.07.1912 прислан сводный список (многие лица без дат), вследствие чего были затребованы и 29.09.1912 присланы подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 32. Л. 1–327, 330–367 (православные).
Сахалин	См. *Приморская область*			РГИА. Д. 6. Л. 2 об. – 4 (православные).

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Седлецкая (Холмская епархия)	См. *Холмская губерния*			РГИА. Д. 2. Л. 11; Д. 51. Л. 11–12, 56; Д. 52, 271, 273–274; Д. 55. Л. 238 (православные); Д. 5. Л. 50–53; Д. 44. Л. 8–12, 58–61, 137–148, 160–164; Д. 48. Л. 130–131 (иудеи); Д. 44. Л. 13–26, 65–72; Д. 47. Л. 13; Д. 52. Л. 316–318; Д. 55. Л. 162–165; Д. 56. 150–154, 159, 198 (католики).
Семипалатинская (Омская епархия)	См. *Акмолинская обл.*	Не были	Нет	РГИА. Д. 24. Л. 7 об.–13, 31–33 об. (православные).
Семиреченская (Туркестанская епархия)	См. *Сырдарьинская область*			РГИА. Д. 39. Л. 1, 57–60; Д. 56. Л. 111–117 (православные); Д. 47. Л. 43–44; Д. 49. Л. 13–26, 53 (мусульмане).
Симбирская	29.10.1909 представлен сводный список. Так как в списке Симбирского Покровского монастыря было много фамилий без дат, то 10.11.1909 затребован новый. 15.01.1910 он представлен, но в нем выпущено до 80 человек из упомянутых в первом, хотя и прибавлено несколько новых фамилий. 04.03.1910 затребован третий список и одновременно – снова сведения по Всесвятскому кладбищу Симбирска (в первом донесении показано только 4 лица), кладбищам Алатыря, Сызрани и Ардатова (по несколько человек без дат) и некоторым селам. Ввиду явной ненадежности составляемых в консистории списков, 02.10.1910 затребованы все подлинные донесения, на основании которых последние составлены. 26.11.1910 донесения были присланы, но не все, поступившие в 1909 г. и послужившие источником для списка, а только вызванные запросом от 04.03.1910. По Всесвятскому кладбищу	Из списка 1909 г. все сведения в 1910 г. выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 500; РГИА. Д. 34. Л. 1–148, 162–185 (православные).

	протоиерей отказался составлять список. 12.12.1910 еще раз затребованы и 31.12.1910 присланы все подлинные донесения; протоиерею подтверждено об исполнении указа.			
Смоленская	14.08.1910 представлены подлинные донесения.	В 1914 г. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 54. Л. 44 (православные).
Ставропольская	В течение 1909–1910 гг. поступило несколько донесений непосредственно от благочинных и причтов. 23.07.1910 консисторией прислан сводный список.	Не были	Нет	РГИА. Д. 35. Л. 1–38 об., 40 об.–45, 55 об.–56, 56 об.–58, 58 об.–60, 61 об.–63, 63 об.–64, 65 об.–67, 68 об.–69, 70 об.–73, 73 об.–74, 76 об.–78, 78 об.–80, 82 об.–83, 87 об.–89, 89 об.–91, 91 об.–93, 94 об.–97, 103 об.–107, 107 об.–108, 108 об.–110, 112 об.–113, 114 об.–116, 124 об.–126, 127 об.–128, 130 об.–132, 135 об.–137, 142 об.–144, 151 об.–152, 152 об.–153, 153 об.–155, 162 об.–164, 166 об.–168, 178 об.–181; Д. 51. Л. 47–54; Д. 52. Л. 280, 283–284, 287 (православные); Д. 35. Л. 195 (армяне).
Сувалкская (Варшавская епархия)	См. *Варшавская губерния*			РГИА. Д. 2. Л. 107–109; Д. 52. Л. 101–114; Д. 55. Л. 113–117 (православные); Д. 33. Л. 28–40, 49–56, 59, 84, 90–96 (иудеи); Д. 33. Л. 1–3, 5–18, 22–23, 47, 57–58, 60–61, 64, 69–82, 102–106, 117–119 (католики); Д. 33. Л. 86–89 (лютеране).
Сухумский округ	Представлены не были[5*].	Не были	Нет	РГИА. Д. 56. Л. 107–110 (православные).
Сырдарьинская (Туркестанская епархия)	12.12.1911 присланы подлинные донесения по Туркестанской епархии.	Не были	Нет	РГИА. Д. 39. Л. 1, 7–56, 61–63, 105; Д. 51. Л. 64–67; Д. 55. Л. 53, 98–100, 137–138 (православные); Д. 39. Л. 67–68; Д. 48. Л. 30–32 (мусульмане).

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Таврическая	10.09.1909 присланы подлинные донесения, но 13.04.1910 консистория, принимая во внимание, что при сборе сведений она не имела в виду присланного при указе 27.03.1910 образца, просила "доставленные сведения возвратить для приведения их в надлежащий порядок", если они не отвечают требованиям этого образца. 05.06.1910 семь списков возвращены и 30.11.1910 присланы в исправленном виде.	В 1916 г. начато выписывание сведений на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 2. Л. 115–119; Д. 36. Л. 1–4, 24–25, 27–38, 49–57, 82–93; Д. 47. Л. 14–17; Д. 54. Л. 247 (православные); Д. 36. Л. 5–6, 17–18, 26, 46–47, 58–64, 79 (армяне); Д. 36. Л. 7–16, 20–23, 65–68 (иудеи); Д. 36. Л. 39–45б, 48, 69–78 (караимы); Д. 36. Л. 80–81 (католики).
Тамбовская	В течение 1909–1910 гг. поступили донесения непосредственно от 4 монастырей и 8 благочинных. 01.05.1910 и 24.11.1910 представлены остальные подлинные донесения.	В 1914 г. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 47. Л. 6 (православные).
Тверская	В 1909–1910 гг. присланы многочисленные донесения от настоятелей монастырей, благочинных и причтов.	В 1911–1912 гг. сведения выписаны на карточки.	Т. 1	РГИА. Д. 2. Л. 35 (1 человек, православный).
Терская (Владикавказская епархия)	23.10.1909 присланы подлинные донесения. Некоторые списки 05.06.1910 отосланы для исправлений и дополнений, в том числе по Пятигорску, Кизляру и Моздоку (по последнему показано всего 2 лица). Ответ на 1911 г. получен не был.	Из присланных в 1909 г. донесений в 1910 г. сведения выписаны на карточки.	Нет	ГЛМ. Д. 497; РГИА. Д. 2. Л. 105–106; Д. 12. Л. 141–160; Д. 51. Л. 73–78 (православные); Д. 12. Л. 28–31 (армяне).
Тифлисская (Грузинская епархия)	В 1910 г. представлено несколько подлинных донесений, 10.02.1912 – сводный список по Грузинско-Имеретинскому экзархату.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 120–121; Д. 51. Л. 1–4; Д. 52. Л. 115; Д. 54. Л. 55; 61 об. – 71, 78 об. – 80, 131 об. – 169; Д. 55. Л. 85–87; Д. 56. Л. 118–122 (православные); Д. 12. Л. 33; Д. 12. Л. 1–7, 46–47, 53–56 (католики); Д. 12. Л. 58–64, 69, 78–81 (мусульмане).

inslav

Тобольская (Тобольская и частично Омская епархии)	В 1909–1910 гг. присланы многочисленные донесения от настоятелей монастырей, благочинных и причтов Тобольской епархии. О материалах Омской епархии см. *Акмолинская обл.*	Не были	Река времён (1 запись).	ГЛМ. Д. 500; РГИА. Д. 24. Л. 13–14, 14 об.–15 об., 33 об.–42 об.; Д. 37. Л. 1–49, 52–90; Д. 47. Л. 18–19 (православные).
Томская (Томская и частично Омская епархии)	В 1909 собраны и в 1911 присланы подлинные донесения по Томской епархии. О материалах Омской епархии см. *Акмолинская обл.*	Не были	Нет	РГИА. Д. 24. Л. 14, 33 об., 42 об.; Д. 38. 48 л.; Д. 47. Л. 2; Д. 55. Л. 121 (православные).
Тульская	09.12.1910 присланы подлинные донесения.	В 1913 г. сведения выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 47. Л. 21 (православные).
Улеаборгская (Финляндская епархия)	30.04.1910 прислано донесение причта православного кладбища г. Торнео.	Не были	Нет	РГИА. Д. 42. Л. 4–8 (православные).
Уфимская	04.09.1910 во исполнение указа от 27.03.1910 прислан сводный список из 105 фамилий, с указанием, что многими причтами доставлены сведения не согласно образцу, приложенному к этому указу, а потому от них затребованы новые сведения. 29.11.1910 прислан новый список, а 07.03.1911 – подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 40. 186 л.; Д. 41. Л. 1–131, 147–148 (православные); Д. 41. Л. 132–146 (мусульмане).
Ферганская (Туркестанская епархия)	См. *Сырдарьинская область*			РГИА. Д. 51. Л. 5–10, 62 (православные); Д. 39. Л. 2–6, 69–104, 106–126 (мусульмане).

inslav

Губерния (область)	Краткое описание материалов, поступивших в 1909–1917 гг.	Как обработаны в 1910-е годы	Публикации	Сохранившиеся архивные материалы
Харьковская	16.05.1909 присланы подлинные донесения. 03.03.1910 затребованы не доставленные донесения от Покровского и Куряжинского монастырей, округов Ахтырского 2-го, Богодуховского 1-го, Сумского 2-го, Лебединского 3-го, Купянского 1-го и Старобельских 3 и 4-го; дополнительные сведения от Святогорского и Хорошевского монастырей, Всесвятского и Кирилло-Мефодиевского кладбищ г. Харькова, некоторых округов. Ответы получены. Для выписки лиц, пропущенных притчами, просмотрена газета "Южный край" за 25 лет (список увеличился вдвое).	Сведения из донесений 1909 г. в 1910 г. выписаны на карточки и дополнены по указанной газете.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500 (православные, иудеи).
Херсонская	09.12.1909 присланы подлинные донесения. 23.11.1910 возвращен для исправления и дополнения 21 список. Для выписки лиц, погребенных в Одессе, просмотрена за 25 лет газета "Одесский листок" (а за некоторые года газеты "Новороссийский телеграф" и "Одесские новости"), список увеличился более чем вдвое. 09.03.1911 отосланные списки возвращены.	Сведения из донесений 1909 г. в 1910 г. выписаны на карточки и дополнены по указанным газетам.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 32. Л. 328–329; Д. 43. Л. 1–6, 9–202, 205–212, 215–216; Д. 47. Л. 8, 20, 35–36 (православные); Д. 43. Л. 7–8, 203, 213–214; Д. 56. Л. 200 (иудеи); Д. 43. Л. 204 (католики).
Холмская	В 1909–1910 гг. поступали донесения непосредственно от монастырей и причтов, а 10.06.1911 прислана основная масса подлинных донесений по Холмской православной епархии.	Не были	Нет	РГИА. Д. 5. Л. 103–109 (лютеране).
Черниговская	20.12.1911 и 16.06.1914 присланы подлинные донесения.	В 1915 г. сведения частично выписаны на карточки.	Река времён	ГЛМ. Д. 497, 500; РГИА. Д. 16. Л. 22–24; Д. 45. Л. 1–251, 290–357; Д. 47. Л. 4–5, 40; Д. 55. Л. 88–97 (православные); Д. 45. Л. 252–286 (иудеи); Д. 45. Л. 288–289 (католики).
Эриванская (Грузинская епархия)	См. *Тифлисская губерния*			РГИА. Д. 54. Л. 50–54, 56–59, 59 об. – 62 (православные); Д. 12. Л. 36–43; Д. 54. Л. 45 (армяне); Д. 48. Л. 15–19 (католики).

inslav

Эстляндская (Рижская епархия)	См. *Лифляндская губерния* 22.06.1912 повторно прислан дополненный список по Ревельскому православному кладбищу.	Не были	Нет	РГИА. Д. 29. 10 л.; Д. 30. Л. 3, 10 об.–12, 34–36; Д. 52. Л. 151–152 (православные).
Якутская	24.03.1911, 26.05.1911 и 29.11.1911 посылались подлинные донесения.	Не были	Нет	РГИА. Д. 10. Л. 181; Д. 46. 115 л.; Д. 52. Л. 275; Д. 55. Л. 155–160 (православные).
Ярославская	25.09.1910 присланы подлинные донесения. На 1911 г. не было донесений от Ярославского Туговского кладбища, Спасо-Геннадиева, Ростовского Борисоглебского, Адрианова Пошехонского и четырех женских монастырей и округов Ярославских 3 и 4-го и Ростовских 5 и 7-го.	В 1910–1912 гг. сведения выписаны на карточки и дополнены по печатным источникам.	Т. 1	Нет
Порт-Артур	Присланы сведения по метрическим книгам 25 и 27-го восточно-сибирских полков за 1901–1909 и 1904–1909 гг.	Не были	Нет	РГИА. Д. 2. Л. 36–46 (православные).
Харбин	В материалах по *Владивостокской епархии*	Не были	Нет	РГИА. Д. 6. Л. 2–2 об. (православные).

[1*] Часть материалов не сохранилась (в том числе по Киеву).
[2*] Поскольку вся информация о погребенных в Москве вошла в уже вышедший к тому моменту "Московский некрополь".
[3*] Сохранился только сводный список от 23.01.1911.
[4*] Сохранились только списки, посылавшиеся для исправления.
[5*] Сохранившиеся материалы относятся к ведомству протопресвитера военного и морского духовенства.

inslav

Приложение 2

Краткая роспись хранящихся в РГИА материалов по инославным захоронениям (Ф. 821. Оп. 150)

Д. 26. По Луцко-Житомирской католической епархии. Ч. 1. 93 л.
Д. 27. По Луцко-Житомирской католической епархии. Ч. 2. 86 л.
Д. 28. По Сейнской католической епархии. 86 л.
Д. 29. По Курляндской евангелическо-лютеранской консистории. 83 л.
Д. 30. По армянским церквям. 11 л.
Д. 31. По мусульманским кладбищам. 37 л.
Д. 32. По еврейским кладбищам Ломжинской, Киевской, Ковенской, Могилевской, Плоцкой, Полтавской, Черниговской, Петроковской, Виленской, Седлецкой, Варшавской, Гродненской, Минской губерний. 175 л.

inslav

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2003 ГОДА "РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В РАЗВИТИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ"

Настоящие Тихомировские чтения состоялись 26 июня 2003 г. в Санкт-Петербурге и были организованы Археографической комиссией совместно с Санкт-Петербургским отделением комиссии и Санкт-Петербургским институтом истории РАН. Они были посвящены памяти С.Н. Валка, возглавлявшего Ленинградское отделение Археографической комиссии со времени его основания, инициатора и главного редактора ежегодника "Вспомогательные исторические дисциплины".

Ниже публикуются выступления Р.Ш. Ганелина, В.Г. Чернухи и Т.Г. Ивановой.

Предполагавшийся доклад Почетного председателя Археографической комиссии С.О. Шмидта "Ученые Санкт-Петербурга в развитии российской культуры археографии" не состоялся из-за его болезни.

Р.Ш. Ганелин

НАБЛЮДЕНИЯ ИСТОРИКА-ИСТОЧНИКОВЕДА

В 1955 г. я был на совещании в ЦГИАЛ у его начальника В.В. Бедина с участием А.Л. Сидорова и М.Я. Гефтера. Это было время расцвета публикаторской деятельности, организованной в общегосударственном масштабе, когда шла работа над многотомными публикациями документов о рабочем и крестьянском движении, о первой российской и Октябрьской революциях, по экономической истории, появился журнал "Исторический архив". На этом совещании М.Я. Гефтер выступил с предостережением против того, что он назвал "архивным фетишизмом". За прошедшие с тех пор почти 50 лет я убедился в том, что это предложенное им понятие имело двойной смысл. Речь шла не только о том, чтобы массив извлекаемой из архива информации и методы ее обработки не противоречили общеметодологическим установкам. Под понятие "архивного фетишизма" вполне подпадало и расхожее представление, согласно которому само то обстоятельство, что документ попал в архив, удостоверяет истинность его содержания, а уж если он был или стал секретным, сомнений не может и быть. Вместе с тем зависимость между достоверностью документа, естественностью его происхождения, с одной стороны, и способом его попадания в архив, с другой, может быть даже обратной.

Но о второй стороне дела сейчас говорить не стану, хочу остановиться на первой, на вечном и, в самом деле, трудно разрешимом вопросе – каково соотношение в сознании исследователя сведений источника и методологических взглядов и убеждений его собственных или, по тем или иным причинам,

inslav

воспринятых им извне. Говоря "извне", имею в виду отнюдь не только общеобязательные методологические установки, которые были присущи советской историографии, но и получающие ныне распространение теории исторического знания, рассматривающие исследование источника чуть ли не как помеху делу.

Нас предупреждают теперь против увлечения источником с применением философски усовершенствованного прежнего термина: речь идет об "архивном позитивизме", а не фетишизме, как некогда. А. Эткинд в статье "Новый историзм, русская версия"[1] начинает с сарказма по поводу того, что "метод гордо шествовал впереди". В этом трудно с ним не согласиться. С явным знанием дела он пишет: "На долю материала, был он связан с методом или нет, оставались служебные функции. Частный материал иллюстрировал универсальность метода. Когда авторы, увлекшись, занимались собственно материалом, теоретики считали себя вправе им выговаривать"[2]. Но затем А. Эткинд явно отходит от этой позиции, заявляя, что "историзм всегда искал равновесия между двумя неприятными крайностями в отношении к источнику, копированием и фантазией"[3]. Вряд ли исследование источника является этим равновесием. Автор и сам отнюдь не такое исследование имел в виду, когда написал: "Та работа, которой занимается историк, интересна ему и его читателям постольку, поскольку исторические сюжеты похожи на их собственную жизнь. Насилуя материал, однако, и втаскивая в него собственные проблемы, историк теряет доверие читателя. Точка равновесия между этими векторами сама меняется вместе с ходом истории"[4].

А. Эткинд видит "цель работы не в комментариях к чужому тексту, а в написании своего текста, в сочинении собственного нарратива". Но "комментарий к чужому тексту" комментатор может, ведь, считать таким же "своим текстом", как и сочиненный им "собственный нарратив". Не в том ли причина позиции А. Эткинда, что он имеет в виду, с одной стороны, не историческое исследование, а историческую прозу, которую представляет себе "как сочинение историка, очищенное [!] от кавычек: и ссылок", а с другой – комментарий не к историческому, а к художественному произведению, такой, который имеет по преимуществу справочное значение.

Выбор "между двумя неприятными крайностями" наш автор делает в пользу "фантазии", как связанной с творческим началом, в отличие от "копирования". В конце концов он выражает надежду на то, что "архивный позитивизм", как и "избегание теории и старинное предпочтение чистой деидеологизированной работы", исчезнут с прекращением «финансирования "академических" институтов и таких же изданий». Его не смущает, что вместе с ними уйдут в прошлое и такие профессиональные навыки, которые, хотя и "делают исследователя замечательным публикатором и точным комментатором", но не помогают ему стать "ярким автором, острым критиком, популярным преподавателем"[5].

Для первых двух видов занятий теория "вовсе" не нужна, а для успехов в трех других необходима. Как быть с методом, гордо шествующим впереди, и теоретиками, выговаривающими увлекшимися материалом авторам? Слово "навыки" принадлежит А. Эткинду, они, по-видимому, представляются ему

---

[1] *Эткинд А.* Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 47 (1). С. 40.
[2] Там же. С. 8.
[3] Там же. С. 22.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 40.

inslav

ремесленническими. Между тем они составляют неотъемлемую часть профессионализма. Впрочем для нашего автора "профессионализм – явление по сути сходное с национализмом", поскольку "оба являются разновидностями культурного протекционизма"[6]. Этот протекционизм он толкует, в частности, как "непреходящий страх высокой культуры перед конкурентами". Думаю, однако, что это не применимо ни к национализму, ни к профессионализму. Национальная культура, нуждающаяся в ограждении, вряд ли является высокой, например, германская в ее гитлеровской интерпретации. Что же касается профессионализма, то он от непрофессионалов незащитим, поскольку не может быть ими оценен. Свое отношение к работе историка над источником А. Эткинд выражает следующим образом: "Текст источника подлежит исторической критике, которая по мере своего движения устраняет текст. Если он плохо рассказывает о событиях, он не нужен; если хорошо рассказывает, он тоже нужен недолго, потому что можно переходить к событиям"[7].

Неудивительно, что доказательную силу таких рассуждений автор счел необходимым и возможным подкрепить ссылками на свое положение в научном мире. "В 80-х годах, – сообщает он, – я работал в советской академии; 90-е годы провел в лучших университетах мира; сейчас преподаю в одном из лучших университетов России... Я вынужден напомнить, что у меня две ученые степени в тех областях, которыми занимаюсь: кандидатская по психологии и Ph. D. по славянской филологии"[8].

Не ссылаясь на всю литературу о значении источника, в частности, на недавние работы В.М. Панеяха о петербургской исторической школе, обращусь к тому, что на протяжении десятилетий писал по этому поводу Б.Г. Литвак, взгляды которого представляются мне имеющими особое значение. Он был одним из пионеров изучения массовых источников, много сделавшим в этой отрасли и одновременно в практической сфере – источниковедом-археографом самого широкого профиля, проработав много лет в редколлегиях "Исторического архива" и "Археографического ежегодника". Через его руки прошли бумаги самого различного происхождения – и содержимое сейфов, оставленных К.Е. Ворошиловым в кабинете наркома обороны и простоявших там четверть века, и переписка К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, оказавшаяся причиной закрытия напечатавшего ее журнала, и многое другое. Обстоятельства его жизни сложились так, что последнее десятилетие он провел в Канаде, имея все возможности сопоставлять черты профессионализма отечественных и зарубежных исследователей российской истории.

Прямое посвящение сборника статей ученому, не отмеченному какой-либо формой официального признания, долго считалось у нас недопустимым, и А.Г. Тартаковский, сам яркий исследователь и интерпретатор источников, будучи ответственным редактором сборника статей "Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода", указав во введении к нему, что сборник готовился в год 70-летия Б.Г. Литвака, закончил его поздравлением юбиляру и словами о том, что редколлегия "сочла уместным" открыть сборник "статьей, посвященной характерным чертам его научного облика"[9].

Автор этой статьи, Ю.Я. Рыбаков, рано скончавшийся, строгий и тонкий

---

[6] Там же. С. 13.
[7] Там же. С. 12.
[8] *Эткинд А.* Два года спустя // Там же.
[9] Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 4.

inslav

источниковед, отметил, что "ставя вопрос о соотношении методологии и методики исследования, Б.Г. обращает внимание на известную автономию приемов источниковедческого анализа по отношению к методологической позиции исследователя, что позволяет шире использовать положительный опыт в работе с источниками предшествующих поколений историков"[10]. Ю.Я. Рыбаков имел в виду статью Б.Г. Литвака "О путях развития источниковедения массовых источников" в сборнике "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы" под редакцией С.О. Шмидта (1969), подготовленном возглавлявшейся им группой теоретического источниковедения в секторе методологии, вскоре ликвидированном, которым заведовал М.Я. Гефтер. В 1972 г. в "Вопросах истории" появился посвященный этому сборнику обзор К.Г. Левыкина "О некоторых проблемах источниковедения"[11]. Обзор носил критический характер. В первую очередь возражения вызвали статьи С.О. Шмидта и Б.Г. Литвака, утверждавших, что приемы источниковедения не должны зависеть от мировоззрения исследователя. Настаивая на "шаткости" аргументации Б.Г. Литвака, К.Г. Левыкин противопоставлял ей "иной взгляд" по этому вопросу "других авторов сборника, например, Л.В. Черепнина и А.А. Зимина", написавших о марксистском источниковедении.

М.А. Рахматуллин, писавший о Б.Г. Литваке в связи с его 80-летием (Ю.Я. Рыбакова уже не было в живых), определяя его особую позицию по поводу роли источниковедения в историческом исследовании, занятую еще в 1960-х годах, обратился к этой же статье, сопоставив ее с тем утверждением авторов введения к сборнику, против которого Б.Г. Литвак в сущности и выступил. "Не очень вразумительно", по словам М.А. Рахматуллина, возражая против традиционного отнесения источниковедения к вспомогательным и, на худой конец, к узкоспециальным дисциплинам, автор введения (по словам С.О. Шмидта, им был М.Я. Гефтер) писал: "Методика неотделима от метода, а последний включает в себя весь процесс исторического познания, в том числе и теоретические аспекты его сторон и ступеней". Вопреки этому, Литвак в своей статье, как писал М.А. Рахматуллин, «пожалуй, впервые в советской печати высказал давно назревшую в среде историков мысль: "...в историческом познании, несмотря на безусловно классовый характер истории как науки, объективно существуют такие приемы изучения предмета, которые как бы равнодушны к классовой позиции исследователя. Совокупность этих приемов является стержнем конкретного источниковедения... источниковедческий анализ, таким образом, по своей природе сохраняет известную автономию по отношению к методологической позиции исследователя"».

«Понимавшая все с полуслова научная общественность, – писал далее Рахматуллин, – была возбуждена этим заявлением о независимости комплекса источниковедческих приемов от методологических пристрастий исследователя, ожидая вполне определенной реакции официоза. Но, как ни странно, все обошлось, "впередсмотрящие" предпочли как бы не заметить случившегося»[12]. М.А. Рахматуллин видел причину этого в том, что Литвак опирался не только на выдающихся отечественных источниковедов А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского и других, но и на В.И. Ленина, писавшего, что ни один из приемов научной статистики сам по себе не буржуазен, давая этим ключ к освященному его именем пониманию соотношения методики и методологии.

---

[10] *Рыбаков Ю.Я.* Борис Григорьевич Литвак (штрихи к портрету историка-источниковеда) // Там же. С. 9.

[11] *Левыкин К.Г.* О некоторых проблемах источниковедения // ВИ. 1972. № 1. С. 154.

[12] *Рахматуллин М.А.* К 80-летию Бориса Григорьевича Литвака // ОИ. 1999. № 2. С. 206.

inslav

Впрочем, сам Б.Г. Литвак позже писал, что «за эту "еретическую мысль"» он все же «получил "по шапке"» от "сторонников идеи неразрывной связи методологии и установления исторических фактов, блюстителей чистоты марксистско-ленинской методологии"[13]. Самое удивительное (может быть, удивление и неуместно) в том, что о своих высказываниях 1969 г. ему пришлось напомнить в 1994 г. в русской эмигрантской печати в США, в которой под влиянием отнюдь не марксистской методологии, а релятивистских и агностических теорий, а также критики позитивизма в американской историографии настойчиво утверждалась мысль: "Написать единственную историю, как она была на самом деле, – нельзя". «Если согласиться с ней, – возрожал Б.Г. Литвак в газете "Новое русское слово", – то человечество лишается своего объективно существовавшего исторического прошлого и будет вынуждено питаться только мифологией. К счастью, это далеко не так. Прежде всего заметим, что господство позитивизма в науке XIX в. сыграло положительную роль в ее развитии: естественные науки до совершенства развили методику эксперимента и аналитического наблюдения, а в истории родились и приобрели уровень научности источниковедческие дисциплины – архивоведение, археография, дипломатика, генеалогия, нумизматика и сфрагистика, хронология и метрология и еще добрый десяток других. Отличительное качество этих дисциплин – их независимость от концептуальных исторических построений или от методологии»[14]. Закончу тем, что приведенные слова введения к сборнику 1969 г. о неотделимости методики от метода, вызвавшие своей традиционалистской ограничительностью возражение Б.Г. Литвака, появились в печати в год закрытия сектора, руководимого М.Я. Гефтером.

В.Г. Чернуха

СОЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ВО ГЛАВЕ С С.Н. ВАЛКОМ

В настоящее время курсы вспомогательных исторических дисциплин читаются на всех исторических факультетах университетов и педагогических институтов, исследователи специально занимаются все расширяющимся спектром этих отраслей исторического знания. Даже трудно себе представить иное время, когда опасавшиеся за судьбу нашей науки ученые были озабочены тем, чтобы их возродить. А начиналось это почти полвека назад, на заре "оттепели", наступившей после XX съезда КПСС. Сразу после него и как ответ на преодоление последствий культа личности Президиум Академии наук СССР принимает поставление 13 апреля 1956 г. о воссоздании при Отделении исторических наук Археографической комиссии во главе с академиком М.Н. Тихомировым, куда были включены самые известные ученые – знатоки исторического документа, в том числе и Сигизмунд Натанович Валк[1].

---

[13] *Литвак Б.Г.* Американо-канадский дневник: Сб. статей. 1998. С. 102–103.
[14] Там же.

[1] См. об этом: *Бем Ю.О.* Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 481–482.

inslav

Воссоздание Археографической комиссии означало, что из бумажного лимита Академии наук ей будет выделена некоторая квота, которая позволит вести и издательскую деятельность. Главным издательским предприятием Комиссии стало немедленное учреждение "Археографического ежегодника". Путь к возрождению вспомогательных исторических дисциплин был намечен. Но даже в этих условиях организация еще одного продолжающегося издания была делом сложным.

Только через десятилетие, в 1965 г., еще при жизни М.Н. Тихомирова оказалось возможным создать Ленинградского отделение Археографической комиссии. Возглавил его С.Н. Валк, а в состав вошли Д.С. Лихачев, А.И. Копанев, Н.В. Пигулевская и др. Однако разрешение на то, чтобы и ленинградские археографы могли выпускать свое издание, было получено только в 1967 г. Оно было связано с двумя обстоятельствами: приближением 50-летия Октябрьской революции, что всегда означало некоторое внимание к истории и историкам, и сменой руководства Археографической комиссией. Новый ее председатель С.О. Шмидт, в полной мере понимавший значение С.Н. Валка как уникального ученого и необходимости условий для востребованности его знаний, способностей и заветных замыслов, сумел добиться учреждения нового издания и из скудного бумажного лимита "Археографического ежегодника" выделить "листаж" для сборника Ленинградского отделения. Между тем С.Н. Валк считал подготовку такого сборника главным делом Отделения. Представление о задачах сборника, его содержании сложилось у него давно, было выношено за долгие десятилетия. Несколько раз он был близок к осуществлению этого необходимого дела, но обстоятельства каждый раз обрывали начатое.

С.Н. Валк был одним из немногих, может быть, даже единственным человеком, который мог в тех условиях взяться за такое издание. Таких историков, как он, получивших специальное образование в начале века, когда было осознано значение всестороннего изучения источника как основы для любых исторических построений, начального этапа всех исследований, уже не оставалось. Кроме того, и в советское время ему пришлось много заниматься источниками как русского средневековья, так и документами XIX–XX вв., стоять у истоков нового архивного строительства и соприкасаться со всеми его проблемами. Взгляды на задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин были высказаны им еще в 1944 г., когда Институт истории АН СССР надеялся на возможность возобновления как подразделения института – сектора вспомогательных дисциплин, и возглавить его должен был С.Н. Валк. Тогда-то он и выразил свои представления о задачах сектора. Отметив, что "обычный, существующий в ходячем обиходе историков перечень вспомогательных исторических дисциплин сложился еще в XVII–XVIII вв.", и преимущественно на изучении западноевропейских источников, он писал об узости этого перечня, неизученности даже отдельных видов средневековых документов и поставил задачу максимально расширить его. Он считал необходимым вовлечение в круг специального изучения и документов недавнего прошлого, и даже современных. Таким образом, программа издания уже существовала. Название сборника 1967 г. "Вспомогательные исторические дисциплины", очевидно, восходит к аналогичному названию сборника 1937 г. С.Н. Валк, на глазах которого предлагались, обсуждались, иногда даже начинали осуществляться, потом рушились замыслы серийных изданий документов и сборников исследований, всегда старался поддержать, возродить задуманное его друзьями и коллегами.

inslav

Первый том "ВИД" вышел в начале 1968 г., хотя был приурочен к юбилею революции. Но работали над ним очень тщательно и потому чуть-чуть задержали с выходом, нарушая график издательства "Наука". С.Н. Валк отдал ему очень много сил и оказался образцовым редактором. При том что этот опыт, разумеется, для нас драгоценен, встает вопрос о возможности его использования, настолько уникальным был и сам ученый. Во-первых, он был историком не просто уважаемым, но почитаемым, и это предопределило состав авторов первых выпусков "ВИД". Обращение С.Н. Валка к любому исследователю с предложением-просьбой дать в новый сборник статью, нередко отвлекавшее автора от его срочных и даже стоявших в стороне от предлагаемой темы занятий, могло вызвать только согласие. Отказать С.Н. Валку было невозможно. Во-вторых, С.Н. Валк был настолько эрудированным в этой области человеком, что для каждого из авторов становился драгоценным компетентным собеседником, ведшим разговор и о предмете статьи, и даже по ее содержанию не только на равных, но даже как наставник. В-третьих, у него была феноменальная память, позволявшая давать библиографические справки, отсылки к истории вопроса и т.д. В-четвертых, он имел ценную личную библиотеку, где, в случае необходимости, находилось редкое издание, нужное автору. В-пятых, С.Н. Валк в свои 80 с лишним лет обладал удивительной работоспособностью и тянул нелегкие редакторские обязанности добросовестно и в полной мере. С.Н. Валк подписал к печати 7 выпусков "ВИД". Он умер, когда готовился 8-й выпуск.

В состав первой редакционной коллегии вошли ученые, занимающиеся русской (Н.Е. Носов) и западноевропейской (В.И. Рутенбург) историей. Это означало, что С.Н. Валк принципиально не делал различия между документом русским и западным, между приемами критики источников нашими и западными. Они должны быть известны, пройти "экспертизу" и быть приняты или отвергнуты. Круг историков-"западников" не исчерпывался В.И. Рутенбургом, С.Н. Валк привлекал и других: А.Д. Люблинскую, Е.Э. Липшиц, Е.В. Скржинскую, которые либо выступали авторами, либо рекомендовали в таковом качестве своих учеников. Это обеспечивало "ВИД" широкий спектр статей. Кроме того, С.Н. сразу же поставил задачей прививать вкус к тщательному изучению позднего документа, о чем заявил в заметке "От редактора", помещенной в первом выпуске сборника. Авторами выступали молодые, теперь уже всем известные исследователи, – и это тоже была особенность нашего издания.

С.Н. Валк дорожил сборником, ему хотелось быть понятым и услышанным, и он ощущал постоянное беспокойство за его судьбу, имея перед глазами опыт начатых и незавершенных предприятий. Ведь любая не понравившаяся кому-то из влиятельных руководителей советской науки статья, дефицит бумаги могли прекратить издание. При все том, что каждый выпуск "ВИД" означал для него нервные затраты, он успел поставить издание на прочную почву, дать ему репутацию, направление, "костяк" авторов, включая и молодое (тогда!) поколение. Хотя он и был воспитан в строгих правилах классической исторической науки, он всегда поддерживал и новации, вроде неведомой тогда "фалеристики", считая, что каждый ученый имеет право и на свою проблематику, и на свою точку зрения.

На сегодня издано почти 30 выпусков "ВИД", а книг "Археографического ежегодника" – 45[2]. И это счастливое продолжение истории, начавшейся

---

[2] См.: Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений / Сост. Н.А. Долдобанова; Отв. ред. академик РАО С.О. Шмидт. М., 2000.

inslav

еще при М.Н. Тихомирове. С.Н. Валка поддерживали многие его коллеги, даже трудно выделить кого-либо; замечу, что тогда С.О. Шмидт постоянно встречался, вел с С.Н. переговоры и делился "листажом" Археографической комиссии, что кабинет Н.Е. Носова, при его занятости, был всегда открыт для С.Н. и заседаний редколлегии, и что первый постоянный редактор издательства "Наука" Р.К. Паэгле безропотно и спокойно "продиралась" сквозь "джунгли" поистине "специальных" дисциплин. Сейчас буднично и повседневно осуществляется то, чему были отданы надежды и силы предшествовавших поколений историков.

Т.Г. Иванова

К ИСТОРИИ ИЗЪЯТИЙ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА В 1930-е ГОДЫ*

Настойчивое желание большевиков контролировать архивохранилища проявилось вскоре после Октябрьского переворота. 12 сентября 1923 г. был издан специальный декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, согласно которому материалы бывшей царствующей семьи Романовых должны были быть сосредоточены в Центрархиве. В соответствии с ним в 1923 г. Пушкинскому Дому было предложено сообщить Академии наук, какие документы подобного рода хранятся в его собрании. Пушкинодомцы вынуждены были отвечать, что они хранят материалы великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук, поэта К.Р., подчеркивая при этом, что архив носит литературный характер[1]. В 1926 г. запрос был повторен. В делопроизводстве Рукописного отдела, в папке, озаглавленной "Акты и другие документы о передачах материала из Архива Института литературы за 1926–1937 гг.", сохранился документ, датированный 14 июля и обращенный к непременному секретарю Академии наук С.Ф. Ольденбургу. Здесь называются все тот же архив К.Р., материалы его сына, князя Олега Константиновича, княжны Е.Н. Оболенской, бумаги графа П.К. Бенкендорфа, архив генерала В.Ф. Джунковского.

В те годы дело ограничилось только ответами на запросы властей. Позднее окрепший тоталитарный режим действовал последовательнее и решительнее. В июле–августе 1929 г., когда академик Сергей Федорович Платонов, директор Пушкинского Дома, находился в Крыму, в доме отдыха "Гаспра", а руководитель Рукописного отдела Николай Васильевич Измайлов, который, кстати, был женат на дочери С.Ф. Платонова, с семьей пребывал в Анапе, в Ленинград приехала Правительственная комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии наук под председательством Ю.П. Фигатнера. Проверяла Комиссия и положение дел в Пушкинском Доме. И С.Ф. Платонов и Н.В. Измайлов тревожные новости о ходе работы Комиссии узнавали из газет и писем сослуживцев. Как писал 15 августа 1929 г. сотрудник первого поколения Иван Андреевич Кубасов, С.Ф. Платонову, многих из пушкинодомцев "тягали по одиночке на допрос"

---

* Настоящее сообщение является фрагментом большого исследования автора по истории Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1920–1930-е годы.

[1] СПб. ФА РАН. Ф. 150. Оп. 1 (1915). № 1. Л. 54.

inslav

(т.е. на пристрастный разговор с членами Комиссии), но все "сошло более или менее благополучно: из сотрудников П[ушкинского] Д[ома] никого не извлекли на всенародное позорище, никого не пытали перед Общим собранием (как сотрудников других учреждений) и никого не уволили"[2].

В конце августа Н.В. Измайлов вернулся в Ленинград, а уже в октябре началась вторая волна "академического дела". Академик С.Ф. Платонов был вынужден подать в отставку со всех своих постов – директора Пушкинского Дома, директора Библиотеки Академии наук и председателя Археографической комиссии; впоследствии, 12 января 1930 г., он был арестован. 6 ноября 1929 г. в прессе появились сообщения о том, что в Пушкинском Доме (равно как и в Библиотеке Академии наук, Археографической комиссии и в аппарате Академии наук) были спрятаны "важные" политические документы[3]. В 1929 г. "криминальными" материалами оставались все те же документы императорской семьи и ее окружения, а также архивы дореволюционных политических партий. В делопроизводстве Рукописного отдела отложился документ (машинопись с правкой), жанр которого определить довольно трудно (докладная записка, справка или памятная записка одного из хранителей). Приводим его текст:

Из Рукописного Отделения постановлением Гос[ударственной] Комиссии во главе с тов[арищем] Фигатнером в 1929 г. были изъяты материалы, укрывавшиеся в нем в антисоветских целях: Архивы ПК РСДРП (видимо, Петроградского комитета. – *Т.И.*) за 906-й год, арх[ив] ЦК меньшевиков, ЦК кадетов, арх[ивы] Лаврова, Струве, Водовозова, барона Врангеля, различные царские документы и т.д.

Часть материалов была передана в архив А[кадемии] н[аук], в М[узей] а[нтропологии и] э[тнографии], в Зоологич[еский] музей, МКДП (? – *Т.И.*), Археографическую комиссию и ряд других учреждений – как материалы, коллекции и архивы и пр., не имеющие отношения к литературе. Это архив княгини Оболенской, архив черносотенного проф[ессора] Никольского, частично архив К.Р. и многое другое.

После этой "чистки" вместо 690 картонов материалов осталось не более 200 картонов.

"От архива А.Ф. Кони, хранящегося в 130 коробках, осталось 33 коробки" (см. папку "Акты и другие документы о передачах материалов из Архива Института литературы за 1926–1937 гг.").

Документы (явно отрывочные), отложившиеся в названной папке, позволяют утверждать, что в 1920-е годы Пушкинский Дом воистину был "контрреволюционным гнездом", в котором находили приют рукописи так называемых "бывших". Первое поколение хранителей Отделения рукописей (именно так именовался Рукописный отдел в послеоктябрьский период) поступало так, как вели себя их предшественники в дореволюционные времена (например, В.В. Стасов, собиравший в императорской Публичной библиотеке нелегальные издания русских революционеров разных поколений, а также печатную продукцию Парижской Коммуны): пушкинодомцы стремились сохранить все, что имеет отношение к русской истории и культуре. При этом совершенно очевидно, что в книге поступлений фиксировались отнюдь не все

---

[2] См.: *Измайлов Н.В.* Воспоминания о Пушкинском Доме, 1918–1928 гг. / Публ. Н.А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 276 (комментарий).

[3] См. подробнее об "академическом" деле: *Брачев С.В.* "Дело" академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117–129; *Перченок Ф.Ф.* Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; Академическое дело. 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова.

inslav

поступления. И вызвано это было не небрежностью хранителей, а желанием скрыть до лучших времен от бдительного ока властей некоторые материалы. Тем более упоминания о многих документах мы не найдем в так называемых инвентарных книгах, куда вносились уже обработанные материалы, т.е. получавшие свой шифр.

В документах той же папки "Акты... о передачах материалов" читаем: "... архив кн. Е.Н. Оболенской, не числившийся ни в книге поступлений, ни в инвентарной описи". И далее в интонации приговора по отношению к Борису Ивановичу Коплану, ученому секретарю Пушкинского Дома: «В архиве есть лишь записка, писанная рукой бывшего сотрудника П[ушкинского] Д[ома] Б.И. Коплана: "Архив кн. Е.Н. Оболенской"». В названном архиве Оболенской были письма к ней императрицы Александры Федоровны, письма великих княгинь Елизаветы Федоровны, Татьяны и Ольги Николаевны. Здесь же, в описи бумаг, изъятых из Рукописного отдела, указывается архив Б.В. Никольского. Борис Владимирович Никольский (1870–1919) – историк литературы, поэт, переводчик, открыто высказывавший свою приверженность монархии в дореволюционные годы, один из создателей "Союза русского народа". Расстрелян большевиками 11 июня 1919 г.

Работа "фигатнеровской" Комиссии имела последствия не только для рукописных собраний Пушкинского Дома, но и для сотрудников Отделения рукописей. Заведующий Рукописным отделом Н.В. Измайлов (1893–1981) 13 ноября 1929 г. был уволен, а на следующий день арестован. В сфабрикованном органами ГПУ заговоре якобы созданного академиком С.Ф. Платоновым "Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России", Н.В. Измайлову отводилась роль активного участника "военной секции". 8 августа 1931 г. он был осужден к ссылке в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет. В июле 1934 г. ученый был освобожден, но возвратиться в Пушкинский Дом он смог только в 1955 г., с 1957 по 1970 г. снова возглавил Рукописный отдел.

Петр Иванович Зиссерман (1888–1931) – пушкинист, в штате Пушкинского Дома числился с октября 1926 г. на должности научного сотрудника II разряда. 18 июля 1930 г. был арестован; 19 сентября согласно приказу уволен из Пушкинского Дома; расстрелян в 1931 г.

Борис Иванович Коплан (1898–1941 или 1942 г.) – зять академика А.А. Шахматова, работавший в Пушкинском Доме с 1919 г., к 1929 г. являлся его секретарем (т.е. ученым секретарем). Во время "академического дела" был арестован, с 1931 по 1933 г. находился в административной высылке в Ульяновске и Мелекессе. В ноябре 1933 г. вернулся в Ленинград, работал в различных издательствах. В первую блокадную зиму он был арестован и умер в тюрьме.

Евлалия Павловна Казанович (1885–1941 или начало 1942 г.) – старейший сотрудник Пушкинского Дома – с 1913 г., была арестована 3 октября 1929 г., но вскоре освобождена и 26 ноября вышла на работу. Однако в декабре она вынуждена была все-таки подать заявление об увольнении. В дальнейшем работала библиографом в Главном геолого-разведывательном управлении, Государственном гидрологическом институте, Научно-исследовательском институте гидротехники, Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра. Скончалась в блокадном Ленинграде.

Елена Борисовна Покровская (в замужестве Гиппиус) (1899–?), с 1920 г. – научный сотрудник II разряда, была арестована 6 марта 1931 г., освобождена 19 марта, вскоре была уволена.

inslav

Варвара Борисовна Враская (1901–?) – историк литературы, впервые в документах Пушкинского Дома зарегистрирована 24 сентября 1919 г., когда ей было выдано удостоверение о том, что она является сотрудницей этого учреждения. В штат принята в 1924 г. на должность научного сотрудника II разряда, в 1931 г. уволилась и перешла на преподавательскую работу в университет.

Мария Николаевна Мотовилова (1894–?) – научный сотрудник II разряда Пушкинского Дома (с 1924 г.), бывшая аспирантка Института по изучению литературы и языка Запада и Востока, также была вынуждена уйти с работы в конце 1931 г.

Наталья Александровна Чебышева (1905–1982) – научный сотрудник II разряда с октября 1925 г., в апреле 1931 г. была вынуждена уволиться.

После окончания "академического дела" из первого поколения архивистов, названных в воспоминаниях Н.В. Измайлова, в Пушкинском Доме остался Степан Александрович Переселенков (1865–1940 или 1941 г.), пришедший сюда летом 1923 г. Продолжала работать Варвара Дмитриевна Комарова (1862–1942), пушкинодомец с 1918 г., которую, по-видимому, не тронули, так как она была сестрой видного деятеля Коммунистической партии Е.Д. Стасовой. Не пострадал и Николай Кирович Козмин (1873–1942), член-корреспондент Академии наук[4].

Как видим, события 1929–1931 гг. нанесли сокрушительный удар по штатам Рукописного отдела Пушкинского Дома. После ареста Н.В. Измайлова заведующим Рукописным отделом стал Н.К. Козмин (1929 – ноябрь 1930 г.). Затем РО ИРЛИ возглавляли случайные люди. С лета 1932 до 1936 г. архивом руководил Н.К. Пиксанов (1878–1969). В 1934 г. в Отдел пришел опытный архивист Илья Лукич Маяковский (1878–1954[5]). В 1936 г. несколько месяцев он даже являлся заведующим Отдела, но 1 августа уволился из Пушкинского Дома. Архив возглавил Орест Вениаминович Цехновицер (1899–1941), до конца 1937 г. он был назначен ученым секретарем Института. Это был человек новой формации – с комиссарской закваской[6]. Подстать О.В. Цехновицеру был сменивший его Николай Андрианович Аникин, призванный в декабре 1939 г. в армию. Последним предвоенным заведующим Рукописного отдела стал пушкинист Борис Павлович Городецкий (1896–1974).

Знакомство с делопроизводственными документами убеждает, что в 1930-е годы в Рукописном отделе имела место текучесть кадров. К тому же практиковалось привлечение к научно-технической обработке фондов сотрудников из других отделов Института и даже ученых из других учреждений, работавших на почасовой оплате. Подлинными архивистами в Отделе были немногие. Среди них – Лев Михайлович Добровольский (1900–1963), сложившийся как архивист и библиограф в Институте книговедения (Научно-исследовательский институт книговедения при Публичной библиотеке) в 1924–1933 гг. Вторым следует назвать Льва Борисовича Модзалевского (1902–1948), сына основателя Пушкинского Дома, главным местом работы которого был Архив Академии наук (в Пушкинском Доме он являлся почасовиком). Имена остальных, как правило, мало что говорят современному поколению ученых. Среди сотрудников Рукописного отдела в 1930-е годы

---

[4] Все биографические справки взяты из комментариев Н.А. Прозоровой к воспоминаниям Н.В. Измайлова.

[5] См. о нем в наст. изд. (С. 364).

[6] См. о нем: *Панченко М.А.* Из записных книжек 1930-х годов / Публ. Н.Т. и А.М. Панченко // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 244–251.

inslav

были люди разного образовательного уровня, разных представлений о нравственности и разного понимания исторической обстановки, но именно им выпало на долю хранить рукописные сокровища Пушкинского Дома в драматическое предвоенное время.

В этот период происходили события, обусловленные давлением тоталитарного режима. "Чистка" пушкинодомских архивных собраний, проведенная "фигатнеровской" Комиссией в 1929 г., была только первым актом в длинной череде последующих действий такого же плана. На протяжении всех 1930-х годов архивисты, по указаниям свыше, выявляли в своих фондах документы, не подлежащие, с точки зрения властей, хранению в Пушкинском Доме. В одном из делопроизводственных документов – недатированной "Описи материалов, подлежащих передаче в УЦГАЛ (Управление Центрального государственного архива г. Ленинграда? – *Т.И.*)" – значатся три списка стихотворения С.А. Есенина "Послание евангелисту Демьяну Бедному"; стихотворение Б. Тютчева "Хамов, поднявших свой стяг, чем мне повергнуть на землю", выявленное в архиве редакции журнала "Русское богатство"; из фонда А.Ф. Кони изымалось стихотворение неизвестного автора 1919 г. "Фельдфебели в Вольтерах" и т.д.

В другом документе ("Опись материалов, подлежащих к сдаче в Центрархив как незаконно хранившихся в архиве ИРЛИ Академии наук"), относящемся к 1936 г., находим также ряд интересных фактов по изъятию историко-литературных материалов из Пушкинского Дома. Названная "Опись" имеет два раздела: "I. Материалы, относящиеся к династии Романовых, а также к лицам, занимавшим высшие государственные посты и находившимся в близких отношениях к лицам бывшей царской фамилии"; "II. Материалы деятелей реакции и контрреволюции. Различные документы контрреволюционного и религиозного содержания". В первом разделе перечисляются различного рода указы, рескрипты и другие документы, начиная со времен Анны Иоанновны и кончая Николаем II.

Во втором разделе привлекает внимание описание материалов архива Петра Николаевича Врангеля (говоря большевистским языком – "черного барона"), известного деятеля белого движения: его личные документы, удостоверения об окончании учебных заведений, о наградах и т.д. Архив этот, без сомнения, был сдан в Пушкинский Дом баронессой М.Д. Врангель, матерью П.Н. Врангеля и Н.Н. Врангеля, видного историка искусств (материалы последнего ныне составляют фонд 60).

Из Рукописного отдела изымались все документы антисоветского характера. В названной "Описи" имеется, например, пункт следующего содержания: "Оксман Ю.Г. Письмо его к Кони А.Ф. от 19.IX.1921 г. (письмо контрреволюционного содержания)". Из архива академика А.А. Шахматова изымался некий манифест ("пасквиль на Ленина"), послание патриарха Тихона и другие документы. Из архива журнала "Русское богатство" было изъято обращение в редакцию заключенных из пересыльной тюрьмы от 30 января 1918 г.

В 1930-е годы "криминальными" становятся имена тех большевистских руководителей, которые в борьбе за власть потерпели поражение. Документы, связанные с ними, также не подлежали хранению в Пушкинском Доме. В той же "Описи" по изъятию называется письмо Л.Д. Троцкого от 19 января 1908 г. к художнице Екатерине Сергеевне Зарудной-Кавос и два билета на свидание в Дом предварительного заключения. Около наименования данных документов в "Описи" стоит помета, раскрывающая детали существования Пушкинского Дома в период сталинских репрессий: "Обнаружено в столе

inslav

бывш[его] зав[едующего] Маяковского в присутствии предст[авителей] НКВД". Лишился Пушкинский Дом и писем Л.Д. Троцкого к писателю Федору Сологубу за 1911–1920 гг. В "Описи" числится также письмо Г.Е. Зиновьева от 15 июля 1915 г. в редакцию журнала "Русские записки".

Архивисты даже нового поколения с трудом привыкали к "правилам игры", которые навязывал им тоталитарный режим. Понимание того, какие документы являются лояльными по отношению к властям, а какие нет, приходило к пушкинодомцам далеко не сразу. 7 мая 1928 г., согласно справке об архиве Питирима Сорокина, его материалы были приняты в дар от Ф.И. Витязева (Седенко). В феврале 1934 г. архив был описан в книге № 1 (один из учетных документов, ныне устаревший), т.е. никому из пушкинодомцев не пришло в голову, что принятые на хранение материалы могут быть "криминальными" с точки зрения властей и, следовательно, описывать и выявлять их для всеобщего изучения "преступно". По описи в архиве Сорокина находилось 110 ед. хр. С появлением в те же 30-е годы понятия "личный фонд", архиву был присвоен № 290. Но уже 31 декабря 1936 г. этот фонд был упразднен, а материалы Сорокина переданы в Центрархив. Совершенно случайно в Пушкинском Доме осталось несколько документов, которые лишь в 2002 г. были вынуты из хранилища необработанных фондов, прошли научно-техническую обработку, в результате чего был вновь создан небольшой фонд Питирима Александровича Сорокина (Ф. 863).

Любопытна история с архивом цензора Дмитрия Николаевича Михайлова. Опись на него была составлена 26 мая 1933 г. и включена в учетную книгу № 6 (ныне устаревшую). Архив включал 96 ед. хр., позднее, при фондировании, ему был присвоен № 494. По-видимому, очень скоро "бдительные сотрудники" Рукописного отдела, из нового поколения пушкинодомцев, усмотрели (и вполне справедливо) в архиве контрреволюционное содержание. В делопроизводственной папке "Акты... о передаче материалов" находится весьма характерный черновой вариант справки на этот архив, написанный неустановленным лицом: «[...] Происхождение архива – установить с достоверностью от кого и когда фонд поступил в Институт литературы не представляется возможным. Архив оказался незарегистрированным в книге поступлений. Каких-либо других сведений о его происхождении не имеется. Вероятная дата поступления 1930–1932 гг. По словам сотрудниц Института А.И. Перепеч и Е.В. Михайловой, ранее работавших в архиве, впервые архив был обнаружен ими в 1933 году на одном из верхних стеллажей хранилища [...] Об архиве тогда же ими было заявлено зав. секретной части Академии наук тов. Михайлову. Однако каких-либо шагов, а затем и к сдаче его (так! – *Т.И.*) по назначению в Л[енинградское] о[тделение] Ц[ентрального] и[сторического] а[рхива] со стороны администрации Архива не последовало [...] В 1934 году [архив] был осмотрен ученым специалистом В.В. Гиппиусом, который, ознакомившись с содержанием архива, составил следующую письменную характеристику фонда: "Дневники. В тексте есть копии писем к Гнедичу П.П., Розанову В.В., Толстому Л. и т.д." [...] По существу же архив представляет в (одно слово не читается, так как правое поле листа скрыто брошюровкой. – *Т.И.*) своей собрание контрреволюционных материалов. Владелец архива Д.Н. Михайлов до революции работал старшим цензором Кавказского цензурного комитета, занимался педагогической деятельностью. Лично был связан с высокопоставленными лицами – гр. Витте, поэтом К.Р. [...] По убеждениям автор "Дневников" – монархист-черносотенец. Записи, относящиеся к дореволюционному периоду, полны выпадов против [какого] бы то

inslav

ни было оппозиционного движения [...] В послереволюционный период записки становятся полны ненависти к советской власти и большевикам. Автор делает клеветнические выпады против властей партии и правительства (Ленин, Калинин), выступает против колхозного строительства, клевещет на ГПУ и открыто высказывается, что желает гибели советской власти и "крови коммунистов" [...] В литературном отношении "дневники" и вообще материалы не представляют ценности».

Судьба архива Д.Н. Михайлова была решена. 31 декабря 1936 г. он был передан в ЛОЦИА. Тогда же Пушкинский Дом лишился части материалов из архива писателя Далмата Александровича Лутохина (ныне Ф. 592). По сводной описи, включающей материалы из других разных источников, были сданы еще 52 документа.

Изъятие материалов происходило не только по идеологическим причинам, но и в связи с тем, что в 1930-е годы в СССР проводилась не лишенная логики политика централизации хранения однородных документов в одном месте. Однако это уже иная грань жизни архивистов того периода.

inslav

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

А.И. Плигузов, В.Н. Козляков

КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ СТОЛБЦОВ И ДРУГИЕ РУССКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЮРИДИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ БИБЛИОТЕКИ КОНГРЕССА США[1]

Исследователи славянских древностей никогда не работали с материалами Юридического отдела (Law Library) Библиотеки Конгресса США. Единственная обзорная статья, посвященная американским коллекциям русских материалов (1979), не упоминает об этом собрании[2]. В третьем издании путеводителя Стивена Гранта (1994) описанию русских рукописных материалов Юридического отдела уделены всего 11 строк, которые не содержат необходимой для специалиста информации[3]. Неопубликованные статьи о славянских материалах Библиотеки Конгресса, подготовленные сотрудниками Библиотеки Гарольдом Лайком (1993)[4] и Давидом Краусом (1994)[5], содержат важную информацию, но сообщают лишь предварительные сведения о составе славянских коллекций и истории приобретения русских книг.

Юридическая библиотека на Капитолийском холме была основана в 1832 г. как специальный отдел Библиотеки Конгресса; вплоть до 1935 г. она находилась в административном подчинении Верховному суду, и лишь с этого времени полностью перешла в ведение Библиотеки Конгресса[6].

История поступления ранних русских материалов в Юридический отдел Библиотеки Конгресса тесно связана с двумя важными событиями, каждое из которых выражало свою эпоху полнее, чем современные им газетные заголовки. Первое событие – это покупка в 1906 г. Библиотекой Конгресса книжного собрания, принадлежавшего сибирскому купцу Геннадию Васильевичу Юдину. Коллекция Юдина была частной, решение о ее продаже принимал сам владелец, акт продажи носил публичный характер. Собрание Юдина составляло более 80 тыс. книг и постепенно было распределено по

---

[1] Работа со славянскими материалами, хранящимися в Law Library Библиотеки Конгресса США, была начата в марте и завершена к концу августа 1995 г. Неоценимую помощь в наших поисках оказали сотрудники Библиотеки Абби Смит, Джеймс Мартин, Розмари Клемандо, Дэвид Рабаска, Кейс Стиверсон и Лаверн Муллин. Один из авторов этого обзора – Андрей Плигузов – находился в то время в Вашингтоне как исследователь Кеннановского института высших славянских исследований.

[2] *Демкова Н.С.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 398–399.

[3] *Grant Steven A., Pomeranz William E.* Scholar's guide to Washington, D.C., for russian, central eurazian, and baltic studies. Washington; Baltimore; L., 1994. P. 24.

[4] *Leich Harold M.* Overview of russian holdings at the Library of Congress. [Washington], 1993 (см.: раздел B 6).

[5] *Kraus David H.* The Development of the russian collections at the Library of Congress before World War II. [Washington], 1994.

[6] См.: Library of Congress. Information bulletin. Washington, D.C., 1991. Vol. 50. № 8. P. 137, 138, 141–146; Law Library 1832–1982. A brief history of the first hundred and fifty years. Washington; D.C., 1982.

inslav

различным отделам Библиотеки, причем некоторое количество русских книг XVII в. попало в Law Library, что произошло после 1914 г.[7] Второе событие – это успешные переговоры библиотекаря Конгресса Герберта Патнама (занимал этот пост с 1899 по 1939 г.) с нью-йоркским книгопродавцом Израилем Перлстайном в 1927 г., после которых Перлстайн вплоть до своей смерти (23 марта 1975 г.) был усердным комиссионером Библиотеки[8]. Перлстайн сумел установить тесные отношения с объединениями "Антиквариат" и "Международная книга", и через него советские чиновники и чекисты зарабатывали американские доллары на продаже за границу конфискованных книжных или архивных собраний. Списки книг по истории русского права, на которые следовало обратить особое внимание, присылала в Вашингтон Генриэтта Дерман, бывшая сотрудница Библиотеки Конгресса, очевидно, коммунистка, которая к началу 1930-х годов работала уже в одной из советских библиотек в Москве[9].

В первой половине 1930-х годов русские материалы стали поступать из магазина Перлстайна в Библиотеку Конгресса и составили наиболее значимую часть русской коллекции Юридического отдела. Все поступившие в Библиотеку книги и рукописные материалы были куплены законно, у официальной советской организации – частным книгопродавцом в Америке, а уж у него – Библиотекой, с оформлением всех необходимых документов. Первые обзоры новоприобретенного материала публиковались в Acquisitions Records, где особенно отмечены невысокие продажные цены ("very moderate prices") русских книжных редкостей[10].

В 1941 г. ранние славянские книги и рукописи были вывезены вместе со всеми ценными материалами Библиотеки на период Второй мировой войны в Форт Нокс (штат Кентуки) и затем возвращены в Вашингтон[11]. По мере поступления русские книги и документы описывались, и основные данные о них переносились на библиографические карточки в каталоге отдела. И сегодня эти карточки служат главным источником сведений о славянских собраниях

---

[7] Славянское собрание Юридического отдела существует с 1914 г., см.: Annual report of the Librarian of Congress 1927. P. 72 (далее ссылки на эту и последующие публикации даются сокращенно: AR). О коллекции Г.В. Юдина см.: *Babine A.V.* The Yudin Library. Krasnoiarsk (Eastern Siberia). Washington: D.C., 1905; *Преображенский А.А.* Коллекция Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (Краткий обзор) // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 267–292; *Фесенко Т.* Русские сокровища Библиотеки Конгресса // Отклики: Сборник статей памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985). New Haven, 1986. С. 186–208.

[8] AR. 1931. P. 38. См. также машинописную статью Тадеуша Садовского, которая хранится в Юридической библиотеке: *Sadowski T.* Russian treasures of the 17th and 18th Centuries in Law Library. Washington: D.C., 1980. P. 1–2. Перлстайн приехал в США из Польши в 1920 г., впервые посетил Россию в 1926 г., после чего бывал там не раз, заказывая и покупая целые книжные собрания, например, библиотеку царской семьи. В 1938 г. Перлстайн приобрел коллекцию инкунабул у некоего доктора Волбера, немецкого книгопродавца, затем покупал и продавал американским библиотекам чешские и югославские материалы. Вдова Перлстайна, Гертруда Перлстайн, некоторое время продолжала заниматься букинистическими продажами. См.: A.B. Bookman's weekly. May 12. 1975. P. 2244, 2246. Некоторые книги из магазина Перлстайна в начале 1930-х годов были куплены библиотеками Гарвардского университета (*Плигузов А.И.* Славянские рукописные материалы в библиотеках Гарвардского университета // ОА. 1993. № 6. С. 36 (здесь имя Перлстайна указано неверно); *Он же.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // ОА. 1994. № 5. С. 21), а также библиотеками Колумбийского, Йельского, Индианского университетов, Университетом штата Иллинойс и Нью-Йоркской публичной библиотекой.

[9] *Sadowski T.* Russian treasures. P. 2–3

[10] AR. 1935. P. 75.

[11] См. машинописную опись: Irreplaceable and rare foreign material, arranged according to shelflist [by numbers of records sheets]. Stored for the duration of the war for [the] Law Library. Washington, 1941 (хранится в Law Library под шифром 21225/S-101).

inslav

Юридической библиотеки. Записи на карточках лаконичны и не отвечают на многие профессиональные вопросы славистов. Именно по причине малой изученности и неполноты описания русского собрания Юридической библиотеки авторы этого обзора предприняли попытку систематического научного описания по возможности всех рукописных русских материалов XVII–XIX вв., хранящихся в Юридическом отделе Библиотеки Конгресса. Первые результаты такого описания составили основу настоящей статьи.

Столбцы 1628 г. – середины 18 столетия

В настоящее время столбцы хранятся в специально изготовленных коробках (они были сделаны между 1983 и 1989 г.), причем 1, 3–5 коробки хранят столбцы в свернутом виде, а коробка 2 содержит специальные папки, где документы лежат в виде отдельных развернутых листов. Эти материалы составляют отдельную коллекцию, каждая коробка с надписью "Russian Scrolls" и без шифра. В нашем описании расположение документов указано в соответствии с их положением в коробках, но сам порядок следования документов – строго хронологический. После составления нашего описания все столбцы были заново пронумерованы согласно публикуемому ниже списку. Маркировочные знаки бумаги в описании не указываются.

I-1. 1628/29

Выпись из писцовых книг на поместье Михаила Михайлова сына Трусова

9 л. Копия. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом поставлен номер "23".

RS. Box 3. № 2

I-2. Не ранее 1639 г.

Выпись о даче залежной земли ясашному служилому татарину деревни Былган Енбаю Терегулову.

На обороте – другая запись о землевладении служилых татар (перечеркнута) и список молитвы, типа пробы пера.

1 л. Черновик. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 3

I-3. 1641 г., августа 19

Память Григорию Трусову о взимании в окрестностях Казани оброка с шести малмыжских водяных мельниц ("меленок мутовок"), с указанием недоимок за прошлый год и других оброков.

3 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "5", на обороте документа почерком XVIII–XIX вв. приписано: "О оброчных разных книгах".

RS. Box 3. № 10

I-4. 1643 г., июня 1

Грамота из Приказа Казанского дворца о составлении отдельных книг на подгородные сенные покосы, выделенные в угодье свияженину Семену Гладкову.

Упоминается о Свияжских писцовых книгах 1565/66 – 1566/67 гг. Микиты Борисова и Димитрия [...]

3 л. Копия. Делопроизводственная скоропись. Начало утрачено. В левом верхнем углу карандашом в овальном картуше написан номер: "146".

RS. Box 1. № 14

I–5. 1644 г., января 17

Ввозная грамота романовскому служилому татарину Кутласке Тобычеву сыну Курманалееву на поместье в Воздвиженском стану Романовского уезда.

3 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Печать черного воска. В левом верхнем углу карандашом написано: "31".

RS. Box 5. № 3

I-6 [1645-1663 гг.]

Благословенная грамота вологодского и великопермского архиепископа Маркела помещикам Гавриле Яковлеву сыну Яндаурову и Силе Иванову сыну Клочкову и др. на построение нового храма Благовещения в Ильмовском стану Вологодского уезда.

2 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Печать утрачена. В левом верхнем углу карандашем написано: "15". Грамота датируется на основании упоминания архиепис-

inslav

копа Маркела, который занимал кафедру с 16 января 1645 г. по 22 марта 1663 г. (см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877. Стб. 731).

RS. Box 3. № 5

I-7. 1646 г., декабря 6

Жалованная (подтвердительная) грамота обельным крестьянам Сеногубской волости Спасского Кижского погоста Новгородского уезда Василию Сидорову с детьми и племянниками на освобождение от податей их земли за службу родственников опальным инокине Марфе Ивановне и патриарху Филарету Никитичу (Романову) в царствование Бориса Годунова.

3 л. Копия 1719 г. Скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "6".

RS. Box 2. № 7

I-8. 1647 г., августа 25

Челобитная сборщиков соляной пошлины в Томске Кузьмы Батуры и Антона Федорова.

6 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 3. № 4

I-9. [После 1649 г.]

Выписка из Соборного Уложения (из новоуказных статей) "а где учинитца разбой".

На обороте – выписка из отказных книг (текст выцвел и читается плохо), данная некоему Михаилу на вотчину и поместье.

1 л. Черновик. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 4

I-10. [1640-е гг.?]

Выписки из новоуказных статей 56 и 57 Соборного Уложения.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "26".

RS. Box 2. № 11

I-11. 1650 г.

Отказная грамота Ивану Веригину на земли в "Диком поле" Шацкого уезда.

4 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 3. № 1

I-12. 1665 г., января 11, 13

3 отписки воеводы Кецкого острога стряпчего Данилы Хрущова воеводе Томского острога Ивану Васильевичу Бутурлину по делам, связанным со сбором ясака.

4 л. Подлинники. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано (в круге): "146"

RS. Box 2, № 3

1-13. Не ранее 1665 г., мая 29

Отписка воеводы Кецкого острога Данилы Хрущова Нарымскому воеводе Ивану Васильевичу Засецкому о присылке в Кецкий острог грамоты из Москвы, за приписью дьяка Григория Порошина, об обложении кецких ясашных людей ясаком "против нарымских ясашных людей" и с просьбой о составлении для примера росписи числа соболей, взимаемых с ясашных людей, а также о покупке "таганного" – железа пахотным крестьянам на сошники.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Левый край документа истлел и частично утрачен. В верхнем левом углу карандашом написано: "2". На обороте карандашом написано: "Отписка... к Томск..."

RS. Box 2. № 14

I-14. [1665 г.], июня 11

Отписка Томского воеводы Ивана Васильевича Бутурлина воеводе Кецкого острога Даниле Ивановичу Хрущову о том, чтобы ему послать известие нарымскому воеводе Ивану Засецкому и справиться о количестве поминков и ясака, который платили нарымские ясашные люди.

1 л. Черновик. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 15

I-15. [1665 г.?] Датируется на основании предполагаемой связи с документами 11 и 12; в тексте упоминаются "царевичи" Алексей Алексеевич и Федор Алексеевич.

inslav

Челобитная чулымских татар Байбуловы волости князца Искуля Акбашева и "ясаула" Шумила Байбулова об уменьшении выплат ясака и поминков с волости в размере, причитающемся за одного умершего и другого старого и увечного человека.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "34".

RS. Box 2. № 9

I-16. 1672 г., не ранее января 10

Отказная грамота из Приказа Казанского дворца свияжанам Богдану и Ивану Ивановым детям Гладкова на поместье в Нижегородском и Свияжском уездах.

5 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "33"

Конец документа хранится отдельно, см. № 1–17.

RS. Box 1. № 1/1

I-17. Фрагмент предыдущего документа

1 л.

RS. Box 2. № 12

I-18. 1673/74 г.

Выпись из Галицких писцовых и переписных книг на поместье Семена Семенова сына Ястребцова и вдовы Анны Богдановой жены Ястребцова с детьми.

4 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "21".

RS. Box 3. № 6

I-19. Не ранее 1674 г., июня 4

Наказная память воеводы симбирской приказной избы Алексея Петровича Головина с товарищами об обмере и отказе лишней примерной земли симбирянам Тимофею и Федору Симеоновым детям и Давыду и Ивану Ермолаевым детям Ростовским.

В грамоте упоминается о сгоревших отказных книгах в Симбирске в 179 году "в приход воровских казаков".

7 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 1. № 12

I-20. 1674 г., сентября 24

Выпись голове московских стрельцов Тимофею Матвееву сыну Полтеву на дворовую землю, отписанную ранее у него под кладбище церкви апостола Филиппа в Земляном городе и возвращенную ему в обмен на другой купленный им участок земли.

Цитируется указ царя Алексея Михайловича 1666/67 г. о порядке отвода кладбищенской земли.

11 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Печать Андрея Прокофьевича Елизарова. В левом верхнем углу карандашом написано: "4".

RS. Box 2. № 8

I-21. [1670-е гг.?]

Наказ воеводы думного дворянина Постника Григорьевича Огарева и дьяка Ивана Рогозинина об отказе земли неизвестному лицу.

На обороте выписка из Соборного Уложения, ст. 31, о разбое.

1 л. Отрывок. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 6

1-22. [1670-е гг.?]

Поручная запись по крестьянину дворцового села Ключищ Левонтию Семенову сыну Семенову в том, чтобы ему "ставитца" в Свияжске перед сыщиком Семеном Степановичем Гладким "по вся дни".

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Текст частично утрачен.

RS. Box 2. № 16

I-23. 1676 г.

I. Наказная память стольника воеводы Петра Васильевича Шереметева и дьяка Мины Гробова о приводе к крестному целованию псковских городов и уездов на верность царю Федору Алексеевичу. Печать П.В. Шереметева черного воска.

II. Формуляр крестоприводной записи с заголовком: "Выписка... из чиновной книги"

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашная помета: "35"

RS. Box 2. № 1

inslav

I-24.1676 г., ноября 1

Память о выдаче подвод приставу Приказа Холопья суда Осипу Урюпину на дороге от Москвы до Вышнего Волочка и обратно от Торжка до Москвы.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Печать черного воска. В левом верхнем углу карандашом написано: "22".

RS. Box 2. № 2

I-25. 1677 г., марта 21

Благословенная грамота архиепископа вологодского и белозерского Симона на строительство храма Благовещения на месте сгоревшего 7 августа 1676 г. храма в Водожской волости Вологодского уезда на поместной земле прихожан Силы Иванова сына Клочкова и Ивана Гаврилова сына Ендогурова.

На обороте: удостоверяющая запись от 22 марта 1677 г. о выдаче антиминса для новопостроенной церкви.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "18". Симон занимал кафедру с 1664 по 1684 г. (см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей. Стб. 731).

RS. Box 2. № 17

I-26. 1679 г., апреля 9

I. Память томскому сыну боярскому приказчику Мелесского острога Ивану Вербицкому о сборе недобранных поминков и ясака на 187 год.

II. Память приказчику Ачинского острога Петру Жуковскому о том же.

2 л. Черновики. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "29".

RS. Box 1. № 11

I-27. 1679 г.

Коллекция документов Томской приказной избы.

1. 1679, апреля 9. Наказная память томскому сыну боярскому Матвею Кулаковскому о поездке с подьячим и толмачем в Ачинский острог для сыска сведений о пропавшем томском пешем казаке – сборщике ясака.

2. 1679 г., мая 3. Память пешим казакам для сбора недобранных государевых поминков и ясака у местных князцов.

3. 1679 г., мая 17. Память ясашным людям Большой Провесной волости, отпущенным из Томска в Кузнецкий острог для обмена сушеной рыбы на соболей.

4. 1679 г., апреля 25. Челобитная сына боярского Петра Жуковского стольнику и воеводе князю Петру Лукьяновичу Львову и дьяку Федору Леонтьеву о поиске служилых людей, посланных из Ачинского острога "в Кызылы и в Ачи" для сбора поминков и ясака.

5. 1679 г., июля 18. Расспросные речи сына боярского Петра Жуковского стольнику и воеводе Петру Лукьяновичу Львову и дьяку Федору Леонтьеву о сборе государевых поминков и ясака, записанные в Томской приказной избе.

6. 1679 г., мая 27. Память ясашным людям, отправленным из Томска в Кузнецкий острог для обмена сушеной рыбы на ясашных соболей.

7. 1679 г. Отписка воеводы Петра Лукьяновича Львова и дьяка Федора Леонтьева о людях, отправленных в Кузнецкий острог для обмена сушеной рыбы на ясашных соболей.

8. 1679 г. Выпись воеводы Петра Лукьяновича Львова и дьяка Федора Леонтьева о собранных государевых поминках и ясаке.

9. 1679 г. Роспись "ценовная" Томской поминочной и ясачной казне.

10. 1679 г. Роспись таможенным пошлинам, что собрал с промышленных людей таможенный голова Кирилл Коровин.

11. 1679 г. Роспись ямских расходов на 1678/79 г.

20 л. Подлинники. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "1".

RS. Box 5. № 2

I-28. 1679 г., сентября 22

Заемная кабала свияженина Федора Петрова сына Сукова о займе у служилого татарина деревни Верхний Лаж Богдана Ертуганова сына Ахматова и у ясашного татарина деревни Большой Бурундук Обрезьяка Тегеева 8 рублей "денег московских ходячих" до дня преподобного Сергия и 12 рублей до дня Николы Зимнего.

inslav

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: “25”.

RS. Box 2. № 7

I-29. 1681 г., декабря 21

Меновная запись казанца Александра Афанасьева сына Товарищева с свияженином Иванисом Савиновым сыном Есиповым на земли в Свияжском уезде.

5 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: “19”.

RS. Box 3. № 9

I-30. [1682–1696 гг.]

Поступная запись помещика Ивана Протопопова на крестьянина деревни Кударовы, Свияжского уезда, отданного другому владельцу.

1 л. Копия. Делопроизводственная скоропись. В конце документа часть текста утрачена.

RS. Box 2. № 18

I-31. 1682/83 г.

Челобитная Дениса Матвеева сына и Дениса Федорова сына Жуковых о записи их челобитной о распаханной и расчищенной земле в Шацком уезде в связи с предстоящим писцовым описанием.

1 л. Черновик. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 8

I-32. 1685 г., февраля 4

Отказная грамота Якиму Юрлову с детьми на выморочное поместье его двоюродного брата Бориса Юрлова село Сесново с пустошами Ымзиского стана Курмышского уезда.

5 л. Копия. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: “8”.

RS. Box 3. № 8

I-33. 1686 г., марта

Память из Приказа Казанского дворца Ивану Гаврилову сыну Воронцову о составлении описания поместья Федора Ростовского в Симбирском уезде.

6 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: “3”.

RS. Box 2. № 4

I-34. 1686 г., июля 3 – 1687 г., июля 1

Судное дело новоторжской избы о спорных пустошах между Петром Петровым сыном Львовым и архимандритом Тарасием с братьею Новоторжского Борисоглебского монастыря.

6 л. Копии. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 9

I-35. 1687 г., июня 30

Обыскные речи, записанные в Поместном приказе в Москве, о монастырской пожне Пришибище Горицкой волости, составленные по челобитной архимандрита Тарасия Новоторжского Борисоглебского монастыря.

58 л. Копии. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: “9”. Новоторжский монастырь находился в окрестностях Торжка в Тверской губернии. Тарасий занимал пост архимандрита в 1682–1695 г., см.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей. Стб. 454. О монастыре см.: *Зверинский В.В.* Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. II. № 673.

RS. Box 4. № 1

I-36. 1687–1693 гг.

Коллекция документов о землевладении Новоторжского Борисоглебского монастыря.

1. 1687 г., мая 30. Грамота новоторжскому воеводе Петру Чернышеву о составлении чертежа монастырских земель по челобитной архимандрита Тарасия Новоторжского Борисоглебского монастыря.

2. 1691 г. Челобитная Андрея Рукавишникова государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу о писцовом описании земель Новоторжского Борисоглебского монастыря.

inslav

3. 1691 г., декабря. Челобитная Петра Петровича Львова государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу о спорных землях, лежащих во владениях Новоторжского Борисоглебского монастыря.

4. 1693 г., марта 20. Приговор комиссии во главе с боярином Петром Васильевичем Шереметевым о пожнях Новоторжского Борисоглебского монастыря.

5. 1691 г. Грамота в Торжок стольнику и воеводе Алексею Федоровичу Челищеву о землевладении Новоторжского Борисоглебского монастыря.

23 л. Копии. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "9а".

RS. Box 5. № 1

I-37. 1688 г., марта 29

Поступная запись Лукьяна Власова сына Ивашева Максиму Иванову сыну Саврасову на землю в Симбирском уезде.

2 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "11". На обороте документа почерком XVIII века чернилами: "18".

RS. Box 2. № 2

I-38. 1689 г.

Отписка томского воеводы Семена Вяземского енисейскому воеводе князю Якову Ивановичу о челобитной троицкого соборного протопопа Бориса Григорьева по поводу долга томского сына боярского Романа Болтовского.

4 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "1б" и (в круге) "106"; цифра в круге зачеркнута. На обороте документа краткий заголовок документа написан карандашом и черными чернилами.

RS. Box 2. № 6

I-39. 1693/94 г.

Отписка томского воеводы Стефана Путятина иркутскому воеводе князю Ивану Петровичу Гагарину о составлении сыска и присылке в Томск иркутского подьячего Григория Дурасова, на которого указал под пытками вор Иван Рябой, укравший в 1691/92 г. 165 рублей в Таможенной избе и бежавший из города "тайным обычаем", подкупив этого подьячего.

1 л. Черновик. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "13" и "103" (в круге); вторая цифра зачеркнута. На обороте – заголовок документа почерком начала XX в., написанный дважды – карандашом и чернилами. На обороте заголовок документа написан почерком начала XX в. дважды – карандашом и чернилами.

RS. Box 2. № 20

I-40. 1694 г., февраля 13

Память из Поместного приказа об отказе поместья Василия и Льва Сытиных села Инехова, пустыни Мочальниково (Начальниково) Ширинского и Отъезжего станов Московского уезда "генаральному писарю" Ивану Трифонову.

6 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Печать черного воска.

RS. Box 1. № 5

I-41. 1694 г., не позднее сентября 7

Дело о краже в Томской таможенной избе.

I. 1694 г., сентября 7. Отписка иркутского воеводы в Томск князю Степану Ивановичу.

II. Отписка Василия Ржевского Афанасию Васильевичу [Савелову].

2 л. Подлинники. Делопроизводственная скоропись. Документ II – черновик. В левом верхнем углу карандашом написано: "14".

RS. Box 3. № 7

I-42. 1696 г., мая 4

Запись в Томской приказной палате о челобитной стольнику и воеводе Василью Андреевичу Ржевскому Дарьи Борчицкой, жены отставного сына боярского Максима, о том, что у ее несовершеннолетней дочери Авдотьи ее сверстница Наталья Черепнина "отрезала ножом косу с косником".

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано и обведено в круг: "119". На обороте почерком XVIII в. чернилами: "4". На обороте почерком начала XX в. краткая аннотация содержания документа.

RS. Box 2. № 13

inslav

I-43. 1697 г., февраль

Отпись о приеме в Разрядном приказе денег со стряпчего Силы Иванова сына Трегубова вместо "азовской службы".

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "17".

RS. Box 2. № 19

I-44. 1699 г., августа 21

Выпись Алексею Трифонову сыну Пнехову на двор в Алексеевской слободе за Таганными воротами в Москве в приходе церкви Воскресения, проданный ему в 1696 году певчим крестовым дьяком Стефаном Стефановым.

21 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. Печать черного воска. В левом верхнем углу карандашом написано: "2".

RS. Box 4. № 2

I-45.1699 г.

Отказная грамота на поместье Семена Малахова в Симбирском уезде.

Начало утрачено.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 3. № 3

I-46. 1701 г., июля 22–24

Дело о розыске вора Ивана Рябого, укравшего деньги из Томской приказной избы в 1692/93 г. и объявившегося позднее в Москве.

В составе дела:

1. Без даты. Роспись товаров, купленных Иваном на краденые деньги.

2. Не ранее 1698/99 г. Отписка томского воеводы Григория Петровича Соловово иркутскому воеводе Ивану Федоровичу Лихареву о присылке в Томск с посольским сыном боярским находящегося под подозрением Григория Дурасова для сыска по делу о краже в Томской таможенной избе в 1692/93 г.

3. 1701 г., июля 24. Допросные речи Химки Петровой, жены сосланного в Сибирь из Москвы в 1690/91 г. Ивана Рябого, укравшего деньги в Томской таможенной избе.

4. 1701 г., июня 22. Сказка томских детей боярских Ивана Сеченого, Филиппа Козловского и конного казака иноземского списка Лучка Меркузеева о том, что они в 1698/99 г. видели в Москве беглого человека Ивана Рябого.

4 л. Подлинники. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 1. № 10

I-47. 1719 г., 25 день (месяц не указан)

Записка о сборе третных денег с разных сел и деревень (в том числе сел Исакова, Вязового, Собакина, Ходяшева и др.).

Уезд не указан.

1 л. Подлинник. Делопроизводственная скоропись. В левом верхнем углу карандашом написано: "27".

RS. Box 2. № 10

I-48. [Середина XVIII века?]

Письмо о посылке казаков на помощь обессиленным в ходе военных действий солдатам и о выдаче им провианта за службу в Самаре в команде поручика Кроткова.

1 л. Черновик. Делопроизводственная скоропись.

RS. Box 2. № 5

В 1983 г. русские столбцы были отправлены на реставрацию в Подразделение реставрации бумаги Библиотеки Конгресса США. Состояние столбцов внушало опасение: бумага обветшала, местами сгнила. Предпринятая реставрация принесла желаемые результаты, все разрушающиеся листы были промыты специальным раствором и подклеены тонкой японской бумагой[12].

Коллекция столбцов представляет разнообразные документы и состоит из нескольких разных по происхождению комплексов. Формирование этой коллекции не связано с определенным учреждением или территорией. Выде-

---

[12] *Stanly Th.* Memorandum [Sent on November 3, 1989 to Peter Waters, Conservation office] (документ хранится в Подразделении реставрации бумаги Библиотеки Конгресса).

inslav

лим собрание документов, относящихся к Свияжскому уезду, находившемуся в ведении Приказа Казанского дворца, которые представляют разрозненные грамоты из частного архива Семена Гладкова и его наследников за 1639–1690-е гг. (I-4, I-16, I-17, I-22, I-28, I-29, I-30), к этому же региону относятся документы 1628–1699 гг. (I-1, I-2, I-3, I-19, I-33, I-37, I-45), выделяются также томские грамоты 1647–1701 г. (I-8, I-12, I-13, I-14, I-15, I-26, I-27, I-38, I-39, I-41, I-42, I-46)[13], псковский документ 1676 г. (I-23), документы из Шацка за 1650–1683 гг. (I-11, I-31), Галича за 1673/4 г. (I-18), Романова за 1644 г. (I-5), жалованная грамота Василию Сидорову 1646 г., в Новгородский уезд, в копии 1719 г., где упоминаются события Смуты (I-7), московские материалы 1674 г. – 1699 гг. (I-20, I-24, I-40, I-43, I-44), благословенные грамоты вологодских архиепископов Симона и Маркела (I-6, I-25), материалы из архива Новоторжского Борисоглебского монастыря 1686–1687 гг. (I-34, I-35, I-36), а также выписки из Соборного Уложения (I-9, I-10, I-21).

Собранные материалы значительно различаются по своей исторической важности, однако некоторые из столбцов сохранили замечательные детали быта, представляются нам крайне интересными и, безусловно, заслуживают публикации. Речь идет о столбцах I-3, I-6, I-7, I-19, I-25, I-27, I-42.

Пестрота документов не позволяет считать, что перед нами – остатки архива одного из местных или центральных русских учреждений и как будто свидетельствует в пользу предположения, что столбцы Библиотеки Конгресса являются фрагментом какого-то вторичного по происхождению коллекционного собрания. Первое предположение авторов было таково: перед нами – демонстрационная коллекция ученого-историка и преподавателя, сформировавшаяся к началу XX в. и конфискованная в начале 1930-х годов, а впоследствии вывезенная из России при посредстве "Международной книги". Второе и, как кажется, более вероятное предположение, указывает прямо на "Международную книгу" или на объединение "Антиквариат", где постепенно накапливались поступающие из разных источников однородные материалы, как на место складывания этой коллекции.

Литература: AR. 1935. P. 75–76 (здесь содержится краткое обзорное описание коллекции столбцов, с их краткой классификацией: 12 столбцов посвящены земельной собственности, 4 – сибирским делам, 3 – сбору налогов, 2 – строительству новых церквей, 11 – судебным делам; опубликованное описание опирается на предварительное машинописное описание на русском языке начала 1930-х годов, копии фрагментов которого хранятся в Law Library).

Предлагаемый читателю обзор, разумеется, не ставит своей целью провести специальное исследование всех русских материалов, хранящихся в Юридическом отделе Библиотеки Конгресса. Наша статья предлагает научное описание коллекции столбцов и намечает наиболее перспективные направления дальнейшей работы. Трудности нашего поиска понятны специалисту: любое американское собрание славянских древностей не отличается полнотой, традиционные связи между материалами, явно открывающиеся исследователям при описании средневековых коллекций в России, были оборваны букинистами и книгопродавцами первой половины XX столетия, и ученым потребуется немало сил, чтобы эти связи восстановить и поместить материалы с

[13] О сибирских материалах см.: *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895–1901. Т. 1–4, ср.: *Богданов А.П., Плигузов А.И.* Материалы по истории Сибири в Древлехранилище Псковского музея-заповедника // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 67–81.

inslav

американскими шифрами в контекст русской истории – целостной и неразрывной.

Описание ранних славянских материалов Библиотеки Конгресса неминуемо должно быть продолжено описанием всех не вошедших в наш обзор славянских рукописей Юридического отдела, работой над русскими книгами XVIII в. (всего в Библиотеке Конгресса их более 1,5 тыс.; вероятно, потребуется издание нового каталога, взамен устаревшего справочника Татьяны Фесенко, опубликованного в 1961 г.)[14], а также обследованием собраний в Отделе редких книг и специальных коллекций, в Музыкальном отделе, в Рукописном отделе. Там хранятся не менее 11 книг, изданных до 1700 г., старообрядческие и нестарообрядческие славяно-русские рукописи XVIII–XIX вв. и другие материалы, раскрывающие американскому читателю удивительный мир ранней русской культуры.

Б.Н. Казанцев, Б.Б. Лебедев

ОБЗОР АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, НАРКОМАТОВ И ПРОФСОЮЗОВ О НЕСВОЕВРЕМЕННОЙ ВЫПЛАТЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ СССР В 1930–1940-е ГОДЫ

Одной из причин массового недовольства и протестов различных групп индустриального отряда рабочего класса в ходе проведения ускоренной индустриализации СССР и в годы восстановления и дальнейшего развития промышленности и других отраслей народного хозяйства в послевоенный период являлись частые задержки выплаты заработной платы на производстве. Эти невыплаты негативно влияли на расходную часть бюджетов рабочих и служащих и вызывали справедливые жалобы и нарекания трудящихся.

Вопрос о несвоевременной оплате труда работников материальной сферы общественного производства в годы первой и последующих пятилеток еще не изучен в научной литературе. Так, в статье Ю.М. Иванова "Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов" лишь упомянуто, что "задержки с выплатой зарплаты" происходили в годы первой пятилетки[1]. Подробнее этот вопрос затронут в статье, посвященной анализу статистических сведений о забастовках на советских предприятиях в 1926–1934 гг. В ней приведены отдельные количественные данные о забастовочных выступлениях, вызванных задержками выдачи зарплаты в 1930 г.[2] Из документальных публикаций укажем на "Служебную записку первого секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника в СНК СССР о необходимости своевременной выдачи заработной платы рабочим" от 16 июля 1930 г.[3] и подборку документов о несвоевременной выплате

---

[14] *Fesenko T.* Eighteenth-Century russian publications in the Library of Congress: A Catalog. Washington, 1961. В каталоге учтены 1316 книг, что далеко не исчерпывает собрания Библиотеки Конгресса; каталог составлен из библиографических карточек, содержащих лишь краткие библиографические сведения.

[1] См.: ВИ. 1998. № 5. С. 31.

[2] См.: *Казанцев Б.Н.* Статистические сведения о забастовках на предприятиях СССР в 1926–1934 годах (по фондам РГАСПИ и ЦА ФСБ РФ) // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 380, 381.

[3] См.: Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929. М., 1998. С. 333.

inslav

зарплаты на нескольких заводах и других предприятиях Нижегородского края в 1931 и 1933 гг.[4]

В предлагаемой статье анализируются документы и материалы, содержащие значительные сведения и факты о причинах и продолжительности задержек выплаты заработной платы на предприятиях промышленности, новостройках и на железнодорожном транспорте. В ней прослежены коллективные протесты различных групп работников, обусловленных несвоевременной выдачей зарплаты в 1930–1940-е годы. Обозреваемые источники, в том числе ранее засекреченные, находятся в фондах Совнаркома и Совета Министров СССР, Политбюро ЦК ВКП(б), различных наркоматов и ведомств, ВЦСПС, а также фонде В.М. Молотова, хранящихся в ГАРФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ и РГАЭ.

Изученные источники сгруппированы по отдельным периодам и рассматриваются в хронологической последовательности. Из архивных документов, относящихся к первой и начальным годам второй пятилеток, наиболее полные сведения о групповых недовольствах постоянных и временных (сезонных) рабочих, вызванных низкими заработками и несвоевременной выдачей денег, содержатся в докладных записках, спецсводках и справках, регулярно составлявшихся для руководства Информационным отделом (ИНФО) ОГПУ, которые хранятся в ЦА ФСБ РФ. В спецсводках под названием "О важнейших моментах отрицательного характера по промпредприятиям Союза" и в других информационных материалах ИНФО имеются сведения о забастовочных выступлениях промышленных и других групп рабочих в 1930 г. Они отложились в основном в делах фонда ОГПУ (Ф. 2. Оп. 8. Д. 653, 658, 660, 661 и 662).

По составленным ИНФО таблицам о забастовочном движении видно, что из-за несвоевременной выплаты зарплаты работникам в январе-марте 1930 г. произошло три забастовки среди сезонных рабочих. По этой же причине в январе–августе 1930 г. на государственных предприятиях было зафиксировано девять забастовок, в том числе три среди металлистов[5].

В приложении № 1 к "Материалам о нездоровых предприятиях" написано, что только в июле–августе 1930 г. "в связи с задержкой зарплаты и недостаточностью зарплаты" произошло 23 групповых конфликта рабочих с администрацией предприятий[6]. Наиболее обстоятельная информация имеется в "Докладной записке по вопросам зарплаты на госпредприятиях" за январь–август 1930 г. В разделе "В", озаглавленном "Задержка зарплаты", отмечено: "несвоевременная выдача зарплаты" произошла на "значительном числе предприятий". "Особенно участились случаи задержки зарплаты в августе мес[яце] с.г. Задолженность рабочим отдельных групп предприятий в некоторых районах составляет крупные суммы (от 20 000 до 500 000 руб.)"[7].

Здесь же приведены примеры различных форм недовольства рабочих (забастовки, конфликты, эксцессы, антисоветские выступления и т.п.), вызванных несвоевременной оплатой их труда. На заводе им. Петровского (Артемовский окр., Украина) из-за задержки зарплаты 8 августа 1930 г. не вышли на работу рабочие ванно-малярного цеха. Рабочие хозчасти завода также намеревались прекратить работу. Среди рабочих отмечались разговоры:

---

[4] "Привлечь к судебной ответственности виновных в невыдаче зарплаты": Документы Нижегородского крайкома ВКП(б) 1931–1933 гг. / Подг. Н.Е. Хитрина // ИА. 1999. № 6. С. 106–115.

[5] ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 662. Л. 93; Д. 660. Л. 601 (см. также: АЕ за 2001 год. С. 380).

[6] Там же. Д. 658. Л. 178–179.

[7] Там же. Д. 660. Л. 597.

inslav

"Жизнь и так дорога и тяжела, а тут еще задерживают зарплату"[8]. На Ленинском руднике (Криворожский окр., Украина) 13 августа 80 возмущенных шахтеров, "придя в контору, разбили окна и двери расчетного отдела, ворвались в кабинет главного бухгалтера и, угрожая ему расправой, требовали выдачи денег"[9].

На стекольном заводе им. Воровского (Гусевский район Ивановской промышленной обл. (ИПО)) рабочие на общем собрании 29 августа постановили: в случае не выдачи зарплаты за август 5 сентября объявить забастовку. "Свое постановление рабочие передали дирекции завода и ячейке ВКП(б) (на заводе работает до 700 чел.)"[10].

Аналогичные факты имеются и о сезонных рабочих, труд которых широко применялся на промышленных стройках в первой пятилетке. Так, в "Спецсводке № 5 об отрицательных моментах в настроении сезонников за август месяц 1930 г." ИНФО ОГПУ также есть раздел "Задержка зарплаты". В нем отмечено: "Резкое недовольство сезонных рабочих по ряду строительств в августе месяце вызвала задержка зарплаты. Задолженность рабочим некоторых строительств составляет крупные суммы (от 10 000 до 40 000 рублей)... Рабочим [Рост] Сельмаша С[еверо]-К[авказский] К[рай] 22/VIII было выдано только 30% зарплаты, причитающейся за I-ю половину августа. Недовольство задержкой зарплаты на ряде построек приняло серьезные формы (отказы от работы, подача заявлений об уходе, падение труддисциплины, понижение производительности труда и т.д.)[11].

О большом количестве протестов промышленных рабочих и железнодорожников, вызванных рассматриваемым фактором, сообщается также в "Спецсводке № 46 о актах отрицательного характера по промпредприятиям и рабочим районам на 26 ноября 1930 г."[12] и в "Спецсводке № 5 о задержке заработной платы на промпредприятиях СССР" в период от 15 ноября до 20 декабря 1930 г.[13] В последней из них отмечены серьезные задержки с выплатой зарплаты в ряде регионов страны: "По значительному числу предприятий (Украина, ИПО, ЦЧО, Урал, БССР и частично по Москве и Ленинграду) в декабре не была выдана зарплата за ноябрь, а по ряду предприятий не ликвидирована задолженность рабочим и за октябрь... На Украине задолженность по зарплате за октябрь и ноябрь достигает 68 млн руб. Наиболее остро положение на строительствах, предприятиях не основных отраслей промышленности и особенно на жел.-дор. транспорте, где задолженность на некоторых дорогах достигает крупных сумм (на Юго-Восточной дороге – 4 млн руб.), по Рязано-Уральской – 1 250 000 руб. и т.д. ..." Невыдача денег, сказано в той же спецсводке, угрожает срывом работ[14].

Разнообразный фактический материал по рассматриваемой проблеме за 1930–1931 гг. содержится в фонде ВЦСПС (ГАРФ). Это, прежде всего, служебные письма и телеграммы отраслевых ЦК профсоюзов, направлявшиеся в ВЦСПС и СНК СССР в течение 1930 г. Одно из таких служебных писем было послано ЦК Союза горнорабочих СССР на имя секретаря ВЦСПС Г.Д. Вейнберга 23 июня 1930 г. В нем суммированы поступившие от профсо-

---

[8] Там же. Л. 598.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же. Д. 665. Л. 72.
[12] Там же. Д. 658. Л. 325–326.
[13] Там же. Л. 441–442.
[14] Там же. Л. 441.

inslav

юзных организаций телеграфные сообщения о задержках с выплатой зарплаты горнякам угольных трестов Донбасса и Урала. Согласно телеграммам Луганскугля от 15 и 16 июня 1930 г., задержка зарплаты коснулась 40% рабочих треста. В результате имели место случаи массового невыхода на работу. На Брянском руднике отказались выйти на работу 25% всех рабочих. В тресте Сталинуголь по той же причине была сорвана угледобыча на семи шахтах (ссылка на телеграммы от 14 и 17 июня). Запоздания с выплатой зарплаты были на шахтах Уралугля, на предприятиях по добыче минерального сырья на Урале[15].

В телеграмме из пос. Ревды (Свердловская обл.), отправленной в Москву Металлосоюзу 29 мая 1930 г. сообщалось, что 27 мая состоялось общее собрание рабочих и служащих Ревдинского металлообрабатывающего завода (принадлежал английской концессии "Лена-Гольдфильдс"). 1800 работников завода, возмущенных отказом концессионера выплатить зарплату за апрель-май месяцы, решили с двух часов дня 27 мая объявить забастовку и поручили завкому завода организовать стачком. Участники собрания единогласно постановили также "просить поселковый совет запретить торговлю всеми спиртными напитками, усилить борьбу [с]шинкарством, [а] завкому широко развить массовую политико-воспитательную работу"[16].

Ценные сведения для исследователей содержит письмо ЦК Всесоюзного союза рабочих металлистов (ВСРМ), направленное с нарочным в Кремль 10 октября 1930 г. Приведем его полностью.

«Председателю СНК СССР
тов. Рыкову.
Копия: ВЦСПС.
О чем: О задержке выплаты зарплаты.

Письмом от 7/X – за № 226/400 ЦК ВСРМ поставил Вас в известность о положении с выплатой зарплаты по заводам металлопромышленности. Сегодня нами получено телеграфное извещение о том, что по з[аво]ду "Красный прогресс" (Б. Токмак, Украина) "за отсутствием денег в местном отделении банка зарплата систематически выплачивается с перебоями. За первую половину сентября срок выдачи зарплаты наступил 26/IX, 2-го и 3-го октября выплатили по 2-м цехам, дальнейшая выплата приостановлена. На заводе создалось весьма напряженное положение; рабочие бросают работу".

Просим принять необходимые меры к своевременной выплате зарплаты[17].

Председатель ЦК – (Булат)*

9/X–30 г.»

Тревожные донесения поступали в ВЦСПС и союзное правительство и в 1931 г. В докладной записке ЦК профсоюза рабочих нефтяной промышленности в ВЦСПС от 30 апреля 1931 г. указывалось, что ввиду систематического невыполнения местными филиалами Госбанка СССР "финансовых заданий... участились случаи невыплаты зарплаты рабочим нефтяной промышленности, что... отражается на настроении рабочих"[18].

В письме ЦК рабочих сельскохозяйственного машиностроения, направленном в ВЦСПС 20 мая 1931 г., перечислены предприятия отрасли (Ростовсельмаш, завод им. Ленина – Хортицы; Инкубаторный завод, завод им. Колющенко – Челябинск; "Красный металлист" и "Плуг и Молот" – Николаев;

---

[15] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 166. Л. 37.
[16] Там же. Л. 32.
* Подпись лица под документом неразборчивая.
[17] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 14. Д. 166. Л. 36. Машинописный подлинник.
[18] Там же. Оп. 15. Д. 161. Л. 66.

inslav

"Красный плуг" и Люберецкий – Москва и Подмосковье; "Красная звезда" – Зиновьевск; Сибсельмаш – Омск, Первомайский завод – Бердянск), на которых не выдали зарплату за апрель, а также (им. Артема – Сумы; им. Петровского – Херсон и "Красный Прогресс" – Большой Токмак) не выдача зарплаты работникам с марта 1931 г.[19]

Подобная чехарда с оплатой за выполненную работу не могла не возмущать рабочих и специалистов. "В связи с задержкой выдачи заработной платы, – написано в том же источнике, – имело место нездоровое настроение среди отдельных групп рабочих, кончившееся невыходом на работу или уходом с завода (Люберецкий завод, [им.] Колющенко, Ростов[сель]маш, Первомайский – Бердянск)"[20].

В справках центральных комитетов Всесоюзного союза рабочих машиностроения и Всесоюзного союза рабочих металлургической промышленности, составленных в июле и декабре 1931 г., содержатся данные о большой задолженности по зарплате по ряду машиностроительных и металлургических заводов Урала, Украины, Поволжья. В частности, в записке на имя секретаря ВЦСПС Г.Д. Вейнберга от 19 декабря 1931 г. отмечается, что по заводам черной металлургии «задержка зарплаты работникам вошла в систему. По заводам Урала (объединение "Сталь") за первую половину октября не выдано 393 000 руб.; за 2-ю половину – 1 млн 700 тыс., а за ноябрь 3 154 000. Кроме того, не выплачено за I-ю половину декабря»[21].

По предприятиям "Станкоинструмента" (данные ЦК профсоюза машиностроения по состоянию на 25 декабря 1931 г.) наибольшая задолженность по зарплате образовалась на Златоустовском (Урал) и им. Дзержинского заводах (по 600 тыс. руб. на каждом из них)[22].

В документах профсоюзов имеются сведения о задолженности по зарплате и работников транспорта. Так, в докладной Всесоюзного ЦК профсоюза работников водного транспорта на имя заместителя председателя СНК Я.Э. Рудзутака (копия – Н.М. Швернику) от 14 августа 1931 г. сообщается: "Начиная с последнего квартала 1930 г. и по сие время по Наркомводу продолжается хроническая задержка выплаты зарплаты рабочим судоремонтных мастерских и судокомандам... По неполным сведениям, полученным от 17-ти райкомводов* из 54, задолженность по зарплате на 1-ое августа выражается в 6 640 295 руб. ... Наркомвод вопросами ликвидации задолженности (зарплаты. – *Б.К.*) совершенно не занимается, он не имеет даже сведений о размерах ее, никаких реальных мер помощи в этом направлении не предпринимает, считая это делом исключительно местных организаций"[23].

Значительная информация о задержках выплаты зарплаты рабочим и служащим содержится в постановлениях Совнаркома СССР, протоколах совместных заседаний СНК и Совета Труда и Обороны (СТО) СССР, Комиссии исполнения при СНК СССР[24], выписках из протоколов СНК и СТО, а также

---

[19] Там же. Л. 44.

[20] Там же.

* Райкомводы – территориально-административные районные комитеты Народного комиссариата водного транспорта.

[21] Там же. Л. 50.

[22] Там же. Л. 39.

[23] Там же. Л. 83.

[24] Создана 24 декабря 1930 г. Подробнее см.: постановление ЦИК и СНК СССР "Об организации Комиссии исполнения при Совете Народных Комиссаров Союза СССР" от 12 января 1931 г. // СЗ. 1931. 12 янв. № 2. Ст. 18.

inslav

в других нормативных документах начала 1930-х годов. Так, в протоколе № 1 объединенного заседания СНК и СТО от 1 января 1931 г. (пункт 8) записано: "Погашение задолженности Госбанка по зарплате и заготовкам (сельскохозяйственной продукции. – *Б.К.*) определить в сумме 350 млн руб. с тем, чтобы при этом была ликвидирована полностью задолженность и по зарплате, и по заготовкам"[25].

Это протокольное решение послужило основой для оформления постановления СНК СССР № 4 "Об образовании Госбанком целевого резерва для погашения задолженности по зарплате и заготовкам с[ельско]-х[озяйственных] продуктов" от 4 января 1931 г. Постановление обязывало Госбанк СССР образовать уже в первом квартале года целевой резерв в сумме 350 млн руб. для ликвидации образовавшейся задолженности и начать выплату долга по зарплате с 1 января 1931г.[26]

Наряду с вышеназванным протоколом, историков может заинтересовать решение Политбюро ЦК ВКП(б) "О дополнительных мероприятиях по ликвидации задолженности по зарплате" от 16 мая 1931 г. В нем содержались следующие указания:

"1. Для ликвидации задолженности по зарплате к 1 июня разрешить Госбанку выпустить эмиссию на сумму 200 млн рублей.

2. Обязать Наркомвнешторг немедленно импортировать на 2 млн руб. каучука исключительно для производства резиновых изделий на широкий рынок"[27].

В тот же день (16 мая) Политбюро, заслушав сообщение председателя управления Госбанка СССР М.И. Калмановича "О проведении директивы ЦК о ликвидации задолженности по зарплате" решило:

«а) для ликвидации задолженности по зарплате как по лимитным, так и не лимитным предприятиям к 1 июня, разрешить Госбанку эмиссию от 300 до 400 миллионов рублей;

б) установить, что не лимитным предприятиям деньги выдаются лишь в виде исключения и лишь после ходатайства их перед правительством и с разрешения последнего;

в) в виде исключения удовлетворить просьбу председателя "Угля" тов. Румянцева об отпуске не лимитных 30 млн руб. за счет госбюджета для выплаты зарплаты ...»[28]

В отдельных нормативных документах содержатся упоминания неизвестных еще исследователям постановлений высших органов власти. Например, в выписке из протокола заседания Комиссии исполнения при СНК СССР от 29 февраля 1931 г. упомянута директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР, содержащая предписание о полной ликвидации задолженности по зарплате рабочим[29], а в копии постановления Президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и коллегии Наркомата РКИ СССР от 21 марта 1932 г. упомянуто постановление СНК СССР от 11 января 1932 г. и Комиссии исполнения от 1 марта 1932 г. о задержках в выплате зарплаты[30].

---

[25] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.
[26] Там же. Л. 30.
[27] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 45 (протокол № 39 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 мая 1931 г.).
[28] Там же. Л. 46.
[29] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1291. Л. 3.
[30] Там же. Л. 4.

inslav

В фонде СНК СССР нам удалось найти машинописный подлинник правительственного постановления № 280 "О ликвидации задолженности по заработной плате" от 23 февраля 1933 г., подписанный председателем СНК СССР В. Молотовым (Скрябиным) и заместителем управделами СНК И. Мирошниковым. В пункте 1 предписывалось: "Предложить всем наркоматам под личную ответственность наркомов обеспечить полную ликвидацию задолженности по заработной плате к 15 марта"[31]. В постановлении определялись задачи наркоматов (Наркомтяжпрома, Наркомлеса, Наркомлегпрома, Наркомсовхозов, Наркомзема, Наркомвода, Наркомата путей сообщения, Наркомснаба) по обеспечению ликвидации задолженности по зарплате. Постановление обязывало Наркомфин и Госбанк СССР организовать помощь хозяйственным органам в реализации поставленных перед ними задач путем предоставления им кредита и аванса в размере до 250 млн руб.[32]

В делах фонда СНК сохранились также копии выписок из протоколов заседаний СНК СССР и СТО от 15, 21 марта и 8 августа 1933 г., в которых в сжатой форме сформулированы результаты обсуждения вопроса об устранении задолженности по заработной плате. Из них видно, что на заседании правительства 15 марта 1933 г. слушался вопрос о выполнении постановления СНК от 23 февраля "О ликвидации задолженности по заработной плате". В постановляющей части решения было записано: "Ограничиться заслушанными на заседании докладами и состоявшимся обменом мнений.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Союза ССР В. Молотов (Скрябин)"[33]

Более результативным оказалось заседание СТО 8 августа 1933 г., на котором присутствовали Я.Э. Рудзутак, Г.Д. Вейнберг, М.И. Калманович, Г.Л. Пятаков, А.И. Микоян, К.Е. Ворошилов и В.М. Молотов. В принятом по результатам обсуждавшегося вопроса постановлении говорилось, что все наркоматы, совнаркомы союзных и автономных республик и местные советские органы обязаны были "немедленно полностью ликвидировать задолженность по зарплате рабочих и служащих", а прокуратура СССР должна была привлекать к суду тех руководителей предприятий, которые допускали задержку в выплате зарплаты[34].

Из других документов фонда СНК, относящихся к концу первой и началу второй пятилеток, немалую ценность представляют справки Госбанка СССР о задолженности по выплате зарплаты наркоматами, ведомствами и объединениями, регулярно представлявшиеся председателю СНК СССР В.М. Молотову. В одной из них, датированной 27 марта 1933 г., содержится статистическая и другая информация, характеризующая итоги проверок Госбанком, Наркомтрудом СССР и ВЦСПС степени выполнения наркоматами и ведомствами правительственного постановления от 23 февраля 1933 г. о срочной ликвидации долгов по зарплате[35]. В другой справке от 11 июня 1933 г. приведены данные о задолженности по зарплате по Наркомтяжпрому, предприятиям общего машиностроения, Наркомлегпрому и другим наркоматам по состоянию на 1 мая и на 1 июня 1933 г. Отмечается, что за это время по НКТП

---

[31] Там же. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 72. Л. 276.
[32] Там же. Л. 277.
[33] Там же. Оп. 14. Д. 1462 б. Л. 97. Заверенная машинописная копия.
[34] Там же. Л. 141.
[35] Там же. Л. 8–10.

inslav

задолженность по зарплате увеличилась с 42,7 млн руб. до 65,5 млн руб., в том числе по нефтяной промышленности с 0,6 млн руб. до 8,4 млн руб., а по каменноугольной – с 3,5 млн до 4,8 млн руб., по предприятиям общего машиностроения с 1,6 млн до 5,7 млн руб.[36], и т.д.

Значительный материал о накопившейся задолженности по зарплате по предприятиям и организациям и принятых мерах по выполнению постановления СТО от 8 августа 1933 г. приведен в записке зам. прокурора СССР А.Я. Вышинского В.М. Молотову от 9 октября 1933 г. В ней сообщается, что после получения соответствующего предписания общесоюзная прокуратура разослала циркуляр всем прокурорам союзных республик, которым предложила: "Совместно с профорганизациями и РКИ проверить в центре и на местах случаи задержки выплаты зарплаты и виновных привлекать к уголовной ответственности, обеспечить срочное рассмотрение этих дел"[37]. В записке обобщены данные, поступившие в Прокуратуру СССР к началу сентября из Нижневолжского и Горьковского краев, по Москве, из Западной и Уральской областей и других регионов страны. В Нижневолжском крае по итогам проверки "за весь 1933 год привлечено к ответственности за задолженности по зарплате 164 человека, из них: работников хозорганизаций – 78 ч[ел.], работников сельсоветов – 41 чел., работников совхозов – 10 чел., финработников – 17 чел. и директоров заводов и фабрик – 13 чел. Осуждено за весь 1933 год – 118 чел.; к исправит.-трудовым работам приговорено 92 чел.; к лишению свободы до 2-х лет – 15 чел., свыше двух лет – 9 чел.; 2 человека приговорены к общественному порицанию"[38]. По Горьковскому краю за задержку выплаты "в течение августа месяца" прокуратурой было возбуждено восемь дел. "По Москве, – указывается в записке, – на 1-ое сентября 1933 г. имелась лишь незначительная задолженность в 42 000 руб. по промкооперации и строительным организациям"[39]. В документе приведены и другие факты. Систематическая задержка выплаты зарплаты отмечена, например, по Краматорскому машиностроительному заводу (Украинская ССР), где 14 августа задолженность по зарплате достигла 896 тыс. руб. В связи с этим прокуратура СССР послала телеграфное распоряжение прокурору УССР о проведении немедленного расследования и привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в задержке выплаты зарплаты работникам завода[40].

Аналогичные меры принимались и по линии отдельных производственных наркоматов. В связи с новыми случаями задержек в выплате зарплаты на предприятиях и стройках Наркомтяжпрома с пометкой "экстренно" был издан приказ по Наркомату от 27 августа 1934 г. за подписью Г.Л. Пятакова. Приказ подтверждал действие ранее изданной директивы НКТП "о недопущении задолженности" по зарплате и предупреждал хозяйственников, что "в случаях непринятия руководителями предприятий и строек на месте всех зависящих от них мер к обеспечению своевременной выплаты зарплаты со стороны НКТП будут приниматься к ним самые строгие меры воздействия ..."[41]

Однако, несмотря на строгие директивы и распоряжения, перебои с выплатой зарплаты в сфере производства не прекращались. Эти сбои вызывали

---

[36] Там же. Л. 33.
[37] Там же. Л. 1.
[38] Там же.
[39] Там же. Л. 1 об.
[40] Там же. Л. 2.
[41] РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

inslav

недовольство отдельных групп работников. Об этом косвенно свидетельствуют сохранившиеся сводки и отчеты Бюро жалоб Наркомата труда СССР за отдельные месяцы 1933 г. В "Отчете о работе Бюро жалоб НКТ СССР с 1-го марта по 15 апреля 1933 г.", например, отмечалось, что только за время с 13 марта и по 15 апреля в Бюро обратилось 218 человек, жаловавшихся на задержку выплаты зарплаты и различных компенсаций[42].

На ряде промышленных предприятий и на строившихся заводах и фабриках большая задолженность по зарплате вызывала не только недовольство рабочих и других категорий персонала, но и являлась непосредственной причиной открытых выступлений. Такие факты регулярно включались в спецсводки ОГПУ под названием "Об антисоветских проявлениях на промпредприятиях" СССР. Так, в спецсводке Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ за январь 1934 г. сказано, что на середских фабриках (ИПО) задолженность по зарплате только за вторую половину декабря 1933 г. составила 880 тыс. руб. К 12 января 1934 г. из этой суммы долга было выплачено работникам лишь 229 тыс. руб.[43] В одной из последующих спецсводок говорилось, что задолженность по зарплате имеется на предприятиях ИПО, Московской обл., Украины. Только по ИПО в апреле 1934 г. было зарегистрировано 12 случаев задержки выплаты зарплаты 28 тыс. человек. В Орехово-Зуевском хлопчатобумажном тресте (Московская обл.) задолженность по зарплате рабочим составила в то время 2 млн руб.[44]

В рассекреченных спецсводках за 1934 г. приведены также данные о трудовых конфликтах между отдельными группами рабочих и администрацией предприятий, возникших на почве задержек выплаты зарплаты. Так, 13 февраля 1934 г. на бумагопрядильной фабрике в Орехово-Зуеве 400 рабочих, большинство из которых недавно поступили на фабрику, оставили свои рабочие места и направились к директору. Они потребовали от него немедленной выдачи заработанных денег[45].

В сводках есть краткие сведения и о волнениях среди сезонных рабочих. На Омутненских лесоразработках в Горьковском крае в январе 1934 г. возникло недовольство среди лесорубов, которым не платили денег около четырех месяцев. Возмущенные рабочие заявили представителям профсоюза и хозяйственникам, что прекратят работу, если им не выдадут зарплату[46]. 9 мая на Ново-Леушинском торфяном болоте близ Тейково (ИПО) из-за задержки выплаты денег и невыдачи продуктов не вышли на работу 35 формовщиков. Спустя два часа, как только были удовлетворены их требования, они приступили к работе[47]. На Миловском торфоболоте (ИПО) 29 июля 1934 г. прекратили работу три бригады ремонтников торфотранспортера (35 человек). Они потребовали погасить задолженность по зарплате за июнь и июль. Как указывается в июльской спецсводке, забастовка ремонтников продолжалась целые сутки[48].

В доступных спецсводках СПО ОГПУ за февраль–июль и сентябрь–ноябрь 1934 г. приведены количественные параметры о забастовках и волнениях по причине несвоевременной выплаты зарплаты только за январь-

---

[42] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 32. Д. 5. Л.1.
[43] ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.
[44] Там же. Л. 43.
[45] Там же. Л. 20.
[46] Там же. Л. 12.
[47] Там же. Л. 59.
[48] Там же. Л. 76.

inslav

Таблица 1

Число конфликтов на промышленных предприятиях и новостройках страны, вызванных задержками выплаты зарплаты в январе–июле 1934 г.*

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль
8**	4**	4	3	4	9	7
Ок. 100	466	493	55	102	170	184

* ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 11, 20, 36, 43, 59, 68, 75. Верхняя цифра таблицы означает число конфликтов, нижняя – участников (примеч. авт.).

** Волынки (так в док. – *Б.К.*).

июль. По этим данным спецсводок можно составить табл. 1 о трудовых конфликтах.

Из табл. 1 видно, что забастовки и другие волнения на предприятиях и стройках, включая "волынки" (русский вариант "итальянской забастовки"), по причине задержек в выплате зарплаты чаще происходили зимой и летом 1934 г. В них участвовали, за редким исключением, сравнительно небольшие группы промышленных и временных рабочих.

Среди рассекреченных и несекретных неопубликованных постановлений и ведомственных распоряжений, относящихся ко второй половине 1930-х годов, удалось разыскать лишь несколько документов по обозреваемой теме. Одним из них является "Распоряжение по Народному комиссариату тяжелой промышленности" за № 953 от 22 сентября 1936 г., подписанное зам. наркома тяжелой промышленности М.Л. Рухимовичем. В нем вскрываются причины систематических задержек выплаты зарплаты рабочим угольной промышленности Донбасса и перечисляются меры по недопущению этих долгов. При наличии серьезной задолженности по зарплате, указывается в распоряжении, руководство Донбассугля направляло значительные средства на капитальное строительство и на погашение дебиторской задолженности (суммы долгов) трестов и шахтобъединения. В целях улучшения финансового положения угольных предприятий Донбасса, Наркомат намеривался выделить большие денежные средства на погашение задолженности по строительству и на увеличение оборотных средств трестов и шахт. Распоряжение обязывало начальника Донбассугля "ликвидировать сверхнормативную задолженность по зарплате" и своевременно выплачивать деньги шахтерам[49].

От несвоевременной выплаты зарплаты страдали и работники непроизводственной сферы народного хозяйства, в том числе работники народного образования. Об этом говорится в закрытом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О задолженности по заработной плате учителям" от 26 февраля 1936 г., текст которого приведен в протоколе № 37 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9 марта 1936 г. (протокол оформлен опросом членов Политбюро)[50]. В нем отмечается: "Признать нетерпимым положение, когда в ряде областей, краев и автономных республик РСФСР имеет место неоднократно повторяющаяся задержка заработной платы учителям. Особенно выделяются в этом отношении Воронежская и Курская области, Куйбышевский и Азово-Черноморский края, а также Казахская АССР". В постановляющей части решения было, в частности, записано: "1. Объявить выговор наркому по про-

[49] РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 202. Л. 4–4 об.
[50] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 975. Л. 31, 35.

inslav

свещению т. Бубнову А.С. за отсутствие руководства и контроля за своевременной выплатой зарплаты учителям. 2. Указать народным комиссарам финансов СССР и РСФСР т. Гринько и т. Яковлевой В.Н. на то, что они не обеспечили контроля за своевременной выплатой заработной платы учителям, не проверяя исполнение местного бюджета. 3. Объявить выговор и председателю Воронежского облисполкома т. Орлову за систематическую задержку и задолженность по зарплате учителям в области"[51].

Для изучения вопроса о нарушении сроков выплаты заработной платы в промышленности и других отраслях советской экономики в предвоенные годы большой интерес представляют докладные записки правления Госбанка Союза ССР и его структурных подразделений, представлявшиеся в СНК СССР – В.М. Молотову (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 779). В машинописных текстах записок с грифом "Не подлежит оглашению" перечислены все промышленные и непромышленные наркоматы и ведомства, в которых по вине хозяйственных органов или Госбанка происходили задержки выплаты зарплаты, и указаны общие суммы задолженности по различным наркоматам на определенную дату 1939 и 1940 гг. В экземпляре записки о просроченной задолженности по зарплате на 1 января 1939 г. имеется таблица, в которой названы должники – наркоматы базовых и других отраслей индустрии. Например, указано, что долги по зарплате Наркомтяжмаша СССР на 1 декабря 1938 г. составили 59,8 млн руб., а на 1 января 1939 г. несколько меньше – 54,5 млн руб.[52]

После изданных в январе 1939 г. указов Президиума Верховного Совета СССР о разделении Наркоматов легкой и тяжелой промышленности, Наркомата оборонной промышленности и Наркомата пищевой промышленности[53] число наркоматов увеличилось. В связи с этим возросло и количество производственных наркоматов, включенных в докладные записки Госбанка. Поэтому в записке от 1 января 1940 г. среди наркоматов, задолжавших по зарплате, фигурируют и такие новые наркоматы, как Наркомуглепром, Наркомнефтепром и Наркомат топливной промышленности. Суммарная задолженность по зарплате рабочим и служащим по этим ведомствам определена: на 1 декабря 1939 г. – в 23,2 млн, а на 1 января 1940 г. намного ниже – 13,4 млн руб. Серьезные долги по зарплате имели Наркомлес (соответственно 16,3 млн и 12,4 млн руб.), Наркомат цветной металлургии СССР (соответственно 10,1 млн и 11,9 млн руб.) и другие наркоматы[54].

Значительный объем цифровой информации содержится в докладной записке Экономическому совету при СНК СССР председателя правления Госбанка СССР Н.А. Булганина, подготовленной "в связи с постановкой на Экономсовете вопроса об итогах работы промышленности в I квартале" 1939 г.[55] На записке имеется карандашная помета: "Членам Эк[ономического] Сов[ета]. В.М[олотов]". В начале записки Булганин пишет, что он считает необходимым информировать Экономсовет о кассовых операциях Госбанка по выплате зарплаты за истекший квартал. "Задолженность по зарплате по вине хозорганов составляла:

На 1 января 1939 года	–	386,8 млн руб.
На 1 февраля "	–	436,9 млн. руб.
На 1 марта "	–	354,0 млн руб.
На 1 апреля "	–	251,4 млн руб.

[51] Там же. Л. 35.
[52] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 779. Л. 1–2.
[53] См.: Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов. 1917–1959. М., 1961. С. 356.
[54] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 779. Л. 78–79.
[55] Там же. Л. 34.

inslav

Размер выплат по зарплате, – сказано в записке, – продолжает оставаться высоким"[56].

В подтверждение этому в документе приведена таблица платежей Госбанка по зарплате ряду наркоматов (до их разделения) за I квартал 1939 г. соотносительно с аналогичными выплатами в I квартале 1938 г. и дан комментарий к ней. В записке подчеркивается, что "регулирование зарплаты в промышленных наркоматах поставлено неудовлетворительно"[57]. Дана также оценка Госбанком пересмотренных в 1939 г. норм выработки, установленных в 1937 г. "В марте, – читаем в записке, – в связи с введением новых норм выработки и сдельных расценок по этим наркоматам (имеются в виду Наркомлес, Наркомтекстиль, Наркомлегпром, Наркомрыбпром и еще четыре других наркомата. – *Б.К.*) несколько сократились выплаты заработной платы, доказательством чего служит снижение среднемесячной зарплаты по ряду главков машиностроения"[58].

О динамике задолженности по зарплате ряда наркоматов за 1940 г. можно судить по табл. 2, составленной по данным пяти сводных таблиц имеющихся в разных записках Госбанка.

Из приведенных данных в табл. 2 по четырем ведущим наркоматам тяжелой промышленности видно, что на протяжении вышеназванных семи месяцев 1940 г. наиболее крупная задолженность по выплате зарплаты рабочим и служащим наблюдалась в системе Наркомата угольной промышленности и Наркомата цветной металлургии. На 1 ноября она еще составляла по НКУП 23,3 млн, а по НКЦМ – 8 млн руб. В целом по всем промышленным и непромышленным ведомствам и учреждениям народного хозяйства задержки по зарплате по вине хозяйственных органов самыми высокими были в марте (652,7 млн руб.) и особенно в апреле (660,7 млн руб.). По вине же самого Госбанка и его контор на местах просроченная наиболее крупная задолженность по зарплате наблюдалась на начало июля 1940 г. (931,6 млн руб.).

Таблица 2

Просроченная задолженность по зарплате по вине хозяйственных органов и Госбанка СССР в марте–июле и октябре–ноябре 1940 г. (млн руб. на начало месяца)*

Хозорганы (в целом), наркоматы и ведомства	1 марта	1 апреля	1 мая	1 июня	1 июля	1 октября	1 ноября
I. По вине хозорганов, всего:	652,7	660,7	436,6	541,5	604,2	544,2	490,7
В том числе:							
Наркомуглепром	32,5	47,6	10,9	33,1	42,7	28,4	23,3
Наркомнефтепром	3,2	2,6	1,8	2,0	2,7	1,0	1,8
Наркомчермет	14,6	19,3	6,6	9,7	18,0	8,1	6,0
Наркомцветмет	26,6	20,0	16,6	22,2	18,3	13,0	8,0
II. По вине Госбанка, всего	889,8	369,5	426,7	417,8	931,6	49,5	86,2

* РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 779. Л. 99, 100, 101, 103, 104, 105, 108, 109.

[56] Там же.
[57] Там же. Л. 35.
[58] Там же.

inslav

Подобные нарушения установленных правилами и коллективными договорами сроков выплаты зарплаты работникам не могли не влиять на психологию низового звена промышленно-производственного персонала и на отношение различных групп рабочих к некоторым мероприятиям властей и администрации предприятий в области оплаты труда незадолго до начала вооруженной агрессии фашистской Германии и ее союзников против СССР.

О задержках выплаты зарплаты работникам промышленности и других отраслей индустриальной сферы народного хозяйства в период Великой Отечественной войны каких-либо конкретных сведений в неопубликованной государственной отчетности по вопросам труда и заработной платы обнаружить не удалось.

Из просмотренной профсоюзной документации, относящейся частично к завершающемуся этапу войны и первым месяцам мирного времени можно назвать справку о рассмотренных на президиумах 12 отраслевых ЦК профсоюзов жалоб и заявлениях рабочих и служащих по вопросу оплаты труда за период с 1 января 1944 и по 1 октября 1945 г. В ней говорится, что из поступивших в эти ЦК профсоюзов 6036 жалоб и заявлений лишь 320 относятся к жалобам по зарплате[59]. Однако в справке не поясняется, были ли в письменных заявлениях и жалобах изложены факты о задержках выплаты зарплаты.

За первые послевоенные годы отдельные упоминания и факты по рассматриваемой проблеме встречаются в неопубликованных постановлениях Совета Министров СССР (до 16 марта 1946 г. – СНК СССР), рассекреченных записках на имя председателя Совмина СССР И.В. Сталина, справках и представлениях ВЦСПС и его отделов. Так, в докладной записке секретаря ЦК ВКП(б) Н.С. Патоличева И.В. Сталину о прошедших партийных активах, посвященных разъяснению сообщения СМ СССР и ЦК ВКП(б) о повышении пайковых цен на продукты питания (сентябрь 1946 г.), дана краткая характеристика выступления председателя горсовета г. Великие Луки (Калининская обл.) Громова на партактиве. Отмечено, что Громов "обращал внимание некоторых руководителей предприятий на недопустимость задержки выдачи заработной платы рабочим..."[60]

Определенный интерес представляют сведения служебных материалов ВЦСПС. В одной из справок, подготовленных сотрудниками аппарата ВЦСПС (не ранее мая 1947 г.), отмечено: если за весь 1946 г. в ВЦСПС поступило 214 жалоб и заявлений о невыдаче заработной платы, то в январе–апреле 1947 г. – уже 217 жалоб от рабочих и служащих[61]. О содержании одной из таких жалоб можно судить по тексту проекта постановления Секретариата ВЦСПС от 7 декабря 1946 г. В нем записано: "Отдел зарплаты (ВЦСПС. – *Б.К., Б.Л.*) направил 30 сентября с.г. директору завода п[очтовый] я[щик] 671 письмо т. Дубинского, пересланное из ЦК ВКП(б) о невыплате ему зарплаты, с просьбой рассмотреть и сообщить результаты к 15 сентября с.г., ответ не получен..."[62]

Конкретные сведения о невыплате зарплаты по заводам, строительным трестам и другим предприятиям за январь–март 1947 г. приведены в докладной записке ВЦСПС зам. председателя СМ СССР Н.А. Вознесенскому от 14 апреля 1947 г. В ней обращается внимание правительства на то, что нарушение сроков выплаты зарплаты, определенных коллективными договора-

---

[59] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 24. Д. 285. Л. 95–96.
[60] См.: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953: [Сб. док.]. М., 2002. С. 220.
[61] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 34. Д. 20. Л. 120.
[62] Там же. Оп. 24. Д. 441. Л. 76.

inslav

ми на 1947 г., "вызывает справедливое нарекание со стороны рабочих и служащих"[63].

Подобные задержки с выплатой зарплаты и поступавшие в разные инстанции жалобы рабочих и служащих вынуждали центральные власти принимать отдельные решения по этому вопросу. 14 апреля 1947 г. было принято постановление СМ СССР "О ликвидации задолженности по заработной плате рабочим и служащим предприятий Министерства сельскохозяйственного машиностроения"[64], а 30 ноября 1949 г. – постановление за № 5422 "О ликвидации задолженности по заработной плате"[65]. Оба постановления подписаны председателем СМ СССР Сталиным. Но несмотря на эти и другие решения высшего руководства страны, их выполнение на практике министерствами и ведомствами нередко не соблюдалось. Об этом свидетельствуют статистические сведения правления Госбанка СССР, регулярно направлявшиеся руководству страны и Министерству финансов СССР в послевоенной (четвертой) пятилетке. Например, в справке о "Просроченной задолженности по заработной плате на 1 января 1950 года", подготовленной Отчетно-статистическим отделом Планово-экономического управления (ПЭУ) Госбанка значится, что по вине хозяйственных органов на 1 декабря 1949 г. было недоплачено рабочим и служащим 636,2 млн руб., в том числе по Министерству угольной промышленности 24,8 млн руб., Министерству лесной и бумажной промышленности СССР – 31,5 млн, по Министерству рыбной промышленности СССР – 20,5 млн, Министерству пищевой промышленности СССР – 19,8 млн, а по Министерству оборонной промышленности – 8,6 млн руб.[66]

В документах Госбанка сохранились материалы о просроченной задолженности по оплате труда работников различных отраслей народного хозяйства за 11 месяцев 1950 г. На основании помесячных сводок нами составлена табл. 3. В ней отражена суммарная задолженность по зарплате всех без исключения хозяйственных органов управления: общесоюзных и республиканских промышленных министерств, министерств сельского хозяйства СССР и сельского хозяйства союзных республик, министерств совхозов СССР и совхозов союзных республик, министерств путей сообщения, морского и речного транспорта, Министерства торговли, хозяйственных предприятий Министерства внутренних дел СССР, ряда других министерств, ведомств и учреждений.

В табл. 3 представлены также денежные суммы текущей задолженности Госбанка министерствам и ведомствам на начало каждого месяца 1950 г., кроме накопившихся долгов на 1 февраля. В ней приведены количественные показатели по семи промышленным министерствам, имевшим наибольшие долги по зарплате. Из табл. 3 видно, что в I квартале 1950 г. (по состоянию на 1 марта) наблюдался существенный прирост задолженности по оплате труда по всем перечисленным министерствам по сравнению с началом года. Незадолго до окончания первого полугодия (на 1 июня) задолженность по зарплате превышала показатель долгов по состоянию на 1 марта 1950 г.: по оборонной промышленности на 5,6 млн, а по Министерству лесной и бумажной про-

---

[63] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 32. Д. 284. Л. 31–32.

[64] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 290 а ("Перечень постановлений Совета Министров СССР за 1947 год"). Л. 69.

[65] Там же. Д. 356 а ("Перечень постановлений Совета Министров СССР за 1949 год"). Л. 371.

[66] РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 35. Д. 2064. Л. 4, 5.

inslav

inslav

Таблица 3

Просроченная задолженность по зарплате рабочим и служащим по вине хозорганов и Госбанка СССР в январе, марте–декабре 1950 г. (млн руб. на начало месяца)*

Хозорганы управления и министерства	1 января	1 марта	1 апреля	1 мая	1 июня	11 июля	1 августа	1 сентября	1 октября	1 ноября	1 декабря
I. По вине хозорганов, всего:	302,7	921,4	457,8	274,9	689,9	702,9	692,1	637,4	621,6	730,7	613,7
В том числе:											
Минуглепром	17,0	65,6	19,1	4,4	51,5	36,0	48,1	8,4	24,9	20,8	25,6
Минметаллургпром	2,0	18,5	2,8	1,3	6,6	17,2	7,8	6,9	9,2	7,2	10,6
Оборонная промышленность	0,7	28,5	4,0	0,3	34,1	18,6	15,8	11,2	9,0	5,5	7,9
Минпищепром СССР	9,8	32,5	13,4	12,0	27,5	22,1	20,5	23,7	14,3	18,0	12,3
Министерство мясной и молочной пром-ти СССР	11,4	24,2	7,9	14,2	21,7	24,7	21,6	13,4	15,0	18,5	14,6
Минлегпром СССР	0,6	5,6	0,8	0,5	3,3	3,7	4,3	3,8	2,5	5,1	2,4
Министерство лесной и бумажной пром-ти СССР	10,7	30,1	12,4	17,9	34,9	36,2	40,3	44,1	56,3	59,3	33,5
II. По вине Госбанка (по всем министерствам и ведомствам)	172,1	14,7	1,0	8,9	591,8	548,5	272,0	11,3	411,2	605,0	3,2

* Заголовок авторов статьи. См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 35. Д. 2064. Л. 4–5, 36–37, 41–43, 48–50, 52–54, 64–66, 86–88, 90–92, 94–95. Машноп. подлинники.

мышленности СССР на 4,8 млн руб.; по остальным же пяти министерствам произошло снижение долгов по зарплате.

К концу 1950 г. (по данным на 1 декабря) общий долг всех хозяйственных органов работникам превышал ее величину на 1 января на 311,0 млн руб., в том числе Минуглепрома – на 8,6 млн руб., Минметаллургпрома – также на 8,6 млн, оборонной промышленности – на 7,2 млн, Министерства лесной и бумажной промышленности – на 22,8 млн руб.

В отдельных делах фонда Минфина отложилась переписка с центральными органами власти по вопросу о срочной ликвидации задолженности по заработной плате. В частности, в одной из записок на имя заместителя министра финансов А.С. Болдырева от 24 марта 1950 г. сообщалось о ходе выполнения поручения Бюро по химии при Совмине СССР (решение было принято на заседании Бюро 14 марта). Согласно данному поручению, Минфин в течение трех дней был обязан принять меры "к ликвидации задолженности по зарплате рабочим на лесозаготовках Министерства лесной и бумажной промышленности". Однако к установленному сроку (17 марта) деньги рабочим еще не выплатили[67].

В другом документе – телеграмме секретаря Вологодского обкома партии В.Н. Дербинова в СМ СССР (Н.А. Булганину) – от 22 апреля 1950 г. говорилось: из-за отсутствия "денежной наличности" в вологодском банке рабочим лесосплава своевременно не выплачено 7 млн руб. Дербинов просил Булганина дать указание правлению Госбанка о выделении необходимых средств для погашения задолженности по зарплате[68].

Одной из причин задержек выдачи зарплаты на предприятиях являлись кассовые затруднения в банковской системе. Об этом, например, прямо сказано в докладной записке на имя зампредсовмина СССР Л.П. Берия "О выдаче денег на заработную плату предприятиям нефтяной промышленности за первую половину июля" от 29 июля 1950 г. В ней отмечено, что после получения письма зам.министра нефтяной промышленности М.А. Евсеенко были приняты срочные меры по выдаче денег предприятиям отрасли для выплаты зарплаты работникам со стороны Азербайджанской, Северо-Осетинской, Дагестанской, Туркменской, Башкирской республиканских, Чкаловской и Дрогобычской областных контор Госбанка. Соответствующие выплаты были сделаны в период по 1 августа 1950[69].

Итак, изученные документы ряда фондов центральных органов власти и управленческих структур, а также ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов содержат разнообразные и в ряде случаев дополняющие друг друга сведения и факты о причинах и продолжительности задержек выплаты зарплаты рабочим и другим категориям промышленно-производственного персонала в довоенное десятилетие и в послевоенный пятилетний период. Ознакомление с содержанием обследованных групп источников показывает, что особенно частыми и длительными эти невыплаты денег работникам имели место в первой половине 1930-х годов.

Систематические сбои в оплате труда вызывали массовое недовольство постоянных и временных рабочих и приводили к различным конфликтам, а иногда и к забастовкам на фабриках, заводах, шахтах и на железнодорожном транспорте. Эти вопросы наиболее полно отражены в рассекреченных

---

[67] Там же. Д. 2065. Л. 6.
[68] Там же. Д. 2064. Л. 39.
[69] Там же. Д. 2063. Л. 28.

inslav

информационных материалах ИНФО и СПО ОГПУ за 1930 и 1934 гг., а также в профсоюзной документации за 1930–1931 гг. За последующие годы групповых (коллективных) протестных акций рабочих и служащих, вызванных несоблюдением сроков выдачи зарплаты, в материалах профсоюзных органов не зафиксировано.

Значительный объем информации о задержках выплаты зарплаты рабочим и служащим производственной сферы народного хозяйства страны и реакции отдельных наркоматов и трестов на невыплаты больших денежных сумм работникам содержат докладные записки и справки ПЭУ Госбанка СССР и руководства банка за 1939–1940 гг. и за вторую половину 1940-х годов.

Исследованные фонды четырех архивов позволяют глубже и полнее раскрыть политику властных структур и низового управленческого звена по проблеме оплаты труда, в том числе по вопросу о задержках выплаты зарплаты на производстве. Важным компонентом этой политики явились приведенные в тексте нашего обзора нормативные акты (постановления СНК–СМ СССР, приказы и распоряжения наркоматов) о недопустимости просрочек выдачи зарплаты производственникам в ходе социалистического строительства.

В.С. Баевский

ЛЕОНИД СЕМЕНОВ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сейчас за пределами узкого круга специалистов Леонида Семенова знают мало. А между тем он был внуком Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского – выдающегося ученого, общественного и культурного деятеля. Его высоко ценили Л. Толстой и М. Горький[1].

Леонид Дмитриевич Семенов родился в Петербурге 19 ноября (по новому стилю 2 декабря) 1880 г. Был убит около 8 часов вечера 13 (26) декабря 1917 г. (в печати появлялись ошибочные даты рождения и смерти). Эта жизнь уместилась между рождением через три дня после Блока и гибелью в пушкинском возрасте.

Они с Блоком одновременно учились на филологическом факультете Петербургского университета. Оба вошли в кружок приват-доцента Б.В. Никольского, который взял на себя подготовку студенческого поэтического сборника. 11 октября 1901 г. он записывает в дневнике: "Были поэты, в том числе Семенов Леонид, который остался дольше всех, – до 3-го часу ночи. Он мне удивительно понравился [...] Словом, он меня в восхищение приводит. Только непрочен, – того и гляди, чахоточным окажется. Какие чудесные глаза и взгляд! – Во вторник он был опять"[2]. Через четыре месяца Никольский оставляет запись: "Отобрал кое-что из убогого полудекадента Блока" (С. 329). Закончив формирование сборника, Никольский расклассифицировал авторов следующим образом: "В общем сборник дает трех поэтов: Кон-

[1] См.: К истории личных и творческих отношений Блока и Горького / Статья и публ. А.М. Крюковой // Александр Блок: Новые материалы и исследования (ЛН. М., 1987. Т. 92. Кн. 4). С. 239.

[2] Блок – участник студенческого сборника / Публ. В.И. Беззубова и С.Г. Исакова // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 328. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте.

inslav

дратьева, Полякова, Семенова. Затем идут второй сорт, но все-таки с известною надеждою на будущее". Далее "третий сорт: не безнадежные, хотя шансов немного". Потом "четвертый сорт – луч надежды, но один и бледный". "Затем идут отрицательные величины: 1. Блок (декадент) [...] Семенов Р[афаил]". В конце записи добавлено: "Из отрицательных еще может покаяться Блок" (С. 330).

Отталкивает категоричность приговоров уверенного в своей непогрешимости Никольского. Он проглядел Блока! Однако заслуженно высоко оценил Л. Семенова, скоро такой взгляд на его творчество стал для знатоков поэзии общим.

Спустя сто лет наши представления несколько сместились. Объективно же говоря, в ранний, героический период символизма, в первой половине 1900-х годов, в пору становления поколения "младших", центральными его деятелями были Вяч. Иванов ("Кормчие звезды", 1902–1903; "Прозрачность", 1904), А. Белый ("Симфония, 2-я, Драматическая", 1902; "Северная симфония, 1-я, Героическая", 1904; "Золото в лазури", 1904; "Возврат", 3-я симфония, 1905), Блок ("Стихи о Прекрасной Даме", 1904) и Л. Семенов ("Собрание стихотворений", 1905). Семенов не занял в истории литературы и культуры того места, которое следовало ему по его способностям, потому что с начала 1905 г. порвал со средой высокой интеллигенции и ушел в революционную работу, в построение нравственной жизни на путях опрощения вплоть до нищенства, в поиски религиозной истины вне Православной церкви, а с конца 1909 г. перестал печататься.

Посмертная судьба Семенова оказалась по-своему не менее драматичной, чем прижизненная. Не все опубликовано. Многое утрачено, не найдено.

Его дядя Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский, председатель Русского энтомологического общества, а также известный переводчик (главным образом Горация), который направлял литературную деятельность племянников в их детстве и отрочестве, сразу же после гибели Леонида задумал издать Полное собрание его сочинений и начал готовить сборник, посвященный его памяти. В архиве сохранилось письмо Н.Н. Шульговского от 29 января 1918 г. – отклик на приглашение участвовать в сборнике[3]. Прошло только полтора месяца со дня гибели Семенова, а уже готовится сборник. Книгу предполагалось открыть портретом поэта и биографическим очерком, написанным составителем. Намечен был следующий состав:

Статьи З. Гиппиус, Д. Мережковского, Ф. Зелинского.

Стихи Ф. Сологуба, А. Ахматовой, Ю.В. Верховского, З. Гиппиус, Н. Шульговского, А.П. и М.Д. Семеновых-Тян-Шанских.

Проза (без указания авторов)[4].

Готовность крупнейших поэтов и ученого участвовать в литературных поминках свидетельствует о важном месте, которое Семенов занимал в сознании современников. Познакомим читателя с биографическим очерком А.П. Семенова-Тян-Шанского "Памяти Леонида Семенова"[5]. Текст написан каллиграфическим почерком, остро отточенным карандашом. Автор говорит о влиянии на Л. Семенова Пушкина, Лермонтова, Фета, отчасти А.К. Толстого, но больше всего В. Соловьева и М. Лохвицкой (Л. 1). Его особенно привлекает духовный облик ушедшего: "Душа Л. Семенова призвана к

---

[3] СПб. ФА РАН. Ф. 722 (А.П. Семенов-Тян-Шанский). Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 7.
[4] РГАЛИ. Ф .1316. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 39.
[5] СПб. ФА РАН. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 87. Далее ссылки на листы этого очерка даны в тексте.

inslav

борьбе с тьмою и злом нашей жизни" (Л. 1 об.). "В поисках духовного света и правды жизни сблизился, с одной стороны, с Львом Толстым, с другой – под влиянием своего друга А. Добролюбова с сектантами из народа" (Л. 2). "Живя в течение целого десятилетия трудовою жизнью сельского люда, он являлся истинным другом и духовным пособником русского крестьянина" (Л. 2 об.).

П.П. Семенов-Тян-Шанский частично получил в приданое за женой, частично прикупил на юге Рязанской губернии, в Данковском уезде (теперь Милославский район, почтовое отделение Мураевня), имение Гремячка. Позже он выделил здесь внуку участок земли, где тот и поселился. И был убит бандитами из местных крестьян. Его дядя в своем очерке пишет: "Всем и каждому в этой местности было известно, что покойный не только не имел никакого оружия, но и не признавал, по своему духовному складу, его применения не только против людей, но даже против диких зверей. Известно было всем и каждому также и то, что в домике праведника не было никаких ценностей" (Л. 3 об.).

"У А.В. Руманова, – продолжает он, – хранится в рукописях несколько не изданных еще произведений Л.Д. Семенова-Тян-Шанского (стихи и проза). При первой возможности предполагается издать полное собрание его литературных произведений" (Л. 7). Такая возможность на протяжении 85 лет не представилась ни в СССР по идеологическим причинам, ни пока в постсоветской России, ни за рубежом. Судьба рукописей Семенова, хранившихся у Руманова, нам не известна. В личном фонде Руманова имеется только выполненная им запись рассказа Семенова о первом знакомстве с Толстым[6].

Близкий друг Семенова Аркадий Вениаминович Руманов был человеком несколько таинственным. Имеются серьезные основания утверждать, что он – внебрачный сын одного из членов правящей династии Романовых и матери-еврейки. Родился он 29 ноября 1878 г., окончил юридический факультет Петербургского университета, стал присяжным поверенным и журналистом, близким к правительственным кругам. Его жена Женни и свояченица Эмми Львова были концертировавшими пианистками, которые пользовались большим успехом. Студентом, уйдя из родительского дома, Семенов жил у Руманова. Когда Семенов порвал с интеллигентским образом жизни и странствовал по России, то, появляясь в Петербурге, останавливался также у Руманова. Там его всегда ждала комната. После 1917 г. Руманов эмигрировал, умер в 1960 г.[7]

Важнейшим литературным трудом Л. Семенова, не только выдержавшим испытание временем, но и получившим дополнительное значение благодаря наросшей на него столетней патине, оказался прозаический труд сложной жанровой природы – "Грешный грешным". Иногда автор называл этот текст романом; более всего он похож на мемуары; сильно развито исповедническое начало; возникают и записи типа дневниковых; как части этого замысла автор рассматривал несколько рассказов (в том числе и знаменитую "Смертную казнь"), опубликованных при его жизни. Этот главный литературный труд Семенова остался незавершенным. Последние страницы написаны им в день смерти, за несколько часов до гибели.

Как ни странно, ближайшей аналогией этому труду со стороны жанровой природы и композиции в русской литературе приходится признать "Былое и думы" Герцена – книгу столь же сложную по составу, вобравшую черты и мемуаров, и исповеди, и романа (с его правом на вымысел), включающую лите-

---

[6] РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1–2.
[7] Там же.

inslav

ратурные портреты, казенные документы, письма, дневниковые записи. У "Былого и дум" в русской литературе есть в свою очередь только один жанровый прообраз: древняя летопись как жанр-сюзерен (по мысли Д.С. Лихачева), вобравший в себя многие жанры-вассалы древнерусской письменности. И великая книга Герцена, и скромный "Грешный грешным" Л. Семенова задуманы как летопись эпохи, памятник дорогим покойникам и собственным надеждам, вызваны к жизни тяжелым душевным надрывом, гибелью самых близких людей, крушением надежд на революционное обновление общества. Оба, казалось бы, столь несоизмеримых труда написаны вызывающе некодифицированным языком и ищут запредельную выразительность в нарушениях языковой нормы. Наконец, оба труда остались незавершенными из-за смерти их авторов, а, вернее, из-за того, что по самому типу повествования, из-за полной открытости навстречу жизни они были обречены остаться недописанными.

На полях списка сочинения "Грешный грешным", выполненного старшим братом Леонида, Рафаилом[8], есть замечания Рафаила. Некоторые из них весьма содержательны. В связи с рассказом Леонида о детстве старший брат замечает: "Воспитаны были в строгом соблюдении обрядов, родители были верующими" (Л. 6). Это сообщение представляет большую важность в связи с судьбой Леонида. Оно показывает, какой силы был тот порыв, который отбросил Леонида от религии вообще, потом привел к поискам Бога вне церкви, у Толстого, у сектантов. И какой силы было притяжение детских религиозных впечатлений, которые незадолго до смерти вернули его в лоно Православной церкви. Религиозное воспитание отражалось на общей строгости нравов. Отец предостерегал сыновей от добрачных и внебрачных связей. Рассказал, что сам до свадьбы был девственником (Л. 8).

Когда литературные вкусы братьев стали определяться, Леонид был за Толстого, Рафаил – за Достоевского (Л. 10). Тяготение к Толстому, который стал одной из главных тем последних лет жизни Семенова, определилось уже в ранней молодости. "Хороший, добрый Лёля, – пишет Рафаил, – столь близкий мне, – сколько раз мы отходили друг от друга, осуждая друг друга и даже злобствуя быть может друг на друга – и затем снова притекали друг к другу, внутренне понимая друг друга и ценя" (Л. 14).

"Грешного грешным" начала публиковать в Тарту З.Г. Минц[9], но, как она мне рассказала, ее деятельность в этом направлении была пресечена советской цензурой. В Париже далеко продвинулся в подготовке собрания сочинений Семенова его самый младший брат, человек трудной и замечательной судьбы, епископ Русской православной церкви владыка Александр Зилонский. Он умер, не успев осуществить издание. Перед смертью передал свое дело выдающемуся церковному и общественному деятелю русской эмиграции отцу Александру Шмеману, который также умер, не завершив его. Теперь основной массив собранных владыкой Александром материалов передан мне. Привожу важнейшую часть полученного мною письма внучатого племянника Л. Семенова, петербургского математика, теперь профессора Дижонского университета во Франции Михаила Арсеньевича Семенова-Тян-Шанского.

---

[8] СПб. ФА РАН . Ф. 873. Оп. 1. Ед. хр. 86. Далее листы дела указаны в тексте.

[9] Л.Д. Семенов-Тян-Шанский и его "Записки" / Публ. З.Г. Минц и Э. Шубина; Вступ. ст. З.Г. Минц // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 414: Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. Тарту, 1977. С. 102–146.

inslav

«5 авг[уста] 1992 г.

Глубокоуважаемый Вадим Соломонович,

Как я и рассчитывал, мне удалось получить из Парижа подготовительные материалы, собранные Вл[адыкой] Александром для публикации сочинений Леонида Семенова. Вот перечень этих материалов:

1. Оглавление предполагаемого издания
2. Предисловие и два дополнения к предисловию
3. Неизданное предисловие к "Истории одной жизни"
4. "История одной жизни". Копии страниц с поправками или примечаниями автора
5. Начало II части воспоминаний (по машинописному экземпляру, использованному Вл[адыкой] Александром) (стр. 86, 87, со слов "Будда, достигнув совершенства ...")
6. Стихотворения Л. Семенова по следующим разделам:
   – Стихотворения, написанные после сборника "Ожидания"
   – Избранные стихи революционного периода, 1906
   – Избранные стихи, написанные в тюрьме, 1907[10]
   – "Песенки", написанные после смерти М.М. Добролюбовой
7. Стихи, исключенные Вл[адыкой] Александром из основного собрания
8. Библиография и поправки к тексту машинописного сборника 1967 г. (написанные В.Д. Семеновой-Тян-Шанской)
9. Копия статьи "Театр. Великий утешитель" ("Новый путь")
10. Краткие генеалогические сведения и примечания
11. Иллюстративный материал (негативы)».

С этим письмом по содержанию связано другое, от 15 декабря 1992 г., фрагмент из которого приводим ниже. "Относительно материалов из архива Вл[адыки] Александра, которые я Вам переслал: разумеется, Вы можете располагать всеми этими материалами но Вашему усмотрению. Сослаться Вы можете не столько на меня, сколько на Петра Ник[олаевича] Семенова-Тян-Шанского, сохраняющего в Париже архив Вл[адыки] Александра [...]

О. Александр Шмеман умер в декабре 1983 г. В Париже я познакомился с его братом Андреем Шмеманом, который уже долгие годы староста прихода Церкви Знамения Божьей Матери в Париже, где служил Вл[адыка] Александр".

Изучение сохранившихся рукописей Семенова связано с большими трудностями. В Семенове боролись призвание писателя и религиозно-нравственный запрет на писание. Он отправляет Л. Толстому письмо и здесь же просит это письмо по прочтении уничтожить[11]. В 1909 г. он завершает эссеистическую прозу "У порога неизбежности" и "Листки", опубликованную в «Литературно-художественном альманахе издательства "Шиповник"» (СПб., 1909. №8), такими словами: "Писать это значит – не верить живому делу, душе, что каждый твой шаг, твоя мысль, твое слово положены перед Творцом и не пропадут в Нем, а получат по заслугам" (С. 48). После этого он прожил еще восемь лет, но ни разу не выступил в печати. Таким образом, рано завоевав литературный успех, он печатался всего девять лет. Исихаст победил поэта.

Рукописи Семенова, в том числе не опубликованные и не скопированные родственниками, были сожжены и расстреляны (!) убийцами Семенова и их пособниками 13 (26) декабря 1917 г.

Нет ни одной специальной работы о судьбе рукописного наследия Семенова, утратах из него еще при жизни и после смерти Семенова. В некоторых работах по его биографии и творчеству мы найдем ценные указания на состо-

---

[10] В 1907 г. Семенов в тюрьме не сидел. Это произошло дважды в 1906 г.

[11] *Маковицкий Д.П.* У Толстого, 1904–1910: Яснополянские записки // ЛН. М.,1979. Т. 90: В 4 кн. Кн. 4. С. 88 (письмо от 25 октября 1909 г.).

inslav

яние отдельных документальных источников, в других о документальной базе не говорится ни слова. В одних случаях сообщаются достоверные сведения, в других – сомнительные, в третьих – почти фантастические. Они подхватываются, переносятся из статьи в статью и создают информационный шум, который мешает выяснить истину. В общем проблема освещена крайне неравномерно. Между более или менее надежными сведениями зияют черные дыры. Понятно, что при таких условиях наша работа может предложить только предварительный обзор документальных источников для изучения жизни и творчества Семенова.

Белые пятна в биографии Семенова бросаются в глаза. Одно из самых заметных связано с отказом его от военной службы. Согласно воспоминаниям владыки Александра, для освидетельствования состояния психики, чтобы таким путем получить официальное освобождение от военной службы, Семенов был помещен в Казанский дом умалишенных[12]. Однако сам он об этом ни слова не говорит, и в хорошо сохранившихся документах Казанской психиатрической больницы никаких следов пребывания там Семенова мы не нашли, когда в 1994 г. предприняли тщательные разыскания в Казани в Центральном государственном архиве Республики Татарстан и в архиве больницы. В историко-биографическом романе брата Л. Семенова, Михаила, о столь ярком и важном событии тоже не упомянуто. В.А. Мещеряков, биограф Семенова, убежденно сообщил мне, что в доме умалишенных Семенов никогда не содержался. Я склонен отнестись к его мнению внимательно не только потому, что Л. Семенов и его брат ничего не говорят об этом, но и потому, что мне не удалось найти никаких документов о его пребывании в доме умалишенных, и живя по соседству с Гремячкой и работая в музее П.П. Семенова-Тян-Шанского, Мещеряков многое знал через живое предание о Семенове. Вопрос остается невыясненным. В Государственном архиве Рязанской области сохранилось "Дело о привлечении к ответственности дворянина Л.Д. Семенова-Тян-Шанского за незаконные поступки по отношению к религии", возбужденное приблизительно в то же время.

З.Г. Минц во вступительной статье к публикации записок Семенова говорит о его участии в Гельсингфорской конференции и в работе I Государственной думы в качестве ее депутата[13]. В комментариях К.М. Азадовского к письмам Клюева к Блоку сказано, что Семенов участвовал в работе Крестьянского союза, учительского съезда, тайного революционного съезда в Гельсингфорсе и был депутатом I Государственной думы[14]. Эти сведения со ссылкой на опубликованные З.Г. Минц записки Семенова повторяет и А.В. Лавров в комментариях к мемуарам А. Белого[15]. Отсюда это сообщение попало в очерк Мещерякова. Анализа источников этих сведений нигде нет. Между тем, перед нами весьма важные, в случае их истинности, сообщения. Первоисточником для всех авторов являются следующие слова Семенова. "Но очнуться и оглянуться на себя было уже некогда. Кругом опять сходки, митинги, газеты, первая дума, крестьянский союз, трудовая группа... Попал даже на один тайный революционный съезд в Гельсингфорсе [...] Особенно мучила

---

[12] *Семенов-Тян-Шанский Л.Д.* История одной жизни // Летопись: Орган православной культуры. Берлин: За церковь, 1942. С. 161.

[13] Л.Д. Семенов-Тян-Шанский и его "Записки". С. 106.

[14] Письма Н.А. Клюева к Блоку / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского // ЛН. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 465.

[15] *Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 459.

inslav

ложь, в которой очутился. Вдруг стал в глазах других чем-то значительным – приехал из Петербурга, из Гельсингфорса, из самой Думы. Член комитета, а что я знаю, что могу"[16].

Выборы в I Государственную думу проходили в феврале – марте 1906 г. Заседала Дума с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Трудовая группа – фракция в Думе, представлявшая интересы крестьян. Всероссийский учительский союз был основан в апреле 1905 г. Его съезды проходили в июне и декабре 1905 г., в июне 1906 и 1907 гг. Всероссийский крестьянский союз возник в августе 1905 г. и просуществовал до 1917 г., боролся за интересы крестьян, за отчуждение помещичьих земель и переход их в общественную собственность.

Единственный "тайный революционный съезд" в Гельсингфорсе, который нам удалось найти в исторической литературе, – это IV (III Всероссийская) конференция РСДРП, состоявшаяся в 1907 г.

Слова Семенова о том, что он приехал из самой Думы, не обязательно означают, что он был депутатом. В Петербурге он мог более или менее тесно соприкасаться с трудовиками – депутатами Думы, а потом рассказывать об этом крестьянам. По его словам, он был освобожден из тюрьмы в начале мая 1906 г., а уехал из Петербурга уже в июне. Выходит, что к началу работы Думы он опоздал, а уехал в разгар ее работы. Вряд ли это было возможно, если он был депутатом. Конечно, в записках "Грешный грешным" он мог перепутать даты. А мог, как поэт, усилить впечатление и вместе с тем не противоречить истине, намеренно изложить дело туманно, так что неясно, насколько он был связан с деятельностью Думы. Между тем полный список членов I Государственной думы с фотографиями был опубликован в крупноформатном издании альбомного типа[17], Леонида Семенова там нет. Так что не имеется никаких оснований считать Семенова депутатом этой Думы.

С большей долей уверенности можно говорить, что Семенов участвовал в работе Всероссийского учительского съезда в июне 1906 г., что с осени 1905 и до лета 1906 г., когда он вел революционную работу в деревне, Семенов был связан с Всероссийским крестьянским союзом.

В 1906 г. Семенов никак не мог рассказывать крестьянам о тайном Гельсингфорском съезде, состоявшемся в 1907 г. В 1907 г. Семенов уже отошел от революции, да и революция затихала, но все-таки на партийной конференции присутствовать он мог. Либо ранее, в мае–июне 1906 г., он участвовал в какой-то неизвестной нам партийной встрече в Гельсингфорсе, либо стал жертвой аберрации памяти, либо подошел к материалу как поэт и допустил сознательный анахронизм.

Многое прояснило бы дело Семенова в Санкт-Петербургском охранном отделении Департамента полиции в ГАРФ. Учетная карточка охранки свидетельствует о том, что такое дело существовало. По-видимому, оно вместе с большей частью архива Санкт-Петербургского охранного отделения погибло при пожаре в марте 1917 г.

Таким образом, белые пятна в биографии Семенова остаются.

Его творческие рукописи нам почти неизвестны. В фонде А.П. Семенова-Тян-Шанского сохранилось несколько детских и полудетских стихотворений.

---

[16] *Семенов Л.Д.* Записки: Грешный грешным // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Т. XVIII. С. 126, 130.

[17] Первая российская государственная дума. СПб., 1906.

inslav

В фонде Л.Д. Семенова-Тян-Шанского в РГАЛИ (Ф. 1316) находятся гимназическое сочинение на немецком языке о летних каникулах, опыт интерпретации ноктюрна Шопена (ор. 15, № 3) в поэтических образах, "Элегия в прозе" с автобиографическим романтическим подзаголовком "Из записок неудачного художника", заметка "О рус[ских] нар[одных] песнях" и две песни в народном духе собственного сочинения, политическая статья "Россия, Европа и мир" с примечанием 18-летнего автора: «Посылал в "Новое время", но ее не приняли», подражательная романтическая "Сказка ночи". Подростком он написал "Воспоминания" о первой любви (!). Ему девять лет, ей на год-полтора больше, она – брюнетка со смуглой кожей. Он видит ее в церкви, грехов у нее нет, она просто беседует с Богом. Он хочет отвлечь девочку от молитвы, обратить ее внимание на себя. Здесь все наивно: возможно некоторое влияние гётевского "Фауста", между тем, словно бы предугадан дальнейший жизненный путь юного автора, полный драматической борьбы человека духовного с человеком плотским.

Назовем немногие прижизненные публикации произведений Семенова. Как и другие символисты – в особенности Блок и А. Белый – Семенов начинал свой творческий путь под заметным влиянием Фета. При жизни Семенова была издана лишь одна его книга – "Собрание стихотворений"[18]. Она не переиздавалась. "Собрание стихотворений" было встречено уважительными рецензиями Блока[19], Брюсова[20], А. Измайлова[21], В. Гофмана[22]; главу в своей книге посвятил ему Н. Поярков[23]; серьезное внимание было уделено Семенову в обзорной статье о молодой поэзии начала века[24].

Кроме 75 стихотворений, вошедших в книгу (21 из них ранее было опубликовано в студенческом сборнике 1903 г.[25] и в журналах), еще 28 стихотворений были напечатаны в студенческом сборнике 1900 г.[26] (первое появление Семенова в печати), в журналах "Новый путь", "Трудовой путь", "Ежемесячный журнал для всех" и в альманахе "Северные цветы ассирийские" в 1900–1907 гг. и позднее не переиздавались. Публикации за 1906 г., когда Л. Семенов занимался революционной работой среди крестьян, сидел в тюрьмах, пережил суд и смерть М. Добролюбовой, нам неизвестно. На протяжении 1907 г. журнал "Трудовой путь" (СПб., № 1–9) на самом видном месте печатает стихи и прозу Семенова, но это уже совсем новый писатель: он открыто тенденциозен, осуждает социальное неравенство, жестокость и гнет власти, смертную казнь, изображает неправый суд и тюрьму. В это время он увлекается Марксом, Чернышевским.

Нет уверенности, что количество стихотворений указано нами точно: 1) своеобразие творческой манеры Семенова 1907–1909 гг. в некоторых случаях требует дополнительных исследований, чтобы отчленить один текст от другого; 2) в цикл стихотворных текстов вставлен текст прозаический, так что решение считать его стихотворением (в прозе) или прозаическим произ-

---

[18] СПб.: Содружество, 1905. Оформление обложки книги А. Лео. 105 с. Цензурное разрешение от 24 апреля 1905 г., вышла в свет не позже 12 мая того же года. Тираж 1000 экз. Цена 1 р. 25 к.

[19] Вопросы жизни. СПб., 1905. № 8.

[20] Весы. М., 1905. № 6.

[21] Биржевые ведомости. СПб., 1905, 23 сент.

[22] Ежемесячный журнал для всех. СПб., 1905. № 10.

[23] *Поярков Н.* Поэты наших дней. М., 1907.

[24] *Абрамович Н.Я.* Стихийность в молодой поэзии // Образование. СПб., 1907. № 10.

[25] Литературно-художественный сборник студентов Петербургского университета. СПб., 1903.

[26] Литературный сборник, изданный студентами С.-Петербургского университета в пользу раненых буров. СПб., 1900.

inslav

ведением принять непросто; и 3) дополнительные разыскания в печати 1900-годов могут выявить не учтенные нами тексты.

Наиболее значительное произведение художественной прозы Семенова из всех опубликованных при его жизни – рассказ "Отрывки", который Толстой назвал "Смертная казнь". Под этим заглавием он и был опубликован (Вестник Европы. 1908. Кн. 8. С. 600–612). В журнале "Новый путь" (1903. № 5) напечатана драма Семенова "Около тайны", в журнале "Трудовой путь" (1907. № 3) – рассказ Семенова "Проклятие". Без малейшего сомнения Семенову следует атрибутировать рассказ "Городовые" (Трудовой путь. 1907. № 9), подписанный инициалом "С.": его текст почти дословно совпадает с одним из центральных эпизодов записок "Грешный грешным", в отношении которых авторство Семенова засвидетельствовано вполне убедительно. Циклы "У порога неизбежности" и "Листки" (3 п.л.) – последнее выступление Семенова в печати. С.Н. Дурылин в некрологе "Бегун" сообщает: «Он готовил большой роман. Кое-какие отрывки были уже напечатаны в альманахе "Шиповник". Еще лучшие читал он в литературных кругах. Помню, как однажды после такого чтения Семенова у всех создалось впечатление: "У нас будет замечательный роман из революционных дней [1]905 года". И он был бы, если б... Семенов не был бегун»[27].

Кроме того, Семеновым опубликованы рецензия на спектакль Александринского театра "Эдип в Колоне" (Новый путь. 1904. № 2), которая воспринимается как автокомментарий к драме "Около тайны", и глубокий очерк "О смерти Чехова" (Трудовой путь. 1907. № 7).

Охарактеризуем источники биографии Семенова. Среди некрологов выделяется текст С. Дурылина "Бегун". Жизненный путь Семенова представлен здесь с великим сочувствием, со знанием важных подробностей. Только четверть века спустя после гибели Семенова был опубликован первый обстоятельный биографический очерк общего характера А.Д. Семенова-Тян-Шанского. Автор – младший брат Леонида, епископ Русской православной церкви в Париже Александр Зилонский. Труд его вышел в свет в Берлине, когда немцы стояли под Сталинградом. Он вместе с последующими дополнениями содержит бесценные свидетельства мемуарного характера, согрет глубоким осмысленным религиозным чувством. Вместе с тем видно, что у автора не было под руками самых необходимых источников, и ему приходилось полагаться на свою память. Ошибочно указаны, например, год рождения Семенова и название его единственной книги.

35 лет спустя началась публикация важнейшего автобиографического источника – произведения Семенова "Грешный грешным". Первая часть напечатана, как сказано выше, З.Г. Минц (см. сн. 9). Падение цензуры и социально-политическая перестройка общества сделали возможным более интенсивное изучение биографии и литературного наследия Семенова. Вторая часть его записок была опубликована почти одновременно С.Б. Бураго[28] и нами – по копии, полученной от М.А. Семенова-Тян-Шанского[29]. Бураго сообщает, что получил текст записок Семенова в 1972 г. от его младшей сестры, художницы Веры Дмитриевны Семеновой-Тян-Шанской-Болдыревой. К сожале-

---

[27] *Дурылин С.* Бегун // Понедельник власти народа. М., 1918. № 5.

[28] *Л.Д. Семенов-Тян-Шанский.* Дневник / Публ. С. Бураго // Collegium. Киев, 1993. № 2; 1994. № 1.

[29] Свечой перед Господом: Леонид Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский. Грешный грешным / Публ. и примеч. В.С. Баевского // Русская филология / Уч. зап. Смоленского гуманитарного ун-та. Смоленск, 1994. Т. 1. С. 188–256.

inslav

нию, текст его публикации сильно окультурен; в частности, знаки препинания приведены к пунктуационной норме русского языка.

Труд Семенова предоставляет возможность заглянуть в его душу, автор исповеднически откровенен. В этом смысле данный источник среди всех биографических материалов, касающихся Семенова, уникален. Насколько можно судить, сопоставляя его с другими документами, правом романиста на вымысел Семенов пользуется относительно мало (в отличие от Герцена в "Былом и думах"). Но Семенов широко использует, так сказать, право на умолчание. Эти записки прорисовывают его жизненный путь пунктиром, к тому же, неравномерно разреженным.

Примерно в то же время был опубликован очерк В.А. Мещерякова "Брат Леонид"[30], содержащий некоторые труднодоступные сведения. И вскоре после этого – наша работа "Леонид Семенов – жизнестроитель и поэт" (Вопросы литературы. 1994. № 5). Приблизительно тогда же автор статьи организовал и провел передачу о Семенове по московскому радио. 5 сентября 1993 г. М.А Семенов-Тян-Шанский мне написал: "Я возил кассету с Вашей радиопередачей о Л.Д. в Париж; все ее очень хвалили и просили Вам передать большую благодарность".

Записки Л. Семенова были недавно напечатаны в Италии Б.А. Успенским[31]. Первая их часть воспроизводится им по тексту Тартуских ученых записок[32], вторая – по рукописи, подготовленной З.Г. Минц. Б. Успенский, к сожалению, не ссылается на работы, изданные в России в 1990-е годы. Некоторых работ он, по-видимому, действительно не знал, а другие знал, но сделал вид, что их не существует. Между тем в нашей публикации восстановлены купюры публикации З.Г. Минц, сделанные по цензурным соображениям и из-за плохого качества оригинала, с которого текст печатался, и убран текст Семенова "Размышления о Будде", не связанный с его записками и попавший в них случайно. Таким образом, не говоря об этической стороне дела, публикация Б.А. Успенского устарела уже в момент ее появления.

Труднопреодолимые препятствия встречаются на пути исследования истории текстов и определения времени написания произведений Семенова. Это показывает следующий пример. З.Г. Минц об источнике текста своей публикации "Грешного грешным" пишет так: «Рукопись Семенова, находившаяся в доме Семенова в с. Гремячка, через сестру писателя, Веру Дмитриевну, была передана Р.Д. и М.Д. Семеновым-Тян-Шанским (старшему и младшему братьям Л. Семенова. – *В.Б.*) [...] Мы публикуем текст "Записок" по машинописи, полученной от родственников писателя другом Л. Семенова, впоследствии членом-корреспондентом АН СССР Б.Е. Райковым, и снабженной его комментариями»[33].

З.Г. Минц, крупнейший исследователь Блока и литературы его времени, организатор незабываемых Блоковских конференций, вокруг которых формировался цвет исследователей русской культуры рубежа XIX–XX вв., открыла тему Леонида Семенова после того, как она три четверти века в оголтело атеистическом Советском Союзе оставалась под запретом. Именно потому что З.Г. Минц открывала новую тему великого значения, у нее неизбеж-

---

[30] Вперед (газета Милославского р-на Рязанской обл.). 1990. № 116–126.

[31] Л.Д. Семенов-Тян-Шанский и его "Записки" / Публ. З. Минц и Э. Шубина // Slavistica. 5. Napoli, 1997–1998. P. 585–719 (Annali dell'Istituto universitario di Napoli).

[32] См. сн. 9.

[33] Там же. С. 108.

inslav

ны были неточности. Мы теперь знаем личность, жизнь, творчество Семенова значительно полнее, чем она. Но она была первая. Она ошибочно писала, что дом Семенова находился в с. Гремячке – имении семьи Семеновых-Тян-Шанских. В 1914 г. дед выделил ему несколько десятин земли в стороне от Гремячки. "Очень уж далеко идти меня громить", – утешал себя и своих близких Семенов в пору разгула убийц-бандитов осенью 1917 г. На опушке леса Кареевской дачи Леонид срубил избу, которую содержал всегда в необыкновенной чистоте (ее называли *светелка*), и зажил на своем хуторе крестьянским трудом. Духовные братья помогли ему вырыть пруд и посадить яблоневый сад. И сейчас эти места называются Леонидов пруд, Леонидов сад, хотя ни пруда, ни сада, ни Кареевых давно нет[34].

З.Г. Минц пишет, что рукопись труда Семенова после его смерти из дома через сестру попала к его братьям. Но это не так. Я нашел прямое указание об источнике этого текста. Его младший брат, Михаил, любовно оформил список "Грешного грешным" и на обложке написал: "Записки Леонида Дмитриевича Семенова-Тян-Шанского, переписанные рукой его брата Рафаила Дмитриевича. Сами записки были уничтожены при убийстве Л.Д. Семенова в 1917". Ниже Михаил наклеил акварель Леонида – ивы над озером[35]. Рафаил жил в Гремячке и умер через год после Леонида. Автограф погиб, а список, выполненный Рафаилом, стал источником нескольких копий. Одна из них, к сожалению, дефектная, как свидетельствует З.Г. Минц, оказалась в ее руках. Я получил машинописную копию записок "Грешный грешным" от М.А. Семенова-Тян-Шанского. С благодарностью говорю об этом. По данному тексту хорошего качества мне посчастливилось опубликовать вторую и третью части записок и восстановить купюры, которые З.Г. Минц пришлось сделать в первой части.

Можно утверждать, что важнейшие черты личности и духовной эволюции Семенова, весь основной корпус его сохранившихся произведений, основные вехи его внешней биографии нам теперь известны, получили этическую и историко-литературную оценку. Помимо названных работ общего характера важнейшими составляющими совокупности биографических материалов являются письма, дневники и мемуары современников Семенова.

Обзор писем начнем с упоминания об опубликованных нами по оригиналам фрагментах писем Семенова к матери и дяде Андрею Петровичу, в которых воссозданы внешнее положение и душевное состояние Семенова накануне его гибели. К этим документам приближаются по значению письма старшего брата Л. Семенова Рафаила и их сестры Ариадны Дмитриевны Мит[т]ул – свидетельства о страшных обстоятельствах убийства Семенова[36]. Более полно нами опубликовано трагическое письмо Семенова к дяде[37].

Издано одно письмо Семенова к Блоку и четыре аннотированы в печати[38]. Различные обстоятельства творчества Семенова и его жизни в литературной среде освещает переписка А. Блока с А. Белым, С.М. Соловьевым,

---

[34] *Мещеряков В.А.* Брат Леонид... // Вперед. 1990. № 126.
[35] СПб. ФА РАН. Ф. 873 . Оп. 1. Ед. хр. 86.
[36] Свечой перед Господом... С. 250.
[37] Кто дошел до Оптинских врат: Неизвестные материалы о Л. Семенове / Публ. В.С. Баевского // Изв. Академии наук. Сер. литературы и языка. 1998. № 1. С. 55.
[38] Александр Блок: Переписка: Аннот. каталог. М., 1979. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. С. 413–414.

inslav

Е.И. Ивановым, Г.И. Чулковым, Н.А. Клюевым[39]. Письмо Семенова к А. Белому приводит А.В. Лавров в комментариях к книге А. Белого "Начало века" (М., 1990. С. 627). Клюев прислал Семенову 8 писем и 52 стихотворения[40]. Имеются упоминания о Семенове в переписке Блока и с другими лицами[41]. В письме Блока к С.А. Соколову встречаем важное замечание: в начале своего пути Семенов долго не хотел печататься; это соотносится с неожиданно ранним отказом Семенова от публикации своих произведений (вероятно, под влиянием А.М. Добролюбова) в возрасте 29 лет[42]. Обширный свод писем к Блоку и двусторонняя переписка Блока с различными адресатами содержится в издании "Александр Блок: Новые материалы и исследования"[43].

В ОР Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве сохранилось 17 писем Семенова Толстому. По просьбе Семенова часть писем была Толстым уничтожена. Сохранилось и опубликовано 11 писем Толстого Семенову по копиям, снятым в Ясной Поляне до их отправки. Их крайние даты: 7 июля 1907 – 18 июля 1910 г.[44] Серьезную работу, освещающую дружбу Семенова и Толстого, напечатал В.А. Сапогов[45]. Для меня она, помимо научного значения, имеет особый смысл. Ее автор был моим младшим другом, духовным скитальцем, жизнестроителем, искателем религиозной истины, одним из самых христиански чувствовавших и христиански мысливших наших современников[46]. Он задумал цикл работ о людях ухода, к которым принадлежал и сам. Незадолго до смерти он мне несколько раз говорил: "Понимаешь, Вадим, русский человек – это человек ухода". Первой и – увы! – последней из задуманных им работ стала названная статья о двух прекрасных русских людях ухода. Ее высокие достоинства отметил владыка Александр Зилонский.

Нами опубликовано письмо Семенова к А.Ф. Кони, освещающее ярким светом жизнь Семенова среди раскольников, действенное стремление им помочь[47]. Имя Семенова встречается также в изданной переписке Горького, Брюсова и других его современников. В 1907 – 1908 гг. Горький противопоставлял Блоку, возмущавшему его своей холодной манерностью, Семенова и некоторых других писателей (см. сн. 1 в наст. статье).

Из дневников особенно важны 13 поденных записей, которые Семенов вел последние пять с половиной недель своей жизни и под общим молитвенным заглавием "Во имя Отца и Сына и Св. Духа" включил в свой труд "Грешный грешным"[48]. Он не мог знать, что через несколько часов после совершения последней записи будет убит разбойниками, тем не менее, закончил ее

---

[39] Александр Блок и Андрей Белый: Переписка. М., 1940; А. Белый и А. Блок: Переписка. М., 2001; Переписка Блока с С.М. Соловьевым (1896–1915) // Александр Блок: Новые материалы и исследования // ЛН. М., 1980. Т. 92. Кн. 1; Письма Ал. Блока к Е.П. Иванову. Л., 1936; Переписка Г.И. Чулкова с Блоком // ЛН. 1987. Т. 2. Кн. 4; Письма Н.А. Клюева к Блоку / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского // Там же.

[40] Письма Н.А. Клюева к Блоку. С. 429.

[41] Наиболее полный на сегодня свод писем Блока см.: *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8: Письма (464 письма).

[42] Переписка Блока с С.А. Соколовым / Предисл., публ. и коммент. К.Н. Суворовой // ЛН. Т. 92. Кн. I. С. 532.

[43] ЛН. М., 1980–1993. Т. 92. Кн. 1–5.

[44] *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное). М., 1955. Т. 80; М., 1956. Т. 77, 78, 82 (некоторые публиковались и раньше).

[45] *Сапогов В.А.* Лев Толстой и Леонид Семенов (об одном корреспонденте Л.Н. Толстого) // Уч. зап. Филол. сер. / Яросл. гос. пед. ин-т; Костром. гос. пед. ин-т. Кострома, 1970. Вып. 20.

[46] Что-то я сумел сказать о нем в некрологе, см.: *Баевский В.С.* Вячеслав Александрович Сапогов // Филологические науки. М., 1997. № 2.

[47] Кто дошел до Оптинских врат... С. 52–55.

[48] Свечой перед Господом... С. 231–249.

inslav

молитвенными словами "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу – во веки веков. Аминь", придав всему тексту своих записок абсолютно законченную форму. Не мог знать, но предчувствовал.

Важные сведения о Семенове содержатся в дневнике и записных книжках А. Блока, в дневниках Е.П. Иванова, Б.В. Никольского (приведены выше), С.А. Толстой, Д.П. Маковицкого[49].

Кратко укажем опубликованные воспоминания. Фрагмент из записок старшего брата Рафаила напечатан нами, фрагмент из записок сестры В.Д. Семеновой-Тян-Шанской-Болдыревой – С.Б. Бураго[50]. Образ Семенова запечатлен в мемуарных книгах А. Белого, В. Пяста, Г. Чулкова, С. Городецкого, М. Кузмина.

Когда дядя, Андрей Петрович, задумал издать сборник памяти Семенова, на его просьбу тотчас же откликнулся знаменитый античник, впоследствии академик Польской Академии наук Ф.Ф. Зелинский, который был профессором классической филологии и куратором курса в пору учения Семенова в Петербургском университете. По условиям времени сборник издан не был, замечательная мемуарная статья Зелинского осталась в рукописи и была опубликована уже нами[51].

Особый класс биографических материалов составляют неопубликованные художественные произведения младших братьев Семенова – поэма Александра "Венок просветленным", повесть Михаила "Детство" и его же незавершенный роман "Жажда. Повесть временных лет о великом алкании и смятении умов человеческих".

Три брата – Рафаил, Леонид и Михаил Семеновы-Тян-Шанские – были погодками. Они родились в 1879, 1880 и 1881 гг. Потом на свет появилось еще четверо их сестер и братьев. Отец их, Дмитрий Петрович (1852–1917), был вице-директором департамента в Министерстве земледелия, гласным Санкт-Петербургской городской думы, председателем статистического отделения Русского географического общества. Умер, потрясенный Октябрьским переворотом 1917 г.

Михаил Дмитриевич (1881–1942) служил офицером в Сибирском стрелковом полку, в 1914 г. был контужен в Восточной Пруссии, затем его перевели в лейб-гвардии Егерский полк. После революции он стал доктором географических наук, профессором экономической географии.

Поэма "Венок просветленным" написана четырехстопным ямбом – самым распространенным стихотворным размером русской поэзии. Строфика предельно проста: четверостишья перекрестной рифмовки. Рифменная система тоже предельно упрощена: сочетаются одни и те же части речи, часто глаголы. Стихотворная система поэмы свидетельствует о том, что это стихотворная речь, – и только. Высочайшая культура стиха серебряного века в ней никак не отразилась. Весь смысл поэмы сосредоточен в лексике и синтаксисе, часто повышенно экспрессивном. Автор довольно подробно передает печальную участь семьи: уход на мировую войну трех братьев; обнищание; выселение из обжитой квартиры; тяжелый труд матери по дому; смерть отца; испытания, выпавшие на долю старшего брата Рафаила, которого бандиты-

---

[49] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7; *Блок А.* Записные книжки. М., 1965; Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. Весьма важные фрагменты из дневника Никольского см. в предисл. вышеназванной публикации (сн. 2); *Толстая С.Л.* Дневники. М., 1978. Т. 2; *Маковицкий Д.П.* Указ. соч.

[50] Свечой перед Господом... С. 249–250; *Семенова-Тян-Шанская-Болдырева В.Д.* О Л. Семенове / Публ. С. Бураго // Collegium. 1994. № 1.

[51] Кто дошел до Оптинских врат... С. 57–59.

inslav

крестьяне жестоко избили, заставили сколачивать себе гроб, а потом тяжело ранили злодейским выстрелом через окно. По непонятной причине в этом месте ни слова не сказано о Леониде, который разделил с Рафаилом все поношения и побои, а после ранения Рафаила привез ему врача и заботился о нем. Далее написано о смерти Рафаила и бегло, двумя стихами, о другом брате (имеется в виду Леонид, но он по имени не назван):

За ним другому был черед,
И он с убийцей повстречался.

Здесь допущен анахронизм: в действительности Леонид погиб раньше, Рафаил умер позже. Поэма датирована "1922–1923". По-видимому, уже к этому времени подробности некоторых драматических событий исказились в памяти автора поэмы и вовсе изгладились из его памяти. Почему о Леониде сказано так бегло и глухо, особенно в сопоставлении с опубликованным автором два десятилетия спустя замечательным пространным очерком и с его упорным трудом по подготовке собрания сочинений Леонида, сказать трудно. Конечно, жанр поэмы предъявлял свои требования и налагал свои ограничения.

Михаил Семенов печатал стихи и прозу. Он стал летописцем семьи, в первую очередь той ее части, с которой теснее всего был связан. И в повести, и в романе фамилия братьев – Нивины, Леонид изображен под именем Алексея. Ранние годы его жизни были вполне безоблачны. В повести "Детство" запечатлена идиллия, действующими лицами которой, кроме трех мальчиков и их сестрички, оказываются трепетно любимые папа, мама, няня с традиционным сундучком, с вечным вязаньем в руках, учительница, бонна, тетушка, дедушка, бабушка, прабабушка. Вот он, семейный патриархальный уклад родовитого дворянства. Важнейшие события детской жизни – сочельник, елка, говение, приезд бабушки, посещение дедушки, отъезд на дачу. Самый большой шалун, предводитель в играх – Леонид.

В другой тональности написан роман "Жажда" со страшным эпиграфом из книги библейского пророка Амоса: "В тот день истаявать будут от жажды прекрасные девы и юноши. Они падут и не встанут" (гл. 8, ст. 13). Заглавие романа заключает два основных текстуальных значения, которые противопоставлены одно другому и раскрываются в подзаголовке: томимые духовной жаждой персонажи – дворяне, в первую очередь Александр и Алексей Нивины, прообразами которых являются Михаил и Леонид Семеновы, приходят в катастрофическое столкновение с крестьянским алканием обеспеченной жизни, жаждой достатка. Подзаголовок с его аллюзией на название начальной русской летописи обещает эпический размах. Однако создать широкое эпическое полотно, соответствующее масштабу изображаемых событий и характеров, автор не смог. Но многие места романа художественно достоверны и предлагают свежий материал для серьезных размышлений о событиях и судьбах рокового десятилетия русской истории 1907–1917 гг. и членов семьи Семеновых-Тян-Шанских.

Жанровая природа романа заключена между полюсами документальной достоверности и творческого вымысла. В каждом случае может идти речь лишь о том, к которому из полюсов и как именно сдвинута конструкция. Однако, принимая во внимание сказанное, следует признать за "Жаждой" значение важного источника. В частности, личность Л. Семенова была столь исключительна, что его брату просто незачем было придумывать о нем что-либо существенное. Ни один важный факт, представленный в романе и поддаю-

inslav

щийся проверке по другим источникам, не искажен. Люди, упоминаемые в авторской речи или в речи персонажей, но не являющиеся действующими лицами, даже сохраняют свои истинные имена; это относится и к такой известной в свое время женщине, как революционерка Мария Михайловна Добролюбова, сыгравшая столь важную роль в жизни Семенова; даже к такому близкому человеку, как брат Николай, служивший на флоте. Здесь беллетристическое начало прямо уступает место документальному. Поэтому и по некоторым другим причинам, о которых скажем далее, мы считаем "Жажду" в основе своей произведением исторически и биографически достоверным.

Алексей Нивин (Леонид Семенов) участвует в шести больших эпизодах романа. Действие начинается в 1914 г., но сразу же временной сдвиг переносит читателя в годы студенческой молодости Алексея. Проливается яркий свет на трудную борьбу Семенова с чувственными искушениями. Здесь изображены отношения Алексея Нивина с Софьей, подругой сестры, причем по-бунински сказано все до конца. "Когда сама Софья робко и по-женски стыдливо дала ему почувствовать, что она его любит, он со страхом понял, что то, что он теперь испытывал к ней, была не любовь, а похоть". Ему было 20 лет, он учился на втором курсе. Она была рослая, с высокой грудью, почти бесцветными "русалочьими" глазами. Его привлекали тяжелые душистые косы и юное пухлое тело. Он попытался отдалиться. Тогда Софья спросила, почему он к ней изменился. Он отвечал нарочито грубо, чтобы оборвать отношения:

"– Потому что я понял, что то чувство, которое я считал любовью, совсем не любовь, а тяга самца к самке. Или вы хотите, чтобы я изнасиловал вас?"

Она захотела.

Сжато, ярко описывает романист то выдающееся положение в литературе, которое почти сразу занял его брат. Здесь каждая подробность может быть подкреплена библиографическими данными, сообщениями мемуаров и переписки. «Его имя ставили рядом с лучшими поэтами, его приглашали читать на литературных вечерах и концертах, за ним бегали студенты и курсистки, ему посвящали стихи и несли на суд свои произведения начинающие поэты, его произведения печатали с торопливой готовностью толстые журналы и альманахи, его сборник стихов, посвященный "Мудрости", быстро разошелся и вызывал восхищение одних и зависть других». "Собрание стихотворений" Семенова вышло в свет с посвящением "Софии" в духе мистического символизма; отсюда слова о сборнике, посвященном "Мудрости"; автор и в этой детали исторически достоверен.

Увлекательно рассказано о встрече Нивина с Марией Добролюбовой, "сестрой Машей", об участии в революционном движении, о поисках Бога вне Православной церкви. Повествование приводит читателя к 1914 г.

Второй и пятый эпизоды с участием Алексея Нивина изображают жизнь его в среде сектантов-скопцов. Здесь он спасает дочь изувера-скопца Григория Еремина, Софью, которую отец по-своему собрался посвятить Богу: женщинам скопцы отрезали груди и выжигали "до кости". Фактическую канву мы хорошо знаем из писем и воспоминаний, а текст "Жажды" сообщает много колоритных подробностей.

Третий эпизод повествует о посещении в Оптиной Пустыни старца Анатолия (в романе старец Леонид). Паломничество Алексей предпринял вдвоем с Эвой, женой брата – автора романа. В этом эпизоде помещен вставной эпизод. Он проходит в сознании Алексея. После смерти Маши Алексей решил отомстить жестокому начальнику тюрьмы, в которой она содержалась.

inslav

Он вступил в боевую организацию революционеров, любовной запиской от имени женщины заманил начальника тюрьмы в лес и застрелил из револьвера. Этот самый тяжелый свой грех Алексей принес на суд старцу Леониду.

Так началось возвращение Алексея Нивина в Церковь. Вот заключительная страница эпизода. "При последних словах старец Леонид поднялся, надел епитрахиль и облачился в ризу, и сам подошел к аналою, потом положил епитрахиль на голову склонившегося перед ним Алексея и громким голосом проговорил:

– Властью, данною мне Тобою, Владыко, отпускаю и разрешаю грехи раба Твоего.

Алексей делал все это молча, как во сне, подчиняясь какой-то внешней воле сильнейшего, видя и чувствуя, что те лучи света, которые зажглись в нем при первых словах старца Леонида, все ширились, становились ярче, разливались теплом во всем его теле и вдруг засияли и засверкали ярким, всепроникающим светом. И почему-то вспомнилась сестра Маша и подумалось, что и она бы поступила так же на его месте. Если бы Алексей мог видеть себя в это мгновенье, после того как старец отпустил его, он увидел бы свое лицо с ярко горящими щеками, блестящими, как в лихорадке, глазами и улыбкой счастливой и детской.

Встретив ожидавшую его Эву, он сказал ей, все также улыбаясь:

– Ты рожала, ты знаешь, как трудно бывает родиться новому человеку, – но еще труднее рожденному родиться вновь. Но зато как хорошо теперь!"

Как мы должны относиться к эпизоду с убийством?

Казалось бы, трудно поверить, что Семенов, алчущий нравственного совершенства, каким он предстает перед нами в своей исповеди "Грешный грешным" и других сочинениях, в воспоминаниях свидетелей его недолгой и такой напряженной жизни, убил человека. Вместе с тем трудно себе представить, что его брат изобразил двойника Леонида в мире романа преступившим заповедь "не убий" просто ради большей увлекательности.

В записках "Грешный грешным" Семенов признался, что однажды боролся с желанием убить девушку, не уступавшую его вожделениям, М. Семенов-Тян-Шанский в "Жажде" повествует, что Софья, после того как Алексей Нивин ее бросил, томимая "жаждой тела", пыталась застрелиться. Когда же сестра уговаривала Алексея навестить девушку, он в сердцах ответил:

– Оставьте меня в покое! Если одной сумасшедшей, не знающей, что делать, когда кругом так много дела, станет меньше на свете, то всем, в том числе и ей самой, будет легче!

Террористические акты в отместку за гибель и унижения революционеров были широко распространены в той среде, к которой одно время принадлежал Семенов. Самый известный случай такого рода (относящийся к более раннему времени) – покушение Веры Засулич на петербургского градоначальника Трепова в отместку за то, что он приказал высечь незнакомого ей политического заключенного Боголюбова.

Человека отделяет от убийства хрупкое средостение. Не случайно одна из первых библейских заповедей учит; "Не убий". В жизненных бурях Семенов вел себя как человек крайностей. Избрав свой путь, он с каждым новым поворотом стремился исчерпать его возможности до конца. Он жил в эпоху, когда из идейных и эстетических соображений – да, и эстетических! – легко швырялись своими и чужими жизнями. И Семенов также швырялся своею жизнью.

inslav

По-видимому, брат Михаил знал такие бездны души Леонида, куда не заглядывали другие. Вряд ли когда-нибудь найдется источник, который прольет дополнительный свет на затекст эпизода с убийством из романа "Жажда". Но эпизод этот важен как указание на характер тех искушений, с которыми приходилось бороться Семенову.

Четвертый эпизод короток, но по-своему не менее интересен. Алексей приходит к Русанову (Руманову) хлопотать за близких ему сектантов, которые по убеждению не могут воевать. Служить раненым в лазарете они считают своим долгом, но стрелять в людей они не могут. Русанов легко им помогает. Встреча Алексея Нивина с этим своеобразным человеком принадлежит к ярким страницам "Жажды".

Шестой эпизод занимает две заключительные главы, на которых весь текст романа прерывается. Алексей Нивин – в Звенящем (в Гремячке) среди разгрома дворянских усадеб, убийств их владельцев, он в растерянности и душевной смуте.

Представленный нами материал не может считаться полным; мы стремились выявить и показать *основной* корпус *самых значительных* архивных материалов и публикаций. Он убеждает в том, что Семенов был сильной, своеобразной личностью, большим явлением в мире культуры, при жизни пользовавшимся вниманием современников, вызывавшим живой, порою напряженный интерес. Такие люди, как Блок и Лев Толстой, определявшие собой облик эпохи, и целые социальные слои, к которым они принадлежали, с напряженным вниманием всматривались в жизненный путь Семенова, взвешивали, насколько приемлем его опыт для них, и что-то решали для себя. Толстой видел в нем недостижимый идеал. С 27 октября по 1 ноября 1909 г. Семенов последний раз был у Толстого в Ясной Поляне. "Прямо, как он побывает, стыдно за свою жизнь. Не рассуждает, а делает", – сказал после его ухода Толстой – и заплакал. А через год и сам ушел.

Позже, в советское время, Семенов был прочно забыт, накопленное им духовное богатство утрачено. Теперь Семенов воскрешен и становится нашим современником.

А.К. Афанасьев

ОНИ СПАСЛИ РОССИЮ ОТ ЗАБВЕНИЯ

(По материалам выставки в Государственном Историческом музее)

П.А. Вяземский говорил, что Н.М. Карамзин, подобно Кутузову в 1812 г., спас Россию от нашествия – от нашествия забвения. Эта мысль применима и ко всем выдающимся отечественным историкам.

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ), который был образован в 1912 г. в качестве Архива музея и получил нынешнее название в 1938 г., отметил свое 90-летие циклом выставок "Исторический архив ГИМ. 1912–2002 гг." На них были представлены хранящиеся в ОПИ автографы российских императоров и императриц, знаменитых иностранцев, а также выдающихся историков России. Данное сообщение основано на материалах одной из выставок цикла, имевшей название "Автографы российских историков"[1].

[1] Выставка работала в Государственном Историческом музее с 20 июня по 23 сентября 2002 г. Автографы российских историков: Каталог. М.: ГИМ, 2002.

inslav

Авторы выставки Е.В. Неберекутина (раздел "XVIII в.") и А.К. Афанасьев ("XIX в. – 1917 г.") поставили задачу отразить в документах ОПИ процесс становления и развития исторической науки в нашей стране в дореволюционный период, деятельность историков, их характеры и судьбы.

Историческая наука в России возникла в XVIII в. и достигла своего расцвета в XIX столетии. С начала XX в. политические пристрастия историков оказывали, к сожалению, заметное влияние на изучение и оценку прошлого. Хронологические рамки выставки обусловлены как тем, что "История не любит живых" (Карамзин), так и содержанием фондов ОПИ ГИМ, состоящих в основном из материалов дореволюционного периода.

Создатели выставки представили на ней автографы ученых, внесших наиболее заметный вклад в создание источниковой базы науки и разработку основных проблем истории России. Из десятков хранящихся в ОПИ личных архивов отечественных историков, сотен документальных комплексов и тысяч разрозненных документов и писем были отобраны те материалы, в которых отражены не только жизнь и труды историков России, но и деятельность исторических обществ и учреждений.

Автографы и документы, составлявшие основу экспозиции, иллюстрировались печатными изданиями из Отдела книжного фонда ГИМ и портретами, хранящимися в Отделе изобразительных материалов. Большинство писем и документов историков еще не опубликованы и экспонировались впервые.

Разумеется, особое внимание уделено корифеям нашей науки: основоположнику систематического изучения отечественной истории В.Н. Татищеву, а также Н.М. Карамзину, С.М. Соловьеву и В.О. Ключевскому, фундаментальные труды которых не только подводили итоги предшествовавших периодов российской историографии, но и служили добротной базой для ее дальнейшего развития.

Заметное место на выставке было отведено собирателям и публикаторам исторических источников, меценатам и организаторам науки, пропагандистам знаний о прошлом нашей родины. Представлены материалы ряда крупных исторических обществ и учреждений: Общества истории и древностей Российских (ОИДР), Русского исторического общества (РИО), Российского исторического музея (РИМ), Московского археологического общества (МАО) и других, с которыми неразрывно были связаны жизнь и труды историков России.

Наряду с профессиональными историками, на выставке нашла свое отражение деятельность "энциклопедистов" своего времени – М.В. Ломоносова и А.С. Пушкина, а также выдающихся писателей – Н.В. Гоголя и П.А. Вяземского. Надо заметить, что если об исторических работах Ломоносова и Пушкина написано достаточно много, то о Гоголе, как об историке и о Вяземском как о создателе и активном деятеле крупнейшего Русского исторического общества, до сих пор почти ничего не известно.

В шутке о том, что историю делают историки (подобно тому, как политики делают политику, а синоптики – погоду) есть доля истины. История исторической науки позволяет убедиться, что историки "делали историю" в зависимости от множества факторов: наличия источников, уровня научных знаний, политической ситуации, общественной позиции, личных пристрастий и т.д. В наше время ни одно серьезное исследование не обходится без историографического раздела, в котором рассматривается история изучения той или иной темы, проблемы или явления.

inslav

Мы отказались от однобоких определений-ярлыков: "западник", "славянофил", "либерал", "консерватор" и т.п., поскольку они не всегда верно отражают изменяющиеся во времени идейно-политические взгляды людей. Крылатое выражение: "Кто в молодости не радикал, у того нет сердца, а кто в старости не консерватор, у того нет ума", – как правило, подтверждается жизнью.

Главными экспонатами выставки были автографы историков и прежде всего – их письма друг к другу. В них отражены не только профессиональные интересы, но и общественные позиции и дружеские отношения. Историков России объединяло чувство глубокого уважения и любви к своей великой Родине. Высокий патриотизм приводил их иногда к идеализации явлений прошлого (письмо Б.Н. Чичерина И.Е. Забелину), а порой – когда это чувство при них оскорблялось – и к неожиданным поступкам (письмо С.П. Шевырева Н.А. Рамазанову о драке с графом В.А. Бобринским).

Ограниченная экспозиционная площадь и отведенное на подготовку выставки время не позволили ее авторам показать и сотой доли хранящихся в фондах ОПИ ГИМ документов по теме. Данная статья имеет целью ознакомить читателя с некоторыми из этих материалов.

Выставку открывал экспозиционный комплекс, посвященный родоначальнику русской исторической науки В.Н. Татищеву, который впервые опубликовал важнейшие исторические источники, ввел в научный оборот тексты "Русской Правды" и "Судебника" 1550 г. с подробными комментариями. В.Н. Татищев был автором первого обобщающего труда по отечественной истории – "Истории Российской с самых древнейших времен". Экспонировалось первое ее издание, подготовленное Г.Ф. Миллером (М., 1768. Кн. I, ч. 1). Под портретом Татищева (гравюра А. Осипова, первая треть XIX в.) был помещен автограф историка – подпись на его письме из Стокгольма генерал-майору В.И. Геннину 28 мая 1725 г.

Разумеется, раздел выставки "XVIII век" не мыслился без основоположника отечественной науки и просвещения, ученого-энциклопедиста, поэта и историка Михаила Васильевича Ломоносова. Кроме портрета – известной гравюры И.Ф. Шрейера – и издания "Древней Российской истории от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года" (СПб., 1766) был показан раритет – единственный имеющийся в Государственном Историческом музее автограф великого ученого. Это собственноручная надпись Ломоносова на корректурном экземпляре "Оды... императрице Екатерине Алексеевне... в новый 1764 год" (СПб., 1764): *"Выправить, что назначено, протчие екземпляры допечатать"*.

Автограф историографа Герарда Фридриха Миллера представлен его письмом на французском языке от 1 мая 1757 г. президенту Петербургской Академии наук графу К.Г. Разумовскому с извещением о новом методе шифровки, присланном математиком Л. Эйлером. Здесь же было выставлено единственное сохранившееся изображение историка – силуэт, выполненный неизвестным художником XVIII в.

Следует отметить также датированную 2 октября 1802 г. рукописную справку Московского архива Коллегии иностранных дел о составлении сотрудниками Архива Г.Ф. Миллером и Н.Н. Бантыш-Каменским выписок из дипломатических дел об отношениях России с иностранными державами.

В первом разделе выставки были показаны редкие гравированные портреты Николая Николаевича Бантыш-Каменского (И. Фридрица по оригиналу Н. Аргунова), Августа Людвига Шлёцера (А. Фролова с оригинала Рипен-

inslav

гаузена), Ивана Никитича Болтина (И. Розанова) и Михаила Михайловича Щербатова (В. Матэ).

Под этими портретами в витринах были размещены издания (главным образом, первые) трудов историков: Шлёцер А.Л. "Нестор, русские летописи на древне-славянском языке" в переводе Д. Языкова (СПб., 1816. Ч. II); Болтин И.Н. "Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка" (СПб., 1788. Т. I); Щербатов М.М. "История Российская от древнейших времен" (СПб., 1770).

Наибольшей аттрактивностью среди автографов русских историков XVIII столетия отличается письмо М.М. Щербатова, отправленное генералу П.П. Яковлеву из Москвы 25 мая 1766 г. (о высланных Яковлеву 2 тыс. руб.).

В XVIII столетии большой вклад в развитие мировой науки внесли немецкие ученые. Выходцы из Германии играли видную роль и в процессе зарождения и становления исторической науки в России. Поэтому не случайно второй раздел выставки, посвященный историкам и исторической науке первой половины XIX в., открывал в специальной витрине экспонат – историческая карта, имеющая собственное название: "Река времён, или Эмблематическое изображение Всемирной истории от древнейших времен по конец осьмого на десять столетия" (раскрашенная гравюра И. Мейера, 1805 г.; бумага, наклеенная на ткань). Это первое в России издание, переведенное с немецкого языка Александром Варенцовым, значительно дополнившим раздел русской истории. В наше время "Река времён" – большая редкость; в Историческом музее она экспонировалась впервые.

"Река времён" – высшее достижение исторической мысли конца XVIII в., основанное на последних данных науки того времени. Графическое изображение исторического процесса в виде текущих (вдоль шкалы времени) рек, каждая из которых означает народ или государство, позволило увидеть на одном листе бумаги историю человечества в целом и каждого народа в отдельности. Эта идея принадлежит немецкому историку Фридриху Страссу, изготовившему историческую карту на рубеже XVIII и XIX столетий. Простота и наглядность сразу же обеспечили ей огромный успех во всем мире, сначала в качестве пособия для обучения наследников престола и детей высшей знати, а затем – в учебных заведениях.

Одним из элементов украшения "Реки времён" является живописное изображение музы Истории – Клио, сидящей над неиссякающим источником Времени в виде большого лежащего на боку кувшина, из которого выливается широкий поток воды-времени и на котором стоят песочные часы. Рядом с часами лежит раскрытая книга. Клио придерживает ее одной рукой; в другой руке у нее перо, занесенное над чистой страницей. Муза задумчиво смотрит в направлении потока времени, собираясь делать запись в Книгу истории. Далеко не каждый историк знает, как выглядела муза Истории, во всяком случае, в представлении людей начала XIX в.

Этот экспонат вызвал большой интерес посетителей выставки. В Книге записей высказывалось пожелание учителей и школьников переиздать "Реку времен" если не в качестве учебного пособия, то как напоминание о том, что такие пособия существовали и о том, что в наше время имеется потребность в разработке и издании исторических карт подобного рода.

Еще одно редкое печатное издание в виде миниатюрного бумажного свитка на деревянных навертнях называлось "Свиток времен, или Хронологическое обозрение важнейших особ и достопамятнейших приключений из Всеобщей истории. С древних времен до начала 1815 года. Печ. в имп. Акад.

inslav

наук. СПб. 1815". Оно также служило в качестве учебного пособия или для справок по всемирной истории; хронологически оно было доведено до ссылки Наполеона на о. Эльба.

Самый крупный личный экспозиционный комплекс данного раздела посвящен автору первого в отечественной историографии фундаментального труда "История Государства Российского", составившего эпоху не только в познании истории нашей страны, но и в литературе, и в общественной мысли России первой половины XIX в. В ОПИ ГИМ хранится свыше 60 автографов Николая Михайловича Карамзина[2]. На выставку была отобрана его собственноручная записка, оставленная приятелю, начальнику Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновскому, перед своим отъездом в Петербург. Вот ее текст: *"Завещание Карамзина.*

1) Оставляю шесть ящиков, из коих три под № 1, 2 и 3, должны быть отправлены на почту в пятницу 19 мая; а другие три, под № 4, 5 и 6 остаются в архиве до моего востребования. Адресовать ящики на имя историографа К. в город Софию или Царское Село. 2) Остается еще в архиве большой сундук с моими книгами до моего возвращения или распоряжения. М. Карамзин. Мая 12, 1816."[3]

Разумеется, в экспозиции нашел свое место том из первого издания знаменитой "Истории" Карамзина (СПб., 1816).

Парадное изображение Н.М. Карамзина представлено гравюрой Н.И. Уткина по оригиналу А.Г. Варнека, изданной в 1818 г. Такое же изображение имеется и на открытке, выставленной для того, чтобы продемонстрировать слова Карамзина (факсимиле): *"Я писал с любовью к Отечеству, к благу людей в гражданском обществе и к святым уставам нравственности"*.

Н.М. Карамзин – единственный в нашей стране историк, которому был поставлен на родине памятник: Россия (возможно, Слава или Клио?), читающая его "Историю". Изображение памятника Н.М. Карамзину, сооружавшегося в то время в Симбирске по проекту С. Гольберга, демонстрировалось чрезвычайно редкой гравюрой К. Афанасьева (1844 г.).

Для становления и развития исторической науки в первой половине XIX в. не менее важным, чем осмысление уже имевшихся источников, был процесс выявления, накопления и издания новых материалов, ставших базой для исследований следующих поколений историков. В связи с этим нельзя было не отразить на выставке деятельность современников и последователей Н.М. Карамзина: Н.П. Румянцева, А.Ф. Малиновского, К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева, С.С. Уварова, Н.Г. Устрялова, И.Ф. Ферапонтова.

В 1-й четверти XIX в. эта деятельность проходила под патронажем и при активном участии графа Николая Петровича Румянцева, канцлера, мецената, главы "Румянцевского кружка" историков начала XIX в., коллекционера, создателя Румянцевского музея, инициатора сбора и публикации исторических источников, организатора Комиссии печатания государственных грамот, явившейся предшественницей Археографической комиссии. Несомненный интерес представляет автограф Н.П. Румянцева – письмо начальнику Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновскому. В нем говорится о подготовке к изданию 2-го тома Собрания государственных грамот и

---

[2] Хранящиеся в ОПИ ГИМ письма Н.М. Карамзина, выявленные к 1992 г., опубликованы в альманахе "Российский архив" (М., 1992. Вып. II–III. С. 7–49).

[3] ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 884. Л. 24.

inslav

договоров и упоминается о списке летописи Нестора из библиотеки П.К. Хлебникова, которым пользовался Н.М. Карамзин:

"Милостивый Государь мой Алексей Федорович.

Я всегда письма ваши получал с особенным удовольствием, но паче всех порадовало меня то, которым меня удостоить изволили, извещая меня, что собираетесь ехать в Петербург. Я сам на сих днях туда отправляюсь и сказать, Милостивый Государь мой, довольно вам и я могу, сколь утешаюсь я надеждою с вами там увидеться, решить жребий второго тома Государственных грамот и побеседовать о Русской истории. И статься может, свидание наше не нам только будет впрок.

Благодарю за присылку рукописаний Дмитрия Ростовского, за обещанье списка некоторых летописей. Меня уверял Полторацкий, что господин Карамзин ни какой древней летописи так не уважал, как ту, которую он от него получил, а эта досталась от господина Хлебникова. Что за летопись? И ежели в самом деле она заслужила полное внимание господина Карамзина, нельзя ли и с нее получить список?

Примите, Милостивый Государь мой, свидетельство того истинного почтения, с каковым честь имею быть Вашего Превосходительства покорный слуга граф Николай Румянцов.

Гомель 27 ноября 1815.

P.S. С нетерпением ожидать буду списка пространной надписи с древнего рукописного Евангелия. Вы меня присылкою таковою премного одолжить изволите"[4].

Демонстрировался и парадный портрет канцлера Румянцева (литографированное издание А. Мюнстера с картины И.Х. Реддера).

Член Румянцевского кружка Константин Федорович Калайдович, источниковед, археограф, научный руководитель публикации "Собрания Государственных грамот и договоров", подготовивший издание "Памятников российской словесности XII в.", русских былин (Сборник Кирши Данилова), Судебников и других источников – также пользовался поддержкой просвещенного вельможи. Об этом свидетельствует представленная на выставке рукопись (автограф Калайдовича с его исправлениями) условий договора между Калайдовичем и Румянцевым по описанию рукописей Московской Синодальной библиотеки:

"1825-го года генваря 20 дня. Я нижеподписавшийся коллежский секретарь Константин Федоров сын Калайдович даю сие условие Его Сиятельству Государственному Канцлеру и разных орденов графу Николаю Петровичу Румянцеву в том: 1-е. Что обязался я описать рукописи в книгах и тетрадях на славянском и русском языках в Московской Синодальной библиотеке хранящиеся не только все без изъятия, но присоединить к той описи как духовные грамоты, так и все любопытные отрывки, какие только окажутся там между не разобранными и откинутыми за неполнотою старинными бумагами. И составив из всего того ученый, обстоятельный и надлежаще, по направлению Его Сиятельства обработанный каталог, для издания оного в свет; при окончании всего – поднесть оный Его Сиятельству в двух экземплярах чисто и явственно списанных. 2-е. Разделив полное количество рукописей, которых числится по Синодальной описи 954 и сколько сверх того окажется упомянутых выше сего грамот и отрывков, на равные три части окончить сей труд мой в три года, отнюдь не далее. 3-е. В вознаграждение того получить мне от Его Сиятельства за всю работу шесть тысяч рублей ассигнациями [...] 6-е. Издание каталога в печать не входит в сие мое обязательство, а будет зависеть от дальнейших распоряжений Его Сиятельства, в точном исполнении всего того и подписуюсь"[5].

Вознаграждение в 6 тыс. руб. было весьма значительным: годовое жалование коллежского секретаря составляло в то время менее 300 руб.

---

[4] Там же. Ф. 33. Ед. хр. 16. Л. 14.

[5] Там же. Ед. хр. 70. Л. 13–14.

inslav

Рядом с акварельным портретом Калайдовича (1820-е годы) помещен красивый экспонат, отражающий деятельность выдающегося русского коллекционера И.Ф. Ферапонтова – владельца первого экземпляра "Апостола" Ивана Федорова, Острожской библии, Степенной книги, Пролога 1229 г. (приобретенного потом проф. Ф.Г. Баузе), Лечебника XVI в. и сотен старинных книг и рукописей. Это подносная рукописная книга в кожаном переплете, выполненная киноварью и акварелью – *"Известие о древностях Славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных"*. В 1811 г. вышло печатное ее издание, подготовленное К.Ф. Калайдовичем.

В данном разделе экспозиции нельзя было обойтись без автографа Павла Михайловича Строева, организатора первых в России археографических экспедиций (1817–1818 и 1829–1834 гг.), в ходе которых были обнаружены и спасены тысячи исторических источников. Для изучения и публикации этих источников в 1834 г. создана Археографическая комиссия. Строев был также автором одного из первых учебников – "Краткой российской истории в пользу юношества" (М., 1814; 1819). В 1836 г. издан составленный им «Ключ к "Истории Государства Российского"» Н.М. Карамзина. Под портретом П.М. Строева (литографированным в заведении В. Грацианского) помещено его письмо А.Ф. Малиновскому, написанное во время первой археографической экспедиции:

"Ваше Превосходительство Милостивый Государь!

По приезде моем в здешний монастырь я немедленно приступил к разбору и описанию библиотеки, которая по большей части состоит из больших и древних сборников. Книги рассортировал я по долям, в какую они писаны, и взяв в образец Маттеев каталог Синодальных греческих рукописей, принялся за составление подробного оным списка – по сие время, не более как в три дни, описано мною 20 рукописей. На первый случай посылаю Вашему Превосходительству описание пергаменного евангелия под № 1, с наклеением печатного ярлыка, мною поставленного; оно принадлежит к числу самых древнейших евангелий, какие только нам доселе известны. Кроме сего найдена мною Похвала Кагану Владимиру, коей единственный экземпляр находился в той самой рукописи, откуда взята была Песнь Игорева, поучение, доселе не известное, Туровского Епископа Кирилла, жившего в начале XII века и еще несколько отрывков любопытства достойных; но как я сам не имею здесь писца и принужденным нахожусь все списывать своею рукою – что весьма затрудняет меня в работе – то теперь никак не могу сообщить Вашему Превосходительству ни с чего с оного копий, а привезти надеюсь сам лично.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою Павел Строев.

16 Июня 1817 года. Иосифов монастырь"[6].

В этом письме содержится и описание древнейшего рукописного Евангелия XI–XII вв. из Иосифо-Волоколамского монастыря.

Покровителем исторической науки был и Сергей Семенович Уваров (с 1846 г. – граф), историк, президент Академии наук, министр народного просвещения, коллекционер, меценат. О его активном содействии сбору и публикации исторических источников свидетельствовали на выставке собственноручные "Соображения" Уварова о печатании русских исторических источников. Эта рукопись была открыта на страницах, содержащих замечательные слова:

"Мысль издать все материалы Российской истории есть мысль высокая, патриотическая, европейская: История без этого издания – храмина на песке.

---

[6] Там же. Ед. хр. 16. Л. 18.

inslav

Клио благодарнее всех муз: она предаст позднейшей памяти имя того просвещенного вельможи, который даст Русским ученым средства воздвигнуть такой славный национальный памятник.

Начертать план для оного можно будет только тогда, как кончится археографическое путешествие Строева; только тогда как получится подробное сведение обо всех сохранившихся рукописях, об их содержании, качестве и количестве, только тогда можно будет разделить их на роды, означить пределы и приступить к ученому систематическому изданию.

Теперь же, чтоб не пропадало время и не охладевало усердие в любителях истории, равно как и для облегчения будущих трудов, нужно: издать 1. Указатель, составленный Строевым для Истории Карамзина. 2. Свод Русских летописей на русском языке, составленный Арцибашевым. 3. Известия о дипломатических сношениях России с иностранными государствами, собранные покойным Бантыш-Каменским.

Между тем другие ученые могут заняться приуготовительными трудами: так Устрялов может приготовить к изданию Нестерову летопись, ограничивая ее 1110 годом, по правилам и примеру Тимковского..."[7]

Интересна еще одна программная Записка С.С. Уварова – "Об издании источников Русской Истории до конца XVII столетия". Эта рукопись (10 листов писарского текста) демонстрировалась последней страницей, где находится автограф крупного историка, археографа и публикатора Николая Герасимовича Устрялова. Вот окончание его приписки:

"40 тыс. руб. Эта сумма может быть употреблена отчасти заимообразно; ибо нет сомнения, что в три или в четыре года, по отпечатывании Издания, она легко может быть выручена продажею половины оного (600 экз.), если назначить цену экземплярам умеренную, рублей по 50. В два или три года работа может быть кончена. Если буду удостоен лестной доверенности, я беру на себя к концу будущего года приготовить Свод летописей и перевод большей части иностранных писателей, кои все почти находятся в моей библиотеке.

Николай Устрялов. 22 мая 1832"[8].

Имя Сергея Семеновича Уварова дорого Историческому музею и как имя отца-основателя музея. Поэтому на выставке было выделено место и его портрету (гравюра Н.И. Уткина по оригиналу В.А. Голике 1836 г.), и красивому пергаменному Диплому на звание Почетного члена Общества истории и древностей Российских, датированному 30 декабря 1823 г.

Следует отметить интересную особенность отечественной историографии первой половины XIX века: вслед за Карамзиным многие известные писатели в своем творчестве видное место уделяли историческим изысканиям. Это счастливое обстоятельство вызвало в русском обществе необыкновенный интерес к истории своей страны. На выставке были показаны некоторые материалы, отражающие деятельность А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, П.А. Вяземского, Н.А. Полевого (этот ряд можно было бы продолжить) в качестве историков.

Один из томов первого издания "История русского народа" Николая Алексеевича Полевого был положен рядом с "Историей Государства Российского" Н.М. Карамзина, чтобы отметить иной взгляд на ход русской истории. Неподалеку висел литографированный портрет Полевого. Известный писатель, издатель "Московского телеграфа", автор критического разбора "Истории" Карамзина испрашивал у императора позволения написать историю Петра I, однако, в начале 1836 г. получил вежливый отказ, мотивированный

---

[7] Там же. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 43–44.

[8] Там же. Л.42 об. См.: Проект издания источников русской истории до конца XVII столетия Н.Г. Устрялова 1832 г. / Подг. А.Н. Бачинин // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 431–448.

inslav

тем, что *"начертание Истории Петра поручено уже известному литератору нашему А.С. Пушкину, которому вместе с тем предоставлены и все необходимые средства к совершению сего многотрудного подвига"*[9].

Среди многочисленных материалов ОПИ ГИМ о жизни и творчестве Александра Сергеевича Пушкина имеются впервые экспонировавшиеся на выставке документы о вступлении поэта на службу в качестве историографа. Это подлинный запрос министра иностранных дел К.В. Нессельроде Николаю I о чине, с каким определить А.С. Пушкина в Коллегию иностранных дел, а также заверенная копия приказа министра от 2 декабря 1831 г. о зачислении Пушкина с чином коллежского секретаря. Первые два слова в названии документа утрачены:

"[О Коллежском Секр]етаре Пушкине.

Генерал-Адьютант Бенкендорф объявил мне Высочайшее повеление Вашего Императорского Величества об определении в Государственную Коллегию Иностранных дел известного нашего Поэта, Коллежского Секретаря Пушкина, с дозволением отыскивать в Архивах материалы для сочинения Истории Императора Петра Первого. Я осмеливаюсь испрашивать Высочайшего разрешения, каким чином определить Пушкина в Коллегию.

Докладывано в Москве Ноября 14 дня 1831 года"[10].

По свидетельству друга и биографа А.С. Пушкина П.А. Плетнева, "труд, за которым его застала смерть, был выше всего, что мы от него получили. Он готовил нам историю Петра Великого".

Впервые был показан и оригинальный портрет А.С. Пушкина, литографированный в 1899 г. из текста его биографии и сочинений.

Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь имел также непосредственное отношение к изучению истории: в 1831–1835 гг. он преподавал историю в Петербургском женском патриотическом институте, в 1834–1835 гг. занимал должность адъюнкт-профессора кафедры истории Петербургского университета, активно собирал материалы для задуманной им "Истории Малороссии" в шести томах.

Автограф Н.В. Гоголя был представлен письмом С.С. Уварову (апрель–май 1845 г.), содержащим критическую оценку своего литературного творчества и благодарность за пособие для лечения за границей. Кроме того, была показана редкая фототипия: "Гоголь в 1835 году", на которой писатель изображен в мундире Министерства народного просвещения.

Михаил Петрович Погодин известен не столько как прозаик, драматург, публицист, издатель журнала "Москвитянин" и газеты "Русский", сколько как историк – организатор и профессор кафедры русской истории в Московском университете, академик, коллекционер, создатель частного "Древлехранилища". Из многочисленных автографов Погодина (в ОПИ хранится его личный фонд) на выставку была отобрана сшитая в тетрадь рукопись, на обложке которой имеется дарственная надпись рукой Погодина: "Забелину от автора". Название рукописи написано рукой ее составителя и первого владельца: "*Русская История, лекции, читанные Адъюнктом Московского Университета Михаилом Погодиным. 1833. Принадлежит Виссариону Белинскому*". Иллюстрирован этот экспозиционный комплекс редким литогра-

---

[9] Русский архив. 1905. Кн. III. С. 208.

[10] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Ед. хр. 553. Л. 1. Это испорченный беловой экземпляр: слово "*разрешения*" написано сверху зачеркнутого "*повеления*". По этой причине, видимо, было оторвано начало имеющегося в ОПИ документа. Другой беловой экземпляр, идентичный по содержанию, хранится в АВПРИ МИД.

inslav

фированным портретом М.П. Погодина с дарственной надписью его дочери А.М. Зедергольм.

В дружеском письме Константина Дмитриевича Кавелина Дмитрию Александровичу Валуеву, видному идеологу славянофильства, отражается характер их взаимоотношений. В послании воспитанника Белинского, члена кружка Грановского нет и намека на идейные разногласия; речь идет о хлопотах, связанных с началом преподавательской карьеры будущего профессора столичных университетов, автора работ по истории русского права и юридического быта Древней Руси:

"Милый Валуев! Сегодня я был у графа и спешу сообщить тебе результаты нашего разговора. Как я ни изверился в его словах, но положительные обещания не могли не соблазнить меня. Он насказал мне тысячи любезностей, и утвердительно говорил, что представит обо мне министру для утверждения адъюнктом при Морошкине. Ответ должен получить непременно через 6 недель, не долее, а может быть и через месяц, и не чрез вторые руки, а прямо от него самого, с правом, в противном случае, искать место в другом университете. Итак теперь письмо к Комовскому будет для меня весьма кстати. Сделай дружбу, попроси об этом Ал. Мих., мне очень нужна его рекомендация по этому делу. Если он будет так добр и даст мне письмо, то попроси, чтоб в нем именно было сказано, что в Мин. Просвещения поступит бумага из Моск. университета обо мне [...] я снова сделаюсь постоянным московским жителем, ты знаешь, что это для меня значит. Прощай. Будь здоров. Спасибо за посылку. Акты получил в целости. Статьи возвращаю; и расписать не успел, потому что целый день был в хлопотах и суете. Завтра тоже утро хлопот, а после обеда в бричке с надеждами и ожиданиями лучшей будущности. Твой К. Кавелин.

1843 года. Марта 25-го дня. Москва"[11].

Содержание автографа Степана Петровича Шевырева (его письмо художнику Н.А. Рамазанову) отражает степень накала идейных страстей, бушевавших перед Великими реформами. Здесь описан инцидент, после которого академик, один из авторов национальной идеи Николаевской эпохи ("Православие. Самодержавие. Народность"), первый профессор истории российской словесности в Московском университете, секретарь ОИДР и т.д. – был вынужден покинуть университет, историю которого он написал впервые, и вскоре уехать из России. Экспонировалась первая страница этого письма:

"14-го Января 1857 года, мы сидели в заседании Совета Московского Художественного Общества, в доме А.Д. Черткова, под его Вицепрезидентством, за одним столом, я по правую сторону Вицепрезидента, Граф Бобринский.– на другом конце стола на углу, Н.Г. Рюмин – между им и А.Д. Чертковым, письмоводитель – напротив Вицепрезидента. Заседание, после чаю, уже началось чтением письма от Преподавателя Рамазанова.

Коснувшись злоупотреблений, бывших в управлении железных дорог, Граф Бобринский вскрикнул: "А! грабить – это по Русски!" – "Отчего же по Русски, Граф? Злоупотребления бывают и у других просвещенных народов", – заметил я. – "Уж не защищайте! Все Русское мерзко. Имя Русского стало скверно!" – закричал Граф. – "Прискорбно слышать, как Русский Граф так открыто поносит имя Русского человека", – сказал я"[12].

Современники отмечали страстность натуры С.П. Шевырева, его вспыльчивость, а порой и необузданность нрава (как, впрочем, и нрава его противника – внука Екатерины II и Г.Г. Орлова). На портрете историка, который демонстрировался рядом с этим письмом (литография середины XIX в., выпол-

---

[11] ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 35. Л. 71–72.
[12] Там же. Ф. 457. Ед. хр. 38. Л. 1–3.

inslav

ненная в московском заведении В. Бахмана с фотографии А. Бергнера), эти черты характера выражены довольно ясно. К сожалению, идейные разногласия темпераментных противников, занимавших видное положение в обществе – вылились в банальную драку, в результате которой оба были выдворены из Москвы.

Закономерной особенностью развития отечественной исторической науки во второй половине XIX в. является то, что в этот период, на хорошо подготовленной предшественниками почве, появляются такие гиганты исторической мысли, как С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др. Занятие историей в большей степени становится уделом профессионалов, выучившихся на кафедре русской истории Московского университета, возникшей в 1830-е годы, а также в других учебных учреждениях. С 1860-х годов происходит заметный рост числа исторических обществ, наподобие возникшего в начале века ОИДР. В 1880-е годы по инициативе Н.В. Калачова на местах стали создаваться губернские ученые архивные комиссии, деятельность которых в области краеведения невозможно переоценить и которые в скором времени охватили десятки губерний страны. В этот период на Красной площади Москвы было создано и начало свою работу специальное учреждение – Исторический музей, ставший крупнейшим центром по изучению прошлого России и сохранению ее исторических памятников.

Немалую роль в процессе распространения исторических знаний играли научные общества, в которых объединялись ученые, знатоки и любители как по территориальному, так и по отраслевому принципу (археологи, нумизматы, археографы, генеалоги и др.). На выставке была возможность отразить деятельность лишь немногих из этих обществ.

Самым крупным из них было Русское историческое общество (РИО), вклад которого в дело сохранения местных архивов еще не изучен в полной мере, а издательская деятельность просто поражает воображение. 147 объемистых томов Сборников РИО содержат бесценные материалы для изучения, а 25 томов Русского биографического словаря (РБС) до сих пор является непревзойденным по своей полноте изданием. Общеизвестна бесспорная заслуга А.А. Половцова в организации работы и финансировании общества. Вместе с тем автор данного раздела выставки счел необходимым отметить значение в жизни этого объединения историков его первого председателя – Петра Андреевича Вяземского. Рядом с Уставом РИО 1866 г. в витрине находилось юбилейное издание "Императорское Русское историческое общество. 1866–1916" (Пг., 1916), раскрытое на тех страницах, где говорится о деятельности П.А. Вяземского в качестве учредителя и председателя общества, составителя и редактора первых томов Сборников РИО. В биографических очерках и иной литературе о Вяземском его имя не упоминается в связи с существованием РИО. В разных фондах ОПИ ГИМ хранится свыше ста писем П.А. Вяземского – ближайшего друга Пушкина, родственника и друга Карамзина и многих других людей, определявших собой эпоху. Публикация этих писем, подготовка которых близка к завершению, откроет неизвестные страницы из жизни Вяземского (пребывание в Вологде в 1813 г., вступление в масонскую ложу, роль в издании "Коммерческой газеты" и др.).

Характерный, узнаваемый с первого взгляда автограф Вяземского, представлен на выставке его препроводительным письмом к справке о поэте Н.Ф. Щербине с ходатайством о нем перед П.А. Валуевым. 31 января [1863 г.]: "*В дополнение к нашему вчерашнему разговору препровождаю к Вашему Превосходительству записку о Щербине. Скажите Петру Александровичу,*

inslav

что я нижайше и убедительнейше ходатайствую за настоящего поэта и бывшего секретаря своего. С истинным почтением Вам совершенно преданный К[нязь] Вяземский. 31 января"[13].

Иллюстративным материалом послужил портрет П.А. Вяземского (литография Витцлебена 1853 г.), под которым воспроизведена надпись рукой поэта, использовавшего в ней археографическую терминологию:

"Витцлебен, чудно здесь твой смелый карандаш
Природу превзошел ей в подражаньи близком:
За старый подлинник и пфенинга не дашь,
А все любуются твоим удачным списком.
Дрезден, март. 1853 г."

Распространению исторических знаний и сохранению текстов исчезнувших в более позднее время источников в значительной степени способствовала деятельность издателя журнала "Русский архив" Петра Ивановича Бартенева – историка, библиографа, пушкиниста, археографа, подготовившего 40 томов "Архива князя Воронцова" , документальные сборники "Осмнадцатый век", "Девятнадцатый век" и другие издания. Главным делом жизни П.И. Бартенева было колоссальное по своему масштабу издание "Русского архива". Из имеющихся в ОПИ ГИМ многочисленных автографов знаменитого археографа на выставку отобрано его письмо владельцу Чертковской библиотеки, относящееся к периоду, когда Бартенев предполагал целиком отдаться своему журналу:

"Милостивый Государь Григорий Александрович!

Заведуя Вашею Библиотекою, почитаю долгом, на случай моего выхода, увольнения или кончины, рекомендовать Вам три лица, которые, по моему убеждению, с успехом могут исправлять мою должность – Алексея Егоровича Викторова, Дмитрия Ивановича Иловайского и Константина Николаевича Бестужева. Имена их довольно известны в нашей исторической и археологической литературе.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим слугою Петр Бартенев.

Москва. Августа 25. 1863"[14].

В распространении исторических знаний среди населения дореволюционной России большая заслуга принадлежит упомянутому в вышеприведенном письме Дмитрию Ивановичу Иловайскому, автору "Истории России" в пяти томах, "Истории Рязанского княжества", "Разысканий о начале Руси" и других работ. Наибольшую же известность он получил своими учебниками, выдержавшими десятки изданий и в течение полувека служившими главными пособиями по отечественной истории в общеобразовательных учреждениях империи.

Из личного архива Д.И. Иловайского на выставке демонстрировалась, кроме "Автобиографической записки" (черновой автограф [1874]), черновая рукопись "Вопрос о призвании варягов и о народности Руссов", а также документы: Открытый лист, выданный учителю Рязанской гимназии Д.И. Иловайскому для сбора этнографическо-статистических сведений, выданный 12 июня 1856 г., и паспорт 1858 г. Иллюстрировала комплекс фотогравюра Иловайского 1882 г. с портрета художника Шервуда.

Императорский Российский Исторический музей с момента своего основания в 1872 г. и открытия в 1883 г. становится центром притяжения для оте-

---

[13] Там же. Ф. 213. Ед. хр. 99. Л. 110.
[14] Там же. Ф. 445. Ед. хр. 326. Л. 1.

inslav

чественных историков, особенно московских. Многие из них были его сотрудниками, членами общества Друзей Исторического музея, корреспондентами или участниками многочисленных экспедиций, научных конференций и изданий, которые осуществлялись музеем. Вполне естественно, что на выставке об историках России, проходившей в стенах этого музея нельзя было не показать материалы хотя бы главных его деятелей.

Первым научным руководителем Исторического музея был крупный историк, археолог, москвовед, председатель ОИДР с 1872 по 1888 г., коллекционер, автор ряда монографий, десятков статей и публикаций Иван Егорович Забелин. Его личный архив является одним из самых крупных в ОПИ ГИМ. Автограф ученого на выставке представлен черновой записью о времени основания Москвы (по поводу реферата, прочитанного им на Первом Археологическом съезде в Москве 10 января 1869 г.). Не лишены интереса документы историка: "Патент на чин титулярного советника. 20 янв. 1858 г." и "Формулярный список о службе Товарища Председателя Императорского Российского Исторического музея [...] Тайного Советника Ивана Егоровича Забелина. Март 1908". Эти документы свидетельствуют о том, что в императорской России умели ценить заслуги историка: чин тайного советника по Табели о рангах соответствовал чину генерал-лейтенанта. Из экспозиционного комплекса И.Е. Забелина хочется отметить том роскошно иллюстрированного издания, посвященного его памяти, – "Москва в ея прошлом и настоящем". Еще одним украшением этого комплекса был акварельный портрет, написанный одним из приятелей, учеником И.Е. Репина, с надписью: "*Иван Егорович Забелин. В память Семидесятилетней Годовщины Защитнику Русской Истории. Иван Булатов*". На нем ученый изображен с удивительно молодыми, прямо-таки юношескими глазами. Под портретом размещалась последняя фотография Забелина, датированная 1908 г.

Профессор Московского университета, историк-юрист Борис Николаевич Чичерин, автор монографических исследований "Областные учреждения России в XVII веке", "Опыты по истории русского права", "О народном представительстве" и ряда других работ, хорошо известен и как общественный деятель, и как мемуарист. Его автограф на выставке представлен письмом И.Е. Забелину, содержащим подробный разбор первого тома его книги "История русской жизни" (М., 1876). Приведем начало этого письма:

"С. Караул. 4 марта 1877.

Почтеннейший и любезнейший Иван Егорович, я обещал подробно написать Вам свое мнение о Вашей книге и хочу сдержать свое обещание. Буду говорить Вам с полною откровенностию, потому что люблю и уважаю Вас, а откровенность считаю первым признаком уважения. Если бы я не ценил высоко Ваших трудов, я бы воздержался. Но именно потому, что я на Вас смотрю как на одного из немногих серьезно работающих людей в России, я считаю долгом высказать Вам все свои мысли. Делайте из них что хотите.

Мне кажется, что под влиянием патриотических предубеждений, Вы сошли с народной почвы. Вы говорите, что история – такая наука, в которую каждый, волею или неволею, вносит свои личные предубеждения. А я думаю, что историк настолько историк, насколько он в состоянии отделаться от своих предубеждений. В истории, как науке, важны главным образом две вещи: философское настроение и точность фактических исследований. Для философского настроения, конечно, необходимо отделиться от патриотических взглядов и возвыситься на точку зрения общечеловеческую. Кто в состоянии это сделать, кто может непредубежденным взором окинуть весь пройденный человечеством путь, тот пусть пытается идти по этой дороге, иного лучше и не пробовать. Точность же исследований требует прежде всего чисто объективного отноше-

inslav

ния к предмету. Чем более историк чувствует в себе национального пристрастия, тем строже он должен относиться к собственным взглядам, тем более он должен избегать догадок и стараться обставлять свои выводы ясными и положительными свидетельствами. То ли Вы сделали?

Для меня, признаюсь, даже совершенно непонятно, каким образом можно вносить патриотическую щепетильность в исследование истории IX-го столетия...[15]

Данное письмо, как, впрочем, и его монографии, характеризуют Чичерина в качестве серьезного исследователя, ставившего в основу методологии объективный подход к предмету своего изучения и точность в изложении фактов. Это письмо располагалось между акварельным портретом И.Е. Забелина и портретом Б.Н. Чичерина (фототипия конца XIX – начала XX в.).

Видное место на выставке занимали и материалы инициатора создания музея графа Алексея Сергеевича Уварова – археолога, мецената, коллекционера, владельца Пореченского "музеума", одного из основателей Русского археологического общества, Московского археологического общества, организатора Археологических съездов в России, автора монографий: "Меряне и их быт по курганным раскопкам" (М., 1871), "Археология России. Каменный период" (М., 1881. Т. 1–2) и ряда других работ.

Из обширного фонда Уваровых в ОПИ ГИМ на выставку был отобран экспонат, говорящий о формировании и преемственности интересов сына министра народного просвещения. Это конспект лекций Н.Г. Устрялова по русской истории, написанный студентом А.С. Уваровым в 1843 г. Другим экспонатом был Диплом о присуждении 20 мая 1882 г. А.С. Уварову Императорским Русским археологическим обществом Большой золотой медали за сочинение "Археология России".

Рядом с окантованным под стеклом портретом А.С. Уварова (фото Бергнера) располагался парный ему портрет жены, Прасковьи Сергеевны Уваровой, также оставившей заметный след в развитии отечественной исторической науки. Она известна не только как общественный деятель, меценат, председатель Московского археологического общества, организатор Всероссийских археологических съездов, но и как археолог, автор трудов: "Кавказ. Путевые заметки" (М., 1887–1904. Ч. 1–3), "Могильники Северного Кавказа" (М., 1900) и свыше 170 работ по разным вопросам археологической науки в России.

Рукописное наследие П.С. Уваровой было отражено на выставке письмом известному историку древнерусской литературы, библиографу и коллекционеру П.К. Симони от 6 апреля 1911 г.: *"Милостивый Государь Павел Константинович. Спешу принести Вам глубокую благодарность за любезно присланные мне Ваши великолепные издания. Желаю Вам здоровья и сил для продолжения предпринятых Вами трудов, шлю лучшие пожелания к наступающему Великому празднику и прошу принять уверение совершенного моего к Вам уважения. Графиня Уварова"*[16].

Деятельность П.С. Уваровой по организации археологических съездов, которую она активно продолжала и после смерти мужа, показана двумя красочными меню: обеда VIII Археологического съезда в Москве, 14 января 1890 г. (цветная литография по рис. Д. Чичагова) и обеда, данного в ее честь 20 января того же года.

Посетителей выставки привлекали своим оформлением и содержанием

---

[15] Там же. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 93–94.
[16] Там же. Ф. 37. Ед. хр. 87. Л. 8.

inslav

два Адреса Московскому археологическому обществу, которое было основано и возглавлялось А.С. и П.С. Уваровыми. Один из них, в связи с его 50-летием 27 марта 1915 г. (рукопись на бумажном свитке, с орнаментом) – Адрес от Историко-родословного общества в Москве. На адресе имеются подписи Л.М. Савелова, А. Плещеева, В. Трутовского, В. Иконникова и др. В нем говорится:

"Историко-Родословное Общество в Москве, летописное общебратство Родословия в Москве сущее, привет творит о достижении славного пятидесятного года бытия Общебратству Московскому, крепко востязовавшему нравы и обычаи племен разных и народов, в Русии, от края ея и до края от лет древних живших.

Во всех благих начинаниях и трудах вящего успеха желая, Летописное Общебратство Родословия старейшему собрату Московскому, слово истины о летах древле мимошедших разумом изощренным утверждающему, смирено и глубоко челом бьет"[17].

Другой Адрес Московскому археологическому обществу был поднесен Московским коммерческим училищем по случаю установления в Москве памятника первопечатнику Ивану Федорову. (Рукописный свиток с акварельным рисунком, бумага на шелке, печать красного сургуча. 27 сентября 1909 г.) Он подписан директором училища, профессором, доктором русской истории Д.В. Цветаевым (братом основателя музея изящных искусств) и др. Вот его текст:

"Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

Москва, полная исторических памятников, украсилась ныне, стараниями Императорского Московского Археологического Общества, новым сооружением: сегодня открыт памятник первому русскому печатнику диакону Ивану Федорову.

Подвиги и скорби, перенесенные этим скромным работником на поприще сеяния книги, просвещения, наконец получают достойное признание родины.

Старейшая в Москве Коммерческая школа – Императорское Московское Коммерческое Училище – горячо приветствует это отрадное событие, а также и приносит свою признательность столь потрудившемуся здесь славному Ученому Обществу"[18].

Московское коммерческое училище непосредственно связано с судьбой Сергея Михайловича Соловьева: здесь преподавал Закон Божий его отец и здесь начинал свое образование сам будущий великий историк. Подвижническая деятельность автора 29 томов непревзойденной фундаментальной "Истории России с древнейших времен" и других работ до сих пор вызывает удивление и восхищение не только неискушенных читателей, но и профессиональных историков. При этом С.М. Соловьев был и преподавателем, и организатором науки, занимая должности профессора, декана и ректора Московского университета.

В качестве автографа на выставку было отобрано препроводительное письмо С.М. Соловьева Н.А. Муханову к своей книге "История падения Польши". В письме выражено отношение ученого к событиям в Польше 1863 г.:

"Милостивый Государь Николай Алексеевич! Имею честь препроводить к Вашему Превосходительству книгу, о которой я говорил с Вами в Москве и вызвал с Вашей стороны лестное для меня сочувствие. Я не мог не откликнуться на потребность времени – знать обстоятельно, как было дело, и кто виноват в известном его решении. Читатели увидят, что Поляки были тогда то же, что теперь и теперь то же, что тогда,

---

[17] Там же. Ф. 104. Ед. хр. 36. Л. 2.
[18] Там же. Л. 1.

inslav

и это, думаю, должно не мало способствовать уяснению наших отношений к ним. С чувством глубокого уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорный слуга Сергей Соловьев.

Москва, 15 Декабря 1863 года"[19]

Экспозиционный комплекс С.М. Соловьева включал, разумеется, один из томов его "Истории" (из библиотеки И.Е. Забелина). Преподавательскую деятельность обозначили гектографированная рукопись "История допетровской Руси". Лекция 1. 13 августа 1857 г. и Билет для входа на публичные лекции С.М. Соловьева 1872 г. Показана и записка славяноведу П.А. Бессонову: *"Милостивый Государь Петр Алексеевич. Сделайте одолжение, снабдите М.Я. Киттары тремя билетами или запискою для входа завтрашний день в зал заседания в обществе славистов. Примите уверения в истинном уважении. Ваш покорный слуга. С. Соловьев. 8 Апреля"*[20]. Это распоряжение ректора библиотекарю университета отражает человеческие качества Соловьева и тональность его отношений с коллегами. Иллюстрирован комплекс двумя портретами главы московской школы историков С.М. Соловьева: фотогравюрой с картины И.Е. Репина 1870-х годов и гравюрой на стали.

Место С.М. Соловьева на университетской кафедре и в исторической науке занял его ученик Василий Осипович Ключевский – "великий ученый и гениальный профессор" (А.А. Кизеветтер). Своими трудами и авторитетом он заслужил звание академика, был профессором Московского университета и Духовной академии, председателем ОИДР. Автор монографий "Сказания иностранцев о Московском государстве", "Древнерусские жития святых как исторический источник", "Боярская дума Древней Руси" и ряда других работ, прославился как непревзойденный лектор. И хотя знаменитый "Курс русской истории" В.О. Ключевского был опубликован только после его смерти, гектографированные прижизненные "Курсы лекций" имели чрезвычайную популярность среди студентов. На выставке показан красочно гектографированный экземпляр курса лекций: "Древняя русская история" 1882/83 учебного года, принадлежавший студенту С.П. Григоровскому. На фотогравюре с известной картины Л.О. Пастернака (отца поэта) В.О. Ключевский изображен в момент чтения лекции.

Еще один документ о преподавательской деятельности Ключевского говорит о малоизвестном эпизоде из его 35-летней работы в Московской Духовной академии (этот эпизод не упомянут даже в монографии М.В. Нечкиной, посвященной В.О. Ключевскому). Речь идет о последствиях неприлично торопливого согласия руководства Академии удовлетворить прошение В.О. Ключевского об отставке осенью 1906 г. Эта отставка вызвала протест у коллег и бурю негодования у студентов, о чем свидетельствовала рукописная листовка на двух страницах. Предоставим текст первой страницы:

«Товарищи! Честь нашей академии в опасности. Все газеты облетела весть о нашем решении – выразить протест против увольнения Ключевского забастовкою и теперь все общество знает об этом. Товарищи! Если мы откажемся от принятого решения, общественное мнение заклеймит нас своим презрением. Товарищи! Не поддавайтесь увещаниям инспектора. Он сам дрожит за шкуру. Он боится отставки. Но, товарищи, честь академии выше всего. Не поддавайтесь, товарищи, и академистам. Они кричат, что ради науки не хотят нарушать "тишины и благодати академической жизни". Товарищи! Безсознательно или сознательно, но они лгут. Они также дрожат за свою

[19] Там же. Ф. 117. Ед. хр. 73. Л. 67.
[20] Там же. Ф. 56. Ед. хр. 525. Л.81.

inslav

шкуру. Наука для них только ширмы, которыми они прикрывают свои мелкие страстишки и желания. Не наука для них важна. Их страшит грозная перспектива лишиться "тепленького насиженного академического местечка". Если бы они ценили науку, они бы сознавали такую утрату, как В.О. Ключевский [....]»[21]

В листовке отражается не только настроение периода первой русской революции, захватившее и эту весьма консервативную среду, но и готовность студентов встать на защиту своего любимого профессора.

В качестве автографа В.О. Ключевского послужило письмо на бланке ОИДР И.Е. Забелину по поводу замещения на посту председателя Общества во время своего отсутствия. Оно датировано 17 декабря 1894 г.:

"Милостивый Государь Иван Егорович!

Ввиду предстоящего мне в непродолжительном времени вторичного отъезда в Абас-Туман честь имею обратиться к Вам по силе параграфа 27 Общества Истории и Древностей Российских с покорнейшею просьбой принять на себя труды председательства в Обществе на время моего отсутствия. Уверен будучи, что Вы не откажете почтить меня уведомлением по сему делу, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Председатель Общества Истории и Древностей Российских Василий Ключевский"[22].

Билет для входа на юбилейное заседание ОИДР при Московском университете 18 марта 1904 г. и распорядительный значок (бронзовая пятиконечная звезда на шелковой муаровой ленте) также были призваны обозначить деятельность Ключевского на посту председателя старейшего исторического общества России.

Признание заслуг В.О. Ключевского перед отечественной наукой демонстрировалось на выставке напечатанным на бланке Извещением об избрании его почетным академиком Императорской Академии наук. 3 ноября 1908 г. Из других экспонатов упомянем визитную карточку В.О. Ключевского и его небольшую, но прекрасного качества фотографию.

Во второй половине XIX – начале XX в. процесс собирания и изучения исторических источников продолжался и расширялся. Многие обладатели частных собраний рукописей публиковали некоторые из них. Из московских коллекционеров особым масштабом публикаторской работы отличались Петр Иванович Щукин, осуществлявший на основе своего частного музея одновременно несколько многотомных изданий, а также владельцы Чертковского собрания, при котором первые 10 лет своего существования издавался журнал "Русский архив" П.И. Бартенева. Щукинский музей, Чертковское собрание, как и многие другие подобные им коллекции, составляют ныне часть фондов Государственного Исторического музея.

Поступила в наш музей и богатейшая коллекция древних рукописей, принадлежавшая Елпидифору Васильевичу Барсову, историку древнерусской литературы, фольклористу, многолетнему секретарю ОИДР и редактору "Чтений" этого общества. В 1887–1889 гг. в Москве была издана его монография "Слово о полку Игореве..." в трех томах. На выставке показан автограф чернового заголовка этой работы: *"Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. В связи с древнерусскою письменностию и живым народным песнотворчеством. Исследование Е.В. Барсова. С новыми неизвестными приложениями. Москва. 1882"*. Рядом были положены гранки издания "Слова о полку Игореве" Барсова с пометами автора.

---

[21] Там же. Ф. 504. Ед. хр. 260. Л. 45.

[22] Там же. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 16.

inslav

Здесь же размещалось и фото на паспорт: "Е.В. Барсов во дворе своего дома на Шаболовке 9".

Петербургские историки предреволюционного периода на выставке были представлены не так широко, как московские. Это вовсе не означает, что уровень развития исторической науки в официальной столице был ниже. Петербургские ученые тесно взаимодействовали с московскими и активно переписывались с ними. Примером этому могут служить десятки хранящихся в ОПИ ГИМ писем от Алексея Александровича Шахматова – историка-слависта, лингвиста и текстолога, профессора Петербургского университета, академика, председателя Отделения русского языка и словесности Академии наук, крупнейшего исследователя и издателя русских летописей.

На выставке было показано письмо А.А. Шахматова В.Н. Щепкину 20 апреля 1900 г., свидетельствующее об участии Щепкина в изучении и публикации знаменитых Синайских рукописей:

"Многоуважаемый Вячеслав Николаевич! Вы дали нам очень хорошую мысль. Нельзя ли действительно выписать Синайские рукописи путем дипломатических переговоров? Я думаю, Вы во всяком случае окажете большую услугу славянской науке, если составите обстоятельную записку об этих памятниках и выставите необходимость издания их. Отделение наше обсудило этот вопрос и, может быть, обратится в Министерство Ин. Дел. В случае отказа Отделение будет иметь в виду необходимость снарядить туда экспедицию. Думаю, что подобная записка могла бы быть Вами приготовлена к началу мая. Очень рад, что Вы горячо отнеслись к вопросу об этих памятниках, важных в высшей степени при исследовании старославянского языка"[23].

Экспонировалась также монография А.А. Шахматова "Разыскания о древнейших русских летописных сводах" (СПб., 1908) и документ, относящийся к его личной жизни: гектографированное Приглашение на бракосочетание А.А. Шахматова в марте 1896 г.

Многолетним главой петербургской исторической школы являлся Сергей Федорович Платонов, профессор Петербургского университета, директор Петербургского женского педагогического института, академик (с 1920 г.), автор систематического курса "Лекции по русской истории", "Очерков по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков" и ряда других работ.

В знак особого уважения к этому историку на выставке были показаны два его письма из фондов ОПИ ГИМ. Первое адресовано декану историко-филологического факультета Московского университета профессору М.И. Соколову:

"Милостивый государь Матвей Иванович!

Если Вы еще не собрались выслать мне творение протопопа Терентия, о котором шла у нас речь на съезде, то и не высылайте. Та глава моего исследования, в которой должна идти о нем речь, уже набрана и появится, вероятно, в октябрьской книжке Ж. М. Нар. Пр. Во всяком случае искренно благодарю Вас за сообщение о Вашей рукописи: оно подкрепило мое заключение об этом памятнике [...] С. Платонов.

1887. Сент. 21."[24]

Другое письмо Платонова хранится в фонде коллекционера, историка древней литературы, сотрудника ОРЯС АН Павла Константиновича Симони.

---

[23] Там же. Ф. 276. Ед. хр. 119. Л. 7.
[24] Там же. Ф. 38. Ед. хр. 56. Л.17.

inslav

Письмо ему, датированное 23 декабря 1913 г., написано на бланке директора Императорского женского педагогического института:

"Многоуважаемый Павел Константинович! Позвольте принести Вам искреннюю благодарность за присылку портрета Вс. Ф. Миллера. Наступившие каникулы мешают мне теперь же – до января – передать его слушательницам. Е.И. Елеонской я написал. Где теперь Е.В. Миллер? Сердечно благодарю Вас за добрые пожелания! И Вам желаю всего доброго на многие годы. Искренне преданный Вам С. Платонов."[25]

Необходимо заметить, что в течение XIX в. интерес к отечественной истории постоянно возрастал и охватывал все без исключения слои общества. Среди профессиональных историков находим выходцев из крестьян, из духовного сословия, купечества, дворянства и даже из императорской семьи. Внук Николая I великий князь Николай Михайлович (Романов) известен не только как меценат науки и коллекционер, но и как автор свыше десяти монографических трудов и капитальных публикаций, издатель Московского, Петербургского и других некрополей, а также знаменитых "Русских портретов 18 и 19 столетий". В Московском университете ему была присуждена ученая степень доктора русской истории, он являлся последним председателем Русского исторического общества (с 1910 по 1918 г.). На выставке демонстрировалась фотография великого князя Николая Михайловича и его автограф – письмо П.И. Щукину 28 мая 1906 г. на великолепной личной почтовой бумаге с золотым обрезом и тисненым золотом вензелем. В письме великий князь выражает благодарность за возможность в четвертый раз осмотреть коллекцию Щукина и просит прислать фотографии некоторых вещей.

Закономерный процесс демократизации и либерализации русской общественной мысли не мог, разумеется, обойти стороной историческую науку. В начале XX в. историки все больше втягивались в обострявшуюся идеологическую и политическую борьбу. Многие из них становились активными членами различных общественно-политических движений и даже руководителями партий. Все это не могло не отразиться на исторической науке в целом. Изменялась методология изучения прошлого, смещались акценты в оценке событий, объективность исследователей все в большей степени заменялась полемикой, стремлением доказать правоту того или иного подхода к пониманию исторического развития России. После Манифеста 17 октября 1905 г. сдержанная научная полемика сменилась открытой пропагандой идейных противников. Наука превращалась в арену политической борьбы, а историки становились по ту или иную сторону баррикад.

В качестве представителей леворадикального направления российской предреволюционной историографии на выставке фигурировали двое.

Николай Александрович Рожков, историк, приват-доцент Московского университета, публицист, общественный и партийный деятель. Его основные работы: "Обзор русской истории с социологической точки зрения", "Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России)", "Происхождение самодержавия в России", "Русская история в сравнительно-историческом освещении" (Т. 1–12). Н.А. Рожков прошел достаточно сложный путь социал-демократа, члена РСДРП с 1905 г. и умер (3 февраля 1926 г.) на посту директора Государственного Исторического музея. Экспонатами выставки послужили материалы, отражающие эволюцию преподавателя университета в профессионального революционера: 1) письмо приват-доцента Н.А. Рожкова М.М. Богословскому по поводу своего доклада на заседании

[25] Там же. Ф. 37. Ед. хр. 75. Л. 7.

inslav

Историко-юридической комиссии. 25 октября 1898 г.; 2) письмо заключенного Н.А. Рожкова адвокату В.А. Маклакову 21 августа 1906 г.:

"Многоуважаемый Василий Алексеевич. В Бутырской тюрьме 8 месяцев содержится рабочий, заключенный по обвинению в участии в декабрьском восстании. Все его товарищи выпущены под залог. С него требуют 150 руб., которых у него нет. 50 руб. мы достали здесь в тюрьме, но 100 необходимы со стороны. Все имеющиеся в моем распоряжении ресурсы и источники исчерпаны на другие неотложные нужды. Личные мои материальные обстоятельства в настоящее время крайне запутаны, так что я решаюсь обратиться с просьбой к Вам: не соберете ли где-нибудь эту в сущности ничтожную сумму, а то человек измучился, а ведь ему предстоит мучиться немало. Если соберете (желательно к субботе), то пришлите в камеру Бутырской тюрьмы для политического арестанта Туманова ..."[26]

3) книга Н.А. Рожкова "Судьбы русской революции" (СПб., 1907); 4) приговор Московской Судебной палаты по делу приват-доцента Московского университета Н.А. Рожкова и др. 23 мая 1909 г.; 5) черновая рукопись автобиографии, составленной в период сибирской ссылки (1910 г.).

Путь другого историка-революционера – Михаила Николаевича Покровского – не был столь тернистым – те годы, которые Рожков провел в тюрьмах и в Сибири, он проживал в Финляндии, Австрии, Франции, читал лекции по русской истории для рабочих о. Капри и в Болонье. Ученику В.О. Ключевского, приват-доценту Московского университета, автору "Русской истории с древнейших времен" (М., 1910–1913. Т. 1–5) и свыше 500 работ пропагандистского характера было суждено стать главным могильщиком отечественной дореволюционной историографии.

Осенью 1917 г. М.Н. Покровский возвратился в Россию и стал одним из основных идеологов марксизма-ленинизма, возглавляя историческую науку и архивное дело в течение первого десятилетия советской власти. Он сделал все возможное и невозможное, чтобы искоренить объективизм в науке и превратить ее в послушное орудие власти большевиков. Кредо Покровского "История – это политика, повернутая в прошлое" было воспринято историками-марксистами последующих поколений.

В экспозиционный комплекс М.Н. Покровского входила его книга "Русская история с древнейших времен" (М., 1913. Т. I), визитная карточка, фотография 1928 г. (в "буденновке"), а также письмо М.И. Соколову из Вены 18 августа 1903 г.:

"Многоуважаемый Матвей Иванович.

В субботу 23 августа вечером я возвращаюсь в Россию и еду пока в Тулу к своим родным. Приезд мой в Москву будет зависеть от факультетских дел. Поэтому, пожалуйста, напишите мне в Тулу (адрес: Петровская ул., соб. дом у церкви Спаса), когда Вы думаете назначить первое заседание. Очень интересуюсь я и тем, какой ход приняло дело В.К. Поржезинского. Этими сообщениями Вы меня очень обязали бы.

Искренно преданный Вам Михаил Покровский"[27].

Кроме этого, в витрине находилось машинописное Обращение МК РСДРП к избирателям 2-го разряда г. Москвы с призывом голосовать на выборах в III Государственную думу за М.Н. Покровского и И.И. Скворцова. Октябрь 1907 г. (в Думу Покровский не прошел).

После революции отечественная историческая наука была обескровлена в результате массовых репрессий и эмиграции ученых. Оставшимся пришлось или менять профессию, или приспосабливаться к новым условиям и за-

---

[26] Там же. Ф. 31. Ед. хр. 55. Л. 91–92.

[27] Там же. Ф. 38. Ед. хр. 56. Л. 29.

inslav

ново переписывать историю России. Впрочем, были и исключения из общего правила.

Одним из тех крупных ученых, кто не изменил своих общественно-политических убеждений и до конца жизни остался консерватором и государственником, был ровесник Рожкова и Покровского Михаил Михайлович Богословский, профессор Московского университета, преемник В.О. Ключевского на кафедре русской истории (после ухода в 1911 г. А.А. Кизеветтера), впоследствии – заведующий Историческим отделом Государственного Исторического музея, академик. Основные его труды были изданы до революции: "Областная реформа Петра Великого. Провинция. 1719–1727" (М., 1902), "Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в." (М., 1909), "История России в XVIII и XIX веках (1762–1881). Курс лекций" (М., 1912). Велики заслуги этого талантливого исследователя и в краеведении, и в подготовке квалифицированных исторических кадров. В 1917 г. он говорил студентам своего семинара: "В развитии науки важно не прерывать научных традиций, а такой перерыв грозит, если несколько молодых поколений пройдут не получив научных интересов и не приобретя навыков в научной работе".

В последнем разделе выставки демонстрировалась рукописная дипломная работа выпускника историко-филологического факультета Московского университета М.М. Богословского, получившая в 1890 г. золотую медаль факультета: "Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду источников истории Московского государства XV, XVI и XVII вв." Под названием работы имеется эпиграф: *"В науке приятно быть и простым чернорабочим"* и сделанная рукой научного руководителя оценка: *"Весьма удовлетворительно. Проф. В. Ключевский"*[28]

Извещение Императорской Академии наук о присуждении М.М. Богословскому в октябре 1904 г. Уваровской премии за сочинение "Областная реформа Петра Великого" и визитная карточка профессора Московского университета были призваны отразить дальнейшие успехи ученого.

Талант историка М.М. Богословского проявился в глубоком проникновении в прошлое, в ясном понимании процессов, современником которых он был, а также в потрясающе четком предвидении последствий этих процессов. Выставку завершает лист из его личного дневника. Слова, написанные 8 марта 1917 г., в момент Февральской революции, звучат как пророчество, проникнуты оптимизмом и актуальны в наше непростое время:

"Переворот наш – не политический только, не революция июльская или февральская. Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию. В частности, наша русская история испытает толчок особенно сильно: новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план. Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие. Разумеется, со временем все войдет в свое спокойное русло, но вопрос, как долго ждать этого. Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука – одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря"[29].

---

[28] Там же. Ф. 442. Ед. хр. 18. Л.1.
[29] Там же. Ед. хр. 4. Л. 228.

inslav

В.В. Крылов

Л.Б. КАМЕНЕВ ВО ГЛАВЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЛИТЕРАТУРЫ

(Обзор архивных документов)

Данная тема ранее не освещалась в литературе и впервые была обозначена автором в начале 90-х годов XX в., а первые штрихи к портрету Л.Б. Каменева, в частности как директора Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР очерчены в статье, опубликованной в 2000 г.[1] Новые архивные источники позволяют несколько расширить затронутые ранее сюжеты. При этом главное внимание уделяется работе видного организатора науки на посту директора, прежде всего ИРЛИ. История ИМЛИ, который он также возглавлял, должна быть предметом самостоятельного изучения.

В первой половине 30-х годов XX в. на титульных листах многих изданий русской литературы можно было видеть имя широко известного политического деятеля, первого председателя ЦИК Советской России Льва Борисовича Каменева, выступавшего либо в качестве редактора, либо автора вступительных статей. Эти книги были подготовлены к печати издательством "Academia", которое с 1932 г. он возглавлял[2]. В том же году Л.Б. Каменев впервые начал сотрудничать с ИРЛИ, при котором по решению Секретариата ЦИК СССР была создана специальная комиссия по научно-критическому изданию герценовского "Колокола". В нее вошли академики – непременный секретарь АН СССР В.П. Волгин, директор ИРЛИ А.В. Луначарский, его заместитель А.С. Орлов, С.Ф. Ольденбург, директор Историко-археографического института АН СССР М.Г. Томсинский и Л.Б. Каменев.

Л.Б. Каменев уже был известен своими трудами, посвященными А.И. Герцену. Первая его статья появилась еще в 1914 г. на страницах "Вестника Европы" (№ 4), а первая книга "Об А.И. Герцене и Н.Г. Чернышевском" – в 1916 г. Именно он осуществил в 1932 г. первое полное, критически проверенное по рукописям и первоисточникам издание книги А.И. Герцена "Былое и думы". Поэтому Каменев плодотворно и вдохновенно работал по переизданию герценовского "Колокола"[3].

Летом 1933 г. Л.Б. Каменева как директора издательства "Academia" привлекли к реализации плана мероприятий по подготовке к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина, одобренного, как подчеркивал Ю.Г. Оксман, "в самой высокой инстанции". Он предложил включить в план издательства выпуск книжной серии "К 100-летию со дня гибели Пушкина", наметил план и проспект издания Полного собрания сочинений поэта, а затем и сам принял в этом деле активное участие и вовлек известных пушкинистов, сотрудников ИРЛИ – М.К. Азадовского, С.М. Бонди, Ю.Г. Оксмана, М.А. Цявловского, Т.Г. Зенгер-Цявловскую, Б.В. Томашевского и Д.П. Якубовича[4].

---

[1] См.: *Крылов В.В.* Л.Б. Каменев – директор Пушкинского Дома (Штрихи к портрету) // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 447–450.

[2] *Крылов В.В., Кичатова Е.В.* Издательство "Academia": люди и книги. М., 2004.

[3] См.: Неопубликованное предисловие Л.Б. Каменева к переизданию "Колокола" А.И. Герцена / Подг. В.В. Крылов // АЕ за 1994 год. М., 1994. С. 328–356.

[4] См.: Каменевская Пушкиниана. 1933 г. / Подгот. публ. Л.Ф. Кадик, В.В. Крылов // ИА. 1999. № 3. С. 25–37; *Крылов В.В.* Л.Б. Каменев и издание пушкинского наследия: Вопросы текстологии // Эдиционная практика и проблемы текстологии. М., 2002. С. 135–137.

inslav

После смерти А.В. Луначарского директором ИРЛИ с 4 мая 1934 г. становится, вероятно, по рекомендации М. Горького, Л.Б. Каменев. Прибыв в Ленинград, он внимательно ознакомился с состоянием и условиями работы вверенного ему крупнейшего научного института. И в первом приказе от 14 июня по случаю вступления в должность директора он сделал вывод, что Институт, обладая огромными культурными ценностями, не уделяет должного внимания их хранению и использованию. Л.Б. Каменев констатировал слабую инвентаризацию и каталогизацию музейных, библиотечных и архивных фондов, а также заметил, что Институт не осуществляет систематической публикации архивных документов. Руководитель ИРЛИ поставил задачу в кратчайший срок выявить, инвентаризировать, каталогизировать и описать все фонды и разработать план периодической публикации научных трудов Института, а также создать "специальный орган пушкиноведения".

Вместе с тем Л.Б. Каменев обратил внимание на крайне непрезентабельный внешний вид здания ИРЛИ, грязь и запустение внутри него[5].

Вновь назначенного директора волновали не только научная и хозяйственная жизнь ИРЛИ, но, прежде всего и в первую очередь, судьбы его научных сотрудников, так как в это время в стране продолжались аресты видных деятелей науки и культуры по так называемому делу "Российской национальной партии" ("Дело славистов"), жертвой которого стали, в частности, многие сотрудники отдела древнерусской литературы Института. Еще раньше некоторые сотрудники были арестованы по так называемому "Делу Академии наук".

20 августа 1934 г. выдающийся ученый-литературовед В.Н. Перетц, недавно лишенный звания академика и находившийся в ссылке в Саратове, узнав о том, что новый директор интересовался его судьбой, направил письмо Л.Б. Каменеву. В нем он описывает не только и не столько свое положение, главное – его интересует состояние научной работы по истории древнерусской литературы. Ссыльный академик представил директору Пушкинского Дома "Записку об организации исследовательской работы по истории древнерусской литературы", в которой, в частности, призывал его извлечь из "небытия" и "попытаться вернуть к производительной работе" также находившихся в лагерях и ссылке С.П. Розанова, С.А. Щеглову, В.Ф. Ржигу, Н.И. Серебрянского и др. "От ИРЛИ зависит, – писал В.Н. Перетц, – погасить на многие годы разработку истории древнерусской литературы или отстоять ее право на существование"[6].

С первых же дней пребывания в должности директора, будучи одновременно руководителем издательства "Academia", Л.Б. Каменев вместе со своим заместителем по ИРЛИ профессором Ю.Г. Оксманом, ставшим его ближайшим помощником, активно решает вопросы, связанные с научной жизнью Института. В июле 1934 г. директор Пушкинского Дома и член Всесоюзной комиссии по подготовке к 100-летию гибели А.С. Пушкина вместе с Ю.Г. Оксманом посетил Михайловское, которое к тому времени оказалось во владении "группы темных дельцов", действовавших под вывеской кооператива "Красный партизан". Лев Борисович предложил единый, строго обдуманный план превращения всех заповедных мест в подлинный музейный научный центр – Пушкинский заповедник. Обращая внимание, что здесь "Пушки-

---

[5] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 87. Л. 3–5.

[6] Цит. по: *Крылов В.В.* Мартиролог исследователей древнерусской литературы // Вестн. РАН. 1994. Т. 64. № 2. С. 153.

inslav

на мало", Л.Б. Каменев заявил 22 июля 1934 г. на совещании в Михайловском, что надо восстановить дом Пушкина и дом Осиповой в Тригорском, показать как жил поэт, воспроизвести на камне все его стихотворения, связанные с этими местами, создать галерею лиц, окружавших его, "поставить фигуру Пушкина на лошади, чтобы люди, идя по парку, натыкались на Пушкина, конкретно видели его..."[7]

18 июня 1934 г. в письме А.С. Орлову, Ю.Г. Оксману и члену-корреспонденту АН СССР Н.К. Пиксанову директор ИРЛИ предложил выпустить переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским и начать издание "Академической библиотеки классиков". В состав библиотеки Л.Б. Каменев предложил включить Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова в четырех томах (редактор Б.М. Эйхенбаум), Собрание сочинений Н.А. Некрасова в шести томах (редакторы К.А. Чуковский, С.А. Рейснер, В.Е. Максимов), Полное собрание сочинений Е.А. Боратынского в двух томах (редактор Ю.Н. Верховский), стихотворения Н.П. Огарева в двух томах (редакторы С.А. Переселенков и Я.З. Черняк), Собрание сочинений Н.Г. Помяловского (редактор И.Г. Ямпольский), Полное собрание сочинений А.Н. Островского[8].

Особо отметим активную работу Л.Б. Каменева в рамках Всесоюзного проекта и книжной серии издательства "Academia" "К 100-летию со дня гибели Пушкина". Как отмечалось, было выпущено Полное собрание сочинений А.С. Пушкина (1935–1938 гг. – 9 томов, 1936–1938 гг. – 6 томов малого формата) под общей редакцией Ю.Г. Оксмана и М.А. Цявловского и при активном участии Л.Б. Каменева, разработавшего как общий план, так и концепцию и текстологические принципы издания. Но первым в этой серии опубликован сборник "Пушкин о литературе" (на суперобложке – "Пушкин – критик") (Л., 1934), подготовленный литературоведом Н.В. Богословским. В 1935 г. Пушкинская комиссия ИРЛИ под руководством Л.Б. Каменева выпустила уникальный том неопубликованных рукописей великого русского поэта – "Рукою Пушкина" (930 с.). Непосредственную работу над сборником вели М.А. Цявловский и Л.Б. Модзалевский.

14 ноября 1934 г. Л.Б. Каменев в очередной раз приехал в Ленинград. В тот же день состоялась его встреча с ведущими учеными ИРЛИ – Г.К. Гуковским, В.М. Жирмунским, Б.М. Эйхенбаумом, Ю.Г. Оксманом, присутствовали также известные писатели и литературоведы К.И. Чуковский, В.М. Саянов, Ю.Н. Тынянов. Директор Института огласил предложение М. Горького написать руководство по технологии творчества, в котором, по свидетельству К.И. Чуковского, должно быть "поменьше марксизма, побольше формалистического анализа!" Но поддержки у бывших "формалистов", т.е. у представителей "формального метода" в литературоведении – Б.М. Томашевского, Б.М. Эйхенбаума, – разгромленного в конце 1920-х, не нашел[9].

На другой день Л.Б. Каменев провел совещание дирекции ИРЛИ, которая по его предложению приняла решение об активизации издания архивных документов. Было намечено опубликовать пять сборников: 1) архив историка русской литературы и общественной мысли библиографа Семена Афанасьевича Венгерова (1855–1920); 2) архив символистов; 3) архив славянофилов; 4–5) архив журналистики XIX–XX вв. Предполагалось создание иконографии русских писателей.

---

[7] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 80. Л. 35.
[8] Там же. Д. 173.
[9] См.: *Чуковский К.И.* Дневник. 1930–1969. М., 1994. С. 175.

inslav

Внимательно изучив состояние работы Пушкинского Дома, Л.Б. Каменев свои впечатления изложил в докладе "О плане работ института на 1935 г. и директивы по составлению пятилетнего плана", с которым выступил на открытом партийном собрании ИРЛИ 16 ноября 1934 г. Он констатировал, прежде всего, сдвиги в работе архива: "Мне думается, что уже сейчас мы достигли того, все те нарекания на способы хранения, на необеспеченность хранения, на несознательное отношение к весьма ценным документам, которых мы являемся хранителями, что эти разговоры, которые имели основание несколько месяцев назад, сейчас, мне думается, мы можем отводить ссылкой на действительно достигнутые результаты. Работа там, по-видимому, еще не закончена, но ценно то, что она руководится определенным продуманным планом, проводится твердой рукой и находится на правильном направлении"[10].

В то же время Л.Б. Каменев обратил внимание на отсутствие каких-либо сдвигов в работе библиотеки, возглавляемой литературоведом и библиографом С.Д. Балухатым, на "печальное положение" музея, находившегося на попечении литературоведа Г.А. Гуковского, а также на серьезные недостатки в научной и издательской сферах.

Директор Пушкинского Дома определил три главные задачи, которые предстояло решить коллективу в 1935 г.:

- подготовить академическое издание сочинений Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.Н. Островского и И.С. Тургенева;
- начать научную разработку истории русской литературы;
- приступить к изданию журнала Пушкинского Дома, "претендующего прежде всего на разработку теоретических вопросов литературоведения".

Особое внимание Л.Б. Каменев уделил также изменению организационных форм работы ИРЛИ и усилению его кадрового состава за счет привлечения более широкого круга известных литературоведов.

17 ноября 1934 г. директор ИРЛИ провел совещание, на котором присутствовали М.К. Азадовский, С.Д. Балухатый, В.М. Жирмунский, Ю.Г. Оксман, Н.К. Пиксанов и Г.Ю. Юрьев. Был утвержден план издания журнала Института, распределены обязанности между членами редакции, назначены ответственный редактор – Л.Б. Каменев и ответственный секретарь – Г.Ю. Юрьев. Л.Б. Каменев стал также редактором отдела русской литературы этого журнала. Замечу, что в издательстве "Academia" он возглавлял созданную им книжную серию "Русская литература". В состав редколлегии он наметил включить академиков М. Горького, А.С. Орлова и М.Н. Сперанского, профессоров С.Д. Балухатого, В.А. Десницкого-Строева, Ю.Г. Оксмана, Н.К. Пиксанова, Г.С. Тымянского, В.Ф. Шишмарева.

"Основной целью издания, – отмечается в проспекте журнала, – является освещение научных проблем в области литературоведения в связи с социалистическим строительством... консолидация всех советских литературоведческих сил"[11]. Издавать журнал предполагалось раз в три месяца объемом до 35 п.л., а первый номер (намечено сдать в набор в январе 1935 г.) – объемом свыше 50 л.

Л.Б. Каменев составил проект плана первого номера историко-литературного и критико-библиографического журнала, который он хотел назвать "Проблемы литературоведения", либо "Литературоведение" или же "Совет-

---

[10] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 73. Л. 2 об.
[11] РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

inslav

ское литературоведение". Журнал должен был открываться статьей Л.Б. Каменева, который также предполагал написать статьи "Ленин и проблемы использования литературного наследства" (1 п.л.), "Герцен и Чернышевский как критики" (2 п.л.). В нем должны были, например, появиться заметки Н.К. Пиксанова о литературных архивах СССР, И.Л. Маяковского – о рукописных фондах ИРЛИ, Л.Б. Модзалевского – о материалах В.К. Тредиаковского в Архиве АН СССР.

Редколлегия приняла обращение к отечественным литературоведам с предложением принять участие в издании журнала. 14 декабря 1934 г. ответственный секретарь Г.Ю. Юрьев подготовил письмо, адресованное литературоведческим кафедрам вузов и другим научным учреждениям с просьбой присылать материалы о своей научной работе и выделить от каждого из них по корреспонденту. Предполагалось направить это обращение и в научный Институт мировой литературы им. М. Горького, который с июня 1934 г. возглавлял Л.Б. Каменев, разработавший большую программу его развития. Он, в частности, наметил состав Ученого совета, в который предложил включить М.К. Азадовского, Л.И. Аксельрод, А.К. Дживилегова, Вс. Иванова, И.К. Луппола, С.Я. Маршака, И.И. Мещанинова, М.Б. Митина, А.С. Орлова, А.А. Фадеева, Г.Г. Шпета и др. Кроме того, Л.Б. Каменев разработал "Общие задания пятилетнего плана на 1935–1939 гг.", годовой тематический план работы на 1935 г., план работы с писательским кадрами и ориентировочное задание для составления проекта строительства Института в Москве на набережной Москвы-реки, вблизи Швивой горки[12].

На 21 декабря 1934 г. в кабинете секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе было назначено рабочее заседание Пушкинской комиссии, на котором предполагалось рассмотреть общий перечень мероприятий в связи со 100-летием смерти А.С. Пушкина.

Однако многогранным планам ученого и организатора науки не суждено было сбыться. В ночь с 15 на 16 декабря 1934 г. Л.Б. Каменев был арестован. 22 декабря в "Правде" появилась информация об аресте 15 членов "бывшей антисоветской группы Зиновьева".

Сталин почувствовал возрастающий авторитет среди ученых и литераторов бывшего соратника, который постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 сентября 1934 г. стал членом правления и президиума Союза советских писателей, а в начале 1935 г. намечалось избрание его действительным членом Академии наук. И вождь вспомнил о нем вскоре после убийства Кирова, лично составив списки Московского и Ленинградского "центров оппозиции". К тому же у НКВД СССР был донос на Л.Б. Каменева его помощника Я.Е. Эльсберга, отправившего в лагеря, по мнению современников, многих литераторов.

16 января 1935 г. Л.Б. Каменев был осужден по сфабрикованному так называемому "Делу Московского центра", в июле состоялся новый суд по так называемому "Кремлевскому делу". Но ученый продолжает и в тюрьме работать над биографией Пушкина. Он пишет роман-исследование о русском гении. 24 сентября 1935 г. Л.Б. Каменев сообщает жене, находившейся вместе с малолетним сыном в ссылке в Бийске, что он уже дошел до дуэли и смерти поэта. «Это, собственно, тема для трагедии... В сотый раз перечитывая обстоятельства этой смерти, не могу не отдаваться чувствам. Старик Спиноза учил: "не плакать, не радоваться, а понимать". Но глава моего исследования

---

[12] РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 70.

inslav

о гибели Пушкина, будет, по существу, полемикой с ним. Я хочу показать, что можно понять обреченность Пушкина и все же не признавать его ни в чем виновным»[13]. Но завершить работу он не успел.

19–24 августа 1936 г., по указанию Сталина, состоялся новый, третий процесс по так называемому "Делу троцкистско-зиновьевского террористического центра". Прокурор А.Я. Вышинский использовал, в виду отсутствия веских доказательств преступных действий подсудимого, предисловие Л.Б. Каменева к первому тому Сочинений Н. Макиавелли, которое напечатано по его инициативе издательством "Academia". Особое возмущение инквизитора вызвали слова Л.Б. Каменева, писавшего, что "этот секретарь флорентийских банкиров и их посол при папском дворе – вольно или невольно – создал снаряд огромной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих". Некоторые исследователи полагают, что Сталин считал, что издание книги флорентийца с предисловием Л.Б. Каменева направлено против него, автора, постановщика и режиссера начинавшегося большого террора.

Расстрел 25 августа 1936 г. оборвал жизнь блестящего литератора и книгоиздателя 53-летнего Льва Борисовича Каменева, внесшего весомый вклад в развитие науки, духовное просвещение общества. Вслед за ним был приговорен к расстрелу его брат Николай Борисович Розенфельд, художник-иллюстратор книг, выпускавшихся издательством "Academia", расстреляны первая жена Л.Б. Каменева – Ольга Давидовна (сестра Л.Д. Троцкого), вторая жена – Татьяна Ивановна Глебова-Каменева, литератор и сотрудник издательства "Academia", 33-летний сын Каменевых Александр и 17-летний сын Юрий. Сталин действовал как верный последователь Иоанна Грозного, который в годы опричнины казнил представителей знатных фамилий "всеродно".

В ноябре 1936 г. был арестован и ближайший помощник Л.Б. Каменева по Институту русской литературы Ю.Г. Оксман, осужденный 15 июня 1937 г. на пять лет лагерей и отправленный на Колыму. Пресса писала о нем как о "враге народа", осуществлявшем вместе с Л.Б. Каменевым вредительство в ИРЛИ. На свободу Ю.Г. Оксман вышел лишь в 1946 г. по ходатайству депутатов Верховного Совета СССР – президента АН СССР С.И. Вавилова, академиков Б.Д. Грекова и И.И. Мещанинова, писателей Н.С. Тихонова и Л.М. Леонова.

В наброске плана мемуаров в 1960-е годы Ю.Г. Оксман указывал: «Обязательно надо записать о моих встречах летом 1934 г. с Л.Б. Каменевым в Ленинграде, о поездке с ним в Михайловское. О встречах с ним же осенью 1934 г. в Москве. Встречи с Зиновьевым, которого Л.Б. сватал на роль автора популярной брошюры о Пушкине к юбилею. Репетицией этой брошюры должна была явиться статья Зиновьева в пушкинском томе "Литературного наследства". Встреча с Зиновьевым в конце ноября в кабинете Каменева. Сюда ввести рассказы Каменева о Сталине и Горьком. У Каменева: Щербаков и Луппол...»[14] Но Ю.Г. Оксман не успел осуществить задуманное.

В отечественных архивах хранится еще немало документов, которые позволят в дальнейшем в полной мере осветить работу Л.Б. Каменева как организатора науки, так и другие стороны многогранной деятельности этого видного ученого, литературоведа, деятеля культуры.

---

[13] Известия. 1990. 21 марта.

[14] Цит. по: *Зайцев А.Д.* "Человек жизнерадостный и жизнедеятельный..." (Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 534–535.

inslav

Т.А. Круглова

ЛИЧНЫЙ АРХИВ АКАДЕМИКА И.Д. КОВАЛЬЧЕНКО

(К 80-летию со дня рождения ученого)

26 ноября 2003 г. исполнилось 80 лет со дня рождения признанного лидера советской исторической науки Ивана Дмитриевича Ковальченко – профессора, действительного члена АН СССР (РАН), заведующего кафедрой источниковедения, историографии и методов исторического исследования исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, академика-секретаря Отделения истории АН СССР (РАН), лауреата премии им. Б.Д. Грекова (1986) и Государственной премии СССР (1989).

Со времени кончины И.Д. Ковальченко в декабре 1995 г. коллегами ученого сделаны первые шаги в деле освоения его научного наследия: регулярно проводятся научные чтения памяти академика[1], увидела свет библиография его трудов[2], переиздаются уже известные работы и издаются неопубликованные материалы историка[3], составлено предварительное описание его личного архива[4], который, без сомнения, привлечет внимание биографов Ивана Дмитриевича и исследователей послевоенной советской исторической науки.

Архив И.Д. Ковальченко складывался в течение полувека, начиная с 1940-х до середины 1990-х годов. Материалы довоенного периода жизни семьи Ковальченко, которая в начале 1930-х годов переехала в Москву из хутора Новенький Стародубского района Брянской области, где родился будущий академик, в архиве отсутствуют.

Первые по времени возникновения документы, обнаруженные в архиве, относятся к военному периоду в биографии И.Д. Ковальченко. Этот период начался в сентябре 1941 г., когда он поступил в Рязанское артиллерийское училище. По достижении 18 лет, в ноябре 1941 г., был направлен командиром орудия на Западный фронт, где 9 декабря получил серьезные ранения. После лечения в госпитале продолжил службу в артиллерийской батарее 76-миллиметровых пушек в десантных войсках. Иван Дмитриевич участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии, закончил войну в звании гвардии старшего сержанта и в должности командира орудийного расчета. За героизм и проявленное мужество в ходе Венской наступательной операции советских войск он был награжден орденом Красного Знамени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги", "За взятие Вены" и др. Военный этап

---

[1] Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2–3 декабря 1996 г. / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 1997; Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 ноября – 1 декабря 1998 г. / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 2000. В начале декабря 2003 г. на историческом факультете МГУ совместно с Отделением истории РАН были проведены III Научные чтения памяти академика И.Д. Ковальченко, материалы которых предполагается также опубликовать.

[2] Список опубликованных работ И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений. М., 1997. С. 255–291; Иван Дмитриевич Ковальченко: К 75-летию со дня рождения / Под ред. А.Г. Голикова. М., 1998.

[3] *Ковальченко И.Д.* Заметки о текущем моменте // Вестн. МГУ. 1997. Сер. 8. История. № 3. С. 107–112; *Он же.* Проблемы многомерной периодизации экономического развития России в 1861–1913 гг. // ИЗ: Памяти И.Д. Ковальченко. М., 1999. Т. 2(120). С. 11–25; *Он же.* Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003; И.Д. Ковальченко: Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): Сб. материалов / Сост., подг. текста и примеч. Т.В. Ковальченко, Т.А. Кругловой, А.Е. Шикло. М., 2004.

[4] См.: *Круглова Т.А.* Обзор материалов личного архива академика И.Д. Ковальченко (1923–1995) // Вестн. МГУ. 2003. Сер. 8. История. № 6. С. 39–56.

inslav

жизни будущего академика завершился 14 ноября 1945 г., когда он был освобожден от воинской повинности.

Самый ранний документ архива, частично отражающий участие И.Д. Ковальченко в войне, – красноармейская книжка, полученная 28 июня 1942 г. Однако и военный период представлен небольшим количеством документов, поэтому более подробные сведения о боевом пути И.Д. Ковальченко, как, впрочем, и дальнейшей трудовой деятельности ученого, сообщают автобиографии.

Эти биографические материалы писались И.Д. Ковальченко многократно по разным случаям. Они находятся, например, в подборках архивных документов, связанных с выборами в АН СССР, куда ученый баллотировался в 1972, 1979, 1981, 1984, 1987 гг. Среди сохранившихся автобиографий выделяется черновой рукописный текст 1950 г., который является одной из ранних автобиографий ученого[5]. Она дополнена И.Д. Ковальченко записью о его участии в Великой Отечественной войне, сделанной позднее, чем основной текст, и другими чернилами. Это самая подробная запись о службе И.Д. Ковальченко с начала Великой Отечественной войны до демобилизации. Здесь много разновременных исправлений, продиктованных стремлением автора как можно детальнее и точнее восстановить по памяти свою воинскую службу. Впоследствии он приводил в других документах, как представляется, информацию о своем участии в Великой Отечественной войне, используя уточненные сведения записи. В этом документе за сообщениями о военной службе следуют отдельные разновременные записи о карьере И.Д. Ковальченко в МГУ (записи после 1966 г.), поездках за границу (после 1968 г.), работе по совместительству (после 1969 г.).

Значительные вехи в трудовой деятельности И.Д. Ковальченко отмечены дипломами, полученными им в течение университетской и академической деятельности, – об окончании университета (1952), кандидата (1955) и доктора исторических наук (1966), доцента (1958) и профессора (1967), члена-корреспондента АН СССР (1972) и действительного члена АН СССР (1987).

Материалы научной деятельности И.Д. Ковальченко составляют подавляющую часть архивных документов, и это закономерно. Именно в научной сфере приложение творческих сил Ивана Дмитриевича было максимальным. Кроме того, он считал, что научная работа является ключевой и что она определяет успех любого исследователя на других поприщах – педагогическом, научно-организационном. Научные материалы представлены в архиве статьями и монографиями (в черновом рукописном и/или завершенном машинописном вариантах); подготовительными материалами (фотокопиями архивных источников; архивными выписками; материалами, последовательно отражающими стадии работы ученого с источниками); тематическими библиографиями; отзывами Ивана Дмитриевича на труды коллег, рецензиями на его научные изыскания и т.д.

Вся трудовая жизнь И.Д. Ковальченко прошла в МГУ им. М.В. Ломоносова, и одна из важных страниц в биографии ученого, связанная с университетом, – учеба на историческом факультете (1947–1955). В профессиональной подготовке будущего академика участвовали многие известные историки, преподававшие на факультете в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Иван Дмитриевич занимался в семинарах у Н.Л. Рубинштейна, С.Д. Сказкина и

---

[5] В Архиве МГУ (Ф. 9. Оп. 54. Ед. хр. 2243) обнаружена автобиография И.Д. Ковальченко, написанная им в 1947 г. при поступлении на исторический факультет МГУ.

inslav

В.И. Лебедева, слушал спецкурсы П.А. Зайончковского, С.С. Дмитриева, В.К. Яцунского и др.

Возникшие в период учебы материалы интересны тем, что отражают тот этап в жизни ученого, когда закладывались многие составляющие его будущего профессионального успеха. Они представлены: текстами курсовых работ ("Аграрный строй северо-восточной Германии и проблема так называемого второго издания крепостничества", написанной на II курсе в 1949 г. в семинаре профессора С.Д. Сказкина, "Вопрос о вольнонаемном и крепостном труде в сельскохозяйственном производстве в начале XIX в. по задачам ВЭО" (Вольного экономического общества. – *Т.К.*) – на IV курсе под руководством профессора С.С. Дмитриева); планами и конспектами некоторых спецкурсов, прослушанных студентом на историческом факультете (профессора К.В. Кудряшова "Внешняя политика России XVIII века"; профессора П.А. Зайончковского "Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в."); планами и текстами собственных выступлений (доклад "Учение Сталина о социалистических нациях", сделанный в 1949 г. в секции истории СССР Научного студенческого общества); конспектами исторической литературы; выписками из источников; записями размышлений студента при написании дипломной работы; текстами рефератов кандидатских экзаменов (например, сохранился черновой рукописный вариант реферата по теме "Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева", на реферате стоит подпись автора и даты начала и конца работы над текстом "20.II–5.III 1953 г.").

То немногое, что осталось в архиве от этого периода, свидетельствует о намерении студента овладеть культурой научного мышления и глубоко освоить профессиональные навыки историка-исследователя, обнаруживает его подходы к анализу исторической литературы и источников, показывает зарождение научного интереса к тем или иным проблемам, в частности, к теории и методологии, и т.д.

Серьезная проработка конкретного материала в сочетании с четкой постановкой теоретических проблем единодушно отмечалась в откликах на научные труды молодого исследователя, например, в сохранившихся отзывах 1950-х годов П.Г. Рындзюнского и М.К. Рожковой. Так, П.Г. Рындзюнский писал: "В ряду аналогичных исследований работа И.Д. Ковальченко выгодно отличается, прежде всего, тем, что очень значительный фактический материал, почерпнутый из прежде необработанных архивных источников, сопряжен в ней с очень интересной и глубокой теоретической разработкой темы". Рецензируя статью "Хозяйство и экономическое расслоение барщинных крестьян в Центрально-Черноземных губерниях России в первой половине XIX в."[6], те же особенности исследовательской практики молодого ученого выделила М.К. Рожкова.

Эту черту своей творческой лаборатории, проявившуюся еще в годы учебы и на ранних этапах научной деятельности, И.Д. Ковальченко сохранял и развивал на протяжении всей жизни, поэтому допустимо считать, что путь к написанию монографии "Методы исторического исследования", отмеченной Государственной премией СССР в 1989 г., Иван Дмитриевич начал еще в студенческие годы.

В нашей стране И.Д. Ковальченко был основателем отечественной школы применения количественных методов в исторических исследовани-

---

[6] Статья вышла, по всей видимости, под заглавием "Хозяйство барщинных крестьян в Рязанской и Тамбовской губерниях в первой половине XIX в. (К вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства)" (ИЗ. 1956. Т. 56. С. 129–185).

inslav

ях. История этого научного направления пока еще не написана. Принято считать, что И.Д. Ковальченко обратился к количественным методам при написании кандидатской и докторской диссертаций. В 1966 г. один из официальных оппонентов на защите докторской диссертации профессор В.К. Яцунский с удовлетворением констатировал в своем отзыве: "Автор диссертации принадлежит к числу очень немногих историков, владеющих методами математической статистики. Он широко применяет эти методы в диссертации. Не могу удержаться от выражения похвалы по адресу диссертанта в данном случае". Такая похвала известного историка и экономиста, статистика-практика, а также постоянного оппонента Ивана Дмитриевича по ряду принципиальных источниковедческих и методических вопросов была заслужена.

Подготавливая докторскую диссертацию, И.Д. Ковальченко сотрудничал с учеными кафедры теории вероятностей механико-математического факультета МГУ. Доцент этой кафедры В.Н. Тутубалин отмечал в отзыве на автореферат диссертации: «Соображения, которые И.Д. Ковальченко приводит в пользу применимости употребляемых им статистических приемов, подробно обсуждались на заседании семинара статистической лаборатории при кафедре теории вероятностей. По общему мнению участников семинара, уровень, на котором И.Д. Ковальченко обосновывает применимость использованных в работе методов, вполне соответствует общепринятому в прикладной статистике. В заключение можно отметить, что И.Д. Ковальченко совершенно свободен от часто встречающегося методологического заблуждения, когда применение математических методов к отдельным вопросам воспринимается как создание новой науки, в данном случае "математической истории"». Монография "Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века" (М., 1967), написанная на основе докторской диссертации, привлекла к себе пристальное внимание советских и зарубежных историков, в том числе и своими новыми методами исследования[7].

В то же время, как показывают источники из личного архива И.Д. Ковальченко, его интерес к миру цифр и понимание их возможностей для изучения прошлого обнаружились еще в студенческие годы. Работая над дипломным сочинением, И.Д. Ковальченко обратился к анализу труда А.Н. Радищева "Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или, назови, как хочешь..." Для дипломника цифры стали средством раскрытия замысла автора изучаемого им произведения. В заметках по диплому читаем: "Отсюда ясно, какое большое значение имеют цифры в статье, которые Любомиров (*Любомиров П.Г.* Описание моего владения // Радищев: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. – *Т.К.*) сбросил со счета... Любомиров говорит об этом, но никакого вывода сделать не мог, он сам лишил себя оружия, выбросив цифры".

Творческая деятельность И.Д. Ковальченко протекала в тот период, когда в исторической науке заметно возрос интерес к проблемам источниковедения: в научный оборот вводились разнообразные большие комплексы источников, особенно нового и новейшего времени, велась дискуссия о классификации исторических источников, обсуждалась достоверность отдельных видов письменных исторических источников, разрабатывались новые методы их анализа и т.д.

---

[7] См., например: Нифонтов С.А. // ВИ. 1968. № 1. С. 177; Brower D.R. // Journal of Social History. Berkeley. 1968. Vol. II. № 2. P. 177–182.

inslav

Вклад И.Д. Ковальченко в развитие отечественного источниковедения второй половины XX в. несомненен[8], об этом свидетельствуют и документы архива.

Со студенческих лет Иван Дмитриевич усвоил необходимость тщательной работы с источниками на разных стадиях исследования, начальный этап которого заключается в поиске материалов. Вспоминая в 1994 г. о начале работы над докторской диссертацией, он особо подчеркивал важность этого этапа: "Первый вопрос, который надлежало решить, был вопрос об источниках, на основе которых можно определять конкретную тему". И.Д. Ковальченко провел много времени в архивах, собирая материал для кандидатской и докторской диссертаций. В 1956–1966 гг., преимущественно в летние месяцы, он отправлялся в Ленинград для работы в ЦГИА СССР (ныне РГИА). Им были обследованы фонды московских архивохранилищ – ЦГАДА (ныне РГАДА), ОПИ ГИМ. В архивах И.Д. Ковальченко вел целенаправленный поиск подворных описей помещичьих крестьян конца XVIII – первой половины XIX в. Эти источники должны были обеспечить решение вопросов, связанных с проблемой кризиса феодально-крепостнической системы в России. Исследователем было обнаружено большое число ранее неизвестных описей дворов крестьян крупных и не очень крупных помещиков. В 1994 г. академик вспоминал: "В общей сложности были просмотрены подворные описи и выборочно дела более чем по 700 вотчинным фондам". Результаты поисковой работы отложились в его архиве в виде рукописных копий и фотокопий подворных описей, выписок из архивных дел.

По сохраненным в архиве подготовительным материалам (группировкам крестьянских хозяйств, вариантам программ обработки информации источников, различным таблицам, матрицам) можно проследить все этапы работы историка с подворными описями, в том числе подготовку данных к обработке на ЭВМ. И.Д. Ковальченко внимательно изучал и другие разновидности вотчинного делопроизводства: выяснял его особенности в разных имениях, отмечал регулярность переписки, движение документов, формуляры договоров крестьян по разным сделкам и т.д. На отдельных листах или в тетради он делал выписки из архивных дел, касавшихся изучаемой им вотчины, фиксировал сведения из многих дел одного архивного фонда, сразу располагая данные по определенным рубрикам: "повинности"; "промыслы"; "ограничение свободы" и т.д.

И.Д. Ковальченко целеустремленно и глубоко разрабатывал актуальную проблематику отечественной истории, теории и методологии, методов исследования, поэтому его научные сочинения были востребованы и в основном опубликованы.

Из неизданных работ ученого в его личном архиве обнаружена глава "Разложение феодально-крепостнических и зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве во второй половине XVIII – первой половине XIX в." (1960-е годы совм. с Л.В. Миловым) для коллективного труда "Генезис капитализма в странах Западной Европы, Азии и Америки".

Жанр небольшой неопубликованной статьи "К вопросу об имитационном моделировании в исторических исследованиях" И.Д. Ковальченко опре-

---

[8] См., например: *Воронкова С.В.* И.Д. Ковальченко и развитие отечественного источниковедения // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 148–156; *Голиков А.Г.* Учебный курс "Источниковедение" в свете учения об информации // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 251–257. См. также статьи других исследователей в этих же изданиях.

inslav

делил как письмо в редакцию. Оно явилось откликом на помещенную в журнале "Вопросы философии" рецензию на книгу А.С. Гусейновой, Ю.Н. Павловского, В.А. Устинова "Опыт имитационного моделирования исторического процесса" (М., 1984). Редакция не стала публиковать мнение специалиста в области методологии исторического моделирования и возвратила текст отклика с сопроводительным письмом, в котором была названа причина отказа в публикации. Дело в том, что своей статьей-письмом И.Д. Ковальченко хотел положить начало обсуждению проблем имитационного моделирования. В редакционном ответе было написано: "Редакция полагает, что дальнейшее детальное обсуждение проблем имитационного моделирования исторических процессов должно быть делом специалистов, и дискуссия по этим вопросам вряд ли целесообразна на страницах философского журнала".

В письме от 25 ноября 1986 г. в редакцию журнала "Вопросы философии", отказавшейся напечатать статью И.Д. Ковальченко, он замечал: "К счастью, остается право у автора опубликовать материал в другом издании или довести его до сведения научной общественности иным способом". Этим правом он пользовался, и идеи, разработанные в неизданных сочинениях, находили место в его других, опубликованных работах. Подтверждением тому служит статья "Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах" (Новая и новейшая история. 1995. № 1). Эта работа родилась, как представляется, из "Введения" к "Очеркам российской истории", задуманным ИРИ РАН в период перестройки. И.Д. Ковальченко принимал активное участие в организации этого проекта, начал писать свою часть текста. В архиве академика имеется работа под заглавием "Очерки российской истории. Введение. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований". В 1996 г. проект был реализован под заглавием "История России с древнейших времен до конца XX в." (в трех томах). Однако по каким-то причинам текст, написанный И.Д. Ковальченко, не был включен в окончательный вариант "Истории России с древнейших времен до конца XX в." и вышел в свет в виде журнальной статьи.

В личном архиве И.Д. Ковальченко сохранились материалы, отражающие замыслы нескольких крупных монографических исследований. К большому сожалению, им не суждено было воплотиться в жизнь. Одним из препятствий этому стало, как представляется, избрание И.Д. Ковальченко академиком-секретарем Отделения истории АН СССР в январе 1989 г. Деятельность на столь высоком и ответственном посту в трудный для отечественной науки период не оставляла времени и сил на реализацию собственных научных планов.

События второй половины 1980-х – первой половины 1990-х годов (перестройка, распад Советского Союза, начало рыночных реформ и, главное, научные и ненаучные дискуссии о нашем недалеком прошлом) заставляли размышлять о "текущем моменте". Иван Дмитриевич пытался осмыслить современные ему процессы как историк. Он внимательно изучал публицистику того периода, дискуссионные материалы по историческим сюжетам для написания книги под названием "Исторические судьбы России в XX в. (Размышления историка)". Предварительный машинописный план исследования с таким заглавием и собственноручной пометой Ивана Дмитриевича "Весна 1991 г." сохраняется в архиве. Однако замысел этой работы появился ранее – по крайней мере, осенью 1990 г. Дело в том, что в сентябре 1990 г. И.Д. Ковальчен-

inslav

ко участвовал в работе Нобелевского симпозиума (Швеция, Стокгольм), куда он был приглашен организаторами с выступлением. Симпозиум проводился по теме "Концепции национальной истории". В архиве сохранился доклад Ивана Дмитриевича "Проблемы России и Запада в дореволюционной и советской историографии", прочитанный на Нобелевском симпозиуме, а также конспекты выступлений в прениях по этому докладу, "Заключительное слово" докладчика после прений, набросок размышлений И.Д. Ковальченко "История и современность (о роли исторического опыта)", план-конспект выступления в Москве о симпозиуме. Все эти материалы показывают, что доклад академика вызвал дискуссию, в ходе которой среди других вопросов затрагивался и вопрос о социализме в нашей стране. Возможно, дискуссия стала последним импульсом для оформления замысла написать весьма актуальную монографию.

Для монографии "Исторические судьбы России в XX в. (Размышления историка)" И.Д. Ковальченко успел написать "Введение" (сохранились рукопись и машинопись); главу "Изжил ли себя марксизм? О формационном и цивилизационном подходе к истории"; два варианта еще одной главы "Капитализм и социализм. Чего мы достигли за 70 лет".

Вторая монография, замысел которой И.Д. Ковальченко вынашивал в последние годы жизни, посвящалась аграрной истории России – в течение многих десятилетий главной для ученого проблеме. В подготовительных материалах к новому исследованию встречаются два заглавия: одно – "Очерки аграрной истории Европейской России периода капитализма"; второе – "Аграрный строй Европейской России в конце XIX – начале XX в. (К проблеме исторических предпосылок Октябрьской социалистической революции)". Возможно, что эти названия не относятся к одной работе, и Иван Дмитриевич имел в виду две разные монографии. В одну из монографий (если говорить о двух книгах) он предполагал включить многие из написанных им ранее статей и дополнить книгу новыми текстами в разделах, необходимых для цельной картины аграрного строя России периода капитализма. Подготовительные материалы отложились в нескольких папках: копии изданных работ И.Д. Ковальченко; новые программы обработки статистических данных; варианты расчетов корреляционных связей признаков; планы, наброски, заметки на полях публикаций историков-аграрников и т.д.

В последние годы жизни Иван Дмитриевич иногда записывал свои размышления с помощью диктофона. В 1994 г. он наговорил на пленку "Введение" к монографии по аграрной проблематике. Этот текст, однако, по существу представляет собой воспоминания ученого о работе в области изучения аграрной истории России XVIII – начала XX в. Он рассказывал об университетских учителях, пробудивших у него интерес к аграрной истории, о поставленных в его научных трудах задачах, о трудностях, возникавших при их разрешении, о содержании и формах научных проектов, в которых ученый выступал и как исследователь, и как руководитель, и как координатор, о своей будущей книге и т.д. Заключая "мемуарно-историографические" заметки, академик подчеркнул потребность остановиться на этих сюжетах для того, "чтобы прояснить некоторые моменты для самого себя".

Иван Дмитриевич называл себя "университетским" человеком. В университете он получил высшее образование, на историческом факультете МГУ осуществлялась его научная деятельность, и здесь, пройдя путь от ассистента до профессора, он вел большой объем педагогической работы. Ученый воспитал ни один десяток известных историков. Как многие выдающиеся уче-

inslav

ные, осознающие ответственность перед будущим своей науки и четко видящие перспективы ее развития, И.Д. Ковальченко заботился о подготовке высокопрофессиональной смены. К примеру, благодаря его усилиям в учебный план исторического факультета МГУ были включены совершенно новые для вузовской системы образования общие курсы – "Количественные методы в исторических исследованиях" и "Методологические проблемы исторического исследования". Он разработал содержание курсов и первым в нашей стране с 1975 г. начал их читать. Сегодня эти курсы преподаются во многих российских университетах.

И.Д. Ковальченко участвовал в учебном процессе во всех его формах: читал общие и специальные курсы, проводил специальные семинары и практические занятия. В архиве профессора находятся неопубликованные тексты лекций по "Истории СССР", "Историографии отечественной истории", "Исторической географии СССР", "Количественным методам в исторических исследованиях", "Методологическим проблемам исторического исследования", планы общих курсов, спецкурсов, общекафедральных спецсеминаров, подготовительные материалы к курсам и отдельным лекциям и т.д.

Научные разработки и педагогические идеи И.Д. Ковальченко были реализованы в изданных учебных пособиях по истории СССР, исторической географии СССР, источниковедению и историографии, количественным методам, а также в тезисах и докладах, подготовленных для конференций, посвященных вузовскому преподаванию различных исторических дисциплин. Работа историка на учебно-методическом поприще представлена в архиве рукописными и машинописными текстами статей, докладов, разделов в учебниках и учебных пособиях, тематическими библиографиями, выписками из литературы и исторических источников и т.д.

В годы руководства И.Д. Ковальченко кафедрой источниковедения, историографии и методов исторического исследования (1966–1995) большое внимание уделялось содержательной и учебно-методической сторонам преподавания. Работа в этом направлении, осуществляемая при участии Ивана Дмитриевича, была важна для преподавателей не только руководимой им кафедры, но и других вузов. Подтверждением тому служит письмо от 13 февраля 1982 г. ленинградского историка Р.Г. Скрынникова к И.Д. Ковальченко, отправленное после Научно-методического совещания преподавателей университетов, читающих курс источниковедения.

Совещание проводилось 9–11 февраля 1982 г. в Москве по инициативе кафедры источниковедения, историографии и методов исторического исследования исторического факультета МГУ. На нем Иван Дмитриевич выступил с докладом "О современном состоянии и задачах преподавания источниковедения истории СССР в свете решений XXVI съезда КПСС". В своем письме Р.Г. Скрынников писал: "Уехал из Москвы с самыми лучшими впечатлениями от симпозиума. Я и прежде догадывался, а теперь убедился, что в ЛГУ мы основательно отстали от МГУ. Особенно сказывается отсутствие специальной кафедры по источниковедению. Для Ленинградского университета это непростительно. С Вашими установками перспектив развития источниковедения совершенно согласен, и по этому поводу у меня уже была беседа с моими коллегами по факультету, ведущими вспомогательные исторические дисциплины. Ваш доклад был для меня вдвое полезен, т.к. с февраля я приступаю к чтению курса и должен буду обновить курс, что, в общем-то, мне давно следовало сделать. Всегда усердно штудировал Ваши работы, а теперь рад, что смог лично познакомиться. Невольно пришел на ум один из моих ге-

inslav

роев, которые все – истинные русаки. Благодарю Вас за разрешение писать письма".

Своей подлинной демократичностью, мудростью, добросердечием И.Д. Ковальченко притягивал к себе людей разных возрастов. Он охотно откликался на предложения встретиться с молодежью. Так, он участвовал в выездных семинарах, которые в 1980-е годы проводил Совет молодых ученых МГУ. В архиве сохранились планы докладов И.Д. Ковальченко на этих семинарах, посвященных проблемам методологии и применения новейших методов исследования. В годы перестройки частыми стали встречи во внеучебное время со студентами и аспирантами как исторического факультета МГУ, так и других вузов. Ученый бережно сохранял записки, которые ему присылались во время бесед, потом нередко вспоминал об этих встречах. Особенно памятна ему была встреча с молодежью Сыктывкарского университета, где он выступал в 1987 г. Заметим, что после поездки в Сыктывкар И.Д. Ковальченко высказал пожелание передать свою личную библиотеку в университет этого города. Воля ученого была выполнена вдовой, Тамарой Васильевной Ковальченко, в 1997 г.

И.Д. Ковальченко занимал ответственные посты в МГУ и в АН СССР (РАН), долгие годы возглавлял редакцию журнала "История СССР", был председателем Оргкомитета Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории, членом Исполкома Международной ассоциации экономической истории от СССР, сопредседателем Международной комиссии по квантитативной истории INTERQUANT, руководителем многих делегаций советских историков на международных конференциях, симпозиумах, коллоквиумах и т.д. Его деятельность на этих и других постах представлена в архивных документах по-разному. Более или менее подробно можно восстановить деятельность И.Д. Ковальченко в области международного сотрудничества. Ее освещают материалы, связанные с подготовкой и проведением различных встреч советских и зарубежных историков: деловая переписка, отчеты о работе советских делегаций и персонально И.Д. Ковальченко за рубежом (или в СССР, если встречи были у нас в стране), планы и проекты сотрудничества по разным направлениям, программы встреч и т.д. Но в архиве почти полностью отсутствуют материалы о деятельности И.Д. Ковальченко на постах главного редактора журнала "История СССР", заместителя академика-секретаря и академика-секретаря Отделения истории АН СССР (РАН), заведующего кафедрой источниковедения, историографии и методов исторического исследования на историческом факультете МГУ.

И.Д. Ковальченко проявил себя дальновидным руководителем, который осознавал назревавшие в науке процессы и помогал им осуществляться, проводя значительный объем научно-организационной и учебно-организационной работы. Он, как уже было сказано, инициировал включение в учебный план исторического факультета курса "Количественные методы в историческом исследовании". Этим самым он удовлетворил давнюю потребность науки в специалистах, владеющих статистическими методами обработки исторической информации. Для подготовки таких историков нужны были преподавательские кадры, и И.Д. Ковальченко вместе с несколькими коллегами по факультету осваивал высшую математику и статистику.

О том, какие первые шаги на пути внедрения в историческую науку новейших технических средств И.Д. Ковальченко считал необходимыми и какие выгоды для науки видел от этого внедрения, сообщает его докладная записка 1963 г. в ректорат МГУ и деканат исторического факультета (см. При-

inslav

ложение, док. 1). К начальному этапу формирования сообщества историков-квантификаторов в МГУ относятся еще два документа, которые сохранились в архиве академика. Они отражают реализацию одного из пунктов плана, изложенного И.Д. Ковальченко в докладной записке: это письмо декана исторического факультета МГУ И.А. Федосова декану экономического факультета МГУ В.А. Жамину с просьбой организовать занятия высшей математикой для группы сотрудников исторического факультета и программа лекций и занятий по высшей математике на экономическом факультете МГУ (см. Приложение, док. 2, 3).

Отдельную группу материалов архива И.Д. Ковальченко составляют так называемые материалы личного происхождения: переписка, дневники, воспоминания и заметки мемуарного характера; корреспонденция (письма, телеграммы, почтовые открытки) – самую большую долю в совокупности материалов личного происхождения. Ученый бережно относился к письмам своих коллег. Так, корреспонденцию из-за рубежа он, как правило, объединял вместе с другими документами делопроизводственного и научного характера (программами конференций, черновиками ответов на письма иностранных коллег, текстами статей), таким образом формируя самостоятельное архивное дело. Основную массу писем, полученных от соотечественников, Иван Дмитриевич собирал в большой папке, внутри нее – по годам. Письма хранились в 11 стопках, обернутых бумагой, на которой указывался год почтовых отправлений. Стопка с ранней корреспонденцией – с 1950-х годов до 1973 г. – имела надпись "Старые". Последняя по времени подборка датировалась "1989–1992 гг." Позднейшая корреспонденция хранилась вне каких-либо годовых подборок.

В личных архивах сохраняются, как правило, письма лиц, с которыми фондообразователь поддерживал письменные контакты. Архив И.Д. Ковальченко – не исключение. В нем обнаружено около 750 почтовых отправлений из разных городов Советского Союза и из-за границы и гораздо меньше писем, написанных самим ученым (соотношение примерно 10:1). Если же рассмотреть количество эпистолярных текстов И.Д. Ковальченко к иностранным корреспондентам, то их в два раза больше, чем к соотечественникам. Подобное соотношение объясняется тем, что прежде чем отправить послание за границу, необходимо было написать его текст для переводчика, поэтому в архиве сохранилось некоторое количество (конечно, не все) так называемых отпусков. Письма к отечественным корреспондентам писались без черновиков. В очень редких случаях для написания текстов использовалась пишущая машинка, тогда оставались их машинописные копии. В реальности И.Д. Ковальченко написал огромное количество писем, отвечая почти на все, даже незнакомым и далеким от истории людям.

В архиве сохранилась корреспонденция от А.М. Авраменко (Харьков), В.А. Артамонова (Москва), И.Я. Биска (Тамбов), М.М. Блиева (Владикавказ), Б.Ю. Вайткявичюса (Вильнюс), С.С. Дмитриева (Москва), Н.М. и Е.И. Дружининых (Москва), А.К. Каниметова (Фрунзе), Ю.Ю. Кахка (Таллин), В.П. Кириченко (Киев), С.Ф. Коваля (Иркутск), М.И. Козина (Рига), Б.Н. Миронова (Ленинград), Б.Г. Могильницкого (Томск), М.В. Нечкиной (Москва), И.В. Пороха (Саратов), А.П. Пронштейна (Ростов-на-Дону), П.Г. Рындзюнского (Москва), А.А. Фурсенко (Ленинград), В.И. Чеснокова (Воронеж), Н.С. Четверикова (Москва), В.К. Яцунского (Москва) и др. Среди иностранных корреспондентов И.Д. Ковальченко – Дитрих Гайер и Юрген Шнейдер (ФРГ), Пьерр Жаннен (Франция), из США: Аркадий Каган, Рондо

inslav

Камерон, Теодор К. Рабб, Даниэль Филд, Роберт У. Фогель, Леопольд Хеймсон; Томас Кучинский (ГДР), Василий Ливяну (Румыния), Жигмонт Пах (Венгрия), Ярослав Пурш (Чехословакия), Ежи Топольский (Польша), Родерик Флауд (Великобритания) и др.

Корреспонденция носила, как правило, деловой и официальный характер, но при длительной переписке она приобретала дружеский тон. Корреспонденты делали предложения по научным и организационным вопросам, просили совета и помощи в тех или иных делах, высказывали свое мнение о новых работах ученого, вели с ним дискуссии и т.д.

Информация писем дополняет сведения немногочисленных в архиве материалов о научно-организационной и учебно-организационной деятельности Ивана Дмитриевича. Письма, направленные к И.Д. Ковальченко, косвенно подтверждают ответственность, с которой академик подходил к этим сферам своей деятельности, раскрывают его усилия, направленные на развитие исторической науки, содержат мнения коллег об этих усилиях. Подобную информацию находим, к примеру, в письмах, содержащих отклики на ряд научных мероприятий, проведенных под руководством И.Д. Ковальченко. Один из таких отзывов связан с организацией осенью 1983 г. в Днепропетровске IV Всесоюзной научной конференции по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. Являясь в то время в Отделении истории АН СССР куратором академических учреждений в СССР и стремясь расширить круг участников научных конференций и сплотить научное сообщество, И.Д. Ковальченко пригласил в Днепропетровск грузинских исследователей. От имени грузинской делегации ответил заведующий отделом источниковедения Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР Р. Кикнадзе: "Еще раз сердечное Вам спасибо за поддержку и оперативную помощь в деле приглашения на конференцию. Мы у себя все еще боремся за самостоятельность источниковедения (именно в том смысле, что не каждый историк является источниковедом), и наше признание во всесоюзном масштабе (вернее, начало такого признания) имеет для грузинского источниковедения огромное значение. Ведь раньше нас не приглашали на подобные конференции (хотя виноваты в этом и мы сами)".

В той или иной степени письма отражают также деятельность И.Д. Ковальченко в редакции журнала "История СССР", где он начал работать с самого основания журнала: с 1957 до 1959 г. в качестве заведующего отделом и почти два десятилетия (1969–1988) – главного редактора. В 1970–1980-е годы журнал превратился в издание, которое реально способствовало развитию исторической науки. По инициативе главного редактора создавались новые отделы, среди которых был и отдел "Историография, источниковедение, методология". При И.Д. Ковальченко журнал привлекал внимание читателей статьями по актуальным научным проблемам, дискуссионным и общественно значимым материалом, публикация которого иногда требовала от главного редактора большого мужества. Недавно заведующий кафедрой российской истории и кавказоведения Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова профессор М.М. Блиев вспоминал: «В 1983 г. в журнале "История СССР" была опубликована моя статья "Кавказская война: истоки и сущность" (статья, точное название которой "Кавказская война: социальные истоки, сущность", помещена в № 2. – *Т.К.*). Ответственность за ее публикацию взял на себя главный редактор журнала, патриарх советской исторической науки И.Д. Ковальченко, после того как Отдел науки ЦК КПСС фактически ее отверг.

inslav

И дело было не только в нетрадиционной оценке Кавказской войны, содержавшейся в статье. Было совершенно очевидно, куда идет развитие Советского Союза, что может произойти на Кавказе. Для многих историков дальнейшая судьба СССР просматривалась уже в начале 80-х годов. Тот же Ковальченко организовал ряд научных конференций, где в кругу научной элиты обсуждались эти перспективы. Ученые "сигнализировали" власти о том, какие события могут потрясти страну..."[9]

О значении исторического журнала и позиции его главного редактора для оценки современной ситуации в национальных республиках, в частности на Кавказе, говорилось в одном из писем заведующего кафедрой Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого профессора В.Б. Виноградова 17 мая 1987 г. он писал к И.Д. Ковальченко: «Читая "Вопросы истории" № 3 за этот год, с удовольствием узнал, что Вы назначены руководителем доклада-прогноза "История образования и развития многонационального Российского государства". Значит, и наши (вечно больные) вопросы истории Кавказа будут в надежных руках! [...]

Считаю дни до выхода в свет "Истории СССР" № 3 со своей статьей-обзором (имеется в виду статья "Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1976–1985 годы: итоги и перспективы изучения)". – *Т.К.*). Последнее время (в связи с выпадами дагестанцев, обожествляющих Шамиля) у нас вновь обострилась проблема русско-чечено-ингушского исторического единства. Раздаются голоса об "открытой дискуссии" (в пользу "Кавказской войны" как святыни и подвига на все века). Как тут важна последовательная и ясная позиция Вашего журнала и академической науки!»

Как главный редактор И.Д. Ковальченко был вынужден отказывать многим авторам, желавшим опубликовать свои труды в журнале, но его отказы не порождали обид и неприязни. Историк из Донецка П.Я. Мирошниченко в конце 1970-х годов писал: «Спасибо за то, что сами сообщили о решении редакции отвергнуть мою статью... Жаль, что "История СССР" не печатает меня, но все равно журнал этот хороший, если учитывать условия его работы. В исторической перспективе было бы хуже, если бы он меня печатал, но сам был плох».

Другую разновидность материалов личного происхождения, хранящихся в архиве, представляют дневники. И.Д. Ковальченко не был чужд идее ведения дневника и неоднократно претворял ее в жизнь. В дневнике, который он вел в сентябре 1945 г. во время прохождения воинской службы в Будапеште, читаем: "В который уже раз решил снова вести дневник". Это красноречивое признание в том, что за свою почти 22-летнюю жизнь молодой человек многократно начинал дневниковые записи. Позже ученый обращался к дневникам при поездках за границу. Необходимость подобных записей в дальней и напряженной научной командировке очевидна: калейдоскоп населенных пунктов, лиц, имен стирал в памяти впечатления предыдущего дня. Эти записки могли быть использованы также для создания различных отчетов, мемуаров. Дневники представляют собой, как правило, краткие записи о встречах и беседах, экскурсиях, заседаниях и т.д., имевших место в дни командировок. Небольшие блокноты заполнялись на ходу, слова часто сокращались, встречаются описки. Все свидетельствует о том, что записи в дневники действительно вносились во время поездок.

---

[9] История – как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон... // Северная Осетия. Владикавказ, 2000. 29 янв. (электронная версия).

inslav

Еще один интересный документ был назван И.Д. Ковальченко "Летописью научной, учебной и общественной работы с 1956 г." Тетрадь с "Летописью" была заведена как символ нового этапа в жизни ученого: после окончания аспирантуры в 1955 г. и защиты кандидатской диссертации начинался период самостоятельной научной и педагогической деятельности на историческом факультете МГУ. Записи велись на протяжении нескольких лет – с 1956 г. до начала 1960-х годов (записи за 1967/68 учебный год были дополнением к основному тексту). "Летопись" в краткой форме фиксировала факты трудовой и общественной деятельности, а по сути своей это была форма индивидуального планирования работы и учета ее выполнения.

Обращение к этой форме контроля своей деятельности говорит о предельной организованности и дисциплинированности Ивана Дмитриевича, его желании и умении выделять главное в работе, целеустремленно добиваться исполнения своих планов, брать на вооружение то, что помогает рационально и эффективно организовать работу. Опыт составления индивидуальных планов И.Д. Ковальченко приобрел еще в студенческие годы. Из истории МГУ известно, что студенты-фронтовики, пришедшие на исторический факультет в 1945 и 1946 гг., выступили инициаторами использования индивидуальных планов учебы для самоконтроля. В 1947 г. эта акция стала общеуниверситетской, поэтому студент И. Ковальченко познакомился с этой системой контроля уже на первом курсе[10].

Еще одна разновидность письменных текстов И.Д. Ковальченко условно может быть определена как мемуарная. Это записи о недавнем прошлом, фактически о современности. Самые ранние воспоминания были написаны И.Д. Ковальченко во время лечения в пятигорском санатории в 1961 г. и назвались "Из былого и дум". Другие воспоминания, как уже указывалось, возникли в 1994 г. в ходе работы над монографией по аграрной истории России. Остальные записи, сохранившиеся в личном архиве И.Д. Ковальченко, по форме являются его размышлениями, а по содержанию касаются "текущего момента" как на международной арене, так и внутри страны. Например, в январе 1991 г. в санатории им. Герцена в Кубинке (Подмосковье) были написаны заметки о внешнеполитической ситуации, сложившейся на тот момент, в частности в районе Персидского залива.

Заканчивая обзор личного архива академика И.Д. Ковальченко, отметим, что ученый не ставил целью сохранить каждый документ, так или иначе связанный с его именем и его деятельностью. Свое архивное собрание он формировал из самостоятельных документальных комплексов, необходимых ему для текущей исследовательской, педагогической и научно-организационной деятельности.

Сохраненные в личном архиве академика материалы дополняют и обогащают наше представление об Иване Дмитриевиче как талантливом и преданном науке ученом, прирожденном педагоге, мудром человеке, честном гражданине и патриоте своей страны.

---

[10] Эти факты приведены в сообщении Е.О. Ягодкиной "Студенческий курс И.Д. Ковальченко (1947–1952 гг.)", произнесенном на III Чтениях памяти И.Д. Ковальченко в декабре 2003 г.

inslav

1

В ректорат Московского государственного университета
В деканат исторического факультета МГУ

Докладная записка

Радикальное совершенствование методики и техники научно-исследовательской работы, происходящее в настоящее время на основе широкого применения математических методов и современной вычислительной техники, раньше или позднее охватит все области науки. В настоящее время уже назрела необходимость применения новых методов и в области исторической науки. Работа, проделанная в этом направлении в лаборатории по применению электронных вычислительных машин в гуманитарных исследованиях при Институте математики Сибирского отделения Академии наук[1] (директор института академик С.Л. Соболев[2], заведующий лабораторией кандидат исторических наук В.А. Устинов[3]), доказывает возможность и эффективность применения уже сейчас электронных машин для обработки массовых исторических источников статистико-экономического характера.

Во-первых, применение электронных машин освобождает исследователя от чрезвычайно трудоемкой, требующей огромного времени чисто технической работы, что позволит значительно сократить сроки выполнения научных исследований.

Во-вторых, это позволит значительно расширить круг фактического материала, привлекаемого исследователями, и осуществить такую его обработку, которая практически невозможна в настоящее время. Это существенно повысит качество научных трудов.

В-третьих, применение новых методов позволит исследовать на основе широкого круга источников ряд важных проблем, которые сейчас, в виду их огромной трудоемкости, даже не ставятся. Это будет содействовать актуализации исторической проблематики и повысит значение исторических работ.

Повторяем, добиться всего этого возможно уже при данном уровне вычислительной техники. Дальнейшее ее развитие и появление машин, приспособленных к обработке текстов, позволит радикальным образом изменить работу историков не только в области социально-экономической, но и другой проблематики, а также в сфере библиографии, хронологии и т.п.

Все это диктует необходимость организации серьезной и планомерной работы по применению электронных машин в исторической науке. Московский университет располагает всем необходимым для того, чтобы развернуть такую работу. Разумеется, нельзя думать, что здесь можно быстро и просто все решить. Поспешность и надежды на радикальный результат в самом скором времени могут лишь дискредитировать дело, необходимость которого еще даже не осознана в должной мере. Поэтому в предстоящей работе необходимо наметить несколько этапов.

1) На историческом факультете имеется группа преподавателей, которых интересуют указанные вопросы. Целесообразно предоставить тем из них, кто имеет дело с материалами, которые возможно обработать на электронных машинах, такую возможность. Для этого необходимо добиться от Вычислительного центра МГУ[4] выделения работников (прежде всего программистов), которые вместе с этими товарищами подготовят материалы для обработки на машине и проведения такой обработки. Стадия подобного экспериментаторства необходима.

2) Одновременно необходимо организовать с этим кругом интересующихся занятия, которые будут вести специалисты. Ими вполне могут быть аспиранты механико-математического факультета. Цель занятий – познакомить историков с основами высшей математики, теории вероятности[1*], математической статистики, принципами действия и возможностями электронной техники, основами программирования.

Вместе с тем этот кружок должен выявить круг тех источников, которые нуждаются в обработке на счетных и электронных машинах, а также проблем, которые могли бы стать предметом изучения на новой основе.

Этот этап потребует, вероятно, примерно год-полтора времени.

[1*] Так в машинописи.

inslav

3) Итогом всего этого должно быть создание на факультете лаборатории по применению электронных машин в исторических исследованиях[5]. Лаборатория эта должна:

а) Вести исследовательскую работу по широким и сквозным проблемам, требующим применения новых методов исследования.

б) Разрабатывать методику обработки на машинах массовых исторических источников.

в) Работать в контакте с заинтересованными учреждениями над перспективными вопросами применения электронной техники в исторической науке.

г) Заниматься подготовкой кадров, необходимых для широкого внедрения в историческую науку электронной техники.

Лаборатория должна располагать необходимым штатом и оборудованием и самостоятельно подготавливать материалы к обработке на электронных машинах. Постоянный научный штат лаборатории может быть небольшим, состоящим из людей, прошедших подготовку, указанную выше, но она должна привлекать к своей работе преподавателей кафедр.

Работа, предусмотренная во втором пункте настоящих предложений, имеет смысл только в том случае, если будет создаваться лаборатория.

Прошу обсудить настоящие предложения.

Доцент[2*] И.Д. Ковальченко

Январь 1963 г.[3*]

Личный архив И.Д. Ковальченко. Машинописная копия без правки и подписи.

2

После января 1963 г.[4*]

Декану экономического факультета МГУ
профессору В.А. Жамину[6]

Деканат исторического факультета, по согласованию с ректоратом МГУ, просит Вас включить для занятий высшей математикой совместно с преподавателями Вашего факультета следующих товарищей с исторического факультета:

Доцент В.М. Селунская[7]
Доцент И.Д. Ковальченко
Ассист. В.З. Дробижев[8]
–"– Ю.А. Мошков[9]
Доцент В.И. Кузищин[10]
Мл. научн. сотр. Брагина Л.М.[11]
Мл. научн. сотр. Щапова Ю.Л.[12]
Ст. преп. Левыкин К.Г.[13]
Профессор Лавровский В.М.[14]
–"– Барг М.А.[5*] [15]

Декан исторического факультета МГУ
профессор
И.А. Федосов[16]

Личный архив И.Д. Ковальченко. Машинописная копия без подписи и даты.

2* По-видимому, из-за опечатки во всех машинописных экземплярах документа слово "доцент" было стерто. В публикуемой копии оно прочитывается, хотя и не было восстановлено после подчистки.

3* Дата вписана рукой И.Д. Ковальченко.

4* Датируется по времени создания докладной записки.

5* Напротив фамилии М.А. Барга вписан телефон И-7-25-09.

inslav

3

После января 1963 г.[6*]

Программа
заиятий по математике для преподавателей
экономического[7*]**и исторического**[7*] **факультета МГУ**
(3 семестра)

Название курса	Часов в неделю		
	1 сем.	2 сем.	3 сем.
Лекционные курсы			
1. Математический анализ	2	2	2
2. Линейная алгебра	2	–	–
3. Аналитическая геометрия	1	–	–
4. Математическая формулировка экономических задач[8*]	1	1	–
5. Линейное программирование. Другие виды программирования (оптимального)	–	2	2
6. Логика работы ЭВМ	–	–	1
7. Теория множеств	–	1	–
8. Основы теории вероятностей и математической статистики (с практическими занятиями)	–	–	2
[9*]9. Межотраслевой баланс	–	1	–
10. Анализ потребительского спроса[9*]	–	–	1
Практические занятия			
1. Математический анализ	2	2	2
2. Линейная алгебра	2	–	–
3. Аналитическая геометрия	1	–	–
4. Математическая формулировка экономических задач	1	1	–
5. Линейное программирование	–	2	2

Личный архив И.Д. Ковальченко. Машинописная копия.

Примечания

[1] И.Д. Ковальченко сотрудничал с лабораторией по применению электронных вычислительных машин в гуманитарных исследованиях при Институте математики СО АН СССР с начала 1960-х годов. Публикуемая записка появилась в результате его поездки в новосибирский Академгородок в 1962 г. В рукописной "Летописи научной, учебной и общественной работы с 1956 г.", которую И.Д. Ковальченко вел на протяжении ряда лет, в разделе "Научные командировки" читаем: "1962 г. Новосибирск. Декабрь, 7 дней. Обработка материалов на электронной машине". Спустя много лет об этой командировке ученый вспоминал в интервью, опубликованном в "Информационном бюллетене Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР" (1990. Ноябрь. № 1): "Я свой первый доклад по клиометрии сделал в начале 1962 г. в Новосибирске в лаборатории по применению математических методов в гуманитарных науках при Институте математики Сибирского отделения АН СССР. Поехал я в Новосибирск для обработки своих материалов на ЭВМ. До этого приходилось обходиться ручной счетной машинкой".

[2] Соболев Сергей Львович (1908–1989) – математик и механик, академик, директор Института математики СО АН СССР.

[6*] Датируется по времени создания докладной записки.
[7*–7*] Вписано рукой И.Д. Ковальченко.
[8*] Напротив этого пункта И.Д. Ковальченко поставил вопрос.
[9*–9*] Пункты 9, 10 объединены И.Д. Ковальченко фигурной скобкой с припиской "Не надо".

inslav

[3] Устинов Валентин Алексеевич (1926–1987) – д.и.н., зав. лабораторией применения ЭВМ и математических методов в исторических исследованиях ИИ СССР АН СССР. В личном архиве И.Д. Ковальченко сохранились материалы, отражающие его деловые контакты с В.А. Устиновым в первой половине 1960-х годов, т.е. в ту пору, когда последний руководил лабораторией в Институте математики СО АН СССР. Прежде всего это тетради, в которые И.Д. Ковальченко заносил исходные данные и в которых формулировал задачи, которые необходимо было решить с помощью ЭВМ. Тетради отправлялись для обработки в Новосибирск, затем возвращались в Москву с результатами обработки. Об этом – в нескольких писемах В.А. Устинова к И.Д. Ковальченко.

[4] Вычислительный центр МГУ был создан в 1955 г. при механико-математическом факультете по инициативе ректора академика И.Г. Петровского. В 1950–1960-е годы работа центра была связана с деятельностью кафедры вычислительной математики и направлена на обеспечение учебного процесса.

[5] Предложение И.Д. Ковальченко о создании лаборатории по применению ЭВМ в исторических исследованиях стало претворяться в реальность на кафедре источниковедения в 1970-е годы. Подробнее об истории этого подразделения и роли И.Д. Ковальченко в его развитии см.: *Бородкин Л.И.* Исторической информации лаборатория // Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004. С. 211–212.

[6] Жамин Виталий Алексеевич (1920–1989) – д.э.н., проф., декан экономического факультета МГУ (1959–1963). На факультете в 1960 г. было открыто экономико-математическое отделение, а в 1962 г. создана кафедра математических методов анализа экономики во главе с академиком В.С. Немчиновым.

[7] Селунская Валерия Михайловна (1920) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, специалист в области отечественной истории XX в.

[8] Дробижев Владимир Зиновьевич (1931–1989) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ (с 1968 г.) и МГИАИ (с 1984 г.), специалист в области отечественной истории XX в.

[9] Мошков Юрий Александрович (1922) – к.и.н., доцент исторического ф-та МГУ, специалист в области отечественной историографии и аграрной истории XX в.

[10] Кузищин Василий Иванович (1930) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, специалист в области античности.

[11] Брагина Лидия Михайловна (1930) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, специалист в области итальянского гуманизма.

[12] Щапова Юлия Леонидовна (1930) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, специалист в области славяно-русской археологии.

[13] Левыкин Константин Григорьевич (1925) – к.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, специалист в области социально-экономической истории, общественного движения России конца XIX – первой половины XX в.

[14] Лавровский Владимир Михайлович (1891–1971) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, специалист в области медиевистики и нового времени.

[15] Барг Михаил Абрамович (1915–1991) – д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории АН СССР, специалист в области теории и методологии истории, социально-экономической истории средневековой Англии; в 1963 г. – проф. Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина.

[16] Федосов Иван Антонович (1921–2001) – д.и.н., проф. исторического ф-та МГУ, декан исторического ф-та (1957–1971), исследователь общественно-политической мысли, государственного строя России XIX – начала XX в.

inslav

М.А. Полякова

АРХИВ Л.В. ИВАНОВОЙ

(К 75-летию со дня рождения)

Значение деятельности Людмилы Васильевны Ивановой для московского краеведения, изучения и популяризации русской усадьбы трудно переоценить. Это очевидно для всех, кто знал эту неутомимую энергичную хрупкую женщину, которая была в гуще всех общественных московских начинаний, связанных с краеведением, музейной жизнью, охраной памятников. Ее имя неотделимо от возрождения и деятельности двух авторитетнейших научных московских обществ – Комиссии "Старая Москва" (1990) и "Общества изучения русской усадьбы" (1992).

Людмила Васильевна ушла из жизни в декабре 1999 г. В 2003 г. ей исполнилось бы 75. Ее постоянно вспоминают московские краеведы, исследователи русской усадьбы – ведь все ее начинания продолжают жить. Активно действуют "Старая Москва" и "Общество изучения русской усадьбы", издаются научные сборники "Русская усадьба", востребованы учеными и любителями московской старины издания "Краеведы Москвы", "Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв." Еще при ее жизни, к 70-летнему юбилею в "Археографическом ежегоднике" были опубликованы статья В.Ф. Козлова[1] и список ее печатных работ[2]. С этим томом Ежегодника она успела познакомиться буквально за несколько дней до смерти. В последние годы появились воспоминания о Людмиле Васильевне[3].

Научная биография Л.В. Ивановой характерна для российского ученого, но не кабинетного исследователя, а организатора науки и общественного деятеля. Ее научная деятельность была тесно переплетена с общественной. Наиболее плодотворным было последнее десятилетие ее жизни, когда Людмила Васильевна активно стала заниматься краеведением и "усадьбоведением". Она – одна из тех, кому принадлежит заслуга в возрождении краеведения как важнейшего научного направления и общественного движения.

В семье Л.В. Ивановой сохранился архив, отражающий ее научные пристрастия за последнее десятилетие ее жизни. Истоки глубокого интереса Людмилы Васильевны к проблемам москвоведения восходят к началу ее творческого пути – к ее исследовательской работе в секторе истории советской культуры Института российской истории РАН по проблемам советской интеллигенции 1920-х годов (более 150 научных работ). Эти материалы, к сожалению, не сохранились в архиве. Естественно, что указанная проблематика тесно связана с историей общественных организаций в сфере культуры, с творческим наследием известных коллекционеров, музейных работников, меценатов.

В целом материалы архива рисуют нам человека необычайно организованного, глубоко и основательно готовившегося к докладам и даже небольшим выступлениям, с большим профессионализмом проводившим научный

---

[1] *Козлов В.Ф.* Л.В. Иванова – краевед и москвовед // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 184–186.

[2] Список печатных трудов Л.В. Ивановой / Сост. А.И. Лобачева, Н.Г. Черепанова // Там же. С. 340–345.

[3] См.: *Пушкарева И.М.* Людмила Васильевна Иванова // Московский журнал. 2000. № 7. С. 48–49; Памяти председателя ОИРУ Л.В. Ивановой (18.06.1928–12.12.1999) // Русская усадьба. М., 2000. Вып. 6. С. 527–533; *Злочевский Г.Д.* Вспоминая Людмилу Васильевну Иванову // Московский архив. М., 2002. Вып. 3. С. 385–394.

inslav

поиск. Сохранившиеся материалы – это по сути лаборатория ученого, характеризующая методику его работы. Сюда входят многочисленные выписки из архивных документов, периодики и путеводителей, ксерокопии статей, которые особенно ее интересовали, библиографические карточки, черновики научных работ с правками самого автора и редакторов. Хотелось бы подчеркнуть, что практически все подготовленные работы Людмилы Васильевны уже опубликованы. В архиве сохранилась рукопись лишь одной статьи об известном гравере И.Н. Павлове, которая не увидела свет.

Большой объем архивного материала касается деятельности Л.В. Ивановой по изучению и популяризации культурного наследия Москвы. В одном из своих докладов ("Некоторые актуальные проблемы московского исторического краеведения"), текст которого хранится в архиве, Людмила Васильевна писала: "В любом деле успех зависит от человека. Краеведение всегда держалось на увлеченных людях, на подвижниках..." Это бесспорное утверждение тесно связано с возрождением отечественного краеведения сегодня. Имена наших известных ученых, краеведов российской глубинки – яркое тому подтверждение. Да и имя самой Людмилы Васильевны стоит в этом ряду. Она принимала активное участие в деятельности Московского городского отделения ВООПИК. С 1986 по 1991 г. Л.В. возглавляла Комиссию по истории московских зданий и улиц. Среди активистов этой Комиссии – известные москвоведы С.К. Романюк, Ю.А. Александров, А.Г. Векслер, В.Б. Муравьев, Ю.А. Федосюк.

Главным направлением деятельности Комиссии было заслушивание докладов как об отдельных памятниках Москвы, так и целых улицах и кварталах. В Комиссии сложились три направления москвоведческой деятельности – научное, пропагандистское и практическое. С большим вниманием здесь относились к выступлениям представителей государственных и ведомственных архивов, центральных публичных библиотек. Известные москвоведы делились своим опытом работы по изучению наследия Москвы. Так, В.В. Сорокин, около 50 лет изучавший город, рассказал о своей уникальной картотеке, которая насчитывает около 30 тыс. названий. Не раз звучали на заседаниях Комиссии доклады об известных москвичах, важных событиях в культурной жизни столицы. Все это отразилось в протоколах, отчетах Комиссии, которые находятся в архиве Л.В. Ивановой. Среди имен докладчиков – Б.П. Краевский, А.А. Демская, С.К. Романюк, Н.А. Шестакова, С.Р. Долгова, Л.Е. Колодный. Под председательством Людмилы Васильевны были заслушаны доклады Б.П. Краевского "Новое о роли семьи Свербеевых в культурной жизни Москвы сер. XIX в." (26.11.1985), А.И. Рогова "Древняя Москва – глазами иностранцев" (24.12.1985), С.Р. Долговой "Первое архивное здание в Москве" (25.02.1986), Ю.А. Федосюка "История здания Московской консерватории" (27.01.1987) и др.

Характерной особенностью современного краеведения является его фундаментальная научная основа. Проблемами краеведения занимаются известные ученые. Их гражданская позиция по сохранению уникального московского наследия сочетается с глубокими научными изысканиями. Только за последние годы изданы три выпуска "Московского архива" (М., 1996; 2000; 2002), "Московский некрополь" (М., 1991. Вып. 1), ведется работа относительно новой московской энциклопедии. Л.В. Иванова принимала активное участие в подготовке некоторых из этих изданий. Кроме того, она стала редактором-составителем биобиблиографического справочника "Историки и краеведы Москвы. Некрополь" (М., 1996).

inslav

Сборники "Краеведы Москвы", подготовленные ею совместно с С.О. Шмидтом, стали событием в научной жизни. Вышло три выпуска (М., 1991; 1995; 1997). В сборники вошли материалы как о малоизвестных краеведах, любителях старины, так и о достаточно известных в науке людях, творчество которых в силу определенных идеологических причин долгое время трактовалось крайне односторонне. Огромный подготовительный материал к этим сборникам сохранился в архиве Л.В. Ивановой (отредактированные ею статьи, планы-проспекты и пр.).

Четвертый выпуск "Краеведов Москвы", практически уже подготовленный Л.В. Ивановой и С.О. Шмидтом, так и не увидел свет. В архиве сохранилась статья Л.В. Ивановой, предназначенная для этого выпуска. Она, как уже упоминалось, посвящена И.Н. Павлову (1872–1951) – граверу, художнику и графику, который запечатлел в своих гравюрах Москву начала XX в. – Москву "скромную" и "уходящую" – "старые постройки, дворики, тупики, столетние деревянные дома". Статья Людмилы Васильевны фактически возродила имя этого художника, поставя его в один ряд с известными москвоведами, художниками старой Москвы.

Некоторые материалы архива свидетельствуют об активном участии Л.В. Ивановой в подготовке ряда изданий по историческим некрополям. Работая в секции "Исторический некрополь" Московского Фонда культуры, Людмила Васильевна была одним из предполагавшихся авторов справочников "Московский исторический некрополь" (план-проспект издания), "Кремлевский некрополь" (план-проспект) и др.

В архиве сохранился большого объема материал по экскурсионной работе Людмилы Васильевны. Интересуясь и изучая культурное наследие Москвы практически всю сознательную жизнь, в 1970–1980-е годы она начала проводить экскурсии – сначала для своих друзей, сокурсников, коллег по институту. Позже это стало системой – Людмила Васильевна периодически проводила или организовывала экскурсии для своих коллег и сотрудников других гуманитарных институтов Отделения истории АН СССР. В архиве отложилось большое количество выписок из путеводителей по различным московским памятникам, схематические планы экскурсий. Назовем темы некоторых из них – "От Яузских до Сретенских ворот" (11.05.1980); "Донской монастырь" (19.10.1980); "Улица Герцена – улица Горького" (26.04.1981); "Кропоткинская улица" (25.04.1982); "Улица Кирова – улица Чернышевского" (23.09.1984); "Улица Володарского" (28.04.1985); "Старая Басманная" (20, 27.04.1986); "Рогожское кладбище" (17.04.1988); "Дом С.Т. Морозова" (1989 г.), "Нескучный дворец" (7.06.1990); "Б. Калужская улица" (2.05.1993) и др. Экскурсии Л.В. Ивановой были методически построены разнообразно. Здесь и обзорные, и тематические экскурсии. Но основа их была в градостроительном аспекте – дом, улица, квартал характеризовались прежде всего как элементы городской застройки, прослеживалась их эволюция от самого возникновения до последних дней. Это позволяло представить Москву как целостный "живой организм" с ее многоплановостью, богатством культурных традиций.

Экскурсии были очень популярны. Одна из стенгазет Института Российской истории была полностью посвящена этим экскурсиям. Отзывы экскурсантов (некоторые даже в стихотворной форме) хранятся в архиве Л.В. Ивановой. Старейший сотрудник Института Л.Н. Пушкарев пивал: "Л.В. Иванова – специалист не только по истории советской культуры и научной интеллигенции, она прекрасно разбирается и в жизни дореволюционной Москвы, особенно в культуре XIX–XX вв. Ей близки Москва пушкинская и лермонтов-

inslav

ская. Москва начала XX века и Москва послереволюционная. Москва старая и Москва сегодняшняя. Слушаешь Л.В. Иванову – и открываешь для себя заново тот город, где ты живешь и трудишься…"

Большой комплекс архивных материалов посвящен усадьбе. Интерес Людмилы Васильевны к русской усадьбе, вобравшей в себя все высочайшие достижения отечественной культуры, был интересом человека, безгранично любившего и знавшего Москву и ее окрестности, а также интересом чисто профессиональным как специалиста по русской культуре XIX–XX вв.

В 1992 г. по ее инициативе было возрождено Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ). Людмила Васильевна активно занималась чисто организационной работой – она была пожизненным председателем общества. Материалы существующего ОИРУ (протоколы заседаний, программы конференций и пр.) ныне переданы в правление ОИРУ в Институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

Объем "усадебных" материалов, хранящихся в семье Людмилы Васильевны, можно тематически разделить на несколько разделов. Первый касается истории ОИРУ 1920-х годов. Именно с изучения этого общества, творческих биографий его членов и началась активнейшая деятельность ученого по возрождению общества. В ее архиве – выписки из московских архивов, из литературы и периодических изданий, заметки и записки. Напомним, что ею был фактически реконструирован состав общества, прослежена судьба многих его членов, подготовлена хроника деятельности общества.

Второй раздел архивных материалов посвящен научным работам Людмилы Васильевны. Она была пожизненным составителем и редактором сборников "Русская усадьба" (под ее редакцией вышли первые пять выпусков). В ее архиве отразилась многотрудная работа составителя и редактора – авторские статьи с ее пометками: планы-проспекты сборников и пр.

Кроме того, Людмила Васильевна неоднократно выступала автором многих статей в сборниках "Русская усадьба" и других научных изданиях (до 40 наименований – в "Памятниках Отечества", "Отечество. Краеведческий альманах", "Дворянское собрание" и др.). Поэтому огромный "рабочий" материал находится в ее архиве. Хотелось бы отметить выписки из фондов Наркомпроса РСФСР, П.Н. Миллера, М.И. Александровского, "Музея старой Москвы" (из ОПИ ГИМ, ГАРФ, Музея истории города Москвы).

Естественно, занимаясь усадебной культурой, Людмила Васильевна изучала материалы по дворянским и купеческим родам. Достаточно большой объем таких материалов по Морозовым, Измайловым отложился в ее архиве.

По инициативе Людмилы Васильевны Институт российской истории начал работать над коллективной монографией "Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII–XX вв." Она была научным редактором этого фундаментального труда. Одна из его глав, посвященная усадьбе 1920-х годов, написана Л.В. Ивановой. И вполне естественно, что подготовительный "рабочий" материал к этому труду (экземпляры авторских статей с пометками редактора, списки иллюстраций и пр.), представлен в архиве Л.В. Ивановой. Большой комплекс материалов (архивные выписки, выдержки из воспоминаний, периодических изданий) касается проблемы вывоза усадебных ценностей в 1920-е годы, создания музеев-усадеб.

В данном обзоре кратко охарактеризован лишь основной объем материалов архива Л.В. Ивановой, отражающий ее научную и общественную деятельность в последнее десятилетие ее жизни. Его подробное описание и про-

inslav

фессиональная обработка – дело будущего. Это будет прежде всего данью памяти удивительному человеку, энтузиасту, подвижнику, высокому профессионалу, кроме того, сыграет большую практическую роль в развитии современного краеведения. Многое, что находится в архиве Л.В. Ивановой, будет востребовано москвоведами, исследователями русской усадьбы.

Ю.В. Андрюшайтите

ФИЛИГРАНОВЕДЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ "АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ЕЖЕГОДНИКА" (1957–2000)*

В первой статье была указана структура данного обзора, рассмотрены основные статьи ученых с использованием водяных знаков (ВЗ, филиграней) при датировке бумажных рукописей преимущественно в ежегодниках 1950–1970-х годов. В соответствии с намеченной методикой изложения были даны персональные обзоры материалов о деятельности крупнейших филиграноведов С.А. Клепикова, М.В. Кукушкиной, А.А. Амосова, Т.В. Дианової. Названы также факторы, способствовавшие развитию вспомогательных (специальных) исторических дисциплин, в том числе филиграноведения.

Во второй половине 1960-х годов Археографическая комиссия пережила потерю двух своих руководителей – ее основателя, академика М.Н. Тихомирова (1965) и председателя АК, члена-корреспондента АН СССР В.И. Шункова (1967). Однако смена руководства не изменила заложенных при ее создании основных планов и задач. Этому способствовало не только успешное их выполнение, в том числе издание "Археографического ежегодника", но и неуклонное следование традициям.

В 1968 г. председателем Комиссии стал ученик М.Н. Тихомирова С.О. Шмидт, сохранивший преемственность традиций. Он писал по этому поводу: "После кончины М.Н. Тихомирова и публикации Предварительного списка рукописей наступил период изучения и описания рукописей непосредственно в хранилищах и выработки методических норм описания рукописей именно для такого издания, как Сводный каталог. В организации этой работы Археографическая комиссия призвана выполнять в основном координационные, научно-методические и редакционные функции"[1]. Таким образом, благоприятные условия для развития филиграноведения создавались как внутри Комиссии, так и вне ее. Это нашло отражение и в дальнейших выпусках АЕ.

В АЕ конца 1960–1970-х годов продолжается изучение сочинений ученого и публициста Максима Грека и документов о нем. В 1968 г. археографическая экспедиция ИИФиФ СО АН СССР обнаружила сборник XVI в., включающий древнейший и наиболее полный текст Судного списка Максима Грека и

---

* Продолжение. Начало см.: АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 348–366. Как и в первой статье, из-за экономии места в целом ряде случаев опускается название работ и выходных данных АЕ, учитывая наличие "Библиографического указателя продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений" / Сост. Н.А. Долдобанова; Отв. ред. академик РАО С.О. Шмидт (М., 2000). В описании справочников филиграней, как принято, дается только фамилия составителя (и год издания, если у автора несколько работ). Перечень альбомов ВЗ, использованных историками, см. в первой статье (АЕ за 2002 год).

[1] *Шмидт С.О.* О Сводном каталоге рукописных книг, хранящихся в СССР // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 4.

inslav

материалы 1548–1559 гг. о его судьбе. 26 февраля 1969 г. в АК обсуждался доклад Н.Н. Покровского об этом (см. хронику заседания Н.А. Долдобановой в АЕ за 1969 год. С. 328). По сути вопроса хроника отсылает к статье Покровского (ВИ. 1969. № 11. С. 129–138). Здесь захватывающе интересно описан поиск и первый осмотр рукописи, в том числе ВЗ – "один из баденских гербов", период использования которого совпал с датой написанной Жития Александра Невского в сборнике – 90-е годы XVI в. Вскоре материалы находки были изданы[2] (см. перечень изданий АК и ее отделений, сост. И.Е. Тамм, в АЕ за 1971 год. С. 382). В предисловии Покровского дан всесторонний, в том числе палеографический, анализ, уточнена датировка Судного списка – 1544–1548 гг. Публикация вызвала оживленную полемику.

Дополнительные аргументы в пользу такой датировки Судного списка привела Н.В. Синицына. В кодикологическом исследовании четырех прижизненных рукописных сборников Максима Грека (ОР ГБЛ) она использовала филиграни для уточнения датировок (сравнение проведено с ВЗ в основных трудах Брике и Лихачева). При этом она отметила, что рукопись МДА 42, составленная после 1548 г., написана "на бумаге без филиграней (что характерно для 40-х годов и середины XVI в.)", кроме трех листов с филигранью "типа Брике, № 11004 – 1552 г.", и еще двух листов – "рука в прямом рукавчике с сердцем на ладони, над пальцами корона, аналогичного знака в справочниках обнаружить не удалось" (АЕ за 1971 год. С. 131). Проведено сравнение прижизненного Большаковского сборника (до 1555 г.) и Хлудовского (1563 г.), писанных на разной бумаге, причем последний даже на бумаге четырех сортов, а часть листов – без ВЗ. Даны ссылки на номера ВЗ, но без их названий (Там же. С. 136).

Много лет работал в АК А.А. Турилов, глубокий знаток славянских рукописей и старопечатных книг, с 1993 г. – отв. редактор Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии (XIV в.) (далее СК). Он ввел в научный оборот целый ряд древних памятников письменности. Так, по водяным знакам он датировал старейший список повести о явлении и чудесах Толгской иконы (ОР ГБЛ) 30–40-ми годами XVII в. "Филиграни сборника близки № 1136–1141 (1636–1644 гг.) и № 198–199 (1643–1644 гг.) альбома А.А. Гераклитова" (АЕ за 1974 год. С. 170). Позже он проанализировал малоизвестные системы восточнославянской книжной тайнописи в трех рукописях. В первой из них (ОР РНБ. Мясниковская кормчая XV в.) Турилов датировал тайнописную таблицу по почерку писца кодекса первой четвертью XV в. (вслед за Н.П. Лихачевым – 1899. Ч. I. С. CXVIII), подвергнув критике раннюю датировку кодекса концом XIV – началом XV в. в издании "Правда Русская" (М.; Л. 1963. Т. III. С. 151) и второй половиной XIV в. – в "Предварительном списке славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР" (далее: ПС XI–XIV вв.)[3], с. 228, № 710 (АЕ за 1992 год. С. 101). Во второй рукописи – украинском Ирмологии 1726 г. (из библиотеки Русского Пантелеймонова монастыря на Афоне, впервые описана Туриловым в 1983 г.) – он отметил, что этой дате в записи писца не противоречат и ВЗ «"почтальон", малого размера, типа Лауцявичюс, № 2749 (1720 г.) и № 2754 (1722 г.). Ср. также филиграни в Служебнике 1723 г. из собр. Ново-

---

[2] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н.Н. Покровский; Под ред. С.О. Шмидта. М., 1971. Кроме Сибирского, опубликованы также списки Погодинский и Барсовский, найденный Н.А. Казаковой (см.: АЕ за 1966 год).

[3] Опубл.: АЕ за 1965 год.

inslav

нямецкого монастыря, № 13» в Национальном архиве Республики Молдова (Там же. С. 103).

Третья рукопись – русский перевод "Диоптры" (из той же библиотеки на Афоне) – раньше датировалась XIX в. Ее бумага не имеет водяных знаков и штемпелей и, естественно, не может помочь в датировке, «а исследование фактуры бумажного теста "на глазок" малорезультативно (можно лишь уверенно сказать, что бумага машинная, а не ручная, веленевая, без знаков, какая выделывалась в 1830–1850-х годах и теоретически могла бы оказаться в рукописи начала 1860-х годов)». Поэтому Турилов на основе расшифровки тайнописи и других элементов наиболее вероятной счел дату 1861 г. (Там же. С. 108). Таков сложный характер процесса датировки этих рукописей.

Опыт, накопленный в изучении древних рукописей, заставил Турилова выступить на Первом всесоюзном совещании филиграноведов с докладом "Об опасности абсолютизации филигранологического метода датировки рукописей"[4]. Он рассказал о том, что в XIX – начале XX в. в России возник промысел по производству бумаги с ВЗ, копирующий образцы XVI – начала XIX в. В то же время создавались подделки на старой бумаге. В связи с этим Турилов призвал палеографов учитывать "весь комплекс датирующих признаков" (АЕ за 1987 год. С. 325).

Об отмеченном явлении в создании рукописей писал и такой их знаток, как Н.Ю. Бубнов (см.: АЕ за 1983 год. С. 117).

Известный лингвист, палеограф, исследователь пергаменных рукописей, сотрудник Археографической комиссии О.А. Князевская в процессе работы над СК, а затем над "Каталогом славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР" (М., 1988. Ч. 1–2. Совм. с Л.В. Мошковой), обнаружила, что Архивская лествица XIII в. является древнейшей восточнославянской рукописью, писанной на пергамене и бумаге (в прокладку). Позднее подробное изучение рукописи провела ее ученица М.Г. Гальченко[5]. Перу этой ученицы Князевской, талантливого, рано ушедшего от нас филолога, в АЕ принадлежит лишь одна статья – об изучении древнейшей рукописи начала XV в. из собрания ЦМАР "О постничестве" Василия Великого. Глубокий комплексный анализ включает и филиграни "А готическое" и "N готическое" с указанием номеров тетрадей. Сравнение проведено по типам ВЗ работы Мошина-Тралич (1957. № 5130, 5131 – конец XIV в.) и Н.П. Лихачева (1891. № 714 – XIV в.). Они "не противоречат указанной датировке – 1402 г., предложенной автором по другим источникам. Тем самым автор статьи уточняла датировки этой рукописи в работах М.Н. Тихомирова, в описании ГИМ и Г.И. Вздорнова" (АЕ за 1992 год. С. 78–79)[6]. По ВЗ переплетного листа определено время реставрации книги (Клепиков, 1978. С. 236–237. "Герб Ярославской губ.", вариант 1 или 2, с 1731 по 1748 г.) (Там же. С. 79–80).

Чаще, чем в описанном выше случае с Архивской лествицей, встречаются рукописи на пергамене с поздними дополнениями утраченных частей текста на бумажной основе. В таких ситуациях анализ ВЗ бумаги дополнений для

---

[4] Изложение доклада см.: *Охотина Н.А.* Первое совещание по филигранологии // АЕ за 1987 год. С. 325. Здесь, в формулировке о промысле производства бумаги допущена неточность. Полностью доклад см.: Филигранологические исследования: теория, методика, практика / Ред. колл.: С.О. Шмидт (отв. ред.) и др. Л., 1990. С. 124–127.

[5] *Гальченко М.Г.* О датировке и особенностях орнаментики Архивской лествицы // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 292–297.

[6] При этом дана ссылка на работу: *Брун Т.А.* Описание рукописи "О постничестве" Василия Великого 1393–1406 гг. (ЦМАР. КП. 952) для Сводного каталога славянских рукописей XIV в. (рукопись в АК).

inslav

датировки пергамена, как правило, не имеет значения, но может дать другие ценные сведения кодикологического характера. Например, И.В. Панина в статье о соотношении восточнославянских и южнославянских особенностей письма Апостола на пергамене из ОР ГБЛ (АЕ за 1983 год. С. 49–52) полагает, что на основании палеографических и графико-орфографических особенностей можно считать, что рукопись была написана в начале XV в., а не в конце XIV – начале XV в., как она датируется в ПС XI–XIV вв.[7] Из 234 листов Апостола 111 пергаменных и 123 бумажных листа восполняют утраченный текст. Их ВЗ – русского производства 20-х годов XIX в. – позволяют предположить, что книга была реставрирована в то время. Названия ВЗ и справочники, по которым они установлены, не указаны.

Вместе с тем, что касается бумажных рукописей, то такой крупный специалист в области истории русского языка и славяно-русской палеографии, как Л.П. Жуковская, долгие годы возглавлявшая работу над Сводным каталогом в АК, считала, что филиграноведы должны помочь в споре «о так называемом "втором южнославянском влиянии" на Руси» (см. хронику Н.А. Охотиной в АЕ за 1987 год. С. 325). В опубликованном тексте ее доклада на Первом всесоюзном совещании филиграноведов написано: "Необходимо точное определение филиграней рукописей с самых ранних до середины XVI в., что позволит лингвистам уточнить время распространения фактов языка и письма, важных для понимания истории русской культуры"[8]. Желая помочь в изучении ВЗ, она опубликовала в АЕ за 1981 год статью "О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филиграноведения", а также неуклонно следила за включением вопроса о филигранях в "Инструкцию по описанию славяно-русских рукописей XI–XIV вв." СК (см.: АЕ за 1975 год. С. 33, 36).

Историки Е.Б. Емченко и И.В. Курукин, изучив исследования и публикации известного "Дела Висковатого" – материалы собора 1553–начала 1554 г., – провели текстологический анализ шести его списков. Их датировку по почеркам, записям и другим признакам они, "по возможности", подтвердили и примерами филиграней бумаги. Если в более ранних работах ВЗ уже были установлены, то дана ссылка на них с уточнениями и дополнениями. Видимо, поэтому водяные знаки бумаги списков, имеющиеся в справочниках, авторы не называют, а только отсылают читателя к этим справочникам без указания степени идентификации ВЗ. И лишь не обнаруженные в альбомах знаки они назвали в трех случаях: в Волоколамском списке (ОР ГИМ) – "кувшинчик с короной и литерами NO (или LIO)"; в Погодинском списке (ОР ГПБ), обнаруженном и описанном А.А. Зиминым, – "однорукий кувшинчик с розеткой"; в выявленном ими списке Ундольского второй половины XVII в. – "стоящая фигура" (АЕ за 1983 год. С. 74–75).

Авторы предложили переиздать списки. Надо надеяться, что при этом филиграни будут определены более точно, а для неидентифицированных ВЗ будут указаны просмотренные справочники, а также учтены работы, вышедшие позднее.

Важный вопрос о патриарших книгописцах конца XVI–XVII в. Д.М. Володихин изложил в своих статьях, в основном по рукописям Синодального собрания ОР ГИМ. Как и в работе рассмотренных авторов, Володихин не назвал ВЗ, отсылая к их типам в альбомах и лишь иногда указывая степени

---

[7] Список см.: АЕ за 1965 год. С. 258. № 1299.

[8] Филигранологические исследования... С. 123.

inslav

сравнения. Так, при датировке сборника XVII в. (Син. 629), писанного четырьмя почерками, он привлек и ВЗ бумаги, перечислив листы с их расположением и различия в разных частях книги (Гераклитов, № 1477, 1606 г. на л. 1–4 и 243–302, а ВЗ на л. 5–242 "похожи на № 416–419, 1660 г."). С учетом вкладной записи писца 1604 г. это позволило считать, что часть сборника создана в начале XVII в. (АЕ за 1995 год. С. 69). В документах Патриаршего казенного приказа на основании ряда записей о "Прологе декабря" и использованной бумаги, ВЗ которой ранее были определены Т.Н. Протасьевой – 1634 г., автор идентифицировал этот Пролог с Прологом Син. 242.

В комплексной датировке образца патриарших золотописцев "Сборника о поставлении московских патриархов" (ОР ГИМ. Воскр. 213) помогла и бумага с ВЗ, "совершенно однотипная по всему блоку" (Брике, 1907, № 1477, 1570–1611 гг.). В итоге книга датирована 1619 – началом 1620-х годов. Почти совпали даты записи 1653 г. о создании "книги Григория Двоеслова" золотописцем А. Игнатьевым и использования ВЗ бумаги в рукописи Григория Двоеслова Чтения на евангелия (Син. 47) – «По всему блоку "Феникс", клюв развернут вправо». На такой бумаге писано и Соборное деяние Московского Собора 1654 г. (Син. 379) (Дианова-Костюхина, 1988, № 1108, 1654 г.). См.: АЕ за 1995 год. С. 71–72.

В окончании статьи (АЕ за 1996 год. С. 79–80) Володихину удалось путем сравнения дат записей о работе книгописцев над напрестольным Евангелием (РГАДА) отождествить его с "Татьяниным" Евангелием (ГИМ. Син. 61), вновь подтвердив это почти совпадающей датой ВЗ использованной бумаги (Дианова-Костюхина, 1988, № 1064, 1655 г.)[9]. Такие случаи погодного совпадения датировок ВЗ и других данных, как показывает опыт, чрезвычайно редки[10]. Обычно даты использования (или производства – белая дата) бумаги укладываются в установленный временной отрезок – 5–10 лет и более. Об этом свидетельствует последний пример. В 1656 г. старец Паисий прописывал золотом заставки и слова в двух патриарших келейных синодиках. Филиграней бумаги одного из них (Син. 665) "точного соответствия не найдено, похоже на кн.: Гераклитов А.А. № 326 (1648–1649 гг.), что не исключает предложенной датировки 1656 г." (Там же. С. 80).

Автор статьи попутно привел ценные данные о закупке бумаги для книгописания.

Отметим, что в последние десятилетия активизировалось изучение темы о работе русских книгописцев на базе монастырских собраний XV–XVII вв. (Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского и др.). В числе целого ряда важных вопросов, которые при этом удается выяснить, и вопрос датировки рукописей путем установления почерка и филиграней больших массивов бумаги.

Систематически привлекает филиграни в своих исследованиях о русских книгописцах и в других работах в АЕ историк Б.М. Клосс. Так, синхронность двух частей сборника (ОР ГБЛ. Волоколам. собр., № 490), написанных разными почерками 40-х годов XVI в., он установил по записи 1542/43 г. и по одинаковой бумаге в них. Названы три ВЗ с указанием листов их расположения в сборнике. Видимо, поэтому автор счел излишними ссылки на альбомы ВЗ (АЕ за 1974 год. С. 138). По ВЗ "голова быка" ("наиболее близок к приведенному у Пиккара, X. № 258, 1540–1541 гг.") датирован началом

[9] К сожалению, в АЕ за 1966 год (С. 79) допущена опечатка "1665 г." Должно быть "1655 г."
[10] См.: например, в статье С.П. Мордовиной (АЕ за 1968 год. С. 129).

inslav

40-х годов текст сочинения Иосифа Волоцкого "Послание вельможе Иоанну о смерти князя" из сборника ОР ГИМ (Син. № 791) середины XVI в. (Там же. С. 139). Как уже отмечалось в нашей первой статье данной темы, им совместно с Т.В. Диановой выявлен, идентифицирован по другим филиграням (Брике) и опубликован ВЗ "бегущий заяц" 20–30-х годов XVI в. (АЕ за 1976 год).

Б.М. Клосс совместно с Б.А. Градовой и В.И. Корецким в предисловии к важной публикации описи Архангельской библиотеки Д.М. Голицына 1737–1738 гг. (ЦГАДА) подтвердили ее датировку филиграними бумаги: герб Ярославля с литерами ЯФЗ (Клепиков, 1959, № 785, 1734–1741 гг.) и герб Амстердама на постаменте с литерами FB, который не удалось идентифицировать, как и ВЗ литеры "МК" бумаги описи светских рукописей на русском языке 1737 г. (АЕ за 1978 г. С. 239–240).

Сравнив бумагу описи из ЦГАДА и описи голицынской библиотеки из ЦГИА, авторы пришли к выводу: "Использована та же самая бумага (герб Ярославля с буквами ЯФЗ), только в самом конце имеются листы со знаком герба Амстердама на постаменте с литерами PV (Клепиков, 1959, № 1344, 1720–1723 гг.)". Появление листов с более ранними ВЗ не объяснено. Хотя в целом, вместе с другими признаками, авторы считают, что опись в ЦГИА – "один из экземпляров описи 1737–1738 гг." (Там же).

В продолжение темы в статье тех же авторов (АЕ за 1980 год. С. 184, 186, 187) передатирована по ВЗ "четыре якоря" копия Академического списка Новгородской I летописи младшего извода с середины на 20-е годы XVIII в. (Клепиков, 1959, № 869, 1721–1727 гг.), а также определены филиграни других голицынских рукописей (ОР ГБЛ. Ф. 304/II. № 21; Ф. 178. № 8986; ЦГАДА. Ф. 181. Д. 20) с точным описанием ВЗ и сравнением по альбомам Клепикова, Гераклитова и Вурна.

24 марта 1984 г. на заседании АК и сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР Б.М. Клосс выступил по докладу академика Б.А. Рыбакова "Миниатюры Радзивиловской летописи" с уточнением датировки летописи, проведенной им по филиграням – с 1485 до 1488 г. Докладчик отметил ценность этого и других соображений выступавших (см. хронику В.Ю. Афиани в АЕ за 1983 год. С. 331–332)[11].

В изучении летописей как важнейших письменных исторических источников специалистами, естественно, привлекаются и филиграни. Об этом уже приводились данные в первой статье рассматриваемого обзора (АЕ за 2002 год). В 1970-е годы активизировалась работа над таким уникальным памятником, как Лицевой летописный свод XVI в. (ЛС). Доскональное исследование ВЗ его бумаги после Н.П. Лихачева провел А.А. Амосов. Среди других историков, много лет изучающих Свод, – сотрудник Археографической комиссии В.В. Морозов. В Ежегоднике опубликованы несколько его статей на эту тему. 30 октября 1979 г. в АК совместно с ОР ГИМ состоялось обсуждение его доклада "О научном описании Лицевого летописного свода XVI в. (на опыте Царственной книги и Синодального тома)". Рекомендация о публикации такого описания была принята еще конференцией 1979 г. в Ленинграде, организованной АК и БАН. Заседание в своем решении поддержало это начинание, приняло за основу предложения докладчика и наметило состав ав-

[11] Ср. с факсимильным изданием Радзивиловской летописи (СПб.; М., 1994), где в описании сохранена датировка ее последним десятилетием XV в., но без анализа филиграней.

inslav

торского коллектива. Среди выступавших была и Дианова с предложением о подробном анализе ВЗ бумаги Свода и их воспроизведении (см. АЕ за 1979 год. С. 339–340, а также хронику Н.Ю. Бубнова. С. 348–350).

Позднее в статье "Фрагмент Лицевого свода в копии XVII в." Морозов проанализировал мнения предшественников о соотношении Александро-Невской летописи (АНЛ) и Лицевого летописного свода XVI в., а в комплексном доказательстве своей точки зрения использовал ВЗ. Он, в частности, показал, что "включения из Летописца начала царства в Ц[арственную книгу] написаны на бумаге с филигранями, изображающими кресты и цветы, такими же, что и на листах с перебеленными приписками" (Лихачев, 1899. Ч. I. С. 307–312; Ч. III. Табл. CCCIXXXIX-CCCXC), и выразил благодарность А.А. Амосову "за консультации по водяным знакам Ц[арственной книги]" (АЕ за 1982 год. С. 98). Кроме того, Морозов сопоставил бумагу АНЛ и Царственной книги и сделал вывод: "АНЛ написана на бумаге середины XVII в. скорописью третьей его четверти (Лихачев. Ч. I. С. 333–334)" (АЕ за 1982 год. С. 100–106).

В статье "Практическая археография книжника средневековья (из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI в.)" дан глубокий анализ источников Свода и лишь общее заключение о бумаге: "Исследователи бумаги ЛС убедительно доказали, что работа над ним осуществлялась не ранее второй половины 70-х годов XVI в." Далее названы работы Н.П. Лихачева (1899), Б.Н. Клосса (1980), А.А. Амосова (1982, 1983) (АЕ за 1986 год. С. 85).

В трех статьях "Лицевой летописный свод XVI в. Уроки историографии" (АЕ за 1999–2001 годы) отметим, во-первых, характеристику фундаментальной работы А.А. Амосова "Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование" (1998), подготовленной к изданию В.В. Морозовым. Во-вторых, изложение высоких оценок М.В. Кукушкиной филигранологических исследований Н.П. Лихачева и А.А. Амосова, "ставших основой датирования ЛС"; вклад В.Н. Щепкина, который заметил "смену филиграней бумаги: в каждом пласте рукописи преобладает один знак, изредка перемежающийся с другим. Этим обстоятельством впоследствии блестяще воспользовался Амосов, еще до знакомства с С[инодальным томом] предсказавший его водяные знаки в месте разрыва общего с Ц[арственной книгой] и когда-то единого текста" (АЕ за 1999 год. С. 54, 61, 62). Такое предположение удалось проверить и подтвердить в процессе полистного описания[12].

В продолжение статьи (АЕ за 2000 год) В.В. Морозов уточнил положение А.А. Зимина (со ссылкой на Н.П. Лихачева) о бумаге ЛС, переданной в Посольский приказ (Там же. С. 45); показал несостоятельность тезиса Р.Г. Скрынникова о датировке последних томов Свода (со ссылкой на работу Амосова 1982 г.) (Там же. С. 47); охарактеризовал вклад Е.С. Сизова и изучение ВЗ бумаги Шумиловского дома (Там же. С. 52).

В окончании статьи (АЕ за 2001 год) В.В. Морозов подверг критике методику "усреднения" датирования бумаги раннего и позднего происхождения Б.М. Клосса, благодаря которой он «вопреки объективным показаниям филигранологии, поддался обаянию специалиста в истории политической и принял его мнение, подведя базу "теоретическую" и довольно (как позднее пока-

[12] Эта работа вышла в издательстве РГГУ. См.: Лицевой летописный свод XVI века: Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Сост. Е.А. Белоконь, В.В. Морозов, С.А. Морозов; Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2002. Ранее см.: *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 177.

inslav

жет исследование А.А. Амосова) зыбкую» (Там же. С. 43). Излагая свою точку зрения на Никоновскую летопись как источник ЛС Морозов привлек в качестве аргумента и ВЗ бумаги (Там же. С. 46). Обращаясь к монографии Амосова, в которой подведены итоги исследования памятника в течение 200 лет, он сосредоточивается на ее второй части, где проанализированы филиграни, давшие основу для датирования Свода и позволившие выявить "кодикологическую структуру отдельных комплексов, составляющих ЛС" (Там же. С. 49–50). Для этого им были просмотрены все листы Свода. Положения этого анализа Морозова подтверждены ссылками на разные работы Амосова. Подводя итоги своих рассуждений, Морозов указал вопросы еще недостаточно ясные, в том числе и внешней критики источника, и перспективы исследования "крупнейшего в мировой культуре памятника письменности" (Там же. С. 55).

Огромная работа с филигранями была проделана Морозовым при описании рукописей старопечатных книг в музеях Вологодской области. Но о ней – во втором разделе нашего обзора.

Сотрудник АК Б.Н. Морозов, которому в последнее время удалось ввести в научный оборот ряд ценных документов, также использовал филиграни в комплексном анализе. Прежде всего имеется в виду подготовленная им публикация неизвестного, наиболее раннего списка Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII в. (ОР ГПБ. Q. XVII. 67. Л. 16 об.–17). В предисловии, после историографии вопроса, приведена предварительная характеристика сборника, писанного одним почерком – монаха Соловецкого монастыря[13] и состоящего из нескольких комплексов тетрадей с датированными записями. Попытка Морозова установить дату послания по филиграни бумаги, на которой написана тетрадь 5-го основного комплекса, оказалась безрезультативной из-за дефектов тетради: "Литеры (видны лишь их фрагменты, напоминающие полумесяцы) под довольно большой короной. Прямых аналогий в альбомах Ш. Брике и Н.П. Лихачева обнаружить не удалось, хотя подобный тип знаков известен – он широко использовался французскими бумажными фабрикантами во второй половине XVI в." (АЕ за 1986 год. С. 282). Морозов поблагодарил Амосова за помощь в изучении ВЗ.

Далее он попытался датировать тексты этой тетради на основе ВЗ бумаги следующих тетрадей (по альбомам Тромонина, Лихачева (1899), Гераклитова, Брике (1907)). Бытование их бумаги определяется концом XVI в. и подтверждается почерком и текстологическим анализом.

Доклад Морозова по этому вопросу был заслушан 27 января 1987 г. на заседании АК и сектора источниковедения дооктябрьского периода истории СССР Института истории СССР АН СССР. В.А. Кучкин, отметив ценность находки, предложил углубить филигранологический и текстологический анализы списка. А.П. Богданов, поддержав датировку Б.Н. Морозова, подтвердил факт бытования бумаги с указанным ВЗ в начале 1590 г. в России, в частности в делах Посольского приказа. Как и другие выступавшие, он высказался за продолжение изучения сборника (АЕ за 1987 год. С. 318). Дополнительные данные по исследуемому вопросу см. в докладе Морозова 26 декабря 1988 г. (АЕ за 1988 год. С. 324), послужившего основой для его статьи «"Книга Посланье Курбского" в библиотеке Н.Г. Строганова начала XVII в.» (АЕ за 1990 год. С. 41–45).

---

[13] См.: *Морозов Б.Н.* Автобиография Ионы Соловецкого // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 447–453.

inslav

Б.Н. Морозов проанализировал рукопись наиболее древнего списка перевода Травника Любчанина, судя по послесловию – 1533/34 г., – хранящегося в ЦНБ Харьковского университета и считавшегося памятником украинской письменности. Исследователь доказал, что список московского происхождения: "Рукопись написана характерной деловой русской скорописью первой половины XVI в. [...] Водяные знаки бумаги подтверждают датировку списка второй четвертью XVI в. (естественно, после 1533/34 г)" (АЕ за 2000 год. С. 113). Идентификация ВЗ проделана им в данной книге АЕ[14].

Редким в своем роде опытом является применение С.М. Каштановым сравнительного филигранологического метода как основного инструмента в реконструкции копийных книг XVI в. Троице-Сергиева монастыря (ОР ГБЛ. Ф. 303. № 518, 637). Тщательный анализ вариантов ВЗ "рука с розеткой" и их расположения относительно понтюзо в копийных книгах и в сборнике № 1846 из собрания М.П. Погодина (ОР ГПБ) позволил установить идентичность их бумаги и первоначальное местоположение отдельных листов сборника в троицких копийных книгах. Ученый проследил и развитие самой филиграни. К сожалению, в АЕ это отражено лаконично (см.: АЕ за 1978 год. С. 348). Изложение доклада Каштанова на конференции 1977 г. в Ереване – в хронике Н.А. Долдобановой. См. также статью Л.П. Жуковской – АЕ за 1981 год. С. 65[15].

Успешным результатом сотрудничества российских и шведских историков и архивистов явилась публикация новонайденной жалованной грамоты Ивана III и Василия III 1504 г. Спасскому Валаамскому монастырю (подг. и предисл. С.М. Каштанова, Е.Е. Матвеевой, послесловие о. Онуфрия) (АЕ за 2000 год. С. 419–447). С.М. Каштанов многие годы вел поиск грамоты в России, обнаружив в документах РГАДА упоминание о ней с датой апреля 1504 г. В 1991 г. в поиске документов этого монастыря о. Онуфрий работал в архивах г. Стокгольма, установив там научные связи. Текст этой грамоты на шведском языке нашла исследовательница Е. Лёфстранд и прислала коллегам в Россию ее ксерокопию вместе с рисунком ВЗ "крепостные ворота" бумаги рукописи. Благодаря помощи С.М. Каштанова состоялась публикация не только шведского текста грамоты, но и обратного перевода ее на русский язык, также ее примерной реконструкции, сопровождаемые тщательными примечаниями, приложениями и дополнениями.

В комплексном исследовании найденной грамоты важную роль сыграло изучение ВЗ бумаги. «Судя по водяному знаку рукописи шведского перевода, наиболее близкому к аналогичной филиграни 1617 г., мы имеем дело с текстом, составленным как раз в период тяжбы "между русскими и шведскими послами", т.е. в 1618–1619 гг. Переводчик пользовался бумагой немецкого происхождения: буква "М" в нижней части знака была инициалом фамилии "Mieser". В 1584–1632 гг. изготовлением бумаги этого типа занимался Jerg Mieser (см.: Piccard G. Die Turmwasserzeichen. Stuttgart, 1970. S. 17)» (АЕ за 2000 год. С. 421–422). Подготовители дали подробное описание бумаги шведского текста грамоты и как дополнение "Описание водяного знака рукописи, содержащей шведский перевод грамоты 1504 г." (в нашей практике публикаций такое дополнение встретилось впервые). Этот ВЗ идентифицирован с ВЗ

---

[14] См.: *Морозов Б.Н.* Травник из Постельной казны Ивана Грозного? Харьковская рукопись 1534 г. – новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // АЕ за 2002 год. С. 73–74.

[15] Полностью исследование С.М. Каштанова опубл.: ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 30–63; М., 1979. Вып. 40. С. 4–58; М., 1981. Вып. 42. С. 5–63; М., 1982. Вып. 43. С. 4–37.

inslav

№ 718 (1617 г.) по альбому Э. Лауцявичюса, а происхождение бумаги определено по Г. Пиккару. "Почти полное совпадение основных размеров сравниваемых знаков говорит об их вероятной хронологической близости, а может быть, и синхронности" (Там же. С. 443).

Среди разного рода источников, в изучении которых используется и ВЗ, отметим в Ежегоднике и картографические материалы. Об этом, в частности, свидетельствует заседание Комиссии и сектора исторической географии Института истории СССР АН СССР 21 февраля 1980 г. с докладом В.С. Кусова (геофак МГУ) «Программа сводного каталога "Русский чертеж"». Из 11 разделов их описания один отведен филиграням (см. хронику А.А. Турилова в АЕ за 1980 год. С. 344). К 1989 г., когда эта программа была выполнена, насчитывалось 972 таких памятника XVI–XVII вв., из которых 6 – печатные, остальные – рукописные, в 15 архивах СССР и зарубежья. В.С. Кусов, проанализировав отечественные и зарубежные каталоги и инструкции, предложил формулу описания из 19 позиций, среди них сохраняется и "филигрань": "Сведения о филигранях, число которых относительно невелико (до 50 типов), указаны ссылками на два справочника – А.А. Гераклитова или Т.В. Диановой и Л.М. Костюхиной" [1980] (см.: *Кусов В.С.* О составлении каталога русских географических чертежей XVI–XVII вв. – АЕ за 1989 год. С. 65, 68–71).

После издания каталога[16] Кусов опубликовал описания[17] еще трех русских датированных чертежей конца XVII в., обнаруженных в РГАДА Ю.В. Беляковым, так что общее их число теперь достигло 1043. В них присутствует краткое, но четкое описание ВЗ с идентификацией по альбому Диановой-Костюхиной, но, к сожалению, без указания дат ВЗ, хотя интервалы между датами составления чертежей и ВЗ в альбоме велики: № 79а. Чертеж составлен в 1692 г. (не опечатка ли?) "С трудом просматриваемая филигрань наиболее близка гербу № 864" (в альбоме ВЗ 1623 г.!); № 796. Чертеж составлен в 1683 г. "Филигрань шут типа № 457" (в альбоме 1670 г.); № 393а. Чертеж составлен в 1688 г. "Филигрань не видна" (АЕ за 1997 год. С. 120, 121, 127). Таким образом, на страницах АЕ представлена история подготовки, издания и пополнения этих картографических источников.

Наряду с письменными источниками на бумажной основе XIII–XVII вв. в АЕ много статей с привлечением ВЗ при датировке документов XVIII–XIX вв., порой представляющих списки древних подлинников.

Ценной является публикация В.С. Румянцевой – «Кратчайшая редакция "Жития" протопопа Аввакума» из неизвестного сборника второй половины XVIII в. (писан одним почерком, поздним полууставом на двух листах). В предисловии указаны 2 филиграни: "л. 6 – горн под короною с литерами ERLEV, л. 7 – часть короны (бумажный знак близок к Churchill типа 319, 321; 1732–1740 гг.)". Каких либо пояснений о ВЗ нет, хотя разрыв в датах велик (АЕ за 1973 год. С. 267). Кстати, по-русски не "горн", а "рожок", и, конечно, не "бумажный", а "водяной знак".

С.Е. Князьков внес свою лепту в комплексный анализ двух малоизвестных копий Угличского следственного дела, составленного во второй половине XVIII в. (ЦГАДА). Первая копия была снята для Г.-Ф. Миллера и хранится в его "Портфелях" (Ф. 199). Определен полный ВЗ ее бумаги – "Pro Patria" с литерами АГ и вензелем (Клепиков [1959 г. № 20], 1762–1763 гг.). Но текст

---

[16] *Кусов В.С.* Чертежи Земли русской XVI–XVII вв. М., 1993. 1040 чертежей.

[17] Он указал, что схема описания одобрена на заседании АК 1980 г.

inslav

копии не мог быть написан ранее 1766 г., когда Миллер был назначен в архив. Бумага обложки без ВЗ. Вторая копия (Ф. 156) имеет филиграни – "литеры ФК (сложный вензель) и ПР (также сложный вензель)" (Клепиков. 1959. № 704, 1768–1769 гг. и 1774 г.). ВЗ бумаги обложки – герб г. Ярославля с литерами ЯМСЯ (Там же. № 778, 1781–1786 гг.), т.е. филиграни укладываются в установленный по другим признакам для копий отрезок времени – последняя треть XVIII в. (АЕ за 1976 год. С. 201–203).

С деятельностью Г.-Ф. Миллера и его коллекцией бумаг связаны и другие статьи. А.Б. Каменский, рассматривая историю создания и публикации книги Миллера "Известие о дворянах", установил по филиграням бумаги копии сборника документов, присланного Г.-Ф. Миллером и А.Т. Князевым А.А. Вяземскому (ЦГАДА), что она была снята "не ранее 1781 г." В описании выявленных автором трех списков сочинения Миллера (Архив ЛОИИ, ОР ГПБ, ОПИ ГИМ) названы и ВЗ бумаги, но без их сравнения и дат в альбомах. Бумага первого списка с гербом Ярославской губернии и литерами ЯМВСЯ (Клепиков, 1978, № 1059 [1799 г.], бумага второго списка "с литерами WKM в левой стороне и GR в правой стороне листа" (Клепиков, 1959, № 1052 [1788 г.]. Здесь указано обратное расположение сторон листа с литерами и дано еще описание сюжетных ВЗ, чего у автора статьи нет), бумага третьего списка, "по-видимому, более позднего происхождения" (Там же. "Филиграни близки к № 1397" [1810 г.]) (АЕ за 1981 год. С. 169, 170).

Изучая источники по истории и генеалогии дворянства в "Портфелях Г.-Ф. Миллера" (ЦГАДА), Каменский определил подлинную родословную роспись князей Ромодановских по филиграни "Голова шута", близкой к № 478, 1680 г. (Дианова, Костюхина, 1980) и почерку: указал белые даты ВЗ в листах копии сборника выписок Миллера (ЛО ААН) из, по-видимому, несохранившейся "Золотой родословной книги" (1743) и бумаги его титульного листа (1748) (АЕ за 1985 год. С. 91, 94).

В.П. Козлов, исследуя реестры рукописей, составленные в 1791–1799 гг. и присланные в Синод в конце XVIII в. (ОР ГБЛ), установил, что их владельцем был А.И. Сулакадзев, который переплел реестры в три тетради, снабдив их оглавлением, приклеив его к началу первой тетради, подклеил бумагу вместо выдранных частей реестров и т.д. Эта бумага – русского производства, с разными ВЗ и белыми датами, разброс которых составил период с 1791 по 1818 г. (Клепиков, 1959, № 751–754, 1791–1807 гг.; № 497, 1798–1800 гг.; № 337, 1818 г.). Козлов правомерно ограничил время поступления реестров к этому коллекционеру "самым концом XVIII – началом XIX в.", опираясь на даты ВЗ листов с оглавлением (АЕ за 1979 год. С. 87–88).

А.К. Афанасьев проанализировал "Журнал жизни и службы князя Михаила Николаевича Волконского" с 1713 по 1756 г. (ОПИ ГИМ), написанного почерком XVIII в. Время его составления установлено по ВЗ (Лауцявичюс, № 2431): "Бумага плотная, желтоватая, изготовлена, судя по филиграни, в Литве в 1759 г." (АЕ за 1990 год. С. 66). В одном автор ошибся, видимо, не имея возможности прочесть пояснения к ВЗ по-литовски и не зная о русском переводе текста. Э. Лауцявичюс (Т. [I]. С. 134) о группе ВЗ, включающей и № 2431, пишет, что их место производства выяснить не удалось.

Материал исследования В.А. Есиповой (Томск) – восемь рукописных книг XVIII в. из коллекции славяно-русских рукописей ОРРК Научной библиотеки Томского университета. Часть из них датируется по записям писцов, а часть – по белым датам ВЗ бумаги сибирских мануфактур, еще недостаточно изученной, и по ВЗ бумаги других фабрик. В расшифровке литер ВЗ ис-

inslav

пользованы работы С.А. Клепикова, М.В. Кукушкиной и З.В. Участкиной, отмечено отсутствие расшифровки ряда литер. Автор выявила сибирскую бумагу с ВЗ и вержерами, но без понтюзо (АЕ за 1999 год. С. 101–106).

С 1981 г. в Ежегоднике появляются и наши статьи по истории, историографии и библиографии филиграноведения. Вопросы использования ВЗ при датировке рукописей в комплексном анализе больше всего отражены в работах о переводе труда Э.Т. Лауцявичюса и о жизни и деятельности филиграноведа, палеографа, библиофила И.П. Лаптева.

Приведем лишь некоторые примеры. В поисках материалов об И.П. Лаптеве нами были обнаружены черновая рукопись его книги 1824 г., судя по ВЗ ее бумаги, начатая не ранее 1823 г., и несколько коллекций водяных знаков, в том числе лаптевская, собранных в первой трети XIX в. в фонде чиновника Н.М. Михайловского (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1). Сравнительный анализ этих источников включает и трудоемкую работу по идентификации филиграней (см. наши статьи в АЕ за 1990–1992 годы). Благодаря ВЗ бумаги ед. хр. 48 установлено, что у первого владельца А.В. Беляева она была не ранее 1817 г., а записи помогли узнать о следующих владельцах – Е.С. Петрове и И.П. Лаптеве. ВЗ русской бумаги ед. хр. 45, выявленные С.А. Клепиковым и мной, определяют период ее заполнения рисунками ВЗ 1819–1828 гг. (идентифицированы по работам Клепикова 1952, 1978 гг. и Кукушкиной 1958 г.), а сравнение прорисей ВЗ, зачеркнутых красными чернилами в этих тетрадях и рукописи книги Лаптева, как и почерков записей на полях тетрадей в этом деле, окончательно убедили, что оно из коллекции Лаптева.

Записи к рисункам содержат и названия источников, из которых выявлены филиграни, в том числе опубликованные в книге Лаптева. Это позволило провести сравнение ВЗ из книги с ВЗ некоторых старопечатных изданий тиража, использованного им, и составить соответствующую таблицу источников, не отмеченных в книге Лаптева. При отсутствии личного фонда И.П. Лаптева без коллекции ВЗ не удалось бы раскрыть его филиграноведческую деятельность до и, особенно, после выхода книги 1892 г. Подробнее об этом см. в нашей монографии[18].

Не могу не вспомнить с благодарностью консультации не только отечественных, но и зарубежных ученых, оказанные при переводе мной текста исследования литовского историка культуры Э.Т. Лауцявичюса (см. об этом в наших статьях: АЕ за 1981 год. С. 77–79; АЕ за 1998 год. С. 199–200). Так, в процессе перевода вызвало сомнение положение автора об эмиграции в Голландию французских бумажных мастеров Жардель (Jardel) после отмены Нантского эдикта 1685 г. Имевшаяся в нашем распоряжении литература не содержала таких сведений. Между тем, эта фамилия часто фигурирует в составе филиграней в альбоме Лауцявичюса и других и играет важную роль в датировке бумаги.

С помощью О.А. Князевской удалось связаться с голландским славистом У. Федером (W. Veder), который проверил неопубликованный каталог "Fichier des noms Wallons et Huguenots aux Pays – Bas" в Валлонской библиотеке в Амстердаме. Фамилии этой семьи там не оказалось. Абзац в книге Лауцявичюса (С. 109, на лит. яз.) был нами уточнен в соответствии со справочником У. Черчилля (С. 20–21), из которого, судя по содержанию, были взяты, но неточно переданы сведения о семье Жардель. Это любезно подтвердили знатоки французской бумаги А. Базанова и А. Гаше (H. Gachet). С последним

---

[18] *Андрюшайтите Ю.А.* И.П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения. М., 2001.

inslav

завязалась переписка, благодаря помощи известного специалиста по истории Франции А.Д. Люблинской[19]. Он даже прислал мне бумажный лист производства Жарделей и предложил совместно написать статью по этому недостаточно исследованному вопросу. Но его внезапная кончина помешала осуществить задуманное.

Еще одно уточнение. Э. Лауцявичюс писал, что В.А. Мошин собирается издать альбом с филигранью "кабан". В результате контакта с Мошиным выяснилось, что от этой мысли он отказался.

Кроме отечественных, на страницах Ежегодника по данному вопросу выступали и зарубежные авторы. Например, американский исследователь Д.К. Уо изучил неизвестный памятник "Грамоту государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси к Степану, королю польскому" (ОР ГИМ. Муз. № 1551). Судя по имеющейся в тексте дате, октября 1599 г., она не могла быть написана ранее этого времени. По почерку Уо определил ее появление первой половиной XVII в. и уточнил по филиграням. Он подробно описал два варианта ВЗ "кувшинчик", идентифицировав их по альбому Гераклитова (1628–1630–1633 гг.) и по изданию "Гриодь постная" (М., 1630) (АЕ за 1971 год. С. 357–381).

Болгарский филолог К.И. Иванова в первой своей статье в АЕ писала: "Датировка рукописей по ВЗ бумаги в настоящее время позволяет делать выводы с точностью до 10–15 лет", но к наиболее точным результатам приводит комплексное исследование, которое дает возможность установить время недатированных рукописей и уточнить датированные (АЕ за 1976 год. С. 148). Далее уточнены даты 17 славянских рукописей на основе времени изготовления бумаги (кроме одной – на пергамене) и графико-орфографических особенностей письма. ВЗ идентифицированы по альбомам Лихачева (1899), Брике (1907 и 1955 гг. Briquet's Opuscula. Hilwersum, 1955. Moumenta... Vol. IV), Мошина – Тралич. Названий ВЗ нет (кроме рукописи 16), так как указаны номера их типов или "подобных" в альбоме, либо отсутствие ВЗ. Характеризуются качества бумаги, ее вержеры и понтюзо.

В следующей статье Ивановой (АЕ за 1982 год. С. 188–192) рассмотрены и описаны семь рукописей из собрания Н.П. Погодина, ранее принадлежавшие И.П. Лаптеву (ОР ГПБ). При этом уточняются датировки, в том числе по записям Лаптева о ВЗ. После работы "О Лаптевском списке Правды Русской" историка В.П. Любимова[20] это была первая статья в советской литературе об известном филиграноведе.

Знаменитый филиграновед русского происхождения из Югославии В.А. Мошин опубликовал в АЕ одну статью (АЕ за 1973 год), представляющую описание южнославянских рукописей в ЛОИИ АН СССР, которая будет рассмотрена во II разделе данного обзора. Здесь отметим лишь редкий факт публикации семи таблиц с филиграними этих рукописей.

Помимо работ с использованием ВЗ в датировке русских и славянских рукописей, некоторые статьи посвящены западноевропейским, латинским и греческим источникам. Интересны результаты многолетних исследований В.Н. Маловым коллекции Г. Ламуаньона (66 томов документов на фр. и ит. языках 1547–1569 гг., хранящихся в РГАДА), первого президента Парижского парламента в 1658–1677 гг. Коллекция делится на две серии – А и В, имеющие различия. Комплексное изучение ее документов включает и ВЗ: "Судя

[19] Переписка с У. Федером, А.Д. Люблинской и А. Гаше хранится в нашем личном архиве.
[20] Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 832–838.

inslav

по водяным знакам, чистые листы обеих серий были изготовлены в основном во Франции в XVII в. Необходимо отметить, что в каждой серии свой особый набор филиграней. Водяных знаков, общих для обеих серий, нет, хотя внутри серий филиграни повторяются неоднократно (всего 5 видов бумажных форм в серии А и 9 – в серии В)" (АЕ за 1975 год. С. 57).

В статье названия ВЗ не указаны и ссылок на альбомы нет, видимо, эти данные имеются в рабочем каталоге автора. Общую хронологию наиболее ранних слоев документов автор установил по почерку и другим признакам – второй слой – вторая половина XVII в., а первый слой еще древнее. Затем он обратился к переплетам дел, выявив разные ВЗ на плюрах (чистых предохранительных листах), что подтверждает их изготовление в разных мастерских. Однако "сходных" ВЗ автору "не удалось найти в еще очень неполных альбомах филиграней XVII в." (Там же. С. 59). В примечании написано, что ученый пользуется терминологией В.Н. Щепкина и считает "сходными" такие ВЗ, "различия между которыми не носят преднамеренного характера". Обнаружив в т. 36 серии В филиграни в виде герба Кольбера с орденом Святого духа (членом которого тот стал 26 августа 1665 г.), автор высказал предположение, что "время подбора плюров серии В совпадает со временем изготовления переплета" – не ранее сентября 1665 г. (Там же. С. 59–60)[21].

Из напечатанных в Ежегоднике статей такого известного ученого, как Б.Л. Фонкич, к нашей теме относится одна – "Греческие рукописи А.Н. Муравьева". Проведя комплексное изучение рукописи "Описание Иерусалимского патриархата" (ОР ГБЛ) с привлечением филиграни (с белой датой 1838) бумаги ее защитных листов первоначального переплета, он пришел к выводу, что она была написана в 1838 г. (АЕ за 1984 год. С. 241).

Подавляющее число статей по указанным выше источникам относится к описаниям, поэтому они будут рассмотрены во II разделе обзора.

В заключение отметим, что единственная в Ежегоднике статья о бумаге с ВЗ и штемпелями советских документов (1917–1920) опубликована бывшим сотрудником Комиссии Р.В. Костиной (АЕ за 1974 год. С. 62–76). Такой опыт был предпринят в литературе впервые. Кроме историографии вопроса, ею в результате анализа бумаги дел из Государственного архива Московской области составлены пять таблиц с описанием ВЗ, штемпелей, видов писчей бумаги и ее качества, а также внесены уточнения в данные С.А. Клепикова, опубликованные в его статье (АЕ за 1966 год) и книге 1959 г.

Статья Костиной предназначалась для сборника работ о внешних признаках советских документов, подготовленного под руководством академика М.Н. Тихомирова, поддерживавшего разработку вопросов неографии. Но целиком он не был издан. Рукописи статей хранятся в архиве АК.

Завершая I раздел обзора об использовании водяных знаков при датировке источников на бумаге, изложенный в двух статьях (АЕ за 2002 год и в наст. изд.), подведем предварительные итоги.

Представленные материалы свидетельствуют, что рассматриваемый вопрос фигурирует почти в каждой книге "Археографического ежегодника" за указанный период в разного рода работах (статьях, предисловиях к публикациям, хронике и др.). Это можно объяснить спецификой деятельности Археографической комиссии и ее изданий, в том числе АЕ, играющих координирующую роль в области археографии (выявление, описание и публика-

[21] Продолжение этого исследования В.Н. Малова см.: АЕ за 2001 год. Но там филиграни не рассматриваются.

inslav

ция документов), имеющих тесные связи с хранилищами документов как в центре, так и на периферии сначала СССР, затем – России, а ныне по линии Сводного каталога – в странах СНГ и Балтии. Поэтому Ежегодник занимает одно из первых мест не только по количеству, но по профессиональному уровню работ данной тематики среди исторических периодических изданий. В нем отразились типичные тенденции в изучении ВЗ в СССР (а с 1991 г. – в России) второй половины XX в., т.е. в период возрождения филиграноведения, начиная с 1950-х годов.

Относительно состава авторов работ. Подавляющее их большинство – историки, палеографы, филологи из разных городов и даже стран. Но, в силу отмеченной специфики, часть работ принадлежит сотрудникам АК и ее ученым руководителям. Особенно велика была роль первого председателя АК академика М.Н. Тихомирова. Он не только сам применял филиграни при датировке рукописей, внедрял в 1950–1960-е годы, т.е. когда отечественное филиграноведение только выходило из застоя, этот метод в работе Комиссии, но и привлек крупнейших филиграноведов к выступлениям на страницах АЕ.

Учитывая большой объем материала (1957–2000), мы сочли целесообразным осветить этот вопрос по хронологии выхода АЕ, что позволило проследить вовлечение новых источников на бумаге (наряду с продолжением ранних исследований), появление новых имен исследователей. Выделение работ крупнейших филиграноведов в персональные очерки (С.А. Клепиков, М.В. Кукушкина, А.А. Амосов, Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина, Н.Н. Покровский, С.М. Каштанов) дало возможность охарактеризовать почти всесторонне их деятельность. Среди остальных работ внимание в первую очередь уделено тем, которые содержат наиболее полную характеристику ВЗ при датировке рукописей, т.е. раскрывают лабораторию исследования, а также тем, которые вводят в научный оборот новые источники. Одновременно отмечены и недостатки в изучении ВЗ.

Рассмотренные работы охватывают источники на бумаге XIII (Архивская лествица, пергамен в прокладку с бумагой, без ВЗ) – XX вв. В основном это нарративные источники разных видов, актовые, картографические, некоторые печатные издания на русском, славянских, западноевропейских, а также на греческом и латинском языках. Отдельные работы посвящены изучению восточной бумаги. Характерная черта методики изученных работ – включение ВЗ в комплексный анализ датировки источников на бумаге, наряду с почерком и другими признаками. Поэтому нет оснований противопоставлять в этом процессе историков и филологов, что иногда встречается в литературе. Речь может идти лишь об уровне квалификации исследователя. Можно считать услышанными и призывы ряда ученых (например, А.А. Турилова, Н.Ю. Бубнова) об опасности абсолютизации ВЗ в процессе датировки.

В изученных работах ВЗ чаще подтверждают или иллюстрируют правильность датировки рукописей по другим признакам. Но иногда ВЗ являются определяющим средством. При этом устанавливается время написания рукописей без дат, как и (довольно часто) уточняются датированные источники с помощью более точного анализа и новых справочников филиграней. Датировка по ВЗ, как правило, охватывает период от нескольких до 15 лет и более. В отдельных случаях даты производства бумаги (белые даты) почти погодно совпадают с датировкой по другим признакам (см. статьи Д.М. Володихина – АЕ за 1995–1996 годы; С.П. Мордовиной – АЕ за 1968 год; В.А. Есиповой – АЕ за 1999 год).

inslav

Налицо большое разнообразие приемов в комплексном методе датировки. Простейший – когда ВЗ удается идентифицировать по справочникам, более сложный – сравнение даты производства и использования филиграни с данными других внешних признаков и содержанием текста источника, еще сложнее с данными других комплексов документов, порой находящихся в разных хранилищах (яркий пример – изучение С.М. Каштановым ВЗ Троицких копийных книг). Порой встречаются характеристики самой бумаги, ее фактуры, цвета, периода использования, наличие сибирской бумаги без понтюзо, а также сведения о закупках бумаги для книгописания, о странах ее производства.

Проанализированные материалы еще раз убеждают в сложности процесса датировки источников по ВЗ, в необходимости владения специальной методикой, что присуще еще не всем авторам. Этим объясняются встречающиеся недостатки. Редко описаны полные ВЗ, как, например, в статье В.А. Кучкина (АЕ за 1964 год). Понятно, что исследователь может и не найти контрамарки в рукописи, но это всегда должно быть оговорено. Часто отсутствуют названия филиграней, дается только отсылка на номера знаков в альбомах, по которым искомый знак идентифицируется. При этом не всегда указываются выходные данные альбомов, при определении сравнения знаков чаще фигурируют термины "типа" такого-то ВЗ, реже – "подобный", "близкий". Исключительно редко даются основные параметры ВЗ, их расположение относительно понтюзо (см. работы Г.В. Попова – АЕ за 1970 год; А.А. Амосова – АЕ за 1971 год; С.М. Каштанова – АЕ за 2000 год), хотя среди специалистов это признается сегодня обязательным.

При отсутствии изучаемого ВЗ в альбомах, авторы ограничиваются общим выражением "ВЗ в альбомах не обнаружен", хотя точность анализа требует перечислить справочники, просмотренные автором, чтобы знать, где еще искать. Не всегда указаны номера листов рукописи, на которых расположены ВЗ. Налицо и разнобой в филиграноведческой терминологии. Не случайно в АЕ зафиксированы факты, когда некоторые исследователи обращались за помощью к специалистам филиграноведам (С.А. Клепикову, М.В. Кукушкиной, Т.Н. Протасьевой, Н.Н. Покровскому, А.А. Амосову, Т.В. Дианова, Л.М. Костюхиной, С.М. Каштанову, Е.П. Маматовой) и выражали им свою благодарность. Неоднократно комплексный анализ рукописи осуществляется несколькими исследователями.

В целом работы в АЕ показывают процесс датировки рукописей с помощью ВЗ в его традиционных формах, без применения электронной техники (оно началось у нас в 1990-е годы в отдельных лабораториях), хотя сообщения о новых методах публиковались в АЕ. Частично использован (Кукушкиной, Клепиковым, Амосовым и др.) бета-радиографический метод Д.П. Эрастова при воспроизведении ВЗ.

Точность идентификации искомых филиграней зависит не только от уровня филиграноведческих знаний исследователя, но и от наличия в библиотеках и архивохранилищах соответствующих справочников. Если посмотреть перечень альбомов филиграней, по которым проводилась идентификация ВЗ в АЕ (приведен в нашей первой статье), то среди них – крупнейшие альбомы и работы зарубежных и отечественных специалистов. К сожалению, альбомы Т.В. Дианова, вышедшие в 1990-х годах, еще не были использованы, как и многие статьи и (книги) зарубежных филиграноведов, отсутствующие в библиотеках. Надо надеяться, что проходящая в стране компьютеризация позволит через Интернет получить к ним доступ.

inslav

Поэтому ценными в АЕ являются публикации воспроизведений и рисунков (в уменьшенном виде) новых разновидностей водяных знаков, штемпелей и описания их в таблицах: С.А. Клепиков, кроме воспроизведений, ввел и новый табличный метод (АЕ за 1962 год, за 1966–1967 годы, за 1975 год); А.А. Амосов (таблицы в АЕ за 1971 год); В.А. Мошин (воспроизведения в АЕ за 1973 год); Т.В. Дианова и Б.М. Клосс (АЕ за 1976 год); Р.В. Костина (таблицы в АЕ за 1974 год). Подавляющее число ВЗ опубликовано, конечно, в альбомах и специальных работах этих и других филиграноведов.

Основа подготовки альбомов филиграней – их коллекции. Вопрос о поиске и использовании таких коллекций нашел отражение в АЕ (в статьях М.В. Кукушкиной, С.А. Клепикова, А.А. Амосова[22], Т.В. Диановой, Ю.В. Андрюшайтите). Благодаря изучению новых источников и коллекций ВЗ, в работах на страницах АЕ установлены или уточнены не только даты рукописей и целых комплексов документов, но и время использования типов самих филиграней. Это расширило источниковую базу для датировки памятников письменности и печатных на бумаге, для издания новых справочников ВЗ. Вместе с тем в названных работах есть сведения о собранных, но еще не опубликованных коллекциях ВЗ, особенно из фонда Клепикова в БАН.

Обзор материалов только в одном издании – "Археографическом ежегоднике", – конечно, не может показать все особенности изучаемого вопроса, но большой хронологический и территориальный охват работ, типичность многих материалов, обобщение конкретного опыта датировки источников на бумаге с помощью ВЗ, на наш взгляд, отражают основные черты этого процесса в отечественном филиграноведении второй половины XX в.

Следующий, II раздел обзора, будет посвящен использованию водяных знаков в описаниях рукописей на бумаге.

А.А. Иванов

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В "МАРИЙСКОМ АРХЕОГРАФИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ" (1991–2003)*

Отечественная археография советского периода развития исторической мысли была примечательна существованием системы специальных периодических изданий (журналов, ежегодников), выходивших в регионах и призванных не только дополнить и расширить научные достижения исследователей, публиковавших свои труды в центральных профильных сборниках – "Археографическом ежегоднике", "Советских архивах", "Вспомогательных исторических дисциплинах" и других, но и самостоятельно изучить документальное наследие народов России. Системный кризис, поразивший историческую науку на рубеже 80–90-х годов XX в., усугубленный кризисом экономическим, к сожалению, привел к прекращению выхода практически всех подобных изданий. Такую судьбу, например, разделили, авторитетные в прошлом – "Северный археографический сборник" (Вологда, Сыктывкар) и "Южноуральский археографический сборник" (Уфа). Задачу восполнения пробела в области документальных публикаций и, в существенно меньшей степени,

[22] Основная часть личного архива Амосова, как нам стало известно, передана в Архангельский государственный областной архив.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-01-00248а/В).

inslav

в части исследований по архивоведению, археографии и источниковедению, были вынуждены взять на себя общеисторические журналы.

Появление на этом фоне в 1991 г. научно-практического ежегодника Марийский археографический вестник (МАВ) нельзя не признать знаменательным явлением в современной региональной археографии. Издание, учрежденное кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета и Министерством культуры Республики Марий Эл, является едва ли не единственным подобного рода в России. Тринадцать его выпусков оказались востребованными историками, преподавателями, учащимися и краеведами не только Марийской Республики, но и окружающих областей и республик, всего обширного региона Поволжья и Урала, оправдав тем самым первоначальные замыслы учредителей[1]. Авторами ежегодника стали ученые более чем из 25 городов России, Италии и Словакии, а его выпуски регулярно поступают не только в российские библиотеки, но и в книгохранилища стран ближнего зарубежья, Европы, Азии и Северной Америки. Потенциальные возможности МАВ позволяют говорить о перспективах расширения географии не только научных поисков, но и авторского коллектива, приданию ежегоднику (не в ущерб региональной тематике) всероссийского характера, особенно в области истории этносов, их межкультурного взаимодействия, интеграции в единое государственное пространство в различные исторические эпохи и периоды.

Структура МАВ традиционно состоит из трех разделов: "Статьи и сообщения", "Публикации документов и материалов", "Обзоры, описания, библиография, хроника". Тематические выпуски предваряются специальными предисловиями и общетеоретическими статьями[2]. Ниже речь пойдет о важнейшей составляющей МАВ, лишь частично или узкоспециально освещенной в литературе[3] – введению в научный оборот исторических источников.

За тринадцать лет существования МАВ в разделе "Публикации документов и материалов" и в качестве приложений к работам раздела "Статьи и сообщения" опубликовано 80 документальных подборок, каждая из которых включает от одного до нескольких десятков письменных исторических источников по истории, этнографии, фольклору, литературе, языкознанию финно-угорских, славянских и тюркских народов преимущественно Европейской России за временной отрезок с середины XVI в. до 40-х годов XX в., в том числе 13 по истории до XVIII в., 14 подборок – XVIII в., 37 – XIX–начала XX в. (до 1917 г.) и 16 – по XX столетию. Ряд из них, номинально относящихся к XIX–XX вв.,

---

[1] См. об этом: От редколлегии // МАВ-1. Йошкар-Ола, 1991; "Марийскому археографическому вестнику" – 10 лет // МАВ-10. Йошкар-Ола, 2000.

[2] Отдельные выпуски МАВ были посвящены: 20-летию Марийского государственного университета (МАВ-2), 75-летию автономии марийского народа и 175-летию со дня рождения исследователя истории, этнографии и фольклора народов Среднего Поволжья С.М. Михайлова (1821–1861) – МАВ-6; 25-летию Марийского государственного университета (МАВ-7); 75-летию со дня рождения профессора Марийского государственного университета В.Ф. Пашукова (1923–1978) – МАВ-8; 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина и 110-летию издания книги финно-угроведа и слависта конца XIX – начала XX в. И.Н. Смирнова; "Черемиссы" (МАВ-9); 80-летию автономии марийского народа (МАВ-10); 30-летию Марийского государственного университета (МАВ-12); 90-летию со дня рождения профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова М.Т. Белявского (1913–1989) – МАВ-13.

[3] См.; например: *Айплатов Г.Н.* Основные публикации документальных источников по истории Республики Марий Эл: Итоги и перспективы // Источники и проблемы источниковедения истории Марий Эл: Материалы докладов и сообщений республиканской научной конференции 27 ноября 1996 г. Йошкар-Ола, 1997; *Иванов А.А.* Документальные издания по истории советского крестьянства Республики Марий Эл (Проблемы и перспективы публикации исторических источников) // Петряевские чтения, 2003: Материалы научной конференции (Киров, 27–28 февраля 2003 г.) Киров, 2003.

inslav

в действительности посвящены более ранним историческим событиям. Абсолютное большинство опубликованных материалов составили архивные источники, выявленные в центральных, областных и республиканских архивных и других учреждениях (РГАДА, РГИА, ГАРФ, РГАЭ, РНБ, РГБ, марийского, татарского, чувашского, башкирского, кировского, нижегородского и других госархивов, рукописных фондов и научно-отраслевых архивов региональных научно-исследовательских институтов). Помимо них привлекались редкие синхронные документальные публикации, изданные в свое время в виде брошюр, листовок и т.п., историко-этнографические очерки корреспондентов научных учреждений и энтузиастов-краеведов, печатавшиеся в "неофициальных" частях губернских ведомостей, "трудах", "известиях" и ведомственных журналах министерств (включая духовное ведомство), различных обществ, а также воспоминания, письма и данные полевых исследований.

Основная масса материалов XVII в. являет собой хорошо известные специалистам источники по социально-экономической и политической истории, локализованные в пределах территории Среднего Поволжья: царские наказы и указные грамоты воеводам городов Казани, Царевококшайска, Заинска, царские жалованные грамоты, выданные духовным феодалам на земельные владения в Козьмодемьянском уезде, писцовые, переписные, межевые, доимочные, отдаточные книги и выписи из них по территории расселения марийцев и чувашей ("новокрещен" и ясачных) Казанского, Козьмодемьянского и Кокшайского уездов, уездных городов Царевококшайска и Козьмодемьянска, актовые документы о зарождении помещичьего землевладения в землях бывшего Казанского ханства (поместные выписи, "кормежные" и меновые записи и т.п.). Самый ранний из опубликованных документов – наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г.

Не менее представительна номенклатура источников XVIII в. Это также актовые материалы (указ казанского губернатора о лишении Кокшайска статуса уездного города), прошения марийских и чувашских крестьян на имя Правительствующего Сената о злоупотреблениях местных властей, цикл публикаций по истории воеводского управления в Царевококшайском уезде (воеводские "аттестаты", документы о воеводском "кормлении", "росписные списки" воевод), разнообразные источники по истории хозяйства городского и сельского населения средневолжских и приуральских губерний (анкеты Шляхетского корпуса, составленные Г.Ф. Миллером, анкеты, разработанные В.Н. Татищевым для изучения быта различных народностей Сибири и Казанской губернии, географические описания Царевококшайска и Кокшайска с их уездами и т.д.), о внутренней организации монастырского хозяйства в Марийском крае ("офицерские описи" Спасо-Юнгинского монастыря и Мироносицкой пустыни, приходо-расходные книги монастырей), воспоминания о пребывании императора Павла I в Козьмодемьянске. Впервые был опубликован рукописный "Русско-марийский словарь", составленный примерно в середине этого столетия.

Почти половина всех документальных публикаций МАВ – свидетельства прошлого, датируемые XIX – началом XX в. Условно их можно разбить на несколько групп: 1) архивные документы и печатные материалы о социально-экономической истории Поволжья (развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, материальное положение крестьянства – земское делопроизводство, губернские адрес-календари и справочные книги, владенные записи государственных крестьян, отчеты податных инспекторов и др.); 2) материалы по истории народного образования в Марийском крае; 3) ис-

inslav

точники о распространении православия среди марийцев и сведения о сохранении языческих культов среди них (клировые ведомости, переписка центральных и губернских учреждений, прошения крестьян об учреждении первого в Среднем Поволжье "инородческого" монастыря, описания марийских и всемарийских языческих молений в Казанской и Вятской губерниях, документы о деятельности марийской религиозной секты "Кугу сорта" и др.); 4) историко-географические описания отдельных территорий, "достопамятных" мест и народов России отечественных и зарубежных путешественников, просветителей, сотрудников научных учреждений, представителей духовенства, краеведов, "любителей старины" – Н. Загуляева, В. Архангельского, Н.С. Толстого, В.И. Лугинина, Н. Троицкой, В.К. Магницкого, И. Яблонского, С.М. Михайлова, С.К. Кузнецова, М.С. Кроковского, А. Гастгаузена, профессора С. Сомье и др.

На фоне предыдущих исторических периодов документалистика отечественной истории XX в. отражена в МАВ более скудно и в количественном отношении, и в проблемном плане. Только в половине выпусков ежегодника отведено место послеоктябрьским документам. Причем само это выражение как никогда четко определяет и особенности опубликованных источников. Почти все они имеют отношение к революционным событиям первой четверти века: нормативные и делопроизводственные документы губернских, уездных, волостных, национальных представительных и исполнительных государственных (в 1917 – первой половине 1918 г. – многопартийных) и общественных организаций и учреждений, творческое наследие самодеятельных представительств населения Поволжско-Уральского региона (в том числе на родных языках), оформленное в виде наказов, постановлений, резолюций, приговоров, воспоминания и публицистика о революционных событиях на территории Марийского края. Единичные подборки были подготовлены по истории сельского хозяйства Марийской АО в 1920-е годы, впервые увидели свет письма крестьян о злоупотреблениях властей при проведении массовой коллективизации, фронтовые письма периода Великой Отечественной войны. Повторно были переизданы, ставшие уникальными к настоящему времени, некоторые законодательные материалы по советской аграрной реформе – Основной закон о социализации земли с предисловием и комментариями представителей ЦК партии левых эсеров и полным списком делегатов III Всероссийского съезда советов и членов крестьянской секции ВЦИК и инструкция о социализации земли в Нижегородской губернии. В качестве своего рода продолжения традиции повторной публикации наиболее ценных историко-этнографических трудов XIX в. можно считать включение в один из выпусков МАВ статьи этнографа Т. Евсеева (написана в 20-е годы XX в.) о некоторых сторонах хозяйственно-обрядовой жизни марийцев.

В целом работа группы энтузиастов-историков Марийского государственного университета, по собственному почину давших жизнь целому направлению региональной археографии, сумевших привлечь к сотрудничеству коллег из ведущих научных центров, признанных специалистов в области изучения исторических источников и начинающих исследователей, заслуживает всяческого одобрения. Пожелаем им дальнейших успехов в научных поисках по выявлению, исследованию и публикации документальных памятников. На очереди дня – дальнейшее совершенствование в том числе и раздела "Публикации документов и материалов", придание ему большего хронологического, территориального и, конечно, тематического разнообразия.

inslav

Перечень документальных публикаций ежегодника "Марийский археографический вестник" в 1991–2003 гг. (Йошкар-Ола. Вып. 1–13)[1]

Вып. 1 (1991)

Прошение марийских и чувашских крестьян Козьмодемьянского уезда 1761 г. (подг. *А.Г. Иванов*). С. 41–55.

Документ о выводе Кокшайска из штата городов Казанской губернии (подг. *Г.П. Енин*). С. 55–59.

"Статистическое описание села Новоторьяльского" Н. Загуляева (подг. *А.Н. Чимаев*). С. 59–63.

Фронтовые письма П.Г. Веселова (подг. *М.Т. Сергеев*). С. 63–74.

Вып. 2 (1992)

Наказ царя Михаила Федоровича царевококшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. (подг. *В.Д. Димитриев*). С. 62–71.

Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. (подг. *В.П. Шомина*). С. 71–92.

Докладная записка 1910 г. об открытии ремесленных классов в селе Юрино (подг. *А.Н. Чимаев*). С. 92–94.

Из литературно-публицистического наследия В.А. Мухина (подг. *С.В. Стариков*). С. 94–101.

Фронтовые письма П.Г. Веселова (*продолжение*). С. 101–109.

Вып. 3 (1993)

Материалы анкет Шляхетского корпуса о Марийском крае начала 60-х годов XVIII в. (подг. *А.Г. Иванов*). С. 79–91.

Август Гастгаузен о марийцах (подг. *Г.Н. Айплатов*). С. 91–103.

Козьмодемьянск и его уезд в 1916 г. (По сведениям адрес-календаря и справочной книжки Казанской губернии) (подг. *Н.А. Вахрушева*). С. 103–112.

Евсеев Т. Удыр сий или ӱдыр йӱкш (обрядовое угощение или пир девушек) (подг. *В.П. Шомина*). С. 112–116.

Вып. 4 (1994)

Указная грамота казанскому воеводе Г.С. Куракину "с товарищи" 1663 г. (подг. *И.С. Гареев, А.Г. Иванов*). С. 78–82.

Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII в. (подг. *А.Г. Иванов, Г.А. Сепеев*). С. 83–105.

Географическое описание Царевококшайска и Кокшайска с их уездами 1767 г. (подг. *Г.Н. Айплатов, Г.В. Дорожкова, А.Г. Иванов*). С. 105–112.

Владенная запись марийских крестьян Козьмодемьянского уезда 1867 г. (подг. *В.П. Яковлева*). С. 112–119.

Новые документы о торговле в городе Царевококшайске во второй половине XIX в. (подг. *О.А. Антипин*). С. 119–128.

---

[1] Публикации документов в качестве приложений к исследованиям см. также: *Айплатов Г.Н.* Отдаточные книги 1662–1663 гг. как источник по истории Марийского края в XVII в. // МАВ-12. С. 122–127; *Кудрявцева А.В., Махновец Т.А.* У истоков традиции двойничества в русской литературе (Слово о ленивых "по Юринскому списку" XVIII в.) // МАВ-10. С. 45; *Матвеева С.М.* Клировые ведомости как источник по истории приходского духовенства Марийского края первой половины XIX в. // МАВ-8. С. 217–230; *Черкасова М.С.* Вотчина Троице-Алатырского монастыря в XVII – начале XVIII в. // МАВ-13. С. 10–12; *Чимаев А.Н.* К истории Мариинской трудовой стекольной артели // МАВ-5. С. 29–30; *Он же.* Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Царевококшайске // МАВ-8. С. 89–91; *Яковлева В.П.* К вопросу о народовластии (По материалам волостного совета 1919–1922 гг.) // МАВ-9. С. 119–125; *Яковлева В.П.* К положению с продовольствием в Краснококшайском уезде в 1919 г. // МАВ-13. С. 62–67.

inslav

Материалы о рационализации крестьянского земледелия Царевококшайского уезда начала XX в. (подг. *В.П. Шомина*). С. 128–136.

Вып. 5 (1995)

Документы о назначении воевод в казанский пригород Заинск (подг. *И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина*). С. 109–114.

Новый источник о "воеводском кормлении" в Царевококшайском уезде (подг. *Г.П. Енин*). С. 114–140.

"Офицерские описи" Спасо-Юнгинского монастыря и Мироносицкой пустыни 1764 г. (подг. *А.Г. Иванов*). С. 140–162.

Ветлужский край в середине XIX в. в описаниях В. Архангельского и Н.С. Толстого (подг. *В.П. Яковлева*). С. 162–180.

Вып. 6 (1996)

Документ о земельном владении служилых новокрещен марийцев и чувашей Козьмодемьянского уезда XVII в. (подг. *А.Г. Иванов*). С. 83–90.

Два аттестата воеводы А.В. Поздеева, полученные при отъезде из Царевококшайска в 1765 г. (подг. *Г.П. Енин*). С. 90–95.

С.М. Михайлов и Н.И. Второв о пребывании императора Павла I в городе Козьмодемьянске в 1798 г. (подг. *Г.Н. Айплатов*). С. 95–103.

В.Ф. Лугинин о Ветлужском крае конца XIX в. (подг. *В.П. Яковлева*). С. 103–112.

Н. Троицкая о марийцах Арбанской волости Царевококшайского уезда конца XIX в. (подг. *Г.Н. Айплатов, Г.А. Сепеев*). С. 112–123.

Объяснительный текст к годовому отчету за 1911 г. по Царевококшайскому податному участку (подг. *А.Н. Чимаев*). С. 123–130.

Документ об отношении национальных движений народов Поволжья к проекту образования Татаро-Башкирской Советской Республики (подг. *Р.И. Чузаев*). С. 131–133.

Вып. 7 (1997)

Владенные выписи ясачных марийцев Кокшайского уезда 1686 г. (подг. *Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов*). С. 119–139.

Магницкий В.К. Предание о Пашкан-Керемете (подг. *Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов*). С. 140–141.

"Росписные списки" царевококшайских воевод 1761 и 1765 гг. (подг. *Г.П. Енин*). С. 142–161.

Мало-Сундырской школе – 175 лет (Документы и материалы к истории народного образования) (подг. *А.Г. Иванов*). С. 161–178.

И. Яблонский о горных марийцах второй половины XIX в. (подг. *Г.Н. Айплатов, Г.А. Сепеев*). С. 178–199.

Воспоминания П.Н. Лукоянова и А.П. Шулганова о событиях в деревне Кокшамары в 1906 г. (подг. *Е.Л. Кутасова*). С. 200–202.

Вып. 8 (1998)

Писцовая книга города Царевококшайска 1649 г. (подг. Г.Н. Айплатов). С. 193–212.

Предание об Актаяле (подг. *М.Н. Янтемир*). С. 212–215.

Кушелев П.С. О свадьбе марийцев во второй половине XIX в. (подг. *Г.Н. Айплатов, Г.А. Сепеев*). С. 230–233.

"Предложения" В.А. Протопопова о развитии сети начальных школ в Козьмодемьянском уезде в начале XX в. (подг. *И.В. Алметева*). С. 233–237.

Вып. 9 (1999)

Новый документ о монастырской колонизации в Среднем Поволжье в XVII в. (подг. *Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов*). С. 145–158.

Приходо-расходные книги Мироносицкой пустыни Царевококшайского уезда 1712 г. (подг. *А.Г. Иванов, И.А. Пегенеева*). С. 159–169.

А.А. Андриевский о всемарийском языческом молении 1828 г. в Вятской губернии (подг. *А.Г. Иванов*). С. 169–183.

inslav

Общинное языческое моление марийских крестьян в Шалинской волости Царевококшайского уезда 1830 г. (По материалам рапорта земского исправника) (подг. *Г.Н. Кадыкова*). С. 184–186.

Профессор С. Сомье о марийцах конца XIX в. (подг. *Г.Н. Айплатов, Г.А. Сепеев*). С. 187–204.

Архивные документы об экономическом положении крестьян Царевококшайского уезда Казанской губернии накануне Первой мировой войны (подг. *А.Н. Чимаев*). С. 205–220.

"Сведения о дробимости крестьянских хозяйств Марийской АО": новый документ для характеристики социально-экономического развития советской доколхозной деревни (подг. *А.А. Иванов*). С. 221–225.

Вып. 10 (2000)

Переписная книга города Козьмодемьянска и его уезда 1646 г. (подг. *Г.Н. Айплатов*). С. 141–151.

Документы о помещичьем землевладении в национальных районах Среднего Поволжья во второй половине XVII в. (подг. *В.Д. Димитриев, А.А. Чибис*). С. 151–159.

Приходо-расходные книги Мироносицкой пустыни Царевококшайского уезда 1713–1723 гг. (*продолжение*) (подг. *В.Д. Димитриев*). С. 159–201.

Рукописный русско-марийский словарь середины XVIII в. (подг. *Н.И. Исанбаев*). С. 201–214.

Документы реформы 24 ноября 1866 г. в государственной деревне (Козьмодемьянский уезд Казанской губернии) (подг. *В.П. Яковлева*). С. 214–226.

Вып. 11 (2001)

Первые публикации исторических преданий об Акпарсе (подг. *Г.Н. Айплатов, А.Г. Иванов*). С. 103–106.

Доимочная книга ясачных марийских селений Алатской дороги Казанского уезда конца XVII в. (подг. *Г.Н. Айплатов*). С. 106–132.

Михайлов С.М. Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии (подг. *А.Г. Иванов*). С. 132–153.

Из истории основания первого миссионерского инородческого монастыря в Среднем Поволжье (подг. *Л.А. Таймасов*). С. 153–159.

Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария (подг. *С.К. Кузнецов*). С. 159–174.

Февральская революция и крестьяне Царевококшайского уезда: несколько документов по Вараксинской волости (подг. *В.П. Яковлева*). С. 174–181.

Закон левых эсеров о земле (Редкое издание Основного закона о социализации земли) (подг. *А.А. Иванов, С.В. Стариков*). С. 182–205.

Аграрная революция в Поволжье по материалам ведомственной переписки волостных советов (1918–1920 гг.) (подг. *А.А. Иванов*). С. 205–225.

Вып. 12 (2002)

Открытие первой марийской сельской школы в Козьмодемьянском уезде в начале XIX в. (Документальные материалы) (подг. *И.В. Алметева*). С. 128–133.

Милютин В.Ф. Действительное описание жизни черемис, проживающих в Уржумском округе Вятской губернии (подг. *А.Г. Иванов*). С. 133–152.

Новые материалы о деятельности марийской религиозной секты "Кугу сорта" в 80-х годах XIX в. (подг. *Л.А. Таймасов*). С. 152–157.

Документальные материалы о предпринимателях Марийского края конца XIX – начала XX в. (подг. *А.Н. Чимаев*). С. 157–162.

Листовки партии социалистов-революционеров 1917 г. на марийском языке (подг. *А.А. Иванов, С.В. Стариков*). С. 162–170.

Инструкция о переходных мерах к социализации земли в Нижегородской губернии (подг. *А.А. Иванов*). С. 170–185.

Вып. 13 (2003)

Новый архивный документ о бортничестве в Марийском крае в XVII в. (подг. *Г.Н. Айплатов*). С. 134–145.

inslav

Переписные и ландратские книги Мироносицкой пустыни Царевококшайского уезда начала XVIII в. (подг. *И.А. Пегенеева*). С. 145–150.

Михайлов С.М. Отчего чуваши давятся и какое правительство должно принять меры для предупреждения этого явления (подг. *В.Д. Димитриев*). С. 150–165.

Кроковский М.С. Этнография горных черемис, обитающих в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии (подг. *А.Г. Иванов*). С. 165–177.

Кроковский М.С. Образцы народной словесности и местных наречий, употребляемых в Казанской губернии Козьмодемьянского уезда в селе Чермышеве (подг. *А.Г. Иванов*). С. 177–196.

Документальные материалы о Козьмодемьянской лесной ярмарке конца XIX – начала XX в. (подг. *А.Н. Чимаев*). С. 196–201.

Протоколы крестьянских волостных съездов Уржумского уезда Вятской губернии (1918 г.) (подг. *А.А. Иванов, С.В. Стариков*). С. 201–211.

Письма Г.В. Березина о положении крестьянства Марийской Автономной Области и политике советской власти в годы коллективизации (подг. *И.Ф. Ялтаев*). С. 211–219.

В.В. Леонидов

СБОРНИК ПАМЯТИ Д.А. РОВИНСКОГО И В.Я. АДАРЮКОВА*

Странно, что имя Дмитрия Александровича Ровинского (1824–1895) – русского либерального судебного деятеля, историка искусства и крупного коллекционера гравюр и лубка, почетного члена Петербургской Академии наук (1883) и Академии художеств (1870) – известно лишь самому узкому кругу специалистов. Либо искусствоведам, изучающим историю отечественных гравюр, портретов, лубков и народных картинок, либо правоведам, иногда вспоминающим странного московского губернского прокурора, не боявшегося выступать против всесильного военного генерал-губернатора первопрестольной графа А.А. Закревского. Д.А. Ровинский принимал участие в работе комиссии по подготовке великой судебной реформы 1864 г. и не боялся спокойно и твердо отстаивать свое убеждение о необходимости введения в России суда присяжных.

А ведь имя этого человека должен знать каждый школьник. Именно благодаря Ровинскому мы можем представить наше прошлое в лицах. Изданный им после многолетнего собирания "Подробный словарь русских гравированных портретов" (СПб., 1886–1889. Т. I–IV) до сих пор является основой для почти любого иллюстративного ряда изданий по российской истории. "Главная причина редкости большей части русских портретов заключается в том, что у нас почти не было любителей и собирателей их. Древние иконы, рукописи и старопечатные книги сохранились во множестве благодаря старообрядцам, для которых они составляли необходимую принадлежность богослужения. Вельможи наши и баре, охотившиеся за гравюрами, платили большие деньги за гравюры иностранные... Но весьма немногие из них собирали русские портреты как воспоминание русской жизни. Мы, русские, не берегли прошедшего, да и мало заботились о том, останется ли о нас какая память детям"[1] (С. 53), – писал Дмитрий Александрович, предваряя свое издание 1872 г.

---

* Венок Ровинскому / Авторы проекта и сост. А.Л. Кусакин, Н.В. Сиповская, О.Р. Хромов; Отв. ред. А.В. Толстой. М.: Пинакотека, 2003. 288 с. Ил. Тир. 500 экз., из них 100 – именных.

[1] Здесь и далее ссылки на цитаты даются на страницы рецензируемой книги.

inslav

Своими жизнью и судьбой Ровинский начисто опроверг поговорку "Один в поле не воин". Именно он сумел намного облегчить условия содержания заключенных в российских тюрьмах. Ни власть, ни чин ничего для него не значили, когда речь шла о соблюдении закона. Но главной его "одной, но пламенной страстью", было собирание, описание и издание иллюстративного материала по истории России. И в первую очередь гравюр. Впрочем, Ровинскому мы обязаны не только тем, что знаем лица минувших времен. Дмитрий Александрович выпустил в свет девять томов "Русских народных картинок"[2]. Отечественный лубок предстал перед изумленной интеллектуальной элитой во всем блеске и многообразии, подобно граду Китежу. Нелишне напомнить, что лубочные картинки, как не прошедшие цензуру, жестоко уничтожались. Граф А.А. Закревский в 1851 г. рапортовал: "Все старинные медные доски, с которых печатались народные картинки, были вытребованы в полицию, изрублены в куски и возвращены в виде лома" (С. 65).

С 1884 по 1891 г. Ровинский издал 12 огромных томов "Материалов для русской иконографии" (СПб., 1884–1889. Вып. I–XII), куда вошли портреты, виды городов и уездов, исторические листы. Был собран настолько громадный материал, что появление этого труда было равносильно невероятному культурному взрыву. История России обрела, если так можно сказать, человеческие и бытовые очертания. "Нужен был такой человек, который соединял бы в одном себе большое знание, долголетнюю опытность, непреклонное рвение и любовь к своему делу, наконец, решимость употребить много лет своей жизни, чтобы узнать, найти и издать все, что он наметил своей задачей с иконографией русской истории и народной жизни. Нужно было совершить много поездок по России, надобно было изъездить всю Европу, изрыть и переискать все коллекции, общественные и частные, в самых разнообразных странах, употребить на это пропасть труда, хлопот, множество материальных средств. Ровинский все это сделал. От этого-то его издание есть издание истинно монументальное", – писал В.В. Стасов (С. 80), и в этом с ним нельзя не согласиться.

Ровинскому принадлежит и одно из первых в России фундаментальных исследований по русской иконописи – "История русских школ иконописания до конца XVII в."[3], увидевшая свет в 1856 г. Это была более чем серьезная работа будущего великого собирателя, и она получила лестный отзыв М.П. Погодина. Словом, заслуг у Дмитрия Александровича было достаточно, чтобы снискать благодарную память потомков.

В этом не было никаких сомнений у блистательного искусствоведа, библиографа и человека удивительной порядочности – Владимира Яковлевича Адарюкова. Он долгие годы занимался составлением жизнеописания Ровинского и пытался издать свой труд в стране, так изменившейся после 1917 г.

К истории деятельности и трудов Ровинского Адарюков обратился еще в 1903 г., став одним из самых активных участников питерского Кружка любителей русских печатных изданий. Но по-настоящему приступил к этой огромной теме лишь через пять лет, когда стал работать в Эрмитаже, в отделе гравюры и рисунка. Здесь, разбирая залежи гравюр и литографий, он просто не мог не использовать словари Ровинского не то что каждый день, а почти каждую минуту. В.Я Адарюков совместно с известными коллекционерами и зна-

---

[2] СПб., 1881–1891. Кн. I–V (текст). Т. I–IV (атлас).

[3] Записки имп. Археологического общества. СПб., 1856. 196 с.

inslav

токами иконографии С.П. Виноградовым и Н.А. Обольяниновым выпустил "Словарь русских литографированных портретов" (М., 1916. Т. I). В дальнейшем, составляя многочисленные каталоги и справочники по истории российского иллюстративного материала, он где только мог собирал материалы о Дмитрии Александровиче. Практически жизнь ученого превратилась в служение своему кумиру.

Исследования эти вышли на новый уровень уже после революции и гражданской войны, когда Владимир Яковлевич стал работать в Отделе гравюры Румянцевского музея, в 1924 г. превратившемся в Гравюрный кабинет Государственного музея изящных искусств (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина). Именно там Адарюков вплотную стал работать с личными материалами Ровинского – его перепиской и коллекцией графики. И благодаря адарюковской энергии и его умению убеждать, жена Ровинского Л.А. Волчанецкая и дочь Е.Д. Волчанецкая-Ровинская передали его архив в Румянцевский музей.

Все эти материалы, равно как и многочисленные опубликованные труды Ровинского и литература, посвященная его фантастической жизни и деятельности и стали основой большого труда Адарюкова "Дмитрий Александрович Ровинский: К 100-летию со дня рождения". Он включает большой биографический очерк, письма к Ровинскому, а также список печатных трудов и портретов великого собирателя. Как видно из названия, Владимир Яковлевич готовил свой труд к изданию к 1924 г., но так и не смог опубликовать, скончавшись в 1932 г. Рукопись его на долгие годы легла на хранение в Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве (ныне – РГАЛИ. Ф. 689. В.Я. Адарюков).

И вот сегодня известный московский коллекционер А.Л. Кусакин собрал средства, выкупил у РГАЛИ право на публикацию работы Адарюкова и в издательстве одного из самых престижных московских художественных журналов "Пинакотека" выпустил в свет большой том "Венок Ровинскому". В него, кроме адарюковского труда, вошли и ряд работ современных искусствоведов, посвященных великому историку и коллекционеру.

Открывает сборник статья известного историка искусства Г.Ю. Стернина "Вместо предисловия". Отметив научную ценность классических трудов Ровинского, он подчеркнул и их практическую необходимость "среди 10–15 справочных изданий, которые постоянно должен иметь под рукой всякий музейный работник, историк, иконограф, всякий уважающий себя коллекционер" (С. 7). И выразил сожаление по поводу слабого внимания к творчеству ученого. Лишь в 2002 г. был переиздан сокращенно труд Ровинского "Русские народные картинки", да еще в 1976 г. вышел сборник статей "Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв.", посвященный 150-летию со дня рождения великого собирателя.

Больше половины рецензируемой книги составляет первая публикация последнего варианта труда В.Я. Адарюкова 1924 г., посвященного Д.А. Ровинскому. Он основан на обобщении литературы, вышедшей до 1924 г., а также на изучении архивных материалов, в основном московских (ныне в ОПИ ГИМ, РГАЛИ, РГБ, ГМИИ им. А.С. Пушкина), трудов ученого. Помимо главного своего назначения – освещения деятельности Д.А. Ровинского, публикация содержит информацию об археографических приемах не только Адарюкова, но и составителей данного сборника. Например, Адарюков дал общие примечания (с валовой нумерацией) к "Биографическому очерку" и к группе 77 писем Д.А. Ровинскому (среди корреспондентов И.Е. Забелин, А.Ф. Кони, С.Н. Маслов, К.П. Победоносцев, Я.К. Полон-

inslav

ский, М.И. Семевский, В. Стасов, П.М. Третьяков, И.В. Цветаев и др.). Составители бережно отнеслись к тексту. О.Р. Хромов в первом случае добавил под звездочкой, в квадратных скобках, уточняющие и дополняющие примечания под строкой, а также поместил свои дополнения к "Примечаниям" Адарюкова.

Он же подготовил и Указатель имен ко всему труду, к сожалению, не указав страницы, на которых они расположены. Это ограничивает его использование и, пожалуй, существенно обесценивает издание как справочное для специалистов разных областей знания. О лицах, повторяющихся в "Примечаниях" Адарюкова, данные в Указателе имен Хромова правомерно сокращены. Недостает и описания архивной рукописи труда в целом, особенно писем, часть из которых осталась недатированной Адарюковым. Не указано и место хранения писем. Следовало дать примечание к письму № 13, которое, судя по тексту, адресовано царю, и, вероятно, потом было послано (кем?) Ровинскому. На этот и другие вопросы мы получаем ответы в статье О.Р. Хромова о В.Я. Адарюкове как биографе Д.А. Ровинского, напечатанной, почему-то, в "Приложении" к сборнику, хотя, во всяком случае, последние ее страницы представляют археографическое предисловие к изданию труда В.Я. Адарюкова, которое целесообразнее было было бы дать перед ним. Из этой статьи явствует, что изданы не все существующие письма к Ровинскому, а лишь те, что подготовил Адарюков. Так что следует ожидать новых публикаций. Образцы полного, точнейшего библиографического и иконографического описания В.Я. Адарюковым представляют "Списки трудов Д.А. Ровинского" и "Портреты Д.А. Ровинского".

Основной материал сборника дополняют квалифицированные искусствоведческие статьи Г.В. Павловой, Р.Г. Григорьева, М.А. Алексеевой с новыми данными или уточнениями положений о творческой деятельности Д.А. Ровинского, особенно по материалам петербургских собраний, не использованных В.Я. Адарюковым. Важным для историков искусства, книги, библиотекарей и архивистов является и вопрос о судьбе собраний гарвюр, лубка и т.п. Д.А. Ровинского, прослеженный в статье Г.В. Павловой.

Завершает издание биографический очерк О.Р. Хромова "Владимир Яковлевич Адарюков – биограф Дмитрия Александровича Ровинского", составленный на основе обзора фонда Адарюкова в РГАЛИ.

Поблагодарим же издателя и будем надеяться, что "Венок Ровинскому" – безусловное событие в нашей культурной и научной жизни, вернет интерес не только к фигуре великого собирателя и исследователя, но и к его верному рыцарю и продолжателю дела В.Я. Адарюкову.

inslav

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Н.Н. МИТРОФАНОВА*

(К 70-летию со дня рождения)

1960

К истории Нижегородского архива революции // ИА. № 1. С. 200–202.

Секрет карт [По документам Архива АН СССР] // ЛЗ. 6 марта.

Знамя с парижской баррикады // Там же. 18 марта.

Сокровищница на Кропоткинской [Беседа с Н.В. Баранской о работе Музея А.С. Пушкина в Москве] // Там же. 7 авг.

День спортивного Подмосковья в ЦПКиО // Там же. 30 авг.

Так живут энцы // Там же. 30 окт.

Археолог покидает сушу [О подводной археологии] // Там же. 27 нояб.

1961

В.Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия // ТМГИАИ. Т. 16. С. 281–300.

В.Г. Короленко в работе над биографией И.Н. Мышкина (1906–1920) // Научные записки Полтавского литературно-мемориального музея В.Г. Короленко. Полтава. Вып. 1. С. 84–96.

В стране Марсельезы [Беседа с д-ром техн. наук С.В. Шухардиным] // ЛЗ. 19 марта.

Сердце сокола [О летчике-герое москвиче Л.И. Борисове] // Там же. Совм. с В.Н. Гапоновым.

Москва, 12 апреля. Репортаж со столичных улиц // Там же. 13 апр.

Сервис космонавта [Беседа с д-ром мед. наук Н.Н. Гуровским] // Там же. 14 апр.

Первая маевка [в Подмосковье] // Там же. 1 мая.

Рождение образа [Беседа с В.Н. Пашенной] // Там же. 2 июля.

Доктор Вернер не хочет убивать [О съемках кинорежиссером Г.Л. Рошалем фильма "Суд сумасшедших"] // Там же. 22 авг.

Так родилась песня [Беседа с композитором В. Мурадели] // Там же. 8 окт.

Ты помнишь, товарищ?.. [О встрече в Подмосковье ветеранов боев 1941–1942 гг. на Можайском направлении] // Там же. 24 нояб.

Это было под Бородино [О летчике-герое москвиче К.И. Яковлеве] // Там же. 28 дек. Совм. с В. Гапоновым.

1962

Предисл., перевод, публ.: Подготовка научных сотрудников архивов в Институте архивоведения ГДР // Зарубежные архивы. № 1. С. 15–28. Ротапринт. Совм. с В.И. Сабайтисом.

Подвиг [О летчике И.З. Прейсайзене] // Родина. № 1. С. 13. Совм. с В.Н. Гапоновым. Переп. в кн.: Советские летчики в боях за Родину. М., 1963. С. 52–55.

Рец.: Гельман-Виноградов К.Б. Микрофотокопирование докум. материалов и организация работ с микрофотопленками в архивах СССР. М., 1961 // ВА. № 2. С. 114–120. Совм. с З.Е. Калишевич, С.И. Кузьминым, М.А. Поповым.

Рукопожатие баррикад // ЛЗ. 18 марта.

Рукою Кутузова // Там же. 24 июня.

Неосуществленная мечта полководца: К 150-летию Бородинской битвы // Там же. 8 июля. Подпись: М. Никольский.

Когда горел пожар московский. Партизаны в Богородском уезде в 1812 г. // Знамя коммунизма (г. Ногинск, Моск. обл.). 2 авг.

Разглядывая исторические карты // ЛЗ. 11 авг. Подпись: М. Никольский.

Солдаты Бородина [О московском ополчении 1812 г.] // Там же. 14 сент. Подпись: Н. Миронов.

1963

Из истории архивного строительства в Вятской губернии в первые годы советской власти // ВА. № 3. С. 49–53. Совм. с В.Н. Шабановым.

Удовлетворение после преодоления [Критика перевода книги французского ученого и конструктора Огюста Пикара] // ЛГ. 26 янв. Совм. с В.И. Сабайтисом.

40 тысяч открыток [О коллекции Л.Л. Смоктуновича] // ЛЗ. 8 июня.

След героя // За изобилие (г. Солнечногорск, Моск. обл.). 8 июня.

Алгоритмы века [Беседа с докт. математ. наук С.И. Адяном] // ЛЗ. 13 июля.

Всего семь минут [О герое-летчике москвиче Н.С. Котлове] // Там же. 16 июля; Пе-

---

* 17 августа 2003 г. исполнилось 70 лет члену Археографической комиссии кандидату исторических наук, члену-корреспонденту Международной академии информатизации, члену Союза журналистов, заместителю главного редактора "Московской энциклопедии" Николаю Николаевичу Митрофанову.

inslav

репечатка: Семь минут воздушного боя // Курская правда. 23 июля.

Бессмертие героя [О герое Московской битвы 1941 г. И.В. Рыжове] // Ставропольская правда. 4 сент.

1964

Второе рождение дирижабля // Советская Чукотка. 9 июня. Совм. с П.И. Козловым.

"Небесный тихоход" просит работы [О перспективах использования дирижаблей] // ЛЗ. 15 июля.

Первый шаг в космос (Страницы истории ракетостроения по архивным материалам и воспоминаниям) // Камчатский комсомолец. 18 авг.

Воздушный снайпер [О дважды Герое Сов. Союза В.И. Попкове] // Крылья Родины. № 11. С. 12–13. Совм. с Н. Ильиным.

1965

В.О. Эйнгорн – историк и архивист // Научно-информ. бюл. Архивного управления УССР. Киев. № 2. С. 49–53 (на укр. яз.).

Рукописи из Бастилии // ЛЗ. 7 янв.

Публ.: Неизвестная статья В.Г. Короленко ["Роковой путь"] // Неделя. 10–16 янв. С. 6–7. Перепечатки: Комсомольская правда (Вильнюс). 22 янв.; Русские новости (Париж). 29 янв.

Фейерверк Кулибина // ЛЗ. 5 февр.; Советский Крым (Симферополь). 27 марта. Совм. с В.Н. Шабановым.

Автор знаменитого фонтана [в Бахчисарае] // ЛЗ. 27 февр.

Всем смертям назло [О герое-враче Д.С. Верещагине] // Труд. 17 марта. Совм. с В.И. Сабайтисом.

Слово о знаменосцах // ЛЗ. 18 марта. Совм. с Н.А. Малышевой-Смирновой.

Богораз [В.Г.] и Короленко [В.Г.] // Магаданская правда. 27 апр.

Борцы за рабочее дело [По документам ЦГАОР СССР о распространителях листовок в Московской губ. в 1915–1916 гг.] // ЛЗ. 30 апр. Совм. с В.И. Моисеевым.

Это было под Бородино [О летчике-герое москвиче К.И. Яковлеве] // Крылья Родины. № 5. Совм. с Г. Валентиновым.

Подг. публ.: Последние часы Ивана Каляева [Воспоминания прокурора Н.П. Федорова] // Неделя. 4–10 июля.

Великий чешский патриот [О Я. Гусе] // ЛЗ. 6 июля.

Публ.: Колумб открывает Америку [Выступление Е.В. Тарле об архивном деле 17 июля в 1948 г.] // Неделя. 22–28 авг. Совм. с Д.Д. Голововым.

Листовки революции // Там же. 5–11 сент.

Рукою фельдмаршала Кутузова // Камчатский комсомолец. 16 сент.

Под негласным надзором // ЛЗ. 14 окт.

Малая энциклопедия "Недели" (статьи "Р.Г. Игнатьев", "Сольресоль") // Неделя. 31 окт.–6 нояб.

Публ.: Аркадий Аверченко. Новоселье // Там же. 14–20 нояб.

Публ.: Заря рабочего кино [Реферат А.В. Луначарского в Париже в 1914 г.] // Там же. 14–20 нояб.

1966

Некоторые новые сведения из истории "Правды" (1912–1913 гг.) // ВИ КПСС. № 5. С. 114–118.

Письма из Полтавы [Неопубл. автографы В.Г. Короленко] // Дон. № 12. С. 185–189.

Неизвестный автограф писателя Е.Г. Яновского // Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 30 апр.

Сопряжение талантов: Сервантес и Шекспир // РТ. № 1. С. 11.

Дома и люди. На орбите Садового кольца // Там же. № 7. С. 13.

Казак в ляпсусах [О недочетах публикаций стихов Д. Бедного] // Литературная Россия. 1 июля. Совм. с В.Н. Павленко.

Космос: мечта и дело (Письма к К.Э. Циолковскому) // РТ. № 9. С. 6–7.

Первое дело ВЧК // Там же. № 11. С. 15.

Зов революции [О листовках 1899–1917 гг.] // Там же. № 14. С. 4.

Рыцари тарана // Там же. № 15. С. 4.

Как создавался советский герб // Там же. № 26. С. 5.

Собиратель песен Салавата [О Р.Г. Игнатьеве] // Советская Башкирия (Уфа). 14 сент.

Предисл., публ. Письмо из далекого прошлого (по докум. ЦГАОР СССР) // Наука и религия. № 12. С. 49.

1967

Неизвестные рукописи И.П. Кулибина // СА. № 2. С. 97–99. Совм. с В.Н. Шабановым.

Публ.: Аромат премьеры. [Неизвестная рец. А.И. Куприна на постановку пьесы А.Н. Толстого "Любовь – Книга Золотая" в парижском театре "Старая голубятня" в марте 1921 г.] // ЛГ. 19 апр. С. 13.

inslav

Газета рабочей стати (К 55-летию "Правды") // Преподавание истории в школе. № 3. С. 14–18.

Листовки революции // Там же. № 4. С. 6–14.

10 дней потрясших мир // Там же. № 5. С. 3–19.

И.Н. Мышкин – борец с самодержавием. Неизвестные работы В.Г. Короленко // Дон. № 9. С. 170–189.

Педагогический квартет [Беседа с А.И. Маркушевичем] // Советское радио и телевидение. № 12. С. 38.

Публ.: Легко ли стать писателем [Письма Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.Я. Брюсова, А.В. Луначарского] // РТ. № 36. С. 4.

Достоверность? Абсолютная! [Беседа с А.Я. Каплером] // Там же. № 41. С. 6.

Петроград, апрель 1920 г. // Там же. № 46. С. 6.

Над жандармским досье. Страницы минувшего // Наддніпрянська правда (Херсон). 6 июля (на укр. яз.).

1968

В.Г. Короленко и В.И. Семевский // СА. № 6. С. 105–109.

Интервидение // Радио и ТВ: содружество в интересах европейской культуры: Сборник Пражского координационного центра "Интервидения". Берлин. № 1. С. 18–59.

Рец.: Мальков В. Каланчевка. М.: Московский рабочий, 1967 // Москва. № 6. С. 217.

Публ.: Тэффи Н.А. Сокровище земли (1921) // ЛГ. 8 окт.

Публ.: Тэффи Н.А. Дураки (1921) // ЛГ. 29 авг.

1969

История со многими неизвестными [О В.Г. Богоразе-Тане] // Дальний Восток. № 10. С. 143–145.

Предисл., перевод, публ. Слово о мечте [Неизвестное эссе Айседоры Дункан 1921 г.] // Физкультура и спорт. № 10. С. 20. Совм. с А.П. Кладтом.

Информационно-аналитические материалы в жур. "Слово лектора" о практике распространения знаний в Латвии (№ 3), Узбекистане (№ 4), Молдавии (№ 5), Туркмении, Азербайджане (1970, № 6).

1970

К читателю // Слово лектора. № 1. С. 4. Б. п.

Проблемы мирового океана (беседа с акад. Л.А. Зенкевичем) // Там же. № 2. С. 28–30.

Слово лектора // Бакинский рабочий. 20 мая.

Новый ежемесячник // Вечерний Тбилиси. 28 мая.

Чл. редкол.: Журн. "Слово лектора" (Изд. "Знание"). 1970–1975.

1971

Короленко В.Г. // Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. М. С. 366–373.

Подг. публ.: Мастерская Куинджи [Эссе Н.К. Рериха] // Дружба народов. № 10. С. 284–285.

Предисл., публ.: Письмо П.Ф. Якубовича В.И. Семевскому о встрече с А.И. Ульяновой // АЕ за 1970 год. М. С. 373–374.

1972

Предисл., публ.: Статья В.Г. Короленко "О современном положении" (1906 г.) // АЕ за 1971 год. М. С. 362–367.

1973

Комиссар Ходынки [Ф.И. Волков] // ЛЗ. 8 июля.

Три дня революции // Знание – сила. № 10. С. 4–6; № 11. С. 1–3.

1974

Радио Октября. День за днем. М. 168 с. Первая премия Всесоюзного конкурса научно-популярных произведений (1974). *Рец.*: Липатов В. // Комс. правда. 1975. 16 мая; Иоффе А. // КО. 1975. 15 авг.; Анциферов Р. // Наука и жизнь. 1975. № 8; Казаков Г. // Радио. 1975. № 4; Белецкая В. // Огонек. 1975. № 47. С. 12–13.

Твердый сплав (О.Ю. Шмидт как лектор) // Этюды о лекторах. Сб. М. С. 166–190.

Сост. этой кн. 224 с.

Рец.: Лит. обозрение. № 8. С. 42; Афанасьев А. // Слово лектора. № 8. С. 78–79; Надеждина Н. // Социалистическая индустрия. 22 окт.; Викторов К. // Наука и религия. 1975. № 1. С. 93–95; Илич В. // Наука и жизнь. 1975. № 3. С. 91–92; и др.

Подвиг во льдах [О походе "Челюскина" в 1933–1934 гг.] // Вопросы и ответы: Сб. М. № 3. С. 59–64.

Радиограммы революции // Там же. № 11. С. 48–55.

inslav

Храм на берегу Севана // Наука и религия. № 12. С. 29.

Свет знаний // Сов. Аджария (Батуми). 7 авг.

Горизонты знаний // Коммунист (Ереван). 17 сент.

1975

Сост., подг. текста: Народные университеты страны. Библиотечка из 9 брошюр объемом 20 авт. л. Изд. "Знание".

Рец.: Водолагин М.А. Бастионы славы. М.: Политиздат, 1974 // Слово лектора. № 1. С. 74.

Рец.: Иоффе А.З. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1982. М.: Наука, 1975 // Там же. № 9. С. 73.

1976

Департаментская "наука" [Об изучении жизни народов Поволжья по заказам Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий в XIX – нач. XX в.] // Наука и религия. № 12. С. 52–55.

Рец.: Наш Кренкель. Л.: Гидрометеоиздат, 1975 // Наука и жизнь. № 10. С. 100.

Рец.: Руднев Д. Тихая окраина. Таллин, 1975 // Литературное обозрение. 1976. № 8. С. 28.

Рец.: Чудакова М.О. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1975 // КО. 17 сент.

Предисл., публ.: Радиограмма Наркомвоена в Ставку верховного главнокомандующего от 4(17) ноября 1917 г. // АЕ за 1975 год. М. С. 342–345.

1977

Радиограммы как исторический источник по истории Великого Октября: Докл. на Тихомировских чтениях 26 мая 1977 г. Изучение и издание документов Великого Октября: Тез. докл. // СА. № 5. С. 87; АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 249–250.

Моя Москва. Сценарий телефильма. Премьера в эфире 1-й прогр. 8 ноября 1977 г. Совм. с Л.Е. Колодным.

Москва сегодня // К новой жизни. № 11. С. 24–27.

Приказ восстания отдан по радио // Воен. вестн. № 11. М. С. 12–15.

Рец.: Грунт А.Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М.: Наука. 1976 // Слово лектора. № 6. С. 74.

Рец.: Лейберов И. Цебельдинская находка. М.: Политиздат, 1976 // Наука и религия. № 11. С. 94–95.

Рец.: Ненароков А.П. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. М.: Политиздат, 1976 // Слово лектора. № 11. С. 73.

1978

Арестованная рукопись [Об истории автографа М.С. Ольминского 1912 г.] // Журналист. № 2. С. 57–58. Подпись: М. Никонов.

Зарницы пролетарского Питера // Нева. № 1. Л. С. 153–169. Совм. с С.И. Кузьминым.

Лев Толстой // Что такое? Кто такой? М. С. 134–136.

Рец.: Зак Л.М. Они представляли народ Франции. М.: Мысль, 1977 // КО. 21 июля.

Предисл., публ.: Куприн А.И. [Рец. на постановку "Любовь–Книга Золотая"] // Неделя. 11–18 сент.

Предисл., публ.: Неизвестные воспоминания А. Лугового // Театр. № 4. С. 106–112. Совм. с С.И. Кузьминым.

Предисл., публ.: Встречи с А.П. Чеховым [Воспоминания Ф.А. Червинского] // Неделя. 11–17 дек. Совм. с В.И. Могилевым, В.П. Нечаевым.

1979

Дорога в революцию. М. 190 с. Совм. с С.И. Кузьминым.

Рец.: Петров Ю. // Сов. культура. 2 нояб.; Яковлев Б. // ЛГ. 12 дек.; Кудрявцева Е. // Лит. Россия. 28 дек.; Леонидов Ю. // Слово лектора. 1980. № 2. С. 48; Римов П. // Знание – сила. 1980. № 5. С. 40.

На марше пятилетки. Телефильм. Премьера по 1-й прогр. ЦТ 4 февр. Совм. с Н.Н. Баранским, О.Н. Штодой. Отклики: ВМ. 3 февр.; Московская правда. 4 февр.

Публ.: Записки без подписей // Наука и религия. № 2. С. 42–43.

Рец.: Гребенщиков О.С. Жемчужина Югославии. М.: Мысль, 1978 // Знание – сила. № 12. С. 38.

1980

Радио Октября. День за днем. 2-е изд., доп. М. 124 с.

Рец.: Тхагушев И. // Телевидение и радиовещание. № 11.

Москва книжная, журнальная, газетная // Собеседник: Сборник. М. № 1. С. 27–32.

inslav

Отто Юльевич Шмидт // Ленин. Наука. Молодежь. М. С. 468–471.

Радио Октября // Социализм: теория и практика. Ежемес. дайджест теорет. и полит. прессы (АПН). № 11. С. 60–63 (англ. изд.). Напечатано также в вып. на фр., нем. и исп. яз.

Статьи о П. Беранже, О. Берггольц, А. Блоке, А. Грине, А. Твардовском, А. Прокофьеве и др. // Календарь для родителей. 1980. С. 60–61, 70, 94, 130, 140 и др.

Рец.: Горбовский А. Год 2000 и далее. М.: Знание, 1978 // Слово лектора. № 1. С. 63.

Рец.: Машинский С.И. Вечно живое наследие. М.: Знание, 1979 // Наука и жизнь. № 4. С. 82–83.

1981

Из истории составления справочника "Архивисты России" // АЕ за 1980 год. М. С. 263–268.

Лекторская одиссея Александры Коллонтай // Живое слово науки. Очерки об ученых-лекторах. С. 82–111.

Сост. этой кн. 224 с.

Рец.: Моск. правда. 5 апр.; Неделя. 6–12 апр.; Шестаков С. // КО. 24 июля; Поляков Ю.А. // Новый мир. 1982. № 3. С. 269; и др.

Москва издательская и эфирная // Москва. Изд. "Сов. Россия". С. 206–209, 224.

Рец.: Николаев Л. Марка из Анголы. М.: Моск. рабочий, 1980 // Лит. обозрение. № 3. С. 65–66.

1982

Радиограммы как источник по истории Великого Октября // СА. № 1. С. 12–18.

1983

Дни великого штурма: Повесть-хроника о событиях первых дней Октябрьской революции. М. 192 с.

Рец.: Николаев В. // Правда. 1983. 4 нояб.; Шевелев В. // Известия. 1984. 9 марта; Ксанин О. // Лит. Россия. 1984. 6 янв.; Каминский М. // Лит. обозрение. 1985. № 3. С. 64–65.

1985

Большевистская радиопропаганда в борьбе за победу социалистической революции и упрочение сов. власти (окт. 1917–1918): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 24 с.

Полпред большой науки (об ак. О.Ю. Шмидте) // Герои огненных лет. Очерки о москвичах – Героях Советского Союза. Кн. 8. С. 104–112.

1987

Дни великого штурма. 2-е изд., доп. М. 224 с.

Рец.: Иванов Б. // ВМ. 6 окт.; Крылов Ю. // Красная звезда. 1987. 31 окт.

Трибун революционного дела [О А.М. Коллонтай]. М. 80 с.

Рец.: Лебедев В. // Слово лектора. 1987. № 10. С. 18.

1989

[Выступление на совещании историков 3 окт. 1989 г. в Москве] // ВИ. 1990. № 1. С. 17–19.

Предисл., сост.: Международные организации в области культуры и искусства // Вестник советского Фонда культуры. Вып. 1. 67 с.; Вып. 2. 88 с. Совм. с Б.В. Егоровым, Ю.Б. Кузьменко и др.

Чл. редсовета "Совершенно секретно" в 1989–1993 гг. Совм. с Л. Аннинским, Р. Быковым, Д. Граниным, О. Сулейменовым и др.

1990

Отношения церкви и государства на новом этапе [Предисл. к разделу "Религиозные организации и общества"] // Вся Москва 1990/91: Информ.-рекл. ежегодник. М. С. 90–91. Подпись: Н.Н. Никонов.

Международные связи Москвы в сфере культуры // Там же. С. 108. Подпись: Н.Н. Фанов.

Москва – центр прессы и книгоиздательства // Там же. С. 146–147. Б. п.

Чл. редкол. этого издания. М. 623 с. Совм. с Д.В. Евдокимовым, С.О. Шмидтом, И.И. Юзвишиным и др.

Лауреаты Нобелевской премии в области литературы: Аннот. перечень. 1901–1989 гг. // Круг чтения. 1990. Календарь. С. 15, 29, 43, 57, 71, 85, 99, 113, 127, 141, 155, 169.

Чл. редкол. этого издания. М. 176 с. Совм. с С.С. Аверинцевым, А.Г. Битовым, М.Л. Гаспаровым, И.П. Золотусским, Ф.А. Искандером, Д.С. Лихачевым и др.

inslav

1991

Заповеди О.Ю. Шмидта // Памятные книжные даты 1991 г. С. 67–69.

Генеалогия в ракурсе новейшей поры // Реализм ист. мышления: Проблемы отеч. истории: Чтения, посв. памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. М. 27 янв.–1 февр. 1991. М. С. 171–174. Ротапринт.

Поэт Сюлли-Прюдом – первый нобелевский лауреат // Круг чтения. Календарь. 1991. С. 56–57.

Энциклопедист XX в. [Об О.Ю. Шмидте] // Там же. С. 154.

Путь просветителя // *Якушева Г.В.* Отто Юльевич Шмидт – энциклопедист. М. С. 4–20.

Лектор Петр Лесгафт: сто лет назад // Мастера красноречия. Сб. С. 34–49.

Сост. этого сб. М. 140 с. Совм. с Ю.Л. Кирилловым.

Публ.: *Тэффи Н.А.* О мошенниках (1921) // Москвичка. Май. № 5.

Лев Термен, удивляющий мир откровениями и талантом жить // Совершенно секретно. № 4.

1992

"Великое преимущество любви" [О Морисе Метерлинке] // Круг чтения: Лит. альманах. 1992. С. 90–91.

Рабиндранат Тагор // Там же. С. 130–131.

Публ. и коммент. Письмо М.И. Цветаевой к В.Ф. Булгакову от 8 апр. 1926 г. // Там же. С. 113.

1993

Табель о рангах (с изменениями и дополнениями XVIII – нач. XX в.) // Страницы отеч. истории: Ист. сб. Академия "Русь" Педаг. об-ва России. М. С. 14–17. Ротапринт.

Горький дым Отечества // ВМ. 11 окт. Б.п.

Вершки и корешки по свободным ценам? // Там же.

Арбатский благовест. Беседа с С.О. Шмидтом // Там же. 18 окт.

Колючий песок миражей // Там же. 17 нояб.

Летописец московской жизни [о В.А. Гиляровском] // Там же. 8 дек.

1994

Прямая радиосвязь Россия–Франция: первые планы и результаты (1907–1914 гг.) // Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза. С. 143–146.

От поисков пращура до подтверждения собственной смерти [О запросах в госархивы] // ВМ. 9 февр.

Публ.: Иван Шмелев. Заветная встреча. Слово о Пушкине (Париж. Май 1937) // Домашнее чтение (Лит. газ. Московского региона). Февраль. № 3 (33). С. 11–12. *Вступ., публ.* (фрагмент) // ВМ. 1 июня.

Том к юбилею академика [Ю.Б. Харитона] // Там же. 9 марта.

Кто послал их на смерть? // Там же. 6 апр.

Пепел сокровищ [Об утратах архивных документов в Чечне] // Там же. 18 апр.

Вспомним солдат поименно [О московской Книге Памяти] // Там же. 22 июня.

Звезда Карамзина // Там же. 12 июля.

Права человека: воздать поколению безвинно репрессированных [Беседа с руководителем Центра реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации МВД РФ К.С. Никишиным] // Там же. 13 июля.

У двора его величества развитого безобразия // Там же. 10 авг.

О прощелыгах-автоматизаторах, о кружке пива и налогах на мозги робота // Там же. 7 сент.

Визит в родовое гнездо [Романовых] // Там же. 13 сент.

А мы и не заметили, как наши мозги татуировали // Там же. 2 нояб.

Публ.: Взгляд на русскую политику [Записка историка М.П. Погодина Николаю I] // Там же. 28 нояб. Совм. с А.В. Шавровым.

Промысел таланта [О художнике К.Ф. Рожкове] // Там же. 30 нояб.

В интеллектуальном подполье // Там же. 5 дек. Подпись: Н. Москвин.

И царь думал о юбилее Москвы // Там же. 9 дек.

Имущество репрессированных придется вернуть [Беседа с К.С. Никишиным] // Там же. 14 дек. Переп.: Мемориал-аспект: Инф. бюл. 1995. № 13. С. 12.

1995

Публ., подгот. текста: Шмелев И.С. Заветная встреча. Пушкин – 1837–1937. Доклад. Париж, 1937 // Круг чтения. Лит. альманах. М. Вып. 5. С. 26–30.

Мюзикл или шпионская лента? // ВМ. 9 янв.

Детей стало меньше, а работы у них больше // Там же.

inslav

Предисл. подгот. текста: Москва на фронтовом рубеже: Из дневника Н.К. Вержбицкого // Там же. 23 янв.

Концлагерь у подножья Машука. Записки хорунжего Г. Федорова. Кавказский архив // Там же. 20 марта. Переп.: Станица. М., 2002. Июль. С. 18–20.

Как отменили "Интернационал" // Там же. 22 марта.

Проказы антиквара и ошибки знатоков // Там же. 19 апр. Подпись: Николай Москвин.

Братство летописцев на Никольской // Там же.

Напутствие в столичной кают-компании // Там же. 21 апр. Вып. 2.

Куда пойти Аркадию Несчастливцеву? // Там же. 16 мая. Вып. 1.

Предисл., публ.: Исповедь тайного агента в кисловодской чрезвычайке. Кавказский архив // Там же. 29 мая. Перепечатка: Кавказский край (Пятигорск). 7 дек.

Москвич Пушкин здесь больше не живет // Там же. 5 июня.

12 часов амнистии // Там же.

Кому икается у руля? // Там же. 5 июля.

Губернатор грешил стихами и пьесами // Там же. 14 авг.

Генералы рукотворных рощ // Там же. 16 авг.

Века Иверской часовни // Там же. 17 авг.

Война батарейца Игната Рыжова // Там же.

Имя неудобное, зато место хорошее [О церкви Св. Евпла на Мясницкой ул.] // Там же.

Нектары улицы с точки зрения пришельцев в Москву // Там же. 4 и 11 сент.

Сколько в Москве гостей-иностранцев? // Там же. 13 сент.

Москвичей становится меньше // Там же. 3 окт.

Фестиваль в Остафьево // Сударушка. 3 окт. С. 2.

Стодневная оборона Грозного [Авг.–нояб. 1918 г.]. Кавказский архив // ВМ. 9 окт. Совм. с Н.Е. Елисеевой.

Альфред Шаляпин... Как звучит? [О реформе ТВ] // Там же. 29 нояб.

Бизнес малый, а сила изрядная // Там же. 8 дек.

Владимир Шаинский сочинил гимн // Там же. 10 дек. Подпись: Н.М.

1996

Над рекой над Истрой – чистой, серебристой // ВМ. 17 янв.

Играют мастера и жив человек сильный духом [Беседа с органисткой С.В. Бережной] // Там же.

Мерцание старой фильмы // Там же.

Врата первопрестольной // ВМ. 14 февр.

Мы живем в новой Москве // Там же. Совм. с Г.С. Барабанщиковым.

Чтобы помнили о столице подземной // Там же.

Стяжавший популярность трудами [О В.О. Ключевском] // Там же. 17 февр.

Подг. публ.: Мордвинов А. Каким я знал моего государя и каким его знали другие // Там же. 19 февр. Совм. с А.В. Шавровым.

Цари, фавориты и все коронованные известностью [Об "Историческом лексиконе" издательства "Знание"] // Там же. 2 апр.

Шедевр в проходном дворе [О памятнике Н.В. Гоголю скульптора Н.А. Андреева] // Там же. 3 апр.

Волнующе скрипит потертое седло [О московском ипподроме] // Там же.

Дай миллиард! В стране битком набито богачами-невидимками // Народная газета. 11 апр.

Забытым быть не может [О моск. памятниках истории и культуры] // ВМ. 17 апр.

Чертковский дом: пока еще звезда на закате трех веков // Там же.

Съедутся старожилы Никольской улицы // Там же. 29 апр.

Откуда пошло название дома "Соловьиный"? // Там же. 22 мая.

Предисл., публ.: Трифонов Н.А. В Москве тогда было два МГУ // Там же. Подпись: Николай Москвин.

Интеллигент ходит пешком // Обгон (прил. к Моск. правде). Май. С. 8.

Плавучий департамент дружбы [Ярославль–Кострома–Углич] // ВМ. 19 июня.

На ближних подступах к столице [Ярославль, Кострома, Углич] // Провиант. № 1. Июль. С. 5–6.

С Гагариным мы всегда молоды. Это могут сегодня сказать многие ветераны журналистики [восп. о репортаже 12 апр. 1961 г.] // Народная газета. 9 июля.

По заповедям мудрости и добра [Об издательстве "Знание"] // ВМ. 16 июля.

Рец.: Стрижев А.Н. Народные приметы. М., 1996 // Там же. 7 авг.

Блистание торжеств и их герои. Силуэты московских иллюминаций // Там же. 21 авг.

Царь шел по мосту из Лужников на Воробьевы горы // Там же. 22 авг.

Мысли о задворках // Там же. 4 сент.

Не врут календари // Там же. 18 сент.

Три минуты в погорелом театре // Там же.

Кто примерит венец благодетеля? // Там же. 30 сент.

inslav

Роилась Лубянская толкучка // Там же. 2 окт.

Предисл. и публ.: Искусствоведы в партикулярном платье // Там же. 14 окт.

"Я писатель и политический партизан". В.Г. Короленко в 1906 г. // Там же. 16 окт.

Издательский вулкан "Мосгорархива" // Там же.

Предисл., подгот. публ.: Побег с островов смерти [О Соловецком лагере] // Там же. 28 окт.

О былых "епохах", монархине-государыне, "инаугорации"... [Издательская работа В.Г. Рубана] // Там же. 30 окт.

Энциклопедия знаний [Беседа с В.К. Беляковым о проектах выпуска научно-популярной литературы] // Там же. 19 нояб.

Старина и новь златоглавой // Там же. 4 дек.

Покаяние новой волны? // Там же. 30 дек.

1997

Редакция в доме Гоголя // Арбатский архив: Ист.-краевед. альманах. Вып. 1. С. 438–448.

Чл. редкол. этой кн. М. 606 с.

Юбилей российской столицы в "Градских вестях" // АЕ за 1997 год. М. С. 685–686.

Хлебниковский прожект встает из-под глыб советских идолов // ВМ. 11 янв.

Золотое семихолмие Москвы [Беседа с д-ром геогр. наук Э.А. Лихачевой] // Там же. 22 янв.

Царизму в России – 450 лет. "Аракчеевы" сверху и "держиморды" снизу // Там же. 21 янв.

Забытым быть не может [200-летие моск. архивного дела] // Там же. 25 февр.

Визави с Лубянским торгом // Провиант. № 2. С. 40–41.

Нужда по-французски с русским уклоном // ВМ. 5 марта. Подпись: Николай Москвин.

Командор историков [О С.О. Шмидте] // Там же. 15 апр.

Готовится праздничный выпуск АЕ // Там же. 21 мая.

И гордый внук славян, и финн думали о названии реки [О версиях происхождения слова "Москва"] // Там же. 17 июня. Вып. 1.

Маэстро Станиславский ставил оперу, а его музею поставили на вид нищету // Там же. 2 июля.

Не пора ли объясниться? // Там же.

Высокие технологии прокладывают пути к экологическому благополучию // Там же. 7 июля. Подпись: Н.М.; 24 сент. (продолжение).

Послесл.: Потерялся памятник работы Александра Опекушина // Там же. 16 июля.

Вечерняя Москва для интуристов // Там же.

Рец.: Встречи с прошлым. М.: Русская книга, 1996. Вып. 8 // Там же.

Предисл., подгот. публ.: Петросян Д. Монумент-изгнанник установлен в Ереване // Там же. 8 авг.

Кому мешала Сухарева башня? // Тверская, 13. 24 июля.

Русские немцы в Москве // ВМ. 29 июля.

Чрево Москвы // Там же. 8, 22 авг., 12, 26 сент., 14 нояб.

Звук, свитый в спираль // Там же. 13 авг.

Долгая наша дорога к Храму [О храме Христа Спасителя] // Там же. 20 авг.

Мэр не хочет, чтобы москвичей стало меньше [С заседания городского правительства] // Там же. 12 сент.

Подольская верста и 700 английских фунтов // Там же. 22 сент.

Как товарищ Каганович Сухареву башню сносил // Отечество. № 10. С. 259–263.

Звездный час потомков Юрия Долгорукова // ВМ. 30 сент.

Звезда маэстро Сафонова: легенда, новь и мечта // Там же. 6 окт.

Рец.: Создатели Московского государства. М., 1997 // Там же. 28 нояб. Вып. 1.

Рец.: Отечество: Краевед. альманах. М.: Профиздат, 1996. Т. 8; М.: Профиздат, 1997. Т. 9 [О публ. кн. Д.Л. Мордовцева "Исторические женщины России"] // Сударушка. 17 дек. № 51.

1998

Письма Марины Цветаевой (1925–1927 гг.) // Круг чтения. Альманах. 1998. С. 91–93.

Чл. редколл. этого изд. (с 1990 г.). Совм. с С.С. Аверинцевым, А.Г. Битовым, Ф.А. Искандером, Д.С. Лихачевым и др.

Письма с лица и изнанки [О коллекциях открыток] // ВМ. 13 янв.

В долгах, как в шелках. Екатерина II о бюджете // Там же. 14 янв.

Затемнение в созвездии Водолея // Там же. 21 янв.

Трамвай преткновения // Там же.

Гости съезжались в Зарядье // Там же. 4 февр.

inslav

Рец.: Москва. Сто лет назад. М., 1997 // Там же.

Публ.: Кто правит на денежном балу? [Из наследия англ. писателя-моралиста С. Смайльса] // Там же. 11 марта.

Освежаем историю // Там же. 18 марта.

Потери на дорогах, или Ведут ли трамвайные пути в XXI в. [Беседа с министром Моск. правительства К.Б. Норкиным] Там же. 1 апр.

Рец.: Журн. "Мир хлеба". № 1 // Там же. 1 апр.

Рец.: Песков О. Сокровища Москвы: Путеводитель по музеям. М., 1997 // Там же. 4 апр.

Гиперболоид в Сыромятниках // Там же. 6 мая.

Москва хлебосольная // Секретарское дело. № 2. С. 120–126.

Письма Марины [Цветаевой] // Сударушка. № 18. 20–26 мая.

Рец.: Николай Дмитриев. Альбом. М.: Трилистник, 1997 // ВМ. 27 мая.

Арбатская косточка // Там же. 30 июня. Подпись: Николай Москвин.

Арбат – открытая книга // Тверская, 13. 25 июня–1 июля.

Рец.: Журн. "Гувернер". № 1 // ВМ. 8 июля.

Приборы столичного темпа [История московских часов] // Там же. 22 июля.

Атлантида русской жизни // Там же. 23–29 июля.

Рец.: Москва православная. М.: Изд. ИНТО, 1993–1998. Т. 1–6 // Подмосковье (газ.). 8 авг. Подпись: Николай Москвин.

На полосе встречного движения // Моск. правда. 24 нояб.

Рец.: Москвоведение. Наш город: Учебник для 5–7 классов общеобразовательных учреждений. 288 с.

1999

Рец., участие в подгот. текста: Москвоведение. Москва – столица России: Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. 443 с.

Рец.: Ивашутина Л.И., Турманина В.И. Москва: Исторические границы: Путеводитель. М. 16 с.

Рец.: Поспелова Г.М., Лимонтов Л.Я. Московский дом. М. 152 с.

Наследники леди Ди против мин // ВМ. 21 янв.

Договор новых времен [Пятилетие договора Российской Федерации и Татарстана] // Народная газета. 10 марта.

Половодье // ВМ. 21 апр.

Паломнические заботы и надежды // Народная газета. 22 апр.; То же, с изменениями под заголовком "По компасу надежды" (газ. "Открытая территория", г. Зеленоград). 19–25 янв. С. 6.

Потребительские ракурсы экологии // Мир новостей. 10 апр. С. 18; То же // Народная газета. 13 апр.

Соперник "Отечества" или будущий союзник? // ВМ. 22 апр.

Заминированная планета // Мир новостей. 8 мая.

Чрево Москвы // Секретарское дело. № 2. С. 72–76.

Крымское меню // Мир новостей. 3 июля.

Все медные и серебряные на императорском кону // Финансовая Россия. № 26. 23–29 июля. С. 22.

Крымская панорама. Жесткие цены в мягкой валюте // ВМ. 2 авг. Подпись: Николай Никольский.

Охота на Примакова // ВМ. 12 авг.

Кто защитит защитника Отечества? // Народная газета. 18 авг.

Блок заскрипел. Константину Титову сказали "нет" // Там же. 20 авг.

Компьютерные игры нашли поддержку городских властей // ВМ. 29 окт.

Любимый километр России // Москвичка. Октябрь. № 41. Подпись: Николай Москвин.

2000

Московский энциклопедизм не должен зависеть от юбилеев. Новый век – новый вызов москвоведению, полагает С.О. Шмидт // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. С. 357–359.

Предисл., публ.: Искусствоведы в партикулярном платье // Отечество. № 18. С. 233–250.

Полет над пирамидами: Очерк [о Египте] // Странствия и приключения. № 1. С. 26–32.

Блики жемчужного берега: Очерк [об эмирате Дубай] // Там же. № 2. С. 41–44.

Вавилонский блеф // Там же. С. 130–132.

Итальянский след Василия Ярошенко – брата знаменитого живописца // Там же. С. 133–134.

Творчество американского писателя Э. Берроуза и нынешнее телевидение // Москвичка. № 33.

Об альманахе "Странствия и приключения" // Вест. архивиста. № 34 (57–58). С. 313.

inslav

2001

Предисл., публ., коммент.: Стихи Ольги Чюминой и Ивана Тхоржевского о Крыме // Москва–Крым: Ист.-публ. альманах. М. Вып. 3. С. 312–326. Совм. с В.Ф. Козловым (иллюстративный ряд).

Боксерские танцы у кремлевского гонга [Новые документы о Н.Ф. Королеве] // ВМ. 16 мая.

Облик врага: блеф и правда Сталина за семь недель до войны // Алфавит. № 9. Июль. С. 23–24.

Турнир долгожителей // Там же. № 24. С. 31 // Сударушка. № 36. С. 2. Переп.: Мои года мое богатство / Сост. О.Г. Свердлова. М., 2002. С. 304–305.

"Белая вилла" в оправе гор // Клуб. № 7. С. 22–23; № 9. С. 31.

Легендарная семерка [О семи чудесах света] // Домашняя газета. № 1. Сент. С. 14.

Иероглифы быта // Сделай сам. № 3. С. 27–40, 74–79, 115–116, 136–138.

Русский душегрей // Город Аэропорт. № 6. С. 26–28.

Творения резчика Владимира Кравчука плавают и летают // Клуб. № 12. С. 8–9.

Рец.: Великий подвиг. Вузы Москвы в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. I–III (по 296 с. каждый).

2002

Предисл., сост. Лица Москвы. Московская энциклопедия. Кн. I: Методические указания для авторов и редакторов. М. 40 с. Совм. с В.Ф. Козловым, С.Ю. Шокаревым.

Предисл., подгот. публ., коммент.: "Тихий Крым" белого капитана Н. Раевского // Москва–Крым: Ист.-публ. альманах. М. Вып. 4. С. 92–137.

Издательству "Знание" полвека // Наука и жизнь. № 3. С. 64.

От Житного двора к Институту благородных девиц // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV научной конференции. Москва, 18–19 апреля 2002 г. С. 327–330.

Рец.: Михайличенко А. Дежа вю. М., 2002 // Сударушка. № 9. Март. С. 8.

Фигура на столе // Алфавит. № 13. С. 25.

"Ничего!" – говорил по-русски Бисмарк // Там же. № 20. С. 18.

Кудесник старого сада и кумир меценатов [О гл. садовнике Ботанического сада Г.Ф. Вобсте] // Сделай сам. № 2. С. 94–97.

По атласу познания Европы // Город Аэропорт. № 3. С. 40–41.

Рец.: Сенкевич Г. Вадим Синявский – певец футбола. М. 192 с.

2004

Вектор "Московской энциклопедии" // Краеведение в России: История. Совр. состояние. Перспективы развития: Материалы Всерос. семинара краеведов. Зарайск. 30 янв. 2004 г. М. С. 53–58.

К середине 2004 г. подготовлены около 200 статей для I т. "Московской энциклопедии" ("Лица Москвы"). В список из-за соображений экономии площади не включались многие корреспонденции, комментарии и информации о событиях, связанных с преобразованиями в экономической жизни, городском хозяйстве Москвы, в столичной книгоиздательской и журнально-газетной практике, развитии сферы туризма, научно-исследовательской деятельности различных учреждений гуманитарного профиля. В их числе ряд публикаций по проблемам финансово-денежных отношений: беседы с д-ром экономических наук А.А. Дерябиным. См.: ВМ. 26 янв., 2 июня, 16 ноября 1994 г., 4 июля 1995 г., 20 ноября 1996 г., 19 авг. 1998 г. и др. Напечатаны материалы о дворянском роде Чертковых и судьбе особняка на Мясницкой, 7 // ВМ 17 апр., 19 июня, 24 июля, 6 сент., 4 дек. 1996 г., 14 янв., 16 апр. 1997 г., 4 февр. 1998 г. Комплекс очерков, статей и комментариев помещен в альманахе "Странствия и приключения" (2000. Т. 1–2), подготовка которого велась в издательстве "Знание" по проекту автора и при его участии.

inslav

III. ПУБЛИКАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ ДВУХ ЦЕНТРОВ ПИСЬМЕННОСТИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ XVI ВЕКА*

В 1584–1588 гг. на территории Псковской земли, разоренной несколькими годами ранее войсками Стефана Батория, проводилось писцовое описание. Сохранились писцовые книги писцов Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина с товарищами по Псковскому уезду (за исключением самого Пскова) и по уездам Гдовскому, Кобыльскому, Изборскому, Островскому, Вороночскому, Выборскому и Дубковскому в списках XVIII в. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 827, 830), а также подлинные платежные книги этих писцов (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 355)[1], представляющие собой сокращенный вариант. Для писцовых книг Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина характерно включение в текст инвентарных описей монастырского и церковного имущества, которые, в свою очередь, содержат описи книжных собраний[2]. Опись имущества Псково-Печерского монастыря из писцовых книг Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина была опубликована в начале прошлого столетия, хотя и осталась незамеченной исследователями[3]. Опись наиболее древнего монастыря – Спасо-Мирожского, – к сожалению, отсутствует, так как обитель находилась в черте города, описание которого утрачено.

Второй по значению и по старшинству монастырь Псковской земли – пригородный Снетогорский Богородице-Рождественский. Впервые он упоминается в летописи под 1299 г., но предполагается, что был основан несколько ранее князем Довмонтом. Его каменная церковь была построена в 1309/10–1310/11 гг., а в 1313 г. расписана фресками, получившими в настоящее время мировую известность. В первой четверти XV в. обитель стала местом пострижения и погребения псковских князей и других знатных псковских граждан. Аристократический статус монастыря сохранялся и позднее. Например, в 1472 г. по пути в Москву в нем останавливалась Софья Палеолог[4].

Неудивительно, что библиотека монастыря, хотя и пережившего пожар в 1493 г. и разорение литовскими войсками в 1581 г. (а также, возможно, после

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00141а).

[1] Кн. 355 опубл.: Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 5.

[2] Подробнее см.: *Французова Е.Б.* Описания церквей и монастырей Псковской земли в составе писцовых книг 1580-х гг. // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции "Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания", посвященной памяти В.В. Крестинина. Архангельск, 2002. С. 334–339.

[3] Псково-Печерский монастырь в 1586 году // Старина и новизна: Ист. сб. СПб., 1904. Кн. 7. С. 255–272.

[4] См.: *Лабутина И.К.* Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985. С. 164–168.

inslav

1510 г. лишившаяся какой-то своей части в пользу Новгородского Софийского дома[5]), содержала немало пергаменных рукописей, книг, художественно оформленных миниатюрами и заставками, а некоторые из них имели богатые оклады. По всей видимости, большая часть этих книг – вкладные, хотя не исключено, что и сама обитель была местом изготовления книг[6]. В собрании монастыря насчитывалось 37 томов харатейных рукописей, или 24% общего числа кодексов. По наблюдениям А.А. Турилова, рукописи, писанные на пергамене, могут быть датированы не позднее третьей четверти XV в.[7] Следовательно, основное ядро библиотеки сформировалось в эпоху псковской самостоятельности.

В этом пригородном монастыре, в XV в. связанном с псковской аристократией, а после 1510 г., вероятно, – и с московскими правительственными кругами, проявляли немалый интерес и к устройству Вселенной, и к истории вообще (в списке книг значатся "Хронограф", "Христианская топография" Козьмы Индикоплова, "Хождение" игумена Даниила), и к российской истории в частности. В библиотеке хранились "Летописец в полдесть" и харатейная книга "Временник", т.е., возможно, тоже летопись (вспомним, что Новгородская I летопись по Синодальному списку была озаглавлена: "Временник, еже есть нарицается летописание князей земля руския..."; "Временником" же называлась Софийская I летопись старшего извода – "Временик Софийский"[8]), а также "Летописец" в составе кодекса, включавшего Требник и Апокалипсис. Последнее обстоятельство указывает на возможность ведения летописных записей в самом монастыре.

Опись библиотеки Снетогорского монастыря еще нуждается в подробном анализе, в сопоставлении с сохранившимися памятниками письменности. Однако даже предварительное ознакомление с составом этого книжного собрания позволяет сделать вывод о наличии в нем ряда уникальных пергаменных рукописей, бытование которых не отмечено опубликованными к настоящему времени каталогами сохранившихся рукописных книг. Не следует забывать, что у псковских рукописей была непростая судьба. Многие из них могли пострадать во время событий начала XVII в. (осада Пскова шведами в 1615 г.) и в последующее время, в частности в 1670-е годы[9], а также в

---

[5] См.: *Розов Н.Н.* Искусство книги Древней Руси и библиография (По новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 51.

[6] Так, по предположению Л.В. Столяровой, сделанному на основании записей писцов, один из кодексов XIV в. мог быть изготовлен в Снетогорском монастыре, еще три связаны с ним (возможно, заказаны для него). См.: *Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. № 196, 206, 292, 464, 466, 467. На мысль о том, что и художественное оформление рукописей также могло осуществляться в самой обители, наталкивает упоминание о "тетрадях", в которых "начало Четырех евангилистов, и Святцы, и заставицы". (Конечно, нельзя исключить, что рукопись заказали и изготовили где-то еще, а в монастыре только предполагали переплести.)

[7] О пределах употребления пергамена в качестве писчего материала см.: *Турилов А.А.* О времени и месте создания пергаменного Евангелия "Мемнона-книгописца" (БАН, Доброхот. 26) // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. М., 1992. Вып. 26. С. 25–27.

[8] Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 11, 103; *Турилов А.А.* Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. С. 317. Однако не исключено, что "Временником" могла именоваться и Хроника Георгия Амартола ("Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха") или одна из ее частей ("Временьник о хрестьяньских царях").

[9] *Покровский А.А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916.

inslav

XVIII–XIX вв., когда в большинстве своем они были вывезены из Пскова и оказались распылены по различным фондам и коллекциям книгохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга[10].

Относительно тематического состава библиотеки обители в общих словах можно сказать, что центральное место в ней принадлежало книгам, необходимым в литургическом обиходе, и наиболее популярной агиографической и назидательной литературе. Что же касается богословских трудов, то репертуар их довольно ограничен. Такая ситуация вполне объясняется функцией обители, расположенной неподалеку от городского центра, часто посещаемой горожанами-мирянами, связанной с наиболее высокопоставленными из них.

Иным предстает облик знаменитой Трехсвятительской Елеазаровой пустыни. Основанная около 1447 г. постриженником Снетогорского монастыря Евфросином (в миру Елеазаром), она находилась вдали от городской суеты. На начальном этапе истории обители в формировании ее книжного собрания, несомненно, принимал участие ее основатель. Согласно житийным повестям разных редакций, его интересовали проблемы соответствия русской и греческой богослужебных практик, а именно, вопрос о том, двукратно или троекратно должно произноситься слово "аллилуия". Чтобы найти ответ, Евфросин предпринял путешествие в Царьград[11]. Круг интересов Евфросина и непосредственное знакомство его с византийской культурой должны были привлечь его внимание к наследию греческих отцов Церкви, к сочинениям древних христианских авторов. Недаром в описи книжного собрания Елеазаровой пустыни значится "книга Максим Исповедник старцова Ефросинова писма".

После смерти Евфросина (1481) обитель быстро богатеет, отстраивается. По-видимому, уже в первые десятилетия XVI в. формируется основное собрание памятников письменности. По сравнению со Снетогорским монастырем, доля богослужебных книг в библиотеке заметно ниже, хотя и здесь хранятся три рукописи в богатых окладах (первое из описанных напрестольных Евангелий, скорее всего, – Евангелие апракос 1532 г. с миниатюрами четырех евангелистов[12]). Среди книг, принадлежащих обители, – значительное число житийных и прочих четьих сборников; шире, чем в Снетогорском монастыре, репертуар богословской литературы.

В первые десятилетия XVI в. в обители монашествовал известный старец Филофей, автор сочинений, развивавших историософскую идею "Третьего Рима". Источниковедческий анализ текстов "Филофеева цикла" позволил Н.В. Синицыной датировать сочинения, принадлежность которых Филофею не вызывает сомнения[13]. Согласно ее изысканиям, пребывание старца Филофея в Елеазаровой пустыни можно считать бесспорным в 1520-е годы.

Публикуемая опись книжного собрания обители вводит нас в ту литературно-культурную среду, в которой создавалась Филофеева концепция. К сожалению, состав кодексов не указан, приводятся только названия произведе-

---

[10] См.: Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV–XX вв.). Псков, 1991. Ч. 1. С. 5.

[11] См.: *Серебрянский Н.Н.* Житие преподобного Евфросина Псковского (первоначальная редакция) // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1909. Т. 173. С. I–XIV; *Охотникова В.И.* Краткая редакция Жития Евфросина // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура. Псков, 1999. С. 253–258.

[12] Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника... Ч. 1. № 6; Ч. 2. С. 6–7.

[13] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

inslav

ний, открывавших их. Кроме того, канцелярист XVIII в. (как, впрочем, и писец XVI в.) был не столь образован, как собиратели и хранители библиотеки: в описи есть "темные места". Тем не менее и в таком виде она позволяет выявить некоторые источники Филофеевых писаний. Наличие в книжном собрании Елеазаровой пустыни Номоканонов, толкований на пророческие книги, Жития Андрея Юродивого, "Христианской топографии" Козьмы Индикоплова подтверждают наблюдения Н.В. Синицыной. Не исключено, что явно искаженное название "Слово Маво", следует читать как "Слово Мефодьево", т.е. "Откровение Псевдо-Мефодия Патарского". Если мы не ошибаемся, то в распоряжении старца находились все наиболее популярные в то время эсхатологические сочинения. В таком случае выводы Н.В. Синицыной об источниках старца Филофея и эсхатологической направленности его сочинений обретают новое обоснование.

Обращает на себя внимание и наличие в книжном собрании Елеазаровой пустыни "Летописца в полдесть". Еще А.А. Шахматов сделал предположение о причастности Филофея к псковскому летописанию, приписывая ему авторство Хронографа 1512 г.[14] Вслед за ним А.Н. Насонов и Н.Н. Масленникова подчеркивали, что Псковская I летопись по своей направленности близка посланиям Филофея[15]. Более осторожно в этом отношении высказывался Я.С. Лурье[16]. Думается, что новые изыскания в области псковского летописеведения, учитывающие датировки и атрибуции писаний "Филофеева цикла" Н.В. Синицыной, прольют новый свет на роль Елеазаровой пустыни и генетически родственной ей Снетогорской обители в развитии летописной традиции.

И еще одно наблюдение. Книжные собрания обеих обителей, как представляется, несут на себе отпечаток новгородско-псковских событий конца XV – начала XVI в. и, в частности, деятельности архиепископа Новгородского Геннадия Гонозова. Обе библиотеки содержат такое полемическое сочинение антииудейской направленности, как "Вера и противление иудей, крестившихся во Африкии и Карфагене" ("книга Яков Жидовин"); в Елеазаровой пустыни хранилась и "книга Григорьева з Гервоном жидовином прение" ("Житие Григория Омиритского и Прение с Герваном-еретиком"). Очевидно, что эти сочинения могли появиться в монастырских библиотеках в условиях той борьбы, которая велась против ереси "жидовствующих". Кажется не случайным и наличие "книги Освящение церкви" (а также, возможно, "Последование освящению"): Геннадий еще в сане архимандрита Чудова монастыря был активным участником полемики об обряде освящения новых храмов.

Таковы самые предварительные выводы о составе библиотек двух центров книжности Псковской земли. Детальный анализ публикуемых материалов, сопоставление их с данными о сохранившихся кодексах, вероятно, во многом уточнят наши представления об этих рукописных собраниях, позволят высветить их истинную культурную ценность.

Е.Б. Французова

---

[14] *Шахматов А.А.* К вопросу о происхождении хронографа. СПб., 1899.

[15] *Насонов А.Н.* Из истории псковского летописания // ИЗ. 1946. Т. 18; *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

[16] *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 488–494.

inslav

Извлечение из писцовой книги Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина 1584–1588 гг.: Книжное собрание Богородице-Рождественского Снетогорского монастыря

Л. 387 об. ...Да ких в церкве у Рожества Пречистые Богородицы.

На престоле. Евангелие харатейное в десть, апракос[1*], басмы серебряны золочены, а на басмах четыре камени; да другое Евангелие Гарасима ||
Л. 388 преподобнаго на престоле, тетрово, в десть на бумаге; третье Евангелие у Николы Чудотворца на престоле, в десть на бумаге, тедрово, а на нем Страсти Господни, наугольники и евангилисты серебрены чеканены золочены; Евангелие тетр на бумаге в десть, евангилисты и заставицы на золоте, а верхние цки писаны Страсти Спасовы, венцы у Спаса, и у Пречистые, и у Ивана Богослова серебряны чеканные золочены, а около Страстей обложено басмы серебряны золочены, а застежки, и спни[2*], и[3*] пробоицы серебряны, да на другой[4*] стороне пять жемчужин серебряных; Евангелие тетр с евангилисты и заставицыми
Л. 388 об. в полдесть на бумаге, оболочено бархатом черным на желтой || земли; Евангелие апракос в десть на бумаге; да в тетрадех в десть на бумаге начало Четырех евангилистов, и Святцы, и заставицы; Евангелие апракос в полдесть на бумаге; Апостол тетр на бумаге в полдесть; Апостол тетр в полдесть же на бумаге; Апостол преподобнаго Герасима на харатье в десть, апракос[5*]; Апостол у Николы Чудотворца в десть на бумаге; две Псалтыри в полдесть, старые; две Псалтыри в полдесть на харатье; две Псалтыри в четвертинку на бумаге; две Псалтыри следованные в полдесть на бумаге; Псалтырь толковая, а толкование Федоридаво; Охтоики в дву половинках на бумаге в десть; другие Охтоики
Л. 389 в церкви у Николы Чудотворца, в дву половинках, в десть || на бумаге; Охтаики в дву половинах; да старые Охтаики харатеные; Минеи месячные двенатцать книг, шесть Миней в десть, а шесть в полдесть; книга Минея старая сентябрская в десть на бумаге; две Минеи новые чудотворцы, неисполна, одна в десть, а другая в полдесть, на бумаге; Треодь в двух половинках в десть на бумаге; Треодь одна харатейная в полдесть, четыредесятница; Устав в десть на бумаге; Устав в церкве у Николы Чудотворца в десть на бумаге; шесть Служебников хоратейных в четьвертинку, а крыты камкою, наугольники и кресты серебряны, один ис тех Служебников в полдесть, а у него четыре заста-
Л. 389 об. вицы серебряны и кресты || серебряны же, а один Служебник без застежик, а в ином одна застешка, а у всех застешки серебряны; да три Служебники ветчаны в полдесть да четвертой служебник харатейной в полдесть; книги Служебники три: книга Служебник в полдесть на бумаге, оболочен бархатом черным[6*], [...] окованы и застешки серебряны; книга Служебник в полдесть на бумаге, оболочен кожею; книга Васильева служба в полдести, крыта отласом полосатым, да листы в четвертинку Служба Ивана Златоустаго; Евангелие толковое воскресное; Евангелие толковое ж вседневное на харатье в десть, четыре евангилисты; Евангелие же[7*]толковое ж[7*] вседневное в десть на бумаге,
Л. 390 четыри евангилисты; Апостол толковой || повседневной в десть на бумаге; Часословец в полдесть на бумаге, ветчан; Прологи в дву половинах, на бумаге в десть; другие Прологи харатейные, одна половина Торжественник на александриской бумаге, в десть; книга Златоуст в десть, четыредесятница и пятидесятница по неделям, да в той же книге Житие Моисея пророка; Соборник старой на харатье в десть; книга Ефрем Сирин в десть на бумаге; книга Федор[8*] Студит в десть на бумаге; книга Лествица в полдесть; книга четья Житие преподоб-

---

1* *В ркп.* апрако.
2* *В ркп.* спини.
3* *В ркп. опущено.*
4* *В ркп.* другом.
5* *В ркп.* апрако.
6* *Далее в ркп. смысловой пробел.*
7*–7* *Вписано над строкой.*
8* *В ркп.* Федорит.

inslav

ные Евдокеи; книга Измарагд в полдесть; Ирмолой на харатье, не изнаменан, в четвертинку; Часовник в четвертину; Часовник харатейной; книга Иван || Дамаскин в полдесть; Потребник в полдесть, а на нем писан образ Спасов; По- *Л. 390 об.*
требник в полдесть; книга Освящение церкви в полдесть; книга Освящение масло в полдесть; книга Крещение богоявленское, авгуское, в полдесть; книга нова Григорей Богослов в десть на бумаге; книга Устав в десть на харатье; книга Пчела; книга Кирил на харатье в десть; книга Максим; книга Златоструй на харатье в десть; книга Минея март четья, в десть на харатье; книга Скицкой патерик на харатье; книга четья в полдесть, в начале Житие трех отрок, на харатье; три книги Лествицы на харатье в полдесть; книга Стихараль[9*] || на харатье *Л. 391*
в полдесть; другой Стихараль на харатье в полдесть, посной; Патерик печерской на харатье в полдесть; два Часовника на харатье старае; книга Златоуст посной на три недели, на харатье; книга Кондакарь по знаменью, старская; книга Временник на харатье; книга ветчана на бумаге в полдесть, а в ней молитвы Кириловы; книга Яков Жидовин на хоратье в полдесть; книга Дорофей в полдесть на бумаге; книга Палея в десть; книга Житье Ивана Златоустаго; книга Богородичнык в полдесть на бумаге; книга Стихораль в полдесть на бумаге; книга Житье преподобных в полдесть на бумаге; две книге || Житье ны- *Л. 391 об.*
нешних новых чудотворцов; книга Исак Сирин; книга Пятидесятница четья; книга Козма Идикомов[10*]; книга Часословец; книга Потребник да Откровенье Ивана Богослова, Апокалепсея, в той же книги Летописец; книга Маргарит в десть на бумаге; книга Предста Царица в десть на бумаге; книга Патерик печерской в десть на бумаге; книга Молебник в полдесть на бумаге; книга Каноны преподобнические в полдесть на бумаги; книга храмная Каноны в полдесть на бумаге; книга Ирмолой и Стихараль, в длину в полдесть, а поперек в четвертину, на бумаге; книга Летописец в полдесть на бумаге; Молитвы Кириловы в полдесть на бумаге; книга Странник, Данилово хоженье, в четверть на бумаге; *Л. 392*
Часовник в четверть на бумаге, ветчан; Ирмолой в полдесть на бумаге, ветчан; два Часословцы[11*] в полдесть на бумаге, ветчаны; книга Святых отец в десть на бумаге; || книга Потребник в полдесть на бумаге; книга Часословец в десть на бумаге; книга Исповеданье в полдесть на бумаге; книга[12*] в полдесть на бумаге Житье святых Савы Печерскаго да Епифана Кипрскаго; книга Граноград в десть на бумаге, оболочена кожею черною, жучки и застешки медяные; Евангелие толковое воскресное, оболочено кожею красною, в десть на бумаге, жучки и застешки медяные; книга Райская, одна половина фарисеевы недели, в десть || на бумаге, оболочена кожею красною, застешки и жучки медяны; *Л. 392 об.*
книга Семион Новый Богослов; да печатных книг: Евангелие воскресное толковое, да два Евангелия престольные тетры, книга Апостол тетр, Псалтырь в полдесть, две книги Николино житие, да Григорей Беседовник, да Богородичник.

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 387 об.–392 об.

Извлечения из писцовой книги Г.И. Мещанинова-Морозова и И.В. Дровнина 1584–1585 гг.: Книжное собрание Трехсвятительской Елеазаровой пустыни

...На престоле. Евангелие апракос в десть на бумаге, обложено басмы серебря- *Л. 404 об.*
ны золочены, вставки четыри хрустали, спни жемчуги, застешки серебряны, а на нем писаны Страсти; Евангелие[1*] апракос в десть на || бумаге, оклад сере- *Л. 405*
брян, цка чеканена золочена, наугольники с винифтом и краи резаны, евангилисты чеканены с финифтом, а Страсти писаны на красках, в венцах вставки: шесть жемчужков, да пять червцов, да две бирюски, да на полех в коробцах че-

---

9* *В ркп.* Стихарь.
10* *Так в ркп.*
11* *В ркп.* Часловцы.
12* *В ркп.* кника.

1* *В ркп.* Еваньелие.

inslav

тыре вставки, один яхонт, да два цервца, да хрусталь, а задняя цка обложена цкою серебряною, а по углом в серетках пять плащей чеканены серебряны золочены, застешки серебряны золочены; Евангелие тетр в десть на бумаге, оболочено бархатом черным, Страсти да четыре евангилисты на пяти плащех се-
Л. 405 об. ребряных золочены, а назади || пять[2*] плащиков серебряных басмены, спенки, застешки серебряны золочены...

Л. 409 ...Да в церкве и в казне книг.

Три Евангелиа тетровых в полдесть, два кожою оболочены, а третье бархотом червчатым; Евангелие да Апостол в одной книге, в десть, кожею оболочены; шесть Апостолов, четыре тетровых в полдесть, а пятой тетр в десть, шестой апракос в десть; четыре Уставы, два в десть, а два в[3*] полдесть; Апостол толковой в десть; книга Торжестьвенник в десть; две книги Григорья Богослова в десть, одна на бумаге, а другая на хоратье; две Полеи[4*] в десть; три
Л. 409 об. книги[5*] || Манаканоны, две в десть, одна на бумаге, а другая на харатье, а третья в полдесть на бумаге; книга Евангелие воскресное толковое в десть; две книги Евангелия толковых вседневныя в десть, а в них четыре евангилисты; книга Ефрема Сирина в десть; три Псалтыри толковых, одна в десть, а две в полдесть; книга Василей Кесариский в десть; книга Маргарит в десть; книга Зерцало да в ней же Иосаф в десть; книга Псалтирий в десть; [6*]книга Кирил Ерусалимский в десть[6*]; две книги Чепи[7*] златыя в десть; книга Златоструй в десть; книга Житье Ивана Златоустаго в полдесть; книга Исак Сирин в пол-
Л. 410 десть; книга, в начале || Житие трех святителей в полдесть; книга Патерик печерской в десть, а в ней Иван Дамаскин, Исус Сирахов; два Патерика печерских в полдесть; книга Панагирик, в начале Как Адам создан бысть, в полдесть; книга Патерик скитцкой в полдесть; Иатаит[8*] в полдесть; книга Григорьева з Гервоном жидовином прение в полдесть; книга Максим Исповедник старцова Ефросинова писма в полдесть; книга Житие и мучение святых жен в полдесть; книга, в начале Кириловы молитвы, в полдесть; книга житейская, в начале Слово Маво[9*] в полдесть; книга житейская, в начале Житие Матрени-
Л. 410 об. но, в полдесть; книга житейская, в начале || Слово Васильево "Внимай себе", в полдесть; Книга пророка Моисея Боговитца в полдесть; книга житейская, в начале Слово Анастасия смиренна, в полдесть; книга Посе[10*] освящению в полдесть; книга житейская, в начале Слово святаго Стефана, в полдесть; книга Антиох, в начале Слово житие Феодора епископа Едескаго, в полдесть; книга житейская, в начале Слово Фомы апостола, в полдесть; книга Житие и мучение святых, молитва святаго Николы об[11*] обуревамых, в полдесть; книга житейская, в начале Слово Семион Столпник, в полдесть; книга[12*] житейская, в
Л. 411 начале Слово мучение чудотворец Козмы и Домьяна, в полдесть; книга || Иван Златоуст да в ней Слово[13*] Серпский, в полдесть; книга Плен Иерусалимской в полдесть; две книги Соборники, одна в полдесть, а другая в четвертину; книга Пророки толковые в полдесть; книга, в ней Пятеры книги Моисеевы в полдесть; книга Селиверст, а в ней Козма Индикопол в полдесть; книга житейская, в начале Хожение Александр, в полдесть; книга Феодор Студит в полдесть; книга Златоуст посной в полдесть; книга Дорофей в десть; две книги Райския, а в них четыредесятница да пятидесятница, в десть; книга Никольская в десть;

2* *В ркп.* пяти.
3* *В ркп. опущено.*
4* *В ркп.* Поле.
5* *В ркп.* книга.
6*–6* *Вписано под знаком вставки на внешнем поле листа другим почерком.*
7* *В ркп.* Чети.
8* *Так в ркп.; возможно, следует* Синаит.
9* *Так в ркп.*
10* *Так в ркп.; далее оставлено место для 2–4 знаков. Следует, по-видимому,* Последование.
11* *В ркп. опущено.*
12* *В ркп. написано дважды.*
13* *Так в ркп.; следует, по-видимому,* Сава.

inslav

книга Григорей Богослов Беседовник в полдесть; книга Златоуст посной в десть; книга || Летописец в полдесть; книга Странник в полдесть; книга Деонисей Ареопагит в десть; книга Андрей Уродивый в полдесть; книга Житие новых чудотворцев в десть; книга Апостольская похвальная в полдесть; книга Евангелие толковое вседневное, четыре евангелисты, в десть; двои Прелоги в десть; две Треоди в десть; одны Охтаицы в десть; одны Минеи месячные в [14*]четвертину, аугуста[14*]; Минея общая в полдесть; три Богородичника в полдесть; четыре Потребники в полдесть; Служебник в четвертину, бархочен, в часты оковцы серебряны. || *Л. 411 об.*

...Да два Ирмолоя в четвертину; да шесть Служебников в полдесть; три Часословца в полдесть; книжка Часы царские; трои Ирмолои, Ниловской в полдесть, два Ирмолоя, один в полдесть, а другой в четвертинку; Стихараль в полдесть... *Л. 412*

Да в приделе у Рожества Пречистые Богородицы || ...На престоле Евангелие апракос, на нем писаны Страсти на золоте. *Л. 412 об.*

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 830. Л. 404 об.–405 об., 409–412 об.

ЗАПИСКА О РАЗВИТИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ (1660-е годы)

Важной составляющей исследований реформ является изучение проектов преобразований и их реализации, влияния и использования опыта других стран. В России второй половины XVII в. осуществлявшиеся нововведения в основном касались финансовой и торговой сфер, т.е. вопросов обеспечения активного денежного баланса. Были проведены фискальная и денежная реформы, введены Торговый и Новоторговый уставы. В связи с этим рассматривались проекты А.Л. Ордина-Нащокина и предложения П. Марселиса о развитии торговли[1].

Хозяйственно-политические потребности страны обусловили появление крупного железоделательного производства. Оно было создано иностранными предпринимателями под опекой государства. В отечественной историографии подробно освещены проблемы становления заводского производства, его технологический и экономический аспекты, государственная поддержка частной инициативы[2]. Однако вне поля зрения исследователей остался вопрос о поиске путей дальнейшего развития отечественной промышленности.

Как правило, начало реформационной деятельности в данной области связывают с изменениями системы управления промышленностью в первой четверти XVIII в., введением Берг-привилегии 1719 г. Учреждению Берг-коллегии предшествовало рассмотрение в Сенате проектов И. Блиера (1712 г.) и А. Любераса (1719 г.). Как отметил Н.И. Павленко, авторы этих проектов брали за основу опыт организации горнорудного дела в Саксонии и Швеции. Для их предложений была характерна "узкая, сугубо административно-учрежденческая постановка вопроса", т.е. речь шла только о передаче заво-

---

[14*–14*] *Написание слов искажено; чтение предположительное.*

[1] См.: *Курсков Ю.В.* Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40–60-х годов XVI века: Уч. пособие. Чита, 1973. С. 56–80; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав 1667 года // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 102–126.

[2] *Бакланов Н.Б., Мавродин В.В., Смирнов И.И.* Тульские и Каширские заводы в XVII веке. М.; Л., 1934; *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности. М., 1947; *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001 и др.

inslav

дов и рудников в ведение Берг-коллегии и исключении вмешательства в эту сферу воевод и губернаторов[3].

Идеи об организационных преобразованиях в отечественной металлургии и развитии отрасли в целом вынашивались еще в XVII в. В частности, размышляя о путях России к благополучию, этих вопросов касался Ю. Крижанич в труде "Политика", написанном в 1660-е годы. Будучи человеком далеким от промышленной и торговой сферы, но являвшимся пытливым наблюдателем, он сумел довольно точно определить российскую специфику, в том числе установить причинно-следственную обусловленность состояния горнорудного дела. Однако по большей части предложения Ю. Крижанича по добыче сырья для промышленности были весьма далеки от реальности. Так, например, он предлагал искать руду в других странах, а также разрешить иностранцам свободно торговать в России при условии, если они будут привозить сверх своих товаров руду.

Ряд предложений по развитию металлургической промышленности в России был изложен Петром Марселисом в челобитной 1669 г. о выдаче его семье привилегии на строительство медеплавильных заводов в Олонецком уезде[4]. К тому времени они уже имели большой опыт по строительству и эксплуатации Тульских и Каширских железоделательных заводов[5]. После обнаружения признаков медной руды в Олонецком уезде предприимчивые датчане решили попробовать свои силы в медеплавильном производстве.

Как проект развития отечественной металлургии можно рассматривать и публикуемый документ из фонда "Дела о горных промыслах в России" РГАДА[6]. В архивной описи эта единица хранения называется "Посылка разных чиновников и мастеров на Новую землю, Двину, Олонец, Нижний Новгород, Кадом, Тулу и другие места для сыску серебряных и медных руд, алебастрового камня, слюды, солевых жил и проч. 1661–1666 гг." и состоит из 140 листов. Данное дело является тематической подборкой документов о проведении поисков полезных ископаемых, организованных Приказом Тайных дел в различных районах европейской части России в 1661–1664 гг. Очевидно в связи с проведением экспедиции В.Шпилькина на Канином носу и Югорском шаре в 1661–1664 гг. возник интерес и к поискам полезных ископаемых на Новой земле, проводившихся Р. Неплюевым в 1651, 1652–1653 гг. Поэтому документы об этих событиях также попали в данное дело, а именно в подборку материалов о поездке В. Шпилькина. Листы в этой части дела (Л. 9–70) были перепутаны, среди них оказался и публикуемый документ. К сожалению, утрачено его начало, есть утраты и в середине текста. По почерку и содержанию удалось выявить 6 листов и восстановить их последовательность.

В силу этих обстоятельств, А.А. Кузин, активно использовавший данное дело в монографии "История открытий рудных месторождений в России" (М., 1961), не обратил внимание на публикуемый текст как самостоятельный документ, на особенности его стиля как послания на имя царя. Поэтому его содержание было воспринято исследователем как некая реальность, как распоряжения воеводам и приказным людям (С. 28–29).

---

[3] *Павленко Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 101–102.
[4] ДАИ. СПб., 1875. Т. IX. С. 46–47.
[5] См.: Крепостная мануфактура. Л., 1930. Т. 1. С. 277–290; *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С. 352–370.
[6] РГАДА. Ф. 151. Д. 12.

inslav

В сохранившемся тексте нет указания на авторство и дату составления документа. Исходя из содержания, назовем его "Записка неизвестных авторов царю о развитии металлургической промышленности в России".

Дело, в котором была обнаружена Записка, имело титульный лист, который ошибочно оказался вложенным в блок при разрезании столбца и пронумерован восьмым. На нем написано скорописью XVII в.: "Столпик, а в нем отпуск дьяку Василию Шпилкину на Двину и в Кевроль, и на Мезень и иные всякие отпуски государевым грамотам в городы к воеводам и к приказным людем о сыску золотой и серебряной и иных всяких руд, алавастрового и иного узорочного каменья на Волге и по иным рекам 169-го, 170-го, 172-го, 173-го, 174-го". Именно под таким заголовком данное дело попало в переписную книгу документов Приказа Тайных дел 1676 г. (Л. 215 об.)[7]. Таким образом, можно установить, что Записка была составлена не позднее 1676 г. Скорее всего она была написана во второй половине 60-х годов XVII в. В ней есть фраза: "В Московском государстве в розных *четырех* местах медная руда объявилась и серы горючие много". Как раз во второй половине 1660-х годов были найдены медные признаки на р. Цильме, в Заонежском и Лопском погостах и Толвуйской волости Олонецкого уезда[8].

Записка составлена в виде обращения к царю и изложение идет от первого лица во множественном числе. Есть основание полагать, что составители Записки были иностранцами. Об этом свидетельствует их большая осведомленность о развитии металлургической промышленности в европейских государствах. Также они предлагали свои услуги по вербовке иностранных специалистов, а за такое дело могли взяться только люди, бывавшие за границей. Обращаясь к царю, авторы Записки рассчитывали на совершенно конкретные для себя результаты. Они надеялись, что именно им будет поручена организация заводов. При этом подчеркивалось, что отнюдь не все иностранные мастера, умевшие проводить опыты с различными рудами, способны организовать заводское производство. Очевидно сами авторы имели опыт строительства металлургических заводов, но не имели капиталов для создания концессионных предприятий.

Скорее всего Записка была написана иностранными мастерами, находившимися на русской службе. Это могли быть кто-то из саксонских плавильщиков и рудокопов, работавших на Пыскорском казенном медеплавильном заводе в 1634/35–1642 гг. под началом Ариста Петцольта[9]. Их дальнейшая судьба после отъезда с завода не известна.

Иностранные специалисты работали и на казенном медеплавильном заводе в районе Казани. Одним из них был Лаврентий Нейгарт (Нейтгарт, Нейтарт, Нейтор, Нейтер, Кехтер. Правильно Neidhart). Его отец Андрей Нейгарт (Andreas Neidhart) был "пушечным литцом" и служил в России с 1622 по 1664 г. Лаврентий унаследовал специальность отца, известен как пушечный мастер и рудознатец[10]. При этом он числился на военной службе и в документах упоминается сначала в звании прапорщика, затем подполковника. Как он

---

[7] Дела Тайного Приказа // РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. Стб. 162.

[8] ДАИ. Т. IX. С. 46–47; *Корнилович А.О.* Известия об успехах промышленности в России и в особенности при царе Алексее Михайловиче // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.). М., 1990. С. 259.

[9] *Берх В.И.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 45–46.

[10] *Железнов В.* Указатель мастеров русских и иноземцев, работавших в России до XVIII века. СПб., 1907. С. 39.

inslav

сам о себе сообщал, "у рудоплавных многих дел по указу Алексея Михайловича бывал посылан из приказу Тайных дел многожды"[11]. В 1675 г. Л. Нейгарт работал на Х.П. Марселиса и Е. Фандергатена и был послан ими вместе с Е. Траделом в Поморье для поисков различных руд[12]. С 1687 по 1691 г. Лаврентий находился в Даурии и проводил испытания проб серебряной руды, найденной на притоках р. Аргуни. При его активном участии воевода И. Власов пытался организовать сереброплавильное производство в Нерчинске. С 1697 г. Л. Нейгарт управлял Саралинским казенным медеплавильным заводом в Казанском уезде, а в 1699–1703 гг. руководил поисками медной руды в Кунгурском уезде[13].

Мог быть причастен к составлению Записки и иностранный мастер-плавильщик, рудознатец Денис Юрьич (Юрыш). И. Кильбургер назвал его голландцем Денисом Иовисом, служившим прежде при шведских рудниках. В 1666 г. он был направлен вместе с новгородским гостем Семеном Гавриловым в Толвуйскую волость Олонецкого уезда для поисков медной руды, организации ее добычи и переработки. Казенное производство меди создать так и не удалось из-за грунтовых вод, и в 1674 г. рудники в Толвуйской волости были переданы П. Марселису и Р. Бутенанту по их просьбе[14].

Вряд ли авторами публикуемого документа могли быть сами Марселисы, хотя П. Марселис-старший имел опыт составления записок на царское имя в связи с принятием Новоторгового устава[15]. Записка неизвестных авторов и упоминавшаяся выше челобитная 1669 г. П. Марселиса имеют сходство по структуре. Оба документа разделены на статьи, во втором имеется их нумерация. Трудно сказать, было ли это сделано самими авторами или приказными писцами и переводчиками, поскольку мы имеем дело только с переводами данных текстов. В том и в другом документе присутствует обоснование необходимости развития металлургического производства в России с позиций позднего меркантилизма, в качестве образца приведен опыт других государств. Очевидно и сходство целей авторов – занять определенное место в данном деле.

Но принципиальная разница состоит в том, что П. Марселис добивался разрешения для себя строить медеплавильные заводы на льготных условиях. Предложения авторов Записки были посвящены усовершенствованию уже существовавшей в России государственной практики организации поисков рудных месторождений и казенного заводского производства. Они предлагали свои услуги по приглашению мастеров, экспертизе найденных руд и основанию заводов. Рациональность предложений авторов Записки была проверена временем. Многое из отмеченного ими имело место в организации промышленной сферы первой четверти XVIII в.

Публикуемый текст передан с учетом разбивки на статьи, имевшейся в документе.

И.Л. Манькова

---

[11] РГАДА. Ф. 214. Д. 1081. Л. 154.

[12] См.: ДАИ. СПб., 1851. Т. VI. С. 166–167.

[13] РГАДА. Ф. 214. Д. 1081; *Чупин Н.К.* О времени постройки Серебрянскаго и других заводов // Горный журнал. 1873. Т. 1. С. 335; *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 275.

[14] ДАИ. СПб., 1853. Т. V. С. 73–74. Крепостная мануфактура в России. Л., 1931. Т. 2. С. XIV; *Корнилович А.О.* Указ. соч. С. 259.

[15] *Чистякова Е.В.* Указ. соч. С. 102–126; РГАДА. Ф. 141. Д. 434. Л. 37 об.–40 об.; Ф. 151. Д. 16.

inslav

Не позднее 1676 г. Записка неизвестных авторов царю о развитии металлургической промышленности в России

...и заводы завесть и к тем заводам добрых и мастеров промышлять надобно. И буде великий государь изволит нам приказать мастерами промышлять, и мы ему, великому государю, рады служить и из розных государств к тем заводам и мастерами промышлять.

Нелзя, государь, того прибыльняе быть Росийскому государству, как бы дал Бог розные рудяные заводы. А объявы Бог дал в розных местах и от розных бы заводов Росийское государство богатело.

А как бы, государь, в Свие не розные были заводы – серебряные и медные, и железные, и сера горячая, не столь бы богата была.

А на всякой, государь, год из Свийской земли вывозят в розные государства по 70 000 берковец железа да меди по 20 000 берковец с лишком[1]. А за то железо и медь привозят из ыных государств доброе серебро и золото и всякие дорогие товары, потому Свийская земля и богата и воинских людей держать потому много умеет[2].

А в которых, государь, государствах родитца медь и железо, олово и свинец и сера горячая, и в то государство из ыных государств таких товаров привозить не велено, потому чтоб тем людем, которые теми заводы промышляют, убытку и накладу не было и заводам разоренья, и денег бы против того не вывозили[3].

А в Московское государство, государь, привозят из ыных государств железо и медь и против того из Московского государства вывозят много всяких русских товаров.

А как бы, государь, в Московском государстве всякие заводы были, и иноземцем бы какие руские товары понадобились, и оне б так же как и в Свийской земле и в ыных государствах за медь и за железо, за московские товары стали б привозить серебро и золото, и ыные дорогие товары. И от того б Московское государство стало богато[4].

А в Цесарской, государь, в Дацкой, в Свийской и у курфистра Саксунскаго землях, где такие рудяные розные заводы есть, ищут и призывают к себе умных и знатошных людей, которые такие заводы завести умеют, и мастеров надобных из розных государств промышляют[5]. И тем знатошным людем приказщики, мастеры и все заводы приказаны. А сверх тех знатошных людей приказано ближнему боярину и думному канцеляру, которыми оне, знатошны, о всяких надобных заводных делах докладывают. И тот боярин и канцеляр во всем знатошному без задершки указ чинят, потому что от задершки заводам чинятца убытки болшие. И что им знатошной ведомо учинит, и оне о том государем своим ведомо чинят[6].

А что то учинить, что дворян или и каких иново чину людей посылать станут такие заводы строить, и ведаем, что им такова дела учинить невозможно и не станет, потому что им такие заводы не за обычей, не разумеют и не видали[7]. А иные толко станут корыстоватца и не радеть. И мастеры их станут обманывать, потому что им не ведомо что умеют делать.

Только то надобно, чтоб на таких заводах дворяне были для береженья заводу и мастеровых, и работных людей, чтоб обиды им от сторон не было, потому что мастеры-чюжеземцы русково извычая не знают.

А которого города в уезде такие заводы есть, и воеводам бы заводов, мастеров и работных людей не ведать. А буде что на заводах учинить, и ведать то дворянину, кому заводы велено оберегать. А никаких ему болших дел не вершить, толко ему о том писать к великому государю, к Москве. А буде приказщик ему на работных людей побьет челом не в послушан[ии], и ему тем работным людем чинить наказанье по расмотрению.

А что для издершки жалованья мастерам и к заводному строенью надобно приказщик-иноземец, которой преж сего у таких заводов бывал, а для веры денежного розходу надобно тому приказщику посадцкой руской грамотной человек с подьячим.

А дворянину и посадцкому человеку мастеров и заводы не ведать и работных людей оприч приказщика[8].

А буде великому государю годны будут розные рудяные всякие заводы, и к тем заводам надобных мастеров из розных государств промышлять, и мы рады великому государю служить и радеть, и такие заводы заводить, и мастеровых людей из розных государств промышлять. Как мы будем ево, великого государя, жалованьем пожалованы против иных государств знателных людей, как там те знателные люди пожалованы[9]. А без мастеров, государь, нельзя тако[во] дела зачинать и в знатные места ездить. А в Моско[в]ском государстве в розных четырех местах медная руда объявилась и серы горячие много.

inslav

А здесь, государь, есть на Москве иноземец Петр Мартинов, а всякие руды он серебряные и золотую и меденую, оловяную и свинцовую опыту умеет в мелких статьях. А большого заводу завесть ему не в обычай и не умеет. А без такова мастера для рудяных опытов никоторыми мерами быть нелзя. А преж сего он, Петр, для опыту всяких руд был в Казани и в ыных местах с думным дьяком Назарьем Чистым[10].

...Написано на ... сыскивать во всем ... розные заводы за ... Как бы великий государь изволил послать свои, великого государя, грамоты по всем городам и уездам к воеводам и приказным людем. И накрепко приказать, чтоб* оне накрепко заказали попом и старостам и целовальником, чтоб крестьяня накрепко досматривали у рек и у малых речек, и в оврагах, и в гористых местах, и где отмыто или отройна. И объявитца незнатное каменье или глины крепкие и песок незнатной, чтоб оне те признаки приносили к воеводам и к приказным людем.

А воеводы б и приказные люди тех людей, которые к ним руду принесут, чтоб их накрепко распрашивали, коль толсто в горе слой рудяной лежит и в каких местах у реки, или коль велики реки и в лесных ли местах или в полистых. И государевым бы жалованьем их обнадеживали. И те их роспросные речи и на опыт руды присылали к Москве не мешкав с пуд и болши[11].

А буде в той присылной руде будет ... воеводе государева жалованья будет ... и воевода великому государю ста...

А которой крестьянин или какова чину люди, [обы]скав руду, к воеводам или к приказным людем принесет, и тех людей государевым жалованьем обнадеживать, чтоб про то государево жалованье пронеслося, и иным людем надежно будет руды искать.

А попом и старостам и целовалником, что оне радели и крестьянам об рудяном исканье заказывали и за их раденье тож государево жалованье будет по расмотренью.

А на чьей земли какая руда обыщетца на монастырской или на боярской, или на дворянской, и им будет отменитая государьская милость и не опасались бы, что даром на великого государя землю возьмут.

А буде великому государю те земли годны будут, на чьих землях какая руда обыщетца, и великий государь пожалует их против их доходов по расмотрению вдвое и втрое[12].

А буде кто в том деле поруху учинит и не велит крестьянам руды искать или где и сыщетца не объявит, а великому государю ж про то ведомо будет, и тем людем за такое дело от великого государя быть в жестоком наказанье и опале[13].

А что буде руды в присылке для опыту и великий государь изволит нам приказать тое руду отпытать и мы, отпытав, учиним про то великому государю ведомо, что против отпыту и руды надо б такие.

РГАДА. Ф. 151. Д. 12. Л. 31, 12–16.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Скорее всего, при переводе на русский язык переводчик заменил шведскую меру веса skeppund (горный вес – bergsvikt) на привычный берковец. В противном случае приведенные показатели шведского экспорта получаются неимоверно заниженными по сравнению с реальными цифрами. По данными шведских исследователей, в 1640 г. через порты Стокгольма и Гетеборга было вывезено около 73 700 скеппундов (около 10 000 т или около 244 678 берковец) прутового железа. В 1680 г. – 198 530 скеппундов (около 27 000 т или около 660 631 берковец) железа. Вывоз меди и латуни в 1637 г. составил 8663 скеппундов (1178 т или 28 827 берковец), в 1650 г. – 15 437 скеппундов (2099 т или 51 368 берковец). См.: *Огрен Мария*. Шведские крестьяне и допромышленное производство железа // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С. 64; Iron-making societies. Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600–1900. Oxford, 1998. P. 4; История Швеции. М., 1974. С. 221.

[2] Авторы Записки связали развитие промышленности и армию не напрямую (обеспечение ее потребностей в вооружении), а опосредованно (экономия и получение средств от реализации продукции металлургических заводов, которые пойдут на содержание армии). С 30-х годов XVII в. в России началось введение полков "нового строя", на содержание которых требовалось немало казенных средств. Как считают многие историки, именно необходимость обеспечения потребностей новой формировавшейся армии и флота стали той пружиной, которая в начале XVIII в. привела в действие экономические преобразования Петра I.

---

* чтоб оне *написано дважды*.

inslav

[3] На протекционистские мероприятия в отношении отечественных производителей железа, меди, свинца и олова в европейских государствах обратил внимание и П. Марселис в челобитной 1669 г. Но в отличие от авторов Записки, он писал не о запрете ввоза производившихся металлов, а об установлении "великих" пошлин на их импорт.

[4] Мотивация необходимости развития металлургической промышленности отражает экономические представления того времени, а именно идеологию позднего меркантилизма – обогащение государства за счет активного торгового баланса. В отличие от авторов Записки, которые видели источник прибыли в экспорте железа и меди, П. Марселис считал, что Московское государство будет богатеть, экономя средства на закупке меди за рубежом. При этом он подчеркивал, что богатеют те государства, которые больше вывозят, чем ввозят.

[5] Например, в Швеции на протяжении XVII в. большая часть мелких железоделательных производств была преобразована в крупные предприятия ("бруки"). Их собственниками и управляющими, как правило, становились иностранцы, например, датчане. См.: *Огрен Мария*. Указ. соч. С. 64.

[6] Если следовать шведскому опыту, то скорее всего под "знатошными людьми" имелись в виду управляющие или арендаторы заводов, а под "ближним боярином и думным канцеляром" – штат бергколлегии. В 1637 г. в Швеции для руководства горным делом было учреждено Главное горное ведомство (Generalbergsamt), реорганизованное в 1649 г. в Берг-коллегию. Одной из ее главных функций являлось оказание государственной поддержки частным мануфактурам. Она издала общие правила создания заводов, зафиксировала условия обеспечения производства рабочей силой и топливом. Был предусмотрен ряд мер для избежания конкуренции между производителями внутри страны и запрет ввоза аналогичной продукции из-за рубежа. См.: История Швеции. С. 208–209.

[7] Отмеченная авторами Записки практика управления казенными заводами имела место в России, в частности, Пыскорским медеплавильным заводом, построенным в 1633 г. До 1643 г. туда присылалось по два управляющих: один – представитель купечества (Н. Светешников, затем К. Босой), другой – из служилого сословия (И. Кирилов, затем Б. Тушин), позже стали направлять по одному управляющему, но из тех же социальных групп. Это были люди, действительно далекие от заводского производства. Осведомленность авторов Записки в вопросах существовавшей практики управления казенными заводами и критическое отношение к ней еще раз подтверждает предположение, что они были связаны с этими заводами.

[8] Как свидетельствуют документы об организации казенных геологоразведочных экспедиций и жалованные грамоты на геологоразведочную деятельность частным лицам, эта сфера напрямую управлялась московскими приказами, а в компетенцию уездных воевод входило оказание содействия поисковикам денежными средствами из местных доходов, рабочей силой и транспортом. Исключение составляет территория Сибири, где поиски полезных ископаемых были полностью возложены на воеводскую администрацию под контролем Сибирского приказа. В составе отрядов поисковиков, если они имели дело с казенными средствами и имуществом, всегда присутствовали целовальники из местных посадских людей или крестьян.

[9] По сведениям майора Павла Миниуса, посланного в 1672 г. за мастерами в Рим, Венецию и немецкие земли, в государствах, "где есть серебро и золото", рудознатным мастерам давали ежемесячное жалованье по 100 ефимков. Глава Посольского приказа А.С. Матвеев, отправляя П. Миниуса с этим поручением, рекомендовал ему искать мастеров "самых добрых", но при этом договориться с ними о жаловании "с убавкою против 100 ефимков или как пристойно смотря по тамошнему делу" (Памятники дипломатических сношений. СПб., 1856. Т. IV. Стб. 801–802). Для сравнения отметим, что оклад приглашенных на российскую службу в 1669 и 1670 гг. плавильщиков серебряной руды Христиана Дробыша и Альбрехта Куслинского составлял по 40 ефимков ежемесячно. См.: *Курлаев Е.А.* Участие западноевропейских специалистов в поисках серебряной руды на Южном Урале в 1670-е годы // Западноевропейские специалисты в России XV–XVII веков: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 24–25 сентября 2002 года). М., 2002. С. 24.

[10] Эти поездки могли состояться не позднее 1646 г., так как с 1647 г. Н. Чистой возглавил Посольский приказ, в 1648 г. был убит во время восстания в Москве. А.А. Кузин ошибочно включил П. Мартинова в состав экспедиции Р. Неплюева, сославшись на данный документ. См.: *Кузин А.А.* Указ. соч. С. 74.

[11] Свои предложения по организации геологоразведки авторы Записки основывали на давно уже существовавшей практике. На протяжении XVII в. российское правительство, отправляя экспедиции в разные районы страны, обязательно в наказе руководителям отрядов вменяло сбор информации с местного населения с обещанием вознаграждения. Предпринимались попытки собрать информацию о рудных проявлениях с населения отдельных уездов централизованным путем, вменив это в обязанность уездным воеводам. Так, например, в 1654 г. в Тобольск был послан царский указ и пуд меди для образца. Тобольская администрация должна была отправить по трети этого пуда в сибирские разрядные города Томск и Якутск. В свою очередь, воеводам этих городов предписывалось "по невелику" московской руды разослать по острогам своего разряда. Вместе с образцами руды воеводы разрядных городов должны были направить соответствующие распоряжения о поисках рудных признаков.

Для "сыску" медной руды воеводам предписывалось послать "во многие места" своего уезда "дворян и детей боярских добрых да с ними рудознатцов и иных мастеровых людей, хто медную ру-

inslav

ду знает", а также "иноземцов тотар и бухарцов и остяков добрых, которые к тому делу приличны и руду знают же по скольку человек пригоже". Было велено сказать им, чтобы медную руду искали "накрепко с великим радением", и государево "жалованное слово" о том, что если кто найдет медь, будет пожалован большим жалованьем. Найденную в уезде руду необходимо было привозить в уездный город, а оттуда сообщать и присылать образцы и результаты опытов местных мастеров в Сибирский приказ. На воеводах разрядных городов кроме рассылки образцов и предписаний по острогам лежала еще одна обязанность. В те остроги, где не было рудознатцев, они должны были отправлять специалистов из разрядного города. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 344. Ч. 1. Л. 438–441; СПб ФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. № 22. Л. 339. Эта акция не принесла ожидаемых результатов, так как в Сибири знакомство русских землепроходцев с природными богатствами недр края только начиналось, еще не появились местные специалисты-рудознатцы.

Судя по всему, авторы Записки понимали, что для такой огромной страны, как Россия, чтобы получить информацию о рудных месторождениях, были нужны широкомасштабные организационные мероприятия, а это было под силу только государственной машине. Как показала практика, чтобы выполнить эту задачу центральный административно-управленческий аппарат нуждался в усовершенствовании. 2 ноября 1700 г. был создан приказ Рудных дел и подписан именной указ о розыске всеми желающими различных руд и награждении открывших месторождения. Согласно указу, местные власти были обязаны провести первоначальный осмотр местности, объявленной в "извете", составить описание и отправить его вместе с образцами руды (два пуда) в приказ Рудных дел. Таким образом, алгоритм действий местных властей оставался тем же, что и в предыдущий период, только менялся адресат в Москве. Получается, что на региональном уровне никаких изменений не произошло. Берг-привилегия 1719 г. развила идею о материальной заинтересованности рудоискателей, установив разные размеры вознаграждения за находки промышленных месторождений меди и серебра. На местах стали создаваться самостоятельные органы управления горнозаводской промышленностью. См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. С. 79–80; 761.

12 Авторы Записки касались важной проблемы отношения собственников земель к находкам руд в их владениях. Они осознавали, что в связи с монополией государства на недра люди боялись потерять свои земли в случае обнаружения на них месторождений. Об этом же писал и Ю. Крижанич, отвечая на вопрос почему в России не ищут руд. Вместе с тем уже в XVII в. существовала практика компенсации владельцам утраченной земли в связи со строительством казенных заводов. Например, в 1635/36 г. Пыскорский Преображенский монастырь получил вместо земель на р. Канкарке, взятых под Пыскорский медеплавильный завод, территорию между р. Мечкою и Нагаевой пустошью, гораздо большую по площади. В жалованной грамоте 1641 г. на последнее обстоятельство особенно обращалось внимание и предписывалось как можно шире оповестить об этом пожаловании население. Отмечалось, что монахи были награждены за причиненное неудобство (новые владения находились далеко от монастыря) и за счастливое обретение в их земле залежей медной руды. Таким образом, власти стремились заинтересовать население выгодами от обнаружения на их землях полезных ископаемых (*Берх В.Н.* Указ. соч. С. 51).

Вопрос о вознаграждении владельцев земель, на которых будут найдены месторождения, получил законодательное оформление в Берг-привилегии 1719 г. По сравнению с XVII в. предусматривавшийся характер пожалования был уже принципиально иным – приоритетное право на строительство заводов, либо 32-я часть прибыли от производства устроенного на их владениях.

13 Карательные меры за утайку руд и препятствование их розысканию отмечались почти во всех царских грамотах XVII в., касавшихся геологоразведочной деятельности. Они также были включены и в Берг-привилегию 1719 г.

ПРОЕКТЫ В.В. КРЕСТИНИНА О ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

В инструкции Комиссии о церковных имениях, утвержденной Екатериной II 29 ноября 1762 г., "с прискорбием" сообщалось, "что и самые многие священники, пастырский сан на себе носящие, не токмо не ведают истинного пути к просвещению народному, но и, будучи сами часто малограмотные, нередко простому народу служат собственным примером к повреждению"[1]. Убежденная в том, что низкий уровень образования подданных будет сдерживать претворение в жизнь многих ее планов, императрица уже в первые годы правления приступила к реформированию школьной системы. Особую заин-

[1] ПСЗ. СПб., 1850. Т. XVI. № 11 716. С. 117–118.

inslav

тересованность она проявила к идее главного директора Академии художеств И.И. Бецкого "об умножении полезных обществу жителей", которая наиболее полно была изложена им в докладе "Генеральное учреждение о воспитании юношества обоего пола".

Этот доклад впервые на государственном уровне ставил вопрос о начальной образовательной школе, цель которой должна была состоять не в подготовке профессионального работника, а в воспитании совершенного человека и гражданина. Как писал С.В. Рождественский, автор фундаментального исследования истории образования в России, помимо проекта И.И. Бецкого, в 60–70 годы XVIII в. появился и ряд других проектов, в которых также предлагалось решение вопроса о повсеместном учреждении "воспитательных училищ". Однако историк, поставив перед собой задачу "собрать прежде всего те материалы, в которых так или иначе, с большею или меньшею ясностью выражалась идея цельной системы народного просвещения", рассматривал лишь предложения столичных авторов. Видимо, поэтому он только упомянул о двух проектах 1764 г. жителя Архангельска В.В. Крестинина[2], о которых знал из работ С.М. Соловьева и А.А. Кизеветтера. Последующие исследования, посвященные истории образования или общественной и научной деятельности Крестинина, содержали лишь упоминание о проектах "архангелогородского гражданина" с констатацией ценности этих документов и необходимости их публикации[3].

Сын архангелогородского купца, Василий Васильевич Крестинин (1729–1795 г.), получил домашнее образование, и до конца жизни пополнял свои знания. Он хорошо знал русский литературный язык, владел немецким, шведским и латинским языками. В течение многих лет занимал скромные должности в разных учреждениях Архангельска: посадского писаря, затем секретаря губернского магистрата. По его инициативе в 1759 г. в Архангельске было создано первое в стране историческое общество. Благодаря помощи таких ученых, как И.И. Лепехин, Н.Я. Озерецковский, дипломата и государственного деятеля графа А.Р. Воронцова, самые значительные сочинения В.В. Крестинина были опубликованы при его жизни[4]. В 1786 г. академическая конференция избрала его "корреспондентом" Академии наук, что свидетельствовало о признании научных заслуг "архангелогородского гражданина".

Заняться вопросами школьного образования Крестинина побудила, прежде всего, активная общественная позиция. Он принимал участие в составлении наказа от жителей города в екатерининскую Уложенную комиссию, избирался посадским старшиной, попечителем народных училищ, чле-

---

[2] См.: *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. С. 678.

[3] См. об этом: *Черняховский Ф.И.* Василий Висильевич Крестинин. Архангельск, 1955; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. II. С. 296–332; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. М., 1973. С. 112–114; *Куратов А.А.* Архангельский историк Василий Крестинин // Отечество: Краевед. альманах. М., 1993. Вып. 4. С. 54–71; *Котляров А.Н., Можаева Г.В.* Василий Васильевич Крестинин // Историки России XVIII–XX веков. М., 1997. Вып. 4. С. 12–13; и др.

[4] См. Основные исторические сочинения В.В. Крестинина: Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784; Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа на Севере. СПб., 1785; Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790; Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. Более полный перечень трудов см.: *Полякова У.М.* В.В. Крестинин и общественная борьба в архангельском посаде в 60-90-х годах XVIII в. // ИССР. 1958. № 2. С. 78–102; *Пештич С.Л.* Указ. соч. С. 296–332. Список научного наследия Крестинина до сих пор не составлен.

inslav

ном совестного суда, а в январе 1762 г., по решению архангелогородского магистрата, его "обязали... наблюдать" выполнение указа Сената об обучении посадских детей. Первый свой проект ("Учреждение гражданской гимназии в городе Архангельском") он подготовил в виде приложения к доношению архангелогородского магистрата за подписью городового старосты Ивана Дружинина в Комиссию о коммерции, которая предложила в марте 1764 г. всем посадским обществам прислать подробные сведения о количестве городского ("гражданского") населения, их экономическом положении с изложением при этом своих нужд и желаний. Составляя проект гимназии весной того же года, Крестинин исходил прежде всего из назревших экономических задач города. Он предлагал, чтобы в гимназии бесплатно обучались не только "высшие и низшие" слои посадского населения, но и крестьянские мальчики поморских уездов. Перечисляя учебную программу гимназии, Крестинин включил в ее список и общеобразовательные предметы, которые он считал необходимыми "для произведения доброго купца и доброго гражданина"[5].

А.А. Кизеветтер был первым исследователем, "случайно", как он пишет, нашедшим проект об "Учреждении гражданской гимназии в городе Архангельском" в документах Комиссии о коммерции. В 1912 г. он опубликовал статью с подробным и обстоятельным анализом этого проекта. Ученый высоко оценил "свежие" идеи Крестинина, а сам проект, по его словам, "нельзя не признать весьма своеобразным и знаменательным явлением в истории образовательных идей в нашем обществе"[6]. В этой же статье А.А. Кизеветтер, ссылаясь на С.М. Соловьева, упомянул и о проекте В.В. Крестинина о "малых" школах, который был подготовлен в том же, 1764 г. Однако, как далее сообщает ученый, его обращение к архивным материалам Сената за 1764 г. оказалось почти безрезультатным, так как ему удалось найти только документ, который содержал лишь отрывочные сведения о проекте. Действительно, дело № 3643 (РГАДА. Ф. Сената), на которое указал Кизеветтер, содержит лишь решение сенаторов от 9 декабря 1764 г. по доношению архангелогородского губернского магистрата. Само же доношение в Сенат с изложением проекта Крестинина находится в том же фонде, но в деле № 3574, которое историк не видел.

Доношение в Сенат начинается словами о том, что губернский магистрат, "исполнить стараясь" законодательные акты о школьном обучении и "добром воспитании юношества", 24 января 1762 г. обязал гражданина Василия Крестинина "наблюдать" выполнение одного из них от 20 апреля 1743 г. И далее сообщается, что 3 сентября 1764 г. Крестинин "представил" в магистрат доношение, в котором он изложил свое мнение о "малых" школах в стране. Мы не располагаем информацией о том, как происходило обсуждение этого документа в магистрате, однако известно, что 29 октября было подготовлено доношение в Сенат за подписью двух бургомистров – Андрея и Николая Дудиных и одного ратмана – Петра Латышева. Все подписавшиеся принимали активное участие в общественной жизни Архангельска и полностью разделяли мнение своего земляка о необходимости создания в российских городах начальных (малых) школ. Поэтому можно не сомневаться в том, что все (или почти все) предложения Крестинина были включены в доношение магистра-

---

[5] РГАДА. Ф. 397 (Комиссия о коммерции и пошлинах). Д. 445/3. Л. 15–25.

[6] *Кизеветтер А.А.* Школьные вопросы нашего времени в документах XVIII века // *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912. С. 114.

inslav

та. В Сенат документ поступил 17 ноября, а уже 25 ноября и 9 декабря его "слушали" сенаторы. В журнале декабрьского заседания зафиксированы фамилии только двух сенаторов, участвовавших в обсуждении доношения – князя А.А. Вяземского и А.В. Олсуфьева. Последний на полях заключительного решения сенаторов написал весьма примечательные слова: "...по словесному об оном, Крестинина преизрядному сочинении докладу, ее императорское величество повелеть изволила взнесть к себе с оного копию". Можно предположить, что именно Олсуфьев был тем человеком, который сообщил императрице о "сочинении" архангельского жителя. Находясь в числе близких людей к Екатерине II, он хорошо знал об устойчивом интересе императрицы к школьным вопросам.

Доношение архангелогородского магистрата в Сенат от 29 октября 1764 г. состоит из двух частей, первая из которых содержит перечень Крестининым "недостатков" в "добром воспитании юношества" в городе, а во второй – предлагаются способы их исправления. Отметим те положения этого документа, которые, как нам представляется, прежде всего заинтересовали сенаторов и императрицу. Хорошо зная уровень образования своих земляков, Крестинин сообщал о том, что в Архангельске по разным причинам "превеликое число в народе людей, худо обученных грамоте примечается", и особенно женщин, среди которых "нет надежды сыскать ... грамотных пятидесятую часть между здешними жителями..." Желая видеть своих земляков и всех россиян грамотными, Крестинин вторую часть доношения начинал с главного положения. Он предлагал, "чтоб всякого чина и обоего, мужского и женского, пола городовых детей без изъятия всех обучать грамоте во оных малых школах, а бедных, которые платить за школьные труды учащим не в состоянии, обучать" по всем городам уже со следующего года.

Будучи противником "кнутобойной" системы воспитания, Крестинин, тем не менее, хорошо усвоил "дух" законодательных актов первой половины XVIII в. (особенно петровского времени), когда за их невыполнение следовали разные наказания. Поэтому и он был уверен в необходимости взимания штрафа с учителя, если с его стороны "случится нерадивость противная". Не обошел своим вниманием Крестинин и перечень книг, которые должны быть в школах "для просвещения народного божественным учением". Очень интересно его предложение о создании "новой" азбуки. Однако ничего, кроме заявления о том, что эта азбука должна быть "перед нынешнею исправнейшей и совершеннейшей", в доношении не сообщалось.

Крестинин был не единственным представителем провинциальной России, предлагавшим собственное решение проблем школьного образования в правление Екатерины II. Об этом писали в наказах в Комиссию по составлению нового Уложения дворяне, горожане и сельские жители страны. Правда, у каждой сословной группы было собственное представление об уровне обучения своих детей, но в целом эти наказы свидетельствовали о том, что в обществе к этому времени постепенно складывалось убеждение о пользе образования. Даже в дворянских наказах предлагалось открытие школ для крестьян, подавляющая часть которых была лишена права подавать свои предложения в Уложенную комиссию[7].

---

[7] *Довнар-Запольский М.В.* Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II. М., 1906; *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 283–291; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 271–272.

inslav

Проект Крестинина о "малых" школах (как и проект о гимназии) был составлен, исходя из насущных потребностей архангелогородского посада в грамотных людях. Выдвигая два важнейших принципа – всеобщность и обязательность начального обучения городских детей, – Крестинин тем самым опережал время. Екатерининский Устав народных училищ 1786 г. не воспринял эти предложения, которые на Западе в то время уже претворялись в жизнь.

Впервые публикуются три документа из фондов РГАДА. 1. Проект В.В. Крестинина "Учреждение гражданской гимназии в городе Архангельском", который он подготовил весной 1764 г. Текст написан не Крестининым, а, по всей вероятности, писарем архангелогородского магистрата. Неизвестный биограф и современник Крестинина отмечал, что последний был "весьма близорук ... писал ...весьма близко и крупными литерами, нередко одна на другую поставленными"[8]. 2. Доношение архангелогородского губернского магистрата в Сенат от 29 октября 1764 г. с изложением проекта В.В. Крестинина о "малых" школах. 3. Выписка из журнала заседания Сената от 9 декабря 1764 г. с резолюцией сенаторов по этому доношению. В конце XIX – начале XX в. была предпринята попытка публикации в журнале "Русский архив" доношения архангелогородского магистрата и резолюции сенаторов, но по неизвестным нам причинам они так и не увидели свет. Подготовленные в связи с этим копии документов хранятся в ОПИ ГИМ[9].

А.Е.Чекунова

1

УЧРЕЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ГИМНАЗИИ В ГОРОДЕ АРХАНГЕЛЬСКОМ

Глава первая

О внешних средствах, необходимых для доброго содержания сей гимназии

§ 1

Здание гимназии и доходы

Сих ради навсегдашнее содержание сей гимназии по утверждении на оную штата, также и на постройку сего училища установить надлежащие суммы из прибавочных податей на иностранные питья и другие чужестранные же, к роскоши служащие товары, как о том в 1762 году посредством государственной Коммерц коллегии предложил тогдашней Комиссии о коммерции в своем сочинении об общих недостатках и поправлениях российской коммерции нынешней архангелогородской портовой таможни кассир Константин Пономарев. Такое или тому подобное от коммерческих доходов содержание сей гимназии иметь приличествует по существенному в учреждении сего училища намерению, коего основание есть польза и расширение коммерции. Оное же утверждается и примерами знатных городов лифляндских и естляндских, кои получают на городовые свои расходы, между которыми и гимназии состоят, часть из таможенных сборов. Быть же сему публичному училищному зданию, также и принадлежащей к нему ниже сего (глава 2,§ 3) объявляемой для обедняемых детей школы, свободным от всяких полицейских служений. И есть ли под оную гимназию избрано будет оброчное место, тоб построить на оном с увольнением платежа оброчного, какого бы звания оной ни был.

---

[8] *Пашков А.А.* Неизвестная биография В.В. Крестинина // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 357.
[9] ОПИ ГИМ. Ф. 368 (Редакция журнала "Русский архив"). Д. 47. Л. 19–26.

inslav

§ 2

Попечение магистратское о сей гимназии

Важная от сей гимназии гражданству чаемая польза требует того и достойна, чтоб Архангелородской губернии магистрат по силе Магистратского регламента[1] (глава 10, § 1) почитал должностию своею попечение о благосостоянии и совершенстве сей гимназии. Сего ради пристойно сему судебному месту: 1) иметь ведомости изо всех подчиненных ему городов и посадов о числе и о возрасте всех посадских детей, также и от самой гимназии о числе учащихся, о времени и о качестве их учения; 2) стараться, чтоб число учащегося в гимназии юношества было неоскудно в рассуждении числа граждан в местах вышепомянутых; 3) содержать в самом магистрате принадлежащую на содержание оной гимназии казну за общими печатьми магистратских членов, инспектора гимназии и економа. А сим двум попечителям по письменным их магистрату представлениям потребное число денег оттуду выдавать в надлежащее время на жалованье учителям и на протчие расходы, определенные штатом сего училища. И по прошествии каждого года приходные их и расходные щеты свидетельствовать в магистрате; 4) надзирать над инспектором и економом гимназии – по данным ли правилам должность свою они исполняют. В случае же погрешностей, исправлять, что должно исправлять по законам; 5) производить суд и расправу по словесным и письменным, буде случатся об обидах, жалобам от учителей и на учителей гимназии в самом и в одном токмо архангелогородском магистрате, в коем при таких случаях для чести гимназии быть и соприсудствовать инспектору или економу гимназии, есть ли жалоба не на них будет касаться; 6) отрешать по общему совету и определению с инспектором и економом учителей гимназии соблазнительного жития, и на упалые места требовать новых откуду надлежит.

§ 3

Звание и должность инспектора и економа гимназии

Как тому, так и другому быть всегда из архангелогородских граждан. Первый же из них был бы или член магистрата, или трибун (старшина), которой нибудь гражданской гильдии или и не чиновный человек, более разумом и добродетелию, нежели богатством знаменитый, и при том совершенно или нарочито знающий иностранные языки, также и общее понятие имеющий о науках. Сими свойствами одаренного человека в первое оное звание на неопределенное время назначивать всегда по общему выбору архангелогородских граждан и их трибунов. Есть ли же такое избрание от разгласия выбирающих будет некогда спорным или учинится донос, что достойному человеку предпочтен малоискусный, то о таких делах с ясными доказательствами быть решению в архангелогородском магистрате. А на оной апелляции в канцелярии императорской санкт-петербургской Академии наук, потому что сие ученое сословие большее имеет право решить таковую распрю, где ученость есть основанием. Выбранному же законно и приведенному к присяге инспектору принять к себе в товарищество вольно по собственному избранию другого достойного помощника под именем економа гимназии, которого магистрату представить и также присягать обязать. Должность их: 1) иметь письменные от учителей гимназии известия, и по оным сообщать от себя архангелогородскому магистрату по третям года ведомости имянные о числе учащихся, о времени и о качестве их учения; 2) посещать ежедневно или через день гимназию и во оной надзирать самое учащих и учащихся школьное дело, также и все постановленное о том в последующих главах наблюдать совершенно; 3) доносить магистрату с должными доводами беспристрастно неисправности учащих, есть ли оные окажутся вредительны учению и добронравию; 4) исправлять и записывать в скрепленные от архангелогородского магистрата шнуровые книги всю економию гимназии, и жалованье учителям выдавать; а о приходе и расходе третные и годовой репорты подавать в надлежащее время архангелогородскому магистрату, в котором весь оной приход и расход свидетельству подлежит; 5) содержать все письменные по их должности дела в особой конторе при гимназии, и оные по росписному списку преемникам сдавать. Чего ради также и для наблюдения порядка в гимназической библиотеке при открытии ее в уреченные дни для всякого состояния читателей быть при них наемному из штатной суммы писарю. К тому ж и сторожам гимназии под их же властию состоять.

inslav

Глава вторая

О внутреннем состоянии сей гимназии

§ 1

Науки

Быть и обучать в сей гимназии нужным наставлениям для произведения доброго купца и доброго гражданина. Сему же намерению споспешествовать кажутся: правописание собственного языка и исправное сочинение писем. Сим нужным обучением можно исправить письменную корреспонденцию наших российских купцов, которые по большей части в нынышнее время сочиняют свои письма неправильно, недостаточно и темно, от чего в торгу невозвратное упущение добрых случаев и затем действительный вред нередко случается.

Арифметика

Сим необходимым обучением совершенно исправится недостаток нынешних российских купцов, которые по большей части своими по старинному обыкновению строчными шариками, собственно под именем щетов известными, правильно могут токмо простые числа слагать, вычитать и умножать. Более же сего в трудных исчислениях оное орудие им не способствут верно. Итак, от толь скудного числительной науки знания премногое им закрыто, что правильному купцу ведать необходимо.

Бухгалтерия простая и италиянская

Сим обучением, без коего купец уподоблен быть может мореплавателю без компаса, российские купцы без сумнения свободятся от настоящего своего заблуждения. Сие же столь несумнительно, сколь достоверно то, что достаточные наши купцы, по большей части толь недостаточные о своих торговых промыслах, содержат записки и щеты, что по оным не знают точно своих годовых приходов и расходов. В трудных же между собою о тортах расщетах прямой путь и конец теряют, от чего бесчисленные затруднения, убытки, вражды и хлопоты приказные неудоборешимые рождаются, и самое причиняется банкрутство.

География политическая и коммерческая

Сею полезною и приятною наукою возбуждены быть могут российские купцы принимать полезнейшие меры в расширении коммерции с лучшею, нежели как ныне пользою, которой они лишаются от незнания мест, где у иностранных надлежит в последние руки продать, а из первых купить надобные товары.

Учение о правах и история

К первому причисляться могут: толкование о должности человека и гражданина из Пуфендорфа[2]; общее понятие из российских законов о судебных обрядах наблюдать от каждого долженствуемых; особенное изъяснение уставов торговых собственного государства и соседних народов , сообщающихся с россиянами взаимным купечеством. Древняя же и новая история политическая и с нею коммерческая имеет при том дать примерами больший искусству навык. А сим полезнейшим обучением российские купцы поощрены будут не токмо к лучшему наблюдению общего добра с собственною пользою соединеного, но сверх того будут они неудобоуловляемы приказными, под исками смердящими лихоимством. Ибо оное без сумнения толико не усилилось бы в начальствующих, есть ли бы от подчиненных к тому поводу не было дароносными прошениями, ищущих от приказных руководства и защищения своему незнанию.

Знание иностранных языков

Нужные же языки для архангелогородской коммерции почитаются – немецкой, голландской, аглинской и французской. Сих познанием наши купцы могут беспосредственную корреспонденцию с оными народами и далее их стран умножить и продолжить; и тем восставить коммерцию свою и кредит, коих ради еще.

inslav

Навигация

нужная есть наука для распространения коммерции от российских наших купцов мореплаванием посредством российских шиперов[1*] и матрозов на российских же, при здешних купеческих верфях строющихся иностранным на продажу кораблях, от которых за перевоз товаров знатные суммы ежегодно выходят из государства иностранным, пользующимся сим преимуществом в коммерции от неискусства наших купцов российских.

§ 2

Ректор гимназии и учители

На таком основании учений потребны быть в сей гимназии: 1 учитель правописания и сочинения писем, также и географии; 2 учителя немецкого языка, из которых одному читать и писать и етимологию, другому же синтаксис и немецкой штиль обучать, к тому ж и руководство показывать к познанию голландского языка; 1 учитель аглинского и французского языков; 1 учитель арифметики и бухгалтерии; 1 учитель геометрии и навигации; 1 учитель прав и истории. Ему ж быть и ректором гимназии и городским историографом, также и корреспондентом для ученых дел императорской санкт-петербургской Академии наук, чего ради в сем звании быть человеку, собственно говоря, ученому.

Долженствуют же сии учители:

a) не требовать и не брать за учение платежа сверх определенного жалованья от своих учеников, но их обучать туне в гимназии;

b) кроме же того, в посторонние домы ни к кому для особенного обучения детей не ходить под штрафом вычета трети из годового жалованья за каждого такого ученика, чтоб от сего особенного обучения не было неудовольствия учащимся в гимназии.

NB. Однако ж вольно в сию гимназию на обучение принимать и посторонних сверх гражданских детей и крестьянских по нижеследующему параграфу, на обучение навигации принятых, но чтоб каждому такому посторонному ученику по рассуждению инспектора и економа от восьми до пятнадцати рублев на каждый год платить, сколь долго он в сей гимназии будет обучаться. А сии деньги как казенные принимать и содержать, и употреблять их на умножение библиотеки гимназической и для переводу полезных книг о коммерции.

c) В оной же гимназии с половины апреля до половины августа обучать учеников по шти, а во все достальные месяцы по пяти часов в сутки, кроме субботы и воскресенья, также и других свободных дней по Генеральному регламенту, сверх которых еще рекреационных[2*] дней придается две недели в июле месяце иметь.

NB. Изъемлется от сего правила в рассуждении еженедельных дней ректор гимназии, которому для разных по должности его упражнений обучать только трижды на неделе до полудни и по полудни в понедельник, в среду и в пяток.

d) В данные же часы по сколько чего и каким способом словесных наук учителям обучать своих учеников, о том издать и, смотря по обстоятельствам и по времени, переменять ректору школьный устав, по которому, чтоб верное исполнение было, то как ему, так и инспектору гимназии и его товарищу, наблюдать прилежно и неослабно.

И понеже нет здесь, в городе Архангельском, для вышепоказанных обучений достойных учителей. Напротив же того учеными людьми посторонние места по требованиям их снабдевать императорская санкт-петербургская Академия наук по ея регламенту (35 пункт) имеет право. Того ради и в сию гимназию от оной Академии всех словесных наук учителей, а учителя навигации от государственной Адмиралтейской коллегии, отправлять на определенное по рассуждению сих государственных мест время доколе обстоятельства здешнего города того требовать будут. Достального же учителя бухгалтерии от здешнего магистрата промыслить.

§ 3

Ученики

Понеже сей гимназии бытие для общей пользы и просвещения гражданского чина учреждается, то и должно во оной обучать не токмо гражданских детей архангелогородского, но и всех протчих, находящихся в Архангелогородской губернии посадов, сколько от-

---

[1*] От гол. schipper – корабельщик, управляющий купеческим судном, капитан.

[2*] От лат. recreatio – каникулы, восстановление.

inslav

куда учеников случится. Каждый же ученик должен в гимназию сию посредством ректора оной и инспектора вступать, и от них о своем отпуске по окончании и о навыке учения вид письменный иметь. И хотя неможно всякого ученика обязывать все проходить учения в сей гимназии назначенные, однако ж необходимо достаточных торговых людей дети должны во оной обучиться правописанию и порядочному сочинению писем, арифметике, и бухгалтерии по малой мере простой, есть ли италианской навык не всяк захочет и возможет, к тому ж географии, истории и прав. Языки иностранные обучать по произволению охотников, чего первостатейные купцы для своих детей, равно как и предозначенных нужных обучений, отнюдь пренебрегать не должны. А в противном случае инспектору гимназии и економу доносить о том магистрату на таких первостатейных, коих понуждать и преодолевать их нерадение властию магистрату. Ради же обучения навигации и необходимых с оною знаний сверх посадских принимать еще и из крестьян приморских здешнего и Мезенского уездов способных молодых людей, желающих себя препоручить правильному мореходному промыслу. И как первые обучения, то есть правописание, арифметика, бухгалтерия, география, знание прав и история, для всех правильных купцов и граждан необходимы вообще, так и сие последнее для ожидаемых купеческих российских шиперов навигации обучение особливо нужно и для чести, и пользы государству потребно. Того ради гимназии ректору и инспектору до окончания оных нужных учений не уволять никого из гимназии, есть ли кто непонятием своим сам к тому не подаст причину. В противном же случае отставших от гимназии, кроме законной причины, собственною или постороннею волею учеников возвращать для окончания начатого ими учения, и сего ради архангелогородскому магистрату властию своею вспомогать всячески. Еще же накрепко наблюдать инспектору и економу, чтоб обеднялые архангелогородского посада гражданские дети, добрую надежду остроумием своим о себе подавающие, не лишались в сей гимназии обучения, ибо по выпуске из оной таких бедных, но благообученных молодых людей можно и должно по благоусмотрению определять или к приказным делам в архангелогородской губернский магистрат, или брать на купецкие конторы в торговые служители и прикащики. Но дабы за бедностью и осиротением гражданские дети не лишались обучения и славенороссийской грамоты, без чего вступать во оную гимназию невозможно, того ради на общем гражданском иждивении учредить по учиненному в архангелогородской губернской магистрат в прошлом 1763 году сентября 25 дня доношению особенную и всегдашную для бедных детей школу, в которой оных искусному и добронравному на гражданском жалованьи состоящему учителю обучать туне, да и быть сей школы также под надзиранием инспектора и економа гимназии.

Глава третия

О способах, служащих доброму успеху в учении сей гимназии

§ 1

Возбуждение к трудолюбию честию и пользою учащих и попечение о гимназии имеющих

Сего ради сверх неоскудного жалованья удостоить ректора и учителей рангами за уряд[3*] при всяких случаях во время их должности при сей гимназии. На таком же основании и инспектора и економа гимназии отметить рангами как для уважения их должности, так и для поощрения собственного их ко оной рачения, ибо они за сей многодельных труд, кроме чести иметь не могут другого награждения.

§ 2

Поощрение прилежности и любопытства учащихся публичными екзаменами и библиотекою при гимназии

Первым быть дважды или трижды в год, причем ректору о пользе наук и о прилежании ко оным читать речи в собрании. Библиотеку же при гимназии общим иждивением купеческих городов и посадов, подчиненных архангелогородскому магистрату, учредить

[3*] Служебное положение, чин.

inslav

пособием его власти, а советом – ректора, инспектора и економа гимназии из искусных архангелогородских граждан. По учреждении же сей библиотеки при гимназии состоять под начальством ректора оной, инспектора и економа, и отворять оную для учителей и учеников гимназии всегда, а в назначенные дни посторонним читателям всякого чина и состояния.

§ 3

Возбуждение охоты к навигации особенною пользою обучающимся оной

Понеже в сие обучение вступать будут не торговые, но по большей части подлые и не богатые люди, как посадские, так и крестьяне, из коих, есть ли которые обучатся сей науки совершенно, то быть таким от рекрутского набору и от других служеб свободным. И обученным из крестьян вступать в архангелогородское гражданство, а служить им сперва в пристойных должностях при мореплавании под начальством иностранных шиперов на кораблях, особливо ж строенных при архангелогородском порте на купеческих верфях. И когда сим образом на практике искусство свое они докажут надлежащим свидетельством, то им тогда поручать от торговых людей российских начальство шиперское над их кораблями, на коих тогда состоять могут по большей части мореходцы из россиян.

Итак, есть ли здешняя коммерция благообученными российскими купцами с успехом отправляема и расширяема, а российскими мореплавателями подкрепляема будет, то оная с помощию Божию исправится и будет совершенством своим умножать честь государственную и пользу.

* * *

Здесь приличное место было бы означить сей гимназии штат. Но как потребную на то сумму определить состоит во власти высокоучредженной Комиссии о коммерции, то и постановление оного штата ея же прозорливому остается благорассмотрению так, как и совершенное исправление всего настоящего плана о учреждении гимназии. Но буде по совершенном исправлении и по всемилостивейшем подтверждении сего плана время и разные обстоятельства дел потребуют некоторую учинить во оном перемену, тоб сие дозволить чинить с надлежащим подтверждением правительственных мест.

Архангелогородец Василей Крестинин

РГАДА. Ф. 397 (Комиссия о коммерции и пошлинах). Д. 445/3. Л. 15–25.

2

Правительствующему Сенату от архангелогородского губернского магистрата

Доношение

Его величества государя императора Петра Великого данный магистратам регламент архангелогородский губернский магистрат исполнить стараясь тем, чтобы по 21 главе сего регламента о малых городовых, где дети обучаются грамоте, школах, а по 10 о добром воспитании юношества и о исправлении в народе нравов иметь старание; того ради и к тому же наблюдения ради правительствующего Сената 1743 года апреля 20 дня указа, коим повелено всякого чина детей при обучении грамоте, учить букваря и катехизиса[4*], определением сего губернского магистрата 1762 года генваря 24 дня обязан города Архангельского гражданин Василий Крестинин наблюдать при обучении детей оный указ правительствующего Сената. А сего 1764 года сентября 3 дня поданным доношением архангелогородскому губернскому магистрату он, Крестинин, представил : 1. Недостаток учащихся известный потому, что городских в подушном окладе положенных жителей дети мужеского пола не все бывают обучаемы грамоте, ибо многие родители отчасти для скудости своей, отчасти же и нерадения ради оставляют сынов своих без оного научения, но женского пола детей толь редко стараются родители их обучать нужному сему для разумной твари зна-

[4*] Учебное руководство с кратким изложением христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

inslav

нию, что нет надежды сыскать во всем том поле грамотных пятидесятую часть между здешними жителями городовыми.

2. Недостаток учащих грамоте, ощущаемый в искусстве их потому, что между ними более неисправные, нежели искусные в славянороссийской ортографии[3] находятся учители и учительницы, вступающие в школьное дело как кто хочет, без всякого о своей способности свидетельства и состоящие без призрения градоначальнического. И сего ради превеликое число в народе людей худо обученных грамоте примечается, коих чтение и письмо на природном языке великое в себе показывает несовершенство.

3. Недостаток в наставлении детей учением о вере, благочестии и добронравии, ибо сопряженное с учением грамоте в малых школах нужное обучение катехизма не происходит; и состоявшийся правительствующего Сената 1743 года апреля 20 дня указ не исполняется, по которому велено учить всякого чина детей букварю и катехизму. Сие же между протчими причинами происходит, как кажется, и потому, что известный катехизм православной церкви греко-российской, на славянском наречии сочиненный, для высокого его сложения и пространства детское понятие превосходящего, также и букварь в одной части катехизма, то есть в толковании священного десятословия, нарочито пространный и затем детской памяти затруднительный, а в членах христианской веры сокращенный, а потому детскому понятию не довольно вразумительный, употреблять с пользою в малых оных школах невозможно без сокрашенния в сем роде сочинении, ясного и совершенного, каково в таком намерении сочинено. И между неизданными в народ типографским печатанием богословскими писаниями знаменитого ученостию и пастырскими трудами российской церкви теолога преосвященнейшего Феофана Прокоповича, новгородского архиепископа, состоит известно под наименованием "Краткое учение христианское малому отроку и невежде[5*] всякому прислушающее, беседами учителя и ученика составленное"[4].

4. Сильное от сих недостатков, наипаче же от последнего, во нраве народном действие, оказывавшее себя чрез умножение пороков, разум и волю человеческую излишне заражающих от невежества главных оснований веры спасительной, от которой истекает все благонравие и доброе согражданство, как то упоминается и в имянном высочайшем ея императорского величества февраля 26 дня сего 1764 года указе. Доказательства же об оной общевредительности очевидными действиями состоят и уверяют: 1. Возросшие с 1745 года до многих тысяч рублев известные по указам и ведомостям на архангелогородском гражданстве штрафы за отчуждение святейшего причащения тайны, от которой удаление наше означивает совокупно удаленность мыслей наших от умствования о заслугах Спасителя рода человеческого (1. Коринфяном, глава 11, стих 26)[5]; 2. Великое число обоего пола в нынешнем годе с малолетними детьми записавшихся под двойной оклад раскольщиков наших, которые по суеверию своему, как означивается в предисловии вышеупомянутого букваря, все богочтение полагают во внешних обрядах и телесных обучениях, ниже помышляюще о самом основательном благочестии, и которые для такого злоупотребления душевных своих сил самыми худыми в обществе членами оглашаются праведно (Духовный регламент, часть 2, пункт 6 в разделе последнем). И что наивяще болезненно, они же воспитанием в неразумном своем расколе малолетних своих детей более государственному добру, нежели их своенравию принадлежащих, невежество в государстве умножают и оное вкореняют в потомстве нашем, уменьшивая в обществе число разумных, добрых и верных граждан. 3. Разные в народных наших обыкновениях негодности от оскудения доброго нравоучения, вкоренившиеся и силу свою показывающие еще при брачных, погребальных, позорищных и угощательных обрядах светских, где видимы ежедневными опытами и не только публике здешней явны, но знаемы и иностранным немалые древней грубости остатки вредительные злоупотреблением сил душевных.

Того ради представляет он же, Крестинин, наводимый еще стыд российскому имени, отвратить и для народного просвещения и исправления нравов человеческих и действий, не соблаговолит ли правительство учредить:

1. Чтоб всякого чина и обоего, мужеского и женского пола городовых детей без изъятия всех обучать грамоте во оных малых школах, а бедных бы, которые платить за школьные труды учащим не в состоянии, обучать особенно и туне учителям, долженству-

---

[5*] Здесь и далее ошибка. Должно быть – невеже. См. примеч. 4.

inslav

ющим бы за то от магистрата из общего сбора получать жалованье так, как для сих неимущих в учрежденную при дворе ея императорского величества Комиссию о коммерции отсуду представлено в нынешнем годе.

2. Чтоб учителям и учительницам грамоте, какого бы они в городах чина не случились, о свом житии, которому надобно быть без явнособлазнительного порока, иметь и подавать в магистрат за руками знатного числа и лучших своих прихожан аттестаты, а потом искусство их в грамоте засвидетельствовать посредством школьного старшины; и тогда же допускать уже их к обучению детей грамоте, есть ли оные окажутся достойны. В противном же случае отнюдь бы их до того не допускать и на тех, кои таким несвидетельствованным мастерам поручат детей обучать, налагать бы штрафы по пяти рублев за каждого в своем роде ученика. Поощрения же ради к трудолюбию школьных исправных учителей во время и для нижеизъявляемых трудов их церкви и обществу гражданскому полезных давать им увольнение по примеру церковников от полицейских служений и тягостей. А должной за труды их от родителей или место родителей платы, чтоб оная была без оскудения, число, определенное по различию гильдии и чинов, уставить бы магистрату с советом старшин гражданских и школьного. А для крепкого во всем надзирания и попечения над оными школами быть бы со стороны гражданской власти старшине школьному из граждан, зависящуму от магистрата человеку в деле училищном искусному и добропорядочному, которому бы иметь как о учащих грамоте, так и обо всех учащихся оной и неучащихся в городе детях, именные росписи, и подавать третные и годовые ведомости о состоянии; также и до благосостояния малых оных школ потребные чинить представления, имея данное старшинам право по силе седьмой главы магистратского регламента. В рассуждениии же учения во оных школах о вере спасительной, о чем пространнее ниже, быть бы от духовной власти над теми же городовыми малыми школами надзирателю и главному экзаменатору катехизма из священников или диаконов слова Божия проповеднику, в священных языках искусному и в естественной и в откровенной богословии основательно ученому, и такового отправлять бы в наш город от святейшего правительствующего Синода, ибо между здешними городовыми священниками и диаконами ни единого основательно по вышеписанному теологии ученого человека нет и быть не уповательно; есть ли в епископской у нас семинарии учение кандидатов священства от грамматики начинающееся, а реторикою заключаемое, пребудет в виде настоящем. На содержание же достойному по означенным свойствам экзаменатору и проповеднику катехизма в городе Архангельском жалованья бы давать по сту и по двадцати рублев в год, и те деньги со всех и всякого чина прихожан наших городовых сбирать бы по учреждению от магистрата и попечением старшины школьного.

3. Чтоб с обучением грамоте во оных школах для просвещения народного божественным учением и во исполнение правительствующего Сената апреля 20 дня 1743 года указа присоединить учение катехизма обоего пола детям, не выключая никого, и ниже самых раскольнических, в раскол записанных и незаписанных детей возрастом не более пятнадцати лет, и для того бы во общее школам употребление иметь и печатать повелеть:

1. Означенное между письменными богословскими сочинениями преосвященного архиепископа Феофана Прокоповича "Краткое учение христианское малому отроку и невежде всякому прислушающее". 2. Выбранные из слова Божия ректором Иваном Гибнером библейные священные истории Ветхого и Нового завета к лучшему разумению догматического в катехизме учения поспешествующие, чего ради по сей, исправного перевода требующей книги[6], обучать бы детей читать вместо поныне употребляемого часослова, к коему или вместо коего, сию постороннюю помощь употреблять есть благословно (Духовный регламент, часть 2 в установлении о семинариях на конце). 3. Азбуку славенороссийскую новую и перед нынешнею исправнейшую и совершеннейшую, в которой бы после букв и слогов издать символ веры, священное десятословие, нужнейшие нашему юношеству молитвы ежедневные, о чем надлежит сочинения ясного и вразумительного к тому же краткие нравоучительные о благоповедении для детей правила, каковы видимы в в элементаре кенигсбергского издания Иваном Гартунгом[7], и напоследок месяцеслов.

Сверх же того трудами ученейших членов санкт-петербургской императорской Академии наук издать бы печатанием и для самих учителей грамоты общее наставление – каким образом должно им при обучении и при всем школьном исправлении с детьми поступать. Но, дабы доброе учение в малых оных школах назначиваемое сеять не напрасно,

inslav

и, чтоб не учить детей с чаянием забвения учению их же, ибо и собственным опытом и примечаниями его, Крестинина, подтвердилось, что бывшие для обучения грамоте наставлению его вверенные дети, выучившие нужное, хотя не все из катехизма, забывали, то чрез несколько лет после вывода своего из школы, случавшегося по окончании грамоты большею частию около 11 или 12 детского их возраста во время, когда еще в сердцах, толь младых почерпнутое из катехизма божественное учение вкорениться глубоко и прозябнуть не может, чего ради нужно есть обучившимся грамоте детям в определенные дни до известного времени своих лет наставление о учении христианском повторять и принимать пред учителями и от учителей церковных, проповедников слова Божия. И того ради быть бы экзаменам катехизма чрез посвященного, как выше означено, служителя и проповедника слова Божия, и сего бы ради посещать ему, хотя однажды в месяц, каждую городовую для обучения детей грамоте случающуюся школу; а обучившимся грамоте и вышедщим из малых тех школ детям обоего пола каждому человеку, даже до 15 лет их возраста, в церкви публичный давать экзамен на всякий месяц двоекратно, ежели не чаще. От пятнадцати же до двадцати лет молодым людям мужеского пола, а женского до семнадцати лет давать бы публично еще экзамен во время приготовления их к восприятию святейшего таинства евхаристии[6*]. И достигшие указного двадцатилетнего возраста молодые граждане повинны о верности своей ко власти предержащей и о радении ко общему добру учинить бургерскую присягу по форме в магистратском регламенте под литерою Е, что все наблюдать бы магистрату и определеннному от него над школами старшине, достойному сего звания за самое свое искусство и ревность в деле училищном, и которому для того быть бы надзирателем при оных экзаменах школьных и церковных, чтоб наблюдать бы еще и приходским священникам. И еще магистрату бы и гражданству содержать на городовых общих доходах двух учителей – голосной и на орудиях музыки, из коих первый бы для христианского благочестия, а другой бы для непорочного увеселения, чтоб тем уменьшить забавы безчинные нынешние молодых людей обоего пола; из них способных учить узаконить. Но дабы родительская во оном обучении христианском, есть ли паче чаяния случится нерадивость богопротивная (Второзаконие, глава 6, ефесеем, глава 6)[8] возрасти во вред общества не могла, того ради и, чтоб насильнейшее повреждение сильнейшему быть и врачеванию, положить бы и взыскивать штраф на нерадивых, паче чаяния, родителях или место родителях за необучение обоего пола детей их грамоте и христианского чрез катехизм учения за каждого посадских необученного человека по 10 рублев, а за каждый, кроме законной причины, в церковном экзамене пропущенный день по пятидесяти копеек. А сколько за тоже положить штрафа прилично на людей протчих чинов, сие основательнее рассудить правительство может, и полезно, кажется, оным штрафным деньгам быть в числе указных доходов на жалованье белому священству.

Таким образом, объявленные учащихся, учащих и самого учения недостатки и от сих вредительные в народе действия по уверению неложных опытов истинными и несумнительными, а для отвращения сего зла предложенные средства полезными и надежными архангелогородский губернский магистрат признавает, но с таким мнением, которым и предозначенное доношение между прочим заключено, что для совершенного решения настоящее дело взнести необходимо в правительствующий Сенат; кроме которого и ниже властию в других судебных местах сие дело решить невозможно, что кроме разных обстоятельств архангелогородский губернский магистрат познавает из именного высочайшего 1726 года июня 12 дня указа, подтверждаемого высочайшим же именным указом февраля 26 дня 1764 г. И того ради в силу ея императорского величества указов в архангелогородском губернском магистрате определено все вышеписанное правительствующему Сенату доношением от сего магистрата представить и просить, дабы в будущем 1765 годе с помощию Божиею и содействием святого духа под благословенным ея императорского величества государствованием действительно начать повсюдное для обоего пола и всеобщее по городам в отечестве нашем учение детям грамоте и учение катехизма совокупно, включая в первое по нынешнему времени детей обоего пола двенадцатилетние, а в в другое пятнадцатилетний возраст непревозшедших. А для исполнения по XII статьи данного от ея императорского величества губернаторам наставления, сообщить при чем надлежит от архангелогородского губернского магистрата с того определения копию господину генерал-

---

6* Греч. eucharistia – причащение, одно из семи христианских таинств.

inslav

майору, кавалеру и Архангелогородской губернии губернатору Егору Андреевичу Головцыну, чтоб по рассуждению его превосходительства и о деревенских в здешней стране жителях для нужного и полезного им просвещения учением быть особенным и состоянию их приличным распорядком. И по оному определению настоящим доношением правительствующему Сенату от архангелогородского губернского магистрата и представляется покорнейше.

1764 года октября 29 дня
Бургомистр Андрей Дудин
Бургомистр Николай Дудин
Ратман Петр Латышев

РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Д. 3574. Л. 454–457.

3

1764 году декабря 9 в журнале Правительствующего Сената записано: слушано доношение Крестиннна. Приказали:

Понеже изображенные в оном доношении, представляемые от гражданина Крестинина о обучении по городам российского юношества обоего пола грамоте букваря и катехизиса средства, по рассуждению Сената признаваются основательными и надежными, юношеству же и обществу полезными, почему и на учреждение по городам таких школ и на таком основании и содержании, как он, Крестинин, и магистрат представляют, согласен; с тем еще присовокуплением, что оный гражданин Крестинин таковым полезным представлением заслуживает себе справедливую похвалу. А как оное его, Крестинина, представление, заключающеюся в нем материею подражает высочайшим ея императорского величества всемилостивейшей государыни о пользе и благосостоянии подданных ея величества достохвальным намерениям и попечениям, самым же содержащимся в нем сочинением приобретает достоинство к любопытному оного прочтению. В рассуждении чего означенное архангелогородского магистрата доношение в копии поднести ея императорскому величеству при репорте с таким всеподданейшим от Сената представлением; есть ли бы оное высочайшей ея императорского величества апробации удостоилось, то не соизволит ли ея величество повелеть: 1. Таковые для обучения обоего пола малолетних городовых детей малые школы на первый случай учредить в городе Архангельском на представляемом содержании и под ведомством тамошнего магистрата, как и определенного к тому от оного старшины, а для примеру протчим городам о сем архангелогородского магистрата и гражданина Крестинина предприятии публиковать с пристойною оным магистрату и Крестинину за такое обучение юношества попечение похвалою, дабы чрез то они к дальнейшим о том стараниям, а другие городовые магистраты и граждане к подобным установлениям были поощрены.

2. Архиепископа Феофана Прокоповича сочинение под наименованием "Краткое учение христианское малолетнему отроку и невежде всякому прислушающее" напечатать и таковую азбуку, как Крестинин представляет сочиня (так в тексте. – *А.Ч.*), напечатать же от святейшего Синода, а в совокупление ко оной правила кенигсбергского издания Иваном Гартунгом, равно как и выбранные ректором Гибнером библейские священные истории Ветхого и Нового завета на российский язык со всякою исправностью перевесть в Академии наук, а по переводе для свидетельствования, дабы паче чаяния какового-либо в них православию предосуждения не было, и напечатания отослать в святейший Синод, от которого оные книги в архангелогородский магистрат и в другие городы, где подобные впредь школы учредятся, тако ж и в протчие училища немедленно разослать. 3. Для самых в тех городовых школах будущих учителей общее наставление, каким образом должно им при обучении и всем школьном исправлении с детьми поступать, сочинить и, напечатав, в те школы доставить реченной же Академии наук, паче же все сие предать во всевысочайшее ея императорского величества соизволение.

РГАДА Ф. 248. Д. 3643. Л. 155 об. – 157.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Регламент, или Устав Главного магистрата от 16 января 1721 г. определял многообразные функции этой коллегии. Он также учреждал на местах городовые магистраты, в ведении которых находились в основном финансовые дела. По этому Реламенту магистрат Архангельска должен состоять из президента, четырех бургомистров и восьми ратманов (советников), избиравшихся "из первостатейных, добрых, пожиточных и умных дюдей".

[2] Пуфендорф Самуэль (1632–1694) – историк, юрист. Перевод его сочинения "О должности человека и гражданина по закону естественному..." (СПб., 1726) был предпринят по инициативе Петра I и выполнен справщиком санкт-петербургской типографии И. Кречетовским. Редактировал перевод Г. Бужинский.

[3] "Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской", составленный В.Н.Татищевым, сообщает: "Грамматика, слово греческое... которая учит правильно говорить, читать и писать. Оная состоит в четырех частях: первая ортография или правописание..." // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 246.

[4] Сочинение Феофана Прокоповича "Краткое учение христианское малому отроку и невеже всякому прислужающее, беседами учителя и ученика составленное" представляет собой краткий катехизис, где в разговорной форме излагаются основные положения христианского вероучения. Написано в конце 20-х годов XVIII в., не издавалось.

[5] Первое послание к коринфянам святого апостола Павла. См.: Библия, или Книги священного писания Ветхого и Нового завета... М., 1956. С. 1179.

[6] Гюбнер (Hubner) Иоганн (1668–1731) – педагог, писатель. Учился в Лейпцигском университете на теологическом факультете. С 1694 г. – ректор Мерзебургской гимназии. Автор и составитель исторических, географических, картографических, религиозных и других книг. См.: Deutsche Biographische Enzyklopädie. München, 2001. Bd. 5. S. 205.

[7] Гартунг (Hartung) Иоганн (1699–1756). Издавал книги по вопросам образования сначала в Эрфурте и Лейпциге, затем в Кёнигсберге на немецком, латинском, латышском, литовском и польском языках. См.: Deutsche Biographische... Bd. 4. S. 416.

[8] Послание к ефесянам святого апостола Павла. См.: Библия, или Книги священного писания... С. 1202.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ И.Л. МАЯКОВСКОГО

(К 125-летию со дня рождения)

В истории отечественного архивоведения первой половины XX в. Илья Лукич Маяковский (1878–1954) занимает особое место. Видный историк и теоретик архивного дела, он сыграл также заметную роль в подготовке кадров историков-архивистов. К его биографии и научному наследию до недавнего времени редко обращались исследователи[1]. В 2001 г. издана первая монография об И.Л. Маяковском[2]. В ней широко использованы документы его личного архива, ранее хранившиеся в Историко-архивном институте, а ныне – в Центральном московском архиве-музее личных собраний (ЦМАМЛС. Ф. 110). Задача настоящей публикации – ввести в научный оборот новые материалы, обнаруженные в СПб ФА РАН. Это находящаяся в личном деле И.Л. Маяковского (в фонде ИРЛИ) его автобиография[3] и "Воспоминания об И.Л. Маяковском" В.В. Данилова с сопроводительным письмом 1955 г. автора воспоминаний к Г.А. Князеву[4]. 11 писем И.Л. Маяковского к В.В. Данилову, вплетенные в тетрадь вместе с воспоминаниями, в данную публикацию не включены, так как обширные цитаты из них приводят-

---

[1] См.: *Лучкова В.В.* Документы личного архива И.Л. Маяковского в Московском государственном историко-архивном институте // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 247–251; *Арапова Л.И., Рудельсон К.И.* Видный историк-архивист (об И.Л. Маяковском) // СА. 1973. № 2. С. 57–58.

[2] *Хорхордина Т.И.* "Неизвестный" Маяковский. М., 2001. 96 с.

[3] СПб ФА РАН. Ф. 150 (ИРЛИ). Оп. 2. № 104.

[4] Там же. Разр. V. Оп. М. № 115.

inslav

ся в воспоминаниях Данилова. Местонахождение других цитируемых писем неизвестно.

Младший современник И.Л. Маяковского, смолянин по происхождению, Владимир Валерьянович Данилов (1881–1970)[5], по окончании Нежинской гимназии при Историко-филологическом институте кн. Безбородко (1905) преподавал в Екатеринославе, Одессе и в 1911 г. переселился в Петербург. Здесь он работал в Учительском институте, а в 1920–1930-е годы был сослуживцем И.Л. Маяковского по Военно-Морскому училищу им. М.В. Фрунзе (ВМУ). С переходом И.Л. Маяковского (по приглашению Ю.Г. Оксмана) в ИРЛИ (с 1 мая 1934 г.) их отношения не прерывались. С 1948 г. В.В. Данилов стал сотрудником сектора древнерусской литературы ИРЛИ.

Это следует учитывать при чтении фрагмента, связанного с уходом И.Л. Маяковского из Пушкинского Дома, и заключения о причине его последней болезни. Трудно сказать, знал ли В.В. Данилов истинные обстоятельства увольнения. Вполне вероятно, в 1955 г. он не мог об этом написать.

И.Л. Маяковский был уволен с 15 августа 1936 г. приказом по Институту Уполномоченного Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям С.А. Пашуканиса от 11 августа со зловещей формулировкой: "за недозволенное хранение в Архиве ненадлежащих документов и недопустимое состояние работы Архива"[6]. Этим же приказом с того же числа Ю.Г. Оксман был переведен с должности зам. директора на должность заведующего академическим изданием сочинений А.С. Пушкина. В начале ноября 1936 г. Оксман был арестован. Тем же приказом с 1 сентября была уволена сотрудница группы по описанию архива Глеба Успенского Н.В. Цейтц (впоследствии – жена акад. М.П. Алексеева; группа была создана приказом Ю.Г. Оксмана 27 июля 1934 г.[7], возглавлялась И.Л. Маяковским и в ее состав входили также дочь Г.И. Успенского, М.Г. Кричевская-Успенская, и Н.И. Мордовченко), сотрудник отдела новой русской литературы И.Я. Айзеншток и "древник" В.Г. Чернобаев. Обращение пострадавшего в Госконтроль привело к выявлению новых доказательств его вины[8]. К счастью, И.Л. Маяковский не был арестован, хотя события разворачивались на фоне процесса о троцкистско-зиновьевском блоке, одной из главных фигур которого был в это время уже бывший директор ИРЛИ Л.Б. Каменев.

М.Д. Эльзон

1

Автобиография ученого специалиста ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР Ильи Лукича Маяковского

Я родился в 1878 году[1] в селе Новопавловске бывшей Екатеринославской губернии, в семье сельского дьякона. На девятом году своей жизни я осиротел[2] и церковным опекунством был определен в Екатеринославское духовное училище, а затем в духовную семинарию, оттуда в 1899 году я был предназначен к отправке на казенный счет в Киевскую Ду-

---

[5] См. о нем: *Гуревич М.М., Могилянский А.П.* В.В. Данилов (К 80-летитю со дня рождения и к 60-летию научной деятельности) // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. XVIII. С. 481–483. Фото; *Панченко Н.Т.* Список печатных научных трудов В.В. Данилова (1904–1962). Л., 1963; *Лихачев Д.С.* Памяти В.В. Данилова (20.VII. 1881 г. – 23.IV. 1970 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 351–354. Фото; *Творогов О.В.* В.В. Данилов // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 82–83.

[6] СПб ФА РАН. Ф. 150. Оп. 2. № 104. Л. 7 об.

[7] Там же. Л. 16.

[8] Там же. Л. 53.

inslav

ховную академию. Я отказался подчиниться этому решению и был за это снабжен свидетельством с четверкой по поведению, долженствовавшей закрыть мне доступ в светскую высшую школу. Поэтому, чтобы получить высшее образование, я держал экзамен в качестве "экстерна" на аттестат зрелости и поступил в бывший Петербургский историко-филологический институт, который и окончил в 1903 году по историческому отделению, представив по кафедре истории Запада (проф[ессор] Г.В. Форстен)[3] сочинение на тему "Христианское течение в итальянском гуманизме и Савонарола".

Моя педагогическая, научная и общественная деятельность началась с 1903 года в гор. Ананьеве б. Херсонской губ., откуда через год я был переведен в г. Одессу. Здесь, кроме преподавания в средней школе[4], я вел методическую работу на курсах по подготовке преподавателей при Новороссийском университете в качестве лектора и руководителя по истории и работал над материалами известного ныне архива Новороссийского ген[ерал]-губернатора по истории просвещения на Юге России, готовясь к магистерскому экзамену.

В 1905 году я организовал среди учащихся кружок по истории социализма, участвовал в организации учительского союза и был лектором в Обществе распространения технических знаний.

В годы реакции, продолжая преподавательскую работу[5], я стал писать магистерское сочинение по истории просвещения на Юге России (на основании изученных материалов архива Новороссийского ген[ерал]-губернатора), но в Университете в это время руководство историко-филологическим факультетом попало в руки черносотенной клики, возглавлявшейся небезызвестным сподвижником Одесского градоначальника Толмачева профессором Доброклонским[6], и я вынужден был отказаться от намерения держать магистерский экзамен. В 1911 году я удержал свой класс старших учеников Ришельевской гимназии (в котором был руководителем) от участия в устроенных Союзом русского народа демонстративных похоронах одного из крупных черносотенцев, за что вынужден был выйти в отставку в 1912 году. Тогда я переехал в б. Петербург, где продолжал преподавательскую деятельность, изучая в течение 1912–1914 годах Архив Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] и архив б. Петербургского университета.

В 1915 году я был привлечен Архивом М[инистер]ства нар[одного] просв[ещения] как специалист по архивистике к описанию и изданию архивных материалов, и подготовил ряд статей и материалов, вошедших в 1917 году в I том публикаций Архива Мин[истер]ства нар[одного] просв[ещения], участвуя затем и во всех дальнейших публикациях этого архива.

После Февральской революции я участвовал в организации профессионального Союза архивных работников, сыгравшего свою полезную роль во время Октябрьской революции, именно: когда начался саботаж чиновников во всех бывших министерствах, члены этого Союза проделали большую работу по охране покинутых архивов и по собиранию материалов по всем министерским учреждениям.

Во время этой работы я был привлечен М.Н. Покровским и З.Г. Гринбергом к разработке проекта учреждения Главного архивного управления (впоследствии Центроархив[1*]), в котором состоял последовательно ученым секретарем Научно-теоретического отдела[7], членом Коллегии Центроархива и ученым консультантом вплоть до 1927 года. Одновременно с работой в Главархиве я участвовал в 1918 году в организации при Археологическом институте курсов по подготовке архивных работников, которые в 1920 году были превращены в архивный факультет Института. На этих курсах и факультете я был сначала преподавателем, а затем с 1920 года утвержден профессором по архивистике. В 1919 году Наркомпросом Союза Коммун Сев[ерной] области я был два раза командирован на периферию (в Петрозаводск, Череповец, Вологду и др. города) для популяризации архивного дела в провинции.

В то же время М.Н. Покровским был неоднократно привлекаем в качестве докладчика на архивные съезды, конференции и заседания Московской коллегии Центроархива.

В 1920 году я, совместно с Ю.Г. Оксманом, организовал в Одессе Областное архивное управление и произвел концентрацию архивных материалов в г. Одессе и в области.

В конце 1920 года я был привлечен на должность преподавателя истории классовой борьбы в подготовительной школе для моряков Военного флота, в состав которой при слиянии ее с Военно-Морским училищем, был включен в штат последнего, в коем состо-

---

[1*] Так в тексте. – *Примеч. ред.*

inslav

ял руководителем кафедры по истории Запада по 6 октября 1934 года, когда был демобилизован по личному ходатайству.

В 1922 году я был привлечен к чтению курса по истории рев[олюционного] движения в Военно-хозяйственной академии, где работал до ее реорганизации в 1925 году, когда состав Академии был влит в Московский Плехановский институт.

В 1927 году я был утвержден профессором истории архивного дела в России и на Западе на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского гос[ударственного] университета, где работал до реорганизации этого факультета в 1929 году.

В 1929 году я был приглашен в Коммунистический университет имени тов. Сталина для чтения курса по истории Запада на вечернем отделении, где и состоял профессором до конца 1934 года, оставив преподавание в связи с переходом на работу в ИРЛИ[8].

В порядке научно-исследовательской работы я в качестве члена научно-исследовательского кружка Военно-Морского училища: 1) делал доклады в двух его секциях (секция социальных наук и секция методики), 2) инструктивно-методические сообщения для политпреподавателей, 3) организовал для преподавателей истории семинар по истории революционного движения на Востоке (Китай, Индия, Персия, Турция), 4) составил ряд наглядных пособий по истории рабочего движения в САСШ [Сев.-Амер.Соед.Штатах. – *М.Э.*] и китайской революции, вошедших в учебный обиход училища, 5) участвовал в разработке материалов по истории Военно-Морского училища, первый опыт которой был издан училищем в 1928 году под заглавием "Памятная книжка Военно-Морского училища".

В Ленинградском гос[ударственном] университете в порядке общественной работы я, начиная с 1927 года, впервые организовал и руководил летней практикой студентов исторического отделения в Ленинградских архивах и реорганизовал архивный кабинет ун[иверсите]та.

В Коммунистическом университете им. т. Сталина вел со студентами занятия сверх установленных учебных планов для углубленного изучения ими истории Запада.

Результаты моей работы неоднократно отмечались как в порядке объявлений благодарности, так и путем премирования: в ВМУ я был премирован два раза и несколько раз получал благодарность; в Гос[ударственном] университете мне была вынесена благодарность за решительную реорганизацию архивного кабинета и преодоление сопротивления старых сотрудников кабинета, препятствовавших этой реорганизации; в Коммунистическом университете имени т. Сталина я был премирован два раза за работу "по внедрению марксистско-ленинской теории в рабочие массы" (цитата из грамоты).

В порядке профсоюзной работы вел популярные занятия по истории классовой борьбы и по экономической географии в профшколах на предприятиях, участвовал в разработке учебных планов и программ для этих школ и в 1928 году, и в 1929 году, по поручению зав[едующего] Истпрофом тов. Меламеда[9] [вел] семинарий по архивоведению для работников Истпрофа.

В течение года пребывания моего в рядах сотрудников ИРЛИ[2*] мною, кроме реорганизации Архива, приготовлены: 1) публикация писем И.С. Тургенева к О.А. Тургеневой; 2) статья об отношении И.С. Тургенева и О.А. Тургеневой; 3) статья о рукописном наследии Г.И. Успенского; 4) составлено под моей редакцией научное описание названного наследия (все четыре работы приняты Институтом для сборников); 5) прочитаны два доклада в группах по Тургеневу и Успенскому; 6) организован совместно с зав[едующим] Князевым[10] Архивный кружок, в котором мной был прочтен курс по истории архивного дела на Западе и в СССР.

Состою членом секции научных работников[11].

В партиях не состоял.

Прилагаю список научных работ как напечатанных, так и оставшихся в рукописном виде[3*].

И. Маяковский

[2*] Эта фраза, а также наличие в приложенном к автобиографии списке последних работ 1934 г. позволяют датировать автобиографию и приложенный к ней список работ 1935 г., учитывая, что Маяковский был зачислен в ИРЛИ с 1 мая 1934 г. См. примеч. 8. – *Примеч. ред.*

[3*] Список научных трудов И.Л. Маяковского см.: Памяти Ильи Лукича Маяковского (1878–1954). С. 365–367.

inslav

2

В. В. Данилов – Г. А. Князеву

Глубокоуважаемый
Георгий Алексеевич!

Я предпослал своим воспоминаниям об Илье Лукиче Маяковском[12] обращение к Вам, чтобы сохранить память о том, что инициатива этих воспоминаний принадлежит Вам.

Буду очень рад, что они найдут место в Архиве Академии наук, как и мои воспоминания о Д.К.Зеленине[13]. Теперь нет "Исторического вестника", в котором воспоминания такого жанра, как мои воспоминания о Зеленине и Маяковском, могли бы найти место, и потому я буду очень доволен, если Вы их схороните в недрах архива:

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд...[14]

Благодарю Вас, что Вы заставили меня пережить прошлое, вспоминая о душевно-близком мне человеке, так как "седя на санех", по выражению Владимира Мономаха, т. е. приближаясь к концу жизни, я люблю перелистывать страницы прошедшей жизни.

Искренне Вам преданный
Вл. Данилов

28 окт[ября] 1955 г. Автограф

СПб ФА РАН. Разряд V. Оп. М. № 115. Л. 1. Автограф. Сопроводительное письмо вложено под крышку переплета.

3

Воспоминания об И.Л. Маяковском

Глубокоуважаемый
Георгий Алексеевич!

По поводу представленных мною Вам воспоминаний о Д.К. Зеленине Вы предложили мне написать также воспоминания об Илье Лукиче Маяковском, что я обещал сделать.

Представляя Вам настоящий экземпляр воспоминаний, должен оговориться, что та сторона деятельности Ильи Лукича, которая Вас наиболее интересует как архивиста, менее всего, вследствие моей неосведомленности, могла быть освещена мною; точно также я почти не знаю бытовой стороны его жизни.

Третья слабая сторона воспоминаний в том, что я не осведомлен о литературной работе И.Л. Маяковского. В письме от 12 октября 1944 года он писал мне: "В мае нынешнего года исполнилось 45 лет со дня появления в 1899 году моей первой печатной работы о Пушкине"[15]. Но что он потом писал – не знаю. Помню только большую статью в "Журнале Министерства народного просвещения" о Ларинских капиталах, которые должны были принадлежать петербургской Ларинской гимназии, но, в силу каких-то причин, не попали в ее распоряжение. Маяковский говорил мне, что этою статьей он доказал принадлежность Ларинской гимназии громадного, по дореволюционным масштабам, капитала, который скрывался в банковских недрах.

Больше ни о каких литературных работах Маяковского, кроме его книги об архивном деле, за которую он получил степень доктора, я не слыхал, и никто из близких к нему лиц не говорил о литературных трудах Маяковского.

Есть люди, которые все стараются превратить в литературную форму и пользуются для этого всяким случаем. Если от латинского глагола scribo=пишу производится имя существительное scriptor=писатель, то от учащательной формы того же глагола scriptitare= часто писать можно произвести существительно scriptitator=многопишущий. Таким был Д.З. Зеленин. Противоположностью этому являются люди, обладающие громадным умственным багажом, который используется ими почти исключительно в их практической работе.

Таким мне представляется И.Л. Маяковский.

inslav

Для восполнения указанных недостатков своих воспоминаний я решил воспользоваться письмами Маяковского ко мне, сделав из них выдержки, и часть писем вплел здесь[16] вместе с воспоминаниями как документы об Илье Лукиче.

Услыхал я об И.Л. Маяковском, когда был преподавателем в Одессе (1907–1911 гг.), как о преподавателе истории в Ришельевской гимназии и председателе педагогического совета одной частной женской гимназии, которых много в то время было в Одессе. То, что Маяковский уже тогда, когда он, сравнительно еще молодой человек, лет 33-х, был назначен председателем педагогического совета женской гимназии, показывает, что уже тогда он завоевал себе педагогическое имя. Председателями педагогических советов, т. е. директорами женских гимназий, обыкновенно назначались директора мужских гимназий, приват-доценты Университета, преподаватели, обладавшие многолетним служебным стажем, ветераны педагогического труда, а Маяковский был еще молод, но уже обратил на себя внимание окружного начальства своим искусством преподавания.

В Одессе у меня не было случая познакомиться с ним. Знакомство состоялось после революции, в 1918 г., в Петрограде, и было связано с моим вступлением в ряды архивных работников. Последнее было случайным. Как-то, по осени, я шел по Чернышевой площади, у здания бывшего Министерства народного просвещения. Так как революция разбросала людей и от многих преподавателей потерялись следы, я решил зайти к А.С. Николаеву[17] проведать его и расспросить о некоторых знакомых преподавателях. А.С. Николаев стоял тогда во главе бывшего архива Министерства народного просвещения. До революции он совмещал работу в архиве с преподаванием в 3-ей гимназии и мы часто встречались с ним в испытательном комитете при Учебном округе. Не прошло двух минут, как Николаев протянул мне лист бумаги. "Пишите заявление". – "О чем?" – "О принятии вас в наш архив на должность архивиста". – "Как же так? Дайте подумать". – "Никаких раздумий. Пишите".

Так, неожиданно для себя, я сделался архивистом.

Помощником Николаева был И.Л. Маяковский. Мы познакомились, сошлись, конечно, так сказать, одесским землячеством, хотя и он, и я были пришлыми жителями этого тогда веселого и национально-разнообразного города.

Сейчас я никак не могу сказать, в чем реально состояла работа Маяковского в архиве. В часы, когда он бывал там, потому что Маяковский еще читал лекции в Археологическом институте, его видели всегда согнувшимся над столом и углубившимся в бумаги. Вид у него был подавляюще-сосредоточенный и серьезный. Иногда среди мертвой тишины архивной работы, нарушаемой только шелестом бумаги, вдруг раздавался его глухой, как из-под земли выходящий, голос, называвший имя и отчество какой-либо сотрудницы. По их собственным словам, этот голос производил на них такое впечатление, что они вздрагивали и замирали. А дело бывало самое простое – навести справку, перенумеровать листы, исправить формулировку в описи и пр.

Работа моя состояла в описании цензурных дел от начала преобразования цензуры при министре народного просвещения князе А. Ливене[18] (1828–1833 гг.) для проектируемого издания описания цензурных документов в царствование Николая I-го. Мною было описано много дел, но какова судьба этого описания – не знаю[19]. По поводу работы мне не один раз приходилось беседовать с Маяковским, и все его указания и советы были всегда продуманы, существенны и полезны. В архиве я проработал один год. В 1919 г., по приглашению своих бывших учеников по петербургскому Учительскому институту, спасая семью от голода и холода, я уехал в северные провинции.

В 1921 году я вернулся в Петроград и в ноябре того же года, при посредстве академика Е.Ф. Карского[20], с которым был связан долголетним сотрудничеством в издававшемся им научно-педагогическом журнале "Русский филологический вестник", получил приглашение на работу в должности начальника учебного отдела в Подготовительное училище для моряков военного флота, имевшее целью дать общее образование матросам Военно-Морского флота и подготовить их к получению специального военно-морского образования. Многие из принятых тогда в училище матросов являются в настоящее время адмиралами, в том числе командующий флотом Н.Г. Кузнецов[21].

Мое вступление в военно-морскую службу имело влияние и на судьбу Маяковского. Я решил пригласить его преподавателем истории. И тут развернулась богатая педагогическая одаренность Маяковского.

Проработав на педагогическом поприще сорок лет, преподавая более чем в двадцати учебных заведениях разных типов, я видал много преподавателей, и, положа руку на серд-

inslav

це, скажу, что лучшего преподавателя, чем Маяковский, не встречал. Подобно тому, как только то художественное произведение читается с интересом, которое заставляет читателя быть постоянно в напряженном ожидании последующего, не открывая перед ним развязки действия, так только тот урок действительно интересен для учеников, который поддерживает ожидание последующего, Ж.-Ж. Руссо говорит в "Исповеди": "Когда хочешь, чтобы молодой слушатель был внимателен, не нужно позволять ему угадывать окончание рассуждения". Маяковский преподавал именно так, что все время поддерживал ожидание последующего.

Были в военно-морских училищах подчиненные мне преподаватели и по другим предметам, прекрасно ведшие свое дело, отличные педагоги, как, например, преподаватель физики и космографии Владимир Николаевич Софроницкий (умер в блокаду), отец известного пианиста[22], преподаватель математики Владимир Александрович Кондратьев (умер в блокаду)[23], преподаватель литературы Петр Алексеевич Конский (умер в блокаду)[24] – люди с широкой эрудицией и большим педагогическим опытом; но только у Маяковского был особый тон какого-то душевного проникновения в излагаемый предмет, и слушатель вместе с ним сидел и на заседаниях Конвента, и на собраниях Парижской Коммуны.

Тогда у Маяковского была черная квадратная борода, напоминавшая бороды ассирийских царей на древних вазах, и курсанты Подготовительного училища прозвали его "ассирийцем". Под этим прозвищем он изображен в повести бывшего начальника училища Алексея Ивановича Холодняка[25], сына когда-то известного петербургского профессора-классика[26], под названием "Так вырастает новое племя" (Л., 1925 г. 111 стр.).

В условиях 20–30-х годов, когда после Подготовительного училища Маяковский преподавал в Военно-Морском училище имени М.В. Фрунзе, история была почти уничтожена и сведена к каким-то безжизненным, отвлеченным, лишенным фактов экономическим схемам, выдуманным людьми, старавшимися поставить школу кверху ногами посредством заграничных, преимущественно американских, методов (лабораторного, проектного и проч.).

Старые преподаватели понимали, что вся эта методомания отнимает только у курсантов время, не давая им знаний. Это сознавали и сами курсанты, но в искаженной перспективе действительности обращали обвинения не по адресу. Между ними слышались такие разговоры: "Когда преподаватели в кадетском корпусе учили сыновей буржуазии, они преподавали по-иному, а нас они не хотят научить и выдумали лабораторный метод". Но преподаватели даже не могли возражать против методической вакханалии, так как самые незначительные возражения встречались как контрреволюционные вылазки и грозили неприятными последствиями, пока постановление Центрального Комитета не положило конца методическому экспериментаторству, бывшему не плодом пытливой педагогической мысли, а порождением непричастности к знанию и неуважения к нему[27]. Эти экспериментаторские тенденции более всего сказывались в преподавании гуманитарных предметов и особенно истории. Поэтому надо было обладать большим педагогическим искусством, чтобы сделать уроки такими интересными, какими они были у Маяковского.

Еще более оценили его искусство изложения преподаватели, для которых Маяковский в порядке политучебы читал историю рабочего движения на Западе. Сидевший рядом со мною на лекции Маяковского начальник учебного отдела В[оенно]-М[орского] училиша [им.] Фрунзе Борис Павлович Хлюстин (умер после войны), сам прекрасный преподаватель, оставивший после себя два фундаментальных учебника, мореходной астрономии и девиации[28], сказал мне, с восхищением слушая Маяковского: "Какие завидные знания!" Но я бы сказал: не знания были завидные, а завидно было умение подавать знания.

Когда в В[оенно]-М[орском] училище [им.] Фрунзе образовалась военно-морская педагогическая секция, председателем ее был избран старый моряк-океанограф Михаил Васильевич Никитин (умер до войны)[29], а его заместителем – Маяковский как выдающийся педагог, и здесь также сказалось его влияние.

Читал доклад о воспитательной работе среди курсантов начальник курса Константин Павлович Пузыревский (умер после войны)[30], не прочитавший до того ни одной педагогической статьи или книги. Он построил свой доклад на понятии "психология толпы". Маяковский в возражениях докладчику показал несостоятельность его положений, выведенных из этого понятия, с которым у Пузыревского не связывалось никакого ре-

inslav

ального содержания. На Пузыревского эти возражения произвели такое действие, что он для изучения психологии поступил в Институт мозга и впоследствии в другом военно-морском училище на учебных* советах блистал фамилиями психологов и цитатами из них. Пузыревский сам говорил мне, что на изучение психологии натолкнули его возражения Маяковского.

Преподавание в Военно-Морском училище отнимало у Маяковского много времени, так как помимо прямых преподавательских обязанностей, к которым он относился с педантизмом, Маяковский читал доклады (вспоминаю его блестящий доклад о М.Н. Покровском, тогда еще не развенчанном, по поводу его смерти), подвергался политическим испытаниям при Военно-Морской академии и проходил военно-морскую подготовку.

Однажды встречаю его в коридоре училища, который в те времена назывался Звериным по украшавшим его деревянным изображениям животных со старых парусных кораблей. Не доходя до меня, со смущенно-ироническою улыбкою Маяковский сказал мне: "Потопили!" – "Что?" – "Наш крейсер потопили!" Это он шел из кабинета военно-морской игры, где был участником одной из сражающихся сторон.

Последние годы преподавания в В[оенно]-М[орском] училище [им.] Фрунзе, начиная с ноября 1933 года, были более тяжелы для Маяковского, потому что вследствие расширения училища подготовительный курс был перемещен в Старый Петергоф и преподавателям приходилось ездить туда с самыми ранними поездами, много времени тратя на вокзальные ожидания и дорогу. В 1933 году еще не было электропоездов. Паровые поезда ходили не так часто и по утрам были набиты пассажирами. Иногда вход в вагоны надо было брать с бою. Вспоминается трагикомическая картина: Маяковский и преподаватель математики, бывший генерал-майор Анатолий Александрович Рыбалтовский (умер до войны), оба почтенной комплекции, пробиваются на площадку вагона, действуя локтями и напором спереди; их отталкивают, они снова нажимают и, наконец, скрываются в давке. "Сегодня, – сказал мне в Петергофе Рыбалтовский, – мы с Ильей Лукичем выдержали преславную баталию". Вероятно, эти условия труда в Петергофском батальоне В[оенно]-М[орского] училища [им.] Фрунзе не остались без влияния на решение Маяковского оставить педагогическую работу.

Как-то мы с ним шли с уроков на Старо-Петергофский вокзал через Английский парк, уничтоженный войною. Маяковский сообщил мне, что его приглашают на должность заведующего рукописным отделом Института русской литературы Академии наук СССР и спросил меня, соглашаться ли ему на это предложение[31]. Я ответил, что он человек, настолько опытный в жизни, чтобы самому решать такие вопросы, но если бы дело касалось меня, я бы не согласился: во-первых, всегда лучше оставаться там, где тебя уже знают и считаются с твоими достоинствами и недостатками, где у тебя есть реноме, чем переходить туда, где ты не всем известен, где у тебя нет имени, где, собственно говоря, карьеру надо начинать сызнова, и, во-вторых, на таком месте, как заведующий отделом, обязательно встретишься с враждебными тебе настроениями, выражающими настроения тех, кто претендовал на это место и считал себя более достойным кандидатом. В результате создадутся трения, которые могут привести к нежелательному положению.

Маяковский возражал, что там открываются перспективы научной работы, что он и меня привлечет к ней.

Он ушел из В[оенно]-М[орского] училища и очень скоро наступила катастрофа, оправдавшая, к сожалению, мои сомнения в целесообразности перемены работы. В письме ко мне от 23 октября 1943 года Маяковский в мемуарном плане писал об этом: "Паршивые щенки Пушкинского Дома начали лаять на меня"[32]. Они не только лаяли, но [и] кусались и, наконец, съели его как заведующего архивом.

Это были тяжелые для Маяковского переживания. Он возбудил дело в профсоюзе, писал Жданову[33]; недоброжелатели из Института русской литературы, во главе которых стоял патентованный интриган Цехновицер (умер)[34], намеренно оттягивали разбор дела в профсоюзе. Хотя решение последнего нравственно удовлетворяло Маяковского, все-таки ему пришлось уйти из Института русской литературы.

С тех пор как Маяковский ушел из В[оенно]-М[орского] училища, я редко видел его – сперва на заседаниях в Институте [русской литературы], затем в Ленинградском историческом архиве, и всегда он казался мне не на своем месте.

---

* Так в тексте; вероятно – "ученых". – *М.Э.*

inslav

Но и в Ленинградском историческом архиве, куда Маяковский был назначен, согласно решению профсоюза, его преследовали неприятности. Привожу его слова из письма от 27 июля 1945 г.: "Этот начальник в отношении меня допустил действие, которое, несомненно, привело бы меня к смерти, если бы я не был эвакуирован в Москву: как только началась война, она (начальник этот, как видите, женщина) меня включила в число сотрудников, подлежавших, по ее незаконному решению, сокращению. В результате этого я остался без средств к существованию и обречен был на положение иждивенца со всеми вытекающими из этого последствиями"[35].

Маяковский оставался в Ленинграде до июля 1942 г., когда по требованию Главного архивного управления был вывезен из него совершенно больным.

Но Ленинградский патриотизм, который многие испытали на себе, когда во время войны пришлось находиться в местах, отдаленных от Ленинграда, мучил Маяковского: "Я так тоскую по Ленинграду, – говорит он в письме от 6 января 1944 г., – что не хватает языка для выражения этой тоски... Меня так тянет в Ленинград, что как только можно будет вернуться, я немедленно распрощаюсь с Москвой"[36].

Когда Ленинград был освобожден от блокады, Маяковский писал: "Я сейчас весь под впечатлением огромных побед под Ленинградом. Такой радости я не испытывал, вероятно, десятки лет! И так потянуло меня в Ленинград, что я буквально места не нахожу, весь нахожусь в высшей степени нервном состоянии. Хочется бросить все в Институте и умчаться в Ленинград. Я готов остаться только на пенсии, но быть в Ленинграде" (27 января 1944 г.)[37].

Однако Маяковский так и умер, не побывавши после блокады ни разу в Ленинграде.

Квартирные неудобства усугубляли тяжелое состояние духа Маяковского. Он жил в двух небольших комнатах в общежитии Архивного института, в бывшей Синодальной типографии, в коридоре, общем со студентами, откуда доносился шум шагов и голосов. Поэтому, когда ему предоставили отдельную квартиру, это улучшило настроение Маяковского: "3 ноября (1944 г.), – писал он, – переехал на новую квартиру...[2*] После шумного и неудобного общежития мы чувствуем себя в уютной обстановке. Сейчас сижу у себя в чистеньком кабинете, в тепле, тишине..."[38]

Живя в разных городах, мы очень редко видались с Маяковским, но зато между нами завязалась переписка, дающая личные свидетельства Маяковского об его жизни. Поэтому перехожу от своих воспоминаний о Маяковском к выдержкам из его писем, расположенным в хронологическом порядке и разбитым на две группы: сообщения Маяковского о своей работе и сообщения его о своих болезнях.

Выдержки из писем Маяковского, содержащие сведения об его работе.

"В Историко-архивном институте состою профессором, в Государственном литературном архиве – консультантом, в Архиве древних актов – членом Ученого совета и т.п. Но все это я променял бы на самую скромную работу в Ленинграде – так мучительно я тоскую по нем" (23 октября 1943 г.)[39].

"В Институте я вошел, так сказать, в моду и веду большую работу. В частности, на меня возложено заведывание всей аспирантской группой, довольно большой (28 человек)... Работаю ежедневно по 12 часов" (6 января 1944 г.)[40].

"Я введен в состав государственной экзаменационной комиссии и не только ежедневно сижу с утра до вечера на государственных экзаменах, но и являюсь сам экзаменатором по истории СССР и по архивным дисциплинам. Экзамены тянутся мучительно долго и последний экзамен будет 10 сентября, а 1-го октября я должен уже начать чтение лекций" (5 сентября 1944 г.)[41].

«Свыше сил занят подготовкой доклада на Ученом совете Главного архивного управления на очень ответственную тему: "Реорганизация архивного образования в СССР". На днях доклад состоялся и прошел с большим успехом и шумом. Теперь вырабатываю резолюцию и докладную записку в НКВД. Перспективы набрасываются очень большие» (27 декабря 1944 г.)[42].

"На днях по поручению Главного архивного управления, к которому обратился Исаков[43], составил программу чтения цикла лекций для моряков об архивном деле" (2 марта 1945 г.)[44].

[2*] Котельническая набережная, д. 1/15, кв. 2. Примеч. В.В. Данилова.

inslav

«Я занят свыше всякой меры: произвожу экзамены, читаю 13 дипломных работ, ежедневно участвую в "заседательской возне", составляю проект реформы Института, разрабатываю инструкцию по разработке частных фондов, руковожу аспирантами» (28 апреля 1945 г.)[45].

«Я готовлю книгу "Архивы и архивное дело в иностранных государствах" и, конечно, заинтересован в ее скорейшем издании. В Главном архивном управлении издательские возможности на нынешний год уже исчерпаны, главным образом – на издание путеводителей. Поэтому в Главном архивном управлении договориться в нынешнем году нельзя. Так вот я подумал: нельзя ли предложить эту работу для издания Украинской Академии наук? Так как у Вас есть с ее представителями некоторый контакт, то не могли бы в учреждениях прозондировать почву? С своей стороны могу сказать, что моя работа представит интерес не только для СССР, но и для иностранных государств, особенно в грядущие дни, когда международное архивное дело станет в центре внимания. Ведь если в печальной памяти Лиге Наций вопросы о перераспределении архивов занимали видное место, то в будущем органе охраны безопасности мира тем более эти вопросы встанут во весь рост».

"Словом, я категорически утверждаю, что работа будет интересна и нужна" (28 апреля 1945 г.).

"Чувствую, что к началу учебного года, который начинается в этом году ранее, дойду до крайнего переутомления" (27 июля 1945 г.)[46].

"Сразу же после майских праздников у меня началась горячая страда и по плану, и сверх плана". "Особенно много нервов потребовалось на участие в Главном Архивном Управлении в обсуждении учебника по архивному делу Митяева[47], вышедшего под моей редакцией. Кроме этого, на меня спрос в Министерстве иностранных дел сейчас большой, и я возвращаюсь домой часто в 12 часов ночи.

В добавление всего – сплошное сиденье на экзаменах... Сам удивляюсь, как меня еще носят ноги" (30 мая 1947 г.)[48].

"Работы было столько, что я провел эти месяцы буквально вне времени и пространства".

"Взял на себя обязательство к 30-летию Октября: сдать свою рукопись, отредактировать два учебника, приготовить доклад для юбилейной сессии, подготовить путеводитель по одному из архивов, отредактировать путеводитель по другому архиву. Кроме всех обязательств, участвовал в сессии государственных экзаменов и взял большую работу в Министерстве иностранных дел".

"И все это с гриппом и ангиной, которые настолько повредили мне голосовые связки, что чтение лекций было для меня чрезвычайно тяжелым делом".

"Вы скажете, зачем я так загрузил себя? Но это большой вопрос. Ведь мне скоро стукнет 70 лет, а я чувствую, что мало сделал. Надо торопиться" (9 ноября 1947 г.)[49].

"Уход в отставку оказывается нелегким шагом; я даже не могу разгрузиться хотя бы частично. Настойчиво прошу Министерство высшего образования освободить меня пока хоть от заведывания кафедрой, но и этого до сих пор не добился; Министерство не может найти мне заместителя" (20 августа 1950 г.)[50].

"Особенно трудными были весь сентябрь и весь октябрь; это – месяцы производственной практики студентов, когда мне приходилось ежедневно посещать все точки практики в Москве и отвечать руководителям практики на периферии, проводить вступительные, контрольные и заключительные совещания с руководителями и т.п., кроме этого, надо руководить аспирантами, студентами, пишущими дипломные и курсовые работы и, наконец, преподавателями своей кафедры, работающими над диссертациями" (7 ноября 1950 г.)[51].

"Я недавно почти сплошь на ногах перенес грипп, осложнившийся колитом в острой форме. В результате устал от работы невероятно. Придя домой, сажусь за чтение диссертаций, дипломных работ и курсовых сочинений. И это изо дня в день".

«Руководство аспирантами – вот второе бремя. Кафедра – третье, пожалуй, самое тяжелое! А ночью заканчиваю свою работу "Архивное дело в иностранных государствах"».

«Силы же иссякают... Новый министр высшего образования[52] на мою просьбу освободить меня от заведывания кафедрой категорически заявил, что удовлетворит мою просьбу только тогда, когда я найду себе преемника "подходящего". На мое возражение, что я веду поиски, министр ответил: "А вы подготовьте себе преемника"» (8 января 1952 г.)[53].

inslav

Маяковский всегда представлялся мне человеком нездоровым. Его постоянная возбужденность и стремительность производили впечатление, будто он действует в жару. И действительно, сколько раз, поздоровавшись с ним, я ощущал его горящую руку. Бывало, скажешь: "У Вас жар, Илья Лукич, идите лучше домой". – "Да, кажется, маленький", – ответит он равнодушно и останется на работе. Я подозревал у него туберкулез. Уже в предыдущих выдержках есть указание на его болезни. Дальше привожу выдержки из писем Маяковского, где он сообщает сведения о своих болезнях.

"В Ленинграде оставался до июля 1942 г. и был вывезен оттуда по требованию Главного Архивного Управления в состоянии, близком к смерти. В Москве я был тотчас же положен в больницу, где пролежал два с половиною месяца, а затем отправлен в санаторий. Зимой был два раза болен воспалением легких, в марте сломал ключицу, а недавно подвергся ущемлению грыжи и экстренной операции" (20 октября 1943 г.)[54].

«Только сегодня я встал с "одра болезни"... В начале ноября в трамвае, во время самого сильного переполнения (5 часов вечера) меня зажали в дверях вагона и повредили 4-ое и 5-ое ребра, и как раз вблизи сердца. Несмотря на боли я должен был на следующий день опять выйти и, возвращаясь в темноте домой, упал на поврежденный бок, повредив, вдобавок, еще и левую руку... После перенесенной болезни испытываю при хождении по улицам, а также при езде в трамвае непроизвольный страх» (1 декабря 1945 г.)[55].

"Я в последнее время стал болеть; врачи признали необходимость санаторного лечения на Юге, но категорически запрещают туда ехать" (15 июля 1946 г.)[56].

"У меня дома с октября лазарет. Сначала захворал я гриппом и пролежал три недели. Затем стал выходить, но через несколько дней опять слег от бронхоэктазии. В начале декабря я выздоровел, но захворала жена, которая и сейчас еще больна" (5 января 1947 г.)[57].

"Если бы Вы могли увидеть, какие мучения я переживаю во время приступов бронхоэктазии, Вы пришли бы в ужас. Но что всего мучительнее – это осознание все новых и новых приступов. Никакое лечение, никакая профилактика не могут их предотвратить. Вот почему я решил выйти на пенсию, хотя еще очень хочется работать" (20 августа 1950 г.)[58].

Наконец, сообщение жены Маяковского, Веры Ивановны: "Врачи все время из квартиры не выезжают[3*], но врач за дверь – а больной за письменный стол. И так все время" (январь 1954 г.)[59].

Развязка наступила в том же январе. Маяковский лежал в больнице и уже не мог сам писать. В последний раз при его жизни на мое письмо отвечала его жена Вера Ивановна: «У Ильи Лукича рак! Поражены легкие, печень, желудок... Надежды никакой, спасения нет!!! Прогресс идет гигантскими шагами... Бредит иногда не только ночью, но и днем: "Товарищи, товарищи! Простите! Ставим точку!"»[60].

Так Маяковский, педагог от природы, богато одаренный способностью передавать знания, уже умирая, видел перед собою слушателей, просил у них прощения, что он не все сделал для них, и ставил точку, заканчивающую течение его жизни и деятельности.

14 января 1954 г. Илья Лукич скончался.

В заключение скажу, что ему было присуще высокое чувство товарищества и товарищеской помощи. Приложенное письмо от 8 января 1945 г. ярко свидетельствует, как он, несмотря на всю свою занятость и постоянное нездоровье, побеждал и то, и другое, чтобы ради меня побывать у министра просвещения Потемкина[61], чего, вероятно, нелегко было добиться, и потом все время принимал участие в этом деле. 9 ноября 1947 г. Маяковский сообщал мне, что "по просьбе А.В. Предтеченского[62] побывал в Военно-историческом архиве и просил отыскать нужные ему материалы"[63]. Жители больших городов, занятые ежедневною работою, знают, что значит урвать у себя время для хлопот по чужим делам и для поездок из-за них по городскому транспорту в разные части города.

В конце жизни Маяковский мог осознать, что он "не всуе тече". Вера Ивановна Маяковская писала мне: «В связи с 75-летием со дня рождения и 50-летием научно-педагогической деятельности сыплются письма, телеграммы и проч., а я ничего не только прочитать ему не могу, но и просто показать, так как все его страшно волнует. Он говорит: "Пусть все полежит на квартире, читать буду дома"»[64].

Так энергическая натура Ильи Лукича внушала ему веру в одоление всех болезней.

3* Ошибка; в автографе письма: "не выходили" (1 янв. 1954 г.). – *М.Э.*

inslav

Медики, исчерпав все возможности найти возбудителя рака, стали говорить о том, что болезнь эта начинается в центре нервной системы, в мозгу. Если это так, то неприятности, которые пришлось испытать Маяковскому в Пушкинском Доме и в Ленинградском историческом архиве, откуда он был изгнан по прихоти лица, не имевшего никакого отношения к науке, объясняют развитие у Маяковского рака, охватившего весь организм.

Смерть Ильи Лукича вызвала живые отклики на его профессорскую и научно-архивную деятельность. Гражданская панихида по нем в Историко-архивном институте была загробным триумфом его большой работы и признания ее значения.

Припоминая гонения, испытанные Ильею Лукичем, закончу памятку о нем стихами XVIII столетия:

Почести лишить его страсть коль ни кипела,
Но воздать ему венок правда преуспела[65].

Вл. Данилов

[Не позднее 28 октября 1955 г.]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Точная дата (18 декабря) приведена в Трудовом списке (СПб ФА РАН. Ф. 150. Оп. 2. № 266. Л. 2 об.) и в справочнике "Научные работники Ленинграда" (Л., 1934. С. 234). В личном деле – 31 декабря (Ф. 150. Оп. 2. № 104. Л. 2).

[2] В личном деле: "Родители умерли в 1891 г." (Там же).

[3] Форстен Георгий Васильевич (1857–1910) – специалист по истории Скандинавии и международных отношений.

[4] Так "в духе времени" И.Л. Маяковский именует 1-ю Ришельевскую гимназию (Там же. Л. 3 об.).

[5] С 28 сентября 1909 г. И.Л. Маяковский возглавлял Педагогический совет Одесской женской гимназии, с 3 октября 1911 г. был преподавателем и руководителем Одесских педагогических курсов по подготовке преподавателей средней школы (Там же).

[6] Доброклонский Александр Павлович (1856–1937) – профессор церковной истории.

[7] По документам 1 июня 1918 г. И.Л. Маяковский был назначен заведующим НТО (Там же. Л. 3 об). О З.Г. Гринберге см. в предисловии Т.И. Хорхординой (наст. изд. С. 378).

[8] И.Л. Маяковский поступил на работу в ИРЛИ с 1 мая 1934 г. на должность заместителя заведующего Архивом; с 8 февраля 1936 г. он возглавил Архив. В июле 1934 г. исполнял обязанности ученого секретаря (Там же).

[9] Меламед Израиль Моисеевич (1898–1936) – в 1928–1929 гг. зав. Ленинградским отделением Комиссии по истории профессионального движения, позднее арестован, расстрелян в 1936 г.

[10] Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) – историк-архивист, директор Архива АН СССР в 1929–1963 гг.

[11] См.: Научные работники Ленинграда. С. 234.

[12] Подразумевается текст публикуемых воспоминаний.

[13] Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954) – фольклорист, этнограф; член-кор. АН СССР (1925). Местонахождение воспоминаний В.В. Данилова о нем нам неизвестно.

[14] Усеченная ("труд усердный, безымянный") цитата из монолога Пимена "Еще одно, последнее сказанье..." (*Пушкин А.С.* Борис Годунов).

[15] Местонахождение письма неизвестно.

[16] См.: СПб ФА РАН. Ф. 150. Оп. 2. № 104. Л. 41–60 (письма от 27 янв. 1944–8 янв. 1952 гг.); здесь же – письмо вдовы, Веры Ивановны Маяковской, и телеграмма с указанием дат смерти и кремации (Л. 61–62, 64).

[17] Николаев Александр Сергеевич (1877–?) – историк-архивист, был близок к С.Ф. Платонову и, видимо, разделил его судьбу.

[18] Ливен Александр Карлович (1800–1880) – генерал от инфантерии, сенатор.

[19] Это издание, в котором участвовали также Ю.Г. Оксман и другие, не состоялось.

[20] Карский Евфимий Федорович (1860/61–1931) – филолог-славист; академик (1916).

[21] Кузнецов Николай Герасимович (1902–1974) – нарком ВМФ СССР в 1939–1946 гг., одновременно главнокомандующий ВМФ в 1941–1945 гг., адмирал флота СССР (1955).

[22] Подразумевается Софроницкий Владимир Владимирович (1901–1961).

inslav

[23] В.А. Кондратьев до 1917 г. был директором Петербургской 8-й мужской гимназии.
[24] Конский П.А. (1870 г. – ?) – историк.
[25] Холодняк А.И. род. в 1891 г., год смерти неизвестен.
[26] Холодняк Иван Ильич (1857–1913) – выдающийся латинист.
[27] Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. "О педологических извращениях в системе Наркомпросов".
[28] Названы наиболее значительные книги контр-адмирала Б.П. Хлюстина (1884–1949) – "Девиация магнитного компаса" (Л., 1933; 6-е изд. М., 1943) и "Мореходная астрономия" (Л., 1931; 5-е изд. доп. Б.И. Красавцевым, 1960). С 1917 г. читал курс мореходной астрономии и навигации в Военно-Морской академии, ВМУ и других вузах.
[29] Никитин Михаил Васильевич (1801–?) – инженер-гидролог.
[30] Основные работы К.П. Пузыревского посвящены проблеме повреждений, нанесенных кораблям артиллерией противника в 1914–1918 гг. (изд. 1938, 1940 гг.).
[31] Судя по ранее сказанному, В.В. Данилов знал Ю.Г. Оксмана и, вероятно, И.Л.Маяковский был достаточно откровенен в личной беседе.
[32] Местонахождение письма неизвестно.
[33] Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – государственный партийный деятель, в 1934–1948 гг. – секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1944 гг. – секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).
[34] Цехновицер Орест Вениаминович (1899–1941) – историк русской литературы и театра, в 1936–1937 гг. был (после К.И. Ровды) ученым секретарем ИРЛИ; во время Великой Отечественной войны погиб под Таллином. Его роль в устранении И.Л. Маяковского неизвестна. Письмо А.А. Жданову нами не найдено. Но опубликовано другое письмо этого времени. См.: *Хорхордина Т.И.* Указ. соч. С. 62–63.
[35] Автограф см.: СПб ФА РАН. Разряд. V. Оп. М. № 115. Л. 48–49 об. Далее сноски даны только на листы этого дела.
[36] Местонахождение письма неизвестно.
[37] Автограф см.: Л. 41–41 об.
[38–42] Местонахождение писем неизвестно.
[43] Исаков Иван Степанович (1894–1967) – адмирал флота СССР (1955), в 1938–1946 гг. – заместитель наркома ВМФ.
[44] Автограф см.: Л. 44–45 об.
[45] Автограф см.: Л. 46–47 об.
[46] Автограф см.: Л. 48–49 об.
[47] Митяев Константин Георгиевич (1902–1969) – известный архивист, в то время доцент МГИА, написавший в условиях войны учебное пособие "Теория и практика архивного дела" (М., 1946).
[48] Автограф см.: Л. 53–53 об.
[49] Автограф см.: Л. 54–55 об.
[50] Автограф см.: Л. 57–57 об.
[51] Местонахождение письма неизвестно.
[52] Кафтанов Сергей Васильевич (1905–1978) – министр высшего образования СССР с 1946 до 1951 г.; Столетов Всеволод Николаевич (1906/07–1989) – в 1951–1953 гг.
[53] Автограф см.: Л. 60–60 об.
[54] Местонахождение письма неизвестно.
[55] Автограф см.: Л. 51–52 об.
[56, 57] Местонахождение письма неизвестно.
[58] Автограф см.: Л. 57–57 об.
[59] Датируется 1 или 2 января (штемпель на части конверта – 2.I.54 (Л. 63; письмо с датой "1/1954" Л. 61–62 об).
[60] Там же.
[61] Автограф см.: Л. 42–43 об. Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) – академик АН СССР (1943), возглавлял Наркомпрос РСФСР с 1940 г.
[62] Предтеченский Анатолий Васильевич (1893–1966) – историк, профессор ЛГУ.
[63] Автограф см.: Л. 54–55 об.
[64] Цитируется январское письмо 1954 г.
[65] Цитата из пространной "Надгробной надписи над В. Тредьяковским" (сообщено Н.Д. Кочетковой).

inslav

ОБ АВТОБИОГРАФИЯХ И.Л. МАЯКОВСКОГО 1935 и 1943 г.

Публикуемые автобиографии выдающегося отечественного историка и теоретика архивного дела И.Л. Маяковского требуют предварительного решения нескольких взаимосвязанных проблем методологического характера: определить источниковедческую ценность выявленных документов; уяснить степень достоверности сообщаемых сведений путем их проверки по другим источникам аналогичной информации; и, наконец, выводы из сравнительного анализа должны быть вписаны в контекст уже имеющихся описаний жизненного и научного пути автора своей биографии.

Задача во многом облегчается тем, что в нашей работе «"Неизвестный" Маяковский» (М., 2001) уже опубликованы несколько документальных источников, относящихся к периоду составления автором обеих автобиографий – и 1935 г., и 1943 г. В ней подробно обрисована драматическая обстановка, сложившаяся вокруг ученого в указанные периоды его жизни и деятельности. Уместно напомнить только одно: были дни, когда доведенный до отчаяния, уволенный отовсюду и ожидавший ареста, Маяковский подумывал о самоубийстве. Он спасся чудом, и до конца жизни считал своим долгом благодарить органы власти за дарованную ему возможность жить и работать. Правда, как теоретик и активный участник современного отечественного архивного дела, он окончил свое существование именно в конце 1930-х годов, полностью переключившись на историю архивов зарубежных стран и архивов дореволюционной России. Таков был выбор, сделанный ученым, и не нам судить его за это.

Приведенные документы позволяют уточнить ряд обстоятельств, которые носят принципиальный характер.

Прежде всего, не следует упускать из виду, что автобиографии советского периода носят весьма специфический характер. Они адресованы отделу кадров или другому аналогичному подразделению официального ведомства (учреждения) и, как правило, являются дополнительным автокомментарием к заполненной анкете установленного образца. Чиновник, к которому поступает комплект анкеты и автобиографии, обязан сличить оба текста и выявить их соответствие по датам и по содержанию представленных сведений. В случае несовпадения или противоречия в документах они корректируются либо в личной беседе с составителем, либо же вердикт о дальнейшей судьбе составителя выносится представителями "компетентных" кадровых органов в одностороннем порядке. В советское время об этом знал каждый, кто заполнял анкету и соответствующую автобиографию. Знал об этом и Маяковский.

Публикуемые варианты сохранились в делопроизводственных архивах тех учреждений, в которых в соответствующие периоды времени работал И.Л. Маяковский. Специфика официальных анкет, автобиографий, выписок из приказов по учреждению и т.п. документации состоит в том, что они вкладываются в именные личные дела и хранятся здесь в течение 75 лет, не поступая в государственные архивохранилища, открытые для историков-исследователей, поскольку сохраняют характер источника справочно-учетной документальной информации.

Эти предварительные замечания необходимо иметь в виду при оценке достоверности и полноты изложенных в автобиографиях сведений.

Автобиография Маяковского 1935 г. носит "оправдательный" характер. Зная уже о катастрофических последствиях так называемого "академического дела" и других аналогичных политических процессах, завершившихся мас-

inslav

совыми арестами ученых в начале 1930-х годов, он изо всех сил стремится привлечь внимание "проверяющего" к своей общественно-политической деятельности. Он акцентирует внимание на деятельности в студенческом обществе, где в 1905 г. вел "кружок по истории социализма", а затем подробно перечисляет тематику своих лекций по истории классовой борьбы, рабочего и революционного движения для слушателей и преподавателей в "Коммунистическом университете имени товарища И.В. Сталина" (в подлиннике название дается без аббревиатур и сокращений), в Военно-хозяйственной академии (ВХА) и Военно-Морском училище (ВМУ).

В автобиографии, датированной 1943 г., период с 1921 по 1934 г., т.е. годы преподавания в ВМУ им. Фрунзе и в ВХА, Маяковский относит к действительной военной службе в Рабоче-Крестьянской Красной армии (с обозначением в скобках названия последнего места службы – "зав. кафедрой истории классовой борьбы").

Напомним еще раз: с сегодняшней точки зрения для многих из нас, воспитанных на ставших классическими трудах И.Л. Маяковского по истории и теории отечественного и зарубежного архивного дела, эти акценты в текстах автобиографий могут показаться странными. Но ведь они адресованы не нам, а безымянному чиновнику из кадровых органов, который должен оценить в первую очередь не профессиональную компетентность автора общепризнанных научных трудов, а его политическую лояльность и степень активности в общественной жизни (например, указанную в автобиографии 1935 г. "работу по внедрению марксистско-ленинской теории в рабочие массы", а в 1943 г. – участие в выпуске многотиражной газеты).

Внимательный читатель обеих автобиографий сможет самостоятельно выявить ряд других акцентов, продиктованных обстоятельствами "внешнего" характера.

На этом фоне очень важными являются отличия в предоставляемых автором автобиографий сведениях, исчезающие в одном варианте и появляющиеся в другом. Так, принципиальный характер носит следующее указание И.Л. Маяковского в 1935 г.: "После февральской революции я участвовал в организации профессионального Союза архивных работников... Во время этой работы я был привлечен М.Н. Покровским и З.Г. Гринбергом к разработке проекта учреждения Главного Архивного Управления"... Дело в том, что уже к 1929 г. большинство членов Союза российских архивных деятелей (РАД) (так звучит точное название упомянутой Маяковским организации) были "вычищены" из петроградских (позднее – ленинградских) архивов, причем, многие из них подвергнуты аресту. Ни в одном из известных нам списков участников, а тем более – организаторов Союза РАД, Маяковский не значится. Думается, что здесь кроется какая-то проблема, которая заслуживает более подробного исследования. Обращает на себя также упоминание Маяковским имен М.Н. Покровского и З.Г. Гринберга. Понятно, чем продиктовано упоминание имени Покровского – назвать имя уже отстраненного от власти и подвергнутого репрессиям Д.Б. Рязанова (1870–1938), который на самом деле стоял у истоков образования Главного управления архивным делом в первые послереволюционные года, Маяковский в 1935 г. не мог. Но вот упоминание имени З.Г. Гринберга – помощника по вопросам культуры всесильного главы Петрограда после революции Г.Е. Зиновьева – чрезвычайно характерно. Позже ни в одной из анкет и автобиографий Маяковского оно не встретится. О трагической судьбе З.Г. Гринберга на Лубянке по послевоенному "делу Еврейского антифашистского комитета", некоторые отрывочные све-

inslav

дения можно найти разве что в документальной повести А. Борщаговского "Обвиняется кровь" (М., 1994. С. 12, 43–45, 90). Но до сих пор ни в книге, ни в работах историко-архивоведческого жанра об участии Гринберга в организации спасения архивов Петрограда и сплочении архивных работников России, насколько нам известно, не было сказано ни слова. Тем более интересен факт его участия в судьбе Маяковского, документально подтвержденный в автобиографии.

Находит подтверждение и факт пересечения судеб И.Л. Маяковского и Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970), который известен прежде всего как литературовед. Его совместная с Маяковским деятельность на архивном поприще, особенно в южных районах России, а также факт привлечения им к историческому литературоведению Маяковского в специальной литературе также, насколько нам известно, не был исследован. Отметим, что вскоре после написания Маяковским автобиографии 1935 г. Оксман будет арестован в первый раз, а затем аресты и увольнения будут следовать один за другим на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до конца 1960-х годов. Тем не менее он, как и Маяковский, выживет и даже переживет многих своих соратников и сверстников.

В заключение необходимо обратить внимание читателей на специфический пассаж в автобиографии 1943 г., посвященный ожесточенной самокритике автором его ошибочных публикаций в журнале "Краеведение". С сегодняшней точки зрения, именно эти и аналогичные им публикации середины и конца 1920-х годов составляют вершину архивоведческого творчества Маяковского. Вкратце его идея сводилась к тому, чтобы собирание и хранение документальных ценностей превратить во всенародное дело, чтобы архивы создавались как государственными, так и общественными организациями и даже частными лицами. Эти призывы были заклеймлены как попытки навязать "НАП" ("новую архивную политику"), подорвать социалистические устои хозяйства, поддержать враждебные вылазки классового врага, пособника кулака и частника и т.д.

В автобиографии 1935 г. Маяковский, естественно, ничего не пишет об этом. В списки своих работ он не включает злополучных выступлений в краеведческих органах печати. В автобиографии 1943 г. он вынужден упомянуть о них, поскольку она представлена в связи с присвоением ему докторской степени, и комплект крамольных журналов разгромленного Центрального бюро краеведения мог оказаться в поле зрения оппонентов. Маяковский делает упреждающий шаг, и в автобиографии предвосхищает критические выпады в свой адрес. Правда, публикацию статьи в "Краеведении" он почему-то смещает на год, датируя ее 1928 г., хотя на самом деле речь идет о статье 1927 г. Аналогичные самоосуждения он затем делал неоднократно и в печатных статьях, демонстрируя классовое чутье по поводу себя самого намного грамотнее и по-своему убедительнее, чем это делали его противники.

К сожалению, именно статьи периода 1920-х годов с тех пор так и не переиздавались. Впрочем, в личном фонде И.Л. Маяковского (ЦМАМЛС. Ф. 110) исследователей еще ждут драгоценные россыпи неопубликованных рукописей ученого – первопроходца на пути создания гуманитарного (исторического) архивоведения, новой науки, которая складывается, по существу, только сегодня.

Т.И. Хорхордина

inslav

Автобиография Маяковского Ильи Лукича

Я родился в с. Новопавловске б. Екатеринославской губернии в семье сельского дьякона, в 1878 году. На девятом году я осиротел и был определен церковным опекуном в Екатеринославское духовное училище. По окончании училища был переведен в Екатеринославскую духовную семинарию, где окончил полный курс в 1899 г.

Высшее образование получил в б. Петербургском Историко-филологическом институте, который окончил в 1903 году по историческому и классическому отделениям со званием преподавателя гимназий и со степенью кандидата университета.

Моя педагогическая и научная деятельность началась с 1 августа 1903 г. преподавателем мужской гимназии гор. Ананьева, б. Херсонской губ. В 1904 г. я был переведен в Одессу, где, кроме преподавания в ряде мужских и женских гимназий, вел научно-методическую работу на Высших курсах по подготовке преподавателей для средней школы – в качестве директора и руководителя по истории и географии. Готовясь под руководством профессора И.А. Линниченко[1] к магистерскому экзамену, я работал в архивах Новороссийского ген.-губ., Одесского градоначальника, Новороссийского университета, попечителя учебного округа и первой (Ришельевской) гимназии, собирая материалы для диссертации о Ришельевском лицее и о просвещении на юге России. Одновременно был постоянным членом Научного общества при историко-филологическом факультете университета.

Во время буржуазно-демократической революции 1905 г. я организовал среди учащихся гимназий научный кружок по истории революционного движения, участвовал в организации учительского союза и выступал в качестве лектора в Одесском обществе распространения технических знаний. В годы реакции я своим влиянием удержал учащихся одного из старших классов первой гимназии от участия в похоронах крупного черносотенца, демонстративно устроенных одесскими черносотенными организациями. За это я подвергся травле реакционной части родителей учащихся, доносам в учебный округ и негласному надзору со стороны последнего. Тогда я вышел в отставку и в начале 1913 г. переехал в б. Петербург, где, кроме преподавания в учебных заведениях, работал над собиранием материалов для вышеназванной темы в архивах Мин.проса и Петербургского университета и был приглашен в состав Комиссии по научному описанию архива Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения]. В результате архивных изысканий я написал две части "Истории Ришельевского лицея[2]" (остаются в рукописи), подготовки* ряда вводных очерков и научных описаний фондов архива Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] (вошли и 1 том "Описания", вышедший в 1917 г.)[3], редактировал два следующих тома и, совместно с архивистом А.С. Николаевым подготовил три тома документов по истории Петербургского ун-та[4], первый том которых вышел в 1919 г. В 1916–1917 гг. я исследовал в архивах Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения], Мин[истерства] финансов и Московского приказа общественного призрения материалы для статьи "Ларин и даринский капитал" (из истории Петербургской публичной библиотеки), напечатанной в журнале Мин[истерства] нар[одного] просв[ещения] за 1917 г.[5] В том же году летом я был командирован в Москву для изучения в основных московских архивах постановки описательных работ.

Когда после Октябрьской социалистической революции в б. Петрограде был создан Временный комитет по управлению архивами, покинутыми царскими чиновниками, я был привлечен для участия в разработке проекта реорганизации архивного дела. Когда декретом В.И. Ленина 1 июня 1918 г. был создан Единый Гос[ударственный] архивный фонд и для заведования им было учреждено Главное управление архивным делом, преобразованное впоследствии в Центрархив. Я состоял в их Ленинградском отделении последовательно ученым секретарем научно-технического отдела, заведующим того же отдела, членом коллегии и ученым консультантом до 1927 г.

В 1919 г.[6] я участвовал в организации при Петроградском Археологическом институте Архивных курсов и преподавал в них историю архивного дела. В результате преподавания мною был написан "Исторический очерк архивного дела в России", изданный в 1920 г.[7] Ленинградским отделением Главархива. Курсы явились зерном, из которого вырос в 1921 г. архивно-археологический факультет Археологического института, которым я был избран сначала в качестве преподавателя, а затем профессора по "Истории архивного дела в России и на Западе".

---

* *Так в тексте. Должно быть*: подготовил.

inslav

В 1918 и 1919 гг. я был два раза командирован Главархивом, по соглашению с Наркомпросом Союза коммун Сев[ерной] области, в Петрозаводск, Вологду и Череповец для популяризации архивного дела в провинции. В те же годы я неоднократно командировался в качестве докладчика на архивные конференции и съезды, а также на провинциальные археологические съезды (в Москву, б. Тверь и др.). В 1920 г. я был командирован для организации Одесского обл[астного] архивного управления, где я провел централизацию и концентрацию местных архивов.

Со слиянием в 1922 г. Археологического института с Университетом, я был включен в состав его факультета сначала общественных наук, а затем языкознания и материальной культуры профессором истории архивного дела на архивно-археологическом отделении.

В конце 1929 г., в связи с подготовкой открытия в Москве Историко-архивного института, архивно-археографическое отделение Лен[инградского] ун-та было ликвидировано, и я был приглашен в Ленинградский Коммунистический ун-т имени И.В. Сталина для чтения курса по истории Запада на его вечернем отделении, где я работал по 1934 г., когда вечернее отделение было упразднено.

В 1928 г. мною была допущена в печати ошибка в отношении централизации архивного дела, именно: в журнале "Краеведение" в своей статье "Архивы как одна из областей краеведческой работы"[8] я высказался за предоставление краеведческим организациям права не только собирать, но и хранить архивные материалы. Вскоре я полностью осознал свою ошибку и вновь был привлекаем на работу по своей архивной специальности: с 1930 г. я вел в Ленинградском Истпрофе семинары по архивоведению для научных работников; с 1934 по 1936 г. состоял сначала помощником заведующего, а затем заведующим Рукописным отделением Института литературы АН СССР.

С 1937 г. по 1941 г. включительно я последовательно состоял: ученым консультантом Ленинградского областного управления архивным делом и преподавателем функционировавших при нем Архивных курсов; старшим инспектором ленинградских центральных государственных архивов; с переходом последних в ведение НКВД СССР – ученым консультантом Архивного отдела Управления НКВД по Ленинградской области; преподавателем истории архивного дела в Ленинградской историко-архивной школе, а по преобразовании ее в Историко-архивный техникум Управления гос[ударственными] архивами НКВД СССР – преподавателем той же дисциплины и истории гос[ударственных] учреждений.

Одновременно с перечисленной педагогической, организационной и научной работой, я прослужил в Рабоче-Крестьянской Армии 13 лет (1921–1934 гг.) на действительной военной службе в Высшем Военно-Морском училище имени М.В. Фрунзе (последняя должность – зав[едующий] кафедрой истории кл[ассовой] борьбы) и в Военно-хозяйственной академии – преподавателем истории рев[олюционного] движения с 1922 по 1925 г. включительно, и за выслугу лет получаю пенсию по Наркомату Военно-Морского флота СССР (пенсионная книжка 0043).

В порядке общественной работы я вел антирелигиозную пропаганду, неоднократно состоял членом ревизионных комиссии, членом товарищеского суда, постоянным сотрудником стенгазет, а также многотиражной газеты Военно-морского училища "Фрунзовец"; кроме того, по секции научных работников я вел научную консультацию для научных работников ленинградских центральных и областных гос[ударственных] архивов.

В 1942 г., по распоряжению Управления гос[ударственных] архивов НКВД СССР, я был эвакуирован из Ленинграда в Москву и был назначен на должность зав[едующего] кабинетом архивоведения Московского историко-архивного института, в каковой должности и состою по настоящее время. 9 июня 1943 г. Московским ордена Ленина гос[ударственным] университетом имени Ломоносова, по защите диссертации "Очерки по истории архивного дела в СССР" мне присуждена ученая степень доктора исторических наук.

И. Маяковский

14. 06. 1943 г.

Архив ИАИ РГГУ. Личный состав. Д. 426. Л. 4–7. Копия.

inslav

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, историограф, архивовед. В 1896–1919 гг. – профессор Новороссийского императорского университета (Одесса). В 1919–1926 гг. – профессор Симферопольского университета.

[2] Ришельевский лицей: Исследование по истории образования // ЦМАМЛС. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. 227 л.; Краткий очерк истории родительского комитета Ришельевской гимназии // Там же. Д. 37. 9 л.

[3] Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917.

[4] С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: 1819–1989: Материалы по истории С.-Петербургского университета / Совм. с А.С. Николаевым. Пг., 1919.

[5] Ларин и ларинский капитал // ЖМНП. 1917. № 9. С. 61–100; № 10. С. 125–138.

[6] Так в тексте. На самом деле И.Л. Маяковский участвовал в создании Архивных курсов при ПАИ в 1918 г.

[7] Исторический очерк архивного дела в России: Лекции, читанные слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Пг., 1920. Вып. 2. 175 с.

[8] Архивы как одна из областей краеведческой работы // Краеведение. 1927. № 1. С. 47–62. И.Л. Маяковский ошибочно указал 1928 г.

inslav

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2003 ГОДУ

16 января в Институте славяноведения РАН состоялась презентация "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии" (XIV век. Вып. I. 766 с. Тираж 1200 экз.), содержащего детальное научное описание 488 рукописей и их фрагментов, а также дополнения и уточнения к ранее изданному Сводному каталогу рукописей XI–XIII веков. Книга, снабженная подробными указателями, выпущена издательством "Индрик"[1].

3 апреля в Зале заседаний Института археологии РАН была проведена научная конференция, посвященная 70-летию со времени кончины академика С.Ф. Платонова, возглавлявшего в 1918–1929 гг. Археографическую комиссию. Были заслушаны выступления и сообщения С.М. Каштанова, С.О. Шмидта "Издание научного наследия С.Ф. Платонова", С.В. Чиркова "С.Ф. Платонов – археограф", П.А. Трибунского (Рязань) совместно с А.В. Макушиным (Воронеж) "С.Ф. Платонов и П.Н. Милюков по материалам переписки", А.В. Мельникова "Воспоминания С.Ф. Платонова об архивной реформе". Некоторые из запланированных выступлений не состоялись. Итоги конференции в расширенном варианте (включая и материалы, поступившие в редакцию позднее) представленные статьями и обзорами архивных документов о С.Ф. Платонове, публикация его трудов и библиографии и составили отдельное Приложение к настоящему тому "Археологического ежегодника".

26 июня в Санкт-Петербурге состоялись традиционные ежегодные "Тихомировские чтения", организованные совместно с Санкт-Петербургским институтом истории РАН в связи с празднованием 300-летия города и посвященные теме: "Вклад Санкт-Петербурга в развитие отечественной археографии". Доклады Р.Ш. Ганелина, В.Г. Чернухи, Т.Г. Ивановой публикуются в настоящем Ежегоднике[2].

3 июля состоялась презентация книги В.А. Черных "Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой" (Ч. IV: 1946–1956), организованная издательством "Индрик". В.А. Черных рассказал о подготовке настоящего выпуска летописи, охватывающего самый трагический период жизни Ахматовой, охарактеризовал круг использованных источников. Директор издательства К.А. Вах и редактор С.П. Григоренко выступили с предположением по завершении работы над последним V выпуском "Летописи" подготовить второе, дополненное и исправленное издание в виде одного тома.

18 декабря состоялась научная конференция "Архив Российской академии наук и развитие научных исследований в Академии наук. К 275-летию Архива РАН". Конференция была организована Архивом РАН совместно с Археографической комиссией и Институтом истории естествознания и техники РАН. Вступительное слово произнес почетный председатель Археографической комиссии С.О. Шмидт, охарактеризовавший высокое научное и культурное значение деятельности Архива и историю многолетнего плодотворного взаимодействия Архива и Археографической комиссии. С программным докладом "О перспективных направлениях развития Архива РАН" выступил директор АРАН В.Ю. Афиани[3].

Почетному председателю комиссии академику РАО С.О. Шмидту присуждена специальная Макарьевская премия за труд

---

[1] См. также наст. изд. С. 384–385.

[2] См. наст. изд. С. 195–208.

[3] Доклад В.Ю. Афиани и хроника заседания публикуются в наст. изд. (С. 3–11; 385–401).

inslav

"История Москвы и проблемы москвоведения", совокупность работ по истории России и Москвы и выдающийся вклад в развитие отечественной исторической науки.

Б.Н. Морозов избран членом Международной генеалогической академии, Американской академии генеалогии и геральдики, Международного института генеалогии и истории семей.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Лицевой летописный свод XVI века: методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса / Отв. ред. С.О. Шмидт; Сост. В.В. Морозов (в соавторстве с Е.А. Белоконь и С.А. Морозовым). М.: РГГУ. 222 с. (18 п.л.). 1500 экз.

Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930. М.: Наука. 388 с. (29,1 п.л.). 1000 экз.

Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. IV: 1946–1956. М.: Индрик. 174 с. (11 п.л.). 800 экз.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СВОДНОГО КАТАЛОГА СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ XIV В.

14 января 2003 г. в Институте славяноведения РАН состоялась презентация первого выпуска "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии", вышедшего в свет в 2002 г. в издательстве "Индрик".

"Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в." (далее: СК XIV) представляет непосредственное продолжение "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР" (далее: СК XI–XIII), вышедшего в свет в 1984 г. Новое издание, которое в конечном результате будет состоять из трех выпусков и содержать описания приблизительно 1100 рукописей и их отрывков, включает материалы хранилищ того же региона, с учетом геополитических перемен, происшедших в 1991 г. В целях рационализации работы над большим массивом материала (новый каталог превосходит по числу номеров рукописей вышедший в 1984 г. почти в 2,5 раза) в СК XIV изменен принцип его организации. Если в СК XI–XIII описания были расположены по хронологическо-алфавитному принципу, то в новом справочнике – по алфавитно-хронологическому. Кроме того, в СК XIV заметно возросла подробность описания за счет воспроизведения (а не пересказа, как ранее) всех записей и раскрытия содержания. Вышедший в 2002 г. первый выпуск СК XIV включает описания 384 рукописей и их отрывков (от Апокалипсиса толкового до Летописи Лаврентьевской). Помимо этого, том содержит два приложения. Первое из них включает дополнения и уточнения (в том числе исправления датировок, порой весьма существенных) примерно к 100 описаниям справочника 1984 г.

Второе содержит описание 69 рукописей XII–XIII вв., по различным причинам не включенным в СК XI–XIII. Издание снабжено разветвленной системой указателей (17), облегчающих поиск необходимой информации.

Инициаторами презентации выступили редколлегия справочника и издательство "Индрик". В заседании приняли участие сотрудники Археографической комиссии, Отдела истории средних веков и филологических секторов Института славяноведения, работники московских древлехранилищ (ОР ГИМ, РГАДА, РГБ, НБ МГУ), многие из которых являются активными участниками работы над Сводным каталогом, а также представители РГНФ и сотрудники гуманитарных академических учреждений (Института археологии, Института всеобщей истории, Института искусствознания, Института мировой литературы, Института российской истории, Института русского языка), исторического и филологического факультетов МГУ, исторического факультета Новгородского университета, журнала "Древняя Русь. Вопросы медиевистики".

Заседание открыл директор Института славяноведения чл.-кор. РАН *В.К. Волков*. Во вступительном слове он особо отметил значение Сводного каталога для разработки фундаментальных проблем славяноведения в целом как междисциплинарной гуманитарной отрасли и для палеослависти-

inslav

ки, в частности. Выступавший затем почетный председатель Археографической комиссии, председатель редколлегии славяно-русской серии Сводного каталога, академик РАО *С.О. Шмидт* поделился с присутствующими воспоминаниями об истории замысла и реализации проекта этого фундаментального научно-справочного издания на протяжении более четырех десятилетий – от зарождения самой идеи и составления "Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв." (1966 г.). Особо подчеркнув заслугу в этом деле первого председателя Археографической комиссии академика М.Н. Тихомирова, выступившего инициатором создания серии всесоюзных сводных каталогов, организованных по принципу алфавитов, докладчик подробно осветил историю этого коллективного труда, осуществленного силами сотрудников крупнейших отечественных древлехранилищ при активном участии исследователей из академических институтов и вузов; координацию деятельности отдельных описателей и целых коллективов вела на протяжении всего этого времени Археографическая комиссия. Большое внимание в выступлении С.О. Шмидта было уделено также международному значению проекта, на разных стадиях послужившего образцом для инвентарей и сводных каталогов (разной степени подробности) славянских рукописей отдельных стран (Австрии, Болгарии, Греции (Афона), Дании, Великобритании и Ирландии, Словакии, ФРГ, Швейцарии, Югославии и др.), вышедших в свет в 1970–1990-х годах. То, что эти "дочерние" по отношению к СК справочники существенно опередили его по времени выхода, объясняется как небольшими по сравнению с Россией и СНГ объемами каталогизированных рукописных фондов, так и значительно меньшей степенью подробности описания. В 1980-е годы принципы и методика описания рукописей, принятые в СК, были положены в основу так и не осуществленного, к сожалению, проекта Международного центра изучения стран Балкан и Средиземноморья (CIBAL) по созданию Сводного каталога рукописей (в том числе славянских) балканского происхождения.

От редколлегии СК XIV *А.А. Турилов* в кратком выступлении рассказал о вышедшем первом выпуске справочника и о работе над двумя последующими, охарактеризовав его конкретное наполнение и основные отличия от СК XI–XIII в организации материала и степени подробности описательных статей. Участники заседания почтили память активных членов коллектива Каталога, ушедших из жизни в последние годы: А.А. Амосова, Л.П. Жуковской, О.П. Лихачевой, Н.Б. Тихомирова.

Затем выступили директор издательства "Индрик" *К.А. Вах* и его сотрудница, создатель оригинал-макета вышедшего тома *Л.А. Коробенко*. Первый из них охарактеризовал издательскую программу, посвященную палеославистике и палеорусистике, в которой присутствует специальная серия "Памятники древней письменности", посвященная изданию, исследованию и описанию славянских средневековых рукописных памятников. За последние годы издательством опубликованы такие важные в историческом и лингвистическом значении тексты и рукописи, как Саввина книга, Христианская топография Козмы Индикоплова, Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, Стоглав, Римский патерик, Мазуринская кормчая. В свою очередь Л.А. Коробенко сказала несколько слов о технических сложностях, возникавших в процессе подготовки рукописи СК XIV к изданию и о способах их решения.

Краткое выступление-реплика чл.-кор. РАН *Я.Н. Щапова* было посвящено важной теме проекта, параллельно осуществляемому Археографической комиссией – Сводному каталогу средневековых восточнославянских рукописей в хранилищах дальнего зарубежья, сбором материалов для которого исследователь занимается на протяжении многих лет.

Завершилась официальная часть презентации свободным обменом мнениями по поводу нового издания и работе над Сводным каталогом в целом.

НАУЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 275-ЛЕТИЮ АРХИВА РАН

18 декабря 2003 г. Археографическая комиссия РАН провела совместное заседание с Архивом РАН и Институтом истории естествознания и техники РАН, посвященное 275-летию Архива РАН.

От имени Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, в помещении которого проходила конференция, ее открыл и поздравил Архив РАН с юбилеем первый заместитель

inslav

директора Института *А.В. Постников*.

С большим вступительным словом выступил почетный председатель Археографической комиссии, академик РАО *С.О. Шмидт*. Он подчеркнул, что юбилей Архива РАН – большое событие в области науки и культуры не только всероссийского, но и международного значения. Знаменательно, что этому событию посвящено именно совместное заседание с Археографической комиссией. Такого рода заседания с крупнейшими научными учреждениями, в их числе архивами и музеями, – давняя традиция комиссии.

Архив РАН – одно из старейших академических учреждений. Он хранит ценнейшие документы по истории Академии, науки. В Архиве сформировались свои традиции работы с документами по истории науки, научных учреждений, с личными архивами ученых. Он был и остается методическим центром по вопросам хранения и изучения этих документов. На основании фондов Архива были написаны и изданы классические труды по истории самой Академии со времен ее основания. О значении, которое придавалось в Академии наук изучению фондов Архива, говорит тот факт, что авторы этих трудов в большинстве своем стали действительными членами Академии.

С.О. Шмидт отметил, что документы, хранящиеся в Архиве имеют не только научное, но и более широкое значение, поскольку академики в своей деятельности не ограничивались только научной сферой, и их позиция, выступления по различным проблемам общественно-политической жизни и культуры страны оказывали влияние на формирование общественного сознания.

Во главе Архива часто стояли ведущие отечественные архивисты, крупные ученые, начиная с первого академического архивариуса Г.Ф. Миллера. В советский период крупнейшим знатоком архивного дела был директор Архива АН СССР Г.А. Князев. Его работы по методике архивного дела важны для развития архивоведения в стране. Документы по истории Академии наук, хранившиеся в Архиве, продолжали и в советское время привлекать внимание крупных ученых. Можно назвать имена И.И. Любименко, А.И. Андреева и др.

Сейчас, в начале третьего тысячелетия, многое переосмысляется. Что отберет с собой новое тысячелетие? Хочется надеяться, что история науки, драматическая история самой Академии будут продолжать вызывать интерес у молодых поколений историков и архивистов, у тех, кто придет на смену нам.

Рубеж эпох всегда заставляет оглянуться на пройденный путь. 275 лет – столь значительная дата, что ставит задачу создания истории Архива РАН. История Библиотеки Академии наук написана. Но нет научной истории Архива РАН. Задача ее воссоздания может объединить многих ученых. В плане подготовки этой истории Архиву нужно продолжить интенсифицировать работу по составлению и публикации обзоров архивных фондов ученых, обзоров фондов научных учреждений, хранящихся в нем. Здесь имеется хороший пример. Целый том обзора фонда академика М.Н. Тихомирова, председателя возрожденной им Археографической комиссии, в свое время подготовленный и изданный совместно Архивом РАН и Археографической комиссией, стал отправной точкой многих дальнейших исследований и разысканий. Существенно то, что именно материалы АРАН – источниковая база такого престижного издания, как серия "Научное наследство".

Когда говорим об Архиве РАН, то подразумеваем и архивы учреждений РАН, деятельность некоторых из них, как в Пушкинском Доме, Санкт-Петербургском институте истории имеет всемирно признанные достижения. К сожалению, не во всех институтах РАН это понимают – так архив Института российской истории не ведет никакой научной работы и трудно доступен для читателей.

Еще одной перспективной задачей Архива может и должно стать выявление отдельных документов выдающихся ученых, чьи архивы хранятся и в АРАН, и в других хранилищах, для реконструкции архивов ученых. Такую работу недавно проделал А.В. Мельников, реконструировав архив академика М.М. Богословского, рассредоточенного между несколькими хранилищами. Эта же работа проведена и в отношении переписки академика С.Ф. Платонова, хранящейся в АРАН, ОР РНБ и во многих других архивах. Представляют интерес и архивы академических учреждений, чья документация тоже далеко не полностью сосредоточена в Архиве. Хороший пример подает давняя работа Отдела рукописей РГБ, подготовившего под руководством С.В. Житомирской справочник по хранящимся в отделе воспоминаниям. В фондах ученых час-

inslav

то хранятся воспоминания, о которых многие исследователи не знают. Обзор воспоминаний, дневников из Архива РАН многое дал бы для разработки тем, особенно привлекающих внимание исследователей, – о повседневной жизни науки, о личных связях ученых, игравших значимую роль в науке и общественной жизни. В личных фондах ученых часто хранятся фотографии, охватывающие широкий круг лиц, представляющие интерес для исследователей разного профиля. Нужно подумать, как ввести информацию об этом виде источника в широкий научный оборот.

Полагал бы, что именно Архив РАН и Институт истории естествознания и техники должны быть главными соучастниками в составлении и реализации предлагаемого Археографической комиссией проекта продолжения работы над "Биобиблиографическим словарем членов РАН". В готовившемся в канун Первой мировой войны двухтомном словаре – данные об академиках только времени президентства великого князя Константина Константиновича. Теперь желательно подготовить словарь за весь XX век.

Архив должен продолжить свою работу как методический центр не только для академических учреждений и хранилищ. Было бы важно, чтобы ряд заинтересованных учреждений, при активном участии Архива, создал методические рекомендации о том, как собирать и как изучать архивы научных учреждений, научных обществ, личные фонды ученых.

Сейчас активно развивается краеведение, многие научные центры участвуют в этой работе. Центром организации краеведов в 1920-е годы была Академия наук, важно использовать материалы Архива РАН в плане изучения и истории краеведения.

В заключении С.О. Шмидт высказал уверенность в том, что новый директор Архива РАН В.Ю. Афиани, его ученик, со студенческой скамьи начавший приобретать опыт работы с различными видами источников – личными документами (фондом Ф.И. Буслаева), материалами по искусству, журнальными публикациями исторических документов в XVIII–XIX вв., документами новейшего времени, имеющий большой археографический опыт – от издания "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина до еще недавно секретных документов ЦК КПСС 1950–1980-х годов, использует этот опыт с большой пользой для Архива РАН. С.О. Шмидт пожелал, чтобы совместные научные заседания Археографической комиссии и Архива РАН стали традицией и вышли на новый уровень.

С докладом об истории создания, деятельности и перспективах развития Архива РАН выступил его директор *В.Ю. Афиани*[1].

Академик *В.С. Мясников* в докладе «Архив РАН и деятельность редколлегии "Научное наследство"» подвел некоторые итоги той большой работы, которая в значительной степени проводилась и проводится на базе творческого наследия ученых, сосредоточенного в фондах Архива РАН. Редколлегия серии "Научное наследство", созданная по инициативе академиков В.Л. Комарова и С.И. Вавилова, издала первый том еще в 1948 г. "Научное наследство" было и остается единственной в стране фундаментальной серией, предназначенной для публикации источников и неизданных исследований по истории науки. Научные произведения, дневники, воспоминания, переписка – все это входит в многотомное собрание книг. С 1987 г. вышел 21 том серии, посвященный научному наследию крупнейших ученых – биологу, генетику Н.И. Вавилову, математику Н.И. Лобачевскому, химику А.М. Бутлерову, историку и географу В.Н. Татищеву, химику Д.И. Менделееву, физиологу Л.А. Орбели, ученому-энциклопедисту П.А. Кропоткину и др.

В состав редколлегии серии всегда входили выдающиеся ученые. До недавнего времени историческую науку в ней представляли академики Б.Б. Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин, И.Д. Ковальченко. Сейчас в состав редколлегии входят такие ученые, как вице-президент академик Н.А. Платэ, академики И.М. Макаров, Ю.В. Прохоров, Б.С. Соколов, чл.-кор. Л.П. Рысин, академик РАО С.О. Шмидт и другие известные ученые.

Первые тома серии выходили под грифом Института истории естествознания (Института истории естествознания и техники), был период, когда редколлегия работала в составе Архива АН СССР. И сейчас редколлегия сохраняет самые тесные связи с Архивом, и территориально, и в научном плане.

Серия "Научное наследство", по определению директора Академиздатцентра "Наука" РАН В.И. Васильева, общеакадемическая, научная и элитарная, охватывающая и

[1] См. статью В.Ю. Афиани в наст. изд. (С. 3–11).

inslav

отечественную и мировую науку, она адресована особому читателю – специалисту. О ее значимости говорит и тот факт, что издание очередных томов серии продолжалось даже в периоды тяжелейшего кризиса в стране, недостаточного финансирования Академии, в 1991–1993 гг.

В.С. Мясников подчеркнул, что публикаторская деятельность редколлегии приумножает исторические и естественнонаучные знания, а изданные архивные материалы входят в золотой фонд отечественной и мировой истории науки и культуры и в этом ей помогает Архив РАН.

Директор СПб ФА РАН *И.В. Тункина* выступила с докладом "Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Из опыта работы по дигитализации уникальных архивных документов".

Доклад сопровождался показом электронных копий некоторых особо ценных архивных материалов Архива РАН XV–XX вв. в программе Power Point. Среди представленных образцов оцифрованных уникальных документов были рукописи немецких астрономов Регеомонтана и Иоганна Кеплера; письмо И.Ньютона к А.Д. Меншикову с уведомлением об избрании генерал-губернатора Петербурга членом Лондонского королевского общества (1714); акварели немецко-голландской художницы Марии Сибиллы Мериан, приобретенные Петром I в Голландии (1717); нереализованный архитектурный проект – генеральный план Санкт-Петербурга французского архитектора Ж.Б. Леблона (1717); объявление о первом публичном собрании и первый протокол Конференции (Общего собрания) РАН (1725); приказ первого президента Л. Блюментроста об определении к Архиву студента академической гимназии Г.Ф. Миллера от 6 января (ст. ст.) 1728 г. (первый документ с упоминанием Архива РАН); Коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны 1742 г.; письмо И. Канта к Л. Эйлеру (1749); жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны М.В. Ломоносову на землю в Усть-Рудице (1756); рисунки экспонатов Кунсткамеры XVIII в.; силуэтные портреты академиков работы немецкого художника Ф. Антинга (1784); Регламент и Штат Академии наук 1803 г. за подписью императора Александра I; Нобелевский диплом И.П. Павлова 1904 г. и др.

Оцифровка представляется, по мнению И.В. Тункиной, на сегодняшний день наилучшим средством копирования архивных документов. По заключению специалистов Лаборатории консервации и реставрации документов Архива РАН, любое ксерокопирование разрушает текст и бумагу, сокращая жизнь подлинному документу до 100 лет, в зависимости от качества бумаги. Оцифровка позволяет создать электронную копию, воспроизводящую мельчайшие особенности подлинника. При хорошем разрешении цифрового копирования или сканирования видны водяные знаки и структура бумажного волокна. В современных условиях оцифрованные копии документов находят широкое использование, например, зачастую цветные копии документов с успехом заменяют особо ценные подлинники на выставках. Оцифровка рукописей проводится в Архиве с конца 2001 г., но из-за недостаточного бюджетного финансирования создание страхового фонда и фонда использования, формирование банка электронных копий документов происходит только в связи с запросами читателей на копирование документов и с публикаторской и выставочной деятельностью архива.

В докладе заместителя директора Института истории естествознания и техники РАН *С.С. Илизарова* "Архив Санкт-Петербургской академии наук и первые опыты написания ее истории" рассматривалась тесная взаимосвязь процесса формирования архива с задачами разработки истории самой Академии наук. Однако дальнейшая связь академического архива и историков Академии наук остается почти не изученной.

Докладчик подчеркнул, что тема истории Академии наук является доминантой развития в России историко-научной мысли. С самого начала своего существования Санкт-Петербургская академия была весьма озабочена идеей сохранения документов, связанных с процессом создания Академии и написания ее истории. В выступлениях академиков Г. Бильфингера (1725), Я. Германа (1726), Г.Ф. Миллера (1732), Хр. Гольдбаха (1735) и других была сформулирована общая исследовательская программа изучения собственной истории (истории нового, впервые созданного учреждения, призванного способствовать развитию культуры и науки в России).

На исходе первого десятилетия существования, в 1735 г., в одном из исследовательских проектов выдвигалось предложение о составлении истории Академии, в том числе рассматривались источники инфор-

inslav

мации, включая архивные, обращалось особое внимание на необходимость интервьюирования ряда непосредственных участников создания этого высшего научного учреждения Российской Империи.

В очерке И.Д. Шумахера, посвященном истории Академии наук, открывающим изданную в 1741 г. книгу "Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры которых представлены планы, фасады и профили...", были впервые использованы архивные документы.

Докладчик выдвинул положение, согласно которому с самого начала при глубокой внутренней мотивации необходимости изучения истории Академии, другим внешним импульсом к написанию этой истории послужили памятные даты: 10-летие, 15-летие и т.д.

50-летний юбилей Академии наук (1775/76) инициировал большой проект, выполнять который пришлось академику Г.Ф. Миллеру. Его незавершенный труд увидел свет лишь спустя столетие – в 1890 г. – как 6-й том "Материалов к истории Академии наук", опубликованный на немецком языке.

Автор доклада подробно остановился на вопросе "Г.Ф. Миллер и академический архив", являющемся частью более общей темы "Миллер и архивы". Второй аспект "Г.Ф. Миллер – историк Академии наук" – часть более общей темы "Г.Ф. Миллер – историк науки". Обе темы почти не изучены, а важнейшая часть историко-научного наследия Миллера вовсе не исследована.

С.С. Илизаров отметил, что Г.Ф. Миллер, принимавший непосредственное участие в создании академического архива, был также и первым историком архива Конференции Академии наук. В вводной части своей академической "Истории..." он дал подробную общую характеристику этого архивного собрания, рассмотрел основные виды документов, состав, сохранность и особенности каждой из групп документов.

Что касается собственно истории Академии наук, то Г.Ф. Миллер использовал весь возможный корпус источников, включая документы академического архива, собственного архивного собрания и ресурсы своей памяти, которая сохраняла основные линии и детали полувековой истории, непосредственным и деятельным участником которой был он сам. Это позволило создать уникальный труд, в котором были сплавлены данные исторических источников и воспоминания, проложивший пути изучения истории Академии наук, которыми шли вслед за Миллером все исследователи – от П.П. Пекарского до наших дней.

Н.М. Осипова (Отдел документной информации АРАН) выступила с сообщением "Архив Академии наук в 1917–1941 гг.", в основе которого – исследование, выполненное в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН "Общественный потенциал истории".

В начале XX столетия в судьбе Архива произошли важные изменения. 11 июля 1917 г. постановлением Временного правительства бывшая Императорская Академия наук была переименована в Российскую Академию наук. 2 декабря 1922 г. Общее собрание Академии наук повысило статус Архива Конференции Академии, постановив объединить на его основе три существовавших отдельно архива Академии: Архив Конференции, Архив Правления и Архив Отделения русского языка и словесности. Архив Конференции был переименован в Архив Российской Академии наук.

17 февраля 1925 г. СНК РСФСР принял решение о признании Архива Академии наук научным учреждением, который после постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. о преобразовании Российской Академии наук во Всесоюзную, соответственно стал называться Архивом Академии наук СССР. Только с 1 октября 1925 г. началось фактическое объединение архивов академических учреждений в общий Архив Академии наук СССР. В 1933 г. Архивом был выпущен первый советский путеводитель по архивам – "Труды Архива. Выпуск 1: Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов".

В связи с переездом Академии наук в Москву постановлением Президиума АН СССР от 25 сентября 1935 г. было организовано Московское отделение Архива. 29 апреля 1936 г. Отделение фактически начало свою работу. В 1937 г. в Архиве был образован Ученый совет.

К началу войны в Архиве сосредоточился бесценный комплекс документов, отражавший историю отечественной науки, находящийся в упорядоченном состоянии, оснащенный научным поисковым аппаратом и готовый к использованию. Этот комплекс документов был сохранен сотрудниками Архива в военный период и в настоящее время активно используется учеными.

К 1941 г. Архив Академии наук трансформировался из обслуживающего учреж-

inslav

дения в научное учреждение Академии, где велась не только деятельность архивного плана, но и проводились совместно с учеными Академии научные исследования, в частности, разрабатывалась теория архивоведения и проводилась апробация теоретических разработок в практической плоскости на базе Архива.

Таким образом, был генерирован научный тип архива, опыт создания которого является ценным источником для формирования архивов такого рода.

В выступлении *И.Е. Розановой* (Отдел истории АРАН) "Развитие учреждений физико-математического профиля в Академии наук СССР. 1917–1992 гг. (в документах Архива РАН)" говорилось, что на протяжении нескольких лет в Архиве РАН ведется изучение, систематизация большого комплекса документов по истории учреждений АН СССР. Результатом этой работы должно стать справочное издание "История учреждений АН СССР. 1917–1992 гг. (институты)" – первая в отечественной литературе научно-справочная работа, посвященная истории создания, формирования, реорганизации и основным направлениям деятельности институтов АН СССР. Подготовка справочника носит исследовательский характер.

Выбор темы справочника определен тем, что академические институты – наиболее массовая и динамично развивающаяся форма организации научных исследований. Хронологические рамки справочника охватывают весь период существования АН СССР, начиная с возникновения первых академических институтов в 1917 г. до реорганизации АН СССР в РАН в 1991 г., частично захватившей и начало 1992 г.

Источниковой базой являются архивные фонды институтов, а также распорядительные документы Президиума АН СССР, отложившиеся в Архиве РАН и обладающие большим информационно-поисковым значением.

Первая часть справочника содержит историю создания, обзор деятельности и сведения о персональном составе всех институтов (81), входивших в состав 12 отделений АН СССР, которые занимались проблемами физики, математики, астрономии, техники, энергетики, информатики: ОИВТА – Отделения информатики, вычислительной техники и автоматизации; ОМ – Отделения математики; ОМЕН – Отделения математических и естественных наук; ОМПУ – Отделения механики и процессов управления; ООПФ – Отделения общей и прикладной физики; ООФА – Отделения общей физики и астрономии; ОПММПУ – Отделения проблем машиностроения, механики и процессов управления; ОТН (ОЕН) – Отделения технических наук; ОФМН – Отделения физико-математических наук; ОФТПЭ – Отделения физико-технических проблем энергетики; ОЯФ – Отделения ядерной физики.

Справочник построен не по хронологическому принципу, а в виде энциклопедического словаря, где за основу систематизации взято название института. Наиболее употребляемое название каждого института служит заголовком отдельной статьи. Обязательными элементами статьи являются: данные о создании института (сведения об учреждениях – предшественниках, выписки из директивных постановлений об организации, изменения подведомственности внутри отделений, создании структурных подразделений); списки руководителей и ведущих ученых, принявших участие в работе института; перечень задач и основных направлений исследований института в различные периоды его существования; очерк наиболее важных достижений учреждения в рассматриваемый период.

Завершение работы над справочником позволит ввести в научный оборот ценнейшую информацию по истории Академии наук и ее научно-исследовательских учреждений.

С большим интересом был заслушан доклад директора Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ *Э.И. Колчинского* "Диалектизация биологии (по материалам Архива РАН)".

Корпус информации, хранящейся в Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале, как подчеркнул докладчик, позволяет лучше понять движущие силы начального периода в диалектизации отечественной биологии, когда еще не столько власть предержащие, сколько сами ученые стремились использовать социально-политическую обстановку первых десятилетий советской власти для увеличения государственного финансирования своих исследований и для ускорения собственной карьеры.

Архивные материалы Президиума Комакадемии, Ассоциации естествознания, Ленинградского отделения Комакадемии, Института естествознания, Ленинградского института марксизма, Научного общества марксистов, Коммунистического университета им. Г.Е. Зиновьева, ВАРНИТСО в

inslav

АН СССР, Общества биологов-марксистов, общества физиологов-марксистов, Общества воинствующих материалистов-диалектиков, а также биологических учреждений АН СССР и других дают возможность по-новому взглянуть на политику правящей элиты по отношению к биологическому сообществу, на конфликты и дискуссии внутри него, подготовившие почву для последующего появления "лысенкоизма". Некоторые оказались не жертвами, а активными соучастниками тех негативных тенденций, которые стали развиваться в нашей науке уже в середине 1920-х годов.

Материалы по деятельности Секции естествознания и точных наук в Комакадемии, становлению системы партийного образования и внедрению марксистской методологии в биологию, по патронажу партийных лидеров над биологией, формированию сети институтов, журналов, научных обществ и т.д. прекрасно дополняют публикации тех лет, связанные с обсуждением в самом биологическом сообществе проблем эволюционной теории, евгеники, генетики, физиологии, фитосоциологии, взаимодействия природы и общества, в ходе которого все чаще сперва использовались философско-идеологические, а затем и политические аргументы. Уже тогда некоторые участники дискуссии, среди которых было немало прекрасных ученых, скорее старались доказать властям, что именно их исследования заслуживают правительственной поддержки, чем переубедить своих оппонентов. В итоге их публикации принимали характер политического доноса, что неизбежно вело вначале к увольнениям оппонентов с руководящих должностей, затем запрету целых направлений, за которыми следовали аресты, ссылки и расстрелы.

Задача установления идеологического контроля в биологии решалась в несколько этапов, отличавшихся доминировавшими группами "диалектизаторов", пониманием отношений между биологией и практикой, биологией и философией. Архивные материалы, связанные с деятельностью марксистских научных учреждений и обществ, с проверкой коммунистическими бригадами различных биологических учреждений, с проведением всесоюзных конференций, с разработкой новых учебных программ по биологии, с чисткой АН, с арестами биологов и т. д., раскрывают социальную, психологическую и идеологическую мотивацию участников тех событий. Они свидетельствуют о реакции различных групп биологов на деятельность руководителей Комакадемии. Выявляется специфика реакции различных групп ученых на попытку насильственной "диалектизации" и "пролетаризации" биологии.

Различия в публикациях зачастую скрыты за схожими декларациями и клятвами в верности диалектическому материализму, так как уже тогда, особенно в годы "культурной революции" (1929–1932) видоизменились язык публикаций, формы подачи материала и научных мероприятий (конференций, съездов, обществ) и даже тематика, идеи, ценности, традиции научного сообщества, его взаимоотношения с властями, стиль поведения ученых. В то же время становится очевидным противоречивый характер развития отечественной биологии в социально-культурном контексте складывающегося тоталитарного режима, а также принципиальные различия процессов в формировании "пролетарской" и "арийской" биологии.

Введение в научный оборот большого массива ранее неиспользованной архивной информации, рассмотренной с позиций социальной антропологии и методологии "кейс стадиес", способствует выяснению сходства и различия в механизмах формирования и функционирования науки при тоталитарных режимах. Благодаря ей выявляются причины неудачи создателей Научного общества марксистов, ВАРНИТСО, Общества биологов-материалистов, Общества воинствующих материалистов-диалектиков привлечь в эти организации крупных ученых и обеспечить реальную поддержку философии диалектического материализма в биологическом сообществе.

Материалы академического Архива делают очевидным тот факт, что несмотря на запреты целых научных направлений по идеологическим и политическим мотивам, их проблематика продолжала разрабатываться, маскируясь в терминологии советского "новояза", а биологическое сообщество в целом чисто внешне восприняло "диалектизацию" и "пролетаризацию". Идея "союза" философии диалектического материализма и биологии была похоронена в год "великого перелома". Провал лидеров "культурной революции" и обусловил первые шаги по созданию советского творческого дарвинизма как теоретической базы для новых усилий по "диалектизации" и "пролетаризации" биологии.

Отсутствие некоего варианта "пролетарской биологии", с позиций которой

inslav

можно было бы осуществлять строгую регламентацию биологических исследований, заставило их, прежде всего И.И. Презента, искать покровителя, от имени которого можно было установить тотальный идеологический контроль над биологическим сообществом. Как устанавливался зловещий альянс Т.Д. Лысенко и его будущего главного идеолога и "правой руки" И.И. Презента, когда он произошел, также стало понятно только благодаря материалам СПб ФА РАН. В них хранятся документально зафиксированные сведения о первых контактах Презента и Лысенко, предопределивших во многом дальнейшую судьбу отечественной биологии.

В целом, уникальные архивы РАН дают возможность распрощаться со многими мифами о "людях в белых одеждах", о "героях и злодеях отечественной биологии", о биологах "со Сталиным", "против Сталина" и "под Сталиным", накопившимися в отечественной и зарубежной литературе, а также служат гарантом против многочисленных попыток создавать новые мифы путем стандартизации и унификации участников этих трагических событий. Во всяком случае, они однозначно свидетельствуют против попыток ставить знак равенства между жертвами лысенкоизма и их палачами, а также между "пролетарской" и "арийской" биологией.

В выступлении заведующей отделом разработки фондов ученых АРАН *Е.В. Косыревой* "К вопросу об издательской деятельности Архива РАН. 90-е годы XX столетия" сообщалось, что в 1990-е годы в Архиве РАН продолжалась разработка научно-исследовательских тем, направления которых были определены еще в 1980-е годы по трем комплексным программам Отделения истории РАН: "Документальные памятники истории и культуры", "Методология и историография, источниковедение и методы исторического исследования", "История мировой культуры".

Первостепенное внимание было уделено подготовке к изданию научного и эпистолярного наследия выдающихся ученых; другим направлением в научно-исследовательской и публикаторской работе Архива являлась подготовка справочных изданий – научных описаний и обозрений фондов, сборников документов.

В 1990-е годы продолжилась дальнейшая публикация эпистолярного наследия академика В.И. Вернадского. Были изданы очередные два тома писем В.И. Вернадского жене: "Академик В.И. Вернадский. Письма Н.Е. Вернадской. 1889–1892" (М., 1991) и "Академик В.И. Вернадский. Письма Н.Е. Вернадской. 1893–1900 гг." (М., 1994). В 1994 г. впервые без купюр были опубликованы дневники В.И. Вернадского за 1917–1920 гг., в 1998 г. – за 1921–1925 гг.

В серии "Научное наследство" были изданы научная переписка русского физика П.Н. Лебедева; переписка, неизданные и малоизвестные работы кристаллографа академика Е.С. Федорова; ученого-палеонтолога, писателя-фантаста И.А. Ефремова. Впервые в переводе на русский язык в 1995 г. был опубликован полный текст дневника академика Г.И. Лангсдорфа, который он вел во время экспедиции в Бразилию в 1824–1826 гг.

Заметным явлением стало издание таких сборников документов, как "Физики о себе" (М., 1990), "Международные научные связи Академии наук. 1917–1941 гг." (М., 1992), , "А.А. Баландин. Очерки. Воспоминания. Документы" (М., 1995), "Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т." (М., 1998. Т. 1, ч. 1.), в подготовке которых приняли участие сотрудники Архива или Архив предоставлял свои документы.

Сотрудники СПб ФА РАН участвовали в подготовке справочника-обозрения и библиографического указателя "Архивы России. Москва и Санкт-Петербург" (М., 1997). В 1999 г. к 275-летнему юбилею Российской академии наук вышли в свет трехтомное издание "Российская академия наук. Персональный состав (1724–1999 гг.)" и алфавитный энциклопедический справочник "Российская академия наук. Список членов Академии. 1724–1999 гг." Материалы для них предоставлялись Архивом.

Из справочной литературы были изданы тематические указатели документов по фондам Санкт-Петербургского Архива РАН "Гебраистика и история еврейской культуры в России" (СПб., 1994, 1995).

За рассматриваемый период сотрудниками Архива было подготовлено свыше 120 статей и публикаций, посвященных проблемам истории науки и культуры, архивоведения и документоведения.

Несмотря на известные трудности в рассматриваемый период (острый дефицит выделяемых бюджетных средств, задержка изданий подготовленных работ, сокращенная до предела численность сотрудников Архива), в научный оборот был введен широкий комплекс ранее неизвестных документов по истории науки и Академии наук СССР.

inslav

В.В. Крылов (ИАИ РГГУ) выступил на тему "Л.Б. Каменев – директор Института русской литературы и Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР"[2].

Доклады и сообщения конференции, посвященной 275-летнему юбилею Архива РАН, вносят свой вклад в разработку проблем, связанных с деятельностью Архива, освещают новые страницы его истории, истории Академии наук. Несомненно, они представляют интерес не только для архивистов, но и всех тех, кто интересуется историей Отечества. Материалы конференции, дополненные новыми исследованиями, планируется подготовить для издания.

В.Ю. Афиани, Т.Г. Краснова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – СТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ БУМАГИ"

18–19 сентября 2003 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция по вопросам комплексного изучения истории бумаги, целлюлозно-бумажного производства, реставрации и консервации памятников на бумажных носителях, приуроченная к юбилею Петербурга, – города, где закладывались традиции непрерывного бумажного производства в России. Она была организована Петровским обществом историков бумаги (ПОИБ), учрежденным при Санкт-Петербургском государственном технологическом университете растительных полимеров (СПб, ГТУРП) (бывший Ленинградский технологический институт целлюлозно-бумажной промышленности)[1] и Санкт-Петербургским Международным центром сохранения культурного наследия.

18 сентября заседания конференции проходили в Санкт-Петербургском Международном центре сохранения культурного наследия. С приветственным словом к участникам обратился проректор по научной работе СПб ГТУРП, председатель ПОИБ *В.С. Куров*. На пленарное заседание были вынесены доклады, посвященные наиболее актуальным вопросам изучения истории бумаги. *В.С. Куров* выступил с докладом о современном состоянии российской целлюлозно-бумажной промышленности и перспективах ее развития до 2015 г.

Т.С. Тимощук, генеральный директор Красногородской экспериментальной бумажной фабрики (бывшей Красносельской мануфактуры) – старейшего из ныне существующих предприятий отечественной бумажной отрасли, основанного в 1716 г. Петром I, рассказал об истории предприятия и его современном состоянии.

А.П. Балаченкова, ученый секретарь ПОИБ, в докладе "Национальный музей истории бумаги: задачи, концепции, перспективы развития" акцентировала внимание на вопросах организации современных исторических музеев бумаги. Россия – единственная европейская страна, производя-

---

[2] См. статью В.В. Крылова в наст. изд. (С. 272).

[1] Решение о создании национального общества историков бумаги было принято на первых научных чтениях, посвященных памяти З.В. Участкиной. Они состоялись 22 мая 2002 г. в СПб ГТУРП, где Зоя Васильевна преподавала более 30 лет. Материалы и сообщения чтений опубликованы: См.: Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства (К 40-летию со дня выхода в свет книги З.В. Участкиной "Из истории русских бумажных мануфактур и их водяных знаков"). СПб., 2003.

Петровское общество историков бумаги создано для объединения специалистов, занимающихся изучением истории бумаги, целлюлозно-бумажного производства, торговли и использования бумаги, реконструкцией и применением исторических технологий производства бумаги, в том числе в дизайне, полиграфии и т.п., а также вопросами сохранения и реставрации памятников на бумажных носителях. Общество призвано объединить исследователей и практиков самых разных направлений: историков бумаги, технологов, источниковедов, филиграноведов, реставраторов, хранителей архивных, библиотечных и музейных фондов.

Задачи Общества: изучение истории мирового и отечественного бумажного производства и их исторических технологий, филиграноведческие исследования, систематизация и распространение информации об истории мирового и отечественного бумажного производства, его технологиях, технике, маркировочных знаках бумаги, пропаганда истории бумаги и исторических технологий бумажного производства. Предполагается проведение научных конференций по различным аспектам изучения бумажных технологий и истории распространения бумаги, издание научных трудов. Отдельное направление – разработка и публикация учебных курсов и пособий по истории бумаги и бумажного производства.

inslav

щая бумагу, не имеет собственного национального музея бумаги. В ведомственных музеях бумагоделательных предприятий представлена только их собственная история, а экспозиционный уровень и научно-исследовательская база этих музеев весьма недостаточны. На основе анализа дореволюционного российского и современного зарубежного опыта организации музеев бумаги в докладе было предложено несколько вариантов концепции национального музея истории бумаги. Этот вопрос заинтересовал присутствовавших на конференции представителей Санкт-Петербургской бумажной фабрики Гознак (б. Экспедиция заготовления государственных бумаг), поскольку музей фабрики в настоящее время реконструируется. Поэтому по завершении конференции был организован *круглый стол* с участием реставраторов, хранителей, специалистов по экспонированию памятников на бумажных носителях, на котором обсуждались вопросы по практической организации музея истории бумаги применительно к музею фабрики Гознак.

В докладах *Э. Венгера* (Комиссия научной визуализации Австрийской академии наук) "A network of watermark databases" и *В.Н. Карнаухова* (Институт проблем передачи информации РАН, Москва) "Базы данных и программные средства поддержки исследований водяных знаков"[2] были представлены результаты совместных российско-австрийско-голландских исследований в области разработки и создания баз данных водяных знаков (ВЗ) средневековых исторических документов. Особое внимание в данном проекте уделяется их прикладному математическому обеспечению. В.Н.Карнаухов дал описание базы данных ВЗ средневековых рукописей и представил интегрированную систему для ее поддержки. Система объединяет средства наполнения базы данных и специальные средства для выполнения исследований по временной идентификации ВЗ. В проекте участвуют: с российской стороны – Институт проблем передачи информации РАН и Государственный Исторический музей (Москва), с австрийской – Комиссия научной визуализации и Комиссия палеографии и кодикологии средневековых рукописей Австрийской Академии наук (Вена), Голландия представлена Королевской Библиотекой (Гаага).

Д.О. Цыпкин (сопредседатель ПОИБ, руководитель Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документа (ЛКИНТЭД) ОР РНБ выступил с докладом "Проблема накопления экспертной информации о бумаге ручного производства". Доклад носил программный характер и был посвящен теории и практике формирования нового типа информационных ресурсов – экспертных банков данных о европейской бумаге ручного отлива. Принципиально важно то, что автором была создана совершенно новая система выявления, анализа и накопления технологических данных о бумаге как веществе и отпечатках сетки листоотливной формы в ней, позволяющая значительно повысить точность датировок бумаги и локализации бумажных мельниц, а в целом – перейти от традиционных филиграноведческих методов исследования, достаточно приблизительных, к экспертному исследованию бумаги, построенному на ее технологическом анализе и дающему более объективный результат.

Отечественные исследования в области истории технологий ручного производства бумаги на Востоке были представлены совместным докладом членов ПОИБ *Л.И. Крякиной*, художника-реставратора I категории СПб ФИВ РАН, и *И.Н. Кулешовой*, инженера-химика, научного сотрудника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Доклад был посвящен изучению и опыту практической реставрации тангутских документов XII в. на бумажной основе из коллекции СПб ФИВ РАН. В нем изложены результаты физико-химического исследования и сканирующей электронной микроскопии бумаги этих документов. Были определены такие параметры образцов, как природа сырья, характер проклейки, толщина, уровень кислотности бумаги, природа и свойства красителей. Крайне интересными являются результаты исследования морфологии тангутской бумаги: электронная микроскопия выявила факт использования тангутами для производства бумаги волокнистого сырья (kozo, mitsumata), характерного для японской бумаги ручного отлива.

Заседание конференции, посвященное бумажным коллекциям и банкам данных о бумаге, открыл доклад старшего научного сотрудника Археографической комиссии

[2] Доклад прочитан 19 сентября на заседании секции "Проблемы современного филиграноведения: теория и практика".

inslav

РАН (Москва) члена ПОИБ *Ю.В. Андрюшайтите* "Коллекции бумажных водяных знаков в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. и их значение в истории культуры и науки". Как показали предыдущие исследования автора, историческим фоном для первых шагов российского филиграноведения в начале XIX в. были возросший интерес к историческому прошлому страны и бурное развитие бумажного производства, благодаря экономической политике государства, направленной на поддержку отечественного производителя. В процессе изучения наследия И.П. Лаптева, вологодского, а с 1823 г. петербургского купца и известного филиграноведа-любителя, автора первой в России книги о ВЗ с публикацией их альбома (СПб., 1824), исследовательница выявила в фондах петербургских архивов и библиотек еще несколько коллекций бумажных ВЗ, собиравшихся в первой половине XIX в. представителями разных социальных групп населения.

В.Г. Подковырова и *М.В. Корогодина* (ОР БАН) рассказали о научной обработке коллекций ВЗ, хранящихся в ОР БАН, и проблемах, возникающих в процессе этой работы. В конце заседания был зачитан доклад *Д.П. Эрастова* "Долговечная бумага как носитель для современных документов постоянного срока хранения" – об опыте работы сотрудников Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР в 1970-е годы по созданию образцов долговечной бумаги.

19 сентября заседания проходили в СПБ ГТУРП. На секции "Проблемы современного филиграноведения: теория и практика" был заслушан доклад *Н.Ю. Бубнова* (ОР БАН) "К вопросу о вторичном использовании бумаги русскими художниками и книгописцами". Многие старообрядческие книгописные и художественные мастерские в конце XIX в., когда бумага машинной выработки полностью вытеснила бумагу ручного производства, покупали старую бумагу для коммерческого изготовления лицевых рукописей "под старину". В частности, так поступали владельцы книгописных мастерских Каликины (Вологодская губ.) и А.А. Великанов (г. Ярославль), продававшие искусно стилизованные под старину рукописи в Москве и Петербурге. Некоторые из подделок в составе частных коллекций попали в ОР БАН. В докладе представлены результаты работы автора по выявлению таких "новоделов" и описанию филиграней бумаги этих рукописей, а также высказано своевременное предостережение об опасности абсолютизации ВЗ при датировке источников на бумаге.

Поскольку на конференции присутствовали сотрудники ОР БАН, ожидаемым был доклад о научном наследии А.А. Амосова. *Ф.В. Панченко* показала значение филиграноведческих исследований А.А.Амосова, в частности, изучения филиграней Лицевого летописного свода для атрибуции ряда певческих рукописей XVI в. *Е.В. Каширина* (РГПУ им. Герцена) и *В.Г. Подковырова* (ОР БАН) выступили с докладом "Проблемы создания специализированного формата описания водяных знаков для электронной коллекции филиграней". Руководивший секцией *М.А. Шибаев* (ОР РНБ) подробно рассказал о своей методике исследования филиграней рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в.

На параллельной секции "Проблемы реставрационного изучения и сохранения документов на бумажных носителях", проходившей под руководством научного сотрудника СПб ГТУРП Л.В. Литвиновой, первым был заслушан доклад сотрудников РНБ *С.А. Добрусиной*, *Н.И. Подгорной* (ФЦКБФ) и *Д.О. Цыпкина* (ЛКИНТЭД) ОР РНБ "Применение оптико-электронных методик экспресс-экспертизы и кодикологического исследования рукописей в консервации", описывающий применение комплексных методов экспертного экспресс-анализа документа в задачах консервационных и реставрационных исследований.

С.А. Добрусина, Н.И. Подгорная, В.М. Дробосюк, Л.В. Литвинова (Проблемная лаборатория СПб ГТУРП) сделали доклад "Реставрация документов методом аэродинамического формования", посвященный описанию и практическому применению в реставрации этого метода путем напыления волокон из аэровзвеси (АДФ), созданного коллективом проблемной лаборатории СПб ГТУ РП под руководством В.М. Дробосюка. В ФЦКБФ совместно с научными сотрудниками СПб ГТУРП проводились эксперименты по созданию композиции бумажной массы и разработке технологий получения реставрационной бумаги методом АДФ. В результате этих экспериментов были получены варианты композиций и проведена реставрация модельных образцов документов методом АДФ, а также создана опытная установка аэродинамического формования для реставрации документов.

inslav

В сообщении сотрудников ФЦКБФ *Е.М. Лоцмановой* и *Е.С. Черниной* "Полуфабрикат и бумага для механизированной и ручной реставрации документов" был дан краткий обзор реставрационных бумаг, разработанных петербургскими химиками и реставраторами в 1960–1980-е годы, а также описаны композиция, физико-механические и химические свойства реставрационной бумаги.

Доклад-презентация *Л.И. Крякиной* «Проект "Japanese paper conservation" ICCROM», вызвал особый интерес слушателей как своим содержанием, так и представленными видеоматериалами. ICCROM – Международный центр по изучению, сохранению и реставрации культурного наследия, основанный в Риме в 1959 г., занимается проблемами реставрации во многих областях. В последние годы его основной деятельностью являются координация реставрационных проектов и профессиональная подготовка реставраторов. Л.И. Крякина – первый российский реставратор, участвовавший в проектах ICCROM вообще и в подготовке специалистов по реставрации японской бумаги ручного отлива в частности.

20 сентября для участников конференции в ОР РНБ открылась выставка материалов по истории бумаги, подготовленная сотрудником Отдела *Е.А. Пережогиной*. На выставке были представлены коллекции ВЗ, собранные историками и палеографами-любителями первой половины XIX в.; одна из коллекций была обнаружена в процессе организации выставки.

При подведении итогов собравшиеся отметили, что прошедшая конференция по числу прочитанных докладов (19) и количеству участников (43), широте и разнообразию тематики явилась событием, не имевшим аналогов в отечественном историческом бумаговедении, и проведение конференций по вопросам комплексного изучения истории бумаги, целлюлозно-бумажного производства, реставрации и консервации документов на бумаге должно стать регулярным. Была принята резолюция конференции: 1. Необходимо всемерно развивать деятельность Петровского общества историков бумаги. 2. Приступить к разработке программы создания национального музея истории бумаги. 3. Сформировать концепцию и разработать методические материалы для преподавания курса истории бумаги с целью подготовки преподавательских кадров и специалистов по истории бумаги. 4. Приступить к созданию национального учебника истории бумаги. 5. Начать работу по формированию концепции использования историко-культурных материалов (бумажных коллекций, коллекций ВЗ, архивных документов и т.п.) с целью пропаганды истории бумаги, создания положительного имиджа отечественной целлюлозно-бумажной промышленности и поддержки национального производителя. 6. Опубликовать материалы конференции.

А.П. Балаченкова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР "ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ"

(Санкт-Петербург, 14–16 октября 2003 г.)

Семинар был организован Российской национальной библиотекой (РНБ) совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ) и Союзом краеведов России и проведен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева. В нем приняли участие представители 25 городов России, Украины и Белоруссии (Архангельск, Астрахань, Воронеж, Вязьма, Екатеринбург, Ижевск, Казань, Киев, Киров, Краснодар, Курск, Минск, Москва, Пенза, Пермь, Псков, Рязань, Самара, Севастополь, Смоленск, Санкт-Петербург, Тула, Ульяновск, Чебоксары, Челябинск) – всего 60 человек.

С приветственными словами к участникам семинара выступили зам. генерального директора РНБ по научной работе *В.Р. Фирсов*, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге *Н.Б. Вахтин* и исполнительный директор Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева *А.В. Кобак*.

Доклад академика РАО, почетного председателя Археографической комиссии РАН и председателя Союза краеведов России *С.О. Шмидта*, открывший рабочую часть семинара, был посвящен ситуации в отечественной региональной энциклопеди-

inslav

стике на рубеже XX и XXI в. Докладчик подробно осветил работу над "Московской энциклопедией", главным редактором которой он является.

В.Ф. Козлов (РГГУ) сообщил об опыте подготовки региональных энциклопедий в СССР в 1920–1930-е годы: "Сибирской советской энциклопедии" (1929–1933), "Уральской советской энциклопедии" (1933), "Энциклопедии Дальневосточного края" (1930), "Северокавказской энциклопедии" (1931), "Энциклопедическом словаре Центрально-Черноземной области" (1934), словарике "Карельской советской энциклопедии" (1936).

В докладе *А.Н. Акиньшина* (ВГУ), *О.Г. Ласунского* (ВГУ) были проанализированы универсальные и персональные региональные энциклопедии, изданные в России за последние десять лет. К числу наиболее удачных, по мнению докладчиков, принадлежат энциклопедии "Челябинск", "Пензенская энциклопедия", "Поморская энциклопедия" (все – 2001), "Смоленская область" (2001, 2003), "Владимирская энциклопедия" (2002). Наибольшие нарекания вызывают "Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону" (1994–1995), "Энциклопедия Алтайского края" (1995–1996), "Курск" (1997), "Белгородская энциклопедия" (1998), "Липецкая энциклопедия" (1999), "Псковский биографический словарь" (2002) и "Псковская энциклопедия" (2003). Основная проблема, характерная для многих энциклопедических изданий – отсутствие единого принципа в подаче персоналий, недостаточное внимание к персоналиям XX в. Были высказаны и некоторые рекомендации по оформлению персональных статей. Кроме того, Акиньшин и Ласунский рассказали о своей работе над "Воронежской историко-культурной энциклопедией".

В докладе *А.Н. Комской* (Национальная парламентская библиотека Украины) был сделан подробный обзор региональных энциклопедий и некоторых других краеведческих справочных изданий в Украине за последние 15–20 лет. Она подчеркнула, что подготовка и публикация региональных энциклопедий на Украине носит стихийный и эпизодический характер (на сегодняшний день вышло в свет всего 10 изданий). Это связано, в частности, с тем, что ни научные учреждения Академии наук Украины, ни вузовские ученые, ни общественные организации на протяжении 1990-х годов не занимались вопросами методологии и методики их подготовки, а специализированное издательство "Українська енциклопедія" им. Н.П. Бажана после выпуска в свет энциклопедического справочника "Полтавщина" в 1992 г. к изданию подобных книг больше не обращалось.

Доклад *Л.В. Языкович* и *Ю.В. Баженова* (издательство "Белорусская энциклопедия") был посвящен энциклопедическим изданиям Белоруссии. Авторы рассказали об опыте работы издательства и подготовленных им изданиях, в частности, шеститомной "Энциклопедии истории Беларуси" (1993–2003). Особое внимание было уделено многотомному серийному изданию энциклопедического характера "Память" – историко-документальным хроникам районов и городов Белоруссии. Всего планируется выпустить 140 томов – о каждом из 118 районов Белоруссии, об областном центре и крупном городе (к середине 2003 г. издано уже около 100 книг).

А.И. Раздорский (РНБ) проинформировал собравшихся об итогах анкетирования составителей региональных энциклопедий по вопросам подготовки этих изданий (всего было получено 33 анкеты). Докладчик проанализировал основные статистические показатели, характеризующие региональные энциклопедии: количество томов и словарных статей, объем, тираж, число авторов, форма указания авторства, наличие общего очерка о регионе, сроки выполнения проекта, источники финансирования, стоимость издания и др.

Второй день семинара был посвящен преимущественно проблемным докладам и сообщениям.

Е.И. Трубина (РНБ) выступила с сообщением об электронных изданиях региональных энциклопедий (в Интернете и на CD-ROM) и продемонстрировала собравшимся наиболее интересные примеры публикаций подобного рода. Существуют электронные региональные энциклопедии двух типов – имеющие печатный аналог (выявлено 12) и существующие только в Сети (выявлено 9). Было отмечено, что поисковые возможности энциклопедий первого типа не реализованы в полной мере. Так, поиск по ключевым словам используется лишь в четырех энциклопедиях, а гиперссылки в текстовых справках применены только в трех. В электронных версиях некоторых энциклопедий, по сравнению с их печатным вариантом, имеются случаи потери информации (карты, статистические таблицы, статьи). В электронных реги-

inslav

ональных энциклопедиях второго типа поисковые возможности значительно более многообразны (по алфавиту, по ключевым словам, по тематическим разделам и пр.), тексты снабжены гиперссылками, присутствует возможность их обновления и редактирования, возможна связь с разработчиком, пользователь может добавить свой ресурс. По мнению докладчика, в будущем электронные энциклопедии необходимо размещать в Сети, в одном месте. Это должны быть постоянно обновляемые и пополняемые базы данных с неограниченными поисковыми возможностями.

В докладе *Л.К. Кильдюшевской* (РНБ), *И.В. Киселева* (РНБ) были рассмотрены вопросы отражения географии и картографии в региональных энциклопедиях. Критериями оценки являлись количество и размер статей указанной тематики, а также наличие и состав картографических материалов. По результатам анализа 30 региональных энциклопедий было показано, что большинство таких изданий ограничивается лишь статьями, посвященными населенным пунктам; встречаются статьи об административных единицах и некоторых гидрографических объектах. Почти половина проанализированных энциклопедий не имеет карт. В докладе был приведен минимальный список тем статей географического характера, а также карт, которые желательно помещать в региональные энциклопедии.

Доклад *Д.Н. Шилова* (РНБ) был посвящен одной из ключевых проблем региональной энциклопедистики – проблеме отбора, структуры и содержания биографических статей. Прежде всего, докладчик высказал убеждение, что наиболее верным подходом при составлении словника биографических статей было бы включение в него лишь тех деятелей, чья жизнь уже закончилась. Он также выделил две тенденции, присутствующие, на его взгляд, в корпусе биографических статей во многих региональных энциклопедиях: во-первых, предпочтение по-прежнему отдается биографиям левых и радикальных деятелей российской истории; во-вторых, революционеры, повстанцы, полководцы, герои всевозможных войн явно заслоняют в большинстве изданий деятелей-"созидателей": землевладельцев, купцов, представителей земского и городского самоуправления, подвижников церкви, науки, искусства. Шилов предложил отказаться от включения в энциклопедии многочисленных групп биографических статей (герои Советского Союза и соцтруда, кавалеры ордена Славы, губернаторы, первые секретари обкомов и т.д.), отобранных только по данному формальному признаку. В издание могли бы входить полные перечни таких деятелей, а отдельные статьи следовало бы посвящать лишь наиболее выдающимся из них. Шилов особо остановился на вопросах исторической географии; подчеркнул, что указываемое в статье географическое наименование должно обязательно соответствовать дате события. Наконец, докладчик отметил отсутствие во многих изданиях содержательных предисловий, в которых бы объяснялись принципы отбора имен, структура текста биографических статей, составления библиографических справок к статьям и пр.

Г.В. Калашников (Геральдический совет при Президенте РФ, СПб) затронул в своем докладе различные аспекты публикации в региональных энциклопедиях геральдической информации. В освещении региональными энциклопедиями вопросов геральдики, подчеркнул автор, особенно остро сказывается характерное для энциклопедий вообще противоречие между универсализмом и профессионализмом. Универсальный характер региональных энциклопедий требует включения в нее геральдических сведений: информации о старинных и современных гербах регионов, городов и территорий, их флагов, наград и т.д. Вместе с тем число геральдических статей обычно бывает относительно невелико и к их созданию оказывается непросто привлечь профессионально подготовленных авторов. Соответственно, большинство региональных энциклопедий несет геральдическую информацию, поданную по-дилетантски. Отсюда следуют основные проблемы: нечеткость в определении словника геральдических статей, вырванность информации об отдельных геральдических знаках из общего исторического контекста, повышенное внимание к геральдическим легендам и толкованию символики гербов, случайный отбор иллюстраций и др. Возможным выходом из данной ситуации, по мнению докладчика, представляется привлечение для разработки геральдической тематики в региональных энциклопедиях специалистов по рекомендациям Геральдического совета при Президенте РФ.

Н.М. Балацкая (РНБ), *А.Н. Маслова* (РНБ) сделали доклад о библиографическом оснащении региональных энциклопе-

inslav

дий. В основе доклада – результаты анализа библиографического аппарата в 50 региональных энциклопедиях. В докладе было показано, что создание региональных энциклопедий имеет большое значение именно в библиографическом плане, поскольку позволяет привлечь широкий круг ученых и специалистов к анализу накопленных в регионах громадных массивов краеведческих документов, их "фильтрации" с учетом реальной информативности и достоверности. С этой точки зрения региональная энциклопедия может рассматриваться как большой указатель с хорошими справочными рефератами. Авторы выделили и рассмотрели основные компоненты библиографического аппарата энциклопедии (общие библиографические списки основной литературы о регионе, пристатейные списки и библиографические ссылки в текстах статей), подробно аргументировали целесообразность общих списков литературы. Ими был детально обоснован вывод об отсутствии в подавляющем большинстве региональных энциклопедий системного подхода к построению библиографического аппарата, последовательности и здравого смысла в выборе конкретных методических решений. К наиболее частым ошибкам отнесены: отсутствие пристатейной библиографии к конкретным статьям; слишком жесткие и формальные ограничения объема пристатейных списков (без учета новизны информации, содержащейся в статьях); необоснованный запрет на включение в списки других энциклопедических и справочных изданий, материалов из местной прессы и архивных ссылок. Специальное внимание было уделено качеству самих библиографических описаний: как показал анализ, в целом ряде региональных энциклопедий обнаруживаются серьезные ошибки в них, препятствующие нахождению и идентификации описанных изданий.

С.Д. Мангутова (РНБ) и *А.И. Раздорский* (РНБ) выступили с сообщением, в котором рассказали о своем опыте работы по редактированию пристатейной библиографии готовящейся энциклопедии "Санкт-Петербург". Они обратили особое внимание на необходимость безусловного следования установленным правилам библиографического описания документов и сокращения слов при составлении и редактуре пристатейных и общих библиографических списков, помещаемых в энциклопедических и справочных изданиях. Были указаны энциклопедии, в которых подобные списки были опубликованы с серьезными отступлениями от существующих ГОСТов. К их числу относится, в частности, ряд изданий, выпущенных издательством "Большая российская энциклопедия": "Санкт-Петербург" (1992), "Отечественная история" (1994–2000. Т. 1–3); "Москва" (1997). По мнению докладчиков, весь корпус библиографических записей, включенных в пристатейную библиографию (а также в общий список литературы при его наличии в издании), должен быть обязательно отредактирован профессиональными библиографами. Библиографическую редактуру в современных условиях целесообразно проводить с применением специально разработанных компьютерных программ (которые должны совершенствоваться и унифицироваться), что позволяет значительно ускорить, облегчить и технологизировать данный процесс.

П.А. Гринфельд (ОАО "Альт-Софт", СПб.) рассказал о программном обеспечении, специально разработанном ОАО "Альт-Софт" для информационного обеспечения и управления созданием энциклопедии "Санкт-Петербург", а также продемонстрировал его работу. Оно может быть использовано для реализации аналогичных больших издательских проектов и в других регионах России. Программный комплекс, обслуживающий проект, работает в локальной сети. Ядром комплекса является общая для всех автоматизированных рабочих мест база данных под управлением VisualFOX, в которой создаются и хранятся связанные между собой информационные объекты: словарные статьи, изображения, информация об авторах статей. Региональная электронная энциклопедия, сформированная с помощью предлагаемого инструментария, может стать ядром объединения краеведческих информационных ресурсов региона, а ее дальнейшее развитие может обеспечить интеграцию с другими профессиональными Интернет-ресурсами, с базами данных музеев, архивов, органов охраны памятников истории и культуры.

Все докладчики ответили на многочисленные вопросы участников семинара. Кроме того, по каждому из перечисленных выступлений были проведены специальные дискуссии. 16 декабря состоялся "круглый стол", на котором выступили 23 участника семинара. В ходе активного обсуждения были подведены основные итоги работы семинара и намечены пути дальнейшего со-

inslav

трудничества специалистов из разных городов и регионов в сфере региональной энциклопедистики. В ряде выступлений прозвучало предложение образовать Ассоциацию составителей региональных энциклопедий, которая могла бы осуществлять координационно-информационную деятельность в данной области.

Во время работы семинара была организована выставка "Региональные энциклопедии России, Украины и Белоруссии", на которой было представлено свыше 70 изданий из фондов РНБ. Ряд иногородних участников представил на семинаре новые издания энциклопедий своих регионов, которые были затем переданы в дар РНБ.

По итогам семинара издан сборник, в который вошли тексты приветственных выступлений, всех докладов и сообщений, ответы докладчиков на вопросы участников конференции, полная стенограмма дискуссии, анкеты составителей и редакторов региональных энциклопедий, библиографический список региональных энциклопедий России, Украины и Белоруссии (включая выявленные электронные публикации в Интернете и на CD-ROM), методических материалов 1993–2003 гг. по подготовке региональных энциклопедий, в том числе методические материалы энциклопедии "Челябинская область"*.

А.И. Раздорский

"ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛИ"

(XV научная конференция в Ростове)

11–13 ноября 2003 г. в Государственном музее-заповеднике "Ростовский кремль" (ГМЗРК) состоялась очередная ежегодная научная конференция "История и культура Ростовской земли". Она была посвящена двум юбилейным датам: 120-летию основания музея и 160-летию со дня рождения одного из его создателей и первого хранителя Ивана Александровича Шлякова (1843–1919).

Ростовский музей, открывший свои двери для посетителей 28 октября 1883 г., является одним из старейших в России. Еще в конце XIX в. он доказал свою состоятельность, став крупным центром хранения, изучения и популяризации памятников материальной культуры. В настоящее время статус музея достаточно высок – архитектурный ансамбль, в стенах которого он расположен, признан особо ценным объектом культурного наследия Российской Федерации.

В работе конференции приняло участие 60 человек – представителей научных и учебных заведений, учреждений культуры Москвы, Ярославля, Ростова и других городов. Среди выступающих немалую часть составили сотрудники Ростовского музея. Конференция была представлена тремя секциями: источниковедения и истории, искусствознания, археологии.

Чтения открыл директор музея *А.Е. Леонтьев*, который говорил о незыблемости главной функции музея – хранении национального культурного достояния, о достижениях Ростовского музея и перспективах его развития.

По сложившейся традиции конференция "История и культура Ростовской земли" имеет преимущественно историческую и источниковедческую направленность. Первое отделение пленарного заседания открыли постоянные участники ростовских чтений чл.-кор. РАН *С.М. Каштанов* (ИВИ РАН) и *Л.В. Столярова* (ИВИ РАН) с докладами о копийной книге Павло-Обнорского монастыря, хранящейся в Ростовском музее, и о пошехонских князьях в XVI в. Архимандрит *Макарий (Веретенников)* (МДА) сообщил о деятельности владычного летописца Ивашина. *И.В. Поздеева* (МГУ) рассказала о библиотеке архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иосифа. Доклад *К.А. Аверьянова* (ИРИ РАН) был посвящен обоснованию новой датировки рождения преп. Сергия Радонежского.

Тематика докладов второго отделения пленарного заседания была связана с юбилейными датами музея. С сообщениями о жизни и деятельности И.А. Шлякова выступили *Е.В. Крестьянинова* и *Е.В. Ким* (ГМЗРК). Доклады о составе музейных коллекций серебра, тканей и фарфора сделали *В.М. Уткина, В.К. Кривоносова и В.Б. Ермолова* (ГМЗРК). В выступлении *Р.Ф. Али-*

* См.: Проблемы создания региональных энциклопедий: Материалы междунар. научн.-практ. семинара (СПб., 14–16 окт. 2003 г.). СПб., 2004. 487 с.

inslav

товой и *Т.Л. Никитиной* (ГМЗРК) затрагивалась проблема сохранения архитектурных памятников Ростовского кремля в XIX–XX вв.

Работу секции источниковедения и истории возглавила ученый секретарь музея *Е.В. Крестьянинова.* На секции прозвучали доклады о различных аспектах истории Ростова XVII – начала XX в. Отдельные выступления раскрывали деятельность выдающихся ростовчан. Особое внимание привлекли доклады *Д.Ф. Полознева* (Областная библиотека им. Некрасова, г. Ярославль) о проблеме "событийности" в культуре русского средневековья, *К.В. Баранова* (РГАДА) – о ярославской земле при Иване III, *М.Б. Булгакова* (ИРИ РАН) – о ростовской книге "записным крепостям" конца XVII в., *Е.А. Тимохиной* (ИРИ РАН) – о ростовской дозорной книге 1619 г., *Т.А. Рутман* (г. Ярославль) – о храмоздательной деятельности ростовского митрополита Ионы в Ярославле.

Секцию искусствоведения вел зам. директора музея по научной работе *В.В. Зякин.* Большой интерес вызвали выступления *А.Г. Мельника* (ГМЗРК) об истории и художественном облике иконостаса церкви Одигитрии Ростовского кремля, *В.Г. Пуцко* (Областной художественный музей, г. Калуга) – о ростовской иконе Спаса Нерукотворного, *В.Г. Подковыровой* (БАН) – о творчестве ростовского краеведа-художника Ивана Ивановича Щетнева-Семеновского, *Т.В. Колбасовой* (ГМЗРК) – о портретной галерее Ростовского и Ярославского архиерейского дома в XVIII–XIX вв., *Л.Б. Сукиной* (Университет, г. Переславль) – о генеалогии русских князей и царей в художественной культуре XVII в., *И.В. Коновалова* (Московская патриархия) – о художественном оформлении воссозданных благовестников Троице-Сергиевой лавры.

Секция средневековой археологии работала под председательством *А.Е. Леонтьева.* Выступления, представленные на ней, были посвящены вопросам изучения древнерусской культуры и итогам археологических исследований последних лет. Следует отметить доклады *Т.А. Пушкиной* (МГУ) – о мерянских древностях в коллекции известнейших гнездовских курганов, *Н.Г. Самойлович* (ИА РАН) – о раскопках в Ростове, *А.Н. Рыкунова* (Государственная авиационно-техническая академия, г. Рыбинск) и *И.И. Рыкуновой* (Музей-заповедник, г. Рыбинск) – о полевых исследованиях в окрестностях г. Рыбинска Ярославской области, *В.В. Бейлекчи* (Муромский музей) – о результатах изучения муромских древностей.

Накануне конференции в музее была открыта выставка, посвященная Ивану Александровичу Шлякову, который 120 лет назад стоял у истоков Ростовского музея. Экспонаты, представленные на ней, раскрывали разнообразные направления его научной и собирательской деятельности. Здесь же впервые экспонировались его рисунки. Эта выставка развернулась в Белой палате, рядом с экспозицией, посвященной Ростовскому музею церковных древностей, в котором И.А. Шляков проработал более 30 лет.

По материалам XV конференции готовится сборник сообщений. Он станет 35-м научным изданием, опубликованным Ростовским музеем за последние 13 лет. С содержанием издательской продукции музея можно познакомиться на сайте: www.rostmuzeum ru.

А.Е. Виденеева

inslav

ОЛЬГА ПЕТРОВНА ЛИХАЧЕВА (1937–2003)

Ольге Петровне Лихачевой, безвременная смерть которой болью отозвалась в сердцах ее друзей и коллег, принадлежит достойное место в сообществе российских ученых. Ее имя тесно связано с блестящим созвездием археографов, сложившемся и работавшем в Отделе рукописной и редкой книги Библиотеки Российской академии наук во второй половине XX в. Такие имена, как В.Ф. Покровская, В.А Петров, М.Н. Мурзанова, А.И. Копанев, А.А. Амосов, О.П. Лихачева, составили славу отечественной гуманитарной науки.

В небольшом коллективе Рукописного отдела, в который пришла на службу Ольга Петровна в 1958 г., будучи еще студенткой ленинградского Института культуры, каждый из пяти сотрудников, включая заведующего, занимал свою деловую и научную нишу. Уже в то время Отдел рукописной и редкой книги являлся одним из ведущих центров исследований рукописного наследия Древней Руси. В обязанности молодой выпускницы библиотечного факультета входило ведение подсобной библиотеки Отдела (ее комплектование и рекаталогизация), выдача рукописей и книг читателям, проведение экскурсий для студентов-филологов и посетителей по обширной экспозиции, где были представлены рукописные богатства старейшей российской библиотеки. Ольга Петровна занималась также пополнением многочисленных каталогов и картотек, хранящихся в Отделе. К знаменитой Картотеке древнерусской письменности Н.К. Никольского, составленной ученым в 20–30-х годах XX в. и, к сожалению, оставшейся незавершенной, Ольга Петровна, отзываясь на просьбы читателей, подготовила указатель.

Творческая атмосфера, царившая в Отделе, общение с сотрудниками и читателями, среди которых были замечательные ученые – филологи, историки, искусствоведы, языковеды и палеографы, в том числе и приезжавшие из других городов и стран, помогали быстрому профессиональному росту молодых сотрудников, расширению их научного кругозора. Эти условия способствовали превращению так называемых "узких специалистов" в археографов широкого профиля, спектр интересов которых охватывал большинство сфер научного знания, существовавшего в средневековой Руси.

В середине 1960-х годов у Рукописного отдела появилась возможность продолжить издание серии "Описание Рукописного отдела БАН СССР". Почти все сотрудники были заняты срочной доработкой подготовленного ранее тома "Исторические сборники XV–XVII вв." (сост.: А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2). О.П. Лихачева и Н.Ю. Бубнов сделали указатели к нему, и книга была сдана в издательство. С ее выпуском было много волнений. Редактируя вновь составленные указатели, А.И. Копанев обнаружил, что в одной из статей, описывающей Сибирь, написано, что в этой "холодной, поросшей лесом стране раньше жили китайцы". Александр Ильич пришел в ужас, так как отношения с КНР в тот момент были напряженными и Китай выдвигал территориальные притязания к нашей стране. Опасаясь, что книга будет изъята из плана, Копанев поспешил в издательство "Наука", где она находилась, и собственно-

inslav

ручно вычеркнул ссылку на соответствующую страницу при слове "Сибирь" в указателе географических названий. После выхода книги в свет сложившийся коллектив продолжил работу. Следующий, третий выпуск "Описания" – "Исторические сборники XVIII–XIX вв." был подготовлен А.И. Копаневым, М.В. Кукушкиной, О.П. Лихачевой и Н.Ю. Бубновым (1971). Впоследствии Ольга Петровна неоднократно высказывалась в пользу необходимости доработки описаний исторической серии, неполных в силу различных причин, и составления дополнительных указателей к ним.

Близко познакомившись с древней рукописной книгой, Ольга Петровна, как и все сотрудники Отдела, "заразилась" любовью к этому вещественному воплощению высокой духовности наших православных предков. Но была еще одна причина, побудившая ее к серьезным занятиям ею. В Рукописный отдел она пришла работать не случайно, считая себя обязанной хоть в чем-то продолжить дело своего великого деда – академика Николая Петровича Лихачева, так много сделавшего для славы России.

Будучи человеком скромным и не очень уверенным в своих силах, Ольга Петровна первоначально вовсе не стремилась стать ученым – филологом. Выбор профессии библиотекаря проистекал из ее любви и уважения к книге и преследовал цель – работать с книгой. В Отделе она стала воплощением порядка, системы, настоящей хозяйкой и знатоком рукописных и книжных фондов. Прекрасно зная нужды читателей, Ольга Петровна стремилась всемерно облегчить их ориентацию в фондах. Этой цели служила система печатных описаний и многочисленных справочных картотек, сложившаяся в Отделе. Об этой системе Ольга Петровна позднее написала статью в Сборник документов, регламентирующих деятельность Отдела рукописной и редкой книги БАН (Л., 1988). Большую ценность имеет и организованная, и постоянно пополнявшаяся ею "Картотека изданий памятников древнерусской письменности", которой пользовались все сотрудники Отдела при подготовке печатных описаний рукописей БАН. В 1958 г. Отдел приобрел коллекцию экслибрисов Е.А. Розенбладта, обработкой которой занималась Ольга Петровна. Итогом этой работы стала первая, написанная ею статья (1966). К Ольге Петровне постоянно обращались за справками члены Общества книголюбов, где она неоднократно выступала с докладами и организовывала выставки книжных знаков.

Несомненно, большое влияние на Ольгу Петровну как человека и молодого ученого оказали старшие коллеги: В.Ф. Покровская, М.Н. Мурзанова, Е.И. Боброва, М.В. Кукушкина и, конечно, заведующий Александр Ильич Копанев. Доброжелательная атмосфера в Отделе, увлеченность сотрудников любимым делом, ежедневное общение с читателями-славистами – все это расширяло кругозор и обогащало новыми знаниями.

С середины 1960-х годов Рукописный отдел смог возобновить регулярные археографические экспедиции в поисках рукописей в районы проживания старообрядцев на севере России. В нескольких экспедициях (в 1966, 1967 и 1969 гг. – в Каргополье и в 1971 г. – во Владимирскую область) Ольга Петровна приняла участие, пополнив фонды Отдела новыми рукописями и книгами. В 1969 г., в заброшенной деревянной Никольской церкви с. Волосово, под Каргополем, ею был найден антиминс на холщевом платке с записью об освящении церкви 1575 г.; из экспедиций в Каргополье ею и М.В. Кукушкиной были привезены уникальные материалы по истории местной общины старообрядцев-скрытников, полученные от бывшего скрытника Максима Залесского.

Важным толчком, пробудившим у Ольги Петровны особый интерес к славянской филологии, к древним славянским текстам и переводам, стало ее участие в еженедельных "средах" в секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома, а также в семинаре профессора Н.А. Мещерского. Тщательно, как прилежная ученица, записывая увлекательные лекции этого выдающегося ученого старой школы, Ольга Петровна оказала неоценимую помощь филологической науке, так как именно ее конспекты послужили впоследствии базой для издания трудов ученого: "Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков" (Л., 1978) и "История русского литературного языка" (Л., 1981). Приглашенная Н.А. Мещерским в аспирантуру ЛГУ, она выбрала темой исследования древнерусскую Повесть о Стефаните и Ихнилате и в 1973 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию. Совместно с Я.С. Лурье она подготовила исследование и изда-

inslav

ние этой повести в серии "Литературные памятники"[1].

Приближающийся юбилей Куликовской битвы (1980) позволил Рукописному отделу реально поставить вопрос о факсимильном издании части Лицевого летописного свода Ивана Грозного, содержащего Повесть о Куликовской битве. В этом издании, вышедшем в свет в 1980 г., и (в полном объеме) в 1984 г., Ольга Петровна выступила в качестве переводчика текста летописи с древнерусского языка и автора примечаний. Редкостное языковое "чутье", обеспечившее успех сделанного ею трудного перевода, было замечено. Вскоре Л.А. Дмитриев привлек Ольгу Петровну к изданию Сказания и повести о Куликовской битве (Л., 1982), где она участвовала не только в переводе большинства текстов, но и в подготовке древнерусского текста к изданию и написании историко-литературного комментария. В дальнейшем Ольга Петровна перевела на современный русский язык еще целый ряд древнерусских текстов, напечатанных в "Памятниках литературы Древней Руси" и других изданиях Пушкинского Дома: Послание на Угру Вассиана Рыло (1982), отрывок летописи о битве на Калке (1983), отрывки из Галицко-Волынской летописи (1983, 1997) и Степенной книги (1985), повесть о Стефаните и Ихнилате (1984), Сказание о княгине Ольге (1985, 1988 и 1992), жития Феодосия Печерского и Антония Печерского (1988 и 1992), жития митрополитов Петра и Алексея (1989 и 1992), Сказание о Евстафии Плакиде (1999). Особенно много труда было вложено ею в подготовку к факсимильному изданию текста лицевой Радзивиловской летописи (М.: Искусство – Глаголъ, 1994).

Важным фактором формирования интересов Ольги Петровны Лихачевой стала инициатива Археографической комиссии по подготовке "Сводного каталога славяно-русских рукописей, хранящихся на территории СССР". В ответ на эту инициативу в Отделе было решено приступить к описанию 195 древнейших пергаменных рукописей, две трети из которых составляют отрывки и фрагменты древних кодексов, собранных во второй половине XIX в. петербургскими филологами-славистами. Эта многолетняя работа, потребовавшая от ее авторов знакомства с десятками исследований работ славистов и глубокого проникновения в проблемы палеографии, языковедения и кодикологии, стала серьезной школой для молодых исследователей. Книга "Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков" / Сост.: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская; Отв. ред. В.Ф. Покровская (Л., 1976) вызвала многочисленные отклики в стране и за рубежом. Эта работа помогла выявлению составных частей многих разрозненных кодексов и явилась своего рода образцовым трудом как для описателей других древлехранилищ, так и для составителей Сводного каталога, с которыми Ольга Петровна продолжала сотрудничество вплоть до своей смерти, уточняя и углубляя свои наблюдения над пергаменными кодексами БАН. Часть этих наблюдений нашла отражение в "Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв." (М., 1984).

В рамках работы над описанием рукописей XV в. для "Сводного каталога", Ольга Петровна в конце 1970-1980-х годов занялась исследованием славяно-русских Прологов. Ею было подготовлено подробное научное описание 7 списков Прологов XV в., хранящихся в БАН. Однако ее попытка по-новому построить типологию и историю текстов этого сложнейшего древнерусского памятника осталась незавершенной. Уже после смерти Ольги Петровны вышел в свет первый выпуск "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии (XIV в.)", где ее перу принадлежит описание еще 26 рукописей БАН. Выходу этой долгожданной книги она бы искренне порадовалась.

Продолжая работы Н.А. Мещерского, Ольга Петровна последовательно занималась исследованием древнерусских богослужебных книг и отдельных литературных сборников, посвятив им ряд статей: "Славяно-русский Апостол" (1976), "Супрасльский сборник 1507 г." (1978), "Служебная псалтырь" (1981), "Древнеславянский Апокалипсис (1987), Библия (1987). Некоторые из своих статей Ольга Петровна написала совместно с сотрудником ИРЛИ А.А. Алексеевым, с которым поддерживала тесную дружбу и делилась научными идеями.

Большую часть жизни Ольга Петровна прожила одна, в маленькой комнате комму-

[1] Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII веков / Подг. О.П. Лихачева, Я.С. Лурье; Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. Л., 1969.

inslav

нальной квартиры, где трудно было разместить даже необходимую ей небольшую научную библиотеку. Поэтому вторым домом был для нее всегда Рукописный отдел БАН, где она держала свои архивы и часто задерживалась после работы. В 1986–1997 гг. Ольга Петровна Лихачева занимала должность заведующего Рукописным сектором Отдела рукописной и редкой книги, который тогда возглавляла Людмила Ильинична Киселева. С заведующим и всеми сотрудниками Отдела у Ольги Петровны были ровные, дружеские отношения, многим она охотно помогала в работе. Она же постоянно осуществляла связь Отдела с сотрудниками, давно ушедшими на пенсию, откликалась на их просьбы, обращалась к ним за нужными справками, принимала на хранение их архивы. Таких бывших сотрудников, как В.А. Петров, В.Ф. Покровская, Е.И. Боброва, А.И. Копанев, Отдел неоднократно привлекал к участию в различных научных проектах, инициируемых БАН.

Благодаря демократическим традициям, заложенным в Отделе, его научная и производственная работа всегда была открытой. Все решения, касающиеся использования фондов, их публикации, реставрации и экспонирования принимались коллегиально, после детального обсуждения на Научно-методическом совете, постоянными членами которого были видные ученые-гуманитарии. Многие годы куратором Рукописного отдела, по назначению Президиума РАН, был академик Д.С. Лихачев, который визировал все наиболее важные вопросы, касающиеся бесценных рукописных фондов. Ольга Петровна Лихачева была неизменным секретарем Совета. Записанные и отредактированные ею протоколы обсуждений животрепещущих вопросов не были формальными – это особый литературный жанр деловой прозы.

Ольга Петровна была неизменным рецензентом статей, помещаемых в Трудах Отдела древнерусской литературы ИРЛИ, с сотрудниками которого поддерживала тесную связь. Ее мнения, оценки ученых-филологов и их исследований были всегда продуманы, точны и доброжелательны. Особенно большая дружба связывала ее со многими провинциальными и зарубежными учеными – славистами, которые ценили ее советы и бескорыстную поддержку. В гостеприимном доме Ольги Петровны и ее мужа А.А. Цехановича постоянно собирались компании друзей. Здесь же часто останавливались приезжавшие в Петербург друзья и коллеги. Обладая привлекательной внешностью, в которой так отчетливо были видны черты ее знаменитого деда, веселым характером и открытым нравом, Ольга Петровна постоянно притягивала к себе внимание. Но она была требовательна к своему окружению, всегда ценила в людях искренность и принципиальность, любила делать добро и бескомпромиссно боролась со злом во всех его проявлениях. Быть в числе ее друзей было почетно.

После опустошительного пожара в БАН в 1988 г. здесь сменилась администрация. Новый, агрессивно-авторитарный стиль руководства, попытки за спиной сотрудников бесконтрольно эксплуатировать книжные сокровища Отдела постоянно нервировали коллектив, создавая конфликтную ситуацию, мешая творческому процессу. Принимая все происходящее близко к сердцу, Ольга Петровна активно участвовала в защите своего "второго дома". Как редкий специалист, она понимала, насколько губительными для уникальных книжных коллекций могут быть непрофессиональные, бесконтрольные действия людей случайных, оказавшихся у власти на короткое время. Но зло оказалось сильнее. Заведующую Отделом, известного медиевиста Л.И. Киселеву вынудили в 1997 г. уволиться из Библиотеки, а талантливый историк и археограф А.А. Амосов и Ольга Петровна были уволены. Вместе со всем Отделом она тяжело переживала трагическую смерть А.А. Амосова в 1998 г. в результате сердечного приступа. Зло в лице бездушных самодуров – чиновников "от науки" не минуло и ее, сократив жизнь, как не минуло оно и ее великого деда, безвременно ушедшего в могилу при виде вандализма и разорения, которому подверглось его любимое дело.

Последние годы жизни (1997–2002) Ольга Петровна работала в Рукописном отделе РНБ, описывала славянские богослужебные книги. Новый коллектив и администрация РНБ относились к ней с уважением, что ее радовало, но душой она была со старым коллективом БАН, с которым постоянно поддерживала связь. В эти годы она особенно много и плодотворно занималась со студентами исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Консерватории, читая лекции по типологии литургических книг славянского средневековья, и с начинающими исследователями рукописных отделов РНБ и Пушкинского Дома.

inslav

Ольга Петровна Лихачева была замечательным человеком. Высокая культура предков – столичных дворян и интеллигентов – соединялась в ней с душевностью и простотой в обращении, способностью к сопереживанию и пониманию проблем окружающих ее людей. Широкий научный кругозор и глубокое проникновение в суть научных проблем часто уживались в ней с излишней скромностью, что мешало ей иногда принять верное решение, уверенно заявить о себе. Высокие нравственные качества не позволяли ей пользоваться дружеским расположением людей влиятельных для решения важных личных проблем. Она часто "сокрушалась", казня себя за непродуманные слова и поступки, за мелкие и крупные неудачи и просчеты. Как глубоко верующая христианка, она прощала своих врагов и недоброжелателей и молила Господа образумить их.

Научная общественность России достойно почтила память ученого. Статья-некролог А.А. Алексеева, посвященная Ольге Петровне Лихачевой, вышла в LIII т. ТОДРЛ (2003), список ее научных трудов – в LIV т. ТОДРЛ (2004). В годовщину смерти, в январе 2004 г., в Санкт-Петербургском Институте истории РАН состоялось научное заседание Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии, посвященное светлой памяти О.П. Лихачевой, его материалы готовятся к печати.

Н.Ю. Бубнов

inslav

ПАМЯТИ М.Ш. ФАЙНШТЕЙНА (1948–2003)

20 сентября 2003 г. в Санкт-Петербурге на 56-м году жизни после длительной болезни закончил свой жизненный путь Михаил Шмильевич Файнштейн (1948–2003) – главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, действительный член Географического общества СССР–Русского географического общества. Погас многосторонне образованный ум, перестало биться редкой нравственной чистоты и благородства сердце.

С 1971 г. он прошел в Архиве РАН в Петербурге трудный путь от рабочего до главного научного сотрудника. М.Ш. Файнштейн был всесторонним исследователем русской истории, науки и культуры XVIII–XX вв. Его всеобъемлющие, неисчерпаемые знания позволяли ему писать на разные исторические, филологические, лексикографические темы. Число его научных трудов превысило 150.

Лексикографические работы Российской академии, материалы о ее президентах Е.Р. Дашковой и А.С. Шишкове стали основой для его диссертационных работ и многочисленных статей. Он возвел княгиню Е.Р. Дашкову и адмирала А.С. Шишкова на пьедестал, сняв с последнего надетую предыдущей историографией маску консерватора и монархиста. С легкой руки Михаила Шмильевича в Москве создан Институт им. Е.Р. Дашковой.

Особый интерес М.Ш. Файнштейна вызывал XVIII в., исторические сокровища которого он, как сотрудник Архива РАН, бережно хранил. Выдающиеся личности этого периода привели его к исследованию забытого аспекта русской культуры, а именно к изучению русской женской литературы. Работы М.Ш. Файнштейна о Екатерине II и Екатерине Дашковой положили начало публикациям по истории творчества женщин-писательниц XVIII и XIX вв. Он сумел дать этому направлению мощный импульс в то время, когда эта тема еще не приобрела большого значения для исследователей. Его увлечение позволило написать книгу о забытой талантливой поэтессе XIX в. Каролине Карловне Павловой, которую издал в ФРГ профессор Института славистики Потсдамского университета профессор Франк Гёпферт, близкий друг и соавтор.

Еще одна тема очень привлекала М.Ш. Файнштейна. Это русские ученые, которые получили свое образование в Гейдельбергском университете (Германия). Материалы о них он публиковал совместно с профессором В. Биркенмайером в серии сборников "Russica Palatina".

Но самым большим увлечением и тайной любовью юности Михаила Шмильевича была Латинская Америка, ее героические личности, аборигены. Первые его научные статьи были посвящены истории и культуре этого континента: исследования о национальном герое Венесуэлы Симоне Боливаре, о выдающейся венесуэльской пианистке мирового класса Терезе Марии Карреньо, о русских путешественниках и

inslav

академических экспедициях в Латинскую Америку. Он мечтал увидеть эти страны, и его желание воплотилось в жизнь – ему удалось посетить Бразилию во время проведения выставки документов Архива РАН в Сан-Пауло.

Энциклопедист в самом полном и лучшем смысле этого слова, несравненный знаток архивных фондов, М.Ш. Файнштейн существовал и трудился не только ради собственных научных штудий, но и для блага других. Серьезные исследователи СПБ ФА РАН всегда пользовались у заведующего Отделом использования М.Ш. Файнштейна радушным приемом. Невозможно перечислить всех русских и зарубежных ученых из разных городов и стран, от студента до академика, кто получал консультации Михаила Шмильевича и остался благодарен ему за помощь. Читатели пользовались его беспримерно богатыми знаниями в разных областях науки, и их подкупала его бескорыстная готовность служить каждому. Он помогал выбрать студенту тему дипломной работы, аспиранту – тему диссертации, разработать исследовательский проект, и, по мере сил, способствовал воплощению планов в жизнь.

Михаил Шмильевич ради своей работы забывал о себе. Он ничем не баловал себя, был противником не только богатства, но и траты денег на личные нужды. В первую очередь он думал о семье, о детях и о своей научной работе, о том, чтобы купить новую книгу, которой ему недоставало. После многих часов работы в Архиве он занимался дома, хотя у него не было отдельного кабинета. Устраивался в любом месте небольшой квартиры: на кухне, на тумбочке у телефона и писал, стараясь ввести в научный оборот новый архивный материал, который был им собран. Несмотря на свою занятость, он всегда помогал семье в быту.

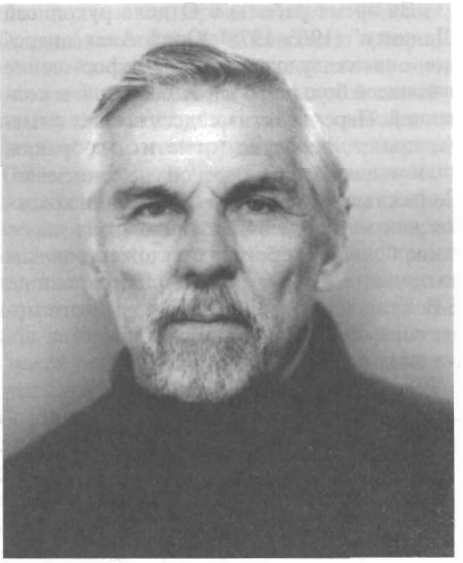
Вся жизнь М.Ш. Файнштейна была подвижничеством во имя науки, но свою судьбу он никогда не передоверял никому, иногда ценой лишений. Он был целеустремленнее, чем другие, и пытался найти свой особый путь в науке. Вся жизнь М.Ш. Файнштейна вызывает безграничное уважение.

Ряд исследований М.Ш. Файнштейна, к сожалению, остался неизданным. Он собрал материал для работы по истории русских женщин-писательниц XVIII в. В печати находится книга П.П. Пекарского "Старый Петербург" с комментариями Михаила Шмильевича. В архиве вдовы Н.А. Веселовой сохранилась рукопись книги об открытии Америки "Впереди – Новый Свет", вторая часть которой содержит историографические сведения об освещении этой темы в российских периодических изданиях XVIII–XIX вв. Слово М.Ш. Файнштейна еще долго не умолкнет.

Да будет ему вечная память, а нам, его друзьям, товарищам, коллегам, необходимо увековечить, хотя бы посмертным сборником статей и воспоминаний, привлекательный образ этого замечательного человека в назидание будущим поколениям академических архивистов.

Сотрудники СПб ФА РАН
Российские и
зарубежные исследователи
Друзья и родные

inslav



ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕВОЛИН (1931–2003)

2 октября 2003 г. оборвалась жизнь выдающегося знатока и замечательного исследователя древнерусского искусства Юрия Александровича Неволина.

Писать некролог о таком человеке, как Юрий Александрович – нелегкий труд, в идеале это мог бы сделать либо человек, близко знавший его с юности, или же представители разных специальностей и разных поколений. На протяжении своей жизни Ю.А. Неволин не раз менял место работы и специальность. Авторы были знакомы с ним чуть более четверти века, поэтому для них неизбежен крен в этот период его жизни и занятий.

Ю.А. Неволин родился 9 марта 1931 г. в Москве. Его отец Александр Фаддеевич был кадровым военным, мать – Александра Николаевна – служащей управления Московско-Казанской железной дороги. Москвич по рождению, Юрий Александрович был связан и с Ленинградом–Петербургом. Там жила его бабушка, к которой мальчика отправили в 1940 г. Там его застало начало войны и он провел в городе несколько тяжелых блокадных месяцев: только в 1942 г. он был вывезен на "Большую землю". Память об этом Ю.А. Неволин сохранил на всю жизнь и отношение к городу на Неве у него было особое. В известном смысле он ощущал Ленинград своей второй родиной, там у него было много друзей и знакомых.

В 1952 г. Ю.А. Неволин, работая в Бюро минералогии при Минералогическом музее АН СССР, поступил на заочное отделение Историко-архивного института. Но там он не проучился и семестра, так как в ноябре того же года был призван в армию. После демобилизации в декабре 1954 г. работал несколько лет по договорам коллектором различных геологических партий Института геологии рудных месторождений АН СССР. С декабря 1956 по декабрь 1961 г. – старший лаборант Института минералогии и геохимии редких элементов АН СССР. В это время он много ездил по стране, побывал и на Кавказе, и в Средней Азии, и на Севере.

В 1960 г. начинается новый период в его биографии. Он поступает на вечернее отделение художественно-графического факультета МГПИ им. В.И. Ленина, который заканчивает в 1965 г. С конца 1961 г. он переходит на работу (преподавателем рисования) в Московское городское педагогическое училище. Диплом Юрий Александрович защитил на кафедре истории искусства по теме "Мастерство Дионисия монументалиста (на примере фресок Ферапонтова монастыря)". Защите предшествовало продолжительное участие в копировании ферапонтовских фресок. В 1965 г. на общеинститутском конкурсе студенческих научных работ исследование Ю.А. Неволина "Древнерусское изобразительное искусство как исторический источник" получило первую премию. С октября того же года он начинает читать на вечернем отделении родного факультета курс лекций по истории древнерусского искусства. И в том же году его приглашает на работу в Отдел рукописей ГБЛ в качестве искусствоведа заведующий Древней группой И.М. Кудрявцев.

inslav

За время работы в Отделе рукописей "Ленинки" (1965–1978) Юрий Александрович описал художественное оформление рукописей большого числа собраний и коллекций. Перечислять их здесь все нет смысла, проще, вероятно, отметить собрания, иллюминацию которых он не описывал. Полностью им описано оформление кодексов как минимум 34 собраний (в их числе такие большие и богатые художественным материалом, как В.Т. Григоровича, Е.Е. Егорова, Иосифо-Волоколамского монастыря, П.Н. Никифорова, Общества истории и древностей российских, Рогожского старообрядческого кладбища, Н.С. Севастьянова, Н.С. Тихонравова). Кроме того, он продолжил либо завершил начатое другими искусствоведами описание художественных особенностей еще не менее 7 фондов (в том числе Московской духовной академии, Музейного собрания, Отдела рукописей, Н.П. Румянцева).

Во второй половине 1960 – начале 1970-х годов Ю.А. Неволин ездил совместно с Н.Б. Тихомировым в археографические экспедиции, организуемые ОР ГБЛ. В 1966 г. их было две – в Куйбышевскую область и в подмосковные Гуслицы, в 1967 г. одна большая – в те же Гуслицы и затем в Горьковскую область, в 1968 г. – в Куйбышевскую и Саратовскую области, в 1969 г. – вновь в Саратовскую. Три года подряд (1970–1972) археографы работали в Калужской области. Результатом этих поездок стали территориальные собрания отдела рукописей ГБЛ – Калужское, Самарское (Куйбышевское) и Саратовское, существенно пополнилось число книг в Гуслицком и Нижегородском (Горьковском) собраниях. Много колоритных деталей об экспедициях этих столь незаурядных людей, которых связывала многолетняя дружба, могли бы поведать полевые дневники, если бы они были опубликованы.

Любимым его детищем (в первоначальном замысле и полном объеме так и не увидевшим света) был "Иллюстрированный каталог иллюминованных рукописей в собраниях ГБЛ". Каталог этот мыслился как заключительный том указателя "Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина", подготовлявшийся сотрудниками ОР ГБЛ в 1970–1980-х годах, и в то же время как самостоятельный и самодостаточный справочник. Принципы систематизации иллюминации и организации справочника были подробно изложены и наглядно продемонстрированы Ю.А. Неволиным в целом ряде докладов в 1970-е годы и в статье «Методика работы над "Иллюстрированным каталогом иллюминованных рукописей в собраниях ГБЛ"» (ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 37. С. 218–244). Глядя на эту работу из дня сегодняшнего, можно с уверенностью сказать, что своею разветвленностью, разработанностью и четкостью терминологии, системой взаимоотсылок и другими поисковыми возможностями этот справочник (карточный в момент его подготовки) был максимально приспособлен для компьютеризации. Причем круг привлекаемых аналогий не ограничивался в нем богатейшими фондами самого ОР ГБЛ, а включал результаты разысканий составителя и иллюстративный материал (тоже обычно отсиятый им самим, либо на его личные средства) и из других хранилищ СССР и даже из зарубежных. Судьба этого каталога поистине трагична. На рубеже 1977 и 1978 г. новое руководство ОР ГБЛ, начав практику изгнания и выдавливания неугодных сотрудников, потребовало от Ю.А. Неволина предоставить в его распоряжение все негативы и слайды, сделанные по рукописям фонда. Были разрезаны десятки (если не сотни) фотопленок (поскольку на них перемежались материалы ГБЛ и других хранилищ, которые исследователь отдавать, разумеется, не собирался) и в результате образовалась куча разрозненных кадров. Со справочником, который мог стать гордостью отечественного искусствознания, но не интересовал руководство Отдела по существу было покончено. Только в самые последние годы жизни Юрий Александрович осуществил свою мечту в миниатюре – подготовил по выработанной ранее методике иллюстрированный каталог рукописного собрания Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева. Но излишне говорить о несоизмеримости масштабов первоначального проекта и осуществленного справочника.

В ходе этой огромной работы, связанной с систематизацией и сопоставлением большого массива изобразительного материала, Юрий Александрович совершил немало подлинных открытий, о которых, к сожалению, почти ничего не написал, ограничившись в лучшем случае устными сообщениями. Исследуя в 1976–1977 гг. "Евангелие Хитрово", он выяснил, что роскошные зооморфные инициалы кодекса выполнены поверх первоначальных значительно более скромных "суставчатых" неовизантийских (ранее подобная особенность была выявле-

inslav

на Г.И. Вздорновым применительно к "Евангелию Федора Кошки") – наглядное свидетельство изменения программы художественного оформления рукописи в процессе ее изготовления, либо вскоре после окончания. Буквально накануне ухода из ОР ГБЛ Ю.А. Неволин установил, что Святцы московской работы первой трети XVI в. из собрания ОИДР ОР ГБЛ. (Ф. 205, № 229) украшены 24 миниатюрами (аллегории месяцев и знаки зодиака), восходящими к бургундскому или северофранцузскому оригиналу конца XV в. В реальности таких примеров было много больше, запомнились, разумеется, лишь самые яркие. Найденным Юрий Александрович щедро делился с коллегами-искусствоведами (круг интересов которых он, естественно, хорошо представлял) и со всеми, кто занимался средневековой рукописной книгой.

В процессе работы над справочником возникла и тема научных занятий, которой Ю.А. Неволин посвятил всю оставшуюся жизнь – творчество анонимного новгородского художника – знатока западноевропейской гравюры, принадлежавшего к окружению архиепископа Макария и переехавшего в середине XVI в. к царскому двору в Москву; в более широкой перспективе речь шла о масштабах, направлениях и формах влияния европейской гравюры конца XV–XVI вв. на иконографию русского искусства XVI столетия. Судьбе было угодно распорядиться так, что большинство созданных им шедевров (большаковский список лицевого жития Николая Чудотворца (Ф. 37, № 15), единственный русский лицевой список Учительного евангелия (Ф. 98, № 80) и чудовской лицевой сборник из собрания Е.Е. Егорова (Ф. 98, № 1844) оказалось сосредоточено в ОР ГБЛ. Памятниками этими историки искусства занимались и раньше (достаточно назвать имена М.В. Алпатова (Владимирова) и А.И. Некрасова), но работа с ними Ю.А. Неволина знаменовала принципиально новый этап их исследования. Он не только установил целый ряд западноевропейских источников произведений этого мастера (в том числе гравюры Альберта Дюрера, Маркантонио Раймонди, Георга Пенца и др.), но и определил принципиально важную особенность его творчества. Новгородско-кремлевский аноним не копировал европейские образцы полностью, а цитировал их. Чтобы увидеть подобные тонкие, не "лобовые" заимствования, нужно было обладать особым художественным чутьем и даром особого видения. Юрию Александровичу они были присущи в полной мере. Собственные занятия живописью в сочетании с особым художественным зрением позволяли ему проникнуть в творческую мастерскую миниатюриста XVI в. настолько, что искусствовед сумел даже реконструировать целый ряд графических источников, недошедших или неразысканных, но бывших под рукой у "кремлевского мастера" (неизвестная гравюра с картины Иорга Брея "Жатва св. Бернарда", утраченный вариант гравюры Ганса Гольбейна Младшего, изображающей королевский корабль "Грейт Гарри" и др.). И когда он клал снимки с миниатюр рядом с их гравированными источниками, словно пелена спадала с глаз и у зрителей. Разыскания, начатые Неволиным первоначально на материале миниатюр, были продолжены им и на иконописи второй половины XVI в. и на фресках Свияжска, где он некоторое время (в 1978–1980 гг.) после ухода из ОР ГБЛ работал в бригаде реставраторов объединения "Росреставрация".

С 1982 г. и до конца своих дней (с небольшим – чуть более года – перерывом в 1986–1987 гг., когда он был внештатным рецензентом в журнале "Юный художник") Ю.А. Неволин работал в Музее древнерусского искусства (с 1987 г. – Центральный музей древнерусской культуры и искусства) им. Андрея Рублева, в 1988–1991 гг. – заведовал близлежащим филиалом "Церковь Сергия в Рогожской слободе", где в то время предполагалось разместить отдел монументального искусства (включающий и копии ферапонтовских фресок Дионисия). Но это была только часть его работы – так сказать, видимая вершина айсберга, зафиксированная трудовой книжкой. В течение многих лет он читал курс истории древнерусского искусства в МГПИ, в Свято-Тихоновском Богословском институте, вел по собственной инициативе семинарские занятия, посвященные древнерусской рукописной книге в самом Музее им. А. Рублева, не говоря уже о многочисленных лекциях "на общественных началах", прочитанных в самых разных регионах, в Москве и за ее пределами. Вообще, Неволин – лектор и педагог, Неволин – пропагандист (определение, к Юрию Александровичу совершенно неподходящее) древнерусского искусства, это совершенно особая тема, несомненно, заслуживающая отдельного рассказа. У него был дар говорить доступно и понятно о вещах сугубо

inslav

специальных и умение вызвать к ним интерес аудитории – качество неоценимое для лектора и преподавателя.

По крайней мере, с начала 1970-х годов Юрий Александрович был прочно "включен" в работу Археографической комиссии по "Сводному каталогу рукописей, хранящихся в СССР". Он регулярно участвовал в многочисленных совещаниях, посвященных выработке принципов описания и издания справочника, разрабатывал методику описания иллюминации и написал в связи с этим одну из самых обстоятельных статей для тома Методических рекомендаций (М., 1973. Вып. 1) – "Описание украшений южнославянских и древнерусских иллюминированных рукописей по XIV в. включительно". Им же загодя – учитывая неспешные темпы работы "смежников" и издания – были подготовлены описания украшений рукописей XI–XIII вв., хранящихся в ГБЛ, и значительная часть для рукописей XIV в. (этим материалам еще предстоит увидеть свет в последующих выпусках Сводного каталога).

В жизни Юрий Александрович был очень яркой, заметной фигурой, не прилагая для этого никаких видимых усилий. Он обладал (вплоть до самых последних лет) эффектной внешностью, заведомо привлекавшей к себе внимание (поистине "красавец мужчина", если бы этот эпитет не был так затерт и опошлен) и располагал к себе естественно простой и дружелюбной манерой общения. И после кончины этого нечиновного, без степеней, должностей и званий, человека, сразу возникло ощущение зияющей пустоты, которое появляется всегда, когда от нас уходит подлинная личность – независимо от профессии и рода занятий.

Л.А. Алехина, А.А. Турилов

inslav

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи
АЕ	–	"Археографический ежегодник"
АД	–	"Архивное дело"
АК	–	Археографическая комиссия
АСЭИ	–	"Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в."
АФЗХ	–	"Акты феодального землевладения и хозяйства XIV – XVI веков"
БАН	–	Библиотека АН СССР (РАН)
БСЭ	–	"Большая советская энциклопедия"
ВА	–	"Вестник архивиста"
ВАН СССР	–	"Вестник АН СССР"
ВАРНИТСО	–	Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ВГУ	–	Воронежский государственный университет
ВИ	–	"Вопросы истории"
ВИД	–	"Вспомогательные исторические дисциплины"
ВИ КПСС	–	"Вопросы истории КПСС"
ВМ	–	"Вечерняя Москва"
ВООПИК	–	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВХК	–	"Вотчинные хозяйственные книги XVI в. ..."
ГАВО	–	Государственный архив Вологодской области
ГАКО	–	Государственный архив Костромской области
ГАТО	–	Государственный архив Тверской области
ГВНП	–	"Грамоты Великого Новгорода и Пскова"
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ГКЭ	–	Грамоты Коллегии экономии
ГЛМ	–	Государственный литературный музей
ГМЗ	–	Государственный музей-заповедник
ГМИИ	–	Государственный музей изобразительных искусств
ДАИ	–	"Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею"
ЕГАФ	–	Единый государственный архивный фонд
ЖМНП	–	"Журнал Министерства народного просвещения"
ЗОР ГБЛ	–	"Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.Л. Ленина"
ИА	–	"Исторический архив"
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИАИ РГГУ	–	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИВ	–	"Исторический вестник"
ИВИ РАН	–	Институт всеобщей истории РАН
ИЗ	–	"Исторические записки"
ИИЕТ	–	Институт истории естествознания и техники РАН
ИИФиФ СО АН	–	Институт истории, филологии и философии СО АН
ИМЛИ	–	Институт мировой литературы
ИПО	–	Ивановская промышленная область
ИРИ РАН	–	Институт российской истории РАН
ИРЛИ	–	Институт русской литературы АН СССР
ИСССР	–	"История СССР"
КО	–	"Книжное обозрение"
ЛГ	–	"Литературная газета"
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛЗ	–	"Ленинское Знамя" (Москва)
ЛЗАК	–	"Летопись занятий Археографической комиссии"

inslav

ЛОААН	–	Ленинградское отделение Архива АН СССР
ЛОИИ	–	Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ЛН	–	"Литературное наследство"
ЛО	–	"Литературное обозрение"
МГАМИД	–	Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	–	Московский государственный историко-архивный институт
МГПИ	–	Московский государственный педагогический институт им В.И. Ленина
МГУ	–	Московский государственный университет
МДА	–	Московская Духовная академия
МПГУ	–	Московский педагогический государственный университет
ОА	–	"Отечественные архивы"
ОГПУ	–	Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
ОИ	–	"Отечественная история"
ОИДР	–	Общество истории и древностей российских
ОИФН	–	Отделение исторических и философских наук РАН
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	–	Отдел рукописной и редкой книги БАН
ОР ГБЛ	–	Отдел рукописей ГБЛ
ОР ГИМ	–	Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РГБ	–	Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	–	Отдел рукописей РНБ
ПИ	–	"Проблемы источниковедения"
ПСЗ	–	"Полное собрание законов Российской империи"
РАН	–	Российская академия наук
РАО	–	Российская академия образования
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов
РГАКФД	–	Российский государственный архив кино- фотодокументов
РГАЛИ	–	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	–	Российский государственный архив экономики
РГБ	–	Российская государственная библиотека
РГГУ	–	Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	–	Российский государственный исторический архив
РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд
РИБ	–	Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РИО	–	Русское историческое общество
РНБ	–	Российская национальная библиотека
Росархив	–	Государственная архивная служба Российской Федерации
РТ	–	"Радио и телевидение"
СА	–	"Советские архивы"
СГГД	–	"Собрание государственных грамот и договоров"
СО АН СССР	–	Сибирское отделение АН СССР
СПб ИИ РАН	–	Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПб ФА РАН	–	Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПб ФИВ РАН	–	Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
ТМГИАИ	–	"Труды МГИАИ"
ТОДРЛ	–	"Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ"
ЦГАДА	–	Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	–	Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦА ФСБ РФ	–	Центральный архив ФСБ РФ
ЦГАОР	–	Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЦГЛА	–	Центральный государственный литературный архив
ЦЧО	–	Центрально-черноземная область
ЧОИДР	–	"Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете"

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

В.Ю. Афиани. Архиву Российской академии наук – 275 лет 3

А.Г. Голиков. Кафедре источниковедения отечественной истории истфака МГУ – 50 лет 12

Д.В. Табачник (Киев), *Г.В. Боряк* (Киев). Государственная наградная система Украины в XX в. в контексте становления украинской национальной фалеристики и формирования ее источниковой базы 19

С.О. Шмидт. Вступительное слово на заседании Археографической комиссии РАН 3 апреля 2003 г., посвященном памяти С.Ф. Платонова 37

М.С. Черкасова (Вологда). К характеристике монастырских архивов России XVI–XVII вв. 40

* * *

Л.И. Киселева (Санкт-Петербург). Записи на рукописных и редких печатных книгах как исторический источник и их использование в базе данных 57

В.А. Есипова (Томск). Бумага сибирских делопроизводственных документов XVIII в.: материалы для датировки 64

Е.В. Уханова. Компьютерные базы данных ОР ГИМ: принципы создания и перспективы развития 79

А.А. Литвин. Выставочная деятельность Государственного архива Российской Федерации (1992–2003) 97

Б.Н. Морозов. Новый документ об Александровской слободе при Иване Грозном (Была ли городом царская резиденция?) 110

В.А. Шаров. Опричнина Ивана Грозного: что это такое? (Лекция, прочитанная в Гарвардском университете в 1989 г.) 116

Г.В. Калашников (Санкт-Петербург). Заметки об образовании будущего императора Петра III 131

А.В. Топычканов. К истории раннего бытования слова "источниковедение" в России 149

Д.Н. Шилов (Санкт-Петербург). "Русский некрополь" великого князя Николая Михайловича: история научного предприятия. Часть вторая. Описание провинциальных погребений 154

Тихомировские чтения 2003 года
"Роль Санкт-Петербурга в развитии археографической деятельности в России"

Р.Ш. Ганелин (Санкт-Петербург). Наблюдения историка-источниковеда 195

В.Г. Чернуха (Санкт-Петербург). Создание Ленинградского отделения Археографической комиссии во главе с С.Н. Валком 199

Т.Г. Иванова (Санкт-Петербург). К истории изъятий архивных материалов из Рукописного отдела Пушкинского Дома в 1930-е годы 202

inslav

II. Обзоры, описания, библиография

А.И. Плигузов, В.Н. Козляков (Рязань). Коллекция рукописных столбцов и другие русские материалы в Юридическом отделе Библиотеки Конгресса США 209

Б.Н. Казанцев, Б.Б. Лебедев. Обзор архивных документов центральных органов власти, наркоматов и профсоюзов о несвоевременной выплате заработной платы рабочим и служащим СССР в 1930–1940-е годы 219

В.С. Баевский (Смоленск). Леонид Семенов: Проблемы изучения и публикации литературного наследия 235

А.К. Афанасьев. Они спасли Россию от забвения (По материалам выставки в Государственном Историческом музее) 251

В.В. Крылов. А.Б. Каменев во главе академических институтов литературы (Обзор архивных документов) 272

Т.А. Круглова. Личный архив академика И.Д. Ковальченко (К 80-летию со дня рождения ученого) 278

М.А. Полякова. Архив Л.В. Ивановой (К 75-летию со дня рождения) 295

Ю.В. Андрюшайтите. Филиграноведение на страницах "Археографического ежегодника" (1957–2000) 299

А.А. Иванов (Йошкар-Ола). Документальные публикации в "Марийском археографическом вестнике" (1991–2003) 315

В.В. Леонидов. Сборник памяти Д.А. Ровинского и В.Я. Адарюкова 322

Список печатных трудов Н.Н. Митрофанова (К 70-летию со дня рождения) 326

III. Публикации

Материалы для реконструкции книжных собраний двух центров письменности Псковской земли XVI века (подг. *Е.Б. Французова*) 336

Записка о развитии металлургической промышленности в России (1660-е годы) (подг. *И.Л. Манькова*, Екатеринбург) 343

Проекты В.В. Крестинина о школьном образовании в России (подг. *А.Е. Чекунова*) 350

Новые материалы к научной биографии И.Л. Маяковского (К 125-летию со дня рождения) (подг. и предисл. *М.Д. Эльзона*, Санкт-Петербург, *Т.И. Хорхординой*) 364

IV. Хроника

Деятельность Археографической комиссии в 2003 году 383

Новые издания Археографической комиссии 384

Презентация Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в. 384

В.Ю. Афиани, Т.Г. Краснова. Научное заседание, посвященное 275-летию Архива РАН 385

А.П. Балаченкова (Санкт-Петербург). Международная конференция "Санкт-Петербург – столица Российской бумаги" 393

А.И. Раздорский (Санкт-Петербург). Международный научно-практический семинар "Проблемы создания региональных энциклопедий" (Санкт-Петербург, 14–16 октября 2003 г.) 396

А.Е. Виденеева (Ростов). "История и культура Ростовской земли" (XV научная конференция в Ростове) 400

Н.Ю. Бубнов (Санкт-Петербург). Ольга Петровна Лихачева (1937–2003) 402

Памяти М.Ш. Файнштейна (1948–2003) 407

Л.А. Алехина, А.А. Турилов. Юрий Александрович Неволин (1931–2003) 409

Список сокращений 413

inslav

Научное издание

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 2003 ГОД

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова*

inslav

Подписано к печати 22.12.2004
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 34,45. Усл.кр.-отт. 34,45. Уч.-изд.л. 36,0
Тираж 610 экз. Тип. зак. 3832

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

inslav

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА" ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Ad fontem / У источника: Сборник статей в честь Сергея Михайловича Каштанова / Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2005. – ISNB 5-02-010292-X (в пер.).

Сборник посвящен выдающемуся отечественному историку, источниковеду, дипломатисту и археографу члену-корреспонденту РАН С.М. Каштанову. Издание включает в себя труды, посвященные проблемам источниковедения русской и мировой истории в связи с изучением разных аспектов истории России и зарубежных стран преимущественно эпохи средневековья и раннего нового времени. Первая часть сборника содержит материалы историко-биографического характера, посвященные жизни и творчеству С.М. Каштанова, а также не публиковавшиеся прежде архивные материалы, связанные с историей исторической науки. Во второй части сборника – статьи учеников, друзей и коллег С.М. Каштанова, исследущие ключевые проблемы социально-экономической, политической и культурной истории России и Европы в средние века и раннее новое время. В третьей части издания – небольшая подборка стихов С.М. Каштанова.

Для историков, источниковедов, специалистов в области вспомогательных исторических дисциплин.

inslav

Богословский М.М.

Петр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. / М.М. Богословский; Археографическая комиссия; Архив РАН. – М.: Наука, 2005. – ISBN 5-02-008815-3.

Т. I: Детство. Юность. Азовские походы: 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С.О. Шмидт; Подгот. текста А.В. Мельникова. – 30 л. – ISBN 5-02-008816-1 (в пер.)

Фундаментальный труд академика М.М. Богословского (1867–1929) представляет собой самое полное исследование биографического типа о Петре Великом, которое восстанавливает его жизнь "день за днем". В книге множество сведений о Москве и ее повседневном быте в XVII в., подробностей государственно-политической жизни. Даны яркие характеристики знаменитых в ту пору исторических лиц. Книга основана на изучении многообразных архивных и печатных материалов на нескольких языках. В 1940–1946 гг. она была издана со значительной конъюнктурной правкой.

Для историков, филологов, краеведов и широкого круга читателей.

inslav

Государственность России: Словарь-справочник / Всерос. науч.-исслед. ин-т документовед. и архив. дела. – М.: Наука, 1996. – ISBN 5-02-008744-0.

Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: Конец XV в. – февраль 1917 г.: В 2 кн. 2005. – 75 л.

Справочник включает статьи, содержащие сведения о существовавших в России должностях, чинах, званиях, титулах и церковных санах, истории их появления, функциях, правах и обязанностях лиц, которым эти должности и т.д. были присвоены, об условиях преобразования или ликвидации указанных должностей и других объектов описания с момента образования русского централизованного государства до Февральской революции 1917 г. Издание не имеет аналогов в мировой практике.

Для историков – научных работников, преподавателей, аспирантов и широкого круга читателей.

inslav

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазипы "Академкнига" с указанием "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433)
50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
val@igc.irk.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru;
akadkniga@nm.ru; http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой");
(код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

inslav

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g 23.relcom.ru
akadkniga@voxnet.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

inslav

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ISBN 5-02-010299-7 (в пер.)

9 785020 102996

ISBN 5-02-010299-7

9 785020 102996

inslav

N432

inslav

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2003

inslav